

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. В. ШАПОШНИК

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ
В 30-80-е ГОДЫ XVI ВЕКА

2-е изд., испр.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Ю. В. Кривошеев

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2006

ББК 63.3(2)44

Ш24

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. *В. В. Колесов* (С.-Петербург. гос. ун-т),
канд. ист. наук *А. И. Алексеев* (РНБ)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Шапошник В. В.

Ш24 Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. -- 2-е изд., испр. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 569 с.
ISBN 5-288-03915-1

В книге, посвященной истории церковно-государственных отношений в России в период правления Ивана Грозного, рассматриваются проблемы, связанные с участием видных церковных деятелей в событиях политической истории и отношениями государства и Церкви в экономической сфере. Много внимания уделено идеологическому влиянию различных представителей духовенства на общество.

Для преподавателей, научных работников, студентов, а также всех интересующихся русской историей.

ББК 63.3(2)44

© В. В. Шапошник, 2006

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2006

ISBN 5-288-03915-1

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха Ивана Грозного — время становления и внутреннего структурирования Русского государства. К 1533 г. все русские земли, кроме входивших в состав Великого княжества Литовского, оказались под властью Московских великих князей. Процесс собирания земель, продолжавшийся столетия, завершился при отце первого русского венчанного царя Василии III. Последние пятьдесят лет процесс объединения земель вокруг Москвы шел лавинообразно. Княжества и республики — кто мирным путем, а кто сопротивляясь, оказывались лишены своей прежней независимости. И к моменту смерти Василия III там, где еще полстолетия назад существовал конгломерат земель, появилось Русское государство.

Все завершилось очень быстро — за время жизни одного поколения. Возможно, что достаточно большая часть жителей России первое время не осознавала всей масштабности произошедшего, да и до того ли было — только что закончилась седьмая тысяча лет от сотворения мира и в любой момент ожидали конца света¹. Однако мировая катастрофа все более отодвигалась на неопределенное будущее, и необходимо было приспособиться к существующему (вновь возникшему) положению вещей, преобразовывать территории, оказавшиеся под властью московских правителей, во что-то новое. Вопрос стоял так: что строить, к чему стремиться, что взять за образец? В силу целого ряда обстоятельств единственным образом, который мог восприниматься большинством населения страны, оказалось Библейское царство, царство первых угодных Богу царей. В XVI в. предпринимается попытка реально достичь этого образца, попытка, которая, казалось бы, вот-вот приведет к решению поставленной задачи. Образуется Русское Православное Царство, страна, в которой жизнь каждого, начиная от царя и заканчивая последним холопом, подчинена одной цели — быть достойным великой миссии, выпавшей на долю России, — завершить ход мировой истории, быть постоянно готовым к тому, чтобы в любой

момент предстать перед Господом и отчитаться за себя и за своих близких. Такое движение к идеалу Д. С. Лихачев назвал «мифом»², но достижение идеального состояния, движение к нему было реальностью того времени.

Едва ли можно подвергать сомнению то, что такое понимание создаваемого государства было достаточно широко распространено именно среди наиболее образованной части русского духовенства. Именно в этой среде появляются учения, которые сосредоточены на историческом предназначении Русского государства — как последнего царства перед вторым пришествием³. При общей средневековой склонности идентифицировать государство с личностью государя появляются сочинения (исходящие в основном из церковных кругов), изображающие идеального правителя, рассказывающие о том, что он должен делать и каким должен быть. В свете вышесказанного очевидной представляется огромная роль русского духовенства в идеологическом обосновании строительства государства. Эта роль могла, видимо, меняться в зависимости от различных обстоятельств, но в целом она остается очень значительной.

Кроме идеологического влияния на строительство государства духовенство, безусловно, участвовало и во многих политических событиях времени правления Ивана Грозного. В первую очередь это касается высшей церковной иерархии, главным образом митрополитов Московских и всея Руси. Не менее очевидным является тот факт, что и государство влияло на Церковь, причем зачастую это воздействие было даже определяющим. Иначе и быть не могло — русские правители, в том числе и Иван Грозный, осознавали себя защитниками и хранителями Православия, стремились все свои действия соотносить с собственным пониманием христианства и роли государства для христианского народа. Отсюда следует, что церковно-государственные отношения в средневековой России — один из важнейших аспектов политической, социальной и культурной истории нашей страны. Их изучение в эпоху Ивана Грозного и является основной задачей нашей работы.

Исследование не могло бы быть закончено без поддержки и дружеских замечаний учителей и коллег. Всем им мы хотели бы выразить глубочайшую благодарность. Особое чувство признательности я испытываю к своему старшему товарищу и научному руководителю Юрию Владимировичу Кривошееву, помощь и участие которого на всех этапах работы были неоценимы.

---

¹ См.: *Алексеев А. И.* 1) Заметки о пересмотре эсхатологической концепции на Руси в конце XV века // Средневековое Православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1997; 2) Установление «общей памяти» при митрополите Макарии. Исторический экскурс: церковное поминовение умерших «напрасною» смертью // Макариевские чтения. Вып. 6. Можайск, 1998; 3) Церковь и государство на Руси в XV — начале XVI в. (ранний этап иосифлянства и нестяжательства): Автореф. канд. дис. СПб., 1998; 4) Эсхатологический фактор в истории России и Западной Европы (к вопросу о типологических параллелях) // Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.). СПб., 1999; 5) Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002.

² *Литачев Д. С.* Литература «государственного устройства» (середина XVI века) // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 5.

³ *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1904. См. также новейшее исследование: *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ

Изучение любой исторической проблемы начинается, как правило, с рассмотрения работ предшественников. В нашем же случае мы столкнулись с тем, что специальных монографических исследований, посвященных анализу церковно-государственных отношений в России в период правления Ивана Грозного, нет. Но имеется огромное количество трудов, в которых изучаются различные аспекты этих отношений. Большое количество работ посвящено, например, деятельности митрополита Макария, Стоглавому собору, осуждению митрополита Филиппа Колычева, роли Сильвестра в правительстве «Избранной рады», разгрому Новгорода и другим важнейшим событиям. Пристальное внимание историков привлекали отношения государства и Церкви в сфере экономических отношений, иммунитетная политика правительства, попытки ограничить рост церковного землевладения. К историографии этих конкретных вопросов мы будем обращаться постоянно. Однако изученность отдельных проблем не дает полного представления об общем характере отношений государства и Церкви в это время.

Такая историографическая ситуация объясняется, видимо, тем, что на исследователей влияли внешние условия. Например, историки духовного звания были несколько ограничены в своих оценках событий, участниками которых являлись известные церковные деятели: возможно, они не могли высказывать взгляды, расходящиеся с официальной позицией Церкви по данному вопросу. Светские же ученые, выйдя из под влияния религиозных идей, зачастую попадают под влияние различных схем, претендующих на всеохватное объяснение исторического процесса.

В нашей стране долгое время господствующим являлось пристальное внимание к экономической проблематике и классовой борьбе. Это во многом и определяло направление исторических ис-

следований и привело к тому, что некоторые вопросы оказались вне контекста исследований, а если и обсуждались, то со значительной долей упрощения. Все же отметим, что повышенный интерес к экономическим проблемам возник еще в дореволюционное время, а впоследствии стал лишь общепринятым.

Такого рода подход с особой силой отражался на изучении церковно-государственных отношений. «Либеральные» и «революционные» историки часто стремились обвинить именно самодержавную власть во всех бедах страны. Критике подвергались и церковные деятели, которые идеологически обосновывали необходимость сильной власти (больше всех пострадали Иосиф Волоцкий и его последователи). Определенное влияние в некоторые периоды времени оказывало и стремление сблизить историю России с историей Западной Европы, доказать схожесть (если не тождественность) процессов, происходивших на Западе и у нас. В этой связи неудивительно повышенное и сочувственное внимание к еретическим движениям, которые объявляются «реформационными», и стремление сблизить секуляризацию в Европе с ограничением роста монастырских владений в России.

* * *

После этих предварительных замечаний обратимся к трудам исследователей. Макарий (Булгаков) обратил внимание на то значение, которое имело для нашей страны принятие Византией Флорентийской унии и падение Константинополя, что привело к автокефалии русского духовенства. Независимость от патриарха имела следствием усиление влияния великого князя на все церковные дела. С этого времени избрание митрополита и суд над ним перешли в руки светского правителя страны. Первоиерарх Церкви находился в зависимости от государя как его подданный и зависел от него во всем управлении Церковью: «Все важнейшие распоряжения свои он делал не иначе, как с его ведома и соизволения, иногда даже . . . по его повелению; часто употреблял свою духовную власть для целей гражданских, для блага отечества, но не по своему только желанию и усмотрению, как случалось и прежде, а по указанию или приказанию государя». Мало того, и власть Соборов была ограничена властью государей, а временами великие князья и цари даже не собирали Освященный собор, чтобы удалить неугодного им свя-

тителя¹. Необходимо отметить, что Макарий (Булгаков) описывает весь период от первого автокефального митрополита Ионы до установления патриаршества, а не только время правления Ивана Грозного.

Е. Е. Голубинский довел свое исследование лишь до времени смерти митрополита Макария — до 1563 г. Он замечает, что, начиная с Ивана III, великие князья заявляют свои царские права по отношению к митрополиту. Избрания на Соборах были более видимыми, чем действительными, они являлись формальным подтверждением воли правителя. Еще до Грозного государь мог согнать неугодного первосвятителя и сослать его в заточение, что и произошло с митрополитом Варлаамом².

Н. Ф. Каптерев описал отношения между государством и Церковью, характерные для всей эпохи Московского царства. По его мнению, митрополит был совершенно бессилён и бесправен перед выросшей и окрепшей властью великого князя, который избирал, ставил и сводил с престола митрополитов по своему желанию и усмотрению. Не только предстоятель Церкви, но и епархиальные архиереи ставились лишь по желанию правителя. Без воли великого князя или царя не мог состояться ни один Церковный собор, и ни одно решение не могло стать законом без одобрения светской властью. Вообще, «со времени образования у нас сильного Московского царства наши государи всегда и всецело держат церковную власть в своем полном подчинении и распоряжении ... Такой порядок дел всеми признавался тогда правым, законным и нормальным, вполне сросся с нашей жизнью, с представлением о царе и его отношении к Церкви, так что иного отношения между Церковью и государством у нас и не представляли»³.

Сходное мнение и у А. В. Карташева. По его словам, еще до Грозного положение митрополитов настолько пало, что появилась возможность удалять их из кафедры по воле светского правительства. К концу же правления первого русского царя авторитет первосвятителей был принижен до небывалой еще степени. Иерархия продолжала служить укреплению и возвышению великокняжеского, а затем и царского авторитета, но вместе с тем становилась все более зависимой от государства. Именно представители Церкви идейно «воспитали» власть Ивана IV и внушили ему мысль «о папских правах в делах Церкви, что, в случае ... столкновения

носителей высшей церковной власти с государями, первые не были гарантированы от катастроф самых неожиданных»⁴.

По словам Г. П. Федотова, конфликт между Церковью и государством назревал в Москве задолго до Грозного. С ростом власти великого князя уменьшалась власть митрополитов. Достигнув с помощью Церкви своей цели, светские правители стали тяготиться ее «патриархальной опекой». Свержение с первосвятительского престола Варлаама создало прецедент, и подобные меры стали применять с «чрезвычайной легкостью». Иван IV, замыслив расправу с боярством, решил «сбросить с себя религиозно-моральную узду Церкви», которая была единственной силой, способной ограничить власть царя. Именно для этого и понадобилась «комедия с отречением от царства». Вообще же, Грозный лишь «сообщил трагическую остроту не им впервые созданному противоречию» между Церковью и государством⁵.

С. Б. Веселовский так же, как и его предшественники, отмечал усиление влияния светской власти на церковные дела, начиная со времени Ивана III. Московские государи стали по собственному желанию, иногда даже без участия Освященного собора, назначать на пост митрополита угодных им людей и смещать неугодных. «Путем почестей и всяческими материальными благами, но отнюдь не земельными пожалованиями, московские государи привлекали на свою сторону податливых и угодных им митрополитов, смещали неподатливых и неугодных, пользовались авторитетом у населения высокого сана митрополита для укрепления своей власти и в общем пизводили митрополичью кафедру, а вместе с тем и всю православную церковь, на положение одного из органов государственного управления». Стремление государственной власти полностью подчинить себе Церковь вызывало определенное недовольство духовенства, так как митрополитам «было трудно отказаться сразу от старых традиций независимости». В связи с этим в истории Церкви «начался длительный период борьбы светской и церковной властей, принимавший временами характер острых и тяжелых столкновений»⁶.

С. Б. Веселовский обратил внимание на следующий факт, часто ускользавший от внимания исследователей: духовенство состояло из двух категорий, интересы которых во многом не совпадали. Иерархи были заняты управлением Церковью, получали большие доходы и мало интересовались землей и сельским хозяйством. Чер-

ное же духовенство было заинтересовано в увеличении земельных богатств монастырей. Правительство использовало эту ситуацию в своих целях и играло на противоречиях между различными группами церковников. По мнению историка, Грозный различно относился к архиереям и монастырским властям. С владыками у него случались «очень острые столкновения», в то время как отношение «к многотысячной, безликой и более податливой монашествующей братии было неизменно благосклонным»⁷.

П. А. Садилов писал об отношениях церковной и светской властей во второй период правления царя Ивана. Историк отметил, что «представители духовных феодалов» не выработали, в отличие от боярства, единства действий, не координировали своих сил. Запуганные репрессиями, которыми подвергались представители духовенства в некоторых случаях, архиереи покорно исполняли волю Грозного, позволяя ему самые грубые нарушения церковных догм в вопросе о браке. Резко отрицательно к действиям царя относилось новгородское духовенство, еще не изжившее воспоминаний о недавней самостоятельности Великого Новгорода. В то же время «крупные духовные феодалы» центра и севера Московского государства относились к опричнине более чем снисходительно. Окончательный вывод ученого: «Церковь, не затронутая сильно опричной ломкой, шла по старой “осифлянской” традиции, поддерживая самодержавие . . . великих князей взамен исходивших от них милостей»⁸.

М. Н. Тихомиров отметил, что расправы Грозного с отдельными представителями иерархии являлись лишь повторением более ранних расправ боярства с Даниилом и Иоасафом. В основном же мероприятия царя по борьбе с князьями и боярами были поддержаны «крупнейшими феодалами страны — церковными, что и обеспечило самодержавию его быструю победу над боярством». Подтверждает этот факт, по мнению исследователя, резкое увеличение монастырских владений. Именно монастыри были главными союзниками царя, без их поддержки он не смог бы так властно и бесцеремонно обращаться с князьями и боярами. «Путем одной феодальной силы Грозный справился с другой: опираясь на церковных феодалов, он разгромил светских»⁹.

Для ранних работ А. А. Зимина характерно повышенное внимание к противоборству двух церковных группировок: «иосифлян» и «нестяжателей». «Нестяжатели» отражали интересы боярства и резко выступали против политики царя, «иосифляне» же в основ-

ном поддерживали централизаторскую политику Грозного, но оставались противниками всяких попыток ограничения монастырских земельных богатств. Резко враждебно к царю было новгородско-псковское духовенство¹⁰.

Более подробно вопрос об отношениях Церкви и государства при Иване Грозном А. А. Зимин рассмотрел в своих исследованиях, посвященных политической истории России XVI в. Борьба с духовенством была, по мнению историка, необходимой, так как Церковь представляла собой один из наиболее стойких рудиментов феодальной раздробленности, без трансформации которого не могло быть и речи о полном государственном единстве. Союз с церковными властями сохранялся на Руси лишь до тех пор, пока он был необходим московским князьям в их борьбе за установление единодержавия. Как только эта задача была выполнена, союз дал трещину, а затем и распался. Это вызвано тем, что практика и теория монастырей-вотчинников и архиереев (землевладение и взгляды о превосходстве духовной власти над светской) вступили в противоречие с практикой и теорией русского самодержавия. Все правление Грозного заполнено борьбой, направленной на полное подчинение церковного аппарата светской власти. Формы этой борьбы менялись, но суть оставалась одна. В годы правления «Избранной рады» был нанесен сильный удар по экономическим основам могущества Церкви — иммунитетным привилегиям, но рост классовой борьбы и реформационных учений не позволил довести дело до конца. В годы опричнины основной задачей было подчинение руководителей Русской церкви — митрополитов. С этой целью правительство идет на уступки монастырям: отменяет подсудность черного духовенства епископам по светским делам и восстанавливает тарханы. Когда высшее духовенство было сломлено, Грозный начинает наступление (70-е годы) на привилегии обителей. В результате действий царя «сильный удар был нанесен . . . по феодальной обособленности Русской церкви, окончательное включение которой в централизованный аппарат власти . . . было делом времени»¹¹.

Не все положения А. А. Зимины были безоговорочно приняты другими исследователями. Так, С. М. Каптанов обратил внимание на компромиссный характер деятельности Избранной рады: явное лавирование между иерархами и черным духовенством. Впрочем, это было маневром, направленным на то, чтобы облегчить общее наступление государства на податные и таможенные привилегии

духовного сословия в целом. Не согласен историк и с тем, что борьба с митрополичьей кафедрой была одной из основных задач опричнины. Этому противоречат факт выдачи ряда щедрых грамот митрополиту Афанасию и их подтверждение митрополиту Кириллу. Грозный, по мнению С. М. Каштанова, боролся прежде всего с уделом Владимира Старицкого и в этой борьбе стремился привлечь на свою сторону и митрополита, и епископов, и монастыри. Но иерархи сопротивлялись опричной политике, что и привело царя к необходимости бороться с митрополитами. Позиция высшего духовенства определялась тем, что Церкви было невыгодно уничтожение последнего крупного удела, так как при нескольких светских властителях она являлась единственной общерусской силой, арбитром со всеми преимуществами такого положения. Покровительство правительства монастырям в годы опричнины объясняется, с одной стороны, ухудшением отношений царя с высшим духовенством, а с другой — экономическим кризисом, который создал условия, в которых правительство вынуждено было идти на серьезные уступки монастырям как наиболее устойчивым и жизнеспособным хозяйственным организациям¹².

Взгляды А. А. Зимина подверг критике и Р. Г. Скрынников. Он пришел к выводу, что на протяжении всего XVI в. Церковь неизменно оставалась важнейшей опорой монархии. Столкновения между светской властью и духовенством каждый раз вызваны частными причинами, а не вытекают из природы самих учреждений. Конфликты — это кратковременные эпизоды, служившие отзвуком и выражением глубокого раскола, произошедшего в среде правящего боярства, с которым руководство Церкви было связано множеством нитей. Опричнина, по мнению Р. Г. Скрынникова, не была направлена против Церкви, наоборот, царь в своем столкновении с боярами нуждался в поддержке духовенства. Этим и объясняются восстановление тарханов и отказ от секуляризации. Именно Церковь помогла светской власти объединить страну. Церковные писатели участвовали в разработке идеологии самодержавия. Именно они обосновали тезис о божественном происхождении царской власти. Достижение полного государственного единства не требовало разгрома Церкви. Политическое влияние духовенства опиралось, по словам историка, на громадные земельные богатства, а они не были затронуты опричниной. Однако далее в рассуждениях Р. Г. Скрынникова имеется определенное противоречие: признавая ослабление

политического влияния Церкви и то, что в результате репрессий она «надолго лишилась той власти и влияния, которым она пользовалась до опричнины», исследователь попадает в заколдованный круг¹³. В самом деле, если политическое влияние духовенства опиралось на земельные богатства, а политика Грозного их не затронула, то никакого уменьшения влияния Церкви быть не может. Или ее влияние основано на чем-то другом.

Взгляды А. А. Зимина нашли свое отражение в сборниках статей, опубликованных в 1967 и 1989 гг. По мнению авторов, Русская церковь руководствовалась своими практическими интересами, направленными к увеличению своих богатств и усилению своего влияния. Именно этим и определялось отношение духовенства к централизации Русского государства. Государство же, учитывая сложность внутривластической обстановки, нуждалось в союзе с Церковью для борьбы с феодальной знатью и вынуждено было пойти на определенные уступки при сохранении, однако, своего главенствующего положения. Церковь всеми средствами, вплоть до прямого насилия, охраняла и укрепляла феодально-крепостнический строй. В годы боярского правления митрополит Макарий осознал, что интересы Церкви требуют укрепления государства, расшатанного борьбой боярских группировок за власть. Но это вело к тому, что усилившаяся государственная власть со временем попытается подчинить себе Церковь. В период опричнины Грозный стремился полностью подчинить себе духовенство (Церковь была пережитком феодальной раздробленности), в первую очередь высшую иерархию, и с этой целью опирался на монастыри-вотчинники¹⁴.

С. О. Шмидт отмечал большое влияние, оказываемое митрополитом Макарием на государственные дела. Это, по его мнению, было кульминационным пунктом политической истории Русской церкви в XVI в. Однако во второй половине 50-х годов престарелый митрополит отходит от дел и влияние духовенства уменьшается, что являлось «первостепенного значения успехом в деле дальнейшей централизации страны». Исследователь согласен с М. Н. Тихомировым в том, что Грозному удалось подавить сопротивление светских феодалов с помощью монастырей. Затем, в 70-е годы, государство начинает наступление на экономические привилегии духовенства. Этот процесс нашел отражение в приговорах о монастырском землевладении¹⁵.

А. М. Сахаров, отмечая, что избрание и удаление митрополитов

совершалось по решению великих князей и царя и всегда обуславливалось определенными политическими интересами, считал, что при всей зависимости от светской власти внутренняя организация Церкви отличалась самостоятельностью¹⁶.

Для В. Б. Кобрин характерен взгляд на Церковь как пережиток удельной старины. Репрессии Грозного нанесли удар, хотя и не окончательный, по особому положению Церкви в государстве¹⁷.

А. П. Павлов, указывая на столкновения между светскими и церковными властями при Иване Грозном, сделал вывод о том, что они не выливались в форму борьбы между Церковью и государством за власть и влияние в стране. Представители духовенства выступали не против существующих порядков, а против чрезмерной жестокости опричнины¹⁸.

Б. Н. Флоря категорически не согласен с теми исследователями, которые писали о столкновении светских и духовных властей в годы опричнины как борьбе за подчинение Церкви государству. Вместе с тем с конца 60-х годов Грозный стал по своему произволу низлагать с кафедр негодных епископов, подвергать суровым наказаниям, а то и смертной казни протопопов и настоятелей монастырей, налагать руку на имущество Церкви¹⁹.

Таковы основные мнения ученых. Анализ историографии позволяет сделать некоторые выводы. История церковно-государственных отношений представлялась большинству дореволюционных исследователей следующим образом: с установлением автокефалии Русская церковь получает независимость от Константинопольского патриарха. Но в это же время, с помощью той же Церкви, усиливается власть великих князей. В результате уже во время правления Ивана III духовенство, как и его глава — митрополит, попадает фактически в полную зависимость от светской власти. Поставление и свержение предстоятеля, созыв Церковных соборов — все это теперь полностью зависит от государя. В этой связи правление Ивана Грозного не внесло, по сути, ничего нового в эти отношения, он лишь придал им определенную «остроту».

Для советских историков (прежде всего А. А. Зимина и его последователей) характерен взгляд на Церковь как пережиток феодальной раздробленности, который именно в период царствования Грозного был практически полностью подчинен государственной власти. Необходимость и неизбежность ожесточенной борьбы между церковными и светскими властями определялась, по мне-

нию этих ученых, фактом противодействия «церковных феодалов» централизаторским устремлениям государства. Это «противодействие» изучалось в основном на примере борьбы вокруг церковных недвижимых имуществ, и всем противникам секуляризации и еретиков было присвоено звание «воинствующих церковников». То же, что эти самые «воинствующие церковники» разрабатывали идею сильной государственной власти и своими практическими действиями укрепляли государство, зачастую игнорировалось. Если даже некоторые исследователи и признавали большую роль некоторых церковных деятелей в укреплении власти, то это было скорее исключением из общего правила. В конечном итоге в исторической науке был найден своеобразный компромисс: наиболее дальновидные представители духовенства поддерживали правительство лишь до тех пор, пока оно не покушалось на «прерогативы» Церкви. Данный подход страдает некоторым схематизмом и едва ли исчерпывает собой все многообразие реального исторического процесса.

В противовес А. А. Зимицу, Р. Г. Скрынников подверг сомнению утверждение о том, что Церковь являлась рудиментом феодальной раздробленности, и то, что политика царя была сознательно направлена на ликвидацию особого положения этого пережитка прошлого. Однако и этот исследователь признает: в результате деятельности Ивана IV Русская церковь лишилась политического влияния, которым пользовалась ранее. Таким образом, мы можем видеть, что абсолютно разные подходы приводят исследователей к практически одинаковым результатам. Из вышеизложенного очевидно, что тема церковно-государственных отношений в России в период правления Ивана Грозного требует специального монографического изучения.

* * *

Основой любой работы являются исторические источники. Это в первую очередь летописные материалы. Большое значение имеет так называемый Летописец начала царства — официальная летопись, излагающая события первоначально до 1552 г., а затем продолженная до 1560 г. Участие в работе над Летописцем принимал А. Ф. Адашев²⁰, о его деятельности в этом источнике говорится довольно подробно. Летописец начала царства вошел в состав Никонской летописи, описывающей события до 1568 г.²¹, а также использовался в Лицевом летописном своде²², который является одним из наиболее важных источников, рассказывающих о событиях

времени Ивана Грозного. Особый интерес Своду придают приписки, говорящие о событиях 40–50-х годов XVI в. Им посвящено большое количество исследований²³. При всех отличиях выводов, к которым приходят историки, ясно одно — приписки создавались спустя продолжительное время после событий и отражают скорее не действительные события, а их интерпретацию автором или редактором Свода. Вообще же, используя официальные летописи, необходимо учитывать, что многие их известия носят тенденциозный характер и их необходимо по возможности проверять по другим источникам.

Из местных летописей важные сведения содержатся в памятниках, составленных в Новгороде и Пскове. Для нашей работы привлекалась Новгородская IV летопись по списку Дубровского²⁴. Этот список включает Новгородский свод 1539 г., составленный, как полагают исследователи, по повелению архиепископа Макария, будущего митрополита²⁵. События времени правления Ивана Грозного отразились и в Новгородской II летописи²⁶, которая велась при дворе архиепископа²⁷. В Новгородские летописи включена представляющая огромный интерес «Повесть о разгроме Новгорода опричниками»²⁸. Псковский летописный свод 60-х годов XVI в. составлен в Печорском монастыре и проникнут, по мнению ученых, антимосковскими настроениями²⁹.

Интересен найденный и опубликованный М. Н. Тихомировым Постниковский летописец, который является источником неофициального происхождения и представляет собой, по мнению ученого, «своеобразные мемуары середины XVI в.»³⁰. Автором Летописца был, видимо, великокняжеский дьяк Постник Губин (настоящее имя — Федор Никитич Моклоков)³¹. Время его активной деятельности приходится на 40–50-е годы. Близость предполагаемого автора ко двору и сравнительно раннее появление этого памятника³² позволяют считать этот Летописец одним из важнейших источников, говорящих о событиях 40-х годов XVI в. Особый интерес для нас представляет объяснение причин свержения с престола митрополита Даниила и описание московских пожаров 1547 г.³³

Пискаревский летописец был найден и частично опубликован О. А. Яковлевой, а затем издан полностью³⁴. Он содержит сведения с древнейших времен до начала XVII в. Источники Летописца до конца не выявлены. Полагают, что он составлен в окружении Шуйских и основан на припоминаниях, рассказах современников,

слухах и сплетнях о придворной жизни времени правления Ивана IV³⁵. Наряду с этим Р. Г. Скрынников отмечает большую достоверность части сведений этого интересного памятника³⁶.

Важные сведения по истории Соловецкого монастыря и о Филиппе Колычеве содержатся в Соловецком летописце. Он был впервые введен в научный оборот М. Н. Тихомировым. В настоящее время имеется несколько изданий этого интересного памятника, составленного в конце XVI в.³⁷

Продолжение Хронографа редакции 1512 г. публиковалось несколько раз³⁸. Первое издание было выполнено по позднему списку, в ряде случаев дающему неправильное чтение³⁹. Список же, введенный в научный оборот С. О. Шмидтом, относится к началу третьей четверти XVI в. и содержит важные подробности о событиях 1547 г. и о дальнейших происшествиях⁴⁰.

Наиболее подробный рассказ о московских пожарах содержится в Сказаниях, опубликованных И. А. Жарковым⁴¹. Они извлечены из сборника рубежа XVI–XVII вв. и содержат в себе сведения о числе пострадавших, сгоревших зданиях, о «поучении» митрополитом Макарием царя Ивана и о других важных эпизодах⁴².

Не меньший интерес для исследователей представляет и «Повесть о московском пожаре», обнаруженная А. А. Зиминим⁴³. Особую значительность этому памятнику придает то, что он вышел из кругов, близких к митрополиту Макарию, и отражает взгляд церковного руководства на происходившие события. Кроме того, этот источник не только описывает пожар, но и критикует политику боярских правительств, которые находились у власти до 1547 г. (хотя нигде не называются имена «крамольных» бояр). Интересно, что «Повесть...» обвиняет бояр и в «уморении» князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, хотя из других источников известно, что основная часть вины за их гибель лежит на правительнице Елене Глинской⁴⁴. Впоследствии и сам Иван IV обвинял бояр в гибели своих дядей⁴⁵. Несмотря на то, что древнейший список «Повести о московском пожаре» дошел до нас в составе сборника, датированного 1609 г., это сказание является одним из самых ранних описаний событий и содержит много конкретных известий, отсутствующих в других источниках⁴⁶.

Одним из важных источников является Степенная книга⁴⁷, происхождение которой также связывается с окружением митрополита Макария. Время составления этого памятника — начало 60-х го-

дов XVI в. Ее автором большинство исследователей считают царского духовника Андрея, впоследствии — митрополита Афанасия⁴⁸. Правда, в последнее время появились утверждения, которые ставят под сомнение гипотезу о том, что Афанасий был единственным автором Степенной книги⁴⁹. Однако в любом случае не подлежит сомнению, что этот источник создавался в окружении Макария и близкими к нему людьми.

При изучении Стоглавого собора использовался как сам «Стоглав», так и Наказные списки. Сохранилось большое количество списков «Стоглава» различных редакций. Первоначальной является полная редакция этого памятника⁵⁰. Соборное уложение неоднократно публиковалось⁵¹. Подробный анализ изданий дан Е. Б. Емченко, которая отмечает, что все существующие публикации имеют определенные недостатки⁵². Однако признаю, что самым удачным до последнего времени было издание, осуществленное в Казани И. М. Добротворским⁵³. Эта публикация переиздавалась еще два раза — в 1887 и 1911 гг. без каких-либо изменений. В настоящее время наиболее доступными и удовлетворительными являются издание 1985 г., осуществленное по получившему признание у специалистов казанскому изданию, и издание, предпринятое в недавнее время Е. Б. Емченко.

Кроме самого «Стоглава» большой интерес представляют и так называемые Наказные списки Соборного уложения. Все они опубликованы⁵⁴. Особое внимание Наказные списки привлекают в связи с тем, что до сих пор не решен окончательно вопрос об их отношении к тексту «Стоглава»⁵⁵.

Заметную роль в обосновании активной восточной политики сыграло русское духовенство. Большой след в источниках оставило Казанское «взятие» — важнейшее событие середины XVI в. О нем подробно говорится в уже упоминавшихся летописях. Кроме них мы использовали и другие материалы. Первое место среди них принадлежит Казанской истории, неоднократно публиковавшейся⁵⁶. Создана она была, как полагают исследователи, в 1564–1565 гг., в момент обострения отношений царя Ивана IV с боярской знатью⁵⁷. Казанская история дошла до нас в огромном количестве списков (более 250), но большая их часть передает текст позднейшей переработки памятника, осуществленной после 1592 г.⁵⁸ Особенностью этого интересного источника является следующее. При его создании использовалось множество материалов, ряд из которых еще

не выявлен. Кроме того, в тексте присутствует и художественный вымысел. Все это вынуждает при использовании свидетельств Казанской истории привлекать и другие источники.

Благодаря находкам Г. З. Кунцевича и А. Н. Насонова стали известны повести, в которых также описывается взятие Казани⁵⁹. Рассказ о походе 1552 г., опубликованный Г. З. Кунцевичем, извлечен из сборника, принадлежавшего Нифонту Кормилицыну и написанного при его ближайшем участии⁶⁰, в промежуток времени с декабря 1552 г. до марта 1554 г. Автором повести, введенной в научный оборот А. Н. Насоновым, считается келарь Троице-Сергиева монастыря Адриан Ангелов⁶¹, который был непосредственным свидетелем взятия Казани войсками Ивана IV. Любопытна и история Казанского похода 1552 г., содержащаяся в так называемом Отрывке русской летописи⁶².

Сведения о Соборах на еретиков сохранились, кроме летописей, и в некоторых других источниках. Важнейшее значение для изучения «дела» Артемия имеет соборная грамота, посланная в Соловецкий монастырь⁶³. А. А. Зимин утверждает, что сведения этого источника дают фальсифицированные материалы по «делу», выгодные «иосифлянскому» руководству Церкви⁶⁴. Однако, по нашему мнению, это не соответствует действительности, так как в грамоте в ряде случаев отмечалось, что обвинения по некоторым пунктам не подтвердились. Кроме того, здесь большое внимание уделено «блудным грехам», в которых Артемий признался сам, и именно поэтому с него было снято священство.

Интереснейшую информацию содержит в себе «Розыск» по «делу» Висковатого⁶⁵. В этот источник включены и сведения, которые позволяют более подробно познакомиться с историей обнаружения ереси Матвея Башкина и говорят о том, как противники Сильвестра пытались использовать «дела» Башкина и Артемия для уменьшения влияния благовещенского попа.

О представительстве духовенства на Церковных соборах позволяют судить опубликованные Н. Н. Покровским «Судные списки»⁶⁶. Особый интерес для нас представляют материалы, относящиеся к Собору на Исака Собаку 1549 г.

Ценными источниками для изучения состава государева двора середины XVI в. являются Тысячная книга и Дворовая тетрадь⁶⁷. Этим документам уделялось определенное внимание в литературе⁶⁸. При анализе событий рубежа 40–50-х годов XVI в. нами при-

влекалась поручная запись за князя И. И. Пронского⁶⁹. Особый интерес к ее сведениям вызван тем, что Пронский был участником неудавшегося бегства в Литву близких родственников царя Ивана Васильевича князей Глинских. Кроме того, одним из поручителей за князя Ивана был обвиненный впоследствии в ереси Матвей Башкин. К этому источнику исследователи обращались неоднократно⁷⁰.

При написании работы нами привлекались также сочинения митрополитов и других видных церковных деятелей⁷¹. Надо сказать, что письменное наследие митрополита Макария привлекало не одного исследователя, причем их взгляды на литературное творчество митрополита резко противоположны⁷². Нас же сочинения этого иерарха интересовали не с точки зрения их художественных достоинств, а как источник, раскрывающий, во-первых, представления автора об идеальном устройстве монашеской и церковной жизни⁷³, и, во-вторых, как свидетельства отношений Макария с Иваном IV и его участия в проведении активной Восточной политики⁷⁴. Такой подход позволил сравнить взгляды митрополита с идеями, нашедшими выражение в «Стоглаве», и, кроме того, выявить недостоверный характер широко известной переписки между первосвятителем и царем во время Казанского похода 1552 г.

Привлечение сочинений других церковных деятелей первой половины XVI в. вызвано необходимостью выяснения источников «царских» вопросов Стоглавому собору. Это дало возможность установить, что большая часть тем, которые были затронуты в вопросах, неоднократно поднималась представителями русского духовенства.

Из произведений современников митрополита Макария наибольший интерес у историков вызывают сочинения благовещенского попа Сильвестра. Это связано с широко распространенным мнением об огромной роли Сильвестра в событиях конца 40-х–50-х годов XVI в. Более столетия продолжается спор о том, какие произведения вышли из под его пера. Наибольшие разногласия вызывает следующий вопрос — является ли Сильвестр автором Послания к царю⁷⁵. Представляется, что в данный момент окончательное решение этой проблемы невозможно. Однако убедительной нам кажется точка зрения А. А. Зимина, считавшего авторство Сильвестра «наиболее вероятным»⁷⁶.

Как исторический источник заслуживают пристального внима-

ния сочинения князя А. М. Курбского⁷⁷. Сочинения беглого боярина были написаны на чужбине, в Литовском княжестве. Основное его произведение — «История о великом князе Московском», было закончено, по мнению ряда исследователей, к лету 1573 г.⁷⁸ Однако новейший исследователь литературного творчества Курбского В. В. Калугин считает, что работа над этим произведением была завершена лишь в самом конце 70-х — начале 80-х годов XVI в.⁷⁹ В сочинении содержатся ценные сведения об отношениях Сильвестра, митрополита Макария, А. Ф. Адашева и царя Ивана IV, о Германе Казанском и Филиппе Колычеве, о судьбе Леонида, архиепископа Новгорода и др. Курбский был свидетелем многих событий, происходивших в то время при дворе, и его труд является уникальным документом. Любопытен и рассказ бывшего вельможи о старце Артемии. Но, используя сочинения А. М. Курбского, необходимо помнить, что он писал их по прошествии многих лет после событий и, кроме того, с определенной целью — обличить Ивана Грозного, который, по мнению автора, являлся «тираном» и апокалипсическим «зверем». Все это ведет к крайней тенденциозности «Истории...», и свидетельства этого произведения требуют по возможности проверки другими источниками⁸⁰.

Требует осторожности и обращение к еще одному источнику — Первому посланию Ивана Грозного Андрею Курбскому⁸¹. Интерес для нас представляет здесь описание царем событий, связанных с дворцовыми переворотами 40-х годов, и сведения о появлении и роли при дворе Адашева и Сильвестра. Сочинения царя могут дать много сведений о его представлениях о собственной власти и о событиях политической истории времени его правления.

Для изучения правительственной политики в области землевладения несомненный интерес представляют Приговоры, посвященные вопросам как церковного, так и светского землевладения⁸².

Важное значение имеют и записки иностранцев, в которых отразились различные аспекты политической истории России времени правления Ивана Грозного⁸³.

Таков круг материалов, на основании которых написано наше исследование. Впрочем, в тексте работы использованы и другие источники.

Представляется, что привлечение ряда источников требует большой осторожности, так как многие из них носят тенденциозный характер. Это касается в первую очередь сочинений А. М. Курб-

ского и Ивана Грозного. Кроме того, осмотрительно надо использовать и некоторые летописные материалы, часть которых имеет сведения, нуждающиеся в тщательной проверке путем сравнения с показаниями других источников, достоверность которых не подлежит сомнению. В таких случаях необходимо пытаться объяснить появление сведений, которые не подтверждаются (или противоречат) показаниями остальных исторических свидетельств.

---

¹ *Макарий (Булгаков)*. История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 12, 34; Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 95.

² *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. М., 1900. С. 612, 648–649, 697.

³ *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. М., 1996. С. 53–55, 64, 74, 96, 120–121.

⁴ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 289, 380, 423, 439, 441, 444, 449–450.

⁵ *Федотов Г. П.* Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991. С. 18–19, 50, 85.

⁶ *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 344–346.

⁷ Там же. С. 100–101, 105.

⁸ *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 56–59.

⁹ *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 58, 59, 62.

¹⁰ Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 318.

¹¹ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 212–214, 248, 257–259, 479. См. также: *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 280, 297, 313; *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 27–28, 51, 57, 107, 115–116.

¹² *Кашианов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 136, 166, 171, 230.

¹³ *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. Л., 1966. С. 15, 381; 2) Опричный террор. Л., 1969. С. 235, 236; 3) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 298; 4) Царство террора. СПб., 1992. С. 323, 517–518.

¹⁴ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 109–110, 111, 133, 135, 137. См. также: Церковь в истории России. М., 1967.

¹⁵ *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 194–196, 236.

¹⁶ Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977. С. 99.

¹⁷ *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. СПб., 1992. С. 571.

¹⁸ *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства в России XVI века // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 233.

¹⁹ *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 231–233.

²⁰ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 39–41.

- ²¹ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965.
- ²² *Клосс Б. М.* Летописец начала царства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 20–21.
- ²³ Обзор литературы см.: *Амосов А. А., Морозов В. В.* Методика исследования или заданность выводов? Размышления по поводу датировки рукописей Лицевого летописного свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. СПб., 1994. С. 54–118.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.
- ²⁵ *Лурье Я. С.* Летопись Новгородская Дубровского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 52–54.
- ²⁶ Новгородские летописи. СПб., 1879.
- ²⁷ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 32.
- ²⁸ *Каган М. Д.* Повесть о разгроме Повгорода Иваном Грозным // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. С. 274–277.
- ²⁹ Псковские летописи. Вып. 1, 2. М., 1941–1955; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 74; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 31–32; *Охотникова В. И.* Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. С. 27–30.
- ³⁰ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 3; *Морозов С. А.* К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники. М., 1984. С. 69.
- ³¹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 346.
- ³² ПСРЛ. Т. 34. С. 3.
- ³³ Там же. С. 26, 29–30.
- ³⁴ Материалы по истории СССР. Т. 2. М., 1955; ПСРЛ. Т. 34.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 4.
- ³⁶ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 35.
- ³⁷ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 192–206; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 223–243; *Новикова О. Л.* О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 214–254.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 22. СПб., 1911–1914; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. 7. М., 1951.
- ³⁹ *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 28.
- ⁴⁰ Там же. С. 27–28.
- ⁴¹ *Жарков И. А.* К истории Московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. 1962. № 3.
- ⁴² *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 24–25.
- ⁴³ *Зимин А. А.* Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 20. М., 1958.
- ⁴⁴ См., напр.: ПСРЛ. Т. 34. С. 24–25.
- ⁴⁵ «Стоглав» // РЗ. Т. 2. М., 1985. С. 263.
- ⁴⁶ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 87–91.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина тома. СПб., 1913.

- ⁴⁸ *Покровский Н. Н.* Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. Л., 1988. С. 75.
- ⁴⁹ *Неберехутина Е. В.* Поиски автора Степенной книги // От Нестора до Фонвизина. М., 1994. С. 211.
- ⁵⁰ *Емченко Е. Б.* Стоглав: происхождение и рукописная традиция XVI–XVII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1995. С. 8.
- ⁵¹ *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000; Макариевский Стоглавник. Труды Новгородской Ученой архивной комиссии. Вып. 1. Новгород, 1912; Стоглавый собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). Лондон, 1860; «Стоглав». Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863; «Стоглав». Казань, 1862; «Стоглав» // РЗ. Т. 2. М., 1985; Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах («Стоглав»). М., 1890.
- ⁵² *Емченко Е. Б.* Издания Стоглава и задачи научной публикации памятника // АЕ за 1992 г. М., 1994. С. 109–118.
- ⁵³ *Стефанович Дм.* О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909. С. 35.
- ⁵⁴ *Беляев И. В.* Наказные списки Соборного уложения 1551 г. или Стоглава. М., 1863; *Павлов А. С.* Еще наказный список по Стоглаву // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 9. Одесса, 1873; «Стоглав» // РЗ. Т. 2. С. 392–393; *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 425–476.
- ⁵⁵ См.: *Емченко Е. Б.* Происхождение текста Стоглава // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 14.
- ⁵⁶ ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1911; *Моисеева Г. И.* Казанская история. М.; Л., 1954.
- ⁵⁷ *Волкова Т. Ф., Евсеева И. А.* Комментарии к Казанской истории // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 602.
- ⁵⁸ Там же. С. 603.
- ⁵⁹ *Кунцевич Г. З.* Два рассказа о походах Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // Отчет о заседаниях общества любителей древней письменности в 1897–1898 гг. СПб., 1898; *Насонов А. Н.* Новые источники по истории Казанского «взятия» // АЕ за 1960 г. М., 1962.
- ⁶⁰ *Кунцевич Г. З.* Два рассказа... С. 23.
- ⁶¹ *Макарий (Веретенников).* Келарь Троице-Сергиевой обители — старец Адриан Ангелов // Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996. С. 180–181.
- ⁶² ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.
- ⁶³ ЛАЭ. Т. 1. СПб., 1836.
- ⁶⁴ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. С. 158–159.
- ⁶⁵ Розыск или список о богохульных строках и сомнении святых честных икон дьяка Ивана Михайлова сына Висковатого // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Новейшая публикация: *Макарий (Веретенников).* Собор 1554 г. и его решения // Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996. С. 224–274.
- ⁶⁶ *Покровский Н. Н.* Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971.
- ⁶⁷ Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950.
- ⁶⁸ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 77–91; *Назаров В. Д.* К источниковедению Дворовой тетради // Россия на путях

централизации. М., 1982; Павлов А. П. К изучению Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // Средневская Русь. СПб., 1995.

⁶⁹ СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 166.

⁷⁰ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 169; Назаров В. Д. К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 203-204.

⁷¹ ААЭ. Т. 1. СПб., 1836; АИ. Т. 1. СПб., 1841; ДАИ. Т. 1. СПб., 1846; РФА. XIV — первая треть XVI в. Вып. 4. М., 1988; Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959; Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881; Сочинения Максима Грека. Казань, 1860; Домострой. М., 1990; Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874; Послания старца Артемия // РИБ. Т. 4. СПб., 1878; Грамоты святого Филиппа, митрополита Московского и вся Руси в Соловецкую обитель // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 3.

⁷² Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 195; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 76; Макарий (Веретенников). Письменное наследие Всероссийского митрополита Макария // Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. С. 5-38.

⁷³ АИ. Т. 1. № 29. С. 531-534; ААЭ. Т. 1. № 184. С. 275-277.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 180-183, 192-197; РФА. XIV — первая треть XVI в. Вып. 4; ПСРЛ. Т. 6. С. 304-314.

⁷⁵ Обзор мнений см.: Неберекутина Е. В. Поиски автора. . . С. 167-172.

⁷⁶ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 51-53.

⁷⁷ Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1985.

⁷⁸ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 39.

⁷⁹ Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 44.

⁸⁰ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 43.

⁸¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.

⁸² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986.

⁸³ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // РИЖ. Пг., 1922. Кн. 8; Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925; Гваньини А. Описание Московии. М., 1997; Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983; Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991.

ГЛАВА 2. НА ПУТИ К СТОГЛАВОМУ СОБОРУ

Великий князь Василий III Иванович тяжело заболел во время поездки на охоту. Некоторое время он скрывал свое недомогание. Так, посылая своих приближенных из Волока в Москву за духовными грамотами, Василий велел не говорить о болезни митрополиту, боярам, братьям и семье¹. Однако бесконечно долго скрывать информацию о состоянии здоровья великого князя было невозможно. Как только правителя доставили из Иосифова монастыря в Воробьево, навесить его прибыли представители духовенства во главе с Даниилом и бояре².

До нашего времени дошел яркий словесный портрет митрополита, составленный имперским послом в России С. Герберштейном: «Даниил, около 30 лет от роду, человек крепкого и тучного сложения, с красным лицом. Не желая казаться преданным более чреву, нежели постам, бдениям и молитвам, он перед отправлением торжественных богослужений всякий раз окуривал себе лицо серным дымом, чтобы придать ему бледности, и с такой поддельной бледностью он обычно и являлся народу»³. Как видим, картина не очень привлекательная. В действительности же митрополиту, например, никак не могло быть «около 30 лет», так как по церковным канонам в священники можно было ставить лишь с этого возраста, а Даниил, перед тем как стать первосвященником, долгие годы являлся игуменом Иосифова монастыря⁴. Как справедливо писал Макарий (Булгаков), Герберштейн в своей характеристике митрополита использовал «клевету его противников», «либералов» того времени⁵.

Деятельность Даниила на посту митрополита действительно могла вызвать недовольство «либералов» — этот иерарх стал верным проводником политики Василия III и принимал участие в

акциях, которые вызвали толки в тогдашнем обществе⁶. Однако нельзя забывать, что деятельность митрополитов в XVI в. не была вполне самостоятельна: «Почти все свои распоряжения . . . митрополит принимал не иначе, как с ведома, или соизволения, или даже по приказанию великого князя»⁷. Поэтому нам представляется чересчур резкой оценка Даниила, данная Е. Е. Голубинским: «По своим общественным правам он несколько не был пастырем — учителем, ибо отличался такой угодливостью перед государем, что не только дозволял последнему, но и сам ради него вероломным образом нарушал торжественные клятвы, и такую беспощадной и непримиримой ненавистью к своим врагам, какую только можно себе представить . . . »⁸. В конце концов, митрополит мог действовать подобным образом исходя из своих убеждений и представления о благе государства. К тому же, как и любой человек, он мог беспокоиться за свою личную судьбу. Подчиняясь в политических делах «дарованному Богом государю», Даниил выполнял свой долг, не переставая при этом поучать свою многочисленную паству с помощью посланий и наставлений. Тот же Е. Е. Голубинский вынужден был признать, что «для исполнения пастырской обязанности учить словом он сделал столько, сколько никто из митрополитов, так что в сем . . . отношении он решительно выдается из ряда прочих митрополитов»⁹.

Естественно, тяжелая болезнь великого князя ставила перед Даниилом как первоиерархом Русской церкви ряд вопросов. Основным из них был следующий — в чьи руки перейдет власть после смерти Василия. Seriously усложняло проблему то, что к 1533 г. старшему сыну и наследнику Ивану Васильевичу было всего три года и реально править страной он не мог. В живых оставались и два брата великого князя — Юрий Дмитровский, долгие годы являвшийся претендентом на престол, и Андрей Старицкий. Даниил был в очень хороших отношениях с князем Юрием¹⁰.

Судьба престола беспокоила и умирающего Василия III. В летописях говорится о неоднократных совещаниях великого князя с боярами и особо доверенными лицами¹¹. Как и следовало ожидать, Василий Иванович благословил на престол своего старшего сына Ивана, но на вопрос о том, кто должен управлять государством до совершеннолетия великого князя, летописи не дают однозначного ответа, а документа, который бы мог пролить свет на эту ситуацию то есть духовной грамоты, не сохранилось. А. Е. Пресняков по-

пытался решить этот вопрос. Выводы исследователя неутешительны — восстановить завещание Василия III нельзя. Ученый лишь предполагает, что Елене Глинской отводилась известная роль, но не все правление государством, а лица, спустя некоторое время захватившие власть, не соответствовали замыслам Василия¹².

Попытки определить, кому же передал власть умирающий великий князь, предпринимались неоднократно. Часть историков считает, что первую роль должен был играть митрополит Даниил (Макарий (Булгаков), В. Жмакин, А. В. Карташев)¹³. Как пишет Е. Е. Голубинский, «по смыслу этого приказа (Василия III. — *В. III.*) митрополит имел быть главою боярской думы, чтобы руководить делами государственными»¹⁴. Другие исследователи предполагают, что регентскими полномочиями была наделена группа лиц, хотя по персональному составу этой группы единства не имеется. А. Л. Юрганов, например, предполагает, что в состав душеприказчиков вошли Елена, Даниил, М. Л. Глинский, Андрей Старицкий¹⁵. М. М. Кром доказывает, что опекунов было трое: М. Ю. Захарьин, М. Л. Глинский и И. Ю. Шигона¹⁶. По мнению А. А. Зимина, умирающий великий князь поручил ведение государственных дел в стране всей боярской думе¹⁷. По версии Р. Г. Скрынникова, власть в стране должна была перейти в руки Андрея Старицкого и шести бояр¹⁸.

Для нас же наиболее существенным является вопрос о том, какое место Василий III отводил в новом правительстве митрополиту Даниилу (если вообще отводил ему какую-то политическую роль). В источниках имеются сведения о некоторой опаске, с которой Василий Иванович относился к первосвятителю: посылая за духовными грамотами, заболевший великий князь приказал ничего не сообщать о болезни митрополиту¹⁹. Доставленный в столицу, государь стал размышлять о своем наследстве, о том, как «строиться царству после него». Совещания проводились с боярами и дьяками, духовную грамоту было поручено писать Григорию Путятину и Федору Мишурину. Даниил на этих совещаниях не присутствовал. Итак, государственные дела обсуждались без Даниила. Когда же митрополит прибыл, то Василий с ним и другими представителями духовенства совещался о том, как бы ему принять иноческий образ. Во время объявления великим князем своим братьям и боярам о передаче престола Ивану IV митрополит присутствовал, но, как представляется, в его задачу входила лишь демонстрация важно-

сти момента, освящение всей церемонии²⁰. С. М. Каштанов склонен даже думать, что Троицкий игумен Иоасаф Скрипицын в 1533 г. превосходил своим влиянием Даниила²¹.

Следовательно, государь вовсе не собирался делать митрополита главой правительства, придавать ему какие-либо политические функции. Фраза: «Приказываю сына своего Ивана Богу и пречистой Богородице и святым чудотворцам и тебе, отцу своему Даниилу митрополиту всея Руси»²² означала, на наш взгляд, лишь, что Даниилу поручалась забота о духовном, нравственном здоровье подрастающего правителя. Иными словами, митрополиту следовало Ивана «духовно беречь», а не вмешиваться в политические дела. Первосвященник заботится о душе, что и было продемонстрировано Даниилом при пострижении умирающего Василия III.

Желание государя постричься вызвало яростное сопротивление Старицкого, Михаила Семеновича Воронцова и Шигоны. Споры зашли так далеко, что митрополит «глагола . . . князю Андрею: “яз тебя не благословляю ни в сий век, ни в будущий! а того тебе у меня не отняти, занеже сосуд серебрян добро, а позлащен того лучше”». Пререкания у постели правителя, видимо, опровергают версию Р. Г. Скрынникова о том, что главой регентского совета был назначен Андрей Старицкий, — едва ли Даниил посмел бы угрожать одному из правителей отказом в благословении²³. Вероятным представляется и то, что отношения между князем Андреем и митрополитом и раньше были не безоблачными. По мнению Н. И. Шатагина, спор о пострижении имел политический характер²⁴. Возможно, Даниил дал понять князю, что в духовные дела светским лицам нельзя вмешиваться, это прерогатива духовенства («а того тебе у меня не отняти»).

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что Василий не передавал митрополиту Даниилу политических полномочий. Что же касается Елены Глинской, то, вероятно, муж и ее не намечал в правительницы государства. Василий III заявил о том, что о ней есть указания в духовной грамоте, «как и в прежних духовных грамотах отец наших и прародителей, по достоянию, как прежним великим княгиням»²⁵. На совещаниях мужа с боярами о судьбе государства она не присутствовала. Гимн Елене, где ее сравнивают с княгиней Ольгой, был, скорее всего, составлен задним числом, когда Иван Грозный стал реальным правителем России. Возможно, что Глинской определенная роль отводилась в семейных

делах, но отнюдь не в государственных. Другое дело, что великая княгиня по своему характеру могла жаждать политической власти, которую в конце концов и получила. То, что Глишская казалась не совсем законной правительницей, подтверждается и сравнительно малым вкладом на помин ее души в Сергиев монастырь: если по Василию дано было 500 рублей, то по Елене — всего 30. Для сравнения — по умершим в детстве дочерям Ивана Грозного было вложено по 200 рублей, а первые три царицы — Анастасия, Мария и Марфа удостоились вклада от 700 до 1500 рублей²⁶.

3 декабря 1533 г. Василий III умер²⁷. Новым великим князем без промедления был объявлен Иван Васильевич. Во время крестоцелования, по сообщению некоторых источников, главную роль сыграл Даниил. Псковская летопись прямо указывает, что «ставили» Ивана митрополит, епископы, весь причт церковный. Затем упоминаются князья, бояре, все христианство²⁸. Более подробно первые часы после смерти Василия и принесение присяги новому великому князю описываются в других летописях. Согласно Царственной книге, митрополит Даниил «взем братию великого князя князя Юрия и князя Андрея в переднюю избу и приведе их к крестному целованию на том, что им служити великому князю Ивану Васильевичу ... также служити и матере его великой княгине Елене ... И бояр и боярских детей и княжат и дворян по тому же приведе к кресному целованию, что им хотети добра великому князю Ивану Васильевичу ... и его матере ... Елене ... Тогда же Даниил митрополит з братиею великого князя и з бояры поиде к великой княгине тешити ея; великая же княгини виде митрополита и бояр, к себе грядущих, и бысть яко мертва и лежа часа с два и едва очюгися»²⁹. Как видим, инициатива полностью находилась в руках митрополита: он приводит к присяге Юрия Дмитровского, Андрея Старицкого и бояр, он же утешает великую княгиню после того, как все целовали крест Ивану IV и ей самой. Однако по другим источникам картина выглядит совсем по-другому: после смерти государя «часа того меж собя бояре крест целовали все на том, что им великой княгине и сыну ее, великому князю Ивану, прямо служити ... да ... князя Юрия и князя Андрея, часа того привели к целованию перед отцем их Данилом митрополитом на том, что им братаничу своему великому князю Ивану добра хотети. И повелеша князей и детей боярских к целованию приводити, да и по всем градом послати всех людей приводити к целованию на том, что им

служити великому князю . . . »³⁰. Здесь митрополит предстает пассивным участником событий, подчинившимся боярам, которые и провели присягу. Роль его заметна лишь в крестоцеловании удельных князей, да и то Даниил здесь, скорее всего, почетный свидетель, гарант принятых на себя Юрием и Андреем обязательств.

Какая же из двух версий больше соответствует действительности? Какова была роль митрополита? Известно, что Повесть о болезни и смерти великого князя Василия неоднократно перерабатывалась. По мнению Я. С. Лурье, первоначальная версия содержится в нескольких летописных сводах и Постниковском летописце, причем составлена она была непосредственным свидетелем событий, так как содержит большое количество живых деталей. Время составления первого варианта исследователь относит к годам правления Елены Глинской, затем Повесть неоднократно редактировалась в зависимости от политических интересов различных лиц³¹. В Постниковском же летописце в рассказе о присяге главная роль отводится не боярам, а митрополиту Даниилу³². Таким образом, первоначальная версия признает главным действующим лицом митрополита. Это подтверждается и приведенным выше известием Псковской летописи. Переработка Повести была произведена уже после смерти Елены, когда власть захватила группировка Шуйских³³. Как известно, именно Шуйские свергли Даниила с первосвятительского престола, и в их интересах было представить события наиболее выгодным для себя образом, подчеркнув роль бояр в принятии присяги и приуменьшив значение иерарха.

Обращает на себя внимание то, что обе версии событий упоминают, что крест целовали не только великому князю Ивану Васильевичу, но и его матери великой княгине Елене. Хотя порядок их упоминания в летописях не совпадает. В Никоновской летописи великая княгиня стоит на первом месте, а уж потом упоминается Иван³⁴; в Царственной же книге и Постниковском летописце наоборот — сначала Иван, затем Елена³⁵. Выше мы уже писали о том, что Василий III едва ли предполагал наделять свою супругу какими-то политическими функциями по управлению государством, но упоминание ее имени в рассказе о присяге требует, на наш взгляд, объяснения. Представляется, что Елена Глинская, по замыслу государя, должна была быть главой великокняжеской семьи до совершеннолетия Ивана Васильевича. В таком случае вполне естественно было потребовать от удельных князей и бояр целования креста и

на имя Ивана, и на ее имя. В то же время основная масса населения Елене, видимо, не присягала. Как говорит летопись: «И целоваху ему животворящий крест вси князи и бояре и сановники и вси христиане по всем градам вотчины его государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси»³⁶. Очевидно, что источники, передающие более ранний рассказ о событиях, справедливо ставят на первое место нового великого князя — Ивана IV, в то время как позднейшие переработки упоминают в первую очередь великую княгиню. Это вызвано тем, что к тому времени, когда Повесть о смерти Василия подверглась тенденциозному редактированию, было известно, что реальную политическую власть в стране получила Елена Глинская. И создалось впечатление, что бояре целовали крест сперва Глинской, а потом уже, во вторую очередь, Ивану Грозному.

Сама великая княгиня в первые часы после смерти мужа едва ли могла предпринять какие-то меры по укреплению своего положения. Это сделал Даниил, проводивший, как было показано выше, присягу. Согласно летописям, Елена узнала о смерти государя уже после того, как бояре и удельные князья целовали крест на имя Ивана Васильевича и ее собственнос. Митрополит, оказавший столь важную услугу будущей правительнице, мог теперь рассчитывать по меньшей мере на сохранение своего положения в ближайшее время.

Прошедшая без осложнений присяга не гарантировала тем не менее от возможных политических кризисов. Первый из них разразился спустя неделю после смерти Василия III — арест Юрия Ивановича Дмитровского. Уже в декабре 1533 г. этот факт стал известен за границей: русскому гонцу в Польшу на вопрос о братьях умершего Василия было приказано отвечать, что Дмитровский князь «вборзе учал великие неправды делати и государь наш на князя Юрия опалу положил»³⁷.

В связи с арестом удельного князя не упоминается Даниил. Это следует сопоставить с той ролью, которую сыграло духовенство в подавлении мятежа Андрея Старицкого в 1537 г. Очевидно, что арест Юрия был относительно простым делом — ведь этот удельный князь находился в Москве, в отличие от ситуации со Старицким, когда требовалось заманить жертву в столицу.

История с Юрием была лишь первым политическим кризисом из тех, которые сотрясали Москву и Россию в период малолетства Ивана Грозного. Второй брат покойного Василия III князь Андрей

также вскоре доставил хлопоты правительству. Летопись упоминает, что в январе 1534 г., после сорочин, Старицкий «припрашивал к своей отчине городов чрез отца своего благословение и чрез духовную грамоту». Просьба князя была отклонена, правда, он был одарен шубами, кубками и иноходцами в седлах. Это было совсем не то, на что рассчитывал Андрей. Именно после этого он начал «на великого князя и на его мать . . . гнев держати о том, что ему вотчины не придали»³⁸. Очевидно, что для правительства недовольство удельного князя было потенциально опасно³⁹. Однако члены руководства были в тот момент заняты более насущными проблемами.

Шла борьба за власть, отражением которой явилось бегство со службы в Литву Семена Бельского и Ивана Лятского. После этого аресту подверглись Иван Бельский, Иван Воротынский с детьми и дядя великой княгини Елены Михаил Львович Глинский⁴⁰. Глинского обвинили в том, что «захотел држати великое государство Российскаго царствия со единомысленником своим с Михаилом Семеновичем Воронцовым»⁴¹. Мало того, дядя великой княгини обвинялся и в отравлении Василия III⁴². Вологодско-пермская летопись дает основание предположить, что в аресте Глинского активную роль сыграл фаворит Елены Иван Овчина Телпнев (Оболенский), являвшийся конюшим боярином⁴³. По мнению А. Л. Юрганова, именно падение М. Л. Глинского открыло Елене путь к полновластию. Настоящей правительницей, обладающей политической властью в стране, она стала именно в августе 1534 г.⁴⁴

Митрополит Даниил, которого, как считает часть исследователей, распоряжением великого князя Василия назначили главой думы, судя по источникам, никакого участия в политической борьбе в то время не принимал. Он лишь привлекался правительством для исполнения почетных заданий. Его благословения испрашивали перед началом похода русских войск в Литву⁴⁵ и при строительстве московских укреплений⁴⁶. Собственно говоря, при Елене Глинской Даниил не являлся самостоятельной политической фигурой. Участие его в государственных делах определялось в то время волей правительства. Как и при Василии III, митрополит занимался делами Церкви.

Правительница, учитывая неизменную лояльность святителя, при проведении в жизнь своих замыслов привлекала церковные средства на общегосударственные нужды. При строительстве Ки-

тай-города в Москве митрополиту было велено выделить средства «елико достоит, такоже и всему священническому чину урок учиниша». Кроме духовенства в выделении денег участвовали государственная казна, бояре, торговые люди.

То же самое происходило и в Новгороде: «На самого архиепископа Макария урок учиниша, такоже и на весь священный лик, на церковные соборы». Подобная практика вызвала недовольство автора летописного рассказа. Он замечает с осуждением, что «раньше так не ставили, а священного лика никакоже с простой чадию ни в каких делах не совокупляли»⁴⁷. Новгородская 4-я летопись упоминает и о сборе денег с архиепископа и монастырей на выкуп пленных, и об отписании пожен у монастырей с последующей раздачей их в «бразгу» (аренду) тем же обителям и церквам. Сделано это было «по оклеветанию некоего безумна человека»⁴⁸. Можно предположить, что подобные меры проводились не только в Новгороде, но и в других районах страны.

И. И. Смирнов считает, что правительство Елены Глинской сознательно выступало против финансового иммунитета светских феодалов и церкви, освобожденных тарханскими грамотами от городского дела⁴⁹. Об ограничении монастырского иммунитета писал и С. М. Каштанов⁵⁰. На основании грамоты вологодскому Глушицкому монастырю с запретом без ведома центральных властей принимать по душе или приобретать другими способами земли, можно предположить, что существовал какой-то законодательный акт, не дошедший до нашего времени, с общим запрещением монастырям без санкции правительства покупать и принимать в качестве вкладов земли⁵¹.

Перечисленные выше меры позволяют некоторым исследователям утверждать, что влияние Даниила на проведение правительственной политики было ограничено и слабо⁵². Считающие так историки придерживаются той точки зрения, что митрополит, по завещанию Василия III, наделялся какими-то политическими функциями. Е. Е. Голубинский думает даже, что святитель по смыслу распоряжения «имел быть главою боярской думы, чтобы руководить делами государственными, подобно тому, как св. Алексей стоял во главе бояр в малолетство Дмитрия Ивановича Донского»⁵³. Однако никакими правительственными полномочиями Даниил наделен не был. Он являлся предстоятелем Церкви и привлекался к решению государственных вопросов лишь в той мере, в какой счи-

тало нужным светское руководство государства: для освящения и придания большей торжественности различным акциям и при возникновении политических осложнений.

Привлечение церковных средств для решения общегосударственных задач в той мере, в какой они не противоречили канонам Православной церкви, едва ли могло вызвать недовольство и протест со стороны Даниила. Поэтому действия Елены Глинской и ее окружения ни в коей мере не могут свидетельствовать о пренебрежении к митрополиту и духовенству в период ее правления. Насколько нам известно, не было протестов и со стороны других архиереев. Даже Макарий, бывший в то время повгородским архиепископом, открыто не выступал против нарушения старины при строительстве городских укреплений и описании пожаров у монастырей и церквей. Видимо, иерархи не считали правительственные меры чем-то выходящим за допустимые пределы. В противном случае Макарий едва ли стал бы скрывать свое негодование и возмущение, как и произошло в дальнейшем (в конце 40-х — начале 50-х годов), когда он резко выступил против намечаемых действий светского руководства⁵⁴. В правление же Елены архиепископ неоднократно ездил в столицу «и печаловался . . . о людях, еже в опале у государя множество много. И князь великий, архиепископова ради печалования, многим милость показал»⁵⁵.

Итак, меры правительства не вызывали открытого недовольства духовенства и его главы митрополита, но это было связано не с пренебрежением их интересами, а с разграничением функций: светская власть занималась своим делом, а церковная — своим. Существование признанного страной дееспособного правителя — Елены Глинской — делало излишним вмешательство церковников в государственные дела без просьбы самого правителя. Другое дело, что после смерти Елены ситуация коренным образом изменилась, и в этой новой обстановке митрополиты стали активными игроками на политическом поле, стремясь участвовать в управлении государством. Это касается и Даниила, и его преемника на кафедре Иоасафа. В 50-е же годы, в эпоху «Стоглава», в силу ряда причин, как внутренних так и внешних, влияние митрополита на политические дела еще более возросло. Впрочем, это был взаимный процесс взаимопроникновения Церкви и государства в сферу компетенции друг друга.

Трудно согласиться и с мнением тех ученых, которые счита-

ют Даниила сознательным сторонником политики Василия III и великой княгини Елены, входившим в политическое руководство страны⁵⁶. Представляется, что митрополит лишь подчинялся власти, установленной от Бога, хотя, возможно, и не всегда действия этой власти совпадали с мнением самого Даниила (например, арест близкого ему Юрия Дмитровского).

Доказать свою неизменную лояльность правительнице первосвятителю представился случай в 1537 г. События эти известны как мятеж Андрея Старицкого. Выше мы уже упоминали о том, что князь Андрей получил отказ на просьбу прибавить к его уделу городов. Недовольство Старицкого к тому же подогревалось слухами о готовящемся аресте⁵⁷. Для предотвращения бегства Андрея из Старицы была послана специальная делегация в составе Досифея Крутицкого, архимандрита Симонова монастыря Филофея и протопопа Семиона⁵⁸. Понятно, что для привлечения духовных лиц было необходимо согласие Даниила. Мало того, митрополит гарантировал удельному князю безопасность. В его послании указывалось: «Емлем тебя на свои руки». В случае отказа от явки в Москву архиерей угрожал проклятием⁵⁹. Одновременно к столице Андрея Старице были посланы войска. Удельный князь решил бежать по направлению к Новгороду. Правительству было важно не доводить дело до открытого вооруженного столкновения. В конце концов Ивану Овчине Телепневу, поклявшемуся Старицкому в том, что он не будет арестован, удалось убедить князя Андрея поехать в Москву⁶⁰. Как говорится в одной из Новгородских летописей, правительственные воеводы «дали обеты великие и всякие правды и крест целовали»⁶¹. Официальные летописи подчеркивают, что гарантии безопасности удельному князю были даны без согласования с правительницей — самовольно. За это на Овчину была положена «словесная опала великая»⁶². Скорее всего, целуя крест, правительственный воевода знал, что Андрей будет арестован. Таким образом, он сознательно брал на душу тяжкий грех. Согласно версии Вологодско-пермской летописи, Елена Глинская велела любыми способами добиться явки Старицкого в Москву, обещая пожалование и даже увеличение вотчины. Через день после приезда в столицу удельный князь был арестован⁶³. Видимо, Овчина приносил клятвы с санкции правительства⁶⁴, а упоминание «великой словесной опалы» было вставлено в летопись с тем, чтобы на правительницу не пала тень клятвopеступления.

Новгородские помещики, перешедшие на сторону князя Андрея, были повешены, а думцы Старицкого подверглись торговой казни и заключению. Причем первоначально и их собирались убить, но Даниилу удалось добиться помилования⁶⁵.

Расправа с удельным князем была последней значительной акцией правительницы Елены Глинской — в апреле 1538 г. она умерла⁶⁶. С ее смертью в России начался период боярского правления — великий князь Иван IV был еще слишком мал, чтобы самостоятельно править государством. Последующие десять лет сопровождались неоднократными дворцовыми переворотами и политическими убийствами. За власть боролось несколько боярских группировок, поочередно сменявших друг друга в руководстве Боярской думы. В последнее время М. М. Кром пришел к выводу, что в действительности «чехарды» правительств не было. По его мнению, правительство — это не придворные группировки, распадающиеся каждый час, а Дума в целом, опиравшаяся на дьяков, приказы, казну. Влияние дворцовых переворотов сводилось лишь к замене отдельных лиц в правящей элите⁶⁷. Мы не можем согласиться с подобным утверждением: ведь правительство и состоит из отдельных лиц. Очевидно, что смена лиц и ведет к некоторым изменениям в политике. В средневековом монархическом государстве на политику оказывает большое влияние тот, кто приближен к государю. Смена лиц в окружении великого князя (тем более когда он сам не полностью дееспособен) и означает, на наш взгляд, переворот. Что же касается дьяков и приказов, то они действительно не очень менялись при смене руководства. Но это, видимо, не означает, что в период политической нестабильности государственный аппарат работает так же, как и в период политического штиля.

Смерть Елены сразу же привела к персональным изменениям в правящей верхушке. По сообщению Постниковского летописца, в тот же день были освобождены из заключения бояре и дьяки Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого⁶⁸. 9 апреля бояре во главе с Василием и Иваном Шуйскими арестовали конюшего Ивана Овчину Телепнева и его сестру Агрипину. По Летописцу начала царства, сделано так было потому, что великий князь Иван держал их в «приближении»⁶⁹. Вскоре на свободу были выпущены князья Андрей Шуйский и Иван Бельский, сразу же ставшие боярами⁷⁰. Очевидно, что главную роль при дворе после смерти Глинской играли Василий и Иван Шуйские. 6 июня Василий Шуйский женил-

ся на родственнице Ивана IV, дочери царевича Петра, Анастасии. Шуйские сопровождали великого князя и в поездке на богомолье в Сергиев монастырь⁷¹.

Господство Шуйских при дворе и в Думе не устраивало И. Ф. Бельского. Он попытался добиться, в тайне от других бояр, пополнения высшего правительственного органа своими сторонниками: Юрием Голицыным и Иваном Хабаровым. Помощниками Бельского стали дьяк Федор Мишуриин и митрополит Даниил. Часть исследователей объясняет подобный альянс тем, что Мишуриин и Даниил стремились использовать Бельских как средство для удаления от власти Шуйских, так как являлись убежденными сторонниками централизованного государства⁷². Подобное объяснение кажется нам не соответствующим действительности, по крайней мере в отношении Даниила. Вероятнее всего, дело в другом: находившиеся у власти Шуйские не допускали активного участия митрополита в делах (не случайно он не упоминается в летописях в первые месяцы после смерти великой княгини). Но в условиях, когда не было дееспособного законного правителя, предстоятель Церкви традиционно становился одним из активных политических деятелей. Достаточно вспомнить роль Алексея при Дмитрии Донском или Фотия в малолетство Василия Темного. В 1538 г. ничего подобного по источникам не видно. Возможно, Даниил считал, что, поддержав И. Ф. Бельского в его столкновении с Шуйскими, он получит место в правительстве и будет реально влиять на государственные дела до совершеннолетия Ивана IV. Причем стремление влиять на политику было свойственно не только Даниилу, но и его преемнику на кафедре Иоасафу. Свергали митрополитов с престола не потому, что они при боярах стремились проводить «централизаторскую политику», а потому, что стремились реально участвовать в управлении страной, поддерживая одну из борющихся за власть группировок⁷³.

Замыслу Бельского, Даниила и Мишурина о пополнении Боярской думы новыми членами не суждено было осуществиться. Узнавшие об этом Шуйские «начаша вражду велику држати и гнев на Данила митрополита и на князя Ивана на Бельского и на Феодора Мишурина». 21 октября И. Ф. Бельский был посажен «за сторожи», а дьяк Мишуриин казнен. По этому поводу в летописи сказано: «И многие промеж их бяше вражды о корыстях и о племянех их, всяк своим печется, а не государским, ни земским . . . и многу мя-

тежу и нестроению в те времена быша в христианской земле, грех ради наших, государю младу сущу, а бояре на мзду уклонишася без возбрашения, и много кровопролитна промеж собою вздвигоша, и в неправду суд держаще, и вся не о Бозе строяше . . . »⁷⁴. Митрополит Даниил оставался на своем престоле еще несколько месяцев.

Задержка санкций против иерарха со стороны Шуйских была обусловлена, видимо, несколькими причинами: во-первых, в ноябре умер глава правительства князь Василий Шуйский⁷⁵; во-вторых, необходимо было определиться с кандидатурой (или кандидатурами) на митрополичий престол; в-третьих, нужно было дожидаться приезда в Москву архиереев из провинции для того, чтобы смена митрополитов прошла законным образом. Кроме того, следовало подготовить общественное мнение к смене первосвященителей.

25 января в Москву приехал Новгородский архиепископ Макарий. Кроме него к февралю 1539 г. в столице находились Акакий Тверской, Иона Рязанский, Вассиан Коломенский, Досифей Сарский, Алексей Вологодский⁷⁶. 2 февраля Даниил был сведен с престола «великого князя бояр нелюбием, князя Ивана Шуйскаго и иных, за то, что он был в едином совете с князем Иваном Бельским»⁷⁷. В приведенном известии акцент делается на политическую подоплеку свержения митрополита. Однако Постниковский летописец приводит и еще одно известие, которое может свидетельствовать о том, что не только Шуйские, но и достаточно значительная часть тогдашнего общества считала Даниила недостойным занимать первосвященительский престол: митрополит был согнан потому, что «учал ко всем людям быти немилосерд и жесток, уморял у себя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое»⁷⁸.

Очевидно, что новый глава правительства князь Иван Шуйский не имел на пост митрополита своего кандидата. Об этом говорит тот факт, что сменивший Даниила Иоасаф был избран жребием из трех настоятелей монастырей Троицкого, Чудова и Хутынского⁷⁹. Даже в летописи при рассказе о поставлении Иоасафа говорится о том, что его «избрали»⁸⁰. Жеребьевка опровергает мнение С. М. Каштанова о том, что еще с октября 1538 г. было решено возвести на кафедру именно Иоасафа⁸¹. Едва ли справедлива и точка зрения А. А. Зимина, который считал, что Шуйские и их «союзнники из числа нестяжателей» стремились убрать Даниила. Исследователь считает, что Иоасаф был «нестяжателем» и

противником «иосифлян» и именно поэтому он и стал новым митрополитом под «прямым нажимом правителей»⁸². Дело в том, что само существование в то время «нестяжателей» как значительной внутрицерковной группировки, выступавшей против владения монастырей населенными землями, не подтверждается источниками. Мнение историков о том, что игумен Троицкого монастыря был «нестяжателем»⁸³, ничем не может быть доказано. Противоречия внутри церковной организации если и были, то не вокруг вопросов собственности.

Князя Ивана Шуйского мало заботили внутрицерковные противоречия. Ему было практически все равно, кто займет престол — «иосифлянин» или «нестяжатель», ведь в жеребьевке участвовал и архимандрит Хутынского монастыря Феодосий, которого исследователи признают «иосифлянином»⁸⁴. Скорее всего, Иоасаф был просто приемлемой для Шуйского кандидатурой, как и остальные претенденты. Расчет правителя, видимо, заключался в том, чтобы новый митрополит не вмешивался в политические дела, занимаясь лишь управлением Церковью. 9 февраля Иоасаф стал новым предстоятелем Русской церкви⁸⁵.

Бывший митрополит Даниил, сосланный в Иосифов монастырь, отреченную грамоту подписал лишь 26 марта, спустя полтора месяца после поставления Иоасафа. В ней указывалось, что отречение от престола было добровольным и произошло по «немощи разумения своего»⁸⁶. Р. Г. Скрынников считает, что отказываясь сразу подписать отреченную грамоту, Даниил сохранил возможность влиять на выборы своего преемника⁸⁷. К сожалению, исследователь ничем не доказывает своего предположения и, видимо, оно не соответствует действительности.

Если Иван Шуйский рассчитывал на невмешательство Иоасафа в политические дела, то он жестоко ошибся. Избранный по воле правителя, новый митрополит вскоре оказался на стороне противников Шуйских. Как писал Р. Ю. Вишпер, «иерархи с какой-то особенной горячностью ринулись в политическую борьбу»⁸⁸. Вопрос о том, почему святитель стал поддерживать Бельских, до сих пор не выяснен. Н. М. Карамзин, например, указывал: «Руководствуясь, может быть, любовью к Отечеству и видя неспособность Шуйского управлять державою, или по иным, менее достохвальным причинам, митрополит Иоасаф осмелился хлопотать за князя Ивана Бельского»⁸⁹. Те же объяснения, вернее их отсутствие, что

у Н. М. Карамзина, находим у С. В. Бахрушина: Иоасаф «человек незаурядный и большой воли, видя развал государства, предпринял некоторые шаги к его спасению. По его ходатайству . . . был освобожден Иван Федорович Бельский . . . »⁹⁰. Р. П. Дмитриева считает, что ставка Иоасафа на Бельского определялась не столько политическими соображениями, сколько личными симпатиями⁹¹.

Некоторые исследователи пытаются иначе объяснить происшедшее: по мнению А. А. Зимина, Иоасаф узнал о близости Шуйских к «иосифлянину» Макарию и решил поддержать Бельского⁹². С. М. Каштанов предполагает, что разрыв митрополита с правителями произошел потому, что Шуйские проводили принцип подсудности настоятелей монастырей во всех делах (кроме духовных) великому князю. Это вызвало протест Иоасафа, который как «несчаститель» требовал невмешательства светской власти в дела церкви⁹³.

Представляется, что считать Иоасафа прямым ставленником Шуйских нет оснований — его избрание на пост митрополита произошло случайно (с помощью жребия). Благодаря этому Иоасаф был более-менее независимой от Шуйских фигурой и поэтому мог руководствоваться в своей деятельности собственными интересами. Позиция митрополита определялась, видимо, тем, что Шуйские правители не допускали предстоятеля Церкви к участию в политических делах. Однако Иоасаф мог считать, что в период малолетства великого князя именно митрополит должен быть одним из руководителей правительства.

Весной 1539 г. новый митрополит поставил архиереев в Ростов, Суздаль и Смоленск⁹⁴. В июле 1540 г. из заключения, по печалованию Иоасафа, был выпущен Иван Федорович Бельский. Князь И. В. Шуйский, как пишет летопись, стал «на митрополита и на бояр . . . гнев держати и к великому князю не ездити, ни з бояры световати о государских делех, ни о земских, а на князя на Ивана на Бельского великое враждование имети и зло на него мыслити; и промеж бояр велик мятеж бысть»⁹⁵. Видимо, освобождение Бельского было делом не только одного митрополита, но части бояр, недовольных засильем Шуйских⁹⁶. Некоторое время продолжалось двоевластие: так, во время поездки в Троицу в сентябре великого князя Ивана сопровождали и Бельский, и Шуйский⁹⁷, но уже вскоре Иван Шуйский оказался с полками во Владимире «казанского дела для»⁹⁸.

Иоасаф принимал участие в заседаниях Боярской думы. Сохранился любопытный рассказ, посвященный рассмотрению вопросов, связанных с нашествием крымских татар. Обсуждалась проблема: остаться великому князю Ивану в Москве или уехать. Бояре не могли прийти к единому мнению. Митрополит же высказался за то, чтоб Иван IV находился в столице: «Положити великого князя на Бога и пречистую Его Богоматерь и на чудотворцев Петра и Алексея, а те о Русской земле и о наших государях попечение имеют . . . » После этого бояре «сошли все на одну речь»⁹⁹. Как видим, слово архиерея оказалось решающим при обсуждении такого далекого от церковных дел вопроса.

Вообще же, Иоасаф довольно активно участвовал в политических делах — именно по его «печалованию» были освобождены из заключения двоюродный брат великого князя, сын Андрея Старицкого, Владимир и его мать Ефросиния. Немного позже князь Владимир получил и отцовский удел (правда, бояре были заменены на новых). Близкие отношения между И. Ф. Бельским и Иоасафом выразились и в том, что по просьбе Бельского митрополит уговорил великого князя простить брата правителя — князя Семена, бежавшего из России еще при Елене Глинской¹⁰⁰.

Простое перечисление событий, в которых принимал участие Иоасаф, бесспорно говорит о его вмешательстве в политические события. Не случайно летопись называет его «первосоветником» великого князя¹⁰¹. Очевидно, что именно стремление к активному участию в управлении государством и привело митрополита к поддержке И. Ф. Бельского. Но столь явная политическая связь делала положение Иоасафа крайне ненадежным при каких-либо переворотах. Находившийся с войсками во Владимире князь Иван Шуйский не сидел сложа руки — с помощью своих сторонников в январе 1542 г. он снова захватил власть.

И. Ф. Бельский был арестован, отправлен в ссылку, а затем и убит. Сосланы были и его основные сторонники — Щенятев и Хабаров. С кафедры был сведен Иоасаф. По сообщению Никоновской летописи, «а митрополиту Иоасафу начаша безчестие и срамоту чинити велию. Иоасаф . . . не мога того терпети, съиде с своего двора на Троицкое подворие, и бояре послаша детей боярских городовых на Троицкое подворие с неподобными речьми. И с великим срамом поношаста его и мало его не убиша, едва у них умоли игумен Троицкий Алексий Сергием чудотворцем от

убиения. И бысть мятеж велик в то время на Москве и государя в страховании учиниша, митрополита сослаша в Кирилов монастырь»¹⁰². Значительную роль в перевороте сыграли новгородские дети боярские¹⁰³. Активное участие в событиях помещиков позволяет некоторым ученым считать январь 1542 г. поворотным пунктом — началом борьбы за ликвидацию боярского правления, возглавляемую Макарием, вскоре ставшим митрополитом. Именно его считают одним из организаторов свержения Бельского. Свергнутый же Иоасаф был «выразителем и активным проводником боярской политики»¹⁰⁴. Однако для утверждений об активном участии Новгородского архиепископа в подготовке переворота нет оснований.

В марте 1542 г. новым митрополитом стал Макарий¹⁰⁵. Сведения о раннем этапе биографии будущего первосвятителя крайне скудны, а имеющиеся данные представлены в работах Р. Г. Скрынникова и архимандрита Макария (Веретенникова)¹⁰⁶. Последнему удалось доказать факт родственных связей между будущим митрополитом и знаменитым игуменом Иосифом Волоцким, а также уточнить время настоятельства Макария в Можайском Лужецком монастыре.

Будущий святитель родился в начале 80-х годов XV в. К какому сословию принадлежали его родители, неизвестно, хотя некоторые ученые и предполагают, что они не были дворянами¹⁰⁷. В конце XV в. Макарий оказался в монастыре, основанном Пафнутием Боровским. Эта обитель известна тем, что здесь начинали свой жизненный путь такие выдающиеся церковные деятели, как Иосиф Волоцкий, Даниил Переяславский и другие¹⁰⁸. Пребывание в этом монастыре оказало большое влияние на Макария, сюда он хотел вернуться и перед своей смертью¹⁰⁹.

Следующий этап в биографии Макария — настоятельство в Можайском Лужецком монастыре. Долгое время считалось, что он стал архимандритом в 1506 г.¹¹⁰ Однако еще Е. Е. Голубинский предположил, что эта дата не верна и считал, что в действительности будущий митрополит оказался в Можайске в 1516 г.¹¹¹ Только в последнее время удалось установить, что Лужецким архимандритом Макарий стал лишь в 1523 г. при митрополите Данииле¹¹². Можно предположить, что в это время Макарий уже был знаком с великим князем Василием III Ивановичем, который посещал Боровск в 1513 г.¹¹³ Бывал великий князь и в Можайске¹¹⁴.

В марте 1526 г. Макарий был поставлен Новгородским архиепископом. Очевидно, чтобы получить столь ответственное назначение, надо было завоевать симпатии и самого Василия Ивановича, и Даниила. Особое значение поставлению Макария архиепископом придает тот факт, что в Новгороде не было своего иерарха уже 17 лет¹¹⁵.

Во время шестнадцатилетнего пребывания в Новгороде Макарий ввел в местных монастырях общежительный устав, развернул широкую миссионерскую деятельность по распространению христианства среди населения северных окраин Руси¹¹⁶. Трудно переоценить литературную, книгописную и редакторскую работу, проводившуюся в Новгороде под руководством архиепископа¹¹⁷. Будущий митрополит принимал активное участие в подавлении мятежа князя Андрея Старицкого в 1537 г.

Почему же именно он стал новым предстоятелем Церкви? Исследователи считают, что решающими были две причины: во-первых, близость Макария к Шуйским и, во-вторых, требования новгородских помещиков — активных участников январского переворота¹¹⁸. Однако между историками нет единого мнения о том, какая из этих причин была главной, а какая — второстепенной. Так, Н. И. Шатагин и И. И. Смирнов основное внимание уделяют требованиям детей боярских — новгородцев, которые выдвигали Макария как борца за централизованное государство, в то время как А. А. Зимин доказывает, что Макарий — ставленник Шуйских.

А. А. Зимин приводит четыре доказательства близости будущего митрополита к князю А. М. Шуйскому:

— послание А. М. Шуйского к Макарию с просьбой ходатайствовать за него перед Еленой Глинской;

— А. М. Шуйский был близок к Юрию Дмитровскому, а Юрий находился в переписке с Иосифом Волоцким;

— в 1539–1540-х годах Макарий вел переговоры с А. М. Шуйским;

— в сентябре 1539 г. Шуйские дали тарханную грамоту Иосифо-Волоколамскому монастырю, что могло означать первую попытку установления контакта с «иосифлянами»¹¹⁹.

Рассмотрим аргументы А. А. Зимина.

— То, что А. М. Шуйский обращался к Новгородскому архиепископу Макарию с просьбой о печаловании, не говорит, на наш взгляд, об особой близости Макария и Шуйского, так как известно,

что Макарий активно пользовался правом печалования. Опальный князь знал это и просил за себя.

— Близость А. М. Шуйского к Юрию Дмитровскому, который, в свою очередь, был в переписке с Иосифом Волоцким (то есть минимум за 27 лет до описываемых событий), ни о чем говорить не может.

— А. А. Зимин имеет в виду речь Андрея Шуйского при его поставлении псковским наместником, в которой он благодарит Макария за визит в Псков (но нет ничего удивительного в том, что наместник обратился с речью к присхавшему иерарху).

— Непонятно, как тарханная грамота, данная монастырю, в котором Макарий не был постриженником, может говорить о его близости к Шуйским.

Таким образом, доказательства А. А. Зимина не подтверждают его выводов об особой близости Макария к А. М. Шуйскому. Мало того, Г. В. Абрамович например, считает, что Макарий был во враждебных отношениях с Андреем Шуйским, а на митрополию его пригласили по рекомендации Ивана Васильевича Шуйского¹²⁰. К сожалению, исследователь не приводит доказательств своей гипотезы.

Мнение об особой близости Макария к князьям Шуйским не выдерживает, на наш взгляд, критики. Предположение о том, что на избрании Макария могли настаивать дети боярские — новгородцы, кажется нам более убедительным. Но настаивали они не потому, что считали его борцом за централизованное государство, а просто находили его, по справедливому замечанию Е. Е. Голубинского, достойнейшим кандидатом. Можно согласиться с Е. Е. Голубинским и в том, что «достойнейшим» кандидатом его считало и духовенство, особенно в условиях, когда два митрополита подряд были «согнаны» с престола боярами¹²¹. Место первосвященника в то время было не очень заманчивым, и не случайно сам Макарий позже писал, что неоднократно отказывался от столь высокой чести, предложенной Освященным собором и великим князем Иваном, но «не возмогах преслушатися» и в конце концов согласился¹²².

Нельзя забывать и того, что Макарий в свою бытность в Новгороде зарекомендовал себя как мудрый пастырь и администратор и являлся самым авторитетным и образованным иерархом Русской церкви¹²³.

После скандального сведения Иоасафа перед Шуйскими стояла

непростая задача. Дело в том, что Иоасаф был выбран жребием, то есть по воле Бога, его «сгон» с митрополии был незаконен. Бесчинства на Троицком подворье, едва не закончившиеся убийством митрополита, также не могли облегчить положение новых правителей. Перед ними была перспектива конфронтации со всей церковной организацией, а пойти на это было очень рискованно. У Шуйских, видимо, не было выбора. Митрополитом должен был стать самый авторитетный из церковных деятелей того времени. Таковым и был новгородский архиепископ Макарий. Определенную роль сыграло и то, что он был хорошо известен детям боярским — новгородцам, активным участникам свержения Бельского. Макарий не был сторонником Шуйских, но он не был и их противником.

Поставление Макария митрополитом в 1542 г. было вызвано не связями его с Шуйскими и участием в январском перевороте, а тем авторитетом, каким Макарий пользовался в Церкви. Макарий был известен и за пределами России — сохранилась грамота к нему Иерусалимского патриарха Германа¹²⁴. Именно авторитет новгородского архиепископа в Церкви и стране и привел его на митрополичий престол.

Новый первоиерарх Русской церкви оказался в тяжелом положении — ему следовало определить свое отношение к происходившим в стране событиям. Некоторые исследователи склонны считать Макария центральной фигурой в политической борьбе, направленной на ликвидацию боярского правления. Н. И. Шатагин писал о том, что «Макарий с 1542 г. стал центральной фигурой, организующей все значительные общественные силы возле личности великого князя против бунтующих вассалов». Именно ему принадлежит первая роль в наступлении на княжат¹²⁵. Н. И. Шатагину вторит И. И. Смирнов: «Программа Макария — ликвидация боярской реакции, восстановление основ самодержавного строя, распатанного боярами и княжатами»¹²⁶. Однако мнение этих исследователей не подтверждается источниками. О политической активности митрополита в первые годы его первосвятительства летописи не сообщают. Скорее всего Макарий сознательно избегал участия в борьбе за власть между различными боярскими группировками. Судьба Даниила и Иоасафа могла надолго отбить охоту к участию в политических столкновениях.

Вместе с тем Макарий пользовался правом печалования¹²⁷ и присутствовал на заседаниях Думы. На одном из заседаний в сен-

тябре 1543 г. возник конфликт: А. М. Шуйский и его сторонники схватили Федора Воронцова за то, что «великий государь жалует и бережет». От убийства Воронцова спасло лишь вмешательство митрополита, посланного к боярам Иваном IV. Однако сам Макарий подвергся оскорблениям со стороны бояр: Фома Головин «у митрополита на манатью наступил и манатью на митрополите подрал»¹²⁸. Такое отношение к иерарху показывает всю тяжесть положения архиерея в период боярского правления. Сам факт того, что Макарий принимал участие в заседании Думы, не может свидетельствовать о его активной роли. Вполне возможно, что обсуждались не государственные дела, а духовные: следующее известие летописи говорит о поездке великого князя в Троицкий монастырь, Волок и Можайск. Вместе с Иваном отправились и неназванные по имени бояре¹²⁹. Спор между боярами мог возникнуть из-за того, кто будет сопровождать Ивана IV в поездке.

Активность митрополита усилилась к тому времени, когда великий князь подрос. В Царственной книге содержатся сведения о «совете» Ивана IV с Макарием. Итогом этого «совета» стало решение о венчании на царство и женитьбе. Судя по летописи, митрополит узнал о намерениях государя раньше, чем светские власти. По такому случаю все бояре, даже находившиеся в опале, были приглашены во дворец «по митрополиче по них присылке»¹³⁰. Однако подготовка к торжествам не помешала Ивану 3 января отправить на эшафот князей Дорогобужского и Овчина Оболенского. Казнь сопровождалась конфискацией имущества¹³¹. Интересно, что митрополит не успел или не счел нужным печаловаться в этом случае. Один из источников замечает, что князья были казнены повелением родственников Ивана IV по матери — Глинских¹³².

Известно, что князья Глинские пользовались наибольшим влиянием при дворе на заключительном этапе боярского правления. В литературе нет единого мнения по оценке их правления. Существуют два взаимоисключающих подхода. Первый — деятельность этих царских родственников была апофеозом боярского беспредела¹³³. Наиболее ярко это мнение выразил Г. В. Абрамович, который писал о том, что влияние Глинских принесло больше вреда, чем правление всех предшествующих боярских группировок. Временщики отличались непомерной гордостью и жадностью, были ненавидимы всеми слоями населения Москвы¹³⁴. Некоторая же часть историков считает, что Глинские стремились укрепить централь-

ную власть, так как опираться они могли только на родственные связи с Иваном IV¹³⁵. Вместе с тем и эти исследователи отмечают, что их правление существенно не отличалось от правления предшествовавших им группировок, а для обоснования тезиса об их стремлении укрепить центральную власть ссылаются в основном на коронацию Ивана в январе 1547 г. Однако вопрос о том, кто являлся организатором коронации, до настоящего времени не решен. Источники, которые помогли бы однозначно на него ответить, не известны. Официальная летопись представляет дело так, что великий князь сам решил жениться и «поискати прежних своих прародителей чинов». Митрополит и бояре лишь одобрили это решение¹³⁶. Очевидно, что государь был слишком мал, чтобы самостоятельно принимать подобное ответственное решение. Но кто стоял за ним: Макарий или Глинские? По нашему мнению, инициатором венчания на царство был митрополит, исходивший из церковных представлений о правильном устройстве христианского народа¹³⁷.

Что же касается стремления Глинских укрепить центральную власть, то, как нам представляется, любая боярская группировка, приходя к власти, стремилась укрепить центральный аппарат с целью усилить свое влияние по всей стране. Но в обстановке неуверенности в завтрашнем дне, вызванной частыми переворотами 40-х годов, центральная власть слабела, независимо от желаний находящихся в данный момент у власти лиц. Таким образом, мы не можем принять мнение о том, что правительство Глинских было более «прогрессивно», чем предшествовавшие ему боярские группировки.

Глинские были свергнуты в ходе Московского восстания в июне 1547 г. Событиям предшествовал «великий пожар», во время которого выгорела часть столицы¹³⁸. Восставшие убили князя Юрия Глинского, а затем явились к царю в село Воробьево, требуя выдачи Михаила Глинского и бабки царя — княгини Анны¹³⁹.

Многие исследователи склонны считать, что падение правителей было вызвано заговором бояр, в котором принимал участие и митрополит¹⁴⁰. С. О. Шмидт указывает и причину враждебности Макария к Глинским. Они, по мнению исследователя, стремились к ограничению митрополичьей юрисдикции¹⁴¹.

Однако в источниках нет данных, позволяющих говорить об активном выступлении митрополита против Глинских. В своих рассуждениях историки опираются на то, что решение о расследовании причин пожаров было принято на совещании у Макария, но о при-

сутствии самих Глинских на этом совещании не упоминалось¹⁴². Нельзя забывать и о том, что после неудавшегося бегства Глинских в Литву именно митрополит выступил ходатаем за них¹⁴³. В период же восстания Михаил и Анна Глинские прятались «по монастырям»¹⁴⁴. Все это не позволяет нам отнести Макария к числу основных участников свержения временщиков.

Деятельность главы Русской церкви в период 1542–1547 гг. говорит о том, что он стремился избегать активного участия в политической борьбе. Если бы Макарий проявил себя противником Глинских, то они могли бы, видимо, добиться его свержения с митрополии. Однако этого не случилось. Считаем, что этот архиерей старался держаться более-менее нейтральной позиции. И это ему удавалось.

Вышесказанное не исключает того, что Макарий внутренне осуждал боярский произвол. Об этом говорят литературные памятники с крайне резкой оценкой боярского правления, вышедшие из его окружения¹⁴⁵, но интересно, что нигде не упоминаются конкретные имена и фамилии «крамольных» бояр. Привлекает внимание одно место из Повести, опубликованной А. А. Зиминим. После описания боярского самовольства следует фраза: «Много же нестроения тогда содевахуся, даже и до самого возраста царского, донече цар Иван Васильевич царским венцем венчась рукою того пресвященного Макария митрополита, и законному браку приобщися»¹⁴⁶. Этот фрагмент подчеркивает, во-первых, роль Макария в венчании на царство и, во-вторых, то, что беспорядки в стране продолжались лишь до коронации и свадьбы, то есть до января-февраля 1547 г. Но в этот период, как единодушно отмечают исследователи, господствовали Глинские. Отсюда следует, что автор Повести не ставит знак равенства между предшествующими боярскими правительствами и временем Глинских.

Из источников можно сделать вывод: Макарий не был противником Глинских, а сохранял по отношению к ним благожелательный нейтралитет.

Описание совещания у Макария после пожара не дает никаких оснований утверждать, что на нем с обвинениями в адрес царской родни кто-то выступал. Было просто предложено провести расследование, как это было, видимо, и после пожаров в апреле 1547 г. Как говорится в Постниковском летописце, «а говорили . . . что зажигали зажигальники, и зажигальников многих имали и пытали

их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех казнили ...»¹⁴⁷. Представляется, что именно так хотели власти поступить и на этот раз. Царственная книга не содержит никаких обвинений в адрес Глинских на совещании. Упоминается лишь возможное волшебство, из-за которого возникли пожары¹⁴⁸. О самом Макарии здесь вообще ничего не говорится. В опубликованной И. А. Жарковым Повести роль митрополита более значительна. Пишется о том, что царь беседовал с первосвятителем о пожаре, причем Макарий утешал Ивана, поучал его «на всякую добродетель, слико подобает царем православным быти». Затем архиерей просил за опальных, и царь их «пожаловал». В свою очередь, Иван IV призвал Макария молить Бога «о царе и княгине, и о князьях и боярах, и о всем христианстве»¹⁴⁹.

Учитывая свидетельства источников, совершенно непонятно, откуда исследователи почерпнули сведения о том, что именно 23 июня бояре стали обвинять в поджогах бабку царя и ее детей, князей Михаила и Юрия Глинских¹⁵⁰. Мало того, А. А. Зимин считает, что эти обвинения выдвигались при «молчаливом сочувствии митрополита»¹⁵¹. Позиция царского духовника благовещенского протопopa Федора, который, согласно Царственной книге, первый выступил с заявлением о колдовстве¹⁵², не может, видимо, полностью переноситься на митрополита.

Известие о боярских обвинениях в адрес царских родственников имеется у самого Грозного. В Первом послании Курбскому он пишет: «Наши же изменные бояре ... научиша народ ... будто матери нашей мать, княгини Анна Глинская, с своими детьми и людьми ... чародейством Москву пожгли ... И тако тех изменников научением боярина нашего, князя Юрья Васильевича Глинского ... убиша...»¹⁵³. Очевидно, что Иван обвиняет бояр именно в натравливании «черни», а не в том, что Глинские были обвинены в присутствии царя и митрополита. О том, что бояре «напустили чернь», говорится и в приписках к Царственной книге¹⁵⁴.

С. О. Шмидт, с одной стороны, справедливо указывает, что на совещании у митрополита вовсе не обязательно бояре обвинили Глинских в поджигательстве и колдовстве, а с другой — тут же добавляет, что их политическая судьба была решена именно на этом собрании. Однако, пишет далее историк, речь о полной опале не шла, так как в этом случае Юрий Глинский вряд ли мог быть 26 июня в Кремле¹⁵⁵.

В нашем распоряжении нет источников, которые свидетельствуют о том, что на совещании у митрополита звучали обвинения в адрес Глинских и, тем более, что они были сочувственно встречены Макарием. Представляется, что на совещании у митрополита никакого разговора о царских родственниках не велось, было просто решено начать расследование причины пожара. Это не значит, что бояре не могли распускать в народе слухи о том, что Москва сгорела из-за Глинских. Но обезумевшие от горя жители столицы и без боярских подсказок винили правителей в обрушившихся на них бедствиях. Как указывает Царственная книга, «от их (Глинских. — В. Ш.) людей черным людям насильство и грабеж, они же их от этого не унимали»¹⁵⁶. Участие бояр в падении временщиков едва ли было решающим. Главную роль играло недовольство посадских, направленное против виновников их несчастий. Митрополит Макарий не выступал против Глинских, а занимал по отношению к ним нейтральную позицию. Правители пали в результате восстания, непосредственным поводом к которому послужил «великий пожар».

Московское восстание положило конец боярскому правлению. Подводя итоги этого периода, можно сказать, что судьба митрополитов была тесно связана с их позицией в придворной борьбе. Даниил и Иоасаф, стремясь к активному участию в решении государственных дел, сделали ставку на И. Ф. Бельского, связав свое будущее с его судьбой. Связь с Бельским была для них лишь средством достигнуть влияния при малолетнем великом князе, влияния, которое митрополиты могли рассматривать как должное в годы неполной дееспособности правителя. Дело вовсе не в том, что Даниил и Иоасаф стремились предотвратить разрушение централизованного государства и поэтому выступали против Шуйских. Исследования показывают, что политика Бельского не была «прогрессивней», чем политика его противников¹⁵⁷. Просто Шуйские не допускали участия митрополитов в политических делах. Связь с Бельскими дорого стоила иерархам: и Даниил, и Иоасаф были свергнуты с престола. Лишь Макарию удалось удержаться на своем посту. Этому помогло сознательное неучастие митрополита в политической борьбе того времени. Очевидно, что подобная позиция была единственно правильной в условиях 40-х годов XVI в.

Политическая история конца 40-х–50-х годов XVI в. неразрывно связана с деятельностью митрополита. Литература, посвященная Макарию, очень обширна. Исследователи, занимающиеся временем Ивана Грозного, не могут обойти вниманием ту роль, какую играл митрополит при дворе в первый период правления «грозного» царя.

Об огромном интересе ученых к фигуре иерарха свидетельствует то, что простой перечень трудов, в которых рассматривается тот или иной аспект деятельности митрополита, насчитывает несколько сотен наименований. В последние годы появились два библиографических указателя. Один из них принадлежит перу Н. Ф. Дроблепковой и сопровождает ее обзорную статью в Словаре книжников и книжности Древней Руси, посвященную Макарию¹⁵⁸. Однако более подробный список литературы приведен архимандритом Макарием (Веретенниковым). В его перечень включено около 500 трудов, которые в той или иной мере затрагивают те или иные направления деятельности святителя¹⁵⁹. Существование таких перечней научных трудов позволяет нам более подробно остановиться лишь на тех исследованиях, которые имеют большое значение для характеристики церковно-политической деятельности митрополита Макария, для определения представлений ученых о степени участия этого иерарха в важнейших политических событиях середины XVI в. При подобном подходе из поля зрения выпадает деятельность святителя в области культуры, которая, безусловно, не менее важна, чем политическая.

Еще Н. М. Карамзин обратил внимание на важную роль «архипастыря церкви» в годы малолетства Ивана: «Он имел свободный доступ к государю, мог советовать ему, смело противоречить боярам и действовать на умы граждан христианскими увещаниями». Ученый склонен приписывать Макарию связь с Шуйскими, на сторону которых он «может быть . . . склонил жителей Новгорода в надежде заступить место Иоасафа». Но единение с Шуйскими продолжалось у Макария недолго — «недовольный их дерзким насилием, он оставил их сторону». Вообще же, у Н. М. Карамзина больше места отведено деятельности Сильвестра и Адашева, чем митрополита. Говоря о смерти Макария, историк пишет, что он был «не смелым обличителем царских пороков, но и не грубым льстецом их». В политической жизни, особенно после 1547 г., Макарий, по

Н. М. Карамзину, не играл ведущей роли: царь действовал, опираясь на «чету избранных Сильвестра и Адашева, которые приняли в священный союз свой не только благоразумного митрополита, но и всех мужей добродетельных»¹⁶⁰. Как видим, Макарий оказывается в подчиненном положении наряду с «мужами добродетельными». Так, для историографа главными деятелями этого периода оказываются Сильвестр и Адашев.

Несколько иначе представлял себе события Евгений (Болховитинов). По его мнению, сначала Макарий присоветовал царю жениться, а потом избрал ему «общество из благонравнейших» — вызвал из Новгорода «благочестивого и добродетельной жизни» пресвитера Сильвестра, которому поручил «увещевание его и наставление». Затем митрополит приставил к нему «благонравнейшего» А. Ф. Адашева «ближайшим собеседником»¹⁶¹. Нетрудно заметить, что и Н. М. Карамзин, и Евгений (Болховитинов) так же, как и многие другие исследователи, находились под влиянием Переписки Грозного и Курбского и Истории о великом князе Московском.

Архиепископ Филарет (Гумилевский) считал, что Макарий вместе с «немногими избранными мужами того времени составлял Избранную раду или Думу»¹⁶², иными словами, входил в правительство, не уточняя, на первых ролях или на вторых.

Илья Беляев думал, что основным действующим лицом конца 40-х — начала 50-х годов XVI в. был сам Иван Васильевич. Он считает, что немедленно по вступлении в самостоятельное управление государством царь принялся за дело земского и церковного государственного устройства. Макарий стал «сотрудником» государя, «не отказавшимся разделить с ним дело устройства земли русской и действовавшим в том же духе, что и царь»¹⁶³.

Известный церковный историк Макарий (Булгаков) пришел к выводу, что начиная с 1547 г. Макарий был в числе ближайших советников царя вместе с Сильвестром и Адашевым. Ученый перечисляет государственные дела митрополита: участие в Восточной политике, переговоры с Литвой, печалование за опальных¹⁶⁴.

И. Н. Жданов писал о большом влиянии Макария на царя, благодаря которому он смог сохранить свой пост во всех придворных перипетиях своего времени, хотя «роль его в этих передерягах еще не вполне выяснена»¹⁶⁵. В другой своей работе И. Н. Жданов, видимо «выяснив» роль Макария в «передерягах», говорит о том, что «к вмешательству в дела государственные он не чувствовал ни вкуса,

ни навыка. В событиях своего времени он никогда не играл первой роли, постоянно находился под давлением посторонних влияний». Митрополит — характер почтенный, но не яркий. Его интересовали главным образом церковно-обрядовые вопросы. А после выдвижения Сильвестра на его долю выпадает второстепенная роль¹⁶⁶.

Первую монографию, посвященную деятельности митрополита, написал Н. Лебедев. Он отметил большое влияние Иосифа Волоцкого на Макария и высказал предположение, что его наставником в идеях Иосифа был митрополит Даниил. В событиях 1542 г. (поставлении Макария митрополитом) ученый видит прямое участие Шуйских, с которыми Макарий был связан еще с повгородских времен. Но, пишет далее Н. Лебедев, митрополит понимал, что владычество бояр не могло быть продолжительным. Он вскоре порвал с Шуйскими и стал на сторону «исключительно интересов самодержавия». Мало того, именно Макарий стал главной поддержкой Ивана IV в установлении им самодержавия. На воспитание молодого царя митрополит практически не повлиял, ученый видит причину этого в том, что «слишком живым был в его памяти опыт предшествовавших ему двух митрополитов». Основываясь на литературной деятельности Макария, Н. Лебедев приходит к выводу, что он был «человеком кабинетного уединения», а не широкой политической деятельности. Несмотря на это, венчание на царство было проведено при ближайшем участии митрополита. После выдвижения Сильвестра Макарий оказался по отношению к нему «совершенно в пассивном положении». Находясь в тени всемогущего временщика, Макарий стоял неизменно на его стороне¹⁶⁷. Таким образом, по Н. Лебедеву выходит, что в 50-е годы митрополит не играл самостоятельной политической роли. Дал краткую характеристику Макарию Н. Лебедев, и в другой своей работе: митрополит был «человек кроткий, мягкий и уступчивый», он входил в правительство вместе с Сильвестром и Адашевым. Рада, по мнению ученого, в целях нравственного исправления царя его женила и начала Казанскую войну¹⁶⁸.

Примерно в то же время появилась и большая работа К. Заусицкого, посвященная Макарию. Он считал митрополита ближайшим сотрудником первой половины царствования Ивана Грозного, который принимал деятельное участие во всех политических делах того времени. Автор доказывает, что Макарий получил митрополичий престол благодаря Шуйским. Ход его рассуждений та-

ков: Иван Шуйский был сыном последнего Новгородского вольного князя, новгородцы были среди главных действующих лиц при перевороте 1542 г. и чуть не убили Иоасафа; в свое время Макарий заступился за опального Андрея Шуйского — и, учитывая все это, Шуйские выбрали его митрополитом. Новый митрополит, однако, не смог сойтись с партией Шуйских, так как «ставил царскую власть выше всего, в царе видел защитника и блюстителя православной веры и его унижение считал «безчинием»». К. Заусцинский признает вероятным и возможным, что Макарий участвовал в перевороте 1543 г. (казнь Андрея Шуйского). С усилением царской власти усилилось и значение митрополита. Иван не решает ни одно дело без Макария. Он принимает живейшее участие во внутренних реформах, в войне с Казанью. Макарий был «царским советником, но его советы никогда не превращались в настойчивые требования»¹⁶⁹.

По мнению В. Н. Латкина, митрополит был членом «Избранной рады», но подвизался в ней не на первых ролях — Макарий назван третьим после Сильвестра и Адашева, но перед Курбским. Он, по мнению ученого, был единственным «иосифлянином» в составе правительства¹⁷⁰.

Сергий (Соколов) пришел к выводу, что митрополит не входил в «Избранную раду». По его представлениям, главным действующим лицом в это время был «всемогущий» Сильвестр. Макарий же — не болес как его «друг и споспешник»¹⁷¹.

Высоко ставил митрополита Е. Е. Голубинский. Он решительно отрицает существование связей Макария с Шуйскими в 1542 г. и его участие в свержении Иоасафа. Ученый пишет, что если бы Макарий искал кафедры митрополита, то постарался бы получить ее от Шуйских после свержения Даниила. Митрополитом же Макарий стал под давлением детей боярских — новгородцев, которые считали его достойнейшим кандидатом. В следующие пять лет его положение в период борьбы боярских группировок было «трудным и тягостным». Наконец в 1547 г. Макарий добивается венчания Ивана на царство. Главная же заслуга митрополита — это то, что он совершил «нравственное исправление Ивана IV, подысвовав на его благородное честолюбие»¹⁷².

В. А. Бочкарев при перечислении членов правительства ставил митрополита не на первое место. Автор дает психологический портрет Макария: «Он был похож на тех владык, которых называли

“келейными”. Он был тих, кроток, мягок, покладист, добродетелен . . . При всей своей честности и правдивости он, в то же время, не чужд был некоторой слабости, уступчивости и податливости». Макарий все двадцать лет своего служения пользовался неизменным расположением Ивана, духовенства, бояр и народа¹⁷³.

О митрополите писал Р. Ю. Виппер. Он называет десятилетие 1542–1553 гг. «эпохой клерикальной политики», указывая на то, что все реформы, все вопросы практической жизни получают направление от высшего духовного авторитета. Макарий, по мнению ученого, вышел из школы Ивана III, и под его влиянием Иван IV был в 1547 г. объявлен совершеннолетним. Митрополит, считает Р. Ю. Виппер, был человеком ученым, мягко умеренным, но вполне консервативным. Вместе с тем, несмотря на все свое влияние, Макарий не являлся главным действующим лицом в событиях своего времени. Таким лицом был Сильвестр¹⁷⁴.

С. Ф. Платонов считал Макария единственным источником благотворного влияния на Грозного, пользовавшимся неизменным уважением царя¹⁷⁵. Митрополит был, по мнению историка, не склонен к политической борьбе, далек от интриг, спокоен и предан умственному труду. Все время своего святительства он оставался чист от грязи боярских столкновений и злоупотреблений властью и для Ивана IV «явился как бы человеком другого мира». Под его влиянием «царь усвоил себе национально-политические идеалы, которым веровала окружавшая митрополита среда». Главой же правительства «Избранной рады», как думает исследователь, был Сильвестр, который совместно с Адашевым «присовокупил» в помощь Макария. В нем они получили союзника и нередко — вдохновителя¹⁷⁶.

Влияние на митрополита идей Иосифа Волоцкого отмечал С. В. Бахрушин. Ученый подчеркивает близость Макария к Шуйским, благодаря которым он и занял митрополичий престол. Вместе с тем по своим взглядам он был горячий сторонник самодержавной власти. Под его влиянием сложилась политическая идеология Ивана. Он же выдвинул мысль о венчании на царство молодого Грозного. Историк отмечает «какое-то отношение» Макария к свержению Глинских¹⁷⁷. В другой своей работе С. В. Бахрушин отрицает «легенду» о вхождении Макария и других духовных лиц в «Избранную раду». По его мнению, в 50-е годы митрополит уже не играл активной роли в событиях, поскольку как политический деятель не отличался твердостью и решительностью. Макарий был лишь

«выдающимся политическим писателем», талантливым и образованным идеологом царского самодержавия. Даже в 40-е годы он не пользовался большим авторитетом, а затем его оттеснила «восходящая звезда» Сильвестра¹⁷⁸.

Другое мнение о политической роли Макария высказал И. И. Смирнов. На митрополичий престол иерарха выдвинули служилые люди, и это событие означало начало борьбы за ликвидацию боярского правления и восстановление основ самодержавного строя. Вся деятельность Макария вытекала из его убеждений — он был врагом удельно-княжеского сепаратизма. Ученый говорит об огромной роли митрополита в выработке мировоззрения Ивана. Расцвет политической деятельности Макария И. И. Смирнов относит к концу 40-х — началу 50-х годов. Митрополит занял руководящее положение в правительстве, при перечислении его членов имя Макария стоит первым — перед Захарьиными, Адашевым и Сильвестром¹⁷⁹. Более подробно ученый изложил свои взгляды в поздней работе. Митрополит — лидер антибоярской группировки, тесно связанный с Воронцовыми. Он же выступал главным противником Глинских, сыграл руководящую роль в венчании на царство. На совещании после пожара 1547 г. он активно способствовал падению боярской группировки родственников царя. В своей борьбе митрополит опирался на посад и дворянство. И. И. Смирнов считает, что в конце 40-х — начале 50-х годов Макарий не просто участвовал в делах Думы, а стоял над ней. До 1552 г. он занимал положение наместника — правителя государства, с 1552 г. митрополит также занимается переговорами с Литвой. Для Макария характерно единство теории и практики: он играл и выдающуюся роль в разработке и обосновании идеологических основ власти русских государей и в практической политике. И. И. Смирнов подробно останавливается на событиях марта 1553 г. Он пишет о том, что молчание источников о позиции Макария свидетельствует не о политической пассивности митрополита, а о том, что он оказался втянутым в борьбу политических группировок и притом не в числе сторонников царевича Дмитрия. Кроме того, И. И. Смирнов считает, что Макарий был одним из важнейших последователей доктрины Иосифа Волоцкого и несомненной главой «иосифлян» во второй четверти XVI в.¹⁸⁰

С. Б. Вессловский — единственный ученый, считающий, что Макарий симпатизировал «нестяжателям». Митрополит пользовался большим авторитетом и влиянием на царя и бояр и не раз выступал

примирителем царя с его советниками. Влияние на Ивана он стал терять после смерти Анастасии в 1560 г., когда царь утратил душевное равновесие. Ученый отрицает участие Макария в событиях 1553 г. С. Б. Веселовский неоднократно говорит о мягкости митрополита, его доброжелательности, безупречности в личной жизни. Таким образом, Макарий оказывал влияние на окружающих благодаря своим нравственным качествам. Его положение зиждилось на огромном личном авторитете, то есть он не был политическим деятелем в привычном смысле, а выступал арбитром при столкновении царя с окружением¹⁸¹.

Поставление Макария в митрополиты связывал с Шуйскими И. У. Будовниц. Но, несмотря на это, иерарх не стал орудием боярской политики, он очень умело лавировал между боярскими группировками, в меру осуждал боярское своеволие. Как верный «иосифлянин», он стремился к усилению значения Московского государя и к тесному сотрудничеству между светской властью и духовной. Ученый называет Макария одним из виднейших политических деятелей XVI в. Его влияние видно в принятии Иваном царского титула. Митрополит был человеком мягким, благожелательным, компромиссного склада, никогда не обострял ни с кем отношений и не имел врагов¹⁸².

Противоположную позицию занимал С. О. Шмидт, который пришел к выводу, что «деятельность Макария и церковных феодалов была одной из сильнейших помех в деле централизации страны»¹⁸³. Подобные взгляды исследователь высказывал и позже: «В условиях ... равновесия ... сил боярства и дворянства особое влияние приобретала церковь во главе с митрополитом Макарием, служившая помехой делу централизации государства; встречающаяся в трудах некоторых историков ... мысль, будто бы единение светской и духовной власти символизировало национальное единство страны и способствовало централизации Российского государства, далека от исторической правды»¹⁸⁴. Большую роль в политической жизни государства отводит ученый митрополиту в своих последующих работах. Макарий вершит государственные дела и подменяет, в отдельных случаях, государя — это, по С. О. Шмидту, «кульминационный пункт политической истории Русской церкви в XVI в.». Росту влияния духовенства на политическую жизнь способствовала Казанская война, с ее окончанием Макарий удалился от политической деятельности и в осуществлении важнейших реформ участия

практически не принимал¹⁸⁵. В 1989 г. С. О. Шмидт пишет о митрополите как об убежденном стороннике государственного единства, который уже в середине 40-х годов участвовал в политической борьбе: препятствовал удалению Воронцовых, пользовался правом «печалования». Ученый отмечает большую роль Макария в венчании царя, в проведении Восточной политики. Митрополит, по мнению историка, был проводником «линии вмешательства главы церкви в жизнь государства, в определение тенденций государственной политики, и притом не всегда в унисон с намерениями царя и его окружения»¹⁸⁶. Последние по времени взгляды исследователя на государственную деятельность Макария выражены в статье 1995 г. Теперь оказывается, что митрополит отдал много сил укреплению государства. Вместе с тем в этой статье он пишет, например, что перевод Макария в Москву был связан не только с его близостью Шуйским, о роли митрополита в переводе в столицу Сильвестра, об инициативе святителя в деле проведения Соборов середины XVI в. и др.¹⁸⁷

А. А. Зимин отмечал роль «иосифлянского» духовенства во главе с Макарием в Восточной политике. Это повышало престиж Церкви и способствовало вмешательству иерархов в правительственную деятельность¹⁸⁸. Ученый говорит о тесных связях митрополита с партией Шуйских, благодаря которым он и занял свой высокий пост. Неоднократно подчеркиваются приверженность Макария «иосифлянским» идеям, его участие в венчании Ивана на царство, содействие строительству Русского централизованного государства, развитию идеологии самодержавия. По мнению историка, в 1547 г. митрополит содействовал падению Глинских и переходу власти к Шуйским (а не к «Избранной раде», которая сформировалась несколько позже). Укрепление же позиций Макария при дворе произошло после 1553 г. и выразилось в его участии в переговорах с Литвой¹⁸⁹. В следующей своей работе историк акцентирует внимание на близости Макария к Шуйским. Вместе с тем «близость к Шуйским не исключала для иосифлянина Макария ненависти к реакционному боярству». Митрополит отнюдь не был борцом за ликвидацию боярского правления. Он — идеолог воинствующей церкви и защитник крупного монастырского землевладения. Великокняжескую власть он считал только союзником церкви в борьбе с ее противниками. В этой работе А. А. Зимин отрицает инициативу Макария в венчании Ивана на царство, поскольку данный акт

отвечал интересам Глинских¹⁹⁰. Несколько изменил свои взгляды ученый в работе 1977 г. Он пишет, что в ряде своих сочинений и в практической деятельности Макарий выступал идеологом и защитником самодержавия. Инициативу венчания Ивана IV на царство историк теперь также приписывает Макарию¹⁹¹. Об огромной роли митрополита в оформлении идеологии самодержавия говорил А. А. Зимин и в книге, написанной совместно с А. Л. Хорошкевич¹⁹².

А. В. Карташев предполагал, что Макарий стал митрополитом при непосредственном участии Шуйских, которые надеялись в нем видеть своего приверженца. Но они ошиблись в расчетах: «Заняв митрополичий престол, Макарий повел политику благоразумной уклончивости от участия в правительственных делах». Мало того, он всячески служил интересам развития самодержавной власти. Влияние митрополита ученый видит в венчании Ивана IV на царство. Даже в литературной деятельности Макарий был «усердным служителем идеи возвеличения московского царя»¹⁹³.

С этим согласен Р. Г. Скрынников. По его словам, Макарий ратовал за укрепление власти государя, отстаивал официальную теорию самодержавия, догмат о его божественном происхождении. По мнению ученого, митрополит был ловким царедворцем, дипломатом в рясе, умевшим приспособиться к менявшимся обстоятельствам¹⁹⁴. Эти же выводы ученый повторяет и в другой своей книге, добавляя лишь, что влияние митрополита не было исключительным¹⁹⁵. Р. Г. Скрынников раскрывает государственные функции Макария — это дипломатические переговоры с Литвой, сношения с мусульманским миром, но он отнюдь не был вдохновителем преобразований тех лет. Пик влияния митрополита наступил в 1547 г. после московских пожаров¹⁹⁶.

В. И. Корецкий пришел к выводу, что участие Макария в мирских делах не было определяющим: он подвизался, прежде всего, в качестве церковного деятеля. Ученый видит его инициативу во всех мероприятиях, направленных на укрепление церкви. Государственную власть митрополит поддерживал лишь до тех пор, пока она не посягала на прерогативы духовенства. В. И. Корецкий считает, что избрание Макария было устроено Шуйскими, но он не стал отстаивать боярские интересы, сознавая, что для укрепления позиции церкви необходимо укрепить государственную власть. Историк видит в главе церкви гибкого политика, не жалеющего сил, чтобы сгладить противоречия внутри господствующего класса. Исследо-

ватель отмечает роль Макария в венчании на царство. Митрополит хотел этим актом укрепить свое влияние на Ивана, а вместе с тем и усилить влияние церкви в политической жизни страны¹⁹⁷.

По мнению Т. Е. Новицкой, митрополит был «иосифлянином», членом «Избранной рады», но вместе с тем он не играл в ней ведущей роли, и его влияние на Ивана Грозного не было значительным¹⁹⁸.

А. С. Хорошев пишет, что митрополит «ловко приспособливал пастырскую миссию к запросам светских властей, а в трудные часы междоусобной борьбы предпочитал умыть руки и сохранить нейтралитет». Благодаря этому он пережил все боярские правительства и неизменно в течение двух десятков лет пользовался расположением Ивана IV¹⁹⁹.

Д. Н. Альшиц высоко оценивает политическую деятельность митрополита. Он называет его роль ключевой в образовании новой правящей группы («Избранной рады»). Макарий был мудрым и спокойным политиком, сторонником укрепления самодержавия. Он вел решительную борьбу против бояр, но его «консерватизм и церковный догматизм постоянно оказывали сдерживающее, ограничивающее влияние на проведение реформ». Он же способствовал появлению в окружении Ивана IV Сильвестра и Адашева. Митрополит вместе с Адашевым, Сильвестром и Анастасией создавал «светлый образ благочестивого царя»²⁰⁰.

Затронул некоторые аспекты деятельности Макария и Н. С. Борисов. По его мнению, митрополит сумел благополучно пережить «все политические конвульсии эпохи» благодаря своему умению идти навстречу пожеланиям как светских властей, так и «иосифлянскому» большинству церковной иерархии. Он смог сочетать защиту интересов церкви с крупными услугами правительству. Именно митрополит провел венчание на царство, благословил Ивана на борьбу с Казанью и Ливонским орденом. Вместе с тем в трудные моменты придворной борьбы он умел сохранять нейтралитет²⁰¹.

По мнению Н. Ф. Дробленковой, «иосифлянин» Макарий занял при Иване IV положение царского советника, участвующего в решении важнейших политических вопросов. По приезду в столицу он начал осуществление доктрины, утверждающей теократический характер царской власти и необходимость союза царской власти и Церкви. С 1547 г. Макарий входит в правительство вместе с Силь-

вестром, Адашевым, Захарьиными и Курбским. По его инициативе собираются Соборы примирения и на Церковных соборах начинают обсуждаться вопросы «земского устроения», благодаря чему Церковь получила возможность прямого вмешательства в дела светской власти. Отход митрополита от дел начинается с середины 50-х годов, а в событиях 1553 г. он сохранял нейтралитет²⁰².

Одним из руководителей правительства А. И. Филюшкин считает Макария. По его предположению, политическая роль митрополита была особенно велика до середины 50-х годов, затем она несколько уменьшилась. Роль святителя в формировании государственной политики России, по мысли исследователя, «трудно недооценить»²⁰³.

Много пишет о святителе архимандрит Макарий (Веретенников). Его трудами прояснены некоторые спорные моменты биографии митрополита. Он опубликовал источники о жизни этого иерарха, составил библиографию трудов, посвященных Макарию, и хронологию жизни святителя²⁰⁴. Однако в своих работах этот автор практически не затрагивает политическую деятельность Макария, основное внимание уделяя чисто церковной и культурной работе митрополита.

Обилие литературы, в которой упоминается о церковно-политической деятельности митрополита Макария в середине XVI в. и, следовательно, о различных аспектах взаимоотношений Церкви и государства, не может заслонить того факта, что специальных исследований, посвященных святителю, очень мало. Налицо иллюзия, которая создает видимость изученности проблемы, в то время как в действительности подобного нет. В самом деле, большая часть упоминаний о Макарии и его деятельности находится в трудах, посвященных совершенно иным сюжетам: или общим научно-биографическим сочинениям об Иване Грозном, или рассмотрению реформ 50-х годов, или собственно истории Церкви. Более полно в историографии, особенно последних десятилетий, нашли отражение вопросы, связанные с имунитетной политикой правительства, другими словами, с отношениями Церкви и государства в материальной, экономической сфере²⁰⁵. При всем разнообразии выводов основной результат этих исследований таков: правительство вело постоянное наступление на собственность церковных корпораций, Церковь, в свою очередь, препятствовала подобным поползновениям светских властей. В конечном итоге рост церковных владений

был поставлен под контроль, а основные земельные владения духовных феодалов обложены налогами.

Специальных исследований, посвященных анализу церковно-политической деятельности митрополита Макария, явно недостаточно. Это привело к тому, что важнейшие вопросы, имеющие непосредственное отношение к узловым проблемам отечественной истории XVI в., еще не нашли ответа. В самом деле, единственное, что не вызывает сомнений у ученых, так это то, что Макарий являлся «носифлянином» (Н. Лебедев, В. Н. Латкин, С. В. Бахрушин, И. И. Смирнов, И. У. Будовниц, А. А. Зимин и др.). Но на этом единодушие заканчивается. Можно выделить следующие основные мнения о политической деятельности митрополита:

-- Макарий — один из руководителей правительства (К. Заусцинский, И. И. Смирнов, И. У. Будовниц, С. О. Шмидт, Д. Н. Альшиц, Н. Ф. Дробленкова, А. И. Филиппкин).

— Макарий -- деятель второго плана, не игравший активной, руководящей роли в событиях (Н. М. Карамзин, И. Н. Жданов, В. Н. Латкин, В. А. Бочкарев, Р. Г. Скрынников, В. И. Корецкий).

— Макарий был активным политиком до выдвижения Сильвестра, а затем отошел на второй план (Н. Лебедев, Р. Ю. Вишнер, С. В. Бахрушин).

— Часть ученых отрицает, что митрополит вообще являлся политическим деятелем в привычном смысле (С. Ф. Платонов, С. Б. Веселовский).

— Макарий — глава «воинствующих церковников», поддерживающий государственную власть лишь в интересах Церкви (С. О. Шмидт, А. А. Зимин, В. И. Корецкий).

— Макарий — теоретик самодержавия, активно повлиявший на взгляды Ивана IV (С. Ф. Платонов, С. В. Бахрушин, И. И. Смирнов, А. А. Зимин, А. В. Карташев, Р. Г. Скрынников, Д. Н. Альшиц).

Следует признать, что это деление довольно условно, так как некоторые ученые меняли свои взгляды или высказывали их недостаточно четко. Очевидно, необходимо продолжить изучение деятельности Макария, определить его действительную роль в происходивших событиях и его место в составе политической элиты России середины XVI в.

Пожары и Московское восстание привели к изменениям в руководящих верхах Русского государства. По некоторым источникам (в первую очередь публицистического характера — Переписка Грозного и Курбского, История о великом князе Московском, Пискаревский летописец, Приписки к Лицевому летописному своду), на первый план выдвигаются новые люди. Наиболее значительные фигуры среди них — А. Ф. Адашев и Сильвестр. Именно они «правили Рускую землю», сидя в «ызбе у Благовещения»²⁰⁶. Возвышение благовещенского священника Сильвестра связывают с речью, с которой он обратился к царю во время пожара. Впрочем, рассказ об этой речи содержится только у А. М. Курбского²⁰⁷, что позволяет некоторым историкам сомневаться в достоверности его сообщения²⁰⁸. Однако при любом отношении к известию Курбского фактом остается то, что при дворе появляется достаточно заметное лицо, об участии которого в политических событиях говорит ряд источников.

На основании этих источников исследователи по-разному определяют место и роль благовещенского попа в правительстве. Так, например, Д. П. Голохвастов и Леонид считали, что Сильвестр приблизился к царю с помощью Макария, который был «совершенно единомысленен» с попом и Адашевым в делах царства и святительства²⁰⁹. И. Н. Жданов полагает, что влияние Сильвестра и его друзей было вовсе не так велико. По мнению ученого, со стороны царя Ивана здесь было «подчинение требованию обстоятельств, дело расчета. Личные симпатии царя были не на стороне Сильвестра и его друзей, а на стороне тех “ласкателей и человекоугодников”, которые продолжали существовать и при могуществе Сильвестра»²¹⁰. Е. Е. Голубинский полагал, что Сильвестр, переведенный Макарием в Москву из Новгорода, стал приближенным к государю при помощи митрополита. Как пишет ученый, Сильвестр вместе с Адашевым был помощником Макария в том, чтобы «удерживать и утверждать государя на пути добра»²¹¹. Б. Н. Флоря предположил, что Сильвестр был приближен к Грозному по рекомендации Адашева²¹². По мнению И. И. Смирнова, Сильвестр не играл заметной роли ни в событиях 1547 г., ни в более поздний период. В марте 1548 г. он еще не входил в правительство, так как не получил подарка от Новгородского архиепископа Феодосия на праздник. Бла-

говещенский поп — не более как доверенное лицо Ивана IV и митрополита Макария. Сильвестр — скорее доверенный исполнитель, чем руководитель правительства²¹³. Совершенно противоположно мнение А. А. Зимина: придворный священник, хоть формально и не входил в состав правительства, однако оказывал большое влияние на всю правительственную деятельность середины XVI в. и являлся инициатором секуляризационных проектов и других важных государственных мероприятий²¹⁴. С подобными представлениями согласны, как уже было отмечено, далеко не все историки. Б. Н. Флоря считает, например, что Сильвестр для проведения реформ не обладал «необходимыми для этого влиянием и авторитетом»²¹⁵.

Спорным является вопрос о «нестяжательстве» благовещенского попа. А. А. Зимин был твердо убежден в этом: «Нестяжательское окружение Сильвестра . . . идеологически обосновывало необходимость ликвидации земельных богатств церкви»²¹⁶. В ранних работах с этим соглашался и Р. Г. Скрынников: «Планы секуляризации получили энергичную поддержку со стороны придворного духовенства в лице благовещенского протопопа Сильвестра и тяготевших к нему монахов-нестяжателей»²¹⁷. А вот автор диссертации, посвященной политической и культурной деятельности священника, И. В. Курукин пришел к выводу, что все сведения о близости Сильвестра к «нестяжателям» не подтверждаются источниками²¹⁸.

Особый интерес фигура Сильвестра вызывает у нас в связи с тем, что он принадлежал к духовенству, жил и действовал в одно время с митрополитом Макарием, в какой-то мере влиял на происходившие события и самого Грозного. В связи с этим перед любым исследователем неизбежно встает вопрос о том, каковы были отношения между первосвятителем и благовещенским попом. Этот вопрос является одним из самых спорных в литературе, посвященной этому периоду. В зависимости от того, какой ответ дается, тот или иной ученый определяет многие события и их причины.

Все многообразие мнений можно свести к следующим основным подходам:

— Сильвестр — «нестяжатель» (А. С. Павлов, И. Н. Ждапов, Н. Лебедев, В. Н. Латкин, В. А. Бочкарев, А. А. Зимин, Г. Н. Моисеева, Р. Г. Скрынников, В. И. Корецкий, Н. Е. Носов, Т. Е. Новицкая, Д. Н. Альшиц, В. В. Колесов)²¹⁹.

— Сильвестр — или ставленник, или доверенное лицо, или про-

сто связан с митрополитом Макарием (Евгений (Болховитинов), Н. В. Толстой, Д. П. Голохвастов и Леонид, В. Малинин, П. Миргов, С. Ф. Платонов, И. И. Смирнов, И. У. Будовниц, С. О. Шмидт, Д. Н. Альшиц, Н. М. Рогожин, В. В. Колесов, А. И. Филюшкин)²²⁰.

— Сильвестр — первое лицо в правительстве (Н. М. Карамзин, Н. Лебедев, Сергей (Соколов), А. Я. Шпаков, В. А. Бочкарев, В. И. Сергеевич, Р. Ю. Виппер, Д. М. Сухотин, С. В. Бахрушин, Р. Г. Скрынников, Т. Е. Новицкая)²²¹.

— Сильвестр никак не связан с Макарием (К. Заусцинский, П. Г. Васенко, Г. Флоровский, А. А. Зимин, Б. Н. Флоря)²²².

Видно, что часть ученых (например, Д. Н. Альшиц, В. В. Колесов) пишет одновременно и о «нестяжательстве» благовещенского иерея, и о его близости к митрополиту (который, как известно, был «иосифлянином»), хотя не совсем понятно, как это может совмещаться.

Все точки зрения можно свести к двум диаметрально противоположным подходам: во-первых, Сильвестр — «нестяжатель» и, следовательно, противник митрополита и всего «осифлянского руководства Русской церкви»; и, во-вторых, он — лицо, тесно связанное с Макарием. Иными словами, митрополит Макарий и Сильвестр — союзники или враги?

Попробуем ответить на этот вопрос. В источниках имеется единственное противопоставление митрополита и благовещенского попа — это одна из приписок к Царственной книге, которая говорит о том, что Сильвестр был «у государя в великом жаловании и в совете духовном и в думном и бысть яко всемогий, вся его послушаху и никтоже смеяще ни в чем же противится ему ради царского жалования: указавше бо и митрополиту и владыком, и архимандритам и игуменам, и чернецом и попом и бояром и диаком . . . и всяким людям, спроста же рещи, всякие дела и власти святительские и царские правяще . . .»²²³. Итак, митрополит Макарий вынужден подчиняться простому попу, не смеет ни в чем ему перечить. Не только митрополит, но и весь Освященный собор находится в послушании у Сильвестра. Но как это совместить с тоном Жалобницы, поданной тем же «всемогущим Сильвестром» Собору по «делу» о ереси? Кроме того, доказано, что этот отрывок вставлен в летопись спустя годы после удаления Сильвестра и не может претендовать на объективность²²⁴.

Некоторые свидетельства о первенствующей роли благовещен-

ского попа имеются в Истории А. М. Курбского. Беглый князь пишет: «Он (Сильвестр. — В. Ш.) также подвигает на это (на добрые дела. — В. Ш.) и призывает на помощь архиерея того великого города (то есть Макария. — В. Ш.)»²²⁵. Здесь дело, видимо, в том, что Курбский писал свою Историю как ответ на Первое послание Ивана. В послании царя главное место уделено Сильвестру, а Макарий практически не упоминается. Следовательно, и Курбский был вынужден уделить почетное место именно Сильвестру, а не митрополиту. Кроме того, давно замечено, что сведениям Истории нельзя доверять безоголочно. Таким образом, в источниках не имеется бесспорных доказательств того, что благовещенский иерей «правил всякие дела и власти святительские и царские».

Остается вопрос о «нестяжательстве» Сильвестра. Наиболее подробно это «нестяжательство» аргументировал А. А. Зимин. Он приводит восемь доказательств своей гипотезы: к Сильвестру обращался с посланиями Максим Грек; Сильвестр переписывал и хранил сочинения Максима Грека; хорошее отношение к Сильвестру со стороны А. М. Курбского (ученика Грека), а он писал, что врагами Сильвестра были «иосифляне»; Иван Грозный писал, что по велению благовещенского попа был побит камнями Коломенский епископ Феодосий («иосифлянин»); Сильвестр постригся в Кирилловом монастыре — цитадели «нестяжательства»; основные его вклады сделаны в «нестяжательские» монастыри; сходство его сочинений с сочинениями «нестяжателя» Артемия; Сильвестр не получил в 1548 г. подарка от Новгородского архиепископа Феодосия — «иосифлянина» потому, что был «нестяжателем»²²⁶. Очевидно, и сам чувствуя слабость своей аргументации, исследователь предложил считать благовещенского попа «умеренным нестяжателем», у которого «слабо слышны отзвуки секуляризационных идей»²²⁷.

Рассмотрим аргументы А. А. Зиминой:

-- Максим Грек обращался с посланиями и к Макарию²²⁸, но из-за этого никто не объявляет его «нестяжателем». Мало того, глава Церкви писал Греку: «Узы твоя целуем, яко единого от святых. . . »²²⁹;

-- общепризнанный глава «иосифлян» Макарий включил некоторые сочинения Грека и его переводы в свои Минеи-Четьи²³⁰;

-- очевидно, что Курбский пишет хорошо о Сильвестре потому, что о нем плохо пишет Иван Грозный. То, что А. М. Курбский пишет об «иосифлянах», нуждается в дополнительном комментарии.

Практически всегда рядом со словом «иосифлянин» у него идет одно из прилагательных — «лукавый», «преступный», «коварный»²³¹, то есть лживый, ложный, злой, коварный, дьявольский²³². Все это оценки характера, нравственные понятия. И не все «иосифляне» у него плохие. Так, Герман Полев, Казанский архиепископ «хоть и происходил из среды монахов-иосифлян, но вовсе не были ему свойственны их лукавый нрав и обычное лицемерие»²³³. Следовательно, «иосифляне» для Курбского не представители определенного направления, а постриженники одного из монастырей, и то не все, а лишь обладающие соответствующими нравственными качествами. Там же, где беглый князь осуждает «сребролюбие» и «стяжание» монахов, он не упоминает об «иосифлянах»²³⁴;

— Иван IV после опалы Сильвестра и смерти митрополита Макария мог свалить на благовещенского попа все, что угодно;

-- следуя такой логике, можно предположить, что все постриженники Кирилло-Белозерского монастыря были «нестяжателями». Удивительно только — почему сам монастырь был одним из богатейших в России? Кроме того, известно, что ученики самого Иосифа Волоцкого были в этом монастыре — Нил Полев и Дионисий Звенигородский. Может, и они являлись «нестяжателями»? Да и самому Иосифу Кириллов монастырь понравился больше всего, когда он путешествовал по России после ухода из Боровского монастыря;

— едва ли монастыри, которые принимали вклады, являлись «нестяжательскими»;

— в сочинениях Сильвестра можно без особого труда найти, например, сходство с произведениями и Иосифа Волоцкого, и митрополита Даниила, и других церковных писателей;

— отсутствие подарка от архиепископа Феодосия более убедительно объяснил И. И. Смирнов, который писал о том, что это показывает «реальную» роль Сильвестра в составе правительства²³⁵. По идейным соображениям «иосифлянину» Феодосию лучше бы было не посылать подарка А. Ф. Адашеву, а к нему подарок как раз поступил. Этот факт лишний раз подтверждает истинность слов Ивана Грозного о том, что сначала выдвинулся Адашев, а уже «потом для совета в духовных делах взял я попа Сильвестра»²³⁶.

Таким образом, доказательства А. А. Зимина никоим образом не подтверждают его тезис о «нестяжательстве» благовещенского попа. Кроме вышерассмотренных доказательств «нестяжательности»

Сильвестра в литературе встречаются еще два: его рекомендация Артемию на пост Троицкого игумена; то, что Сильвестр был послан в конце работы Стоглавого собора в Троицу к бывшему митрополиту Иоасафу. Что можно ответить на эти утверждения? Трудно предположить, что в крупнейший монастырь России игумен мог быть поставлен без ведома и одобрения митрополита. Сильвестр просто мог высказать свое мнение по кандидатуре Артемия, но решающее слово вряд ли принадлежало ему. Впоследствии священник так рассказывал о своей роли в поставлении Артемия игуменом: «А про Артемиа, бывшего Троицкого игумена ... Ино, государь, до Троицкого игуменства никако ж яз его не знал, и как избирали к Живоначальной Троицы игумена на Серапионово место, и того Артемиа привезли из пустыни. И государь Артемию велел побыти в Чюдове монастыре, а мне велел к нему приходи и к себе его велел призывати, и смотри в нем всякова нрава и духовные ползы. И тогда от уст Артемьевых довольно ми ся показало и доброго нрава и смирения исполнен бысть»²³⁷. Сильвестр говорит, что Артемий был привезен в Москву и уже готовился занять место Сергиевского игумена. А. Л. Янов, игнорируя свидетельство документа, утверждает, что Артемий стал игуменом «волею Сильвестра»²³⁸, но, как писал И. В. Курукин, «источники ... не подтверждают традиционных представлений об идейной и политической близости Сильвестра ... к осужденным еретикам Башкину и Артемию»²³⁹. Неубедителен и второй довод сторонников «нестяжательства» Сильвестра — ведь с ним поехал и явный «иосифлянин»²⁴⁰. Против того, что Сильвестр был «нестяжателем», говорит и одно место из его послания к князю Александру Борисовичу: «Священники должны научать по преданию святых отцов и по Соборному уложению; и та книжка соборная есть списана в новом городе в Свияжском, у протопопа»²⁴¹. Дело в том, что, как считается, Собор 1551 г. провалил «нестяжательскую» программу реформ. Если бы Сильвестр был «нестяжателем», то зачем ему привлекать внимание к Соборному уложению, которое не отвечает его мнению? У нас нет оснований считать Сильвестра «нестяжателем» или близким к ним лицом.

* * *

Обратимся к вопросу о «нестяжательстве» в середине XVI в. Гипотеза о борьбе «иосифлян» и «заволжцев» в это время ста-

ла общим местом в исторических работах, начиная с исследования А. С. Павлова о секуляризации церковных земель в России. Так, по мнению В. Н. Латкина, «спор этот (между «иосифлянами» и «нестяжателями». — В. Ш.) достиг своего апогея в царствование Ивана IV. Лица, стоявшие в то время во главе управления государством, придерживались воззрений заволжских старцев. Сам государь склонялся в сторону этих воззрений»²⁴². В. А. Бочкарев писал, что «партия нестяжателей» была довольно значительна — на ее стороне был царь и его советники, к ее стремлениям сочувственно относились представители белого духовенства и строгих монахов»²⁴³.

А. В. Карташев предположил, что «существовали различные до противоположности интересы и убеждения. Сам царь имел желание добиться ... уступки церковно-монастырских недвижимых имуществ или их доходов. Государя в его посягательствах поддерживала партия «нестяжателей». За секуляризацию стояли тогдашние всеильные временщики Сильвестр и Адашев. Но вся высшая иерархия была настроена против таких тенденций, и на ее стороне был сам митрополит Макарий»²⁴⁴.

Убеденным сторонником такого подхода был А. А. Зимин. По его мнению, Макарий активно боролся против царской программы секуляризации церковных земель, защищая интересы церковных феодалов. Исследователь считает, что «назревало столкновение между правительством Сильвестра и Адашева и иосифлянским руководством церкви»²⁴⁵.

Из трудов историков, придерживающихся подобной точки зрения, можно сделать вывод: в конце 40-х — начале 50-х годов XVI в. шла напряженная борьба в руководстве Русской церкви между «иосифлянами» и «нестяжателями». К «иосифлянам» принадлежало практически все церковное руководство во главе с Макарием. «Нестяжателей» было меньше, но и они были достаточно сильны. Их лидерами были Сильвестр, Рязанский епископ Кассиан, «наиболее строгие монахи», белое духовенство, бывший митрополит Иоасаф, старец Артемий. Внутрицерковную группировку «нестяжателей» поддерживали, по мнению сторонников этой теории, сам царь Иван Грозный и всеильный временщик А. Ф. Адашев.

Удивительней всего, что это мнение не основывается на источниках и в последние десятилетия неоднократно подвергалось сомнению. Несмотря на это, и в новейших исследованиях то и дело

появляются многочисленные упоминания о «нестяжательстве» тех или иных лиц²⁴⁶.

Видимо, это объясняется тем, что до сих пор нет общепринятого определения «нестяжательства». По нашему мнению, наиболее обоснована точка зрения Н. В. Сеницыной, которая считает, что это доктрина, основу которой составляют критика экономических порядков русских монастырей и утверждение необходимости секуляризации монастырских земель²⁴⁷. Представляется, что именно вопрос о необходимости изъятия монастырских земель является единственным объективным критерием, с помощью которого можно зачислять тех или иных представителей духовенства в «нестяжатели».

Можно вспомнить, что еще в 1958 г. Г. Н. Моисеева, придерживающаяся гипотезы о «нестяжателях» в середине XVI в., писала, что на Соборе 1551 г. эти самые «нестяжатели» не оказали поддержки Ивану IV в вопросе о церковном и монастырском землевладении²⁴⁸. В таком случае возникает вопрос, а были ли все перечисленные исследовательницей лица действительно «нестяжателями»? К таковым она относит Кассиана Рязанского, Феодосия Коломенского, Артемия, Сильвестра и «близкого» к ним бывшего митрополита Иоасафа²⁴⁹. В 1961 г. Г. Н. Моисеева опубликовала статью, посвященную идеологии «нестяжателей». К каким же выводам она пришла? Начиная с Вассиана Патриксева, «нестяжатели» не призывали к секуляризации. Напротив, в их сочинениях отмечается подчеркивание солидарности с существующим порядком вещей. Они делают упор на нравственное обличение «иосифлян». В 40-50-х годах Сильвестр и Артемий не внесли ничего нового в программу «заволжских старцев». В аграрной же сфере «нестяжатели» требовали лишь определенного отношения к дарованным монастырям землям. Исследовательница подчеркивает, что идея секуляризации могла исходить только из среды поместного дворянства, феодальная же знать вряд ли настаивала на изъятии церковных земель²⁵⁰.

Н. В. Сеницына подробно рассмотрела сочинения такого общепризнанного «столпа» «нестяжательства», как Максим Грек. Ее выводы заслуживают пристального внимания. Оказывается, позиция Грека в отношении прав монастырей на «села» и «селян» не была определенной и категоричной. Он осуждает лишь практику предоставления «серебра» в «рост», конфискации имущества и сгон крестьян с земли. «Нищета» у Максима «не равнозначна реальной ... экономической бедности монастыря в целом». По-

дробно Н. В. Сеницына рассматривает 24-ю главу Иоасафовского собрания, которая называется «О хищении чужих имений и стяжаний». Оказывается, что защита «имений» и «стяжаний» в рекомендациях Максима Грека царю, переданных сначала митрополиту Макарию, ближе к «иосифлянской программе, чем к традиционно нестяжательскому направлению». Исследовательница приходит к выводу: «нестяжательство» как Артемия, так и Грека ограничивалось рамками этико-философской доктрины, исключающей возможность введения ее в практику с помощью насильственных политических мер²⁵¹.

Н. В. Сеницына признает, что к середине XVI в. «нестяжательство» претерпело некую «эволюцию»²⁵², но что же это была за «эволюция»? И можно ли после этой «эволюции» считать «нестяжательство» существующим? К сожалению, на эти вопросы исследовательница не дает четкого ответа.

Подробно осветил этот вопрос И. В. Курукин. Рассматривая лиц, обычно называемых «нестяжателями», автор не находит доказательств их «нестяжательности». Так, на основании осуждения Артемием «сребролюбия» и «стяжания сел» делать заключение о его участии в разработке секуляризационных проектов едва ли возможно. О «нестяжательстве» Кассиана Рязанского говорит лишь один источник — выступление на Соборе по «делу» о ереси. Он «хулил» основное сочинение Иосифа Волоцкого — «Просветитель», но это «вряд ли может свидетельствовать о безусловной его поддержке правительственного курса». Источники не позволяют, по мнению исследователя, считать Артемия, Сильвестра и Кассиана лидерами «нестяжателей». Начало реформ вряд ли следует связывать с деятельностью какой-либо «нестяжательской» группировки; и вообще, «большую часть монашествующих нестяжательские проблемы скорее всего не занимали». Наиболее же острой проблемой того времени была борьба за простое соблюдение норм монашеской жизни. Причисляемый к «нестяжателям» бывший митрополит Иоасаф вовсе не являлся таковым — в бытность свою игуменом он активно занимался «стяжанием сел». Выводы И. В. Курукина таковы: «под именем нестяжателей нередко объединяются весьма далекие друг от друга фигуры, причем основанием для этого служат и “боярское” происхождение, и осуждение “стяжания сел” (в любой форме), и любое проявление политической оппозиции самодержавию»²⁵³.

А. И. Плигузов же считает, что Вассиан Патрикеев выступал за

концентрацию церковных и монастырских имуществ в руках белого духовенства и епископата. Это вело к перемещению земель внутри Церкви, однако не было связано с передачей «стяжаний» в руки светских владельцев. Патрикеев и Артемий, по мнению историка, утверждали незыблемость церковных имений²⁵⁴.

Отсутствие источников, которые ясно сообщали бы о борьбе «иосифлян» и «нестяжателей» и о существовании самих «нестяжателей» (в смысле внутрицерковной группировки, выступающей за секуляризацию монастырских и владычных земель), подталкивает к выводу о том, что как внутрицерковное течение «нестяжательство» в середине XVI в. едва ли существовало. В руководстве Церкви и в наиболее влиятельных ее кругах не было противоречий по вопросу о земельной собственности.

Существующее мнение о том, что «нестяжатели» особенно резко критиковали монастырские «нестроения», едва ли можно признать справедливым. Резкая критика непорядков содержится в сочинениях и самого Иосифа Волоцкого, и митрополита Даниила, и Макария²⁵⁵. Следовательно, нет никакого основания противопоставлять Сильвестра, Иоасафа, Максима Грека, Артемия, Кассиана Рязанского основной массе русского духовенства в вопросах церковного землевладения и из-за критики многочисленных «нестроений».

Таким образом, мы не можем считать Сильвестра, во-первых, лидером какой-либо оппозиционной официальному руководству внутрицерковной группировки и, во-вторых, первым лицом в правительстве. Наоборот, имеются достаточно убедительные доказательства того, что благовещенский поп являлся ставленником митрополита Макария²⁵⁶.

Сильвестр — выходец из посадских кругов Новгорода Великого. До его появления на исторической сцене он имел иконописную и книжную мастерскую в Новгороде²⁵⁷. Макарий, в свою бытность архиепископом Новгородским, привлек Сильвестра к работе по составлению Великих Четых-Миней. После поставления Макария митрополитом (1542 г.) Сильвестр также оказывается в Москве и получает место в Благовещенском соборе.

Уже перед восстанием 1547 г. Сильвестр играл какую-то роль при дворе — иначе трудно объяснить его появление во время московских пожаров. Момент появления Сильвестра описали Курбский и Иван Грозный²⁵⁸.

Из этих сообщений ясно, что после пожара начинается рост вли-

яния благовещенского попа на царя Ивана, которого Сильвестр «заклинал грозным именем Бога и открывал чудеса и знамения». Курбский даже честно признается, что не знает, истинные ли это были чудеса и знамения или так, для страха²⁵⁹. Упоминание о «чудесах» и «знамениях» Сильвестра позволяет обратиться к материалам Стоглавого собора. Известно, что на нем поднимался вопрос о «ложных пророках»²⁶⁰. Сильвестр со своими «знамениями» и «чудесами» вполне мог оказаться обвиненным в лжепророчестве. Этого не произошло. Значит, кто-то защищал его от возможных обвинений, и защита эта была на самом высоком церковном уровне. О тесной связи Сильвестра и Макария свидетельствует, на наш взгляд, и еще один эпизод, который произошел уже после Стоглавого собора. В марте 1553 г. царь Иван тяжело заболел²⁶¹. Болезнь привела к так называемому «мятежу», когда часть бояр проявила колебания в принесении присяги малолетнему царевичу Дмитрию. По заявлению Царственной книги, именно благовещенский поп был одним из участников «мятежа». Но все участие Сильвестра в событиях свелось к тому, что он предложил допустить к умирающему царю князя Владимира Андреевича.

В связи с «боярским мятежом» не упоминается митрополит Макарий. Даже о духовной царю напомнил не митрополит, а дьяк Висковатый. Но тяжелая болезнь царя не могла обойтись без митрополита, и, следовательно, умолчание источников чем-то обусловлено. Представляется вполне справедливым мнение И. И. Смирнова, который писал: «Молчание источников о Макарии в связи с мартовскими событиями 1553 г. свидетельствует не о политической пассивности Макария, а о том, что он . . . оказался втянутым в борьбу политических группировок за власть и притом не в числе сторонников царевича Дмитрия»²⁶². Как крупный политик, помнящий события боярского правления, Макарий не мог желать возобновления политических смут, которые были бы неизбежны при малолетнем царе. О его мнении говорит позиция его ставленника Сильвестра, который выступил в поддержку князя Владимира Андреевича. И сам Макарий поддерживал Старицкого в этот критический момент²⁶³.

Царь Иван также понимал, к каким последствиям привело бы правление его малолетнего наследника. Поэтому после выздоровления царя никаких репрессий против участников «заговора» не последовало. Зато спустя годы, во время составления приписок к Царственной книге, Иван изменил свое мнение и расписал «мятеж»

яркими красками. Но он не рискнул обвинить на страницах официальной летописи всеми уважаемого пастыря в измене, а обрушил свое недовольство на Сильвестра.

Правда, существуют и другие мнения о причинах отсутствия Макария в рассказе о болезни. Одно из них приведено Р. Г. Скрынниковым. Он высказывает предположение, что во время болезни находившийся в бессознательном состоянии царь был пострижен в монахи митрополитом Макарием с одобрения Захарьиных. Для подтверждения своей точки зрения ученый вспоминает историю болезни и пострижения Василия III, а кроме того, указывает, что во время опричнины царь подолгу носил иноческое платье, что для мирянина считалось святотатством. Еще одним доводом является то, что Иван готовился (по его собственным словам) постричься в Кирилло-Белозерском монастыре и приказал отвести себе в нем келью²⁶⁴.

Попробуем рассмотреть эти доказательства. Следуя логике Р. Г. Скрынникова, надо признать, что все опричники, носившие черную одежду, являлись чернецами. Зачем было Ивану IV постригаться еще раз, если он уже был пострижен? Не думаем, что Иван Васильевич очень боялся обвинений в святотатстве: ведь Церковными соборами были прокляты четырехженцы, а Иван и на этом не остановился, запрещены были нарушения церковной службы, а он нарушал (например, при извержении из сана митрополита Филиппа Колычева).

Нет известий и о его предполагаемом пострижении. Курбский, который был современником событий, ни в своих посланиях, ни в Истории не упоминает об этом. А беглый князь не упустил бы, видимо, случая уколоть Грозного подобным образом — ведь он был вне досягаемости царя. Можно вспомнить, что и сам царь писал в Первом послании Курбскому о расстрижении, говоря о Тимохе Тетерине, бежавшем из монастыря в Литву: «Много же и не в Тимохину версту обрящещи, тако же постриженных и не поправших иноческого образа, глаголю бо и до царей. Аще ли же кой дерзнуша тако сотворити, ничим же себе пользоваша, но паче в горшая душевная и телесная погибели приидоша, яко же князь великий Рюрик Ростиславич Смоленский пострижен от зятя своего Романа Галического. . . . он же убо, розстригшися, много крови христианския пролия и святыя церкви и монастыри пограби, и игуменов и попов и чернцов помучи и до конца княжения удержати не возмо-

же, но имя его без вести бысть. Тако убо и в Цареграде множайши сего обрящещи: озем убо носы урезаны; инем же во мнишеская одеяным бывшим и на царство паки вскочившим, зде убо горчайшия смерти прияша, тамо же бесчисленные муки, понеже самолюбия ради и гордости сие сотвориша. . . . Божий суд ожидает, иже аггельский образ поправшим! . . . »²⁶⁵. Очевидно, что Иван Грозный не мог писать подобного, если бы чувствовал за собой столь тяжелый грех, как расстрижение, своими словами он ведь признавал, что любой скинувший «иноческий образ» неизбежно получает в жизни одни мучения, которые, впрочем, не идут ни в какое сравнение с тем, что ожидает на том свете. Следовательно, предположение Р. Г. Скрынникова, по всей видимости, неверно.

После выздоровления царя родственники Анастасии должны были затаить ненависть и к Сильвестру, и к Макарию²⁶⁶. Для нанесения удара по благовещенскому попу эта партия использовала обнаружение ереси Матвея Башкина²⁶⁷. Для обвинений использовали также новую роспись Кремлевских соборов (созданную после пожаров 1547 г.). Так как за росписью соборов среди прочих церковнослужителей наблюдал и Сильвестр, то к нему и были предъявлены основные претензии. Почти одновременно в ереси был обвинен бывший Троицкий игумен Артемий, на которого показал Башкин. Но Сильвестр наблюдал за Артемием перед поставлением в игумену, и в результате этого появилась возможность под обвинение в ереси подвести и самого Сильвестра. В роли обвинителя выступил дьяк Висковатый. Вряд ли бы он осмелился в одиночку начать борьбу против царского любимца, но после болезни Ивана IV ему нетрудно было найти союзников среди царицыной родни. Как писали Д. П. Голохвастов и Леонид, «донос на Сильвестра был не личным делом Висковатого, а делом целой партии, искавшей случая погубить знаменитого мужа»²⁶⁸. Более определенно высказался И. В. Курукин. По его мнению, «изучение материалов “дела” дает основание полагать, что выступление Висковатого было направлено не столько против Сильвестра, сколько против руководства Русской церкви во главе с Макарием . . . »²⁶⁹.

Суть обвинений передает сам Сильвестр в Жалобнице, поданной им Собору. В этом же документе благовещенский поп категорически отрицает связь с Башкиным и его единомышленниками. Столь же решительно он отрицает и свою вину в поставлении Артемия игуменом²⁷⁰. Новая роспись Кремлевских соборов была

одобрена митрополитом и самим царем. Таким образом, Висковатый оказался из обвинителя обвиняемым и Собор наложил на него епитимью. Причем Сильвестра явно поддерживал Макарий, что подтверждает союзнические отношения между ними.

Об этом же говорит и попытка Макария на суде 1560 г. спасти Сильвестра и Адашева, требуя очного разбирательства дела²⁷¹.

Из имеющихся в распоряжении исследователей источников можно сделать вывод: Сильвестр являлся лицом, тесно связанным с митрополитом Макарием, выдвинувшимся благодаря его покровительству и до конца своей карьеры находившимся под опекой и сильным влиянием Макария. Постепенное уменьшение влияния митрополита вследствие старости — ему в 1560 г. было уже около 80 лет — неизбежно вело к уменьшению влияния Сильвестра. Также представляется ошибочным мнение ряда историков о существовании в это время некой значительной внутрицерковной группы «нестяжателей», руководителем которой обычно считается благовещенский поп.

* * *

После Московского восстания 1547 г. в России наступила эпоха преобразований. Первой на путь реформ встала Русская церковь²⁷². Многие церковные «нестроения» бросались в глаза. Не были унифицированы нормы культа, необходимо было создать общерусский пантеон святых. Кроме того, в церковной практике существовали явления, которые порочили Церковь перед прихожанами (неграмотность священников, попы не знали службы, пьянство). Многие церковные писатели бичевали эти недостатки, борьба с ними была одной из основных задач Церкви.

Первые церковные реформы были направлены на создание пантеона святых. На Соборах 1547 и 1549 гг. была произведена канонизация большого количества лиц. Среди новых святых находилось 16 игуменов — основателей и настоятелей монастырей. Видимо, такое большое количество игуменов было вызвано стремлением митрополита Макария и Освященного собора идеологически подкрепить свои позиции в предполагаемой борьбе за пересмотр церковного землевладения. И в самом деле, можно вспомнить, что в начале XVI в. одним из аргументов «иосифлян» было то, что святые владели населенными землями. Кроме черного духовенства ка-

ионизировано было девять церковных иерархов: Московский митрополит Иона, пять епископов Новгородских, епископы Пермский, Ростовский, Тверской. Миряне были представлены четырьмя юродивыми, тремя Виленскими мучениками, а также князьями: Всеволодом-Гавриилом, Михаилом Тверским, Александром Невским и представителями Муромской княжеской династии²⁷³.

Собор 1549 г. также осудил бывшего чудовского архимандрита Исаака Собаку²⁷⁴.

Конец 40-х–50-е годы XVI в. известны как время правления «Избранной рады», и перед любым исследователем, изучающим этот период, встают вопросы, что же это было за правительство, кто в него входил и чьи интересы оно выражало. Без ответа на эти вопросы невозможно составить представление о событиях того далекого времени. Однако в литературе нет единого подхода по целому ряду спорных проблем.

Дискуссионным является само существование «Избранной рады». Так, И. И. Смирнов считал, что «Избранная рада» является выдумкой А. М. Курбского (который и употребил впервые это выражение), но вместе с тем беглый князь черпал материалы для своего построения в реальной политической действительности Русского государства²⁷⁵. С этими выводами согласились А. Н. Гротовский и новейший исследователь А. И. Филюшкин, которые считают, что «избранные» — это моральный термин, обозначающий «сильные во Израили»²⁷⁶.

Часть историков думает, что «Рада» полностью совпадала с Ближней думой. Об этом писали С. В. Бахрушин, Р. Г. Скрынников (1966 г.), А. А. Зимин, С. О. Шмидт, И. Граля²⁷⁷. Другие, как И. В. Курукин, не считают возможным полностью отождествлять «Раду» с Ближней думой²⁷⁸. Наконец, некоторые ученые считают «Избранную раду» советом лиц, приближенных к царю. Такого мнения Н. А. Рожкова, С. Б. Веселовского, Иоанна (Снычева)²⁷⁹.

Не выяснен вопрос, чем вызвано появление «Рады» и проведение реформ. Долгое время господствовало мнение С. В. Бахрушина о том, что причина этого — рост классовой борьбы. К этому утверждению присоединился С. О. Шмидт²⁸⁰. И. И. Смирнов же считал, что образование нового правительства было вызвано борьбой за ликвидацию последствий боярского правления²⁸¹. А. А. И. Копанев предполагал, что наряду с ростом классовой борьбы значение в об-

разования «Рады» имели и противоречия между боярами, князьями и дворянами²⁸².

Нет ясности и в том, когда же пришло к власти правительство, проводившее реформы (или «Избранная рада»). Называются следующие даты: 1547 г. — С. В. Бахрушин, И. И. Смирнов, С. О. Шмидт (в ранних работах), А. И. Копанев²⁸³; 1547–1548 гг. — С. Ф. Платонов²⁸⁴; начало 1549 г. — А. А. Зимин (1960 г.), С. О. Шмидт (1973 г.), С. М. Каштанов²⁸⁵; начало 50-х годов — А. А. Зимин (1955 г.)²⁸⁶; рубеж 50-х годов — И. Граля²⁸⁷; 1553 г. — Р. Г. Скрынников (1992 г.)²⁸⁸.

Спорным является вопрос о том, какую роль в правительстве конца 40-х–50-х годов играли Сильвестр и А. Ф. Адашев. Большинство исследователей, следуя за Иваном Грозным и А. М. Курбским, считают их лидерами «Рады». Таково в основном мнение Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича, С. Ф. Платонова, Н. А. Рожкова, С. В. Бахрушина, А. А. Зимины, И. В. Курукина, Д. Н. Альшица, Иоанна (Снычева)²⁸⁹. Особое внимание Адашеву уделили С. О. Шмидт и И. Граля, считая его единоличным руководителем правительства²⁹⁰. Противоположно мнение Р. Г. Скрынникова (1966 г.). Он считает, что Адашев не играл первых ролей, а находился сначала в тени Захарьиных, а затем, с 1553 г., — Сильвестра²⁹¹.

В то же время часть ученых отрицает их выдающееся положение в правительстве. Об этом писали И. И. Смирнов, А. Н. Грбовский, А. И. Филюшкин²⁹². Не решен вопрос о месте и роли в составе «Рады» митрополита Макария. Так, И. И. Смирнов считал его руководителем правительства²⁹³, против чего возражал А. А. Зимин²⁹⁴. В последнее время И. И. Смирнова поддержал А. И. Филюшкин, который пишет о руководящей роли митрополита до 1553 г.²⁹⁵

Многие ученые отмечают компромиссный характер «Избранной рады» и проводимых ею реформ. Но между кем и кем был этот компромисс? М. Н. Покровский пришел к выводу о компромиссе между феодальной знатью, буржуазией и мелкими помещиками²⁹⁶, Н. А. Рожков — о коалиции из дворянства, неродовитых слоев феодальной аристократии и части духовенства, противников «иосифлян»²⁹⁷. С. В. Бахрушин, С. О. Шмидт и А. А. Зимин пишут о компромиссе между боярами и служилыми людьми (дворянами)²⁹⁸. В. Б. Кобрин считает возможным говорить о правительстве «кон-

солидации господствующего класса»²⁹⁹. Д. Н. Альпиц увидел компромисс между боярами, дворянами и царем³⁰⁰.

Чьи же интересы выражала политика конца 40-х–50-х годов XVI в.? В чьих интересах она проводилась? С. Ф. Платонов пришел к выводу, что «Избранная рада» действовала в интересах потомков удельных князей³⁰¹; М. Н. Покровский считал, что в ней господствовали бояре³⁰². Наиболее распространенная в настоящее время точка зрения сводится к тому, что преобразования проводились в интересах дворян, но с оглядкой на бояр. Об этом писали (с некоторыми нюансами) С. В. Бахрушин, С. О. Шмидт, А. А. Зимин, А. И. Копанев, Р. Г. Скрынников (1975 г.)³⁰³. И. И. Смирнов же считал политику 50-х годов направленной резко против бояр в интересах дворянства и посада³⁰⁴. Р. Г. Скрынников в ранней работе (1966 г.) указывал, что политика «Рады» была выгодна в первую очередь боярам, но имели место и незначительные уступки дворянству³⁰⁵.

Неясно, как правительство 50-х годов соотносилось с царской властью. Большинство исследователей считают, что «Рада» ограничивала царя, и роль самого Грозного в событиях была не особо велика³⁰⁶. В то же время А. А. Зимин пишет о том, что «Рада» проводила единую с царем политику³⁰⁷.

Каковы же были цели и результаты реформ 50-х годов? Так, С. Б. Веселовский считал, что они направлены на то, чтобы преобразовать конгломерат вотчин Московских князей в единое государство³⁰⁸; И. И. Смирнов писал об укреплении централизованного государства³⁰⁹; С. О. Шмидт отмечал как задачи правительства удержание в узде эксплуатируемого населения и ограничение привилегий крупных вотчинников³¹⁰. Р. Г. Скрынников говорит о централизации системы управления³¹¹, Н. Е. Носов — о закреплении устоев сословно-представительной монархии³¹², А. И. Копанев — об укреплении положения дворян³¹³, В. Б. Кобрин — о восстановлении работы правительственного аппарата, подорванного борьбой за власть, и изживании следов удельного времени³¹⁴. Б. Н. Флоря пришел к выводу, что в результате реформ произошла консолидация условий и стало развиваться самоуправление³¹⁵. А. И. Филюшкин считает, что происходила перестройка великого княжества в царство³¹⁶. По мнению же В. Д. Назарова, реформы середины XVI в. дали решающий толчок для оформления Российского централизованного государства как самодержавной монархии, завершили дли-

тельный период преобразований государственных институтов, создали модель нового государственного устройства³¹⁷. А. П. Павлов доказывает, что реформы были направлены на достижение компромисса интересов государства и поднимавшихся сословий. Они намечали путь развития русской государственности как сословно-представительной монархии с тенденцией «известного ограничения власти государя»³¹⁸.

Не выяснен вопрос о причинах падения правительства. В. О. Ключевский писал о домашних недоразумениях и несогласиях в политических взглядах³¹⁹; С. Ф. Платонов — о столкновениях с царем, сознающим свое полновластие³²⁰; Н. А. Рожков — об отходе от «Рады» дворян, которые не могли примириться с засильем бояр в верховном управлении³²¹; Р. Ю. Вишнер и С. Б. Веселовский — о Ливонской войне³²². С. В. Бахрушин, С. О. Шмидт и А. А. Зимин говорят о том, что правительство потеряло поддержку дворянства, настаивавшего на более решительной борьбе с крупными феодалами³²³. И. И. Смирнов считал, что падение Сильвестра и Адашева было связано с их переходом на сторону бояр³²⁴. Р. Г. Скрынников видит главную причину падения «Рады» в расхождениях с царем в оценке целей и направления реформ³²⁵.

И, наконец, нет единого мнения в оценке деятельности правительства конца 40-х–50-х годов. Несмотря на то, что большинство исследователей высоко ее оценивают, часть ученых пишет о том, что эта деятельность имела отрицательный характер³²⁶. Таков краткий обзор основных мнений, связанных с «Избранной радой».

Надо сказать, что любой историк, изучающий события 50-х годов сталкивается с вопросом о самом терминологическом понятии «Избранная рада». Почему Курбский употребил именно это словосочетание? С одной стороны, свою Историю он писал для польских и литовских читателей и, вполне вероятно, стремился передать термины в более привычном для читателей виде. С другой стороны, слово «избранный» имеет в русском языке несколько значений. Основные из них два: во-первых, выбранный кем-то; во-вторых, лучший³²⁷. Предполагаем, что слово «избранная» применено в значении «выбранная», а второй смысл Курбский лишь подразумевает³²⁸.

Читателям был понятен его термин — ведь в Польско-Литовском государстве существовали высшие выборные органы. Курбский стремился передать российскую действительность наиболее

близким для его новых соотечественников выражением. На самом деле лица, относимые к «Раде», не были, конечно, выбраны «прямым, равным и тайным» голосованием. Но они выражали интересы определенных социальных групп, которые и поддерживали их. В глазах беглого боярина именно поддержка определенных общественных сил делала членов «Рады» «избранными».

Если наше предположение верно, то нет никакой нужды связывать «Избранную раду» с Ближней думой, как это делают С. В. Бахрушин, А. А. Зимин и др. Однако нам необходимо более подробно рассмотреть последнее учреждение, чтобы попытаться определить черты сходства и различия «Избранной рады» и Ближней думы³²⁹.

Как писал В. О. Ключевский, Ближняя дума — это личный совет государя по делам особого рода, состав которого зависел исключительно от воли царя³³⁰. С. Ф. Платонов указывает, что состав этого органа был более или менее постоянен и мог включать в себя как думных, так и недумных людей. Отношение же Ближней думы ко всем боярам не было определено законом. Ученый особо подчеркивает, что состав «Рады» не совпадал с составом и Боярской, и Ближней дум³³¹. И. И. Смирнов считал, что Ближняя дума — это ядро наиболее приближенных к царю бояр, своего рода правящая верхушка Боярской думы³³². Н. Е. Носов писал о том, что в состав Ближней думы входили лишь наиболее приближенные к государю бояре и дьяки, которые и составляли реальное правительство³³³. А. А. Зимин пришел к выводу, что выделение Ближней думы было одним из следствий расширения состава Боярской думы, которое произошло в 1549 г.³³⁴ Р. Г. Скрынников (в работе 1966 г.) назвал Ближнюю думу высшим правительственным органом середины XVI в.³³⁵ С. О. Шмидт видит начало ее деятельности во времена великого князя Василия Ивановича. Состав и численность ее определялись царем. Обычно в состав этого учреждения входили наиболее приближенные к царю члены Боярской думы, некоторые духовные лица и дворцовые чины³³⁶.

Новейший исследователь Ближней думы С. Н. Богатырев пишет о том, что это тесный круг советников, рассматривающий различные экстренные или тайные дела внутренней или внешней политики, а также вопросы, связанные с придворной жизнью. Ближняя дума не имела оформленного статуса. Самостоятельность этого совета в делах зависела от его отношений с правителем и от конкрет-

ных политических условий, складывающихся при дворе. Ученый приводит и персональный список членов Ближней думы в 1553 и 1555 гг.³³⁷

Все историки сходятся в том, что члены Ближней думы назначались по выбору царя, по его личному усмотрению. Вместе с тем ее состав был более-менее постоянен. Сам Иван противопоставляет «Раду» своему совету: говоря о том, что Сильвестр с Адашевым приблизили к нему князя Дмитрия Курлятева, Грозный употребляет слово «припустили» — «ввели»³³⁸. Если бы «Избранная рада» совпадала с Ближней думой, то Курлятева незачем было «вводить». Кроме того, известно, что в состав «Рады» входил Сильвестр — духовное лицо, в состав же Ближней думы духовенство, видимо, не входило³³⁹.

Таким образом, мы не можем согласиться с теми исследователями, которые считают, что «Рада» совпадала с Ближней думой, хотя определенное сходство, конечно, имелось. И те и другие были советниками, но члены «Избранной рады», в отличие от думцев, были зависимы пока не только и не столько от царя, сколько от поддерживающих их социальных групп. Они были более-менее самостоятельны по отношению к царской власти³⁴⁰. Сближало «Раду» с Ближней думой то, что состав их был немногочислен и относительно постоянен. Однако если в последнем учреждении советники представляли лишь себя, то члены «Рады» могли пользоваться поддержкой определенных социальных кругов. Это и вело к относительной самостоятельности участников «Рады», на что потом горько жаловался царь³⁴¹. Поэтому можно согласиться с Д. Н. Альпицем, который увидел в «Раде» некую форму представительства³⁴².

Начало сословно-представительной монархии видят в созыве первого Земского собора — Собора «примирения» 1549 г. Соборам вообще и первому в частности посвящена обширная литература. Так, И. Д. Беляев считал, что созывом Земского собора царь сразу уничтожил исторические права бояр как держателей Русской земли. Иван IV опирался в борьбе с боярством на Собор. Кроме того, это форма непосредственного отношения царя к Русской земле, опора для развития самодержавной власти³⁴³. О том, что первый Собор был созван для борьбы с боярством, писал и Б. Н. Чичерин³⁴⁴. Н. П. Загоскин также видит в Соборах опору для борьбы с боярами. В этих собраниях цари чтили правительственное значение во-

ли всей земщины. Вообще же, Земские соборы: во-первых, открыли возможность непосредственного общения царя с землей; во-вторых, утвердили самодержавие царской власти; в-третьих, были стимулом единения отдельных областей³⁴⁵. Такое же в основном мнение высказывали В. Н. Латкин, В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов³⁴⁶. Особняком в дореволюционной историографии стоит мнение Н. И. Костомарова, который считал, что следствием первого Земского собора были ограничение царской власти и передача ее в руки кружка бояр. Однако это ограничение было только фактическое, а не легальное, и потому временное, продолжавшееся до тех пор, пока самому царю будет угодно³⁴⁷.

Тезис о борьбе с боярством с помощью Земского собора отверг В. О. Ключевский. По его мнению, в середине XVI в. царь менее всего мог думать об этом. Главной же мыслью при созыве Собора была идея об упорядочении местного управления путем ликвидации бесконечных тяжб земства с кормленщиками. Ученый считал, что Земские соборы были не народным представительством, а расширением центрального правительства, созданным для выработки общего постановления по особо важным вопросам государственной жизни³⁴⁸. А. Е. Пресняков пришел к выводу, что Соборы XVI в. — это попытка власти найти в общественных силах страны опору и поддержку в трудные моменты жизни. Руководящие общественные группы призывались на них к сознательному участию в государственной работе³⁴⁹.

А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич считают, что Земский собор был тем органом, который позволил верховной власти лавировать между дворянством и боярством. Он ограничил права крупных феодалов, расширив права дворянства³⁵⁰. Р. Г. Скрынников пишет, что Соборы 40–50-х годов были лишь зачаточной формой сословно-представительных учреждений. Дворянство не имело на них широкого представительства и представляло не феодальное сословие в целом, а верхушку государева двора, объединявшего сравнительно малочисленный верхний слой господствующего класса³⁵¹. По мнению Х.-Й. Торке, Соборы — это собрания, которые были не чем иным, как информационным и декларативным совещанием, а в крайнем случае — представительством интересов, которые иногда совпадали с интересами правительства³⁵².

Подробно Земские соборы середины XVI в. рассмотрены в работе С. О. Шмидта. Он пишет, что правительство пыталось использо-

вать Соборы для ослабления политического и экономического положения бояр. Эти собрания являлись выражением политики компромисса различных прослоек класса феодалов. Соборы расширяли совет государя за счет представителей всех групп правящего класса Русского государства. Служившие в Москве землевладельцы отдельных уездов если и не представляли официально интересы верхушки уездного дворянства, то отражали их в значительно большей степени, чем боярство и княжата³⁵³. Л. В. Черепнин пришел к выводу, что Соборы XVI в. были общегосударственными органами, на которых поднимались общегосударственные вопросы. Собор 1549 г. — это совет представителей различных групп феодального класса, направленный к установлению иллюзии мира не только внутриклассового (царя с боярами, бояр между собой), но и классового (царя и бояр с народом)³⁵⁴.

Таким образом, большинство ученых сходятся в том, что Земский собор 1549 г. являлся органом, который выражал интересы более широких кругов господствующего класса, чем Боярская дума. Представительный характер Соборов сближает их, по нашему мнению, с «Избранной радой». Однако имеются и существенные различия: «Рада», в отличие от Собора, была немногочисленна и имела постоянный характер.

Оказывается, что «Избранная рада» имела черты сходства как с Ближней думой, так и с Земским собором. Видимо, это круг советников, но советников, зависимых не только и не столько от царя, сколько от некоторых групп-сословий.

Образованию «Рады» предшествовали драматические события 1547 г. Судя по всему, произошло следующее: во время пожаров и восстания благовецкий священник Сильвестр выступает с обличениями в адрес молодого царя. В это же время в приближении у Ивана был Алексей Адашев, он находился при дворе по крайней мере с января 1547 г. В походах этого года Адашев неоднократно был при государе в качестве рынды вместе с представителями виднейших фамилий³⁵⁵. В сентябре 1547 г. Адашев выполняет ответственное поручение Грозного — отвозит в Троицу огромный денежный вклад — 7 тысяч рублей³⁵⁶. Важно отметить, что Сильвестр сблизился с Адашевым не сразу же после восстания, а спустя некоторое время. Судя по рассказу А. М. Курбского, благовецкий поп играл главную роль в последующих событиях, но это едва ли справедливо. Но, так или иначе, духовенство побуждает царя к по-

каянию. Понятно, что речь идет о так называемом Соборе «примирения», который обычно относят к февралю 1549 г. Несколько иная точка зрения у С. О. Шмидта. Он считает, что собраний с примирительными речами было несколько: во второй половине 1547 г., в 1549 и 1550 гг.³⁵⁷ С этим, видимо, следует согласиться: трудно поверить, что царь ждал полтора года, прежде чем предъявить претензии боярам за события 30-х — первой половины 40-х годов.

Предположительно, первое собрание с «примирительными речами» было проведено еще летом 1547 г., сразу же после того, как оправился пострадавший от пожаров митрополит Макарий. На нем присутствовали лишь иерархи и бояре, но не все (например, «всему злу начальник» М. В. Глинский находился вне Москвы). Об этом событии и вспоминал Иван на Стоглавом соборе в письменной речи, находящейся в 3-й главе «Стоглава». Чем было вызвано это примирительное собрание? Результаты отсутствия великокняжеского правления были налицо — восстание в Москве, пожары, посланные Богом за грехи и бояр, и царя. В результате все покаяться перед митрополитом, и Иван простил бояр, тем более что главного деятеля последнего периода боярского правления в столице не было. В общем, создается впечатление, что события развивались достаточно случайно: не было бы пожаров — не было бы восстания; не было бы восстания — не было бы покаяния. Но все эти происшествия случились, и царь «прибегох ко ... церкви, и припадох ... ко твоему первосвятительству (то есть к Макарию. — *В. Ш.*), и всем иже с тобой святителем ... и получих от вас мир и благословение и прощение о всем, еже содеях зле, тогда же убо яз ко всем своим князем и бояром по вашему благословению, а по их обещанию, на благотворение подах прощение в их к себе прегрешениях. И по вашему благому совету начах вкупе устроить и упровляти Богом врученное ми царство, елико Бог поспешит»³⁵⁸. Описание покаяния идет сразу же после описания пожаров, когда, как писал царь, «вниде страх в душу мою и трепет в кости моя», и, следовательно, не может относиться к событиям 1549 г. Об этом же собрании царь вспоминает и в Первом послании Курбскому³⁵⁹. Из речи Ивана на Стоглавом соборе видно усиление влияния высшего духовенства на государственные дела: царь начал управлять царством по его «благому совету»³⁶⁰. До этого какого-то заметного участия церковников (в том числе и Макария) в политической жизни не наблюдается.

Такая позиция Ивана IV вполне понятна — он увидел, к чему привело правление бояр и, естественно, стремился теперь опереться на какие-то другие силы. Видимо, первоначально он хотел найти опору в церковной иерархии. О наступившем сразу же после пожаров покаянии говорит и Степенная книга³⁶¹.

К ноябрю обстановка в столице стабилизировалась: стали возможны торжества по случаю свадьбы князя Юрия Васильевича. Интересно, что на них отсутствовали ближайшие родственники и царя, и жениха — бабка и дядя — Анна и Михаил Глинские. 5 ноября Грозному стало известно о побеге Глинских и И. И. Пронского-Турунтая в Литву. Была послана погоня, и 11 ноября беглецы, поняв, что скрыться не удастся, сами вернулись в Москву³⁶². Эти бояре были взяты под стражу, затем били челом Макарию, чтобы он исхлопотал им прощение у царя Ивана. Менее чем через месяц, 9 декабря, за И. И. Пронского поручилась группа бояр и дворян в 10 000 рублей, а сам князь дал на себя запись о неотъезде³⁶³. То есть Глинские и Пронский были прощены. С. О. Шмидт полагает, что при этом состоялась сцена «публичного покаяния» в присутствии духовенства и членов государева двора³⁶⁴. Это предположение представляется нам справедливым: действительно, Михаил Глинский был главой правительства на заключительном этапе боярского правления, и именно против него было направлено всеобщее недовольство и простого народа, и бояр. Поэтому его прощение должно было «примирить» враждующие группы господствующего класса.

Итак, на втором собрании с «примирительными речами» присутствовали: духовенство, перечисленное в записи на Турунтая, часть бояр и представители государева двора. Этот Собор был, видимо, более представительным, чем летний. Произошел он около 9 декабря, возможно даже, что и в тот же день, в который была взята поручная запись за И. И. Пронского. Присутствовали не все бояре — часть из них уже 20 ноября отправилась в Казанский поход. И действительно, часть думцев присутствовала на летнем Соборе и их «прощать» не было необходимости. Через несколько дней, 11 декабря, в поход отправился и сам царь³⁶⁵.

Бурный 1547 г. закончился. От власти отстранены Глинские, доверие царя к боярам нарушено, он ищет опоры в других кругах и пробует опереться на духовенство. Все большее влияние получает митрополит Макарий, с его помощью в окружение Ивана вхо-

дит и благовещенский священник Сильвестр. С другой стороны, пользуется доверием царя и выходец из костромского дворянства А. Ф. Адашев, но он еще не «сдружился» с Сильвестром.

О 1548 г. в летописи говорится очень мало, но очевидно, что в течение этого года происходили какие-то события, завершением или продолжением которых явился Собор «примирения» февраля 1549 г. Если опираться на сведения Продолжения Хронографа 1512 г., то трудно понять, чем же вызваны очередные сначала обвинительные, а затем примирительные речи царя.

Можно предположить, что в 1548 г. произошли какие-то события, вынудившие пойти на мсры, которые известны как созыв Земского собора. В Никоновской летописи имеется известие о волнениях детей боярских летом 1552 г. перед самым победоносным походом на Казань. Говорится о том, что новгородцы били челом, «что им невозможно столко будучи на Коломне на службе от весны» идти в новый поход. Царь же велел «о нуждах воспросить, да и вперед уведает государь всех людей своих недостатки». Оказалось, что многие дети боярские беспоместны³⁶⁶. Заметим, что эти волнения произошли уже в 1552 г., когда власти сделали определенные шаги в пользу детей боярских. Вполне вероятно, что подобные выступления имели место и раньше, например во время неудачного похода зимы — весны 1547–1548 гг. Ситуация тогда была для служилых людей еще более тяжелая: они, видимо, находились на службе с весны 1547 г., часть из них погибла во время восстания в Москве, остальные отправились в Казанский поход. Не было ли в этом походе или сразу после него выдвинуто каких-либо требований, в форме челобитных, к правительству? Представляется, что именно выступления служилых людей могли вызвать собрание февраля 1549 г.

Возможно, что на весну 1549 г. был запланирован новый поход, и, опасаясь недовольства детей боярских, перед его началом правительство решило разрядить обстановку, сделав некоторые шаги навстречу требованиям служилых и заодно указав виновных во всех бедах государства. Понятно, что виновными оказывались исключительно бояре, которые стояли у руля правления в годы малолетства Ивана IV. Царю такая ситуация была выгодна — он мог отвести от себя все возможные претензии и просто пообещать на будущее не допускать ущемления интересов служилых людей, а быть им «щитом и обороной».

Однако в действительности поход не состоялся — 25 марта было получено известие о смерти казанского царя Сафа-Гирея.

Собор же проходил в конце февраля 1549 г. О нем сохранились известия в Продолжении Хронографа 1512 г. и в 4-й главе «Стоглава»³⁶⁷. Долгое время спорным остается вопрос о словах в царской речи в «Стоглаве» о предыдущем лете. Что имел в виду Грозный? Если речь была произнесена в начале 1551 г., то предыдущее лето — это 1550 г. и, следовательно, появляется основание для утверждения о еще одном Соборе «примирения». Такую точку зрения высказывает, например, С. О. Шмидт³⁶⁸. Другие ученые считают, что царь имел в виду события 1549 г.³⁶⁹, а о предыдущем лете говорил лишь приблизительно. Но, может быть, эта речь относилась вовсе не к Стоглавому собору, а к какому-нибудь другому собранию? Е. Б. Емченко достаточно убедительно, как нам кажется, доказала, что текст «Стоглава» не отражает порядка проведения соборных заседаний и создавался он с использованием многообразных источников — протокольных записей, наказных списков, царских посланий, выписок и др.³⁷⁰ Если же «Стоглав» создавался после окончания Собора 1551 г., то в его состав могли войти царские речи, и не произнесенные на этом Соборе. Это могло быть сделано или по ошибке, или намеренно, с целью подчеркнуть участие Церкви в решении чисто государственных задач. Уж очень это выступление Ивана не соответствует всему «Стоглаву». В действительности подобная речь могла быть произнесена в июне 1550 г. при утверждении Судебника. Таким образом, работу над новым Уложением решено было начать также на Соборе «примирения» 1549 г.

В литературе существует мнение, что созыв первого Земского собора был связан с инициативой царских советников, с «Избранной радой». Об этом писали Н. П. Загоскин, И. А. Стратонов, В. Н. Латкин³⁷¹. Представляется, что это не так: «Избранная рада» к 1549 г. еще не существовала. К царю были приближены и оказывали на него влияние лишь отдельные деятели — Макарий, Сильвестр, Адашев. Собор был необходим детям боярским, чтобы высказать свои требования, и царю, чтобы снять с себя ответственность за бедственное положение служилых людей. Иван искал, кроме того, поддержки себе, расширения социальной базы. Видимо, после Московского восстания он перестал доверять боярству. Опора только на церковную иерархию была недостаточна, и царь пытался заручиться помощью служилых людей.

По нашему мнению, только после Собора 1549 г. можно говорить об образовании «Избранной рады». Царь «избрал» людей, которые, как ему казалось, будут выражать интересы различных групп — бояр, дворян и духовенства. Иван вынужден был допустить их к реформаторской деятельности с целью обеспечить себе более широкую поддержку. Члены же «Рады» в своей деятельности опирались на различные социальные группы. Это вело к относительной самостоятельности их по отношению к Грозному, что и закончилось в конце концов опричниной. Внутри самой «Рады» не было единства.

По сути, «Избранная рада» — это отнюдь не правительство только Адашева и Сильвестра, хотя они и входили в него. Просто источники выдвигают их на первый план, что связано, видимо, с тем, что в то время, когда Грозный и Курбский создавали свои произведения, эти два деятеля оказались наиболее «незащищенными», не имевшими влиятельных покровителей при дворе. Реальная роль, например, Сильвестра была, как уже указывалось, не очень велика — он был ставленником митрополита Макария. Адашев же, изображенный в публицистических источниках, возможно, и не имел того влияния, каким его наделяют царь и беглый воевода, хотя этот вопрос и требует, видимо, дальнейшего рассмотрения³⁷². Может быть, Адашев Грозного и Курбского — это собирательный образ, объединивший в себе черты нескольких реальных деятелей, упоминание которых, в силу различных причин, могло быть нежелательно.

Но мы считаем, что «Избранная рада» существовала в виде круга советников, выбранных царем из различных общественных групп. Каждый из них представлял интересы своей группы. Отсюда отсутствие в составе «Рады» единства.

Состав «Рады» не совпадал с составом Ближней думы, хотя отдельные члены «Рады» могли в нее входить (вместе с тем имеются определенные черты сходства этих образований). С другой стороны, «Рада» являлась представительным органом, своего рода моделью Земского собора, своеобразным «исполнительным комитетом».

Образование этого круга советников было вызвано потрясениями боярского правления, Московским восстанием, молодостью царя, необходимостью решения важнейших внутренних и внешнеполитических задач.

Складывание «Рады» проходило в течение нескольких лет: в 1547–1548 гг. основное влияние на царя оказывали представители

духовенства — Макарий и Сильвестр, затем, с Собора «примирения», их влияние несколько падает за счет усиления роли светских лиц. Происходят трения внутри «Рады».

В состав «Рады» входили и Адашев, и Сильвестр, и Макарий (относительно остальных нет ясности). Причем Сильвестр не являлся основным деятелем «Рады», а был доверенным лицом митрополита. Подчеркнем, что в «Раду», на наш взгляд, входили только те лица, которые выражали интересы определенных социальных групп, на которые они опирались. Другие же деятели хотя и играли заметную роль в управлении государством, но опирались они в большей степени не на значительные группы правящего класса, а на расположение к ним самого царя (например, Захарьины). Именно это и имеет в виду Курбский, когда противопоставляет «ласкателей» — льстецов деятелям «Рады»³⁷³.

Компромиссность реформ 50-х годов определяется раскладом сил в каждый определенный момент и влиянием отдельных лиц на Ивана.

Едва ли можно однозначно утверждать, чьи же интересы выражали реформы — видимо, интересы государства в целом.

Представляется, что «Избранная рада» не стремилась сознательно ограничить царскую власть. Иван IV находился в таких условиях, когда вынужден был прислушиваться к советам деятелей «Рады». Однако в этот период, видимо, царь не имел возможности приговаривать к смертной казни без суда. Так, еще в 1546–1547 гг. Иван выносил приговоры самостоятельно. Достаточно вспомнить казни Воронцовых, Кубенского, Дорогобужского, Овчинина-Оболенского³⁷⁴. А в 1554 г. смертному приговору князю Семену Ростовскому предшествовало обсуждение в Думе³⁷⁵. Может быть, отказ царя от права самостоятельно выносить смертные приговоры имел место на Соборе 1549 г., когда он «бояр своих всех пожаловал с великим благочестием и усердием»³⁷⁶. В пользу этого предположения можно привести и другие соображения. Курбский в своем Первом послании обвиняет царя именно в казнях, и ответ Ивана посвящен доказательству необходимости и возможности царю применять к подданным самые жесткие наказания в случае необходимости. Очевидно, что князь не считал Ивана IV вправе казнить без суда. В Истории же Курбский описывает юность царя как череду казней. «Избранная рада» добивается того, что без ее согласия царь не мог ничего решать и делать³⁷⁷. Если же учесть, что

единственные дела Ивана — это казни (по описанию Курбского), то можно предположить, что царь отказался от права самостоятельно выносить смертные приговоры. Не случайно и то, что при введении опричнины основным требованием государя было требование о беспрепятственной казни «изменников»³⁷⁸.

Результатом реформ стало, с одной стороны, усиление авторитета царской власти (иначе переход к опричной политике не прошел бы так легко), а с другой — становление основ сословно-представительной монархии³⁷⁹.

То, что принято называть падением «Избранной рады», в действительности было лишь удалением из числа советников Адашева и Сильвестра. Остальные члены «Рады», видимо, еще некоторое время оставались на своих местах³⁸⁰.

Окончательное же падение «Рады» произошло при учреждении опричнины, толчками к которому могли послужить смерть митрополита Макария, изменившая расстановку политических сил в правящих кругах страны, и получение Иваном грамоты Константинопольского патриарха с утверждением за ним царского титула. Кроме того, большую роль могли сыграть несоответствие представлений Ивана IV о своей власти с действительностью.

Возвращаясь непосредственно к проблеме церковно-государственных отношений в конце 40-х годов, еще раз подчеркнем, что Сильвестр, бывший ставленником митрополита Макария, не играл, по нашему мнению, самостоятельной роли и в своей деятельности отражал интересы церковного руководства. А. Ф. Адашев же представлял интересы светских кругов³⁸¹. То есть в «Раду» входили две группы лиц, и представляла она собой, по образному определению В. Б. Кобринина, «правительство консолидации господствующего класса»³⁸². Но, несмотря на это, определенные трения должны были иметь место. Одно из главных противоречий внутри правительства — вопрос о церковных недвижимых имуществах. По этому-то вопросу и должна была разгореться борьба между А. Ф. Адашевым и его сторонниками, с одной стороны (светскими феодалами), и митрополитом Макарием и Сильвестром — с другой. Б. Н. Флоря обратил внимание на то, что действия правительства в 50-е годы были направлены против податных привилегий Церкви. Подобное, по его мнению, подвергает сомнению роль митрополита Макария как инициатора реформ³⁸³. Однако дело в том, что Макарий был

не единственным деятелем, оказывающим влияние на царя. Видимо, представители светских кругов добивались наступления на податные привилегии духовенства.

Но как же быть с тем, что и Иван Грозный, и Курбский, а также Пискаревский летописец постоянно ставят знак равенства между Адашевым и Сильвестром? Они не различают их политику, а, наоборот, указывают на полное согласие между ними. В этом, видимо, сыграло роль то, что Иван Грозный и князь Курбский писали свои сочинения по прошествии некоторого времени и на многие события смотрели по-другому. Иван Грозный ненавидел их одинаково и в таком полемическом памятнике, как Первое послание Курбскому, не мог останавливаться на различиях в их политике и свалил всех своих врагов в одну кучу. Курбский же писал свою Историю как ответ царю Ивану, когда после описываемых событий прошло несколько десятков лет. Поэтому и он не останавливается на каких-либо расхождениях между Сильвестром и Адашевым.

Но без причин это мнение (о единстве Адашева и Сильвестра) возникнуть не могло. Дело тут, видимо, в следующем: их сближение произошло уже после Стоглавого собора, в 1553 г., и было вызвано событиями «боярского мятежа». Известно, что Адашев принес присягу царевичу Дмитрию сразу же, без промедления. Но его отец, целуя крест, высказал мысли, которые вряд ли понравились царице Анастасии и ее родственникам. Можно предположить, что царица и клан Захарьиных затаили ненависть не только к отцу А. Ф. Адашева Федору, но и к нему самому. Получив общих врагов, Макарий, Сильвестр и Адашев начали сближаться, но это произошло уже после марта 1553 г.

Мы уже писали выше, что как внутрицерковное течение «несдержанность» в середине XVI в. едва ли существовало. Но на позиции по вопросу о церковных и монастырских землях царя Ивана Васильевича и Адашева стоит остановиться подробнее.

Известно, что в середине века власти предприняли попытки ограничить церковное землевладение и отменить тарханы (исследования Р. Г. Скрынникова, С. М. Каштанова и др.). Митрополит, как глава Церкви, должен был, естественно, воспротивиться секуляризационным попыткам. Это должно было вызвать неудовольствие царя, и отношения с Макарием должны были быть нарушены. Но, как видим, ничего подобного не произошло. Наоборот, Иван оставляет Макария фактически правителем государства в свое отсут-

ствие (во время похода на Казань). О чем же может говорить этот факт? Видимо, о том, что секуляризационные проскты выдвигал не Иван, а кто-то из его окружения. Представляется, что источники позволяют говорить о том, что таким человеком в окружении царя был А. Ф. Адашев, выражавший интересы широких кругов светских землевладельцев. Под их давлением и были подняты проекты начала века, а сам Иван IV и не думал предпринимать в этом отношении никаких попыток³⁸⁴. Этим можно объяснить то доверие, с каким относился царь к Макарию.

О планах же самого Адашева в отношении церковного землевладения также вряд ли можно сказать что-либо конкретное. Предполагал ли он вообще изъять земли у Церкви или хотел ограничиться лишь запретом на рост церковных владений, неизвестно. Можно только с уверенностью сказать, что Адашев рассчитывал оздоровить финансовую систему страны, что правительство и попыталось сделать в Судебнике 1550 г.³⁸⁵ и на Стоглавом соборе.

Адашев и стоящие за ним круги могли рассчитывать на успех и потому, что к началу 50-х годов вотчины наиболее крупных землевладельцев выпали из льготного статуса, бессрочное освобождение от главных налогов касалось небольшого количества корпораций и земель, и на 50-е годы перешли льготы лишь отдельных и не самых крупных духовных феодалов³⁸⁶.

Понятно, что митрополит Макарий с Сильвестром и А. Ф. Адашев, входившие в правительство, сталкивались по этим вопросам. Каждый стремился убедить юного царя в своей правоте. И Иван, как маятник, качался из одной стороны в другую -- то поддерживал церковное руководство, то Адашева. Как писал И. Н. Жданов, «он (царь. -- В. Ш.) во всяком деле полусознательно и полуохотно должен был подчиняться влиянию других»³⁸⁷. Чье влияние перевешивало -- Макария или Адашева, того решения и принимались. Вернее будет сказать: влияние каких групп, стоявших за тем или иным членом «Рады», оказывалось сильнее, в интересах той группы и принималось решение³⁸⁸.

От этого же времени дошел до нас Ответ митрополита Макария царю Ивану IV. По мнению А. И. Плигузова, он был написан в промежуток времени между 16 января 1547 г. и июлем 1551 г. и отразил самый напряженный момент полемики о методах государственной регламентации церковного и монастырского землевладения³⁸⁹. Представляется, что можно сузить временной промежуток,

в течение которого был написан Ответ. В мае 1551 г. «Стоглав» был уже составлен, Собор же начался не позднее 23 февраля, а, скорее всего, и раньше этой даты. Видимо, во время работы Собора Макарий не имел бы достаточно времени для подготовки Ответа; и, кроме того, это не было необходимо. Собор более авторитетен, чем предстоятель Церкви, и духовенство могло принять решение в защиту церковного землевладения на этом собрании. Можно предположить, что Ответ Макария подготовлен до открытия Собора, то есть не позднее февраля 1551 г.³⁹⁰ Как можно понять из текста, царь (или некто, стоявший за его спиной и действовавший от его имени) предложил митрополиту Макарию уступить часть владений митрополичьего дома. Ответу на это предложение и посвящено послание.

В Ответе использованы многочисленные ссылки на Константинов дар, Устав князя Владимира, ярлыки ханов Золотой Орды. Макарий пишет, что царю подобает «свою царскую веру к Богу показать и велие тщание к святым церквам и святым монастырям, не токмо недвижимая взымати, но и самому ти подобает подавати, якоже и вси святыи царские твои прародители и родители подаваху Богови в наследие благ вечных». Далее Макарий пишет, что если епископ или игумен отдаст или продаст церковные земли князю, то будет изгнан из епископии или из монастыря. Священники — отлучаются от чина, мирские люди — отлучаются от церкви.

После этой вступительной части митрополит переходит к существу дела: «Не могу на таковая страшная дерзати и помыслити . . . из Дому Пречистой Богородицы и великих чудотворцев таковая отдати или продати, не буди того. И до последнего нашего издыхания избави всех нас всесильный Боже и схорони от такого законопреступления и не попусти такому быти не только при нас, но и по нас до скончания века». Далее Макарий указывает, что в свое время, при поставлении, он дал клятву говорить царю правду даже под угрозой смерти. Поэтому он требует: «И глаголю ти, о благочестивый царю, и молю твое царское величество: останися, государь, и не сотвори такова начинания, его же Бог не повеле вам, православным царям, таковая творити».

Закачивается Ответ следующим заявлением: «И того ради молим твое царское величество и много с слезами челом бием, чтобы. . . по тем Божественным правилом у Пречистой Богородицы

и у великих чудотворцев из дому тех недвижимых вещей, вданных Богови в наследие благ вечных, не велел взяти»³⁹¹.

Давая раз и навсегда категорическое несогласие на уступку церковных земель, митрополит резко сузил поле действия для сторонников секуляризационных проектов. Им оставалось только одно — обратить главное внимание на ограничение дальнейшего роста церковных земель и на решение финансовых проблем государства за счет (или при участии) Церкви.

Таким образом, в руководстве государства возникла ситуация, при которой столкнулись две правительственные группировки: одна настаивала на решении проблем за счет максимального привлечения средств церковной организации, другая, в свою очередь, противилась этому. Обе группировки боролись за влияние на молодого Ивана IV. Это состояние неустойчивого равновесия должно было рано или поздно завершиться принятием каких-либо окончательных решений. И решения эти предстояло принять Собору, состоявшемуся в 1551 г.

---

¹ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 89.

⁴ Игуменом Даниил стал после смерти Иосифа Волоцкого в 1515 г., а митрополитом — в 1522 г., после изгнания с митрополии Варлаама (*Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России. М., 1977). Следовательно, к моменту болезни великого князя Даниила было никак не меньше 45 лет.

⁵ *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 96.

⁶ Например, помощь в задержании Шемятича, развод великого князя с Соломонией Сабуровой.

⁷ *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 95–96.

⁸ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Вторая половина. М., 1900. С. 156.

⁹ Там же.

¹⁰ *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 239; *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 419.

¹¹ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 410–415; Т. 34. С. 20, 166.

¹² *Пресняков А. Е.* Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 79–80.

¹³ *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 112–113; *Жмакин В.* Митрополит Даниил... С. 238, 241; *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 419.

¹⁴ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 734–735.

- 15 Юрганов А. Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века // История СССР. 1988. № 2. С. 109.
- 16 Кром М. М. Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутриполитической борьбе конца 1533–1534 года // Отечественная история. 1996. № 5. С. 39.
- 17 Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 226.
- 18 Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 83.
- 19 ПСРЛ. Т. 34. С. 18. Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что Василий III приказал скрывать свою болезнь от всех.
- 20 ПСРЛ. Т. 13. С. 412–413.
- 21 Капитанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 284.
- 22 ПСРЛ. Т. 13. С. 413.
- 23 Там же. С. 418.
- 24 Штагич Н. И. Русское государство в первой половине XVI века. Свердловск, 1940. С. 65.
- 25 ПСРЛ. Т. 13. С. 416.
- 26 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 26.
- 27 ПСРЛ. Т. 13. С. 76.
- 28 Псковские летописи. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 106.
- 29 ПСРЛ. Т. 13. С. 418.
- 30 Там же. С. 76–77. Такой же рассказ в Пискаревском летописце (Там же. Т. 34. С. 167).
- 31 Лурье Я. С. Повесть о смерти Василия III // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина. XIV–XVI вв. Ч. 2. Л., 1989. С. 277–279.
- 32 ПСРЛ. Т. 34. С. 24.
- 33 Лурье Я. С. Повесть о смерти... С. 277–278.
- 34 ПСРЛ. Т. 13. С. 77; Т. 34. С. 167.
- 35 Там же. Т. 13. С. 418; Т. 34. С. 24.
- 36 Там же. Т. 13. С. 419. То же самое и в Никоновской летописи: «Послати всех людей приводити к целованию на том, что им служити великому князю и добра хотети и земле без хитрости» (Там же. Т. 13. С. 77).
- 37 Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 9.
- 38 ПСРЛ. Т. 13. С. 91, 428.
- 39 Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. С. 53.
- 40 ПСРЛ. Т. 13. С. 83, 420.
- 41 Там же.
- 42 Там же. С. 79.
- 43 Там же. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 315 («посадити на задний двор в заднюю палату, где была казна великого князя конюшенная, седельная»).
- 44 Юрганов А. Л. Политическая борьба... С. 106–109.
- 45 ПСРЛ. Т. 13. С. 81.
- 46 Там же. С. 85.
- 47 Там же. Т. 6. СПб., 1853. С. 292, 293; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 566–567.
- 48 Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 574.
- 49 Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 49.
- 50 Капитанов С. М. Социально-политическая история... С. 303.

- ⁵¹ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. . . С. 45–46.
- ⁵² *Жмакин В.* Митрополит Даниил. . . С. 241; *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 734–735; *Карташев А. В.* Очерки. . . Т. 1. С. 419–420.
- ⁵³ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 734.
- ⁵⁴ РФА. XIV — первая треть XVI в. Вып. 4. М., 1988. С. 717–722.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 294–295.
- ⁵⁶ *Шатагин И. Н.* Русское государство. . . С. 66–67; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. . . С. 82; Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. М., 1955. С. 112.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 91–92.
- ⁵⁸ Там же. С. 94.
- ⁵⁹ СГГД. Т. 2. М., 1819. С. 40–41.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 96, 118, 430.
- ⁶¹ Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 578.
- ⁶² Там же. Т. 13. С. 430.
- ⁶³ Там же. Т. 26. С. 317.
- ⁶⁴ *Юрганов А. Л.* Старицкий мятеж // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 109–110.
- ⁶⁵ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 69; Сборник РИО. Т. 59. С. 137.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 98, 123, 431.
- ⁶⁷ *Кром М. М.* О некоторых спорных вопросах истории «боярского правления» (дворцовые перевороты и правительственный аппарат в 1538–1547 гг.) // Сословия и государственная власть в России XV — середины XIX века. Ч. 1. М., 1994. С. 244–253.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 26.
- ⁶⁹ Там же. Т. 13. С. 123; Т. 34. С. 26. Даниил Принц в своих записках указывает на то, что Елена была отравлена, а ее фаворит «изрублен в куски». См.: *Даниил Принц.* Начало и возвышение Московии // ЧОИДР. 1876. Кн. 3. С. 16.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 123.
- ⁷¹ Там же. С. 123–124, 125–126.
- ⁷² *Шатагин И. И.* Русское государство. . . С. 66–67; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. . . С. 82; *Копанев А. И., Маньков А. Г., Посов Н. Е.* Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. Л., 1957. С. 65–66.
- ⁷³ См.: *Кром М. М.* «Мне сиротсвующу, а царству вдовствующу»: кризис власти и механизм принятия решений в период «Боярского правления» (30–40-е годы XVI в.) // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 46.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 126.
- ⁷⁵ Там же. Т. 34. С. 26.
- ⁷⁶ Там же. Т. 13. С. 127; Псковские летописи. Т. 1. С. 109.
- ⁷⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 127. См. также: Переписка Грозного и Курбского. Л., 1979. С. 28; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 288.
- ⁷⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 26.
- ⁷⁹ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 739–740.
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 99, 127, 432.

- ⁸¹ *Капитанов С. М.* Социально-политическая история... С. 329, 334.
- ⁸² *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина... С. 292–293.
- ⁸³ *Вернадский Г. В.* Московское царство. Ч. 1. Тверь; М., 1997. С. 26; Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. С. 114; *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 422; *Зимин А. А.* 1) Реформы Ивана Грозного. С. 253; 2) Крупная феодальная вотчина... С. 292–293; *Капитанов С. М.* Социально-политическая история... С. 334; *Дмитриева Р. П.* 1) Иоасаф Скрипицын — книжник и библиофил XVI в. // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв. СПб., 1991. С. 303; 2) Иоасаф (Скрипицын) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Вып. 1. Л., 1988. С. 413 — Правда, Р. П. Дмитриева прямо не называет Иоасафа «нестяжателем», но считает, что к «иосифлянам» он «должен был ... относиться враждебно».
- ⁸⁴ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 80.
- ⁸⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 127.
- ⁸⁶ ЛАЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 185. С. 163.
- ⁸⁷ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 218.
- ⁸⁸ *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. М., 1998. С. 133.
- ⁸⁹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 8. М., 1989. Стб. 36. См. также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 6. М., 1993. С. 429; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1990. С. 406; *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 114; *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 740–741; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 83; *Вернадский Г. В.* Московское царство. Т. 1. С. 26; *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 423; *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 35; *Абрамович Г. В.* Князь Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 85.
- ⁹⁰ *Бахрушин С. В.* Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 264.
- ⁹¹ *Дмитриева Р. П.* Иоасаф Скрипицын — книжник и библиофил XVI в. С. 302.
- ⁹² *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 256–257.
- ⁹³ *Капитанов С. М.* Социально-политическая история... С. 343.
- ⁹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 127–128.
- ⁹⁵ Там же. С. 132–133.
- ⁹⁶ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 83–86.
- ⁹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 134.
- ⁹⁸ Там же. С. 99–100.
- ⁹⁹ Там же. С. 103–105.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 135, 136–137, 140.
- ¹⁰¹ Там же. С. 140.
- ¹⁰² Там же. С. 140–141, 439–440; Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 630; Т. 34. С. 26–27, 179; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа... С. 289; Переписка Грозного и Курбского. С. 28.
- ¹⁰³ ПСРЛ. Т. 13. С. 439.
- ¹⁰⁴ *Шатагин Н. И.* Русское государство... С. 77; *Смирнов И. И.* 1) Иван Грозный. Л., 1944. С. 24; 2) Очерки политической истории... С. 96.

- ¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 142; Т. 34. С. 26–27; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа... С. 289.
- ¹⁰⁶ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 220; *Макарий (Веретенников)*. 1) Лужецкий архимандрит Макарий (1523–1526) // Макариевские чтения. Вып. 2. Ч. 1. Можайск, 1994. С. 86–91; 2) Преподобный Иосиф Волоцкий и Всероссийский митрополит Макарий // Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. Сборник статей. М., 1996. С. 123–133.
- ¹⁰⁷ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 220. В Синодике Успенского собора записан род митрополита Макария. См.: *Макарий (Веретенников)*. Поминальные синодики // Вышенский паломник. 1998. № 1 (6). С. 77.
- ¹⁰⁸ *Макарий (Веретенников)*. Святитель Макарий, Митрополит Московский и всея Руси // Макариевские чтения. Вып. 2. Ч. 1. Можайск, 1994. С. 9.
- ¹⁰⁹ О немощи, и о преставлении, и о погребении Макария Митрополита всея Руси // Макарий (Веретенников). Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). М., 1996. С. 89–90.
- ¹¹⁰ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 179; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 72.
- ¹¹¹ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 746.
- ¹¹² *Макарий (Веретенников)*. Лужецкий архимандрит Макарий. С. 87.
- ¹¹³ ПСРЛ. Т. 34. С. 11.
- ¹¹⁴ Там же. С. 15.
- ¹¹⁵ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 72.
- ¹¹⁶ *Августин (Никитин)*. Миссионерская деятельность Митрополита Макария (Новгородский период: 1526–1542) // Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 1. Можайск, 1996. С. 77–97.
- ¹¹⁷ *Дробленкова Н. Ф.* Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 77–78.
- ¹¹⁸ *Лебедев Н.* Макарий, митрополит Всероссийский. М., 1877. С. 55–56; *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 762; *Шатагин Н. И.* Русское государство... С. 77–78; *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 427–428; *Батрушин С. В.* Иван Грозный. С. 265–266; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 95–97; *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 190; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 264; Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 110–111; *Кашианов С. М.* Социально-политическая история... С. 348; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 222; *Абрамович Г. В.* Князя Шуйские... С. 86.
- ¹¹⁹ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 264.
- ¹²⁰ *Абрамович Г. В.* Князя Шуйские... С. 90.
- ¹²¹ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 762.
- ¹²² ПСРЛ. Т. 13. С. 375.
- ¹²³ *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 427–428; *Шмидт С. О.* Митрополит Макарий и государственные преобразования в России в середине XVI в. // Тысячелетие крещения Руси. М., 1989. С. 290.

- 124 *Макарий (Веретенников)*. Грамота Иерусалимского патриарха Германа Новгородскому архиепископу Макарию // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 205–211.
- 125 *Шатагин Н. И.* Русское государство... С. 80, 96.
- 126 *Смирнов И. И.* Иван Грозный. С. 24.
- 127 ПСРЛ. Т. 13. С. 447.
- 128 Там же. С. 443–444.
- 129 Там же. С. 145, 444.
- 130 Там же. С. 450.
- 131 Там же. Т. 34. С. 29.
- 132 *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа... С. 291.
- 133 *Шатагин Н. И.* Русское государство... С. 103; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 122; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 28.
- 134 *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские... С. 102.
- 135 *Бахрушин С. В.* Иван Грозный. С. 266; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 299; *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. Л., 1966. С. 70; 2) Царство террора. С. 90.
- 136 ПСРЛ. Т. 13. С. 450.
- 137 Как писал Константинопольский патриарх Антоний, «невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя. Ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга» (РИБ. Т. 6. СПб., 1880. С. 272–276).
- 138 ПСРЛ. Т. 13. С. 152–154; 454–455; Т. 34. С. 29–30.
- 139 Там же. Т. 13. С. 455–456.
- 140 *Бахрушин С. В.* «Избранная рада» Ивана Грозного // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 334; *Зимин А. А.* 1) И. С. Пересветов и его современники. С. 22; 2) Реформы Ивана Грозного. С. 277–278, 300; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 113, 119, 125–126.
- 141 *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 89.
- 142 ПСРЛ. Т. 13. С. 455–456; Т. 34. С. 30.
- 143 Там же. Т. 13. С. 457.
- 144 *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа... С. 292.
- 145 ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. СПб., 1913. С. 634; *Зимин А. А.* Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 20. М., 1958. С. 198–199.
- 146 *Зимин А. А.* Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания. С. 198–199.
- 147 ПСРЛ. Т. 34. С. 29.
- 148 Там же. Т. 13. С. 455–456.
- 149 *Жарков И. А.* К истории Московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. 1962. № 3. С. 226.
- 150 *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 300; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 125.
- 151 *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 300.
- 152 ПСРЛ. Т. 13. С. 456.
- 153 Переписка Грозного и Курбского. С. 29.
- 154 ПСРЛ. Т. 13. С. 456.

- 155 Шмидт С. О. Становление Российского самодержавства. С. 88.
- 156 ПСРЛ. Т. 13. С. 456. См. также: Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 22.
- 157 Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 86; Абрамович Г. В. Князья Шуйские... С. 81–99.
- 158 Дробленкова Н. Ф. Макарий. С. 86–88.
- 159 Макарий (Веретенников). 1) Всероссийский митрополит Макарий. Библиография: XVIII–XIX вв. // Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996. С. 281–293; 2) Всероссийский митрополит Макарий (Библиография: 1902–1980 гг.) // Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 1. Можайск, 1996. С. 148–168; 3) Митрополит Макарий (Библиография: 1981–1995) // Макариевские чтения. Вып. 5. Можайск, 1998. С. 9–22; 4) Митрополит Макарий (Библиография: 1996–2000) // Макариевские чтения. Вып. 8. Можайск, 2001. С. 6–18.
- 160 Карамзин Н. М. История... Кн. 2. Т. 8. М., 1989. Стб. 46–48; Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стб. 27.
- 161 Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. Т. 2. СПб., 1827. С. 14.
- 162 Филарет (Гумилевский). Сведения о Стоглавом соборе // Христианское чтение. СПб., 1852. Ч. 2. С. 243.
- 163 Беляев И. Об историческом значении Московского собора 1551 г. // Русская беседа. М., 1858. Ч. 4. С. 3.
- 164 Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 119–123.
- 165 Жданов И. Н. Сочинения царя Ивана Васильевича // Жданов И. Н. Сочинения. Т. 1. СПб., 1904. С. 91.
- 166 Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора // Там же. С. 214–216.
- 167 Лебедев Н. Макарий, митрополит Всероссийский. С. 21–22, 55–64.
- 168 Лебедев Н. Стоглавый собор 1551 г. (опыт изложения его внутренней истории). М., 1882. С. 13, 16.
- 169 Заусцинский К. Макарий, митрополит всея России // ЖМНП. 1881. Октябрь. С. 210, 230–231, 233, 238, 258.
- 170 Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888. С. 73–76.
- 171 Сергей (Соколов). Московский благовещенский священник Сильвестр как государственный деятель // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. С. 9, 22.
- 172 Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 761–762, 764, 767, 770.
- 173 Бочкарев В. А. «Стоглав» и история Собора 1551 г. Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906. С. 9, 14.
- 174 Виттер Р. Ю. Иван Грозный. М.; Л., 1944. С. 36, 61.
- 175 Платонов С. Ф. Лекции по русской истории // Платонов С. Ф. Сочинения по Русской истории. Т. 1. СПб., 1993. С. 200.
- 176 Платонов С. Ф. Иван Грозный // Там же. Т. 2. СПб., 1994. С. 27–28, 32–33.
- 177 Бахрушин С. В. Иван Грозный. С. 266, 272.
- 178 Бахрушин С. В. «Избранная рада» Ивана Грозного. С. 333–335.
- 179 Смирнов И. И. Иван Грозный. С. 24, 29–31.

- ¹⁸⁰ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 96–108, 113, 125–126, 136, 195–197, 202, 277.
- ¹⁸¹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 74, 115–116, 252, 286.
- ¹⁸² *Будовиц И. У.* Русская публицистика... С. 189–190.
- ¹⁸³ *Шмидт С. О.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и Восточная политика Русского государства в середине XVI в.: Автореф. канд. дис. М., 1949. С. 5.
- ¹⁸⁴ *Шмидт С. О.* Вопросы истории России XVI в. в советской исторической литературе 1950 — начала 1960-х годов // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 38.
- ¹⁸⁵ *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 194–196.
- ¹⁸⁶ *Шмидт С. О.* Митрополит Московский Макарий и государственные преобразования в России в середине XVI в. // Тысячелетие крещения Руси. М., 1989. С. 290–291.
- ¹⁸⁷ *Шмидт С. О.* Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. С. 239–245.
- ¹⁸⁸ Очерки по истории СССР конца XV — начала XVII в. М., 1955. С. 358.
- ¹⁸⁹ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 71–78.
- ¹⁹⁰ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 320, 256–257, 263–264, 274.
- ¹⁹¹ *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина... С. 273, 296.
- ¹⁹² *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. С. 45.
- ¹⁹³ *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 427–429, 439.
- ¹⁹⁴ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 193, 98.
- ¹⁹⁵ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1980. С. 32, 51.
- ¹⁹⁶ *Скрынников Р. Г.* Церковь и государство на Руси... С. 247, 249, 226.
- ¹⁹⁷ Русское православие: вехи истории. С. 110–113.
- ¹⁹⁸ *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии к «Стоглаву» // РЗ. Т. 2. М., 1985. С. 404, 407, 413.
- ¹⁹⁹ *Хорошев А. С.* Политическая история Русской канонизации. М., 1986. С. 181.
- ²⁰⁰ *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 34–35, 42.
- ²⁰¹ *Борисов Н. С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 140–142.
- ²⁰² *Дробленкова Н. Ф.* Макарий. С. 79–82.
- ²⁰³ *Филошкин А. И.* 1) Состав правящих кругов Российского государства в середине XVI в. и проблема изучения «Избранной рады»: Автореф. канд. дис. Воронеж, 1995. С. 14–15; 2) История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 70, 185.
- ²⁰⁴ *Макарий (Веретенников).* 1) Митрополит Макарий и преп. Иосиф Волоцкий // Церковь и время. 1992. № 3; 2) Новые материалы о Всероссийском митрополите Макарии // Там же.; 3) Московские соборы 1547 и 1549 гг. // Журнал Московской Патриархии. 1979. № 12; 4) Письменное наследие Всероссийского митрополита Макария // Макариевские чтения. Вып. 2. Ч. 1. Можайск, 1994; 5) Московский митрополит Макарий и его время. Сборник статей. М., 1996; 6) Святитель Макарий митрополит Московский и всея Руси. М., 1996; 7) Хронология жизни и почитания Всероссийского митрополита Макария // Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 1. Можайск, 1996; 8) Митрополит Макарий и

Московские государи (история взаимоотношений) // Там же. Вып. 8. Можайск, 2001. С. 25–90. См. также и другие работы.

²⁰⁵ См., например, работы А. А. Зимина, С. М. Каштанова, И. И. Смирнова, Р. Г. Скрынникова, В. Б. Кобринина.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 181–182.

²⁰⁷ Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1985. С. 224.

²⁰⁸ Ср. мнения: Шмидт С. О. К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра) // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. С. 339–347; Филошкин А. И. Бунт и пожар 1547 года: Сильвестр или Макарий? // Нестор. Альманах. Вып. 2. Воронеж, 1993. С. 49–54.

²⁰⁹ Голозвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874. С. 30.

²¹⁰ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. С. 204, 212.

²¹¹ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 770–771.

²¹² Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 25.

²¹³ Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 160, 170–171, 232, 233, 250, 253, 256.

²¹⁴ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 319–321.

²¹⁵ Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 50.

²¹⁶ Зимин А. А. 1) Реформы Ивана Грозного. С. 375; 2) И. С. Пересветов и его современники. С. 92; 3) Крупная феодальная вотчина... С. 297.

²¹⁷ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 87. Затем, правда, Р. Г. Скрынников изменил свое мнение и стал считать, что Сильвестр «по-видимому, не принадлежал ни к иосифлянам, ни к нестяжателям» (Скрынников Р. Г. Государство и церковь... С. 240).

²¹⁸ Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность: Автореф. канд. дис. М., 1982. С. 21, 23.

²¹⁹ Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. Одесса, 1871. С. 107–108; Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. С. 190, 216, 258–259; Лебедев Н. 1) Макарий, митрополит Всероссийский. С. 63–64, 96; 2) Стоглавый собор 1551 г. С. 15–16; Латкин В. Н. Лекции... С. 76; Бочкарев В. А. «Стоглав»... С. 9, 60; Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. С. 63–64; 2) Реформы Ивана Грозного. С. 319–321, 378; Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958. С. 67, 92; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 86–87, 115–116, 119 (правда, Р. Г. Скрынников впоследствии изменил свое прежнее мнение. См.: Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 240); Русское православие: веки истории. С. 117; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 73–75; Новицкая Н. Е., Семидеркин П. А., Штамм С. И. Комментарий... С. 407, 413, 417, 418; Альшиц Д. П. Начало самодержавия... С. 54–55, 58, 66, 68, 72; Колесов В. В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. СПб., 1994. С. 308.

²²⁰ Евгений (Болховитинов). Словарь... Т. 2. С. 14; Толстой Н. В. Рассказы из истории Русской церкви. Изд. Валаамского монастыря, 1991. С. 388; Голозвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей... С. 9–11, 30; Маллини В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 677;

Миртов П. Знаменитый древнерусский священник // Странник. 1903. Март. С. 392–399; Апрель. С. 544; Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории. Т. 1. Л., 1993. С. 200–201; Смирнов И. И. Очерки политической истории. . . С. 136, 179, 233, 242, 253, 255; Будовниц И. У. Русская публицистика. . . С. 193, 203; Шмидт С. О. 1) Становление Российского самодержавства. С. 150; 2) Митрополит Московский Макарий и государственные преобразования в России. . . С. 290; 3) Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени. С. 241; Альшиц Д. Н. Начало самодержавия. . . С. 54–55, 58, 66, 68, 72; Рогожин Н. М. Иван Михайлович Висковатый // «Око всей великой России». М., 1989. С. 38; Колесов В. В. Домострой. . . С. 308; Филошкин А. И. История одной мистификации. . . С. 310.

²²¹ Карамзин Н. М. История. . . Кн. 2. Т. 8. Стб. 65; Лебедев П. Макарий, митрополит Всероссийский. С. 63–64, 96; Сергий (Соколов). Московский благовещенский священник Сильвестр как политический деятель // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. С. 7–14, 22; Бочкарев В. А. «Стоглав». . . С. 9, 60; Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. СПб., 1908. С. 404; Винпер Р. Ю. Иван Грозный. С. 38, 61; Сухотин Л. М. Иван Грозный до начала опричнины. Белград, 1940. С. 74; Батрушин С. В. «Избранная рада» Ивана Грозного. С. 334, 339, 340, 350; Скрытников Р. Г. Начало опричнины. С. 86–87, 115–116, 119; Новицкая Н. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии. . . С. 407, 413, 417–418.

²²² Заусцинский К. Макарий. . . С. 250, 252, 254, 255, 257; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской письменности. Ч. 1. СПб., 1904. С. 193–194; Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 24; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 63–64, 44; Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 25.

²²³ ПСРЛ. Т. 13. С. 524.

²²⁴ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия. . . С. 208–226.

²²⁵ Курбский А. М. История. . . С. 227.

²²⁶ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 46.

²²⁷ Там же. С. 63–64.

²²⁸ Максим Грек. Сочинения. Ч. 2. Казань, 1860. С. 357–367.

²²⁹ Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 156.

²³⁰ Там же. С. 147.

²³¹ Курбский А. М. 1) Третье послание Ивану Грозному // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1985. С. 98; 2) История. . . С. 220, 262.

²³² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. М., 1958. Стб. 51.

²³³ Курбский А. М. История. . . С. 367.

²³⁴ Там же. С. 264, 368.

²³⁵ Смирнов И. И. Очерки политической истории. . . С. 179.

²³⁶ Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1985. С. 50.

²³⁷ Макарий (Веретенников). Собор 1554 г. и его решения // Макарий (Веретенников). Митрополит Московский Макарий и его время. М., 1996. С. 269.

²³⁸ Янов А. Л. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. М., 2001. С. 151.

²³⁹ Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 16.

²⁴⁰ «Стоглав» // РЗ. Т. 2. М., 1985. С. 374.

²⁴¹ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей. . . С. 94.

- 242 *Латжин В. И.* Лекции... С. 75–76.
- 243 *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 32, 92.
- 244 *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 434.
- 245 *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 320, 377–378.
- 246 См., напр.: *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия... С. 72; *Колесов В. В.* Домострой... С. 308; *Новицкая Н. Е., Семидержкин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 407.
- 247 *Синицына Н. В.* Нестяжательство и Русская православная церковь XIV–XVI вв. // Религии мира. Ежегодник за 1983 г. М., 1983. С. 77. См. также мнение *А. И. Алексеева*, который считает появление «иосифлянства» и «нестяжательства» связанным с различными представлениями о способах спасения души. Окончательный вывод исследователя: «“Нестяжательство” — это принципиальный отказ от приемов вкладов по душе в виде “недвижимых стяжаний” и денежных сумм, позволяющих приобретать земли и села» (*Алексеев А. И.* «Иосифлянство» и «нестяжательство» в свете поминальной практики XV в. // Первые Димитриевские чтения. СПб., 1996. С. 86).
- 248 *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа»... С. 69.
- 249 Там же. С. 67, 69.
- 250 *Моисеева Г. Н.* Об идеологии нестяжателей // История СССР. 1961. № 2. С. 100–101.
- 251 *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 206, 207, 209, 212–213, 217.
- 252 *Синицына Н. В.* Нестяжательство и Русская православная церковь... С. 96.
- 253 *Курукин И. В.* Заметки о «нестяжательстве» и «иосифлянстве» (историографическая традиция и источники) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1981. С. 66–68.
- 254 *Плигузов А. И.* Вступление Вассиана Патриксева в полемику о монастырских землях и творческая история «Собрания некоего старца» // Исследования по истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 41–42.
- 255 Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959; *Жмакин В.* Митрополит Даниил...; АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 292. С. 531–534.
- 256 О Сильвестре из последних работ см.: *Филюшкин А. И.* История одной мистификации... С. 309–329.
- 257 Домострой. М., 1990. С. 193.
- 258 *Курбский А. М.* История... С. 225; Переписка Грозного и Курбского. С. 140.
- 259 *Курбский А. М.* История... С. 225.
- 260 «Стоглав». С. 308.
- 261 ПСРЛ. Т. 13. С. 230.
- 262 *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 279.
- 263 По мнению *А. И. Плигузова* и *Г. В. Семенченко*, сходную позицию занимал и один из предшественников Макария митрополит Даниил в вопросе о наследнике Василия III, предпочитая всем кандидатам совершеннолетнего князя Юрия Ивановича Дмитровского — младшего брата Василия (см.: *Плигузов А. И., Семенченко Г. В.* Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III // Труды ГИМ. Вып. 71. М., 1989. С. 150).
- 264 *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 246.
- 265 Переписка Грозного и Курбского. С. 17.

- 266 О позиции Сильвестра во время царской болезни 1553 г.: *Флоря Б. И.* Иван Грозный. С. 81.
- 267 *ПСРЛ*. Т. 13. С. 232–233.
- 268 *Голохвастов Д. П. и Леонид*. Благовещенский иерей. . . С. 25.
- 269 *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 16.
- 270 *Голохвастов Д. П. и Леонид*. Благовещенский иерей. . . С. 29, 86, 26.
- 271 *Курбский А. М.* История. . . С. 315. О подобном суде говорит только один источник — Курбский. Однако большинство исследователей считают, что соборный суд состоялся, но сам Собор был скорее церковным с участием светских лиц (*Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 90).
- 272 Под словом «реформа» (относительно к Русской церкви) мы понимаем не какое-то принципиальное изменение (вроде Реформации на Западе), а лишь исправление различных «нестроений». То есть в данном случае значение слова «реформа» — это, скорее, «очищение», избавление от недостатков.
- 273 *Хорошев А. С.* Политическая история. . . С. 170.
- 274 *Покровский Н. Н.* Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971. С. 137 и след.
- 275 *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. . . С. 149–150, 159.
- 276 *Грбовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр: история одного мифа. Лондон, 1987. С. 62; *Филлюшкин А. И.* 1) Состав правящих кругов Российского государства. . . С. 19; 2) История одной мистификации. . . С. 240–241.
- 277 *Батрушин С. В.* «Избранная рада» Ивана Грозного. С. 338; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 75; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 318; *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI в. М., 1984. С. 96–98; *Гралья И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 91.
- 278 *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 20.
- 279 *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 4. Б. м., 1923. С. 130; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 108; *Иоанн (Снычев)*. Самодержавие духа. Очерки Русского самосознания. СПб., 1994. С. 142–143.
- 280 *Батрушин С. В.* «Избранная рада» Ивана Грозного. С. 341; *Шмидт С. О.* 1) Правительственная деятельность Адашева и восточная политика Русского государства. . . С. 4; 2) Становление Российского самодержавства. С. 118.
- 281 *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. . . С. 160, 164–165.
- 282 *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Очерки истории СССР. . . С. 119 и след.
- 283 *Батрушин С. В.* Иван Грозный. С. 268; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. . . С. 164–165; *Шмидт С. О.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 51; *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Очерки истории СССР. . . С. 119 и след.
- 284 *Платонов С. Ф.* Лекции по Русской истории. С. 201.
- 285 *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 316 и след.; *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 118; *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 98.
- 286 Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. М., 1955. С. 292.

- 287 *Гралья И. Иван Михайлов Висковатый. С. 91.*
- 288 *Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 108–109.*
- 289 *Карамзин Н. М. История... Кн. 2. Т. 8. М., 1989. Стб. 65; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3. М., 1993. С. 441; Костомаров Н. И. Русская история... Т. 1. С. 413; Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. М., 1988. С. 162–163; Сергеевич В. И. Вече и князь. Советники князя. СПб., 1900. С. 369; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 91; Рожков Н. А. Русская история... С. 130; Базрушин С. В. Иван Грозный. С. 268; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 319; Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 8; Альшиц Д. Н. Начало самодержавия... С. 34–35; Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. С. 142–143.*
- 290 *Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и Восточная политика Русского государства. С. 1; Гралья И. Иван Михайлов Висковатый. С. 92.*
- 291 *Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 80–83, 111.*
- 292 *Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 212 и след.; Грбовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр... С. 62, 154; Филлошкин А. И. 1) Состав правящих кругов Российского государства... С. 18; 2) История одной мистификации... С. 281–329.*
- 293 *Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 194 и след.*
- 294 *Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 391.*
- 295 *Филлошкин А. И. Состав правящих кругов Российского государства... С. 13.*
- 296 *Покровский М. Н. Избранные произведения. Т. 1. М., 1966. С. 291.*
- 297 *Рожков Н. А. Русская история... С. 116.*
- 298 *Базрушин С. В. Иван Грозный. С. 291; Шмидт С. О. «Избранная рада» // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. С. 763; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 477 и след.*
- 299 *Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 81.*
- 300 *Альшиц Д. Н. Начало самодержавия... С. 39.*
- 301 *Платонов С. Ф. Лекции по Русской истории. С. 200–201.*
- 302 *Покровский М. Н. Избранные произведения. С. 295.*
- 303 *Базрушин С. В. «Избранная рада» Ивана Грозного. С. 348–350; Шмидт С. О. «Избранная рада». С. 763; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 477 и след.; Копанев А. И., Маньков А. И., Посов Н. Е. Очерки истории СССР... С. 128; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 60.*
- 304 *Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 136.*
- 305 *Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 125–127.*
- 306 *Покровский М. Н. Избранные произведения. С. 294; Рожков Н. А. Русская история... С. 131; Платонов С. Ф. Лекции по Русской истории. С. 200–201; Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 50; Альшиц Д. Н. Начало самодержавия... С. 43.*
- 307 *Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 323–324.*
- 308 *Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 18.*
- 309 *Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 164–165.*
- 310 *Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. С. 53.*
- 311 *Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 60.*

- ³¹² Носов Н. Е. Становление... С. 12.
- ³¹³ Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е. Очерки истории СССР... С. 128.
- ³¹⁴ Кобрин В. Б. Власть и собственность... С. 81, 160.
- ³¹⁵ Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992. С. 128, 156.
- ³¹⁶ Филошкин А. И. Состав правящих кругов Российского государства... С. 13 и след.
- ³¹⁷ Назаров В. Д. Государство, сословия и реформы середины XVI в. в России // Сословия и государственная власть XV — середины XIX в. Чтения памяти Л. В. Черепнина. Ч. 2. М., 1994. С. 6.
- ³¹⁸ Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI в. // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 236–238.
- ³¹⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 2. С. 162–163.
- ³²⁰ Платонов С. Ф. Лекции по Русской истории. С. 200–201.
- ³²¹ Рожков Н. А. Русская история... С. 132.
- ³²² Виппер Р. Ю. Иван Грозный. С. 43–44; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 97.
- ³²³ Батрушин С. В. Иван Грозный. С. 291, 295; Шмидт С. О. «Избранная рада». С. 763; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 477 и след.
- ³²⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 270 и след.
- ³²⁵ Крыльников Р. Г. Иван Грозный. С. 64.
- ³²⁶ Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. // ЖМНП. 1886. Февраль. С. 256–257; Иоани (Снычев). Самодержавие духа. С. 167.
- ³²⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986. С. 119–120. По М. Фасмеру, приставки из-, ис- в церковнославянских словах соответствует в современном русском вы-: испить: выпить, избить: выбить, исполнить: выполнить. Следовательно, можно полагать, что основное значение слова «избранная» — выбранная. В Этимологическом словаре (Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. Т. 2. Вып. 7. М., 1980. С. 20) отсутствует прилагательное «избранный», «избранная», а говорится только о глаголах и существительных. Так, оказывается, что «избирать» — заимствовано из старославянского языка, а собственно русское — «выбирать». Слово «изборник» является древнерусским производным от прилагательного в значении «избранный»; существительное «изборник» первоначально употреблялось в словосочетании «изборник Божий», чем и объясняется значение «предпочтенный другим». Таким образом, становится ясно, что основное значение прилагательного «избранная» именно выбранная, а значение «лучшая» является производным и добавочным. См. также: Срезневский И. И. Материалы... Т. 1. Ч. 2. М., 1989. Стб. 1033; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М., 1990. С. 459; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 102; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1994. Стб. 18; Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.; JL., 1956. Стб. 100–101.
- ³²⁸ Так, Курбский пишет: «Воистину по делу и наречение имели, понеже все избранное и нарочитое советы своими производили» (Курбский А. М. История... С. 228). Но, на наш взгляд, здесь беглый князь лишь использует игру слов, чтобы подчеркнуть «хорошесть» «Рады». То, что Курбский любил

обыгрывать слова, видно и из других примеров. Например, он пишет об отце Ивана IV: «Он же предреченный Василий, великий, паче же в прегордости и в лютости» (Там же. С. 220); опричников князь называет «кромешниками» (Курбский А. М. Третье послание Курбского Ивану Грозному. С. 102).

³²⁹ Выражаю благодарность Ю. В. Кривошееву, посоветовавшему мне рассмотреть «Избранную раду» не изолированно, а в комплексе с Ближней думой и Земским собором.

³³⁰ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 321–327.

³³¹ Платонов С. Ф. Боярская дума — предшественница Сената // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883–1912). СПб., 1912. С. 461–466.

³³² Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 150–163.

³³³ Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е. Очерки истории СССР... С. 70.

³³⁴ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 317–318.

³³⁵ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 74–75.

³³⁶ Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. С. 96–98.

³³⁷ Богатырев С. Н. Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Ч. 1 // АЕ за 1992 г. М., 1994. С. 119–133.

³³⁸ Первое послание Ивана Грозного Курбскому // ПЛДР. Вторая половина на XVI века. М., 1985. С. 52.

³³⁹ Кобрин В. Б. Иван Грозный. СПб., 1992. С. 497.

³⁴⁰ Покровский М. Н. Избранные произведения. С. 294.

³⁴¹ Первое послание Ивана Грозного Курбскому. С. 50.

³⁴² Альшиц Д. Н. Начало самодержавия... С. 53.

³⁴³ Беляев И. Д. 1) Земские соборы на Руси. М., 1902. С. 18–19, 51; 2) Судьбы Земщины и выборного начала на Руси. М., 1903. С. 74–77.

³⁴⁴ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 364.

³⁴⁵ Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. 1. Казань, 1877. С. 145–147, 215.

³⁴⁶ Латжин В. Земские соборы Древней Руси. СПб., 1885. С. 67; Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории Русского права. СПб., 1910. С. 175; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории Русского права. Киев, 1909. С. 184.

³⁴⁷ Костомаров Н. И. Старинные Земские соборы // Исторические монографии и исследования. Т. 19. СПб., 1887. С. 327–328.

³⁴⁸ Ключевский В. О. 1) Состав представительства на Земских соборах Древней Руси // Ключевский В. О. Сочинения. Т. 7. М., 1990. С. 288, 352–353; 2) Курс русской истории. Т. 2. С. 365.

³⁴⁹ Пресняков А. Е. Московское царство // Российские самодержцы. М., 1990. С. 416.

³⁵⁰ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 46.

³⁵¹ Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины. С. 126; 2) Царство террора. С. 95.

³⁵² Торке Х.-Й. Так называемые Земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 9.

³⁵³ Шмидт С. О. Становление Российского самодержавства. С. 194–196, 250, 121, 129–130, 189, 192, 251–257.

³⁵⁴ Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 57–78.

- 355 Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 111, 113.
- 356 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 26.
- 357 *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 150–156.
Н. Е. Носов, однако, считает, что Собор примирения был один (*Носов Н. Е.* Становление... С. 23).
- 358 «Стоглав». С. 263–264.
- 359 Переписка Грозного с Курбским. С. 30.
- 360 Об этом пишет и Курбский (*Курбский А. М.* История... С. 226).
- 361 ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 638. См. также: *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 144–148.
- 362 ПСРЛ. Т. 13. С. 154.
- 363 СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 165–166. С. 454–459.
- 364 *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 150–151.
- 365 ПСРЛ. Т. 13. С. 155.
- 366 Там же. С. 191.
- 367 Там же. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 528–529; «Стоглав». С. 267.
- 368 *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 182.
- 369 *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 73.
- 370 *Емченко Е. Б.* Новое о Стоглаве (о результатах источниковедческого исследования рукописной традиции Стоглава XVI–XVII вв.) // Макариевские чтения. Вып. 2. Ч. 2. Можайск, 1994. С. 70–71.
- 371 *Загоскин Н. П.* История права... Т. 1. С. 213–214; *Стратонов И. А.* Заметки по истории Земских соборов Московской Руси. Казань, 1912. С. 52–53; *Латкин В. Н.* Земские соборы... С. 66.
- 372 Ср. мнения о деятельности А. Ф. Адашева и его роли в работах: *Шмидт С. О.* 1) Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. С. 50–84; 2) А. Ф. Адашев и Ливонская война // *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 246–248; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 212–231; *Филошкин А. И.* История одной мистификации... С. 281–308.
- 373 С целью определить, какие деятели выступают наиболее активными работниками правительственного аппарата в середине XVI в. не в публицистических, а в делопроизводственных источниках, А. И. Филошкин предпринял интересное исследование (*Филошкин А. И.* История одной мистификации... С. 35–212).
- 374 ПСРЛ. Т. 13. С. 149; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа... С. 291.
- 375 ПСРЛ. Т. 13. С. 238.
- 376 *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа... С. 295–296.
- 377 *Курбский А. М.* История... С. 226–228.
- 378 ПСРЛ. Т. 13. С. 393–394.
- 379 *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства... С. 237–238; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 52–53.
- 380 Ср.: *Филошкин А. И.* История одной мистификации... С. 201–202.
- 381 Как уже отмечалось, Адашев публицистических источников может быть собирательным образом.
- 382 *Кобрин В. Б.* Власть и собственность... С. 81.
- 383 *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 50.
- 384 По крайней мере, до конца 70-х годов. Здесь необходимо учитывать, что к этому времени церковное землевладение сильно возросло – во многом

благодаря политике, которую проводил Иван IV (опричина, неуверенность феодалов в завтрашнем дне и т. д.).

³⁸⁵ Судебник 1550 г. // РЗ. Т. 2. М., 1985. С. 104. Имеется в виду статья 43, которая запрещала впредь давать кому бы то ни было тарханные грамоты.

³⁸⁶ *Кашианов С. М.* Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // История СССР. 1985. № 4. С. 134.

³⁸⁷ *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора. С. 207.

³⁸⁸ Царь по молодости лет и отсутствию политического опыта едва ли имел в то время свое собственное мнение по подобным вопросам.

³⁸⁹ РФА. XIV -- первая треть XVI вв. Вып. 4. С. 717, 722.

³⁹⁰ См. также: *Кистерев С. Н.* Дело Аграфены Волынской и «Ответ» митрополита Макария // АЕ за 1998 г. М., 1999. С. 75–77. С. Н. Кистереву удалось достаточно убедительно установить и нижнюю временную грань написания Отрывка — он появился не ранее 7 мая 1549 года.

³⁹¹ РФА. XIV -- первая треть XVI вв. Вып. 4. С. 740–743.

ГЛАВА 3. СТОГЛАВЫЙ СОБОР

Стоглавый собор — одно из важнейших событий середины XVI в. Его решения не вмещаются в узкие рамки чисто церковной проблематики и охватывают многие сферы тогдашней русской жизни — поведение, быт, культуру, взаимоотношения Церкви и государства. Все это определило интерес, с каким изучался «Стоглав» сначала церковными, а затем и светскими историками.

В истории изучения Стоглавого собора можно выделить три этапа.

— Работа церковных историков (до 60-х годов XIX в.). Для этого этапа характерно внимание главным образом к чисто церковным проблемам, что было вызвано полемикой со старообрядцами¹.

— Собственно научное изучение (с 60-х годов XIX в.). В это время появляются издания «Стоглава», то есть памятник получает широкое распространение. Выходят монографические исследования, в которых предпринимаются попытки полностью осветить ход и решения Собора.

— В новейшее время «Стоглав» продолжают изучать, но специальных монографических исследований за эти годы почти не появилось. Историки касаются Собора в основном в связи с изучением реформ Ивана Грозного и других больших проблем.

Для первого этапа характерно резко неприязненное отношение к Собору. Некоторые церковные ученые не признают подлинности дошедших до нас решений, другие подвергают сомнению сам факт созыва Стоглавого собора. Феофилакт Лопатинский не останавливается перед прямым оскорблением участников Собора: «Собор сей не токмо Стоглавным, но и единоглавным недостоин нарещися, поже на нем ни единые главы имущия мозг чистый, могущия о предложенных вещах здраво рассуждати не было; и основан на

единых баснех, от баснословного жития Ефросина Псковского зло-стяженных»². Другие церковные авторы отрицают подлинность соборных решений. Показательны в этом отношении мнения Платона (Левцина) и Иннокентия (Смирнова)³. Признавая, что сам Собор состоялся, они тем не менее считают, что книга «Стоглав» подложна, поскольку, во-первых, «доселе нигде не видно деяний этого Собора с подписью присутствовавших; во-вторых, ни одна летопись не упоминает о сем Соборе; в-третьих, патриархи не издали ни одного правила из сего Собора; в-четвертых, в книге Максима Грека ... утверждаются те же заблуждения, какие находятся и в «Стоглавнике», но на этот Собор нет никакого указания; в-пятых, до времен Никона никто не ссылался на оные правила»⁴.

Неприятие решений Собора вызывалось главным образом полемикой со старообрядцами, которые в своих мнениях опирались как раз на «Стоглав». Поэтому церковным историкам необходимо было доказать подложность или неканоничность сохранившихся материалов.

Примерно с 60-х годов XIX в. наступил период научного изучения «Стоглава». Светские историки, правда, обращались к этому памятнику и раньше, например Н. М. Карамзин⁵, но надо признать, что он не внес ничего нового в изучение проблемы, ограничившись кратким пересказом решений Собора. То же можно сказать и о С. М. Соловьеве⁶.

Высоко ценил «Стоглав» И. В. Беляев, который писал, что «сближение государственного и церковного права на Стоглаве так многосторонне и так тесно, что лучшего образца, по которому бы мог историк составить понятие об отношении на Руси Церкви и государства в XVI в., трудно и найти»⁷.

Макарий (Булгаков) отмечал, что «круг вопросов, решаемых Собором, обнимал собою всю обширную область церковной жизни и касался, более или менее, всех ее сторон». Исследователь обратил внимание на преемственность решений Стоглавого собора по отношению к предыдущему церковному законодательству⁸.

Вопросами, связанными со Стоглавым собором, занимался И. Н. Жданов. Основной вывод ученого заключается в том, что этот Собор являлся церковно-земским, то есть на нем рассматривались не только церковные, но и государственные дела. В своих рассуждениях ученый опирался на опубликованные им так называемые «дополнительные царские вопросы». Но вместе с тем И. Н. Жданов

признает, что определить, какие «земские» решения принял Собор, едва ли возможно. Таким образом, деятельность Собора 1551 г. как Собора земского «не была значительна и успешна»⁹.

В. Н. Латкин не согласился с мнением И. Н. Жданова о церковно-земском характере Собора. Этот исследователь считает книгу «Стоглав» не официальным законодательным памятником, а лишь извлечением из деяний Собора 1551 г.¹⁰ Е. Е. Голубинский же утверждал, что решения Собора имели законодательную силу¹¹.

Высоко оценивал «Стоглав» А. Я. Шпаков: «Значение Стоглава ... исключительно велико: здесь мы находим обильнейший материал, освещающий отношение государственной власти и Церкви». По мнению историка, Стоглавый собор — «кульминационный пункт теократического характера Московского государства»¹².

В. А. Бочкарев считал «Стоглав» каноническим произведением, имевшим официальный статус в Русской церкви второй половины XVI в.¹³

Книга Дм. Стефановича, вышедшая в 1909 г., является последней монографической работой, посвященной Стоглавomu собору¹⁴.

О новейшей историографии Собора 1551 г. кратко писали Н. С. Семидеркин и Н. Е. Новицкая во введении к изданию «Стоглава» в 1985 г.¹⁵ Однако в их очерке не учтены многие труды, затрагивающие эту тему. И, следовательно, наша задача — попытаться дать развернутую картину истории изучения Стоглавого собора в последние 80 лет.

Пожалуй, первым в послереволюционной литературе к проблемам, связанным со Стоглавым собором, обратился Р. Ю. Виппер в своей известной книге об Иване Грозном. По его мнению, митрополит Макарий один за другим созывает Соборы, которые преследуют задачу устранения местных различий, объединения и усиления государственной Церкви. Митрополит и группирующиеся вокруг него деятели стремятся укрепить расшатанное здание Церкви строгой дисциплиной духовенства и установлением незыблемых обрядов, повлиять на быт мирян и охватить церковным воспитанием все общество. Вместе с тем «в Москве эти ... реформы преследуют и цели практической политики: они служат укреплению централизма, авторитета Московского самодержавия»¹⁶.

Чуть позже Виппера свою книгу об Иване Грозном выпустил С. Ф. Платонов. Он считает, что Собор получил значение совещательного органа, который одобрил Судебник и «уставные грамоты».

Ученый считает Собор церковно-земским. «Программа его в области церковного строения была так же широка, как широка была программа государственных преобразований тех лет . . . все стороны церковной жизни московской были охвачены собором: церковное богослужение, епархиальное архиерейское управление и суд, быт духовенства белого, жизнь монастырей и монашества, христианская жизнь мирян, внешнее благочиние — все вошло в круг суждения Собора»¹⁷.

Очень кратко коснулся «Стоглава» Г. Флоровский. По его мнению, «Стоглав» — очень трудная тема в истории древнерусского быта и права. Автор пришел к выводу, что два наиболее известных церковных деятеля того времени (Сильвестр и Макарий. — *В. III*) не были единомышленниками. Несмотря на это, Г. Флоровский «ясно чувствует» в их начинаниях влияние Запада, и в первую очередь немецкое. Что касается «царских» вопросов, то ученый считает, что их составили тогдашние советники царя. Вообще же Собор «был задуман как реформационный, а осуществился как реакционный»¹⁸.

Более подробно Стоглавый собор рассматривается в трудах С. В. Бахрушина. Он считает, что мероприятия, проведенные Собором, были направлены к возвеличению и усилению государственной Церкви и отвечали программе Иосифа Волоцкого и его последователей из числа духовенства. Автор отмечает, что на Соборе были утверждены Судебник и образцовая уставная грамота, которая регулировала местное управление, а также обсуждался вопрос о реформах в государственной и церковной областях. С. В. Бахрушин поднимает вопрос о «нестяжателях» и «иосифлянах». По его мнению, в состав «Избранной рады» входили бояре — противники «иосифлян», которые хотели за счет церковных земель удовлетворить запросы дворян. Поэтому правительство («Избранная рада») поддерживало «нестяжателей». И на Соборе от имени царя правительство выступило с «законченной программой реорганизации церкви в духе нестяжательских учений». Это вызвало смятение у членов Собора во главе с Макарием. Иерархам удалось доказать неприкосновенность церковных земель и в итоге правительство «вынуждено было отказаться от каких-либо радикальных решений». Ученый пишет, что дело свелось лишь к незначительным ограничениям в области землевладения и суда. Заключает автор анализ Стоглавого собора выводом: «Церковная реформа являлась компромиссом между иосифлянским

большинством собора и нестяжательскими симпатиями Избранной рады»¹⁹.

Через несколько лет С. В. Бахрушин вернулся к интересующей нас теме. Автор противопоставляет «Избранную раду» церковному руководству во главе с Макарием и утверждает, что на Стоглавом соборе «Рада» проводила «явно боярскую нестяжательскую политику». Ученый даже «угадывает» следы борьбы между духовенством «нестяжателем» Сильвестром на Соборе. Сам же Стоглав закончился провалом правительственной программы, заключавшейся в «царских» вопросах. Но вместе с тем победа «иосифлян» была неполной, так как им пришлось пойти на ряд уступок в духе «нестяжательской» программы²⁰.

Эти вопросы поднимал и И. И. Смирнов. Автор считает, что Стоглавый собор ставил своей задачей осуществление всесторонней реформы Церкви. Историк пришел к выводу, что «постановления Собора... явились... кодексом церковного права, подведшим правовую основу под деятельность Церкви, унифицировавшим ее обрядность и централизовавшим управление церковными делами, усилившим власть главы русской церкви — митрополита»²¹.

С. Б. Веселовский считал, что на Соборе, который был созван в основном для церковных реформ, были «поставлены и частью разрешены также вопросы о податных привилегиях, и землевладении белого и черного духовенства». Исследователь предполагал, что эти вопросы были поставлены не иерархами Церкви, а правительством Ивана IV²².

В конце 1940-х годов вышла книга И. У. Будовница, посвященная русской публицистике XVI в. Одна из глав монографии рассказывает о Стоглавом соборе. Ученый считает Собор важной вехой в истории реформ. Центральной фигурой этого собрания автор изображает Ивана Грозного, который выступал как самостоятельная политическая сила, выражавшая интересы дворянства и посадских людей. И. У. Будовниц пришел к выводу, что Собор стал ареной столкновения между светской властью и церковной организацией, которая отстаивала церковное землевладение, святительский суд, налоги и пошлины. Причем борьба эта была скрытая, закулисная, не нашедшая отражения в письменных материалах. В результате этой борьбы Ивану Грозному пришлось уступить во всех наиболее важных вопросах, но он сумел «вырвать» у Церкви ряд важных уступок: ограничение роста церковно-монастырского землевладе-

ния и распространение норм Судебника 1550 г. на святительский суд. Кроме того, «Церковь в возмещение за то, что за нею остались ее основные права и привилегии, выдала Ивану Грозному карт-бланш на проведение земских реформ и заранее поддержала их своим авторитетом». Последний вывод сделан, видимо, на основании того, что И. У. Будовниц считает, что Стоглавый собор обсуждал «дополнительные царские вопросы», посвященные «земскому строению»²³.

А. А. Зимин в вышедшем в 1955 г. очередном томе «Очерков истории СССР» в основном повторял схему, предложенную С. В. Бахрушиным: правительство (Сильвестр и его окружение), опираясь на «нестяжателей», взгляды которых выражали интересы «определенных кругов боярства», настаивавших на ликвидации монастырского землевладения и ограничении церковного суда, поставило на Соборе эти вопросы. Разгорелась ожесточенная борьба. В результате стороны (правительство и духовенство) пришли к компромиссу: святительский суд был ограничен введением в его состав митрополичьих бояр, старост, целовальников; в земельной области компромиссом был Приговор от 11 мая 1551 г. Отстояв на Соборе свои основные имущественные интересы, «духовенство согласилось принять меры к устранению наиболее вопиющих недочетов в деятельности церковных учреждений». Таким образом, в отношении Церкви правительство не смогло провести свою программу целиком. В заключении повторяется известный тезис С. В. Бахрушина о соглашении между «осифлянским» большинством Стоглавого собора и «нестяжательскими» симпатиями Сильвестра и его окружения²⁴.

Более подробно А. А. Зимин останавливается на проблемах, связанных со Стоглавым собором, в своих монографиях. В работе 1958 г. исследователь приписывает инициативу созыва Собора правительству, которое в обстановке резкого обострения классовой борьбы и подъема реформационного движения решило принять срочные меры по борьбе с наиболее вопиющими нарушениями устоев церковной жизни. Вместе с тем правительство было заинтересовано в уменьшении податных и судебных привилегий духовных феодалов и хотело поставить вопрос об ограничении прав Церкви на владение землями. В результате усиленного давления со стороны светской власти и «нестяжателей» «осифлянское» большинство духовенства согласилось на созыв Собора. Программа прави-

тельства, возглавлявшегося близкими к «нестяжателям» Сильвестром и Адашевым, была встречена с ожесточенным сопротивлением. Правительство смогло добиться лишь незначительных частичных уступок. Программа секуляризации церковных земель оказалась в основном проваленной. Большинство Собора выступило за строгую регламентацию церковных служб и «других сторон церковно-монастырского быта, ибо отсутствие единообразия в этих вопросах способствовало еретическому вольномыслию». По мнению А. А. Зимина, Стоглав занимался внешней стороной дела: унификацией обрядов, укреплением церковной дисциплины. Вместе с тем реформа, проведенная Собором, носила компромиссный характер. Иерархи были вынуждены «декларировать борьбу со злоупотреблениями, совершающимися в монастырях, запретить симонию, поставление “по мзде” и др.». Автор отмечает в «Стоглаве» отсутствие какого-либо творческого начала при решении самых важных общественно-политических или чисто церковных задач²⁵.

В других работах А. А. Зимина практически повторяются те же выводы, лишь по некоторым позициям взгляды историка немного изменились. Так, если раньше ученый считал, что созыв Собора был делом правительства и «нестяжателей», а церковное руководство только под нажимом пошло на него, то теперь это был скорее обоюдный процесс: правительство принимало меры к подготовке секуляризации церковно-монастырского землевладения, а «осифлянское» руководство Церкви стремилось предотвратить эту угрозу и решило провести необходимые меры для укрепления своего авторитета и бороться с нарушениями устоев церковно-монастырской жизни. В результате этого и возник вопрос о созыве нового церковного Собора²⁶. Сходные выводы содержатся и в научно-популярной книге, написанной А. А. Зиминим совместно с А. Л. Хорошкевич и вышедшей в 1982 г.²⁷

А. И. Копанев считал, что правительство пошло на уступки церковному руководству по вопросам монастырских имуществ и владычного суда, так как понимало значение Церкви «в укреплении классового господства феодалов над крестьянами»²⁸.

Внесла свой вклад в изучение Стоглавого собора Г. Н. Моисеева. По мнению исследовательницы, главным деятелем на Соборе был Иван IV, который выступил на Стоглаве с «программной речью» и был инициатором созыва этого представительного собрания. События развивались, по мнению автора, так: потребность в земле

заставила правительство обратить внимание на «непомерно разросшиеся» церковные и монастырские земли. Церковное руководство и лично митрополит Макарий выступили против планов конфискации части митрополичьих земель в пользу государства. Это и заставило Ивана IV вынести обсуждение этого вопроса на суд представителей духовенства и светской власти. С этой целью был «назначен» Стоглавый собор. По Г. Н. Моисеевой, на Соборе присутствовали «нестяжатели», которые должны были поддержать правительственную программу. Результаты этого собрания свелись к следующему: «Дети боярские если и не добились на Соборе 1551 г. конфискации церковных и монастырских земель, то сделали в направлении к этому очень серьезные шаги»²⁹.

А. В. Карташев основным инициатором Собора 1551 г. считал Макария. Вместе с тем он признавал, что на постановку отдельных «царских» вопросов «повлияли партии и лица различных противоположности интересов и убеждений». Царь вместе с правительством Сильвестра и Адашева собирался добиться от Собора уступки церковно-монастырских земель или их доходов. Эту цель поддерживали «нестяжатели», которые повлияли на некоторую часть соборных решений. По мнению ученого, митрополиту Макарию принадлежат лишь «литургические» вопросы, а обличение моральных и бытовых пороков принадлежит царю и «скрывавшимся за его спиной советникам — “нестяжателям”». В итоге Собор подверг пересмотру все стороны русской церковной жизни, чтобы по возможности очистить ее от всех недостатков³⁰.

Хотя Р. Г. Скрышников специально и не занимался Стоглавым собором, тем не менее в его работах находим многочисленные упоминания о нем. По мнению ученого, правительство выдвинуло планы секуляризации в период подготовки указа о тысячниках. При участии Сильвестра были разработаны вопросы о церковном «строении». Но на Соборе митрополит Макарий, при поддержке «иосифлянского большинства», отверг все домогательства светских властей³¹. В другой своей работе Р. Г. Скрышников писал, что на Соборе правительство открыто поставило вопрос о будущих судьбах монастырского землевладения, но «иосифлянское большинство» сплотилось вокруг Макария и провалило программу секуляризации. Правда, в итоге Церкви все же пришлось поступиться значительной частью своих податных привилегий³².

В книге, специально посвященной взаимоотношениям Церкви и

государства, Р. Г. Скрышников более подробно остановился на интересующей нас проблеме. К церковным «устроениям» царь Иван приступил под влиянием Макария и ближайших советников, причем инициаторы реформы рассчитывали соединить земское устроение с церковным, чтобы подкрепить начавшиеся в стране преобразования авторитетом Церкви. Составителями «царских» вопросов автор считает Сильвестра и Адашева, причем благовещенский поп не примыкал ни к «иосифлянам», ни к «нестяжателям». По мнению ученого, большая часть документов Собора была приготовлена заранее и затем утверждена без обсуждения. Исключение было сделано лишь для вопросов, связанных с землевладением и доходами Церкви. Основная деятельность Собора была направлена на усиление влияния Церкви на общество. Много внимания было уделено также монастырям и монашеству, были вскрыты многочисленные недостатки в монастырской жизни. По словам Р. Г. Скрышникова, сделано это было с расчетом на то, что Макарий и иерархи осудят «неисправления» монахов, а это «позволит властям перевести дело на практическую почву», то есть секуляризировать земли монастырей³³. В другой работе Р. Г. Скрышников пишет о том, что Иван IV обратился к Собору со ста (?) вопросами, «резко и без обиняков указывая на церковные непорядки»³⁴.

По мнению В. И. Корецкого, на Стоглавом соборе была предпринята попытка урегулировать отношения между государством и Церковью. Главную роль в подготовке Собора играли «нестяжатели», их влияние очень сказалось на задаваемых от имени царя вопросах. Сам же царь хотел получить санкцию Церкви на государственные преобразования и в то же время принять меры к подчинению Церкви и ограничению ее привилегий и земель. Но эти надежды Грозного не оправдались — секуляризационные попытки провалились, хотя и был достигнут компромисс: сохраняя свои основные позиции, Церковь пошла на некоторые уступки (ограничение роста церковных земель, положения царского Судебника распространялись и на святительский суд, несколько уменьшилась руга монастырям, земли, отошедшие Церкви во время боярского правления, отписывались на царя)³⁵.

Н. Е. Носов считает, что главную роль в подготовке Собора играли Сильвестр и его «политические сторонники». Ученый отрицает тезис о засилии «иосифлян» на Соборе, не согласен он и с мнением

о полном поражении «царской программы» секуляризации церковных земель. Автор сомневается в том, что эта программа была действительно царской. Н. Е. Носов пришел к выводу, что «Избранная рада» добилась на Соборе крупных успехов — одобрения Судебника и курса на «примирение». Основными вопросами исследователь считает вопросы об отмене тарханов и о секуляризации церковных земель, которые были «стержнем работы Стоглавого собора»³⁶.

С. О. Шмидт в своих работах рассматривает в основном «земские» решения Стоглавого собора. К таким он относит утверждение уставных грамот об изменениях в местном управлении, а также не исключает и того, что участники Собора обсуждали вопрос о Казанской войне. Исследователь поддерживает формулу С. В. Бахрушина о компромиссе на Соборе между правительственной программой «нестяжательского толка» и «осифлянским большинством» иерархов. Инициатором Собора 1551 г. С. О. Шмидт считает митрополита Макария³⁷.

По мнению Л. В. Черепнина, на Стоглаве были утверждены Судебник, царская Уставная грамота и Соборное уложение. Собор выступал как «совет» церковной и царской властей, но этот «совет» часто давал трещину, так как далеко не всегда и не во всем совпадали интересы Церкви и государства; духовных и светских феодалов, разных групп духовных феодалов. Из-за подобного несовпадения интересов на Соборе шла идейная борьба³⁸.

Вышедшее в 1985 г. издание «Стоглава» снабжено комментарием, авторы которого Т. Е. Новицкая, Н. А. Семидеркин и С. И. Штамм. Комментаторы предпологают, что программа Стоглавого собора была составлена царем и его окружением, принадлежавшим к «нестяжателям». В составлении вопросов принимали участие Сильвестр, Артемий, Кассиан, Максим Грек. Интересно решается вопрос о том, кто был инициатором созыва Собора. С одной стороны, «нестяжательское» правительство рассчитывало решить земельный вопрос; с другой — Собор был необходим и духовенству для решения вопросов единообразия служб, церковно-монастырского быта, борьбы с нарушениями. Но «присутствие царя влекло за собой участие в соборных деяниях его советников ... и, в первую очередь, Сильвестра — «нестяжателя», чего не могла желать верхушка духовенства». Поэтому авторы делают вывод о том, что митрополит Макарий едва ли являлся инициатором Собора. «Избранная рада» же стремилась к Собору — деятели правитель-

ства рассчитывали на давление со стороны царя на «осифлянское большинство» духовенства³⁹.

Н. С. Борисов писал о церковно-земском Соборе, в ходе которого высшее духовенство во главе с Макарием «вынуждено было дать ответы на целый ряд вопросов, поставленных Иваном IV». Идея Собора «подсказана» царю «нестяжателями», но большинство духовенства отклонило вопрос о монастырском землевладении⁴⁰.

Е. И. Колычева рассматривала в основном экономические проблемы, затронутые на Соборе. Она считает, что стержневым вопросом, вокруг которого разгорелись страсти, была попытка правительства провести хотя бы частичную секуляризацию. По мнению исследовательницы, наступление «Избранной рады» на податные привилегии церковников и их денежную казну встретило упорное сопротивление⁴¹.

Небольшая статья о «Стоглаве» написана Д. М. Буланиным. Автор считает, что созыв Собора был вызван необходимостью принять срочные меры против наиболее вопиющих нарушений основных устоев церковно-монастырской жизни. «Царские» вопросы выражали, по мнению историка, программу «Избранной рады». Эта программа сводилась к устроению и упорядочению бытия всего общества, и постановления Стоглавого собора входили в нее существенной частью. Высшее духовенство, считает Д. М. Буланин, в основном поддержало предлагавшиеся царем мероприятия, но не допустило наступления на интересы Церкви, отстаивая правомочность святительского суда и неприкосновенность недвижимых владений монастырей⁴².

Е. Б. Емченко в своих трудах рассматривает вопросы происхождения текста «Стоглава». По ее мнению, в основу дошедшего до нас памятника были положены Наказные списки, дополненные выписками из источников. Кроме того, Е. Б. Емченко ставит под сомнение традиционный тезис о борьбе «иосифлян» и «нестяжателей» и указывает, что программа Собора являлась продолжением мероприятий, проведенных Макарием в Новгороде⁴³.

Известный исследователь жизни и деятельности митрополита Макария архимандрит Макарий (Веретенников) посвятил Стоглавому собору специальную статью, в которой показал огромное значение Собора для различных сторон жизни России того времени. Настоящим инициатором созыва Стоглава ученый считает митрополита, который стремился устранить различные недостат-

ки, существующие в обществе. Макарий (Веретенников) пишет о том, что борьба на Соборе «иосифлян» и «нестяжателей» является не столько историческим явлением, сколько историографическим⁴⁴.

Ф. Кемпфер и М. Хельманн опубликовали на русском языке популярные работы, в которых говорится об Иване Грозном. Упоминается и Стоглавый собор. И тот и другой говорят о ста вопросах (?), заданных от имени царя собравшимся иерархам. По мнению Ф. Кемпфера, основные усилия царя и его советников были направлены на оздоровление православного общества. М. Хельманн же, среди прочего, отмечает компромисс царя с духовенством по вопросам земельной собственности⁴⁵.

Б. Н. Флоря обратил главное внимание на то, что Стоглавый собор являлся шагом на пути к консолидации духовного сословия и способствовал созданию институтов самоуправления духовенства⁴⁶.

Знакомство с историографией Стоглавого собора убеждает в том, что эта проблема исследована явно недостаточно. Монографических работ за последние несколько десятилетий почти не появилось, а многочисленные упоминания в трудах историков Собора 1551 г. создают лишь иллюзию того, что вопросы истории Стоглава изучены (так же, впрочем, как почти все вопросы, связанные с церковно-государственными отношениями). Вместе с тем, как мы уже упоминали, решения Собора оказали большое влияние не только на развитие Церкви, но и на общую эволюцию российской государственности. По целому ряду вопросов, связанных со Стоглавым собором, среди исследователей нет не то что единой точки зрения, но и существуют диаметрально противоположные мнения. Это касается вопросов о том, кто выступал инициатором созыва Собора, кто его готовил, кто участвовал в составлении «царских вопросов», об отношениях «иосифлян» и «нестяжателей». Практически все исследователи считают, что ход и решения Стоглава предопределялись столкновением этих двух церковных группировок, однако в предыдущей главе мы пытались показать, что наличие «нестяжателей» как некой значительной внутрицерковной группы, оппозиционной официальному руководству Русской церкви, едва ли соответствует действительности. Все это говорит о необходимости нового критического изучения истории Стоглавого собора.

Единственным источником, который говорит о Стоглавом соборе, является, по сути, сам «Стоглав» --- сборник решений этого собрания. Обзор публикаций памятника приведен в исследовании Е. Б. Емченко⁴⁷. В настоящее время наиболее доступными являются издания «Стоглава» 1985 и 2000 гг.⁴⁸

* * *

Вопрос о подготовке и ходе Стоглавого собора довольно сложен. Это вызвано тем, что «Соборное уложение является единственным источником, рисующим деятельность совещания, его породившего»⁴⁹. Все сведения о подготовке и ходе Собора мы черпаем только из книги «Стоглав». Несмотря на такую ограниченность источников (или благодаря ей), ученые по-разному освещают подготовку Собора и приписывают инициативу его созыва разным лицам.

Так, Н. М. Карамзин считал, что главное место на Соборе занимал царь Иван⁵⁰. Макарий (Булгаков) писал о том, что мысль о созыве Собора принадлежит, по всей вероятности, митрополиту Макарию⁵¹.

В. Н. Латкин предположил, что «инициатива созыва Собора, как и инициатива всех остальных реформ, произведенных в это время, принадлежала Раде. Иван же в этом деле, как и во многих других, явился простым исполнителем ее предначертаний»⁵². Е. Е. Голубинский находит, что «великая мысль совершить обновление церкви путем соборного законодательства принадлежит митрополиту Макарию»⁵³. И. М. Громогласов, напротив, считает, что главное лицо и в подготовке и в ходе Собора — сам царь Иван. Он пишет: «Помимо своего церковно-законодательного значения, деяния Собора 1551 г. имели для современников (как и для нас теперь) особый интерес по тому исключительному участию, какое принимал юный царь Иван в подготовке и ходе соборных занятий»⁵⁴.

Вообще говоря, в литературе имеются следующие мнения об инициаторах созыва Собора: во-первых, Собор — дело рук «нестяжателей», к которым относят Сильвестра и Адашева⁵⁵; во-вторых, Собор — инициатива самого царя Ивана⁵⁶; в-третьих, Собор — дело «Избранной рады» в целом⁵⁷; в-четвертых, Собор — детище митрополита Макария⁵⁸.

Очевидно, что историки, отдающие инициативу созыва Собора царю, опирались на саму книгу соборных решений — «Стоглав». Но

вполне вероятно, что в ней история созыва Собора была намеренно искажена (об этом писал еще Е. Е. Голубинский). Представляется, что подчеркивание роли верховной власти должно было в корне пресечь возможные проявления недовольства, которые могли возникнуть или в ходе самого Собора, или впоследствии. Интересно также мнение С. Б. Веселовского, который писал о том, что даже в 1556 г. царь Иван по молодости лет не мог иметь никаких государственных замыслов, а в 1551 г. Грозному исполнилось лишь двадцать лет. Этот же историк, говоря о Стоглавом соборе, указывал, что различные группировки на нем стремились «в борьбе использовать авторитет царской власти и вовлекали в борьбу молодого царя»⁵⁹. Все эти соображения не позволяют доверять утверждению «Стоглава» об истории его созыва.

Кто же реально мог выступить инициатором созыва Собора? Видимо, без участия митрополита как главы Церкви его созыв был бы невозможен, особенно учитывая роль Макария и его влияние на царя. Не случайно один из иностранных наблюдателей, Антоний Дженкинсон, писал: «Митрополит в делах, касающихся религии, поступает по своему усмотрению; царь относится к нему с большим почтением»⁶⁰. С другой стороны, заинтересовано в Соборе было и правительство, или, вернее, та его часть, которая группировалась вокруг Адашева. Причем цели у разных правительственных группировок были различные: входившие в «Избранную раду» Сильвестр и Макарий стремились решить правственные проблемы, внести изменения в быт и нравы общества, единообразие в церковные обряды; а окружение Адашева рассчитывало улучшить финансовое положение страны. Для достижения своих целей и те и другие использовали царя, который по молодости лет едва ли мог иметь определенное мнение по конкретным вопросам. Таким образом, Стоглавый собор представлял собой столкновение между руководством Церкви и правительством при фактическом нейтралитете царя, который выступал просто рупором сторон.

Следовательно, подготовительные работы к Собору могли вести как А. Ф. Адашев, так и митрополит Макарий. Очевидно, было заранее известно, что на Собор будут представлены вопросы от имени царя. И основная борьба между светской частью правительства и церковным руководством должна была развернуться вокруг формулировок «царских» вопросов.

Заранее было подготовлено в общей сложности 37 вопросов, ко-

которые вошли затем в 5-ю главу «Стоглава»⁶¹. Так как они и определили ход работы Собора, остановимся на них подробнее.

Вопрос 1 посвящен общим непорядкам в практике богослужений: «И ныне бо видим и слышим кроме божественного устава многие церковные чины не сполна совершаются и не по божественным правилом и не по уставу». Для контроля за соблюдением «устава» предлагается учредить «старост поповских над всеми священники бережения ради церковного». *Вопрос 2* посвящен порядку выдачи антиминсов — свидетельств об освящении церкви. Указывается на практику продажи и вымогательства при их выдаче. Рекомендуются принять решение по «божественным правилом». *Вопрос 3* посвящен проблемам иконописания. *Вопрос 4* — о вечных знаменах. Указывается, что их выдают, требуя завышенную пошлину. *Вопрос 5* — о переписке книг. *Вопрос 6* — об обучении грамоте («Ученики учатся грамоте не бегомо ... А нам пастырем о том небрежении о всем ответ дати»). *Вопрос 7* посвящен святительским судьям, которые обвиняются в несправедном суде, взяточничестве и волоките. Иерархам указывается на необходимость усилить контроль за деятельностью своих судейских чиновников.

Вопрос 8 посвящен обличению непорядков в быте монашествующих: «Неции же от них стригутся покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать и по селам ездят прохладу для... А архимандриты и игумены некоторые так же власти докупаются да службы Божии и трапезы и братства не знает, покоит себя в келии с гостями. Да племянников своих вмещают в монастырь и доволят всем монастырским, и по селам такоже. А монастыри тем пустошат, а старых слуг и вкладчиков изводят. А по кельям инде жонки и девки приходят, и робята молодые по всем кельям живут невозбранно. И по селам и по миру ездят чернецы без зазору, архимандритов и игуменов по монастырем посылают в монастырь им одним отписывают без соборных старцов, а прикащики того не берегут же. И монастыри и селя чинят пусты с своими племянники: а священницы и братия бедные алчни и жадни и всячески непокойны всякими нуждами одержимы. Весь покой монастырский и богатство и всякое изобилие во властех и с роды, и с племянники, и с бояры, и с гостми, и с любимыми друзи истожили».

Вопрос 9 — о чернецах и черницах, которые живут в миру. Предлагается всех устроить на покой в монастыри «безгрешно чтоб было: миру не на соблазн, а душам их не на погибель». *Вопрос 10* —

о пленных — мусульмане приводят их на выкуп, а им здесь нечем откупиться «и тех полонеников, мужей и жен опять возят назад в бесерменство». Необходимо решить, что с ними делать. *Вопрос 11* посвящен языческим предрассудкам.

Вопрос 12 — о содержании богаделен. Указывается: «Милостыню и корм годовой и хлеб, и соль, и деньги, и одежда по богодельным избам по всем городом дают из нашей казны. А христороубы милостыню дают же, а вкупаются у прикащиков мужики с женами мало больны, а нищие и клосные, и престаревшие в убожестве глад и мраз, и зной, и наготу, и всякую скорбь терпят, и не имеют где главы преклонити, и по миру скитаются».

Вопрос 13 — о скитающихся по миру с иконами и собирающих на ремонт и сооружение храмов мирянах и церковниках. *Вопрос 14* посвящен церковному суду. *Вопрос 15* затрагивает земельные интересы монастырей: «В монастыри боголюбцы дают душам своим и родителя на поминок вотчины и села, а иные вотчины и села собою прикупают в монастыри, а иное угодие и у меня припрашивают. И поимали много по всем монастырям, а братии по всем монастырям по старому, а инде и старого меньше. Есть и пить стало братье скуднее; а строения в монастырях никакого не прибыло, и старое опустело. Где те прибыли и кто тем корытуется? Да тарханные и несудимые грамоты и льготные у них же о торговлях беспошлинно. Чернецы по селам живут и в городе, тяжутся о земле . . . А села и имения в монастыри емлют, а по тех душах и по родителях их по их приказу и в памяти не исправляют».

Вопрос 16 — о церковной и монастырской казне, которую дают в долг под проценты. *Вопрос 17* — о пьянстве духовенства: «Во всех монастырях игуменом и чернецом и попом о пьяном питии и о мирских попех упивании безмерном. Како мирян спасти и наказать от всяких зол, а сами во всяком безчинии? Что заповедь чернцу во обещании, а попу в поставлении и в хиротонии? Бога ради о сем довольно разсудите, чтобы в пьянстве пастыри не погибли, а мы на них зря также». *Вопрос 18* — о вдовых посах. *Вопрос 19* — о строительстве новых церквей и пустыней: старец ставит келью и идет по миру собирать деньги на сооружение. Просит у царя земли, а потом все пропьет.

Вопрос 20 говорит о падении нравов духовенства и предлагает обсудить меры по исправлению создавшегося положения. *Вопрос 21* — о нахождении в церкви в шапках и об общих непорядках

во время службы: «Яко на торжищи, или на позорищи, или на пиру, или яко в корчемницы, и говор, и ропот, и всякое прекословие, и беседы и смрадные словеса; пения божественного не слышат в глумлении». *Вопрос 22* — о нарушении правил церковного пения и о поведении духовенства: «А попы церковные причетники в церкви всегда пьяни и без страха стоят и бранятся и всякие речи непотребные всегда из уст их исходят . . . Попы же в церквах бьются и дерутся промеж себя, а в монастырях такое же безчиение творится».

Вопрос 23 — о несоблюдении белым духовенством правил, предписывающих специальную одежду для проведения различных служб. *Вопрос 24* посвящен пономарям и дьякам — двоеженцам и троеженцам. *Вопрос 25* — о бритье головы и бороды и о ношении заграничной одежды: «Да по грехом слабость, и небрежение, и нерадение вниде в мир в нынешнее время; нарицаемсыя хрестьяне а в тридцать лет и старые главы бреют и брады и ус, и платье и одежи иноверных земель носят, то почему познати хрестьян». *Вопрос 26* — о крещении рукой «не по существу». *Вопрос 27* — о клятвах, заведомо ложных, и ругательствах, бытующих среди мирян: «Клянутсыя именем божиим во лжу всякими клятвами, и лаются без зазору всегда всякими укоризнами неподобными, скаредными». *Вопрос 28* — о «богомерзких» речах. *Вопрос 29* посвящен обличению грехов: любодаяния, прелюбодейства, содомии, гордости, зависти.

Вопрос 30 — о ружных посах. Попы получают ругу, но не выполняют своих обязанностей: «Ни папихиды, ни молсбнов, ни заутрени, ни часов, ни вечерни — ничего не поют в своих пределах». Предлагается рассудить, кому та милостыня и руга идут на пользу. *Вопрос 31* посвящен ружным церквам и монастырям. Говорится, что многие имеющие ругу монастыри и церкви владеют селами, огородами, садами и лавками.

Вопрос 32 — о запрещении поседания удавленнины: «Продают в торгу по всем градам и по всем землям моего государства всякие птицы и зайцы давленину, а не колото живо и кровь не точена . . . Достоит о сем законоположение разумно утвердити, чтобы хрестьянские души давлениною не осквернялися». *Вопрос 33* — о нарушениях в порядке службы. *Вопрос 34* — о порядке богослужений. *Вопрос 35* — об унификации формы креста на церквах. *Вопрос 36* — о невнесении в алтарь крепких напитков. *Вопрос 37* — о проживании в одном монастыре монахов и монахинь. Предлагается Собору решить раз и навсегда — должно ли так быть.

Об авторах этих вопросов в литературе высказывались самые противоположные мнения. Вот некоторые из них: Макарий (Булгаков) считал, что вопросы «называются царскими не потому, что они были написаны самим царем, а потому только, что изложены от имени царя и им представлены Собору»⁶²; по мнению И. Н. Жданова, вопросы исходили «именно из кружка Сильвестра»⁶³.

В. Н. Латкин пришел к выводу, что «авторами вопросов являлись члены “Избранной рады”, по инициативе которых и был созван самый собор». Затем исследователь разделил вопросы на две части — обличение святителей и монахов преследовало финансовые интересы и, по мнению историка, «не может быть никакого сомнения, что писал их сам государь, конечно, под влиянием партии, противной иосифлянам, и под влиянием собственно государственно-финансовых соображений». Другая часть вопросов, а именно те, которые обличают белое духовенство и мирян, составлены иерархами, по всей видимости, митрополитом Макарием⁶⁴.

Е. Е. Голубинский считал, что «вопросы, содержащие указанные недостатки в церковной жизни ... написаны от лица царя ... но в составителе их явно дает себя чувствовать митрополит». Затем составленные Макарием вопросы были представлены царю. А он со своими советниками, между которыми «специально компетентным» по церковным делам был Сильвестр, мог наложить на них руку — изменить или дополнить⁶⁵.

Много внимания уделил определению авторства вопросов В. А. Бочкарев. Двадцать вопросов он приписывает царю и «нестяжателям» (Сильвестру, Адашеву, Артемию, Максиму Греку), а оставшиеся составил Макарий. Нетрудно убедиться, что В. А. Бочкарев приписывает «нестяжателям» вопросы, затрагивающие финансовые вопросы и непорядки в монастырях, а митрополиту отдаются проблемы культуры, грамотности, быта мирян⁶⁶.

По мысли Дм. Стефановича, «невозможно допустить, чтобы митрополитом Макарием были составлены все вопросы». Вместе с тем и Сильвестр неединственный автор. В составлении участвовал царь, который предложил на обсуждение Собору 18 вопросов, Макарий же составил всего четыре, благовещенский священник — все остальные, причем он же и редактировал все вопросы по поручению царя⁶⁷.

А. А. Зимин в своих ранних работах вообще отрицал причаст-

ность митрополита к вопросам: «У нас нет прямых данных, на основании которых можно хоть какую-либо часть первых царских вопросов связать с митрополитом Макарием». Ученый находит, что «творцом» всех вопросов был Сильвестр, так как «анализ идейного содержания . . . показывает несомненную близость их составителей к нестяжателям, главой которых был Сильвестр»⁶⁸. Впоследствии А. А. Зимин несколько изменил свои взгляды — он допускает, что ряд «царских» вопросов, «поставленных по инициативе митрополита Макария, основывается на иосифлянских требованиях». Однако основным автором и редактором вопросов продолжает оставаться Сильвестр, которому мог помогать старец Артемий⁶⁹.

Р. Г. Скрынников считает, что составляли «царские» вопросы «ближайшие советники Ивана — Сильвестр и Адашев»⁷⁰. По мнению известного церковного и общественного деятеля Иоанна (Снычева), «царь самолично составил перечень вопросов, которые предстояло обсудить собранию русских пастырей, дабы авторитетом своих решений исправить изъяны народной жизни, препятствовавшие душеспасению и богоугодному устройению Русского царства»⁷¹.

Даже из столь краткого перечня мнений исследователей об авторстве «царских» вопросов становится очевидным, что определение того, кто же в действительности их составлял, является одной из самых сложных проблем при изучении Стоглавого собора. В самом «Стоглаве» они все приписаны одному человеку — царю. И часть ученых, руководствуясь этим указанием источника, считала автором всех вопросов самого Ивана IV.

К настоящему времени имеются три основных подхода к проблеме авторства вопросов: во-первых, в соответствии с указаниями самого «Стоглава» составителем признается Иван Грозный⁷²; во-вторых, авторство принадлежит или одному Сильвестру, или Сильвестру с Адашевым, или «нестяжателям» вместе с государем⁷³; в-третьих, часть ученых делит вопросы на несколько частей: одним из авторов оказывается митрополит Макарий, другими — Сильвестр, царь и «нестяжатели»⁷⁴.

Первая точка зрения неоднократно подвергалась критике: указывалось на молодость Ивана, на то, что о некоторых вещах, о которых говорится в вопросах, он не мог знать. Эти замечания представляются обоснованными и, видимо, мнение о царе как единственном авторе вопросов не соответствует действительности.

Второе из приведенных мнений базируется в основном на том,

что все (или большинство) вопросы «проникнуты нестяжательским духом». Исследователи, придерживающиеся этого подхода, отмечают резкость постановки некоторых вопросов, критику злоупотреблений святительских чиновников и не порядков в монастырях. Убежденные в существовании внутрицерковной группировки «нестяжателей» в составе Сильвестра, Кассиана, Артемия, Максима Грека, которую поддерживали Иван IV и Адашев, эти историки относят любую критику монастырских порядков или нравственных недостатков духовенства к деятельности этой группировки. Но обращение к источникам — сочинениям Иосифа Волоцкого, митрополитов Даниила и Макария показывают всю неубедительность этих построений. В конце концов, даже Н. Лебедев вынужден был признать, что Иосиф осуждал в монашестве многие пороки, но, оказывается, «он говорил не в том тоне и не с той целью. Он говорил как аскет, ревнующий о высшей нравственной чистоте»⁷⁵. Но еще Е. Е. Голубинский отметил, что по «тону» ничего утверждать нельзя⁷⁶. Кроме того, в последние десятилетия были высказаны достаточно убедительные доказательства того, что существование самой группировки «нестяжателей» в конце 40-х — начале 50-х годов XVI в. не подтверждается источниками⁷⁷. Следовательно, и вторая точка зрения не соответствует действительности.

Третья точка зрения также предполагает наличие некой внутрицерковной группировки «нестяжателей», поддерживаемой царем Иваном и Адашевым. Но так как нет достаточно убедительных свидетельств существования этой группировки, то и это предположение вряд ли можно считать справедливым. Заметим, что в нем есть рациональное зерно — представление о том, что вопросы составлялись разными лицами с разными целями. Вряд ли можно сомневаться в наличии в правительстве «Избранной рады» двух группировок: первая была представлена митрополитом Макарием и Сильвестром, вторая — А. Ф. Адашевым и поддерживавшими его представителями дворянства и боярства. Вполне возможно, что вторая группа лиц во главе с Адашевым и выступала за выкуп или безвозмездное изъятие части церковных земель. Причем выступала не по «идейным» соображениям, а по причинам государственного порядка. Видимо, эта группа и инициировала не дошедший до нас запрос Ивана IV митрополиту Макарию по поводу кафедральных земель. Сохранившийся ответ митрополита с категорическим отказом на передачу или продажу церковных земель резко сузил поле

действий для сторошников секуляризационных проектов (Адашева и др.)⁷⁸. Употреблять давление в данной ситуации было невозможно и оставалось только одно — обратить главное внимание на пресечение дальнейшего роста монастырского землевладения и на решение финансовых проблем государства за счет (или при участии) Церкви.

Видимо, именно эта группа и составила некоторую часть вопросов — тех, которые непосредственно связаны с государственными финансами. Митрополит же Макарий поднимал вопросы нравственные, богослужebные, касающиеся культуры. То есть различные входившие в состав правительства группировки стремились на будущем Соборе решить разные задачи: перед церковным руководством стояла необходимость борьбы с многочисленными «нестрое-ниями», а перед светской частью правительства — задача облегчить финансовое положение государства в период труднейшей Казанской войны⁷⁹.

Таким образом, готовясь к объявленному Собору, каждая из этих групп составляла свои вопросы. Затем они были представлены молодому царю. Возможно, что он и внес в них какие-то изменения и дополнения, но вряд ли можно определить какие. С большой долей уверенности можно лишь сказать, что изменения, сделанные его рукой, не были особенно важны — царь выступал лишь рупором сторон, озвучивал поступающие к нему предложения. Как справедливо писал С. Б. Веселовский, «обе стороны стремились в борьбе использовать авторитет царской власти и вовлекали в борьбу молодого царя, облекая свои решения в форму “царских” вопросов и ответов»⁸⁰.

Попытаемся определить источники тем вопросов, заданных от имени царя на Стоглавом соборе. Очевидно, что таковыми могут быть сочинения предшественников и современников Собора. Рассмотрим сочинения Максима Грека, благовещенского попа Сильвестра, митрополитов Даниила и Макария, Иосифа Волоцкого, «16 неисправлений», приписываемых Кассиану Рязанскому, «Челобитную» иноков подмосковных монастырей царю Ивану.

Начнем с сочинений митрополита Макария. Особый интерес для нас представляет Уставная грамота, данная Макарием Духовскому монастырю еще в бытность его Новгородским архиепископом, так как в ней затрагиваются вопросы, связанные с поведением монахов. О чем же пишет будущий митрополит? Он предписывает игумену

строгое следить, чтобы в монастыре «всякому пению, полуночницы и заутрени, и часом, и вечерни . . . в неделю и в субботу, и во вся праздники, и по вся дни быть божественной литургии неотложно никогда же . . .» Монахам строго запрещалось пропускать молебны, исключение делалось лишь для больших. Игумену предписывалось питаться вместе со всей братией в «трапезе», категорически запрещалось есть у себя в келье. Не разрешалось в келье кормить гостей и шировать с ними. Настоятель должен «стояти со всей братиею на церковных раздирателях и безчишниках монастырских». Монахам запрещалось без благословения игумена выходить из монастыря, а мирянам, женщинам и ребятам, - ходить в кельи к старцам. Кроме того, запрещалось держать в кельях спиртные напитки. Умерших вкладчиков предписывается записывать в «сенаник вечный и их помянуть доколе и монастырь стоит»⁸¹.

Нетрудно заметить, что Уставная грамота перекликается с 8-м «царским» вопросом. Можно заметить и связь с концом 15-го вопроса: «А села и имения в монастырь емлют, а по тех душах и по родителях их и по их приказу памяти не исправляют». То же самое можно сказать и о 17-м вопросе — о пьянстве в монастырях.

Мирянам посвящено послание Макария в Свяяжск от 21 мая 1552 г. Он призывает жителей города не презирать церковное пение, по всегда приходите к церкви Божией со страхом Божиим и с чистой совестью, не имея вражды ни гнева ни на кого, слушать Божественное пение с благословением и вниманием, отложив всякое мирское попечение. Там же перечисляются грехи, в которые впали жители: брадобритие, содомский грех, растление освобожденных из татарского плена жен и девиц⁸².

В том же 1552 г. Макарий написал и послание к царю⁸³. Он призывает беречься гордости, пьянства и падения душевного и телесного⁸⁴. Эти же темы поднимаются в 21, 25 и 29-м «царских» вопросах.

В 1558 г. митрополит адресовал послание Новгородскому архиепископу Пимену. Здесь затронута тема одеяний священников во время службы⁸⁵. В вопросах эта тема также была затронута, но там, в вопросе 23, речь шла о «мирских» полах. Однако главное, очевидно, в том, что эти проблемы интересовали Макария.

Таким образом, мы видим, что темы, поднятые в 8, 15, 17, 21, 23, 25, 29-м вопросах, интересовали митрополита как до Стоглавого собора, так и после него. Отсюда следует, что Макарий мог быть ав-

тором части вопросов, прозвучавших на Стоглавом соборе от имени царя. Причем он мог задавать вопросы, не только обличающие белое духовенство и мирян, но и вопросы, бичующие непорядки в монастырях (8, 15, 16). Возможно, что заданные им вопросы были затем усилены (например, вопрос 15).

В литературе уже давно отмечалось влияние на «Стоглав» сочинений Максима Грека⁸⁶. Обращение к сочинениям Грека позволяет выявить интересующие его вопросы. Это обличение содомии, обычая носить тафьи, «лихоимства и грабления»⁸⁷. Его труды могли повлиять на 16, 21 и 29-й вопросы.

Многие ученые считают автором или всех вопросов, или большинства из них благовещенского попа Сильвестра. В своих рассуждениях они опираются на Послание к царю Ивану Васильевичу, автором которого обычно считают Сильвестра. Все остальные доказательства его участия в составлении вопросов сводятся к теории о «нестяжательстве» Сильвестра и противопоставлении его митрополиту Макарию. Мы полагаем, что такой подход неправомерен. Обратимся к самому тексту Послания. Какие грехи бичует благовещенский поп? Пьянство, содомский блуд, прелюбодеяние. Он пишет, что «возста в нас ненависть и гордость, и вражда и маловерие к Богу, и лихоимство, и грабление, и насилне, и лукавое умышление на всякое зло, паче же всего на блуд, и любодеяние, и прелюбодеяние, и содомский грех, и всякая скверна и нечистота. Преступихом заповедь Божию . . . главу и браду и ус бреем, ни по чем не обрящемся крестьяне: ни по образу, ни по одеянию, ни по делом, клянемся именем Божиим во лжу, к церквам не на молитву сходимся, паче на гнев Бога воздвигаем, блудники прельщаем, не очищаемся от греха . . . несть на нас истинного кресного знамения. . . »⁸⁸. С этим посланием могли быть связаны вопросы 16, 17, 21, 25, 26, 29. Видимо, следует признать справедливым высказанное И. В. Курукиным замечание о том, что сходство между Посланием к царю и вопросами «Стоглава» ограничивается перечислением обрядовой стороны дела: ложного крестоцелования, бритья бород, небрежного крещения. Здесь же этот исследователь указывает на то, что известны и другие предшествующие «Стоглаву» сочинения, где осуждаются эти же «неисправления»⁸⁹.

Одним из источников «царских» вопросов признается опубликованная Г. Кунцевичем «Челобитная» иноков подмосковных монастырей царю Ивану Васильевичу. «Материалом для Стоглава»

называл «Челобитную» сам издатель⁹⁰. Исследователь считал, что она была «поддержана» «нестяжателями» или прямо писалась по их указаниям. К «нестяжателям» относилась «Челобитная» и Г. Н. Моисеева. О том, что этот документ был одним из источников «Стоглава», пишет Д. М. Буланин⁹¹. «Челобитная» представляет собой просьбу «сотворить общее жительство во окрестных обителях града Москвы», чтобы пастыри имели еду и питье, равное с братиею, а не с «мирской чадью». Приводятся и примеры общежительных монастырей: Заволжские обители, Соловки, Валаам, Волоцкий. В этих монастырях, пишут далее иноки, «слушают церковное пение с умилением, на трапези чинно, слушают божественное чтение, ядят и пьют равно, и одеваются». Никто не имеет стяжаний в келье, только иконы, книги и носильную одежду⁹². Следует отметить, что основные ссылки в тексте «Челобитной» относятся к Кирилло-Белозерскому и Иосифо-Волоколамскому монастырям. Именно их и ставят в пример авторы этого послания. Иосиф и его обитель упоминаются в тексте семь раз и всегда в хорошем смысле — как пример для подражания. Хвалится устав Волоцкого монастыря. Критика, содержащаяся в «Челобитной» в адрес особенных монастырей, едва ли могла вызвать неудовольствие Макария и других «иосифлян». Таким образом, скорее всего, «Челобитная» была выгодна именно митрополиту, а не гипотетическим «нестяжателям». Она могла повлиять на формулировку 8 и 21-й вопросов.

Влияние на вопросы сочинений Иосифа Волоцкого отмечал, пожалуй, только Илья Беляев⁹³. В Первом послании князю Юрию Ивановичу Иосиф указывает на один из страшнейших грехов — плотское вожделение и похоть. В Послании некоему брату о соблюдении заповедей Волоцкий игумен призывает «поспевати ко всякому началу пения, и на пении не глаголати, ни сходити со своего места на иное, вне церкви не стояти ...» Здесь же говорится о возможных ошибках в книгах: предлагается не решать дело своим умом, а обратиться к настоятелю, вместе с которым «справиться» с иными книгами и выяснить правильное написание. Категорически запрещается есть и пить в келье без разрешения настоятеля, выходить из монастыря без разрешения и принимать подношения от окрестных жителей. Иосиф предостерегает от проживания в келье молодых «голоурых» ребят. В специальном послании Волоцкий игумен пишет о «хмельных напитках» -- «кто к кому принесет мед,

или вино горячее, или пиво, или квас медвяной, или брагу, и вы бы того не имали ни у кого, ни пили»⁹⁴.

Правила монастырской жизни подробно разработаны Иосифом в его Уставе. Говорится о необходимости «непреложно» соблюдать чин церковной службы, не нарушать порядок в церкви, беречься от «тайноедения», запрещается беседовать во время трапезы, выходить из обители без благословения настоятеля, держать спиртные напитки, впускать в монастырь «отрочат», женщин и монахинь⁹⁵. Много внимания уделял Иосиф и проблемам иконописания⁹⁶. Таким образом, сочинения Волоцкого игумена могли оказать влияние на 1, 3, 5, 8, 13, 17, 21, 22, 29 и 37-й вопросы.

Интересны с точки зрения связи с «царскими» вопросами и сочинения преемника Иосифа на игуменстве — Даниила. В своих многочисленных Словах он затронул вопрос о крестном знамении, обличал сквернословие, склонность к увеселительным зрелищам, небрежение пастырскими наставлениями, объедание, брадобритие, дурное поведение в церкви. Послание во Владимирский Волосов Николаевский монастырь посвящено правилам поведения монахов. Им запрещается в церкви ходить с места на место, смеяться, разговаривать, шептаться. Строго предписывается соблюдать порядок во время трапезы, запрещается есть до общемонастырского стола. Запрещается также выходить из обители без разрешения⁹⁷. Следовательно, сочинения Даниила могли повлиять на 8, 9, 17, 21, 22, 25, 26, 27, 28-й вопросы.

О влиянии «16 неисправлений» на первые «царские» вопросы писали уже давно⁹⁸, хотя часть ученых и сомневалась в этом влиянии⁹⁹. Что же это были за «неисправления»: 1) ложное целование креста; 2) Богом клянутся в шутках; 3) иконы пишут не по «образу»; 4) книги не «правят»; 5) в Пост едят запрещенное; 6) холопов передают по наследству; 7) детей крестят до шести недель после родов; 8) кумы и кумовья детей крестят ради mzды; 9) сквернословят; 10) долго не женятся, а живут блудно; 11) бороды бреют; 12) священники переходят из церквей; 13) они же нанимаются служить в других церквах; 14) играют; 15) на свадьбы зовут и священников, и скоморохов и не постятся перед венчанием; 16) попы-вдовцы держат у себя жен и служат¹⁰⁰. С какими же вопросами можно связать эти «неисправления»? Видимо, с 3, 5, 18, 35, 27, 28-м.

В литературе также упоминается и о влиянии сочинений Артемия на ряд вопросов¹⁰¹, но Дм. Стефанович сомневается в «силь-

ном влиянии» Артемия на формулировку вопросов¹⁰². Будущему еретiku приписывают 8, 9, 13, 15-17, 19, 31 и 37-й вопросы. Но его влияние на них ничем не доказывается, кроме как убеждением в его «нестяжательстве», которое, впрочем, не так давно было поставлено под сомнение¹⁰³.

Результаты наших наблюдений сведем в табл. 1.

Таблица 1

<i>Автор / Сочинения</i>	<i>Вопросы «Стоглава»</i>
Макарий	8, 15, 17, 21, 23, 25, 29
Иосиф	1, 3, 5, 8, 13, 17, 21, 22, 29, 37
Даниил	8, 9, 17, 21, 22, 25, 26, 27, 28
Максим Грек	16, 21, 29
Сильвестр	16, 17, 21, 25, 26, 29
«Челобитная» иноков	8, 21
«16 неисправлений»	3, 5, 18, 25, 27, 28

В верхней части табл. 1 мы поместили общепризнанных «иосифлян», а в нижней — сочинения, приписываемые «нестяжателям». При сведении показаний этой таблицы в две группы («иосифлян» и «нестяжателей») оказалось, что «иосифляне» затрагивали вопросы: 1, 3, 5, 8, 9, 13, 17, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 37; а «нестяжатели» — 3, 5, 8, 16, 17, 18, 21, 25, 26, 27, 28, 29. Оказывается также, что не совпадают в двух группах лишь два вопроса — 16 и 18. Принципиальным из них является только 16-й вопрос. Вопрос 18 о вдовствующих полах, поднятый в «16 неисправлениях», давно считается «иосифлянским» и решенным на Соборе 1503 г. Таким образом, можно признать, что предложения лиц, причисляемых к «нестяжателям», ничем существенным не отличаются от предложений общепризнанных «иосифлян». Поэтому можно согласиться с Г. Н. Моисеевой в том, что «общий характер предложений нестяжателей Стоглавому собору направлен на поднятие нравственного уровня духовенства и не затрагивает коренных вопросов ... в первую очередь вопроса о церковных и монастырских землях»¹⁰⁴. В таком случае встает закономерный вопрос, а являлись ли все эти лица «нестяжателями»? Видимо, нет. Ни Сильвестр, ни Максим Грек, ни авторы «16 неисправлений» и «Челобитной» иноков не являются членами внутрицерковной группировки, оппозиционно настроенной по отношению к официальному руководству Русской

церкви. Можно также отказаться и от мысли о том, что «вопросы проникнуты нестяжательским духом».

После знакомства с сочинениями предшественников и современников Стоглавого собора становится ясно, что большая часть вопросов, заданных царем на Соборе (1, 3, 5, 8, 9, 13, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 37) затрагивалась ими в той или иной мере. Причем все авторы занимают одну позицию: они пишут, во-первых, о необходимости поднятия нравственного уровня и духовенства, и мирян; и, во-вторых, о необходимости строго соблюдать все правила церковной службы.

Вторая группа, готовившаяся к Собору (во главе с Адашевым), собиралась решать чисто государственные дела с целью облегчить финансовое состояние страны. От нее не дошло (и, видимо, не могло дойти) никаких подготовительных материалов к Собору, так как эти люди были не «книжниками», а практиками, «дельцами». Возможно, основную часть своих вопросов они составили в течение нескольких дней — исходя из практических потребностей государства. Кроме того, А. Ф. Адашев как лицо, принимавшее челобитные¹⁰⁵, мог почерпнуть часть вопросов именно из этого источника — видимо, это были вопросы, в которых содержится критика святительских чиновников, и некоторые другие.

После этих предварительных замечаний можно обратиться к рассмотрению авторства конкретных вопросов. *Вопрос 1.* Автором этого вопроса Н. Лебедев считал митрополита Макария, так как в нем делались замечания, которые свойственны монашеской иерархии¹⁰⁶. В. А. Бочкарев предположил, что он составлен всей «Радой», без «различия партий», поскольку преследует цели, желательные для обеих партий¹⁰⁷. Дм. Стефанович приписал составление вопроса царю на основании выражения «отец мой Макарий митрополит» и т. д.¹⁰⁸ Т. Е. Новицкая не указала конкретного автора, но заметила, что им едва ли был Макарий¹⁰⁹. А. А. Зимин считал автором всех вопросов Сильвестра¹¹⁰.

О необходимости соблюдения «сполна церковных чинов» писал еще Иосиф Волоцкий. Едва ли есть смысл отрицать заинтересованность высшего церковного руководства в решении этого вопроса (о доводе Дм. Стефановича будет сказано ниже). Авторство Макария едва ли можно отрицать.

Вопрос 2. Н. Лебедев считал его автором царя, действовавшего под влиянием «нестяжателей». Этому же мнению придерживались

В. А. Бочкарев и Дм. Стефанович¹¹¹. Т. Е. Новицкая считает автором Сильвестра¹¹².

Вероятно, вопрос составлен Адашевым на основании челобитных, которые он мог получить как глава Челобитенного приказа.

Вопрос 3. Н. Лебедев относил его Макарию. К этому мнению присоединился В. А. Бочкарев¹¹³. Им возражал Дм. Стефанович, указавший на слова «о сем свидетельство у вас есть»¹¹⁴. Т. Е. Новицкая пришла к выводу, что авторов могло быть множество — это и митрополит, и Сильвестр, и Кассиан, и Акакий Тверской¹¹⁵.

Известно, что вопросами иконописания занимались Макарий и другие церковные деятели. Можно предположить, что автором был митрополит.

Вопрос 4. В. Н. Латкин отнес авторство вопроса царю. С ним согласились В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая¹¹⁶, писавшие о том, что он составлен Иваном при участии «нестяжателей». Видимо, вопрос составлен Адашевым под влиянием челобитных, так как эта проблема могла затрагивать множество людей.

Вопрос 5. По мнению Н. Лебедева, этот вопрос составлен митрополитом Макарием. К этому мнению присоединились В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая, А. Н. Гробовский¹¹⁷. С этим не согласен А. А. Зимин, считающий «творцом» всех вопросов Сильвестра. Доказательством для ученого в данном случае служит то, что благовещенский поп интересовался книжным делом¹¹⁸.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что вопрос составлен Макарием.

Вопрос 6. Автором этого вопроса Н. Лебедев считал митрополита. Этой же точки зрения придерживались В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая, А. Н. Гробовский¹¹⁹. Не согласен с ними А. А. Зимин, относящий авторство вопроса к Сильвестру¹²⁰. (Вопрос оставлен, видимо, Макарием.)

Вопрос 7. Н. Лебедев уверенно считал автором царя, действовавшего под влиянием «нестяжателей». Этому же мнению придерживались В. Н. Латкин, В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович¹²¹. Т. Е. Новицкая считает автором Сильвестра¹²².

Видимо, автором был Адашев, составивший его под влиянием подаваемых челобитных.

Вопрос 8. Н. Лебедев приписал авторство царю. С этим согласны В. Н. Латкин, В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович¹²³. А. А. Зимин и Т. Е. Новицкая считают автором Сильвестра¹²⁴.

Выше уже было показано, что вопросы монастырского быта волновали и Иосифа Волоцкого, и Даниила, и Макария. Кроме того, в литературе отмечалось, что «иосифляне» были сторонниками общежительных монастырей. В вопросе же читаем: «Тако ли подобает быти по уставу общему братству вкупе пребывати?» Что волнует автора вопроса? А то, что «весь покой монастырский и богатство и всякое изобилие ... истощили». Обратим внимание на два последних предложения: «От чего мирским душам ползоватися от всяких зол, ино такмо не по Боге вся злая свершается? Ино от нас, от мирской чади, чего добра чаяти, а у Бога кем милости просити о полезном нам?»¹²⁵. Видимо, если бы вопрос задавал царь или другое светское лицо, то вместо выражения «мирским душам» он бы сказал «нам», как это и сделано в последнем предложении вопроса. Мы предполагаем, что весь текст вопроса, кроме последнего предложения, был составлен Макарием, а царь при просмотре дописал лишь последнее предложение.

Вопрос 9. По предположению Н. Лебедева, автор вопроса — царь, действовавший под влиянием «нестяжателей». С этим согласны В. Н. Латкин, В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович¹²⁶. «Нестяжателям» приписывает авторство Т. Е. Новицкая. Затем вопрос был «умело отредактирован Макарием»¹²⁷.

Мы не видим обстоятельств, которые препятствовали бы считать автором данного вопроса митрополита Макария. Известны его замечания и замечания его предшественников с запрещением выходить из монастырей. Противопоставление царя слушателям на основании последнего предложения вопроса: «А нам за то нерадение от Бога греха бы не было», едва ли оправдано.

Вопрос 10. К царю относили этот вопрос Н. Лебедев, В. Н. Латкин, В. А. Бочкарев, Т. Е. Новицкая¹²⁸. Видимо, составление этого вопроса необходимо отнести к Адашеву, так как эта проблема затрагивала финансовое положение государства.

Вопрос 11. Н. Лебедев считал его автором Макария. С этим согласились К. Заусцинский, В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая¹²⁹.

Вероятно, автор вопроса — митрополит Макарий.

Вопрос 12. Царя считал автором В. А. Бочкарев. С этим согласны Дм. Стефанович и Т. Е. Новицкая¹³⁰.

По нашему предположению, автором вопроса мог быть Мака-

рий. Суть вопроса не в отказе от финансирования богаделен, а в необходимости усилить контроль за их использованием.

Вопрос 13. Бочкарев относил этот вопрос царю и «нестяжателям». С этим согласна и Т. Е. Новицкая¹³¹.

Выше мы уже писали о том, что все «столпы» «иосифлянства» запрещали монахам выходить из монастырей. Таким образом, нет оснований отказывать митрополиту Макарию в авторстве этого вопроса. Царь же лишь вставил последнее предложение в текст.

Вопрос 14. Н. Лебедев считал автором царя, находившегося под влиянием «нестяжателей». С этим согласны В. Н. Латкин, Г. Н. Моисеева, А. А. Зимин¹³². Аргументируя свою точку зрения, Г. Н. Моисеева пишет о том, что Иван якобы «предложил Собору подвергнуть пересмотру самый принцип “несудимых” церковных и монастырских грамот»¹³³. А. А. Зимин считает, что в вопросе «подвергается сомнению необходимость неподсудности царскому суду церковных людей»¹³⁴. Другая часть ученых не согласна с этим. Митрополита Макария считали автором вопроса В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая¹³⁵.

Видимо, есть все основания признать правоту второй группы ученых и считать автором Макария. Обращение к тексту подтверждает этот вывод. В вопросе сначала идет констатация факта: даются грамоты, по которым владыкам запрещается судить «всяких церковных причетников». Затем следует: «Коя ради вины сие тако бысть?» — то есть «За что?» — «И тако ли сему достоит быти?»¹³⁶.

Вопрос 15. Н. Лебедев относил авторство этого вопроса к царю. С ним согласны В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая¹³⁷.

Несмотря на такое единодушие исследователей, видимо, не все так просто с этим вопросом. Выше мы уже отмечали, что Макарий требовал неукоснительного соблюдения обязательств по поминовению умерших, записанных в синодики. Интересно, что этот вопрос начинается и заканчивается этой темой. Середина же вопроса производит впечатление произвольной механической вставки в первоначальный текст. Следовательно, сначала вопрос имел вид: «В монастыри боголюбцы дают душам своим и родителям на поминок вотчины и села, и прикупи. А села и имения в монастыри емлют, а по тех душах и по родителях их по их приказу и в памяти не исправляют. Кто о сем истязан будет в день страшного суда?»¹³⁸. Мы считаем, что составленный Макарием вопрос, касающийся только поминовения усопших, был дополнен кем-то из окружения Ивана.

Отдельные замечания мог сделать и сам царь, но главные изменения внес, видимо, А. Ф. Адашев.

Вопрос 16. В. Н. Латкин приписывал этот вопрос царю. Ивану IV и партии «пестяжателей» относили его В. А. Бочкарев и Т. Е. Новицкая¹³⁹.

Видимо, вопрос надо отнести Адашеву.

Вопрос 17. В. А. Бочкарев считал автором царя и связанных с ним «пестяжателей». Об этом же писали Дм. Стефанович и Т. Е. Новицкая¹⁴⁰.

Известно, что о пьянстве писали и осуждали его все церковные писатели. Иосиф Волоцкий запрещал держать спиртное в монастырях. Крайне негативно относился к этому греху митрополит Даниил. С ним был солидарен и Макарий, то есть нет никаких оснований отрицать авторство Макария. Последнее же предложение было вставлено, видимо, царем уже после получения для просмотра текста вопроса. Если бы вопрос составляло светское лицо, то второе предложение: «Како мирян спасати и наказати от всяких зол, а сами во всяком безчинии?»¹⁴¹, должно было бы звучать по-другому: «Како вам мирян спасать и наказати от всяких зол, а сами вы во всяком безчинии?»

Вопрос 18. Н. Лебедев говорил об авторстве Макария. С ним согласен К. Заусцинский¹⁴². Против этого выступают В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая¹⁴³. Последняя группа исследователей аргументирует свою точку зрения следующими словами в тексте: «при деде моем», «по маткин живот». На основании этого они считают автором вопроса Ивана. Т. Е. Новицкая, кроме того, предполагает, что этот вопрос направлен против близкого друга митрополита — Новгородского архиепископа Феодосия, что исключает авторство Макария.

Представляется, что стоит обратить внимание на то, что сам Иван не мог знать, что было в Новгороде и Пскове при его матери (когда ему было 8 лет) и при архиепископстве Макария (когда ему было 11 лет). Следовательно, он и не мог знать, что сейчас стало хуже — «ослаблено». На основании этого мы не можем признать царя автором этого вопроса. Вместе с тем едва ли можно согласиться с Т. Е. Новицкой в том, что «формулировка вопроса составлена в резкой форме». Здесь присутствует слово «ослаблено», а, например, не «порушено». Признается существование недостатка, с которым борются, но недостаточно решительно, не так, как при

Макарии, когда «вдовы попы и дьяконы у церквей не были на мало время». Представляется, что автор вопроса лишь слегка журит теперешние повгородские власти за допущенное ослабление борьбы с этим грехом. Следовательно, нет никаких оснований отказывать митрополиту в авторстве этого вопроса.

Вопрос 19. В. А. Бочкарев считал автором вопроса царя, действовавшего под влиянием «нестяжателей». С этим согласны Дм. Стефанович и Т. Е. Новицкая¹⁴⁴.

Единодушные исследователей по этому вопросу не должно заслонять от нас сути, а суть в том, что здесь осуждается не столько строительство церквей, сколько скитание по миру. Мало того, читаем: «Царие и князи и всякие боголюбцы со всем усердием доводят всем необходимым душам своим на спасение»¹⁴⁵. Как видим, утверждается, что царь «доволит» всякими «потребами», то есть в вопросе нет ничего «нестяжательского». Здесь признается необходимость для всех «боголюбцев» «доволить» монастыри. Только строители монастырей должны «великие труды полагать руками своими», а не собирать милостыню и пропивать ее. Есть все основания считать автором вопроса митрополита Макария. Но, видимо, текст подвергся редактированию. Так, было вставлено второе предложение. Первоначально было написано: «... да пойдет по миру с иконою просити на сооружение. А что собрав, то пропъет ...». Царем же была вставлена фраза: «У меня земли и руги просит», нарушившая единство текста. Окончание вопроса также, видимо, подверглось изменению, но несущественному. Адашев мог вставить упоминание о десятильниках, и только. Все эти замечания едва ли могут подвергнуть сомнению авторство митрополита Макария.

Вопрос 20. В. А. Бочкарев относил авторство вопроса царю. Так же считал и Дм. Стефанович¹⁴⁶. В отличие от них Т. Е. Новицкая думает, что автором был Макарий¹⁴⁷.

Видимо, стоит согласиться с Т. Е. Новицкой и признать авторство митрополита.

Вопрос 21. Макария считал автором вопроса Н. Лебедев. К этому мнению присоединились В. А. Бочкарев и Т. Е. Новицкая¹⁴⁸. Дм. Стефанович же считал, что вопрос был «навеян» посланием Сильвестра царю¹⁴⁹.

Вопрос о поведении в церкви волновал всех церковных писателей того времени. Писал о нем и Макарий. У нас нет причин отрицать его авторство.

Вопрос 22. Н. Лебедев считал автором всех вопросов этой группы (до 28-го включительно) митрополита. Об этом писал и В. А. Бочкарев¹⁵⁰. Дм. Стефанович говорил об авторстве Сильвестра¹⁵¹. Макария считала автором Т. Е. Новицкая¹⁵².

Видимо, автор — митрополит.

Вопрос 23. Т. Е. Новицкая считает автором Макария¹⁵³.

С этим мнением необходимо согласиться, тем более, что митрополит затрагивал сходные вопросы в послании 1558 г. Новгородскому архиепископу Пимену.

Вопрос 24. Вероятно, автор — Макарий.

Вопрос 25. Бритые бороды порицали все церковные писатели. Представляется, что автором был Макарий.

Вопрос 26. Видимо, автором был митрополит.

Вопросы 27 и 28. Мы объединили эти вопросы потому, что они посвящены одному предмету — сквернословию. К тому же 28-й вопрос вообще не имеет названия, а в некоторых списках на месте заголовка стоит «о том же».

Можно полностью согласиться с мнением Т. Е. Новицкой, считающей автором вопросов Макария. Она права, видимо, и в том, что допускает участие царя Ивана — ему могло принадлежать упоминание об иноверцах в 28-м вопросе¹⁵⁴.

Вопрос 29. В. А. Бочкарев считал автором вопроса царя. Об этом же писали Дм. Стефанович и Т. Е. Новицкая¹⁵⁵.

Мы не видим причин отрицать авторство митрополита в составлении этого вопроса. Доказательств того, что вопрос составлен царем, нет, за исключением, как пишет Т. Е. Новицкая, «свойственных речам царя призывов к покаянию». Об авторстве Ивана говорит, по ее мнению, наличие ссылок на Библию и историю. Но вряд ли можно серьезно утверждать, что церковные деятели, в частности Макарий, не требовали покаяния и не ссылались на библейские примеры.

Вопрос 30. Н. Лебедев считал автором вопроса царя, действовавшего под влиянием «нестяжателей». Об этом же писали В. Н. Латкин, В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая¹⁵⁶.

Видимо, автором надо считать А. Ф. Адашева, стремившегося облегчить финансовое положение государства.

Вопрос 31. Царя считал автором этого вопроса Н. Лебедев. С ним согласны В. Н. Латкин, В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая¹⁵⁷.

Не подлежит сомнению, что сам Иван не мог знать, сколько и кому давали руги его отец и мать. Это опровергает версию о том, что он являлся автором вопроса. Видимо, основной текст составлял А. Ф. Адашев, а затем, при окончательном обсуждении вопросов, митрополит внес последнее предложение: «А убогих монастырей и не приходных церквей достоин устроить по разсуждению». Этим Макарию удалось изменить направленность вопроса: если у Адашева он предполагал окончание выплаты руги, то теперь можно было говорить о ее перераспределении — богатые монастыри и церкви могли ее лишиться, а бедные — получить. Но это не лишает Адашева авторства вопроса в целом.

Вопрос 32. Н. Лебедев считал автором митрополита Макария. Согласен с этим В. А. Бочкарев¹⁵⁸. Возражает им Дм. Стефанович, который считает автором царя Ивана, опираясь на слова о «моем государстве»¹⁵⁹.

Видимо, доказательства Дм. Стефановича не могут опровергнуть мнение об авторстве Макария.

Вопрос 33. Царя Ивана считал автором вопроса Н. Лебедев. Об этом же писали В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович¹⁶⁰. Макария считает автором вопроса Т. Е. Новицкая¹⁶¹.

Представляется, что права Т. Е. Новицкая. Все доказательства сторонников авторства царя сводятся к словам «в нашем царстве», но едва ли можно основываться на них.

Вопрос 34. Н. Лебедев относил авторство вопроса Ивану. С ним согласны В. А. Бочкарев и Дм. Стефанович¹⁶². Не согласились с этим утверждением К. Заусцинский и Т. Е. Новицкая¹⁶³.

Вероятно, что второе мнение более правильно, так как по форме вопроса едва ли можно судить об авторстве. Составил его Макарий, а Иван лишь внес некоторые замечания, основанные на личных воспоминаниях.

Вопрос 35. В. А. Бочкарев считал его автором митрополита¹⁶⁴.

Представляется, что это предположение верно.

Вопрос 36. К. Заусцинский считал автором Макария. С ним согласен В. А. Бочкарев¹⁶⁵. Против выступает Дм. Стефанович, считающий, что этот вопрос составлен под влиянием Сильвестра¹⁶⁶.

Мы придерживаемся мнения о том, что автором этого вопроса был митрополит.

Вопрос 37. Макария считал автором этого вопроса Н. Лебедев. С ним согласен К. Заусцинский¹⁶⁷. Против этого выступают В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович и Т. Е. Новицкая, считающие автором вопроса царя, действовавшего под влиянием «нестяжателей»¹⁶⁸.

Известно резко враждебное отношение Иосифа Волоцкого к присутствию в монастырях женщин. В вопросе не видно «резкого осуждения плохого отношения монастырских властей к калекам», как пишет Т. Е. Новицкая. Нет никаких препятствий для того, чтобы считать автором вопроса митрополита Макария.

Рассмотрение историографии каждого вопроса позволяет прийти к некоторым выводам. Они следующие: во-первых, все исследователи, разбиравшие авторство конкретных вопросов, исходили из предположения о существовании борьбы между «иосифлянами» и «нестяжателями»; во-вторых, многие из них (Н. Лебедев, В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая) большое количество вопросов приписывали самому царю на основании текста, в котором были слова: «при деде моем», «мое царство», «у меня просят» и т. д. Эти ученые упускают из виду, что вопросы составлялись от имени Ивана, и авторы должны были стремиться приблизить текст к царю. Кроме того, при просмотре вопросов царь мог вносить свои замечания. Как писал И. Н. Жданов, «царь . . . вносил в них свои личные воспоминания и наблюдения»¹⁶⁹. Таким образом, Ивана нельзя считать автором ни одного вопроса. Он лишь вносил в некоторые из них несколько слов, не более.

Итог же нашего рассмотрения авторства вопросов следующий: вопросы, видимо, составляли две группы лиц — первую возглавлял митрополит Макарий, а вторую — А. Ф. Адашев. Макарий предложил вопросы: 1, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 37. А. Ф. Адашев составил: 2, 4, 7, 10, 16, 30, 31¹⁷⁰.

Затем все составленные вопросы были рассмотрены правительством — «Избранной радой» в присутствии царя. Видимо, на этом заседании в текст вносились замечания и некоторые изменения, которые вносили и Иван, и Макарий, и Адашев. Причем не исключено, что вопросов было больше, чем 37. Часть из них могла быть отвергнута различными группировками, входившими в правительство. Утвержденные царем и «Избранной радой» вопросы и были затем представлены Стоглавому собору.

О редактировании текста вопросов мы писали выше. Сейчас же сделаем несколько замечаний. Из всех 37 вопросов не имеют названия два — 1 и 28. Но 28-й вопрос продолжает тему 27-го, и отсутствие заглавия не вызывает никаких трудностей. Первый же вопрос не посвящен конкретной проблеме — он как бы представляет собой краткую программу действий Собора (как видел ее митрополит). Вопрос призывает «возречь в свои дома», чтобы службы совершались по «божественному уставу и священным правилам».

Обратим внимание на то, что многие вопросы начинаются с союзов в значении «и» — то есть с перечисления предметов, о которых следует подумать собравшимся. Так, с «а» (в значении «а также») начинаются 3, 6, 8 и 18-й вопросы; с «да» — 21, 22, 23, 24, 25, 29, 34, 35-й; с «еще» — 11-й; с «и» — 10 и 28-й. Из 37 вопросов перечисление идет в пятнадцати. Интересно, что все эти вопросы (кроме 10) составлены, как мы думаем, митрополитом Макарием. Видимо, в данном случае можно говорить об авторском стиле. Возможно также, что это указывает на то, что первоначально вопросы не имели заглавий, а получили их при окончательном обсуждении текста на заседании «Избранной рады». Мы предполагаем, что митрополитом были представлены вопросы без заглавий, в виде перечисления, соединенные союзами в значении «и». Если бы названия присутствовали изначально у каждого вопроса, то существование этих союзов не имело бы смысла. После же присвоения названий у части вопросов, составленных Макарием, эти союзы были изъяты, а у других оставлены (по непонятным причинам). Возможно, эта работа происходила в спешке, и не было времени для окончательной доработки текста. Об этом же, на наш взгляд, говорит и то, что, например, названия 21 и 22 вопросов не отражают сути высказанных замечаний. Так, в 21-м вопросе главное не то, что миряне в церкви в тафьях и шапках, а то, что они вообще плохо ведут себя во время службы. И в 22-м вопросе осуждается все поведение попов, а не только то, что они «поют бесчинно».

О том, что заглавия давались не изначально, свидетельствует и следующий факт: часть вопросов начинается со слова «о» — 14, 16, 36. Во всех этих случаях имеет место как бы второе название, отличное от первого (табл. 2).

Видимо, составители вопросов считали нужным особо подчеркнуть некоторые проблемы и выделили их первоначально заглавием.

Таблица 2

<i>Вопрос</i>	<i>Первое название</i>	<i>Второе название</i>
14-й	О несудимых грамотах	О суждех архимандричных и игуменов и всякого . . . чину
16-й	О церковных и монастырских деньгах	О церковной и о монастырской казне, иже в росты дают
36-й	О иже не вносити в алтарь пьянственного пития	О . . . церквах, о жертвеннике и о кутейнике

Но это заглавие не выделялось из текста и было, как мы предполагаем, написано в одну строку с самим вопросом. При редактировании же выполнявшие эту часть работы лица составили другие названия, какие и были вынесены отдельно из текста. А вопросы, имевшие изначально заголовки, сохранили их, которые потом вошли в текст.

Принадлежавшие предположительно перу А. Ф. Адашева семь вопросов можно разделить на две группы: во-первых, вопросы, говорящие о злоупотреблениях святительских чиновников (2, 4, 7); во-вторых, вопросы, связанные с финансовыми делами (10, 16, 30, 31). Вопросы, составленные Адашевым, можно разделить и по другому признаку: во-первых, те, тему которых подсказали получаемые им как главой приказа челобитные (2, 4, 7, 16); во-вторых, те, которые он составил сам, стремясь облегчить финансовое положение государства (10, 30, 31). Представляется, что все эти вопросы связывало внутреннее единство и они первоначально находились непосредственно друг за другом.

О том, что 4-й вопрос следовал непосредственно за вопросом 2, говорит и единство темы («продажа»), и слово «также», которое невозможно отнести к вопросу 3 (об иконах). Эти два вопроса критикуют святительских чиновников, об этом же и вопрос 7, то есть очевидно, что три этих вопроса не имело никакого смысла отрывать один от другого. Затем шел вопрос 10 (о пленных). Он начинал вторую тему — финансы. Именно поэтому Адашев и употребил союз «и» — единственный раз в начале составленных им вопросов. Иными словами, он предлагал Собору рассмотреть не только недостатки святительских чиновников, но и финансовые вопросы. Вполне логично за вопросом 10 шел 16-й (с осуждением ростов-

щичества). В самом деле — не лучше ли вместо того, чтобы давать деньги «в рост», что противно Божественному писанию, употребить их на выкуп христиан из «бесерменства»? С этим же логично связаны и два вопроса о руге — 30 и 31. Если получаемые деньги и хлеб церкви и монастыри отдают в «росты и наспы», то стоит ли их им вообще давать? По нашему мнению, последовательность вопросов была очень хорошо продумана, и в таком порядке они неизбежно должны были произвести очень сильное впечатление на собравшихся. Поэтому задача митрополита Макария и Сильвестра на совещании «Избранной рады» заключалась в том, чтобы попытаться снять эти вопросы или разместить их в разбивку, отдельно друг от друга. Очевидно, что с последней задачей церковные руководители справились успешно. Разбросанные между вопросами митрополита предложения Адашева уже не были столь убедительны и логичны.

Можно также отметить одну черту адашевского стиля: большинство заданных им вопросов начинается с обозначения предмета, то есть они очень конкретны (2, 4, 7, 16, 30).

Какие же выводы можно сделать из рассмотрения авторства вопросов? Две группировки, готовившиеся к Собору, преследовали свои цели, и цели эти не совпадали. Адашев рассчитывал облегчить финансовое положение государства и, кроме того, выразить в своих предложениях Собору наиболее типичные претензии, которые высказывало население к святителям и о которых он знал как глава Челобитенного приказа. Митрополит Макарий собирался решить чисто церковные проблемы и обсудить вопросы нравственности, поведения мирян и духовенства. Борьба с многочисленными «нестроениями» была одной из его главнейших задач. Важно отметить, что большинство из заданных им вопросов уже поднималось или им самим, или его предшественниками и современниками. Роль же самого царя Ивана в подготовке Собора и составлении вопросов минимальна. В текст вопросов он вносил, как мы уже писали выше, некоторые замечания, но не более того.

Составленная в конечном итоге программа деятельности Собора предполагала, на наш взгляд, возможность трений по финансовым вопросам — в определении степени участия Церкви в решении финансовых проблем государства.

Еще в XIX в. И. Н. Жданов обнаружил так называемые «дополнительные царские вопросы». Их двенадцать: 1) о местничестве;

2) об упорядочении распределения вотчин, кормлений и «всяких приказов»; 3) о «внове починенных» монастырских, княжеских и боярских слободах; 4) о закрытии по городам, пригородам и волостям корчем; 5) об отмене дорожных мытов; 6) об ограничении перевозных и мостовых пошлин; 7) об укреплении пограничных «застав» по литовским, немецким и татарским рубежам; 8) об устройении «вотчинных книг»; 9) о раздаче поместий только «в меру»; 10) о вдовых боярынях; 11) о надзоре и «бережении» погайских «гостей» и послов; 12) о всеобщей переписи земель¹⁷¹.

Вопросы носят светский характер. Ученые разделились на два лагеря: часть считает, что «дополнительные» вопросы обсуждались на Соборе, другие утверждают, что они были рассмотрены до 1551 г. Так, В. А. Бочкарев писал, что «они составляли часть соборных деяний». Такую же позицию занимал и И. И. Смирнов¹⁷². Противоположная позиция у А. А. Зимина, Н. Е. Носова и С. О. Шмидта¹⁷³.

Как видим, большинство ученых в последние годы склоняется к тому, что «дополнительные царские вопросы» не рассматривались Стоглавым собором, а были предметом рассмотрения какого-то более раннего собрания. В распоряжении исследователей нет никаких доказательств того, что эти вопросы были поставлены перед собравшимся духовенством.

С редактированием первых «царских» вопросов подготовка к Собору была, видимо, закончена. Но предполагала ли эта программа «реформу» Церкви? Если под словом «реформа» понимать «изменение», то нет. Вопросы не предполагали никаких принципиальных изменений, они были направлены на улучшение быта, нравственности, богослужения. Очевидно, что и современниками эта программа не воспринималась как реформаторская — ведь большинство поставленных вопросов обсуждалось в церковных кругах и ранее. По нашему мнению, суть предложенных мероприятий более удачно передает слово «очищение», освобождение и Церкви, и мирян от накопившихся недостатков.

* * *

О ходе Собора мы узнаем только из текста самого Уложения. Наиболее важны в этом плане четыре первые главы, начало шестой главы, 41-я со вторыми «царскими» вопросами, глава 99 — о

посылке к бывшему митрополиту Иоасафу и 101-я глава, которая имеет конкретную дату Приговора о вотчинах.

Заглавие 1-й главы указывает дату — 23 февраля 1551 г. Далее говорится о том, что «быша сии вопросы и ответы мнози о различных церковных чинех, в ... граде Москве в царских полатах от ... царя ... Ивана Васильевича ... к отцу его Макарию митрополиту ... и ко всему Священному собору»¹⁷⁴. Уже по поводу этой даты в литературе разгорелся спор: означает она время открытия Собора или время начала составления Соборного уложения («Стоглава»? Первой точки зрения придерживались И. Н. Жданов, К. Заусцинский, Н. Лебедев, Макарий (Булгаков), П. М. Занков, Е. Е. Голубинский, А. Я. Шпаков, В. А. Бочкарев, А. В. Карташев, Г. Н. Моисеева, Р. Г. Скрынников¹⁷⁵. Вторую точку зрения обосновал Дм. Стефанович. С его аргументами согласились А. А. Зимин, А. Л. Хорошкевич, Н. Е. Носов¹⁷⁶. Примирить оба мнения попытался Л. В. Черепнин, который считает (в отличие от Стефановича и его последователей), что редактирование и ход самого Собора шли одновременно. С этим подходом солидаризировалась Т. Е. Новицкая¹⁷⁷.

Таким образом, на сегодняшний день этот вопрос остается открытым. Окончательный ответ на него не представляется возможным из-за отсутствия других источников¹⁷⁸. Однако очевидно, что при любом подходе к этой проблеме надо признать, что Собор проходил в конце 1550 — первой половине 1551 г.

Первая глава перечисляет присутствовавших на Соборе иерархов. Председательствовал митрополит Макарий, присутствовали архиепископы: Феодосий Новгородский¹⁷⁹, Никандр Ростовский; епископы: Трифон Суздальский, Гурий Смоленский, Кассиан Рязанский, Акакий Тверской, Феодосий Коломенский, Савва Сарский, Киприан Пермский. Кроме них здесь же находились архимандриты, игумены и весь Освященный собор. Состав святителей, присутствовавших на Соборе, был неоднократно рассмотрен исследователями. Их выводы таковы: огромное большинство иерархов — «иосифляне». Так, Н. Лебедев среди епископов обнаружил только двух лиц, не сочувствовавших «иосифлянам», — Кассиана Рязанского и Киприана Пермского. Но, пишет далее ученый, известно, что затем Киприан был в ссоре с Кассианом, и, следовательно, он не был «нестяжателем». Итак, один Кассиан Рязанский являлся «нестяжателем на Соборе»¹⁸⁰.

В. А. Бочкарев считал «нестяжателями» двух епископов: Кассиана и Киприана Пермского. Кассиан — «нестяжатель» потому, что был постриженником Кириллова монастыря, одного из центров «нестяжателей». Несомненных же «иосифлян», по наблюдениям ученого, было пятеро: сам Макарий, Феодосий Новгородский, Гурий Смоленский, Акакий Тверской и Савва Сарский. Исследователь считает, что соотношение этих двух партий надо иметь в виду при изучении Стоглавого собора¹⁸¹.

Дм. Стефанович называет пятерых иерархов — постриженников Иосифова монастыря: это Феодосий, Акакий, Гурий, Савва, Трифон. К этой группе примыкают митрополит Макарий и Никандр Ростовский. Из остальных участников Собора епископы Коломенский и Пермский также не были сторонниками «нестяжателей», так как до поставления они были игуменами московских монастырей, а Макарий едва ли бы поставил в свои монастыри «нестяжателей». Итак, лишь Кассиан Рязанский не был «иосифлянином», но и он на этом Соборе, по мнению Стефановича, старался держаться того же направления, что и прочие архиереи¹⁸².

А. А. Зимин писал о присутствии на Соборе одного «нестяжателя» — Кассиана Рязанского. С этим мнением согласились Л. В. Черепнин и Т. Е. Новицкая¹⁸³. Г. Н. Моисеева упоминает среди епископов — участников Собора двух «нестяжателей» — Кассиана и Феодосия Коломенского¹⁸⁴.

Итак, среди иерархов большинство принадлежало постриженникам Иосифова монастыря и лицам, солидарным с ними. Что касается других участников Собора — «честных архимандритов и игуменов и всего Священного собора», то указать их ориентацию не так просто. Конечно, на церковном Соборе решающий голос принадлежал святителям, но, как пишет Макарий (Булгаков), «предоставлялось и другим духовным лицам, присутствовавшим на Соборах, выражать свои мнения, и иногда, если лица эти отличались высоким умом и образованием, их голос имел даже преобладающее значение на Соборе» (Макарий ссылается в качестве примера на роль Иосифа Волоцкого на Соборах 1503–1504 гг.)¹⁸⁵. О том, что мнение низшего духовенства могло влиять на соборные решения, говорит и глава 99 «Стоглава»: при посылке в Троицкий монастырь Уложения оно адресуется наряду с бывшими иерархами бывшим игуменам и всем Троицким соборным старцам¹⁸⁶.

Таким образом, участвовавших в решениях Стоглавого собора

групп духовенства было несколько больше, чем обычно принято думать. Это: во-первых, иерархи, которые представляли в большинстве своем одну монастырскую корпорацию; во-вторых, архимандриты, игумены и монахи — представители различных корпораций¹⁸⁷; в-третьих, это белое духовенство.

Здесь необходимо отметить, что вопрос о представительстве белого духовенства на Соборах XVI — начала XVII в. и о характере этого представительства еще не получил однозначного разрешения. Так, И. Лихницкий считает, что в допетровское время было всего три Собора, на которых присутствовали лица белого духовенства. Во второй половине XVI в. ему известен лишь один такой случай — Собор 1553-1554 гг., посвященный осуждению еретиков¹⁸⁸. Даже учитывая, что этот исследователь не принимает во внимание Земские соборы, его мнение вызывает возражение — ведь к началу XX в. были опубликованы материалы, из которых следует, что на Церковных соборах присутствовало белое духовенство. Однако И. Лихницкий пишет: «Обычная формула, что на Соборе были „митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и протопопы, и весь освященный собор“ ... не оправдывается ... и может быть объяснена только манерой древнего книжника считать освященный собор таким учреждением, в котором иерархическая власть русской церкви должна была выражаться во всей своей полноте»¹⁸⁹.

Иное мнение у Н. Ф. Каптерева, он считает, что настоящий Собор обязательно включал в себя архиереев, представителей монашества, белого духовенства. На всех истинных Соборах всегда присутствовали протопопы, священники, диаконы как его необходимая часть. Ученый пришел к выводу, что они выделялись в особую безличную группу, обозначаемую как «и весь освященный собор»¹⁹⁰.

П. Лапин разбирал Церковные соборы в России только с момента установления патриаршества. По его мнению, на полных Соборах низшее духовенство присутствовало всегда. Исследователь считает, что белое духовенство, участвовавшее в Соборах, было почти исключительно из Московского клира¹⁹¹.

Для рассмотрения вопроса об участии белого духовенства в Соборах следует, видимо, обратиться к источникам, которые говорят о важнейших собраниях середины XVI — начала XVII в.

Первым таким источником является Окружная грамота митрополита Макария на Вологду и Белоозеро об установлении празд-

нования новым русским святым от 26 февраля 1547 г. В ней перечислен состав Собора: архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, и «весь освященный собор Русския метрополии»¹⁹². Н. Ф. Каптерев предположил, что «священный собор Русския метрополии» подразумевает собой духовенство митрополичьего кафедрального собора¹⁹³. Однако нам более справедливым представляется другое объяснение: под этим выражением могло подразумеваться и провинциальное белое духовенство, тем более, что большинство новых чудотворцев не были москвичами. Иногороднее духовенство могло выступать в качестве свидетелей чудес.

Сравнительно недавно стал известен состав участников Церковного собора 1549 г., осудившего, среди прочих дел, Чудовского архимандрита Исака Собаку. Здесь мы имеем более подробное перечисление участников Собора. Поименно перечислено большое количество лиц: архиереи, архимандриты, игумены, старцы некоторых монастырей. Тут же упоминаются и московские протопопы, то есть представители белого духовенства. После перечисления имен идет «и весь священный собор»¹⁹⁴. Интересно, что участников Собора оказывается больше, чем их поименовано, и неназванными остались как раз представители белого духовенства (все остальные деятели Церкви были названы по именам, даже монастырские старцы).

Далее идет тот Собор, который нас, собственно, и интересует. Состав Стоглавого собора кратко указан, как мы уже писали выше, в первой главе: поименно названы архиепископы и епископы. Кроме них здесь находились архимандриты и игумены и «весь освященный собор»¹⁹⁵. Однако в четвертой главе перечисление участников более подробное: оказывается, что на Соборе были «архиепископы и епископы, архимандриты и игумены, и пустынники, и духовные старцы, и протопопы, и попы со всеми освященными соборы... Российского царствия»¹⁹⁶. Н. Ф. Каптерев считает, что на Стоглавом соборе были епископы с клиром своего кафедрального собора, хотя чуть ниже он и допускает, что «освященный собор» — это не только клир кафедрального собора, но и клир вообще, белое духовенство¹⁹⁷.

На Церковном соборе, осудившем бывшего Троицкого игумена Артемия, присутствовали кроме митрополита архиепископы, епископы «с честными архимандриты, и с преподобными игумены, и со священными протопопами, и со всем священным собором Русския

метрополии». Об этом узнаем из Соборной грамоты от 24 января 1554 г. в Соловецкий монастырь¹⁹⁸.

После смерти митрополита Макария состоялся Собор, принявший 2 февраля 1564 г. решение о белом клобуке. На этом собрании присутствовали иерархи, настоятели монастырей и «весь освященный собор»¹⁹⁹.

На Земском соборе 1566 г. белое духовенство, видимо, не присутствовало. Состав его участников подробно рассмотрен А. А. Зиминим и Р. Г. Скрынниковым²⁰⁰.

29 апреля 1572 г. состоялось Соборное определение о четвертом браке царя Ивана. Среди духовенства присутствовали архиепископы, епископы, архимандриты, игумены «и весь освященный собор»²⁰¹.

В Соборах 1580 и 1584 гг. белое духовенство, видимо, не участвовало. В тексте Приговоров поименовано большое количество лиц, включая монастырских старцев, и нет слов «и весь освященный собор»²⁰². Полагаем, что в Приговорах названы все участники заседаний.

Интересна также и Грамота от 1589 г. об утверждении в России патриаршества. Среди членов Собора названы патриархи, митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, старцы «и весь освященный собор великого Российского царствия и Греческого царствия»²⁰³.

В Соборном определении об избрании царем Бориса Годунова перечислены все церковные чины: патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, «и весь иноческий чин, и затворники, и пустышники, и протопопы, и иереи, и весь причт церковный, и весь освященный собор»²⁰⁴. Среди подписавших документ перечислены десять протопопов²⁰⁵. Р. Г. Скрынников пишет о том, что Грамоту скрепило многочисленное «не соборное» духовенство: протопопы и игумены столицы и провинции²⁰⁶. Таково же, в общем, и мнение А. П. Павлова, который считает, что «не соборное» духовенство было выборным²⁰⁷. Но, как нам представляется, делению духовенства на «соборное» и «несоборное» противоречит приведенное нами выше перечисление членов Освященного собора.

В Грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича Романова говорится о присутствии на Соборе «Московского государства и изо всех городов Российского царствия властей, митрополи-

тов, и архиепископов, и епископов, и архимандритов, и игуменов, и протопопов и всего освященного собора»²⁰⁸. Однако, как отметил А. П. Павлов, верхи духовенства (по его мнению, именно они были членами Освященного собора) подписали Грамоту в начале списка, а прочие духовные лица — белое духовенство и настоятели мелких провинциальных монастырей — подписывались в качестве выборных от уездов в конце документа²⁰⁹. По нашему же мнению, утверждение А. П. Павлова противоречит перечислению членов Освященного собора. То, что провинциальное духовенство было выбрано в качестве представителей, не может говорить о том, что оно не входило формально в состав Освященного собора, просто оно представляло его низшую курию.

После ознакомления с некоторыми материалами основных Соборов середины XVI — начала XVII в. мы можем предположить: Освященный собор мог потенциально включать в себя все разряды духовенства, как черного, так и белого. Но белое духовенство было низшей курией Освященного собора и даже не всегда привлекалось в его состав. Так, на Соборах 1566, 1580, 1584 гг. оно, по-видимому, отсутствовало. Вызвано же это было тем, что организаторы этих Соборов не считали, что рассматриваемые вопросы затрагивают интересы белого духовенства.

В тех же случаях, когда рассматриваемые проблемы касались всей Церкви или всего государства, белое духовенство включалось в состав Освященного собора, хотя обычно и не перечислялось по именам: епископы, настоятели и старцы крупнейших монастырей. Бельцы скрывались за формулой «и весь освященный собор». Лишь в особо важных случаях, как, например, Соборное определение об избрании царем Бориса Годунова, в перечислении чинов Освященного собора указывались протопопы, иереи, весь причт церковный.

Подписей представителей белого духовенства также обычно, видимо, не требовалось²¹⁰. Белое духовенство — участники Собора 1613 г. подписались, по справедливому мнению А. П. Павлова, как выбранные, а не как члены Освященного собора, но это объясняется тем, что они и не должны были подписываться вместе с высшим духовенством. Они выступали в двух качествах: как низшая курия Освященного собора и как представители определенных уездов.

Таким образом, по нашему мнению, белое духовенство участвовало в Соборах 1547, 1549, 1551, 1554, 1564, 1572, 1589, 1598,

1613 г. Оно скрывалось обычно за формулой «и весь освященный собор». Но, конечно, это не значит, что его представительство было всегда одинаково. Как писал И. Лихницкий, Освященный собор никогда не имел строго определенного и регламентированного состава, главным в организации Соборов были требования времени и характер вопроса, поставленного на обсуждение²¹¹. Можно с большой долей уверенности предположить участие в большей части Соборов Московских протопопов. Провинциальное белое духовенство приглашалось, видимо, в особо важных случаях – на Соборы 1547, 1549, 1551, 1554, 1589, 1598, 1613 г. И. Лихницкий, который считает, что на церковных Соборах присутствовало только московское белое духовенство, опирается в своих рассуждениях на подписи под соборными актами, в основном второй половины XVII в. По его мнению, подписывались все участники Соборов. С этим утверждением согласен и П. Лапин²¹². Однако мы считаем мнение И. Лихницкого и П. Лапина ошибочным. Во-первых, в речи на Стоглавом соборе 1551 г. царь заявил о том, что он приказал собраться среди прочих протопопам и попам «со всеми священными соборы . . . Российского царствия»²¹³, то есть протопопы и попы были и из провинции; во-вторых, что касается обязанности всех участников Освященного собора подписывать соборный акт, то, например, Приговор 1580 г. не подписали три епископа и более десяти игуменов²¹⁴. Подписей же белого духовенства вообще в большинстве случаев не требовалось.

Каким образом осуществлялся отбор провинциального белого духовенства для участия в Соборах, неизвестно, как неизвестно и то, насколько активны были белцы на заседаниях Соборов²¹⁵. Однако, как нам представляется, позиция белого духовенства могла влиять на принятие решений церковными Соборами.

Вышеизложенные замечания приводят нас к выводу о том, что белое духовенство столицы и провинции участвовало в работе важнейших Соборов XVI – начала XVII в., в том числе и в работе интересующего нас Стоглавого собора.

Видимо, на Соборе присутствовали настоятели крупных монастырей, соборные старцы (как, например, Герасим Ленков из Иосифова монастыря) и от белого духовенства – представители городов (как Сильвестр). Возможно, что на Стоглаве были еще специально приглашенные представители духовенства. Некоторых мог призвать Иван IV, некоторых – митрополит.

Между этими тремя группами духовенства могли быть противоречия и трения. Должно было иметь место соперничество между монастырскими корпорациями: так, представители Иосифова монастыря, которому не было еще и ста лет, имели большинство епископских кафедр, в то же время существовало большое количество и более древних и более старых монастырей, которые не имели такого представительства в высшем церковном руководстве. Кроме того, между святителями и настоятелями могли быть противоречия по вопросу юрисдикции над монастырями. Этот конфликт сознательно углублялся правительствами, шедшими на выдачу несудимых грамот. Определенные противоречия были и между святителями и белым духовенством.

Как нам представляется, оценивать итоги работы Собора и дискуссий на нем нужно исходя не из представлений о столкновении «иосифлян» и «нестяжателей» (существование которых в общепринятом смысле в это время гипотетично), а из существования, во-первых, определенных противоречий между разными группами участников Собора; и, во-вторых, из противоречий между светской частью правительства, рассчитывающей на Соборе решить финансовые проблемы государства (А. Ф. Адашев и др.), и церковной организацией в целом.

Составить поименный список участников Собора — неиерархов не представляется возможным, хотя некоторыми исследователями и делались определенные предположения на этот счет. А. С. Павлов писал, что «на этом Соборе видим заволжских пустынников из школы Нила Сорского. Из них известен, впрочем, только один — монах Корнильева монастыря Артемий»²¹⁶. Ряд исследователей считают, что в работе Стоглавого собора принимал участие Сильвестр. Об этом говорил архиепископ Никанор (Бровкович). О большой роли благовещенского попа в заседаниях Собора писал и Сергей (Соколов). Причем логика этого исследователя такова: «Не видно непосредственного участия Сильвестра ни в заседаниях Собора, ни в редакции его постановлений, но в коллегиальном деле главное — почин» (а почин, конечно, исходил от Сильвестра). И сам митрополит Макарий действовал по указаниям иерея²¹⁷. Об участии Сильвестра в работе «Стоглава» писал и Дм. Стефанович. Этот же исследователь говорит о роли в работе Собора митрополичьих и святительских дьяков²¹⁸. Г. Н. Моисеева также говорит об участии в работе Собора Артемия и Сильвестра²¹⁹. Присутствие на Собо-

ре благовещенского попа и Иосифовского старца Герасима Ленкова вполне вероятно²²⁰.

Далее в первой главе идет простое перечисление некоторых вопросов, которыми занимался Собор: о трегубой аллилуи, о монастырских чинах, о пьянстве, о святительском суде, о вдовствующих полах и дьяконах. Здесь же обозначены и основные источники постановлений Стоглава: правила святых Апостол и святых Отец, священные Правила, Устав. Из русских источников упомянуты «ученье и наказашье» митрополитов Петра и Фотия. Кроме них упомянут Иосиф Волоцкий. Причем он объявлен «преподобным», хотя его канонизация была проведена лишь в 1578 г.²²¹ О том, что объявление Иосифа «преподобным» было новостью, говорит послание бывшего митрополита Иоасафа, который называет его просто «игуменом»²²². В тексте первой главы особо подчеркнуто, что «писания» Иосифа «от священных правил опостольских и отеческих». Можно предположить, что внесение в первую главу Уложения имени Иосифа — это один из шагов на пути канонизации Волоцкого игумена, и предпринят он был с целью поднятия авторитета Волоколамского монастыря и внутри Церкви, и среди мирян. Видимо, этот акт стал возможен лишь благодаря преобладанию «иосифлянских» иерархов на Соборе. Возможно даже, что одной из причин отсутствия подлинного экземпляра «Стоглава» являлось то, что большая часть игуменов отказалась утвердить документ, так сильно возвеличивающий Иосифов монастырь. Может быть, поэтому, в конце концов, Уложение и было доведено до духовенства путем рассылки наказных списков.

Вторая глава Уложения представляет собой историю созыва Собора, причем историю искаженную. В ней весь почин приписывается самому Ивану, что, как мы предполагаем, не соответствует действительности. Итак, по заявлению «Стоглава», царь «зело воспалился утробою» не только о земском устройении, но и о церковном исправлении. Государь передал свое желание митрополиту Макарию и созвал церковный Собор. Услышав о намерении Ивана IV, все иерархи «радостью неизглаголанною объяти бывше» и пожелали насладиться беседой с таким благочестивым царем. Вскоре все они собрались в столице.

Интересно, что в начале шестой главы история созыва Собора излагается несколько по-другому, и стиль изложения в ней более будничным и деловой, чем в главе второй. Судя по 6-й главе, госу-

дарь узнал, что по многим церквам «звонят и поют не во время, кроме божественного устава, и многие церковные чины не сполна совершаются по священным правилам и не по уставу»²²³. Эта фраза практически совпадает с отрывком из первого «царского» вопроса из пятой главы: «И ныне бо видим и слышим кроме божественного устава многие церковные чины не сполна совершаются не по священным правилам и не по уставу»²²⁴. Видимо, можно предполагать, что составитель шестой главы имел перед собой текст «царского» вопроса и взял из него то, что было в нем самого важного. Кроме того, эта глава и начинала сам раздел ответов, и совершенно естественно, что редактор привлек текст именно первого вопроса, а не какого-либо другого. Поэтому нельзя согласиться с Т. Е. Новицкой, которая считает, что такой подход был выгоден «иосифлянскому» большинству Собора²²⁵. Акцентирование внимания именно в этой главе именно к этой фразе вполне оправдано.

Далее в шестой главе говорится, что государь не пропустил эти тревожные новости, а повелел составить список замеченных недостатков. Затем он передал этот список уже на Соборе митрополиту Макарию. То есть высшее церковное руководство, судя по тексту, оказывается отстраненным от составления вопросов (выше мы уже пытались показать, что это едва ли соответствует действительности). Затем в этой главе речь идет о том, что митрополит и весь Собор уложили такие-то ответы и следует их начало.

Как видим, вторая и шестая главы совпадают между собой только в одном — приписывании главной роли в созыве Собора царю Ивану. Но и эта «главная роль» передается различно: во второй главе государь действует по собственной инициативе, а в шестой — ему кто-то говорит о беспорядках — «некогда вниде в слухи». Представляется, что глава шестая была составлена ранее второй — во-первых, она более связно объясняет историю созыва Собора; во-вторых, она объясняет происхождение вопросов.

Вторую же главу можно разделить на три части: вступление, история созыва Стоглавого собора, описание начала работы Собора и первой царской речи. Из третьей части мы узнаем, что Собор начался в присутствии царя и с его речи. В ней государь призвал собравшихся позаботиться о православной вере, о «благостоянии» церквей, о царстве и об устройении всего православного христианства. Далее Иван заявляет о своем стремлении быть «поборником

вере» и желает способствовать ее укреплению. Заключается же эта краткая речь призывом к единодушию в решении проблем.

Третья глава представляет собой письменную речь царя, которую он передал участникам Собора. Причем неизвестно, произошло это в день открытия (о котором шла речь во второй главе) или на следующий день²²⁶. В тексте указано: «И на том же Соборе власт царь своя руки писание . . . »²²⁷. Начало царского писания представляет собой перечисление наиболее почитаемых в России святых, на молитвы которых уповает Иван в деле утверждения православной веры. Имя Иосифа Волоцкого отсутствует среди святых, перечисленных государем. Вероятно, это было вызвано тем, что Иосиф не был канонизирован. В то же время в список Грозного попало имя Пафнутия Боровского, учителя Иосифа Санина. Пафнутий был канонизирован лишь незадолго до Собора — в 1547 г.²²⁸ Из новых чудотворцев, кроме Боровского игумена, назван лишь митрополит Иона вместе со своими святыми предшественниками — Петром и Алексеем. Включение Пафнутия в писание царя — очевидный шаг Ивана (или писавших его речь лиц) навстречу большинству иерархов. Этот факт не подтверждает предположений о том, что Иван находился под влиянием «нестяжателей», которые, как известно, скептически относились к святости Боровского игумена.

Далее в своем писании царь еще раз говорит о цели Собора — исправлении истинной и непорочной веры «во исправление церковному благочинию и царскому благозаконию и всякому земскому строению»²²⁹. После этого государь обращается к митрополиту, всему Освященному собору, боярам и князьям, воинам и всем православным с призывом покаяться в своих грехах. Это обращение Ивана IV к мирянам вызвало предположение об участии в работе Собора Боярской думы и других светских лиц. В таком случае сам Собор мог рассматриваться не как церковный, а как церковно-земский. Об участии в работе Собора мирян и о церковно-земском характере его писал И. Н. Ждапов²³⁰. Участие Боярской думы в работе Собора признает и В. Н. Латкин, но он, несмотря на это, не признает Стоглавый собор церковно-земским. Автор вступает в полемику со Ждановым, указывая на то, что, во-первых, на Земском соборе должны были присутствовать все сословия; во-вторых, земские задачи решали почти все церковные соборы, и тогда придется их все признать Земскими²³¹. Нам доводы В. Н. Латкина, особенно второй, кажутся убедительными. Кроме того, как справедливо

отметила Т. Е. Новицкая, обращение ко всем слоям населения могло быть и публицистическим приемом²³². В любом случае, присутствовала Боярская дума на заседаниях Собора или нет, ее влияние на решения духовенства не представляется решающим. Как писал Макарий (Булгаков), «бояре, находившиеся на Соборах, не вмешивались даже в рассуждения»²³³.

Итак, как мы полагаем, нет убедительных причин считать Собор 1551 г. церковно-земским.

Далее в царском послании фигурируют эпизоды из истории Ветхого и Нового Заветов и из светской истории. Это нужно государю, чтобы доказать свою мысль о необходимости покаяния и борьбы с грехами.

Некоторые из них перечисляются: идолопоклонение, прелюбодение, содомский блуд. Иван призывает заглянуть в себя и убедиться, что все эти злодеяния существуют и в настоящее время. Если же кто усомнится в том, что в данный момент существует идолопоклонение, то разве, спрашивает царь, сребролюбие не второе ли идолослужение? При желании эту фразу Ивана можно представить как скрытый призыв участникам Собора поступиться своими материальными интересами в пользу государства, но нельзя забывать, что обличению сребролюбия посвящены многие эпизоды Евангелия²³⁴, правила Вселенских и Поместных соборов, св. Георгия Нисского²³⁵.

Затем государь углубляется в события недавней русской истории. Иван пишет о смерти отца — великого князя Василия, о смерти его братьев, своих дядей Юрия и Андрея (интересно, что в их гибели царь обвиняет бояр). Иван IV перечисляет собственные грехи и пишет о том, что на покаяние его подвигли великие пожары 1547 г., которые послал Господь для исправления людей. После пожаров царь признал свои согрешения и припал к Церкви, прося прощения за свои грехи.

Завершает писание Ивана призыв к духовенству просвещать его, всех бояр и православное христианство с целью непорочно сохранять веру. Но это — общая задача святителей на все времена. «Ныне» же государь «молит» Собор: «Потружайтесь о истеней и непорочней православной христианской вере». Государь неоднократно говорит о цели собрания: потрудиться ради веры Христовой, что надо исправить и объяснить по правилам святых Отцов. Сам Иван готов вместе с иерархами исправлять и утверждать церков-

ный порядок. Тут же государь пишет и о том, что если постановления Собора не будут соответствовать Божественным Правилам, то он к этому не причастен. Иерархи дадут за это ответ в день Страшного Суда. Возможно, эта фраза говорит о стремлении Ивана предоставить святителям окончательное решение всех вопросов. По мнению церковного историка Макария (Булгакова), на Церковных соборах царь, не стесняясь, высказывал свои мысли отцам, пока происходило обсуждение, а затем принимать решения представлял им самим²³⁶.

Последнее предложение царского написания призывает духовенство указывать Ивану в случае нарушения им священных правил.

Заслушав все вышеизложенное, члены Собора, видимо, обменялись мнениями «о благочестии слово изпесоша». Пишется даже, что участники Собора прослезились от радости, видя «царскую душу, совокупившуюся с церковным устройением». Завершается третья глава тем, что царь дал на Соборе другие послания: два из них называются — это писание о новых чудотворцах и «о многих и различных церковных чинех и вопросах».

Четвертая глава представляет собой две речи Ивана к участникам Собора. Одна из них была письменной — это видно из конца третьей главы. Государь представил писание о новых чудотворцах. В нем он излагает историю канонизационных процессов 1547 и 1549 гг., причем инициативу приписывает себе. Интересно также, что Иван смешивает оба канонизационных Собора в один — 1549 г. Царь пишет: в семнадцать лет (то есть в 1547 г.) по святительскому благословию его осияла благодать Святого Духа. И узнал он о том, что «великие светильники новые чудотворцы» прославлены от Бога многими чудесами и почитаются местным населением. Государь сразу же приказал иерархам выяснить в своих епархиях, где какие чудотворцы прославились знаменами и чудесами. К 1549 г. эта работа была закончена — собраны каноны, жития и чудеса новых святых, и совершился акт канонизации.

Приписывание инициативы прославления новых чудотворцев Ивану IV находилось в русле всего введения к «Стоглаву». Чем же это было вызвано? Видимо, стремлением всего правительства поднять довольно низкий авторитет верховной власти и необходимостью приписывания церковных улучшений царю. О том, что авто-

ритет Ивана Васильевича к началу 50-х годов был не очень высок, свидетельствует и Московское восстание, и его собственные признания во всевозможных грехах. Да и неудачные походы на Казань едва ли поднимали престиж царской власти. Поэтому можно разрешить недоумение Т. Е. Новицкой, которая пишет о том, что «ради такой никому не нужной дезинформации вряд ли стоило писать речь»²³⁷. По большому счету, эта речь Ивана была обращена не к участникам Собора, которые действительно знали, как на самом деле происходила канонизация, а ко всему населению государства, ко всем православным христианам.

Но эта речь о новых чудотворцах имела и более практическое значение в составе «Стоглава». Царь говорит: «И тех великих новых чудотворцев молитвами начахом правити царство свое елико довлеют нам по благодати Божии». И сразу же вслед за этим идет сообщение о начале этого Собора, Стоглавого. Говорится о торжественной службе перед началом заседаний в Успенском соборе, затем о собрании в царских палатах. Таким образом Иван (или тот, кто писал за него речи) дает понять, что именно молитвами новых чудотворцев собран этот Собор и от их молитв ожидают помощи в решении поставленных перед Собором задач (а как мы уже знаем, среди новых святых в предшествующей царской речи выделен Пафнутий Боровский).

Завершает четвертую главу так называемая четвертая речь царя. Это выступление было, как предполагают исследователи, устным²³⁸. Вся эта речь посвящена исключительно земским вопросам: исправлению Судбника, утверждению Уставных грамот.

Т. Е. Новицкая высказывает предположение, что эта речь была продолжением предыдущей²³⁹. Едва ли это так на самом деле — третья речь заканчивается вполне логично описанием начала работы Собора. Видимо, более соответствует истине предположение о том, что эта речь была вставлена в «Стоглав» по ошибке и в действительности не была произнесена на этом собрании, а относилась к какому-то более раннему Собору. Из окончания третьей главы мы знаем, что государь дал два писания, причем оба они названы — о новых чудотворцах и вопросы о различных церковных чинах. Окончание третьей речи царя предполагает начало заслушивания вопросов, а не еще одну речь, причем о «земском строении». Кроме того, указание на то, что «царь глаголет к Собору», взято из очень поздних списков — XVIII и середины XIX вв. (судя по изда-

нию). В самом тексте Соборного уложения нет никаких указаний на решение чисто земских вопросов, и четвертая речь является единственным свидетельством того, что земские вопросы на «Стоглаве» действительно рассматривались. Какие делаются из нее выводы, будет сказано ниже, но, по нашему мнению, эта речь представляет собой или ошибочную вставку в текст «Стоглава», или намеренную фальсификацию (перенос более раннего документа в современное дело) с целью поднятия значения Освященного собора в государственных делах. В Московском царстве важен был прецедент, а эта речь царя с призывом к Собору решать земские дела очень подходит для этой цели. Причем вставлена она была именно в памятник, который должен был иметь очень широкое распространение²⁴⁰.

Пятая глава представляет собой первые «царские» вопросы (мы их рассмотрели выше).

С шестой главы начинаются ответы на вопросы. Они продолжаются до сорок первой главы, в которой находятся вторые вопросы в количестве тридцати двух. Эти вопросы имеют сразу же и ответы. Затем продолжают ответы на первые и частично вторые «царские» вопросы (главы 42–97). Глава 98 — решение о церковных слободах и 99–100 главы говорят об участии в делах Собора Иоасафа и других лиц. Наконец, 101-я глава — приговор о вотчинах от 11 мая.

Таким образом, решения Собора находятся в 6–98 главах «Стоглава», причем в 41-й главе они следуют непосредственно за вопросами.

Неоднократно предпринимались попытки объяснить такую структуру «Стоглава». И. Н. Жданов предполагал, что главы 6–40 представляют собой наказ белому духовенству, главы 43–98 обращены к церковным властям и к царю, главы же 99–100 — дополнительные²⁴¹. Н. Лебедев считает, что нынешний вид «Стоглава» сам собою «доказывает свою подлинность и выражает собой внутренний процесс соборных работ»²⁴². К мнению И. Н. Жданова присоединился В. Н. Латкин²⁴³, Н. Лебедева поддержал Е. Е. Голубинский²⁴⁴.

Совместить оба мнения попыталась Т. Е. Новицкая. Она предполагает, что ход работы Собора был прерван появлением на нем Ивана. Духовенство в течение некоторого времени решало вопросы совместно с государем, и с этим было связано появление вторых

«царских» вопросов. Затем работа вернулась в обычное русло, и Собор продолжил рассмотрение первых вопросов²⁴⁵.

В том, что оба мнения справедливы, едва ли стоит сомневаться: видимо, Собор намеренно рассмотрел сначала именно «наказ» приходскому духовенству, а уж затем принялся за обсуждение вопросов, связанных с монастырями и святителями. Но чем вызвано появление вторых вопросов именно в этом месте, в сорок первой главе? Может быть, Собор намеренно разделил две части своих постановлений, чтобы в них было легче ориентироваться духовенству? Ведь книга «Стоглав» довольно объемная, а известно, что не все древнерусские пастыри отличались грамотностью.

Само же появление вторых вопросов не должно вызывать удивления — среди участников Собора могли возникнуть недоумения и даже некоторые разногласия по отдельным вопросам. Наконец, сами церковники могли знать о возможных недоумениях своих прихожан по некоторым вопросам. Поэтому не обязательно связывать их появление с каким-нибудь чрезвычайным событием вроде появления на Соборе государя. Но то, что Иван был ознакомлен со вторыми вопросами, — несомненно. Едва ли бы их назвали «царскими», если бы царь не видел их. Кроме того, приписывание и этих вопросов ему отвечало всему направлению «Стоглава» — подчеркнуть заботу государя о церковных делах.

Каковы же мнения исследователей о происхождении вторых «царских» вопросов? По мнению Н. Лебедева, царь, получив для просмотра первую часть Уложения, увидел, что наиболее интересовавшие его вопросы не обсуждены (а занимали его, по представлениям исследователя, именно экономические вопросы). С целью не дать духовенству уклониться от ответа на интересующие его темы Иван и предложил вторые вопросы с тем, чтобы ответы были даны сразу же. Но, как ни странно, сам Н. Лебедев признает, что огромное большинство вопросов было составлено духовенством, а не царем. Государю он приписывает всего три вопроса из тридцати двух. Автор противоречит сам себе, указывая, что вопросы составляли епископы, а затем сразу же и обсуждали их²⁴⁶. Мнение Лебедева было подвергнуто справедливой критике Дм. Стефановичем, указавшим на то, что если бы царь был недоволен затягиванием ответа на интересующие его вопросы, то он, предложив новые, еще более отодвигал ответ на занимавшие его проблемы.

В. Н. Латкин писал, что вторые вопросы составлены во время

работы Собора его членами. На обсуждение они предлагались епископами, и сразу же за произнесением вопроса начинались прения. Этим и вызвано помещение ответов в сорок первой главе сразу же за вопросами, в то время как составленные до Собора первые вопросы были предложены сразу все и поэтому отвечали на них после²⁴⁷.

В. А. Бочкарев считает появление вторых вопросов не случайным. По его мнению, господствующая на Соборе партия «иосифлян» (в смысле борцов за неприкосновенность церковного землевладения) находилась в пассивной оппозиции «нестяжательскому» правительству и решила замолчать некоторые вопросы царя. С целью оттягивания времени они стали предлагать свои вопросы и сами же отвечать на них²⁴⁸.

Дм. Стефанович отмечал: вторые вопросы направлены были на мелочи и посвящены частным вопросам церковной практики. Здесь же Стефанович указывает на то, что из того, что одна часть из первых вопросов была рассмотрена раньше, не следует, что сделано это было намеренно, с целью уклониться от их обсуждения²⁴⁹.

Т. Е. Новицкая предполагает, что помещение вторых вопросов именно в сорок первую главу оправдано единством их содержания с главами 6–40. Далее исследовательница еще раз заявляет о том, что их появление связано с прибытием на Собор государя, при участии которого и продолжались заседания в течение нескольких дней. В этот период духовенство стремилось принять участие в составлении вопросов, тематически связанных с первыми «царскими» вопросами. Т. Е. Новицкая даже предполагает большую роль в этом благовецкого попа Сильвестра, опиравшегося на авторитет царя²⁵⁰.

Как нам представляется, не следует усложнять задачу рассуждениями о прибытии на заседания Собора царя Ивана или домыслами о намеренном затягивании обсуждения самых животрепещущих проблем. Ведь неизвестно, присутствовал царь на заседаниях Собора или нет после его торжественного открытия. Вполне вероятно, что он находился на Соборе все время или, наоборот, не появлялся на нем до какого-либо момента.

Видеть во вторых вопросах попытку замолчать первые вопросы также не представляется возможным: иерархи должны были понимать, что отвечать на поставленные вопросы все равно придется.

По нашему мнению, само появление вторых вопросов не имеет ничего необычного и из ряда вон выходящего. Духовенство про-

сто воспользовалось приглашением царя прозвучавшим в третьей главе и вынесло на общее обсуждение Собора свои недоумения и замечания. Помещение этих вопросов именно в сорок первой главе вызвано стремлением облегчить ориентацию малограмотного приходского духовенства в объемной книге. То, что ответы в этой главе следуют сразу же за вопросами, вызвано отнюдь не требованиями Ивана дать ответ немедленно (как думал Н. Лебедев), а стремлением упростить структуру Уложения. Если давать ответы на вторые вопросы в том же порядке, что и на первые, то «Стоглав» имел бы еще более запутанный вид (пришлось бы указывать, на какие вопросы отвечает данная глава — на первые или вторые), количество глав выросло бы еще больше. Таким образом, редактор Уложения нашел наиболее приемлемый выход из создавшегося положения.

Что же касается мнения Н. Лебедева и В. А. Бочкарева о намеренном затягивании и замалчивании вопросов, интересующих царя, то оно также не представляется справедливым. Какова функция духовенства в обществе? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно обратиться к писанию Ивана IV, зачитанному на Соборе (оно помещено в третьей главе). Итак, духовенство должно, пишет государь, «мене сына своего просвещать на всякое благочестие ... и всех князей, и бояр, и все православное хрестьянство ... утверждайте и вразумляйте и просвещайте и наказуйте ... Также и весь священный собор и иноческий чин ...». То есть главная задача Церкви — просвещение мирян и низшего духовенства. А кто был более близок к мирянам, как не приходское белое духовенство? Именно поэтому отцы Собора обратились в первую очередь именно к белому духовенству и к мирянам. Собравшиеся первой решали как раз наиболее важную, с их точки зрения (и с точки зрения царского послания), задачу.

Учитывая, что вторые «царские» вопросы были составлены в ходе самого Собора, мы рассмотрим их сейчас. Так как за ними сразу же идут ответы, то есть решения Собора, нам придется обратиться к ним сейчас, в то время как другие решения Собора будут рассмотрены нами ниже.

Вопрос 1 посвящен одному частному случаю иконописания — изображению Троицы. Под «перекрестьем» надо, видимо, понимать букву «Х» — обозначение Иисуса Христа. В вопросе сравнивается, что было раньше и, что существует сейчас. Если раньше такие иконы подписывали просто — «Святая Троица», то теперь

буквой «Х» на иконе обозначают Христа. Некоторые же подписывают «Исус Христос да святая Троица», что вообще противоречит христианским канонам. Соборный ответ предписывает иконописцам следовать работам старых мастеров (назван Андрей Рублев), а подписывать такие иконы просто — «Святая Троица».

Н. Лебедев считает автором вопроса кого-либо из иерархов. Таково же мнение В. Н. Латкина. Согласен с ними В. А. Бочкарев, но он замечает, что об иконах спрашивал не Макарий, а кто-то другой из иерархов, так как Макарий сам был одним из руководителей восстановления икон после пожаров 1547 г., а в вопросе заметно недоумение от новых икон. Дм. Стефанович также пришел к выводу, что вопрос составлен приезжим иерархом²⁵¹. Т. Е. Новицкая считает возможным отнести этот вопрос Макарию или Сильвестру²⁵².

Хотим здесь сделать следующее замечание: учитывая, что все историки отмечают большое количество заданных приезжими иерархами вопросов, перечислим их сейчас, чтобы затем останавливаться лишь на сути вопросов и спорных моментах. Так, Н. Лебедев считал составленными приезжими иерархами все вопросы, кроме 4, 31 и 32-го. Таково же мнение В. Н. Латкина²⁵³. В. А. Бочкарев приписывал приезжим иерархам все вопросы, кроме 4, 14, 15 и 32-го²⁵⁴. Дм. Стефанович относил к епархиальному духовенству, высшему и низшему, вопросы 1–10. Их появление было вызвано, по мнению исследователя, разностью в обычаях Москвы и других земель и необходимостью борьбы с языческими предрассудками²⁵⁵.

Что же касается первого вопроса, то вероятно, он был составлен кем-либо из приехавших на Собор представителей духовенства.

Вопрос 2 посвящен обличению суеверия — когда после рождения детей миряне приносят в церковь сорочки и требуют их «класти на престол». Собор категорически запрещает это делать, угрожая священникам «запрещением».

Т. Е. Новицкая предполагает, что вопрос был составлен Кассианом Рязанским, так как она находит связь между вопросом и одним из «неисправлений», приписываемых этому епископу²⁵⁶. Исследовательница не учитывает того, что авторство Кассиана не доказано, и едва ли можно в таком случае приписывать этот вопрос конкретному лицу.

Вопрос 3. Союз «да», начинающий этот вопрос, говорит о связи его со вторым вопросом. Видимо, их задал один и тот же человек. В

вопросе говорится о том, что миряне приносят на освящение церкви мыло и велят священникам держать его на престоле. Соборный ответ запрещает переем принимать от мирян мыло, в противном случае виновным угрожает отлучение.

Вопрос 4. о необходимости ввести во всех епархиях одинаковые пошлины, которые должны предоставлять владыкам священники и дьяконы. Ответ вводит эти всероссийские пошлины. Кроме того, в ответе затрагивается и проблема, которую этот вопрос не поднимает, — о запрещении митрополиту, епископам и игуменам держать при себе детей и племянников. О том, что игумены держат в монастырях своих родственников, говорилось в восьмом из первых вопросов. Собор дал на него ответ в главе сорок девятой. О митрополите же, епископах и архиепископах не говорилось в вопросах нигде.

Составление этого вопроса некоторые исследователи связывают с царем Иваном, а другие — с требованиями белого духовенства. Так, Н. Лебедев считал автором царя, опираясь на то, что о собственных финансах архиереи бы сами себя не спрашивали. С ним согласны В. Н. Латкин и В. А. Бочкарев²⁵⁷. Их оппонентами выступают Дм. Стефанович и Т. Е. Новицкая, считающие, что вопрос составлен белым духовенством, страдающим от ненормированных поборов²⁵⁸.

Видимо, доводы Дм. Стефановича и Т. Е. Новицкой соответствуют действительности — официально пошлины были отменены на основании многочисленных упоминаний в святых Правилах с осуждением симонии, но, очевидно, они продолжали взиматься. Отсутствие узаконенных норм вело к произволу архиереев, и белое духовенство могло выступить с требованиями установления нормы.

Появление же последней части ответа (о запрещении держать при себе детей и племянников) могло быть случайностью. Но, как мы предполагаем (вслед за Т. Е. Новицкой), это не так. Однако Т. Е. Новицкая считает, что здесь содержится указание на то, что незаконное обогащение высших иерархов приводит к незаконным тратам²⁵⁹. Мы же считаем, что искать ответ на эту загадку надо в учете состава самого Собора. Большинство иерархов представляло собой одну монастырскую корпорацию — Иосифов монастырь. Другие участники Собора (игумены, монахи и белое духовенство) могли быть не согласны с таким положением дел и потребовали включить в Уложение запрещение иерархам держать при себе сво-

их родственников. Помещено же это требование именно в четвертом вопросе потому, что сам этот вопрос обращен непосредственно к высшим церковным властям.

Вопрос 5 посвящен порядку службы новым чудотворцам — Ефросину Псковскому и Авраамии Смоленскому. В ответе предписано праздновать им, как и прочим святым.

Оба эти лица были канонизированы на Соборе 1549 г.²⁶⁰ Само появление подобного вопроса вызывает удивление — ведь по заявлению царя (глава четвертая — речь о новых чудотворцах) каноны новых святых и их Жития были утверждены на том же Соборе и всем новым святым «поют и до сего дни».

Все исследователи считают авторами вопроса приезжих иерархов. Называются обычно Феодосий Новгородский и Гурий Смоленский²⁶¹. Свою версию происхождения вопроса предлагает Б. А. Рыбаков. Он считает Авраамия противником «игуменов и нереев». Исследователь указывает на то, что, по Житию, он был осужден епископом, тогда как князь оправдывал его. Далее ученый указывает, что канонизация в 1549 г. происходила при непосредственном участии Ивана IV, и «вполне возможно, что канонизация продолжала линию поведения Ивана III, открыто поддержавшего в 1503 г. нестяжателей, выступавших против монастырского землевладения». Ефросин же был до 1447 г. монахом монастыря, в котором были сильны стригольнические настроения (уклонения от причастия и т. д.). Б. А. Рыбаков связывает с пятым вопросом четвертый (о пошлинах) и четырнадцатый с пятнадцатым (о беспорядках в Новгородской епархии). Далее исследователь делает предположение, что на Соборе 1549 г. деятельность Авраамия и Ефросина не была «вполне одобрена иосифлянским духовенством, что вызвало затруднения в оформлении новых святых». Царь Иван же решил поддержать Авраамия и Ефросина, ускорив составление каждому «службы всей сполна»²⁶².

Версия Б. А. Рыбакова очень интересна, но едва ли соответствует действительности: во-первых, вряд ли возможно доказать, что канонизация 1549 г. проходила под влиянием и при участии Ивана; во-вторых, если бы у руководства Церкви возникли какие-либо сомнения по отношению к Авраамии и Ефросину, то они не были бы канонизированы в 1549 г. То, что, по крайней мере, Ефросина глубоко чтит большинство участников Собора, подтверждает и ссылка на его Житие в сорок второй главе (о аллилуе). На раз-

мышления наводит и предлог «да» с которого начинается вопрос. Возможно, о новых чудотворцах были заданы и другие вопросы, не вошедшие в «Стоглав».

Таким образом, на сегодняшний день сказать об этом вопросе ничего нельзя, кроме того, что задан он был, видимо, по настоянию иерархов.

Вопрос 6 посвящен обряду водоосвящения. Устанавливаются правила и порядок действий священника. Все авторы сходятся в том, что вопрос составлен кем-либо из присутствующего духовенства.

Вопрос 7 — об иконописании: на некоторых иконах изображаются цари, князья, иерархи и другие люди, которые еще живут или жили, то есть не святые. Автор вопроса предлагает рассудить: по правилам ли святых Отцов делаются такие изображения на иконах. В ответе указывается, что людей изображали на иконах древние греческие и русские живописцы. Следовательно, в этом нет ничего предосудительного. Исследователи единодушны в том, что вопрос был задан иногородним иереем.

Вопрос 8 — о форме креста на церквах. Особо упоминается недавно поставленный крест Успенского собора в Москве. Предлагается принять решение о крестах, которые уже стоят, и о тех, которые будут ставить впредь. Ответ предполагает: во-первых, все кресты, поставленные до сегодняшнего дня, оставить без изменений; во-вторых, новый крест Успенского собора объявлен образцом для всех других церквей — «и таковые святые кресты на церквах и впредь да поставляются же»; в-третьих, кузнецам отныне запрещается делать кресты по своему разумению.

Авторство вопроса приписывается приезжему лицу, так как выражено удивление от московских крестов; местное духовенство могло разрешить свои сомнения и раньше.

Вопросы 9 и 10 составлены, видимо, одним лицом — вопросы соединены союзом «да» и касаются одной темы — порядка богослужения в московских церквах. Автор заметил уклонения от Устава и обратил на это внимание присутствующих. Ответы предписывают строго следовать богослужебному Уставу.

Исследователи отмечают, что вопросы составлены приезжими, указывая на слова «здесь» и «здесь»²⁶³. Можно предположить направленность этих вопросов против митрополита. За это говорит то, что в них указывается на невинную разность обычаев, а

на нарушение Устава. Кому же могло быть выгодно поколебать позиции Макария? Ответ на этот вопрос нужно искать, как нам представляется, в противоречиях между различными монашескими корпорациями. И исходили эти вопросы, видимо, не от иерархов, а от низшего черного духовенства.

Вопрос 11 посвящен порядку службы - указывается на несоответствие Уставу одного из служебных действий. В отличие от двух предыдущих вопросов здесь не указано, где автор заметил это нарушение — в Москве или где-нибудь еще. Интересно, что составитель вопроса сам же дает и свое видение правильного совершения действия. Соборный ответ практически полностью повторяет предложение автора.

О составителе вопроса ничего сказать нельзя, можно лишь предположить, вслед за другими исследователями, что он принадлежал к провинциальному духовенству.

Вопрос 12 продолжает тему обличений непорядков в московских церквях во время службы. В отличие от предыдущих вопросов, непорядкам в столице противопоставляется порядок в Новгороде. Соборный ответ предписывает совершать службу по Уставу.

Т. Е. Новицкая считает автором вопроса новгородского иерарха, возможно, самого Феодосия²⁶⁴. Вполне вероятно, что автором был новгородец, но то, что им был сам архиепископ Феодосий, — сомнительно. Вопрос представляет собой нападку на митрополита, ответственного за порядки в московских церквях. А в литературе установлено, что Феодосий был близким другом Макария и фактически его заместителем в бытность последнего архиепископом. Кроме того, именно Макарий поставил Феодосия Новгородским архиепископом²⁶⁵. Но кому же тогда было выгодно задать такой вопрос? Мы предполагаем, что это сделало духовенство подчиненной Феодосию епархии. Известно, что на этом же Соборе архиепископу Феодосию были предъявлены серьезные обвинения, поступали на него жалобы и со стороны местного духовенства. В результате этот иерарх был вынужден оставить свой пост. Известны и послания Феодосия белому духовенству своей епархии с резкой критикой в его адрес. Все это позволяет сделать вывод о напряженных отношениях архиепископа со своими подчиненными. Задавая этот вопрос, представители белого духовенства Новгородской епархии преследовали несколько целей: во-первых, дискредитацию Макария (друга и покровителя Феодосия); во-вторых, поднятие своего престижа (в

Москве не придерживаются Устава, а мы, новгородцы, его твердо соблюдаем). Таким образом, подвергшийся на Соборе нападкам (см. также вопросы 9 и 10) митрополит лишился возможности защищать своего протеже Феодосия.

Вопрос 13. В нем говорится о том, что в женских монастырях может возникнуть ситуация, при которой монахише понадобится причаститься, а духовный отец будет в отлучке. Спрашивается, как быть в этом случае. Ответ дает более широкое освещение проблемы и относится ко всему черному духовенству. Предписывается (на основании Священных Правил) всем инокам в случае необходимости принимать причастие от мирских священников.

Вполне вероятно, что автором вопроса был представитель черного духовенства. Т. Е. Новицкая предполагает даже, что здесь мы видим отражение отношений между черным и белым духовенством и пренебрежительное отношение последнего к услугам приходских священников²⁶⁶.

Вопрос 14 посвящен непорядкам в Великом Новгороде. Указывается на то, что прихожане избирают попов и других церковнослужителей не по их достоинствам, а по тому количеству денег, какое может заплатить претендент на место. Выбрав такого, прихожане вместе с ним идут к владыке, требуя благословения. В случае же, если сам владыка назначит достойного священника в пустующую церковь и он (священник) откажется заплатить прихожанам, то они его не принимают. Ответ же говорит не только о Новгороде, а обо всей территории страны. Всем прихожанам предписывается избирать достойных священников и не требовать от них мзды. Святителю же (митрополиту или епископу) предписывается, проверив достоинства кандидата, благословить его, взяв только благословенную гривну. В ответе также попам и прихожанам запрещается вымогать деньги с низших церковных служителей. В заключение Собор еще раз говорит о необходимости избирать достойных священников.

Большинство исследователей считают автором вопроса одного из новгородских церковнослужителей. Однако В. А. Бочкарев не согласен с этим — он приписывает вопрос государю²⁶⁷. При этом он исходит из представления о том, что вопрос, говорящий о недостатках в Новгороде, автоматически направлен против Новгородского владыки. Таково же, видимо, и мнение Т. Е. Новицкой, хотя она и не высказывает его прямо²⁶⁸.

Мы же предполагаем, что вопрос не направлен непосредственно против архиепископа Феодосия. Наоборот, можно видеть, что архиепископ как раз и посылает по церквам достойных священников, а они не принимаются без взятки прихожанам. Сам вопрос обличает не владыку, а мирян и задан он, вероятно, белым духовенством Новгорода не с целью очернить Феодосия. Ответ же признает существование таких недостатков по всей стране. Упоминание того, что святитель ничего не должен брать со священника кроме благословенной гривны, просто дополняет ответ на четвертый вопрос (о пошлинах) и вообще не относится к Новгородской епархии.

Вопрос 15 продолжает тему предыдущего. Об их связи говорит и союз «также». Обличается опять взяточничество мирян, но теперь не прихожан, а дворецких, дьяков и Псковского архиепископского наместника. Перечисленные лица сами ставят попов к ружным церквам, вымогая деньги. Ответ, как и в предыдущем вопросе, не упоминает о Новгороде, а относится, видимо, ко всему государству. Чиновникам предписывается избирать к ружным церквам грамотных и искусных клириков, а мзды не брать.

Авторство этого вопроса вызывает в литературе споры. Так, Н. Лебедев, В. Н. Латкин и Дм. Стефанович считали автором вопроса представителя приезжего духовенства, а В. А. Бочкарев пришел к выводу, что вопрос предложил царь. Согласно с Бочкаревым и Т. Е. Новицкая, пишущая о том, что кто бы ни был автором, вопрос направлен против Феодосия и исходил от «нестыжательского меньшинства Собора, ободренного присутствием царя»²⁶⁹. Каковы же доводы сторон? Сторонники первой точки зрения указывают: в Новгородскую епархию чиновники назначались царем, и, следовательно, вопрос содержит критику царских людей. В. А. Бочкарев и Т. Е. Новицкая доказывают, что такой порядок был узаконен только после Собора и утвержден в шестьдесят девятой главе «Стоглава». Известно, что в 1526 г., при поставлении Макария архиепископом в Новгород, Василий III дал ему своих бояр и других чиновников²⁷⁰. С 1526 г. прошло двадцать пять лет — часть из них могла умереть или выйти со службы по другим причинам, но едва ли Новгородский архиепископ не известил бы великого князя о выбытии данного им чиновника. Вероятно, он просил бы государя прислать на место выбывшего другого или хотя бы указать достойных. Вполне возможно также, что шестьдесят девятая глава «Стоглава» лишь законодательно закрепила уже существовавший порядок. В любом

случае, вероятность того, что в Новгороде поставление архиерейско-скопских чиновников зависело от государя, очень велика.

Таким образом, оказывается, что вопрос направлен не против Феодосия и его ставленников, а против назначенных верховной властью чиновников. Автор вопроса, видимо, принадлежал к белому духовенству Новгородской епархии. Возможно, что четырнадцатый и пятнадцатый вопросы составляло одно лицо.

Вопрос 16 посвящен борьбе с недостатками мирян. Говорится о том, что на свадьбах играют скоморохи, а на пути в церковь впереди священника идут те же скоморохи. Ответ запрещает скоморохам ходить перед венчанием к святым церквям, а священникам надлежит бороться с этим вредным обычаем.

Надо сказать, что в принятии этого решения Собор исходил из священных Правил. Автор вопроса — кто-то из духовенства.

Вопрос 17. В нем говорится о том, что во время судебных разбирательств некоторые ложно целуют крест и выходят на судебный поединок, надеясь на победу с помощью колдунов и гадалелей. Ответ предписывает государю учинить заповедь с целью борьбы с этим злом. Духовенство грозит опалой от царя и отлучением всем неисправившимся.

Все исследователи сходятся в том, что вопрос составлен кем-либо из духовенства. Интересно отметить, что к решению этой проблемы привлекается Иван IV. Видимо, отцы Стоглавого собора следуют в этом за отцами святого Карфагенского собора, которые привлекали царскую власть к борьбе с языческими пережитками²⁷¹. Поднятые в вопросе проблемы отцы Собора воспринимали как языческие проявления. Об этом говорит то, что привлечение колдунов и гадалелей было названо «еллинским и бесовским чарованием». Можно обратить также внимание и на то, что из текста соборного ответа непонятно, присутствовал ли на этом заседании сам царь — об Иване в одном случае говорится как об отсутствующем («благочестивому царю . . . своя царская заповедь учинити»), в другом — как о присутствующем («попрана бы была до конца в твое . . . царство»).

Вопрос 18. В нем говорится о том, что в Пскове существует запрещенный Правилами обычай мыться в банях вместе мужчинам и женщинам. Причем нарушали св. Правила не только миряне, но и монашествующие. В вопросе предлагается и ответ («запретити»). Соборный ответ категорически осуждает эти недостатки.

Вопрос составлен представителями новгородского белого духовенства, возможно, с целью дискредитации Феодосия.

Вопрос 19 о том, что в некоторых отдаленных районах страны собираются ватаги скomoroxов и занимаются грабежами по дорогам и в деревнях. Соборным ответом царю предлагается «учинити заповедь» с целью борьбы с этим злом.

Т. Е. Новицкая считает, что вопрос был связан не столько с разбоями и вымогательствами скomoroxов, сколько с борьбой с их влиянием (а они были проводниками языческих идей). Кроме того, исследовательница думает, что вопрос был задан в расчете на присутствие царя²⁷².

Нам доводы Т. Е. Новицкой не представляются обоснованными. В вопросе говорится именно о скomoroxах как грабителях и насильниках, а не как о представителях языческой культуры. Царю же предписывается учинить заповедь не о борьбе со скomoroxами вообще, а о борьбе с их «насильством и бесчинием». Мысль о том, что этот вопрос задан в расчете на присутствие царя, также ничем не может быть доказана — обращение к царской власти за помощью необязательно должно было быть сделано при нем. Вопрос составлен кем-то из провинциального духовенства.

Вопрос 20 посвящен обличению «детей боярских, людей боярских, и всяких бражников» в игре зернью и в пьянстве. Говорится о том, что проигравшиеся и пропившиеся люди ни службы не служат, ни другими делами не занимаются, а только воруют и грабят. Предлагается искоренить это зло. Соборный ответ предлагает царю учинить свою заповедь, запретить игру зернью и пьянство.

Все авторы сходятся в том, что вопрос составлен приезжими иерархами. Причину же его появления Т. Е. Новицкая видит в стремлении духовенства доказать расточительность служилых людей и этим направить внимание царя от церковных земель и доходов к «рациональному использованию земель царских». Свои выводы исследовательница обосновывает словами: «Чтобы дети боярские и люди боярские ... были бы довольны своими оброки»²⁷³.

Позволим себе не согласиться с Т. Е. Новицкой. В вопросе действительно упоминаются дети боярские, то есть царские служилые люди, но кроме них там говорится и о людях боярских (холопах) и простых пьяницах. Таким образом, две из трех перечисленных категорий лиц никак не связаны с государевой службой. Проигравшиеся и пропившиеся не служат и не «промышляют», то есть

не делают ничего полезного, а только губят души. Автор вопроса предлагает искоренить «то зло», игру и пьянство. Собор и идет по этому пути — именно закон о запрещении игр и пьянства он предлагает принять Ивану. Видимо, Собор относит азартные игры и беспросветное пьянство к языческим проявлениям. Об этом говорит помещение вопроса среди вопросов о языческих пережитках и то, что в тексте ответа всем предлагается жить «по-крестьянски». Если бы действительно вопрос был направлен против претензий на церковные доходы и земли, то духовенство едва ли бы передало его решение Ивану IV. Слова же об оброках следует, видимо, понимать в смысле того, что все люди должны быть довольны тем, что у них есть, а не стараться приумножить свое богатство игрой (играют же, чтобы выиграть), воровством и грабежами. А увеличивать свое богатство можно, как и указано в вопросе, службой и «промышлением».

Вопрос 21. Говорится о том, что по селам ходят «лживые пророки», заявляют, что им являются святые и приказывают им, то есть «лживым пророкам», проповедовать. В вопросе говорится об одной из таких проповедей — запрещении работать в среду и пятницу. Соборный ответ предлагает царю учинить свою заповедь с целью борьбы с этими «пророками». Духовенство же со своей стороны объяснило, что по св. Правилам надо пять дней работать, а в субботу и в воскресенье молиться и праздновать. Кроме того, в ответе отмечается, что в среду и пятницу необходимо только строго соблюдать посты, а работать надо и в эти дни. Этот ответ грозит также отлучением духовенству и мирянам в случае несоблюдения Великого Поста и еженедельных постов.

Вопрос 22 перечисляет отреченные гадательные книги и говорит о том, что многие люди посредством этих книг отлучаются от Бога. Вопрос считает чтение и гадание по этим книгам ересью. В ответе государю предписывается учинить заповедь с целью борьбы с этим злом. И само духовенство должно убеждать прихожан в необходимости отказа от отреченных еретических книг. Собор призывает виновных покаяться, а непослушным грозит отлучением.

Считая гадание ересью, отцы Собора совершенно уверенно обратились к светской власти для помощи в борьбе с ней. Поэтому нельзя согласиться с Т. Е. Новицкой, которая считает, что Церковь призвала на помощь государство, чувствуя свою слабость в борьбе с суевериями²⁷⁴. Исследовательница забывает: борьба с ересью

была одной из главных задач Православного царства. Авторство вопроса все авторы приписывают провинциальному духовенству.

Вопрос 23. Здесь говорится о том, что в Троицкую субботу (день, когда нужно поминать усопших родственников) в селах миряне плачут с великими «кричанием». Затем появляются скоморохи и начинают играть на своих инструментах. Забывшие про свои слезы миряне устраивают пляски и пение. Соборный ответ предлагает священникам объяснить прихожанам, как нужно поминать умерших. Скоморохам же духовенство должно строго запретить «смущать» православных в те времена, «когда родителей поминают». Исследователи сходятся в приписывании вопроса провинциальному духовенству.

Вопрос 24 посвящен языческим празднествам, которые совершались в России. Перечисляются дни, в которые миряне сходятся «на ночное плещевание и на безчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание, и на скакание, и на богомерзкие дела». Собор, считая эти обычаи пришедшими из Древней Греции, предписывает духовенству поучать мирян, призывать их справлять праздники «в славу Божию». Указывается на то, что все эти «еллинские прелести» отречены по святым Правилам. Вслед за святым Карфагенским собором духовенство призвало к себе на помощь царскую власть. Вопрос составлен, по всей видимости, представителем провинциального духовенства.

Вопрос 25. Здесь продолжается тема борьбы с языческими пережитками. Составлен провинциальным духовенством.

Вопросы 26 и 27 объявляют языческие обряды «еллинскими бесованиями, прелестью бесовской и хулой еретической». Соборные ответы запрещают мирянам выполнять языческие обычаи, а потворствующим им попам угрожают отлучением. Составлены, видимо, представителями белого духовенства.

Вопрос 28 посвящен частному случаю поста в большие церковные праздники (основное внимание уделено дню Усекновения главы Иоанна Предтечи). Ответ говорит о необходимости торжественных служб в этот день и поста. Возникновение вопроса, видимо, было связано с недоумениями среди самого духовенства.

Вопрос 29 говорит о ходе богослужения на заутренней, и его появление было вызвано, скорее всего, как и в предыдущем случае, недоумениями среди самого духовенства.

Вопрос 30. В нем затрагиваются случаи, которые могли возник-

нуть в церковной и монастырской практике: разрешено ли хоронить в мужских монастырях инокинь, а иноков — в женских? То же самое спрашивается и насчет мирян — можно ли их хоронить при монастырях? Соборный ответ говорит о том, что святые Правила запрещают хоронить женщин в мужских обителях, но по обычаю так делают не только в России, но и во многих других странах.

Ссылка на «земские обычаи» могла быть взята Собором из Правил св. Василия²⁷⁵. Представляется, что составлен вопрос приезжим духовенством.

Вопрос 31 посвящен тому, что некоторые игумены и белые священники не служат в своих обителях иногда и по полгода. В вопросе предлагается принять меры к пренебрегающим службой. Соборный ответ говорит о необходимости исполнять всю службу сполна. Особо отмечается необходимость «служити за упокой» «по отошедших душах... по которым вотчины даваны и кормы годовые ставят».

Большинство исследователей считают автором вопроса царя. Об этом писали Н. Лебедев, В. Н. Латкин, Дм. Стефанович, Т. Е. Новицкая²⁷⁶. Доводами этой группы ученых служит то, что в тексте вопроса противопоставляются «святители» и спрашивающие. Другая позиция у В. А. Бочкарева. Он приписывает вопрос духовенству, не считая его резким и противопоставляющим святителей монастырским низам и белому духовенству²⁷⁷.

Обратимся к тексту вопроса. Среди виновников не перечислены высшие иерархи, следовательно, к ним претензий в этом грехе не было. Может наводить на мысль о царе как авторе вопроса следующее замечание: «Аще сие великое Божие дело небрегомо будет от всякого священнического чину, и нам какие милости от Бога чаяти за сие нерадение и за великое безчиние, паче за гордость и леность?» Возникает предположение, что «нам» — это противопоставление мирян и всего духовенства. В этом случае автором должен считаться мирянин. Но возможно и другое объяснение: вопрос задан кем-то из епископов, и «сие великое нерадение» — это неисполнение своего долга игуменами и священниками (о епископах в вопросе не говорится). В этом случае «гордость и леность» также оказываются недостатками низшего духовенства.

Итак, по нашему предположению, автором вопроса был кто-либо из иерархов, тем более вряд ли можно отрицать, что иосифовские постриженники были очень требовательны к выполнению всех церковных служб.

Вопрос 32 практически повторяет предыдущий и посвящен тому, что в монастырских и мирских церквях нерадивые священники не служат литургии. Ответ предлагает духовенству строго соблюдать свои обязанности. Кроме того, особо подчеркивается необходимость «панихиды . . . служить, по которым вотчины даваны и кормы годовые ставят». Все исследователи сходятся в том, что автором вопроса был сам царь Иван Васильевич. Вывод этот опирается на следующее: в тексте вопроса присутствуют слова «святительство ваше», «мы просвятимся» и т. д.²⁷⁸

Вопросы 31 и 32 практически не отличаются друг от друга. Разница в ответах: при ответе на вопрос 31 основное внимание уделено монастырям, а при ответе на 32 — мирским церквям. Таким образом, происхождение последнего вопроса объясняется тем, что из предыдущего ответа не прозвучало требование, относящееся к белому духовенству. Вопрос мог быть задан не мирянином, а лицом, не принадлежащим к архиереям, то есть не «святителем». Этим объясняется противопоставление обращающегося и отвечающих. Автором вопроса, видимо, был представитель черного духовенства, уязвленный тем, что ответ на вопрос 31 не затронул белого духовенства.

Исследователи делят вторые вопросы на несколько групп. Так, Н. Лебедев и В. Н. Латкин насчитывают четыре группы: во-первых, литургические (о крестах, иконах, службе); во-вторых, о монашестве; в-третьих, о белом духовенстве; в-четвертых, обличение народных обычаев, нравов, суеверий²⁷⁹. Дм. Стефанович насчитывает только две группы: литургические и нравственно-бытовые²⁸⁰.

Нам представляется, что деление этих вопросов на группы не принципиально. Гораздо важнее следующее: среди вторых вопросов нет, видимо, ни одного, составленного А. Ф. Адашевым и озвученного царем. Нет также ни одного, составленного митрополитом Макарием (все, что интересовало митрополита, он имел возможность выяснить, задав заранее подготовленные первые вопросы). Все тридцать два вопроса заданы представителями провинциального духовенства, высшего и низшего, черного и белого. Связывать появление этих вопросов с каким-нибудь чрезвычайным событием, например появлением на Соборе царя, нет никаких оснований. Появление и смысл вопросов вызваны, на наш взгляд, двумя основными причинами: трениями на Соборе между различными группами духовенства и имеющими место недо-

разумениями, разностью в церковной практике различных частей Руси.

Определить поименно авторов вопросов не представляется возможным. Выше мы уже делали некоторые замечания по конкретным случаям. Сейчас же ограничимся констатацией следующего: во-первых, можно предположить, что вопросы 2 и 3 первоначально находились в другом месте. Предполагаем, что они шли непосредственно за вопросом 16 и находились в одной группе с вопросами, обличающими языческие пережитки и недостатки мирян и отчасти сельского белого духовенства. Об этом говорит слово «иная», то есть «другое», находящееся в начале вопроса 2 (его никак нельзя отнести к вопросу 1 о написании св. Троицы). Таким образом, вопросы, затрагивающие языческие пережитки в первоначальном варианте текста находились, видимо, все вместе и шли в следующем порядке: 16, 2, 3, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27 — всего четырнадцать. Минимальное количество авторов, которые могли составить все эти вопросы, — один. Причем вероятно, что автор (или авторы) был не епископом, так как замеченные недостатки едва ли существовали в середине XVI в. в городах. Скорее всего, это представитель какого-либо отдаленного монастыря или прихода. Зная же, что именно на территории Новгородской архиепископии дольше всего держалось язычество (из посланий Макария и Феодосия), не будет чересчур смелым предположение об авторстве человека именно из Новгородской епархии.

Во-вторых, по нашему мнению, автором вопросов 1, 7, 8 мог быть также один человек, и следовали эти вопросы, вероятно, один за другим.

В-третьих, вопросы 6, 9, 10, 11, 12, 28 и 29 затрагивают богослужебный Устав. Их мог составить один человек, причем часть этих вопросов направлена против митрополита.

Далее, мы считаем, что вопросы 14 и 15 составлены представителем новгородского духовенства; вопросы 13 и 30, вероятно, следовали друг за другом и составлены были одним лицом — представителем монастырского духовенства. Вопрос 31 был задан, как представляется, приезжим иерархом, а автор вопроса 32 — представитель черного духовенства.

Можно предположить, что вопросы задавались по куриям. В ходе Собора различным группам духовенства могло быть предложено подготовить интересующие их вопросы. Все духовенство могло

быть распределено на группы по принадлежности к епархиям или по своему статусу: черное и белое. Составленные этими куриями вопросы и могли дойти до нас в виде вторых «царских» вопросов. То, что обсуждение дел по куриям было известно в то время, говорит история Земского собора 1566 г.

Если наше предположение верно, то на самом деле вторые вопросы могли обсуждаться не в середине работы Собора, а в конце его. К сожалению, определить точно время, когда они были заданы и разбирались, не представляется возможным.

Но, так или иначе, заседания Стоглавого собора продолжались. Как он проходил, какие возникали на нем прения, присутствовал ли на заседаниях государь, неизвестно. Об этом исследователи делают лишь предположения. В самом же «Стоглаве» о ходе Собора мы узнаем только из главы 99, рассказывающей о том, что по царскому совету и решению духовенства соборные ответы были посланы на просмотр бывшим: митрополиту Иоасафу, архиепископу Алексею Ростовскому, архимандриту Васьяну Чудовскому и игумену Ионе Троицкому. Кроме них указаны и все соборные старцы Сергиева монастыря. В этой главе говорится также и о лицах, посланных в Троицу, это — игумен Серапион, соборный старец Герасим Ленков и благовещенский поп Сильвестр. В главе 100 находится Ответ Иоасафа на соборную «присылку».

То, что в Ответе бывшего митрополита нет упоминаний о делении на главы, дает исследователям основание предположить, что к Иоасафу была послана первая редакция памятника, без глав. Об этом писали А. С. Павлов, Макарий (Булгаков), В. А. Бочкарев, Дм. Стефанович²⁸¹. Сам факт посылки Соборного уложения Иоасафу вызвал оживленную дискуссию в литературе. Так, И. Н. Жданов, считая Сильвестра и Иоасафа «нестяжателями», полагает, что отправка соборной книги к бывшему митрополиту — «новое доказательство того близкого участия, какое принимал Сильвестр в действиях и работах Собора». За благовещенским попом И. Н. Жданов видит «группу его друзей, группу земских деятелей»²⁸². «Нестяжателем» считает Иоасафа В. А. Бочкарев. По его мнению, на Соборе даже была дискуссия между партиями «иосифлян» и «нестяжателей» о том, кому ехать. Пошли на компромисс: от «нестяжателей» поехал Сильвестр, а от «иосифлян» — Герасим Ленков²⁸³. Можно только спросить, а от кого в таком случае поехал Серапион? Подробно рассматривал этот вопрос Дм. Стефанович. Он считает, что

Уложение посылалось для сведения. Это был просто знак любезности со стороны царя и Собора. Ответ же бывшего митрополита — не официальный документ, а его частное письмо царю. Исследователь даже берется определить время посылки делегации к Иоасафу. По его мнению, это было около 23 февраля (Стефанович исходит из того, что Собор начался в январе). Ответ же из Троицы пришел около 10 марта. Во второй декаде марта замечания Иоасафа были рассмотрены²⁸⁴. А. А. Зимин считал, что решения Собора были посланы в Троицу к «нестяжателю» Иоасафу и его сторонникам по требованию самого царя с целью повлиять на соборные решения. О близости Иоасафа к «нестяжателям» писал и В. И. Корецкий²⁸⁵.

По нашему мнению, нет ничего странного в том, что Уложение было послано на просмотр находящимся на покое иерархам и соборным старцам Троицкого монастыря. По св. Правилам, не уличенный в проступках архиерей в случае ухода с кафедры по состоянию здоровья сохранял свою «честь» и продолжал считаться архиереем. В Троице же находилось несколько таких лиц. Нельзя забывать, что к Иоасафу хорошо относился и Иван IV, хотя затем он и изменил свое мнение²⁸⁶. К бывшему митрополиту с уважением относился и митрополит Макарий. То, что Иоасаф был «нестяжателем», ничем не подтверждается. Состав делегации, отправленной в Троицу, не может говорить ни о каком большом участии в делах Собора Сильвестра (почему-то никто не пишет о «выдающейся роли» в решениях Собора Герасима Ленкова или Серапиона). Дело, видимо, в том, что состав делегации представлял различные категории духовенства (игумен, монах и белый поп).

Таким образом, наиболее обосновано, на наш взгляд, мнение Дм. Стефановича о том, что посылка Уложения в Троице-Сергиев монастырь — знак любезности со стороны Собора.

Наконец, глава 101 «Стоглава» дает нам вторую конкретную дату — 11 мая. В главе заключается так называемый «Приговор» о вотчинах. Его подробное рассмотрение мы проведем ниже, а теперь лишь затронем в связи с ним вопросы, которые непосредственно касаются хода Стоглавого собора. И. Н. Жданов предположил, что Приговор был составлен духовенством «не совсем охотно», это была уступка давлению со стороны царя²⁸⁷. Е. Е. Голубинский считал, что Собор к 11 мая уже закончился и Приговор не был принят на самом Соборе. Именно потому, что Иван IV имел в виду принять решение о вотчинах после Стоглавого собора, он не поставил земель-

ных вопросов на самом Соборе²⁸⁸. То, что Собор окончился до 11 мая, предполагал и А. Я. Шпаков. Он даже считает возможным говорить об окончании заседаний в конце апреля²⁸⁹. Дм. Стефанович предполагает, что к 23 февраля Собор закончил основную работу, а Уложение редактировалось с 23 февраля по 11 мая, когда в него и был внесен Приговор²⁹⁰. А. А. Зимин считал, что в мае 1551 г. Собор закончил свою работу²⁹¹. О том, что Приговор от 11 мая был принят «не без борьбы», писала Г. Н. Моисеева. Авторами Приговора исследовательница считает царя и поддерживающие его круги, то есть дворянство²⁹². Н. Е. Носов вслед за Дм. Стефановичем считал, что Собор окончился, в основном, к 23 февраля²⁹³.

Как нам представляется, нельзя с точностью определить время работы Собора и какие-либо его вехи. Указателями служат лишь две даты — 23 февраля и 11 мая. Ничего другого сказать с уверенностью нельзя. Работа Стоглава непосредственным образом связана с этими днями, другие предположения необходимо должны иметь серьезное обоснование. Приговор был составлен с участием Собора — об этом говорит его преамбула «и со всем собором», так что оснований считать, что участников Собора не было в это время в Москве, нет. В то же время можно предположить, что участники были не все. Часть из них могла уже покинуть столицу и отправиться по своим епархиям. Как мы предполагаем, Приговор формулировал не государь, а его правительство, вернее, его светская часть во главе с А. Ф. Адашевым.

Это можно сказать о ходе Собора, исходя из имеющихся у нас источников, а таковых, как известно, только один — сам «Стоглав». Далее мы вступаем в область предположений. Надо сказать, что исследователи, рассуждая о ходе Собора, не ограничивались узкими рамками источника. С некоторыми мнениями мы и ознакомимся.

И. Н. Жданов указал на церковно-земский характер Стоглавого собора, опираясь в своих построениях на открытые им так называемые «дополнительные царские вопросы». Однако до сих пор не имеется доказательств, что они действительно были заданы на Соборе (по крайней мере, в «Стоглаве» нет следов их влияния). И сам И. Н. Жданов был вынужден в конце концов признать, что в 1551 г. был прежде всего Церковный собор, а «земский его отдел был каким-то придатком, недостаточно определенным, а потому бессильным». Исследователь не может доказать, что на Соборе были приняты решения по земским вопросам потому, что «Стоглав»

(дошедший до нас памятник) носит только следы церковно-законодательных работ. Итог, по И. Н. Жданову: «Деятельность Собора 1551 г. как земского не была значительна и успешна»²⁹⁴.

Е. Е. Голубинский считал, что земские дела Собор все-таки рассмотрел — на его утверждение были переданы земский Судебник и Уставные грамоты²⁹⁵. В. А. Бочкарев согласился с мнением И. Н. Жданова о дополнительных вопросах, но также не привел никаких доказательств, так как они не вошли в «Стоглав» потому, что «его составитель хотел собрать лишь церковные и церковно-государственные постановления»²⁹⁶.

К земским решениям Собора С. В. Бахрушин относил утверждение Судебника и образцовой Уставной грамоты, регулирующей местное управление²⁹⁷. Н. Е. Носов к земским решениям Стоглавого собора относил утверждение Судебника 1550 г., одобрение курса на «примирение» и принятие Уставной грамоты²⁹⁸.

С. О. Шмидт считает, что Собор утвердил Уставные грамоты об изменениях в местном управлении и мог рассмотреть вопрос о Казанской войне²⁹⁹. С мнением о том, что на Соборе был утвержден Судебник, не согласна Е. И. Колычева³⁰⁰. И. У. Будовниц же писал об утверждении Судебника на Соборе³⁰¹.

Как мы можем заметить, все рассуждения о земских решениях Собора основываются на двух позициях: во-первых, четвертая речь царя, во-вторых, дополнительные вопросы. Но, как мы уже писали выше, существует предположение, что четвертая речь о земском «строении» была намеренно вставлена в памятник; и нет никаких доказательств, что найденные И. Н. Ждановым вопросы действительно задавались на Соборе. Таким образом, мы не можем считать доказанным то, что на Стоглавом соборе обсуждались еще какие-то вопросы, кроме рассмотренных нами шестидесяти девяти.

Спорным также является и вопрос об участии различных лиц в работах Собора. Попытки определить того, кто был на нем более активен, а кто менее, занимали не одного исследователя.

И. Н. Жданов считал, что в работе Стоглавого собора активно участвовал государь. Ученый обнаруживает следы гипотетических «царских написаний» чуть ли не через главу, тогда как на самом деле ссылка на царскоеписание есть только в одном месте — в главе 49. Но И. Н. Жданов объясняет и это — составитель «Стоглава» «не имел в виду внести в свой труд всех заявленных на Соборе

царских предложений и посланий». То же, что заимствовалось из писаний Ивана, не выделялось в отдельную статью, а сливалось с составом соборных решений³⁰².

В том, что государь участвовал в законодательных работах Собора, не сомневался и В. А. Бочкарев. Однако он не видит тех «следов царского написания», на какие указывал И. Н. Жданов. Из духовенства наиболее активными лицами на Стоглавом соборе были архиепископ Феодосий, «который не остался равнодушным зрителем картины церковных нестроений, а возвышал свой пастырский голос там, где этого требовало благо Церкви», и Кассиан Рязанский. Митрополит же Макарий обращал большое внимание на религиозно-обрядовые вопросы, и его характер «должен был давать широкий простор для деятельности других»³⁰³. Добавим, что все разговоры о характере митрополита — это личное мнение В. А. Бочкарева, которое ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно.

Царя считал главным деятелем Собора И. У. Будовниц. Иван выступал «не как декоративная фигура, а как активный политический деятель, знающий, чего он добивается, умеющий . . . выбирать и отстаивать то, что ему душе». С этим мнением согласилась Г. Н. Моисеева³⁰⁴.

Остается еще раз напомнить, что о роли Ивана IV в работе Собора мы узнаем только из «Стоглава» — он открыл Собор, от его имени составлены вопросы, о его участии свидетельствуют 98, 99 и 101-я главы. Его писание упомянуто в сорок девятой главе. Это все, о чем можно уверенно говорить. Все остальное зависит от позиции исследователя. Мы же не можем считать государя главным деятелем Собора. Неизвестно даже, присутствовал ли Иван на всех заседаниях Собора, или был только при открытии и в конце его работы.

Нет определенности и относительно остальных участников Стоглавого собора. Одним из самых спорных является вопрос об участии в соборных делах Сильвестра (он упомянут единственный раз при посылке к Иоасафу). Мнение И. Н. Жданова о выдающейся роли благовещенского попа мы уже приводили. Архиепископ Никанор вообще считал, что «Сильвестр орудовал на Соборе, распределяя предметы рассуждений, руководя действиями Собора». Он же писал и определения. Остальное духовенство, по мнению Никанора, «слушало вопросы, рассуждало, что-то и уложило, но ничего не

подписало». Написал же «Стоглав» Сильвестр. Согласен с Никанором и Сергей (Соколов).

Сильвестру, оказывается, принадлежит не только честь созыва Собора, но и «весьма немаловажная заслуга в деяниях и постановлениях Собора». Правда, нет следов его участия в этой работе, но Сергию (Соколову) ясно, что Макарий действовал по указаниям Сильвестра. Единственное отличие мнения этого исследователя от мнения Никанора в том, что Сергей считает работу благовещенского попа положительной, так как «постановления имели в виду обновить все общество и Церковь, указать им путь для правильного развития всех отраслей жизни»³⁰⁵.

Нам остается только напомнить, что все разговоры относительно роли отдельных личностей в решениях Собора — это только разговоры. О выдающейся роли Сильвестра говорить бесполезно, так же как и о роли Феодосия или Кассиана. Мы ничего не знаем о действительном ходе Собора кроме того, что его председателем был митрополит. Все разговоры о просторе, какой давал характер митрополита, не имеют никакой доказательной силы.

Многие исследователи писали о борьбе, которая развернулась на Соборе: о борьбе между Церковью и государством, «иосифлянами» и «нестяжателями», Иваном IV и духовенством. Так, И. У. Будовниц писал, что Собор — арена столкновений между светской властью и духовенством. Иерархи отстаивали святительский суд, церковное землевладение, налоги и пошлины. Причем ученый признает, что в «письменных источниках» о борьбе нет ни слова, но это значит, что борьба была «скрытая, закулисная». Результаты борьбы следующие: Церковь отстояла свои права и привилегии, а за это дала карт-бланш на проведение земских реформ³⁰⁶.

С. В. Бахрушин также считал результатом Стоглавого собора компромисс между «иосифлянским» большинством духовенства и «нестяжательским» проектом церковных реформ. Правительство было «вынуждено» отказаться от радикальных решений. Дело свелось к незначительным ограничениям в области суда и землевладения. Точку зрения С. В. Бахрушина разделял А. А. Зимин. Исследователь высказывался более определенно: «Программа правительства была встречена на Стоглаве ожесточенным сопротивлением». Таково же, в общем, мнение А. И. Копанева, Г. Н. Моисеевой, В. И. Корецкого³⁰⁷.

Н. Е. Носов взялся определить наиболее важные предметы, об-

суждаемые Собором. Таковыми были, по его мнению, вопросы об отмене тарханов и о секуляризации церковных земель³⁰⁸.

Согласно Р. Г. Скрынникову, правительство открыто поставило на Соборе вопрос о судьбах монастырского землевладения, но встретило сопротивление со стороны «иосифлян». Результат — провал правительственной программы секуляризации и в качестве компенсации — отмена значительной части податных привилегий Церкви — тарханов³⁰⁹. Е. И. Колычева писала даже об «ожесточенных столкновениях» между царским синклитом и духовенством, которое не хотело мириться с потерей своих финансовых привилегий. Стержневой вопрос Собора, по мнению исследовательницы, — секуляризация, которую хотело провести правительство³¹⁰.

По Д. М. Буланину, иерархи не допустили наступления на интересы Церкви, отстаивая правомочность святительского суда и неприкосновенность недвижимых владений монастырей³¹¹. Н. Е. Носов считал, что в действительности правительство добилось на Соборе «весьма крупных и опутимых успехов»³¹².

Исследователи, которые пишут о «борьбе» на Соборе, исходят из того, что на нем обсуждался вопрос о земельных владениях духовенства. Но такой проблемы на Соборе не ставилось. Земельные дела были решены после Ответа Макария. В «Стоглаве» нет упоминаний об открытой борьбе, борьбе между правительством (вернее, его светской частью) и «иосифлянским» духовенством. Эта борьба закончилась с принятием первых «царских» вопросов еще перед открытием Собора. Причем в них не было речи о секуляризации, изъятии церковных земель. Там в достаточно умеренной форме высказывались мысли о необходимости Церкви поделиться своими денежными средствами с государством. Была ли на Соборе «борьба» по этому вопросу — неизвестно. Но эта борьба, если она и была, то уже между различными группами духовенства, так как светские лица на церковных Соборах права голоса не имели (кроме царя)³¹³. К тому же, о том, что между различными группами духовенства была борьба, говорят и вторые «царские» вопросы. Но определение этих групп как «иосифлян» и «нестяжателей» (или как противников и защитников церковного землевладения) не выдерживает критики. Борьба в ходе Собора шла не по вопросу о земельной собственности, а по вопросу влияния в церковной организации. Нам представляется, что трения на заседаниях были: во-первых, между иерархами — представителями их большинства (выходцами из «мо-

лодых» монастырей — Боровского и Иосифова) и представителями меньшинства (из других монастырей)³¹⁴. Во-вторых, по вопросу подсудности — между всеми иерархами и монастырями, имеющими «несудимые» грамоты. В-третьих, между белым духовенством и иерархами (о святительских чиновниках, пошлинах).

Еще один вопрос, который вызывает разногласия среди исследователей, — это вопрос о составлении **соборных** ответов, о том, кто являлся их автором и кто **редактировал книгу** Соборного уложения — «Стоглав». Еще И. Н. Жданов предполагал, что составитель Уложения — дьяк³¹⁵. К. Заусцинский писал, что ответы составлялись несколькими лицами, но большая их часть принадлежит митрополиту Макарию³¹⁶. О том, что ответы составлены не одним лицом, писал и Макарий (Булгаков). Он ссылается при этом на то, что в ответах на вторые вопросы больше ясности и меньше повторений, чем в главах 6–40. Далее исследователь предполагает: многие ответы были изложены самим митрополитом, и в любом случае окончательная редакция не могла быть создана без призора Макария³¹⁷. А. В. Карташев считал — скоротечность заседаний Собора была вызвана тем, что программа соборных рассуждений была уже заранее подготовлена и разработана³¹⁸. По мнению Р. Г. Скрыпникова, заседания Собора заняли сравнительно мало времени благодаря тому, что документы Собора были заготовлены заранее и по большей части утверждены без обсуждения. Исключения составляли вопросы, связанные с землевладением и доходами Церкви³¹⁹.

Наиболее подробно эти вопросы рассмотрел Дм. Стефанович. Он считал, что так как архиереи были недостаточно грамотны, они сами не принимали непосредственного участия в составлении ответов. Епископы только решали и указывали, а писали за них другие — их чиновники. Они же приводили справки из Кормчей и других книг. Следовательно, исследователь считает авторами «Стоглава» дьяков. Также он думает, что на Соборе было создано четыре комиссии из разных лиц. В первой заседали святительские чиновники. Они решали вопросы суда, языческих пережитков и прочие. Во второй заседали игумены монастырей и решали свои проблемы; в третьей состояли представители белого духовенства; в четвертой руководителем был Сильвестр, и решала она вопросы о недостатках мирян. Затем результаты работ комиссий были соединены редактором. По догадке исследователя, им был митрополичий дьяк Иван

Афанасьев. Он составил предисловие, введение, разделил текст на сто глав и сделал оглавление. Его работа проходила под наблюдением митрополита Макария. Окончательный вывод Дм. Стефановича — соборные ответы составлялись почти одновременно разными лицами, а при редактировании редактор не осмелился ничего выпускать во избежание обвинений в самовольном мудрствовании. Этим объясняется большое количество повторений в тексте³²⁰.

По нашему мнению, предположение Дм. Стефановича — лишь одно из возможных. Как мы уже писали выше, историки очень мало знают о ходе Собора, и перед исследователями открываются большие возможности для различных догадок и предположений.

* * *

Мы уже писали о том, что при рассмотрении подготовки и хода Стоглавого собора приходится сталкиваться с практически полным отсутствием источников. Но ситуация меняется, когда мы обращаемся к решениям Собора, так как именно решения и содержит дошедший до нас памятник — «Стоглав». Интересующие нас результаты этого собрания содержатся в следующих главах: 6–40, 42–98, 101. Кроме того, решения Собора занимают и часть главы 41, но они уже были рассмотрены нами ранее.

Надо сказать, что многие исследователи обращались к постановлениям Стоглава. Можно назвать И. С. Розенкампа, Филарета (Гумилевского), Н. И. Костомарова, А. С. Павлова, И. Н. Жданова, К. Заусцинского, Макария (Булгакова), В. Н. Латкина, Н. Писаревского, Е. Е. Голубинского, В. А. Бочкарева, С. Ф. Платонова, И. У. Будовница, А. А. Зимина, А. И. Копанева, А. В. Карташева, Н. Е. Носова, Р. Г. Скрынникова, Макария (Веретенникова)³²¹. Более подробно решения Стоглавого собора рассматриваются в комментариях к изданию этого памятника в 1985 г.³²² Однако, несмотря на такое обилие научной литературы, в которой разбираются итоги Собора, по многим вопросам еще не найдено окончательного решения.

Каковы же результаты деятельности Стоглавого собора.

В главе 6 содержится соборное решение о введении института поповских старост и десяцких священников, которые должны следить за порядком отправления служб. Особо указывается, что в Москве должно быть семь протопопов. А. П. Павлов и Б. Н. Флоря

отметили, что это было фактическим введением самоуправления для белого духовенства³²³. Кроме того, глава содержит призыв совершать все службы по божественному Уставу.

Глава 7 определяет начало звона в церквах. В этой главе учтено замечание бывшего митрополита Иоасафа, которое он сделал в своем послании (глава 100). Глава 8 называет уставы, по которым полагается совершать службы, — это Уставы Василия Великого, Иоанна Златоуста, и Григория. Говорится о необходимости совершать службу в полном одеянии. Особо отмечается порядок действий просвирен. В конце главы говорится о том, что дьяки и пономари должны быть единобрачны. В главе 9 дается изложение церковных служб. Завершает ее указание на некоторые ошибки в церковных книгах. Глава 10 призывает священников и дьяков служить в полном облачении. Здесь же говорится о порядке пользования царскими вратами.

Главы 11–13 посвящены в основном порядку действий в алтаре. Главы 14 и 15 говорят о необходимости совершать церковные службы в полном облачении. В главе 16 речь идет о церковном благочинии и поведении в церкви. Глава 17 подробно описывает обряд крещения.

Главы 18–24 посвящены обряду венчания. Устанавливается брачный возраст: для женщин — двенадцать лет, для мужчин — пятнадцать. Со ссылкой на Святые Правила категорически запрещено вступать в брак свыше трех раз.

В главе 25 указывается возраст, с которого можно поставлять священников и дьяконов, — тридцать и двадцать пять лет. Говорится о том, что претенденты должны быть обучены грамоте.

Глава 26 говорит о решении открыть училища для обучения грамоте по всей стране. Белому духовенству вменяется в обязанность избрать учителей из своей среды и в их домах открыть школы. Платить за обучение должны родители учащихся, причем размер платы не устанавливается. В главе 27 указывается на необходимость следить за состоянием икон и церковных книг. Надзор за ними поручается протопопам. Глава 28 говорит о необходимости контроля за продающимися книгами. В случае продажи и покупки направленных книг они могли быть конфискованы.

Глава 29 указывает на обязанности поповских старост по контролю за поведением белого духовенства. Им поручается наказы-

вать пьяниц, драчунов и всех, кто пренебрегает своими священническими обязанностями. В случае же, если наложенное старостой наказание не возымеет действия, виновные по решению епископа отлучались. В случае, если нарушителем оказывался сам староста, на него должны были заявить епископу простые священники.

В главе 30 особо говорится о ружных попах и диаконах. В случае невыполнения ими своих обязанностей эти лица после двух предупреждений отлучались, а их руга переходила к другим попам и диаконам.

Глава 31 посвящена порядку наложения крестного знамения. В главе 32 продолжается разговор о крестном знамении и, кроме того, говорится о правилах поведения христиан. Осуждаются пьянство, блуд, объедание. Глава 33 обличает содомию. Глава 34 говорит о необходимости достойного поведения белого духовенства. В главе 35 речь идет о порядке проведения праздничных и предпраздничных церковных служб.

Главы 36–40 посвящены мирянам. Говорится о недопустимости ложного целования креста, о поведении в церкви, о запрете ношения иностранной одежды, бритья бороды и усов.

Глава 42 указывает на необходимость двойть аллилую. Глава 43 посвящена иконописцам. Им строго запрещалось скрывать талант: «А иже от хитрых и гораздых мастеров живописцов укроет который талант, что ему Бог дал и иных не научит, да будет от Христа осужден в муку вечную»³²⁴. В главе 44 идет речь о недопущении вымогательства денег сверх возможного у желающих креститься, постричься или причаститься. Каждый должен давать по своей силе, сколько может сам.

Главы 45 и 47 говорят об отчислениях за освящение церкви в пользу епархии. Эта сумма должна составлять одну треть от всех собранных от прихожан ценностей в день освящения церкви. Также запрещается продавать места близ церкви для погребения, по разрешается брать ценности, которые прихожане дают «на память своим душам». В главах 46 и 48 устанавливаются пошлины за вступление в брак.

Глава 49 говорит о монастырском быте. В ней надзор за монахами поручается игуменам, указываются наиболее распространенные нарушения: «в пьянство бы не упивалися, и по монастырям горячего вина не курите и не пейте, и хмельного пития пива и медов не держати им», «а по келиям бы молодых ребят голоусов однолично

не держали», «игуменам отныне властей не докупатися и по мзде не ставитесь, и детей у себя не держати, и по селам не посылати, и старых слуг из монастыря не изводити, а женкам и девкам по келиям не ходити, и в кельи их не пускати». Глава ставит монастырскую казну под контроль дворецких царя³²⁵. Видимо, прав Б. Н. Флоря, который считает, что и до Стоглавого собора существовала какая-то форма контроля за монастырскими доходами и расходами³²⁶. В 1551 г. подобная практика получила лишь официальную санкцию. В главах 50–52 продолжается монастырская тема: запрещается отказывать в постриге из-за отсутствия денег, говорится о строгом контроле за передвижением попов и диаконов, осуждается пьянство.

Глава 53 начинает раздел, посвященный святительскому суду. Это одна из самых больших частей «Стоглава». Л. В. Черепнин объясняет это тем, что «духовные иерархи явно встревожились, увидя в вопросах царя наступление на свою юрисдикцию, и попытались обезопасить себя ссылкой на историческую традицию и рядом правовых гарантий»³²⁷. Появление этого раздела связывают с седьмым и четырнадцатым из первых «царских» вопросов. Но здесь, видимо, дело сложнее, чем представлял себе Л. В. Черепнин. Заинтересованы были три стороны: правительство, иерархи и монастыри. Очевидно, что выдачей несудимых грамот правительство привлекало на свою сторону влиятельные духовные корпорации, но одновременно с этим настраивало против себя епископов. Поэтому правительству приходилось постоянно лавировать между этими двумя группами духовенства. На это обратил внимание С. М. Каштанов³²⁸. То есть правительство А. Ф. Адашева не было заинтересовано в решении этого вопроса на Соборе (так же, как и игумены) потому, что канонически правы были именно иерархи, что они и продемонстрировали в этой части «Стоглава» обилием ссылок на св. Правила. Они же (иерархи) и задали вопрос 14 (точнее — митрополит Макарий). Вопрос 7, составленный, по нашему мнению, Адашевым, отнюдь не подвергал сомнению правомочность святительского суда, он лишь касался злоупотреблений чиновников.

Считаем, что столь большое внимание суду уделено не только для убеждения правительства в неправомочности его действий (выдачи несудимых грамот), но и для «приструнивания» монастырского духовенства³²⁹.

Глава 53 запрещает мирским судьям судить церковных людей. Запрещается отнимать какое-либо имущество у Церкви. Глава 54 провозглашает епископа главой судебной власти над церковнослужителями. 55 и 56 главы запрещают церковным людям обращаться к светским судьям.

Главы 57–59 представляют собой выписки из постановлений императора Юстиниана, устанавливающие ответственность за «досады» церковным слугам и за нарушения Божественной службы. 60 и 61 главы, со ссылками на царя Константина, великого князя Владимира и Мануила Комнина, утверждают незыблемость церковного землевладения.

Глава 62 говорит о необходимости сотрудничества светской и духовной властей. 63-я глава представляет собой Устав князя Владимира: пишется о десятине и перечисляются лица, подсудные церковному суду.

В 64 и 65 главах, опираясь на авторитет митрополита Киприана, Собор еще раз запрещает светским лицам вступать в церковную собственность и судить попов и других церковных людей.

66-я глава говорит о том, что святители не должны требовать от подчиненного им духовенства «ни пиров, ни даров, ниже которых излишних почестей».

Глава 67 отменяет несудимые грамоты и устанавливает подсудность духовенства святителям во всех делах, кроме «душегубства и разбоя с поличным». Здесь же устанавливается подсудность монахов и монастырских крестьян игуменам и архимандритам.

68-я глава рассматривает вопросы, связанные с судопроизводством в духовных судах. В этой же главе много внимания уделено десятиникам. Б. Н. Флоря отмечает стремление отцов Собора ограничить компетенцию светского административного аппарата по управлению духовенством³³⁰.

Глава 69 освещает вопросы церковного судопроизводства: устанавливает порядок сбора венецных пошлин, предписывает священникам и поповским старостам следить за моральным обликом мирян, в очередной раз призывает священников не «упиваться в пьянство», призывает следить за передвижением попов, обращает внимание на пресечение взяточничества церковных чиновников, устанавливает пошлину с судебных дел. Глава запрещает святителям самим назначать себе бояр и предписывает обязательно советоваться с царем по этому вопросу.

Глава 70 призывает выявить пустые церкви (без службы) и дать им льготу на пятнадцать лет для привлечения попов и других церковных чинов.

В главе 71 речь идет о монахах, скитающихся по миру. Предписывается всех распределить в монастыри, здоровых привлечь к работам, а больных взять на содержание царя, митрополита и владык.

Глава 72 говорит о выкупе пленных и предписывает всех выкупать из царской казны, а затем затраченную сумму распределять на все обрабатываемые земли и взыскивать со всего населения.

Глава 73 посвящена мирянам-нищим. Царю рекомендуется переписать всех инвалидов и стариков и устроить по городам богадельни. Содержать их также предлагается царю и боголюбцам. Церковь же берет на себя заботу о душах обитателей богаделен.

В главе 74 речь идет о ходящих по миру с иконами. Царю предлагается установить царскую заповедь с целью запрета таких хождений. Тех же, кто не послушает запрета, предлагалось изгонять из городов, отобрав иконы.

Глава 75 говорит о неприкосновенности церковных и монастырских земель и категорически отвергает любые попытки изъятия церковных владений. В то же время указывается на необходимость монахам строго соблюдать свои обязанности — поминать давших вклады по душе. Собор специально указывает на случай возможного выкупа данной по душе земли родственниками завещателя. Кроме того, подчеркивается: «Да у которых монастырей земель и сел довольно, посмотри по братству, и мочно прожити, и те бы архимандриты и игумены ... и старцы ... царю не стужали, излишнего не просили, такоже бы тарханных и льготных и о торговлях безпошлинно, и несудимых грамот и угодей не припрашивали»³³¹.

В главе 76 речь идет о запрете святителям и монастырям заниматься ростовщичеством.

Главы 77–81 посвящены вдовым попам. Семьдесят девятая глава содержит упоминание об Иосифе Волоцком, что было вызвано, видимо, желанием большинства святителей — выходцев из его монастыря несколько укрепить свое положение.

Глава 82 запрещает монахам и монахиням жить в одном монастыре. 83-я глава — о пьянстве белого духовенства.

В 84 и 85 главах говорится о запрете мирянам ставить новые церкви. Инокам же разрешено ставить новые пустыни только с

разрешения своего епископа и царской властью. Кроме того, мелкие пустыни предлагается сносить в одно место и устраивать более крупные монастыри.

Главы 86–89 говорят о поставлении в духовные звания. Особо говорится о поставлении игуменов — оно попало под контроль царя³³².

Глава 90 посвящена правилам церковного облачения и поведению церковных людей.

В 91-й главе речь идет о запрещении есть животных, с которых не стекла кровь.

Главы 92 и 93 посвящены борьбе с языческими пережитками: «еллинским бесованием, волхованием и чародеянием». Собор призывает царя бороться с языческими обычаями.

94-я глава определяет дни, в которые запрещено совершать судебные действия. В 95-й главе говорится о выходных днях и о том, как христианам следует их проводить. Глава 96 указывает на необходимость регулярного посещения церкви.

97-я глава посвящена руге монастырям и белому духовенству. Указывается, что по тем монастырям, которые получали ругу при Василии Ивановиче впрок, следует и дальше давать ругу впрок, а по каким давали милостыню в приказ «а будет у тех монастырей села и доходы, и можно им без руги прожити, и то в твоей царской воле: и дати и отложить . . . а которым будет убогим монастырям и святым церквам без твоей руги впредь прожити невозможно, и тебе, царю достойно и праведно таковых пожаловати. Да и прочие монастыри и места и святые церкви, не имущие помощи, достоин устроити в свое христолюбивое царство». Ружных же попов и диаконов, которым устроили милостыню из казны без царского ведома, надлежало лишить руги³³³.

В главе 98 говорится о церковных слободах. Вводится обложение жителей наравне с посадскими людьми, но указывается на их подсудность церковному суду. Духовенство же обязуется не ставить новых слобод и не переманивать жителей с посада в слободы. Специально исследовавший этот вопрос Н. Е. Носов пришел к заключению, что эта проблема имела «политическую остроту», и результат ее обсуждения оказался «не совсем таким, как хотел Макарий»³³⁴.

Глава 101 — Приговор о вотчинах. Этому Приговору исследователи уделяли большое внимание. И. И. Смирнов пришел к выводу, что он ограничивал свободу распоряжения княжескими и боярски-

ми вотчинами их владельцев и определил принципиальную линию правительства Ивана Грозного по отношению к княжеским вотчинам, выражавшуюся в стремлении к ликвидации княжеского землевладения³³⁵. В другой своей работе ученый писал о том, что Приговор поставил под правительственный контроль рост монастырского землевладения и одновременно сводил на нет все успехи, которые сделало это землевладение в годы княжеско-боярской реакции³³⁶.

С. Б. Веселовский отмечал, что отныне все земельные приобретения монастырей и церквей были поставлены в зависимость от усмотрения царя. По наблюдениям ученого, первое время сделки на землю действительно совершались с доклада, но затем упоминания о докладе не встречаются³³⁷. Б. А. Романов в своем исследовании подверг критике тезис И. И. Смирнова об антикняжеской направленности Приговора. По мнению автора, в нем не было ничего, направленного против бояр и княжат. Ученый отмечает, что основная проблема, занимавшая правительство в это время, — это «обуздание» владычного и монастырского землевладения, которое наступало на весь светский сектор вотчинного землевладения. Причем речь шла не о наступательных мерах, а лишь о ликвидации последствий «случившегося раньше расхищения земель святителями и монастырями»³³⁸.

Некоторые пункты Приговора рассмотрела Г. Н. Моисеева. Касаясь запрета на выкуп вотчин, данных «по душе», она пишет: «В этом пункте Приговора мы видим стремление государственной власти не только ограничить рост монастырского землевладения путем запрета принятия земельных вкладов, но и попытку прекратить экономические сделки с монастырями крупной феодальной знати». Говоря об изъятии у монастырей и епископов земель, данных боярами во время боярского правления, автор указывает: «Этот пункт Приговора . . . убедительно подтверждает заинтересованность крупной феодальной знати в существовании церковного и монастырского землевладения»³³⁹. Р. Г. Скрышников пришел к выводу, что правительству удалось принять Приговор не без определенных трудностей: пришлось «сломить сопротивление официального руководства Церкви». Данный акт имел целью частичную секуляризацию церковных владений и установление контроля за дальнейшим ростом монастырских земельных богатств³⁴⁰.

Н. Е. Носов считал, что Приговор — это итог обсуждения на Стоглавом соборе вопроса о секуляризации церковных земель. Приня-

тые меры носили оградительный характер защиты светского землевладения от церковной «экспансии»³⁴¹. По мнению В. Б. Кобриня, этот документ содержит не ограничение прав вотчинников, а их привилегии и направлен он, в княжеской части, на «консервацию удельной старины»³⁴². А. Л. Юрганов пришел к выводу, что главное не то, что написано в указе, а то, что государственная власть считала для себя возможным вмешиваться в отношения собственности. Конкретное же содержание документа — сохранение княжеских корпораций³⁴³.

В чем же заключался Приговор? Во-первых, духовенству было запрещено покупать вотчины без доклада царю под угрозой конфискации. Во-вторых, данные «по душам» вотчины запрещалось выкупать, кроме особо оговоренных в завещании случаев. В-третьих, поместные и черные земли, которые перешли духовенству насильством или за долги, предписывалось вернуть старым владельцам, предварительно наведя справки. В-четвертых, земли, перешедшие епископам и монастырям после смерти Василия Ивановича, надлежало вернуть в казну, так как речь шла именно о государственных землях. В-пятых, всю ругу монастырям и церквам предлагалось вернуть к тем размерам, какие были при великом князе Василии. В-шестых, землевладельцам определенных областей запрещалось продавать свои земли иногородцам и отдавать в монастыри «по душам». В-седьмых, вотчины, поступившие в монастыри до этого Приговора от землевладельцев этих уездов, изымались (за деньги) и поступали в поместную раздачу.

Как видим, наибольшие экономические потери несли монастыри. Также очевидно, что некоторые пункты Приговора вступают в противоречие с только что принятыми решениями самого Собора, например о руге. Удивляет сама возможность принятия подобного Приговора, противоречащего в некоторых пунктах соборным постановлениям. Возможно, что, используя внутрицерковные противоречия, светской части правительства удалось договориться с представителями иерархии, которые по Приговору теряли не очень много: земли, захваченные «насильством», переданные боярскими правительствами, и возможность свободно покупать вотчины. Кроме того, нельзя исключить, что у владык и не было земель, подлежащих конфискации. Мало Приговор коснулся и основной массы белого духовенства: некоторые его представители потеряли только ругу.

Видимо, при принятии Приговора присутствовали не все игумены. О том, что не все настоятели монастырей дожидались официального окончания соборных работ, мы знаем из истории Собора 1503 г. Иосиф Волоцкий уже уехал, когда был поднят вопрос о землях, и за ним пришлось посылать специально. Следовательно, и мы, с большой долей вероятности, можем предположить, что после составления так называемой первой редакции «Стоглава», отправленной в Троицу к Иоасафу и другим, большая часть игуменов, считая дело сделанным, разъехалась. Этим моментом и воспользовались деятели, группировавшиеся вокруг А. Ф. Адашева: сумев убедить царя в своей правоте, они добились у усеченного состава Собора согласия на вошедшие в Приговор меры³⁴⁴.

Приняв Приговор, Стоглавый собор закончил свою работу.

Нетрудно заметить, что постановления Собора опираются на предыдущее церковное законодательство. Еще А. С. Павлов указал на некоторые источники соборных решений. По его мнению, это Кормчая книга, памятники русского церковного права (Устав Владимира, послания Киприана и Фотия, соборные постановления 1503 г.), обычаи Русской церкви³⁴⁵. Наиболее подробно этот вопрос рассмотрел Дм. Стефанович. Исследователь пришел к выводу, что тридцать пять глав памятника не оригинальны, а представляют собой выписки из различных источников. Это главы 3–5, 11, 15, 19–23, 53–65, 77–80, 87, 88, 93–96, 98, 100. Двадцать восемь глав содержат выписки из других книг, соединенные с соборными постановлениями. Это 7, 9, 12, 13, 16, 17, 18, 24, 31, 32, 36–41, 44, 49, 81–84, 89, 90–92-я главы. И только тридцать три главы можно назвать оригинальными: 8, 10, 14, 25–30, 33–35, 42, 43, 46, 48, 50, 66–76, 85, 86, 97. Наибольшее число заимствований падает на Кормчую книгу³⁴⁶.

Шестьдесят девять «царских» вопросов определили ход работы Собора. Так как вторые вопросы помещены вместе с ответами в главе 41, то оказывается, что большая часть памятника посвящена первым вопросам. Это восемьдесят шесть глав. Ответы даны на все тридцать семь вопросов³⁴⁷.

Попытаемся тематически распределить главы «Стоглава». Вычтем из общего количества глав (сто одна) четыре первых, две главы с вопросами и две главы, касающиеся Иоасафа. Осталось девяносто три главы. Трудность заключается в том, что многие главы не посвящены специально какой-либо теме, а затрагивают

большой круг проблем. Но, признавая возможные погрешности, тем не менее попытаемся. Вот что у нас получилось: на первом месте по количеству главы, касающиеся различных вопросов церковной службы (7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 32, 35, 42, 44, 45, 47, 90). Итого — восемнадцать глав. Далее идут главы о святительском суде (53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 94) — шестнадцать. Главы о церковных обрядах (крещение, венчание), в том числе и об оплате за них: 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 46, 48, 69 — одиннадцать глав. О быте мирян: 36, 37, 38, 39, 40, 91, 95, 96 — восемь глав. О быте белого духовенства, о контроле за его жизнью и о введении института поповских старост: 6, 29, 34, 83, 87, 88, 89 — семь глав. О книжном обучении и об иконах: 25, 26, 27, 28, 43 — пять глав. О вдовствующих попах: 77, 78, 79, 80, 81 — пять глав. О благотворительности и выкупе пленных: 71, 72, 73, 74 — четыре главы. О запрещении строить новые церкви и о пустых церквях: 70, 84, 85 — три главы. О церковном землевладении: 61, 75, 101 — три главы. О борьбе с языческими обрядами: 92, 93 — две главы. По одной главе: о руге монастырям, о руге попам, о запрете ростовщичества, о церковных слободах, о содомском грехе.

Распределение глав «Стоглава» представлено в табл. 3. Из нее видно, что большая часть глав касается вопросов церковной службы, отстаивания прав святительского суда, церковных обрядов. Меньшая часть книги посвящена быту мирян, белого и черного духовенства.

Оставив теперь в стороне вопросы, связанные с обрядностью, культурой, службой, поведением, поскольку они не вызывают споров в историографии, рассмотрим политические и экономические решения Собора.

В политической области, а точнее в области влияния светской власти на духовную, налицо декларирование усиления этого влияния.

Благодаря решениям Собора царь получил возможность: во-первых, следить за финансовым состоянием монастырей (царские дворецкие должны были ведать монастырскую казну — глава 49); во-вторых, государь имел теперь возможность прямо влиять на состав святительских бояр и дьяков (глава 69); в-третьих, царь получил возможность официально влиять на поставление игуменов (глава 86). Не исключено, что русские правители и прежде вмеши-

Таблица 3

Тема	Кол-во глав
1. Служба	18
2. Суд	16
3. Обряды	11
4. Быт мирян	8
5. Белое духовенство	7
6. Монахи	6
7. О культуре	5
8. О вдовых попах	5
9. Благотворительность	4
10. О пустых церквях	3
11. О землевладении	3
12. Языческие пережитки	2
13. О руге понам	1
14. О руге монастырям	1
15. О ростовщичестве	1
16. О белых слободах	1
17. О содомии	1
Всего:	93

вались в эти проблемы, но теперь подобное вмешательство было узаконено. Все это были весьма ощутимые шаги на пути полного слияния Церкви и государства.

Кроме того, в решении целого ряда проблем Собор передал инициативу в руки Ивана IV. Это в основном касается борьбы с языческими пережитками, гаданиями, бесчинствами скоморохов. Государю также предлагалось ввести своим указом предложенные тарифы за совершение свадебного обряда и запретить «хождение по миру» с иконами (глава 41: вопросы 17, 19, 20, 21, 22, 24; главы 48, 74).

Что касается экономики, а точнее финансов, то были приняты следующие решения, относящиеся к государю: во-первых, царь и иерархи должны были давать средства на содержание больных монахов, распределенных по монастырям (глава 71); во-вторых, деньги на выкуп пленных должны были браться из казны, с последующим раскладом на все население (глава 72); в-третьих, Иван Васильевич должен отдать приказ о переписи всех больных и устроить

богадельни, обеспечив их пищей и одеждой (глава 73). В-четвертых, при соединении мелких пустыней в одну крупную, видимо, именно царю предстояло наделить новый монастырь средствами (глава 85). В-пятых, о руге — царь обязан платить тогда, когда платил его отец великий князь Василий. В воле государя отложить ругу богатым монастырям, которые при Василии не получали ругу впрок, но бедным монастырям царю надлежит помогать (глава 97).

Таким образом, очевидно, что решения основной части «Стоглава» не уменьшают расходов государственной казны. Наоборот, появляются новые статьи расходов: на содержание больных монахов, богаделен, на устройство новых монастырей на месте мелких пустыней. Казна должна была нести одновременно большую нагрузку на выкуп пленных, правда, с последующей компенсацией. Объем руги также, видимо, не должен был претерпеть сильных изменений. Это подтверждается тем, что в Приговоре от 11 мая вновь вернулись к этому вопросу, изменив редакцию, — теперь вся руга, полученная после Василия III, переставала выделяться. То есть в финансовом отношении решения Собора не были выгодны государственной казне.

Главное достижение иерархов на Соборе — подтверждение компетенции святительского суда и признание незаконности несудимых грамот (главы 66 и 67), кроме того, отстаивание прав святительского суда в церковных слободах (глава 98). В финансовом отношении святители должны были понести некоторые жертвы: им следовало выявить в своих епархиях пустые церкви и давать им льготу на пятнадцать лет (глава 70); вместе с царем должны были давать средства на содержание больных монахов (глава 71).

Черное духовенство на Стоглавом соборе не получило практически ничего: казна монастырей попала под контроль монастырских дворецких, игумены лишились права самостоятельно распоряжаться монастырскими финансами (глава 49); поставление игуменов попало под контроль царя (глава 86), руга монастырям могла быть уменьшена (глава 97). Монастыри могли лишь рассчитывать на получение некоторых средств за счет царя и иерархов (глава 71).

Белое духовенство получило точно обозначенные размеры пошлин архиереям (глава 41, вопрос 4), за венчание (глава 48). Руга белому духовенству также оставалась, видимо, без изменений. Были введены твердые размеры пошлин за освящение церковью (главы 45, 47).

Представляется, что установление твердых размеров пошлин было выгодно и епископам — следуя установленным нормам, они избавлялись от возможных тяжб с белым духовенством, которые легко могли быть использованы светскими властями для сведения неугодных иерархов.

Кроме того, решениями Собора было запрещено ростовщичество святителям и монастырям (глава 76); используя св. Правила, духовенство еще раз подчеркнуло неприкосновенность церковных и монастырских земель, изъятие которых допускалось только по завещанию (глава 75).

Как нам представляется, в финансовом отношении в наибольшем выигрыше оказывались архиереи, монастырям же пришлось тяжелее всего — они потеряли несудимые грамоты. Государственные финансы также не получили ожидавшегося облегчения.

Епископат в целом мог быть доволен результатами Собора, чего нельзя сказать о черном духовенстве. Борьба на Стоглаве между различными группами духовенства завершилась, в общем, в пользу иерархов.

Светская часть правительства во главе с А. Ф. Адашевым, учитывая сложившуюся ситуацию и отсутствие на заключительных заседаниях Собора большей части игуменов, провела Приговор от 11 мая, выгодный, прежде всего, казне. По нему большие потери несло именно черное духовенство, хотя и владыки подпадали под статьи об изъятии захваченных «насильством» земель и розданных боярскими правительствами владений. Но, видимо, их потери были неизмеримо меньше потерь монастырей, так как иерархи получали большие доходы от управления Церковью и суда. Казна же получала возможность сбросить с себя тяжкое бремя ежегодных выплат духовным корпорациям.

Общий итог Стоглавого собора в области финансов: во-первых, государственная казна, в конце концов, получила некоторое облегчение; во-вторых, в распоряжение правительства поступали земли, изъятые у монастырей по Приговору.

Кроме того, под контроль государя официально перешло назначение игуменов, контроль за монастырской казной и составом святительских бояр.

Святители как определенная часть духовенства оказались в наибольшем выигрыше. Видимо, их общие интересы перевесили их интересы как представителей определенных корпораций. Может

быть, на Соборе состоялся определенный торг за архиерейские места, ведь практически сразу после Стоглава в составе иерархии произошли некоторые изменения.

Одно белое духовенство почти не затронули финансовые изменения — оно лишь получило твердые размеры пошлин.

Таким образом, решения Собора определялись борьбой внутри церковной организации между отдельными группами духовенства и представителями различных духовных корпораций. Этой борьбой в самом конце Стоглава умело воспользовалась светская часть правительства и провела решения, несколько облегчающие положение государственной казны. То есть можно сказать, что в самом конце работы Собора произошел фактически сговор иерархов с правительством *за счет монастырей*³⁴⁸.

Полагаем вслед за другими исследователями, что именно эти финансовые вопросы и вызвали наибольшие трения на Соборе. Большинство же вопросов о порядке богослужения, культуре, быте и других не должны были стать причиной споров.

Решения Стоглава необходимо рассматривать с разных сторон. С одной стороны, это исправление церковных беспорядков, правового духовенства и мирян, обрядов богослужения; с другой — это результат борьбы между различными группами духовенства по финансовым вопросам, на заключительном этапе осложненной вмешательством светских властей, а еще — это шаг на пути слияния Церкви и государства и создания Православного Царства, особенностью которого было максимальное сближение церковного и государственного, причем с сохранением за Церковью определенной доли самостоятельности и возможности влиять на принятие государственных решений.

Необходимо помнить, что подготовка и ход Собора совпали с началом реформ Ивана Грозного и Казанской войной. Очевидно, что на ведение войны требовались деньги и получить их можно было от Церкви. Именно этой необходимостью, как нам представляется, и вызваны настойчивые попытки светской части правительства улучшить положение государственной казны.

Видимо, все правительство «Избранной рады» понимало необходимость реформ. Они — следствие принятия Иваном IV царского титула и результат желания правительства «обустроить» страну и привести ее в соответствие с новым статусом государства. Не случайно поэтому, что церковные улучшения были одними из первых.

Они — лишь часть реформ, проводившихся в конце 40-х — 50-е годы XVI в. и имевших конечной целью создание Русского Православного Царства. Кроме того, стремление очиститься от недостатков, от грехов — это ответ на неудачный (до 1551 г.) ход Казанской войны.

* * *

Вопрос о времени составления книги соборных решений («Стоглава») важен: если предположить, что «Стоглав» составлен одновременно с ходом самого Собора, то окажется, что его структура более или менее отражает порядок работы этого собрания. Из этого можно сделать далеко идущие выводы: например, о происходившей якобы на Соборе борьбе между «иосифлянами» и «нестяжателями», о стремлении духовенства затянуть решение наиболее волновавших царя Ивана и правительство вопросов и т. д. Часть исследователей действительно делает такие выводы³⁴⁹. Другие же историки предполагают, что составление «Стоглава» произошло спустя несколько лет после Собора³⁵⁰. Вызывает споры, что на основании чего составлено: Наказные списки на основании «Стоглава» или наоборот. Н. Кононов, например, считал, что списки составлены раньше «Стоглава», в то время как большинство исследователей придерживаются прямо противоположной позиции³⁵¹. Наконец, в самое последнее время со своими наблюдениями над генезисом текста «Стоглава» выступила Е. Б. Емченко. Текстологическое сравнение этого памятника и Наказных списков привело ее к выводу о том, что текст «Стоглава» отличается большим разнообразием используемого материала и составлялся он после окончания соборных заседаний с применением ранее подготовленных посланий, выписок и проч.³⁵²

Для нас же наиболее важно следующее: текст «Стоглава» не является протоколом соборных заседаний, и расположение его глав не может, видимо, служить для обоснования выводов о стремлении духовенства замолчать некоторые вопросы.

Но когда же был составлен «Стоглав», какой срок прошел со времени окончания Собора? Для ответа надо обратиться к источникам, в которых упоминается Соборное уложение как существующий документ. Оно неоднократно упоминается в выписи, данной Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину. Выпись датирована апрелем 7060 г. (1552 г.)³⁵³. Можно найти и более ранние упоминания о

«Стоглаве». В июле 1551 г. митрополит Макарий послал грамоту в Симонов монастырь. В приписке к грамоте говорится: «Ис тое же соборныя книги выписати глава 49, глава 50, главы 51, 52. Глава 75-я, 76-я, 67-я, 68-я. Глава 31-я царских вопросов»³⁵⁴. Все главы говорят о монастырях. Следовательно, уже к июлю Соборное уложение существовало. «Стоглав» упоминается в соборном Приговоре от 26 мая 1551 г.³⁵⁵

Упоминается Уложение и в главе 99 «Стоглава», в которой говорится о посылке к бывшему митрополиту Иоасафу и другим лицам. Понятно, для того чтобы послать на отзыв решения Собора, их нужно было иметь в написанном виде. Дм. Стефанович полагает, что была отправлена первая редакция памятника, а после получения ответа Иоасафа была составлена вторая редакция. Сложность состоит в том, что неизвестно, когда была направлена делегация к Иоасафу. Стефанович считает, что уже в феврале 1551 г., но это спорное мнение. Тем более, что в указе об избрании поповских старост от 17 февраля 1551 г. нет ссылок на Уложение, а упоминаются только «повеление» царя и благословение митрополита и Собора³⁵⁶. Вероятно, если бы «Стоглав» уже существовал, он был бы упомянут.

Таким образом, представляется, что первая редакция памятника была составлена в промежуток времени между 17 февраля и 26 мая 1551 г. Если же учесть мнение Е. Б. Емченко о составлении «соборной книги» после окончания соборных заседаний³⁵⁷, то придется признать, что дата, находящаяся в первой главе «Стоглава» (23 февраля 1551 г.), относится, скорее, не к началу работ самого Собора, а, видимо, к началу составления Соборного уложения. Но, в любом случае, промежуток времени между окончанием работы Собора и составлением «Стоглава» не превышал нескольких месяцев.

«Стоглав» — это не протокольная запись соборных заседаний, а сложный, составной памятник, включающий в себя решения Собора, царские речи, вопросы. В значительной степени это «художественное», литературное произведение, и делать на основании расположения глав выводы о порядке работ Собора не представляется возможным.

Как же доводились решения Собора до населения России? Очевидно, что самым простым было направить в разные города само Соборное уложение. Видимо, так и поступали. Например, в извест-

ном послании Сильвестра казанскому воеводе А. Б. Горбатову есть слова о том, что Уложение имеется у свияжского протопопа³⁵⁸. Однако с рассылкой полного текста «Стоглава» возникли проблемы — очень большой объем памятника вызывал трудности с переписыванием.

Власти пошли по другому пути. Стали рассылаться Наказные списки. Сохранились следующие: Смоленский, Владимирский, Каргопольский, в Вязьму и Хлепен. Наконец, имеется уже упоминавшаяся грамота Макария в Симонов монастырь, к которой прилагались главы, относящиеся к монастырскому быту. Все Наказные списки опубликованы.

Первой по времени является грамота митрополита в Симонов монастырь от июля 1551 г. И. Беляевым были опубликованы Наказные списки во Владимир от 10 ноября 1551 г. и Каргополь от 2 февраля 1558 г.³⁵⁹ Дата последнего списка говорит о том, что ознакомление населения с решениями Собора продолжалось в течение многих лет. А. Павлов напечатал Наказной список в Вязьму и Хлепен, посланный в 1552 г. от епископа Сарского и Подонского Саввы³⁶⁰.

Интересно отметить, что все эти списки обращены не ко всему населению городов и уездов, а лишь к духовенству и должностным лицам — к городovým приказчикам, посадским, волостным и сельским старостам, целовальникам, игуменам, священникам и диаконам³⁶¹. Это, видимо, связано с тем, что в списках много внимания уделено суду, а это касалось в основном должностных лиц, которые участвовали в суде на основании главы 68 «Стоглава».

Уместно предположить, что подобные Наказные списки были отправлены в большинство городов.

Что же касается простого населения («всех православных христиан»), то о том, как доводились решения Стоглавого собора до них, позволяет судить выпись, данная Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину, датированная апрелем 1552 г.³⁶² Первая часть выписи говорит о духовенстве — Берсеневу и Тютину предписывается следить за тем, чтобы монахи и священники «не упивались в пьянство», не ходили по корчмам и не сквернословили «на соблазн мирским человекам». Нарушителей предписывалось направлять в монастыри «на смирение» или епископам для наказания. Кроме того, с виновных взыскивался штраф.

К мирянам обращена вторая часть выписи. Андрею и Хозяи-

ну приказывается велеть «по торгам кликати», чтоб православные именем Божиим во лжи не клялись, «креста накриве не целовали», не сквернословили, не брили бороды и усы. Запрещается также ходить к волхвам и чародеям и принимать их у себя. Если же кто-либо будет обличен в этих грехах, то быть ему в великой опале от царя, а от святителей — в духовном запрещении³⁶³.

Нетрудно заметить, что для всеобщего сведения были объявлены решения Собора, которые находятся в главах 37, 40, 41 (вопросы 17, 22), 49 и 52. Можно предположить, что подобные объявления были сделаны населению и в других городах. Интересно, что до населения была доведена лишь небольшая часть решений Собора — те, что касались непосредственно всех жителей. Большую информацию получило духовенство и должностные лица³⁶⁴.

Итак, мы видим, что решения Стоглавого собора могли доводиться до населения тремя путями: во-первых, рассылкой полного текста Уложения; во-вторых, Наказными списками; в-третьих, объявлениями на торгах. Причем строго следовали принципу, который заключался в том, что до разных слоев населения доводилось лишь то, что их непосредственно касалось. Так, в Симонов монастырь послали главы о монастырских порядках, в города (к церковнослужителям и должностным лицам) — о белом духовенстве и суде; во всеобщее сведение объявили лишь о запрещении сквернословить, брить бороды, лживо целовать крест и ходить к волхвам.

Сразу же после окончания работ Стоглавого собора, в мае 1551 г. правительство провело пересмотр жалованных грамот. Этот вопрос был предметом пристального изучения отечественных историков³⁶⁵. Наиболее полно эту проблему рассмотрел С. М. Каштанов. По его вполне обоснованному мнению, в мае 1551 г. произошла ликвидация монастырских тарханов, которая укрепила государственные финансы. Исследователь имеет в виду, что с монастырских вотчин стали взиматься основные государственные налоги. Это явилось одной из важнейших реформ правительства Грозного, и до времен опричнины эта реформа проводилась в жизнь более или менее повсеместно³⁶⁶. Подобная мера была вызвана интересами государства и соответствовала Судебнику 1550 г. Очевидно, что и само духовенство осознавало нужду правительства в средствах для решения важнейших внешнеполитических задач и, видимо, не высказывало каких-либо протестов.

Завершая рассказ о Стоглавом соборе, хотелось бы отметить, что его решения оказывали большое влияние на многие стороны русской жизни вплоть до времени Петра I. Основным действующим лицом Собора был предстоятель Русской церкви митрополит Макарий. Очевидно, что Собор — это центральное событие за все время первосвятительства Макария. Считаем, что роль его в выработке программы деятельности и в работе Собора была очень велика. Видимо, основные решения Собора отражали точку зрения митрополита на то, каким должно быть создающееся Русское Царство. Б. Н. Флоря пишет о том, что провозглашенная «Стоглавом» программа реформ была осуществлена лишь частично, особенно в той части, которая затрагивала интересы светских властей. Исследователь подразумевает, что не произошло ослабления зависимости духовенства от государства³⁶⁷. По нашему мнению, подобная постановка вопроса не совсем правомочна: Макарий и остальные участники Собора не выступали за невмешательство государства в дела духовенства. Наоборот, они приветствуют подобное участие царя. Многие решения «Стоглава» прямо призывают к вмешательству светских властей: участие Грозного в поставлении игуменов, в контроле за монастырской казной и назначении святительских бояр получило после Собора официальную санкцию. Таким образом, основная идея «Стоглава» — это слияние государственного и церковного, взаимопроникновение Церкви и государства в сферу компетенции друг друга. Иными словами, все государственные проблемы затрагивают Церковь, а все церковные — входят в компетенцию царя. Безусловно, подобные отношения являются идеалом, но именно этот идеал и стремится отразить «Стоглав».

После Стоглавого собора участие митрополита в общеполитических делах стало не столь заметно, как в конце 40-х годов. Это объясняется, видимо, тем, что ситуация в стране несколько стабилизировалась (если сравнивать с насыщенными переворотами временами боярского правления) и практически отпала необходимость в сложных случаях апеллировать к авторитету Церкви, привлекая ее в качестве третейского судьи и для моральной поддержки в перипетиях борьбы придворных группировок. Точка зрения церков-

ного руководства на сложившееся к началу 50-х годов положение отражена в Книге Степенной царского родословия: «Все же люди умилишася и на покаяние уклонишася от главы и до ногу, яко сам благочестивый царь, тако же и вельможи его, и до простых людей вси сокрушенным сердцем, первая греховная дела возненавидивше, и вси тщахуся и обещахуся Богу угодные дела сотворити елико кому возможно. Милосердный же Бог, видя полное смирение и сокрушение сердечное и благое произволение людей своих и тако праведный гнев свой умали и ярость свою отврати от них и паки благословением обнови их и милость свою умножи на них и всякие требования и богатства и утавари другая сугуба дарова им . . . Тако же и торговая купля преизобиловала»³⁶⁸. На активность Макария в политических делах могло повлиять и то, что к началу 50-х годов он был уже глубоким старцем, и ему, очевидно, даже по состоянию здоровья было тяжело так же активно, как ранее, заниматься государственными заботами³⁶⁹. Вместе с тем это не означает, что митрополит совсем перестал участвовать в событиях, и сейчас мы остановимся на некоторых эпизодах, в которых влияние Макария было значительно.

* * *

Огромную роль сыграл митрополит Макарий в Восточной политике Русского государства конца 40-х — начала 50-х годов XVI в.³⁷⁰ Об активном участии главы Церкви в подготовке и идеологическом обосновании Казанских походов говорят летописи, и в первую очередь Никоновский свод. Уже в 1548 г. «умыслил царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси с митрополитом и з братиею и з бояляры итти на своего недруга на Казанского царя Сафа Кирсы и на клятвопреступников казанцев за их клятвопреступление»³⁷¹. Однако этот поход окончился неудачно — русская армия даже не смогла подойти к Казани.

Безуспешный поход не остановил царя Ивана. В 1550 г. предпринимается второй поход. Так же, как и перед первым, проводится совещание в присутствии митрополита Макария. 24 ноября Иван Васильевич выехал из Москвы, 3 декабря он находился уже во Владимире. Отсюда государь посылает за митрополитом окольничего Андрея Квашина. В армии возникли осложнения на почве местничества. Сам царь не смог уладить дело и пришлось прибегнуть к

авторитету Макария. Это показывает незаменимость митрополита и огромное влияние, которым он пользовался в войске. Предстоятель не замедлил явиться вместе с Крутицким епископом Саввой.

Макарий призвал воевод верно служить царю, сообщив также, что «государь вас за службу хочет жаловати, а за отечество беречи, и вы бы служили, сколько вам Бог поможет, а розни бы и мест никакоже меж вас не было, но свяжитесь любовью нелицемерную, противу врагов стати мужественно, а будет кому с кем непригоже быти отечества ради на брани против врагов, и вы бы то в забвенье положили, а государево бы дело земское делали, не яростную мыслью друг на друга взирая, но любовию; а как с государева с дела с земского придете, хто захочет кому с кем счестися о отечестве, государь счет даст»³⁷². Укрепив с помощью митрополита войско, Иван Грозный продолжил поход.

Казань опять взять не удалось, но в непосредственной близости от города было решено построить крепость Свияжск, которая должна была стать базой для последующих операций. Новый город был построен в короткие сроки, но на него сразу же обрушились разнообразные напасти: мор и нападения татар. Получив печальные известия, царь в очередной раз обращается за советом к митрополиту. По рекомендации первосвященника были отслужены молебны и в Свияжск послан архангельский протопоп Тимофей со святой водой. Вместе с протопопом Макарий посылает поучение к воеводам и всем жителям города.

Послание начинается с благословения. Далее идет историческая справка, рассказывающая о недавних событиях: «И дарова Бог царю и всему его воинству светлую бес крови победу на вся супротивныя, Казанское царство покорися и во всю волю вдася царю нашему . . . » Макарий описывает величие и успехи Руси: освобождение множества пленных и переход татарских мурз на царскую сторону. Затем следует вопрос — как же мы отблагодарим Бога за его милость? Что Бог требует за свое покровительство Русской земле? Оказывается, Вседержитель требует совсем немного: только точно соблюдать заповеди. Заповеди эти легки — надо иметь истинную непорочную веру, проявлять милость ко всем, судить праведно, заступаться за бедных, освобождать пленных, блюсти духовную чистоту, вспоминать смертный час и готовиться к Страшному Суду. «Наипаче же подобает воздерживатися от объедания, от упивания и от всякого глумления непотребного и пустошного смехотворения,

и еже себе не любо, инем не творише». Видимо, в далеком Свяжске население не проявляло особого рвения к церковным службам, и Макарий специально останавливается на этом вопросе, призывая слушать «божественное пение со всяким благословением и со вниманием, отложивше всяко мирское попечение».

Но люди должны не только стараться сами быть непорочными, но и не давать другим «заблудиться» от истинного пути. А сейчас дошли до Москвы слухи, что горожане отклонились в «страсти безчестные». Именно этими слухами и вызвано послание митрополита. Какие же грехи вменяет в вину жителям Свяжска Макарий? Бритье бороды, содомский грех, растление отпущенных из Казани пленников. Святитель угрожает грешникам карами небесными и завершает послание призывом сравнить «от какой славы в какое бесславие уклонишася и от каковыя чести в какво безчестие возводишася и ныне от супротивных посмехаемы». Необходимо отказать от греха, так как об одном грешнике кающемся великая радость бывает на небесах ангелам и самому Богу. Если же кто не покается, то таким угрожает великая опала от царя и отлучение от Церкви³⁷³.

Еще нагляднее участие митрополита в Восточной политике проявилось в 1552 г. Уходя в поход, Иван IV наказывает Макарию: «Брата же нашего на благодарные дела поучай, такоже и бояр, оставших zde, во всем наказуй; такоже, господине, и жену мою царицу Анастасию, непразну суцу духовно во всем побереги»³⁷⁴. Если же учесть, что брат царя князь Юрий Васильевич был слабоумным от рождения, то становится ясным, что Макарий остался фактически правителем государства на время царского отсутствия.

Во время всего похода между царем и митрополитом продолжалась переписка. По Никоновскому своду она выглядит следующим образом:

1. Первое послание митрополиту Иван IV отправляет из Коломны между 19 и 21 июня с сообщением о том, что Крымский хан идет на русские украинны, и с призывом молиться за победу³⁷⁵.

2. Около 25 июня царь посылает послание царице Анастасии, митрополиту и князю Юрию Васильевичу с известием об уходе хана. Макария, кроме того, Иван призвал молиться и потребовал благословения на путь к Казани³⁷⁶.

3. С 13 июля царь был в Муроме. Сюда ему привез грамоту не названный по имени митрополичий боярин. В летописи грамота

датирована 13 июля. Если число указано правильно, то государь, скорее всего, получил ее числа 15-го. Это объемное послание, в котором митрополит ставит царя в известность о том, что он и весь Освященный собор непрестанно молят Бога о победе русского оружия. Далее в послании идут призывы не грешить, уверения в том, что павшие на поле боя получают от Бога «сугубую мзду»³⁷⁷.

4. До 20 июля Иван IV послал Макарию ответ на его послание с благодарностью за наставление. Здесь же царь извещает о том, что из Мурома выступает в Ильин день, то есть 20 июля³⁷⁸.

5. После взятия Казани, 2-4 октября Иван послал к Анастасии, Макарию и князю Юрию Васильевичу Данилу Романовича Юрьева с известием об этом событии³⁷⁹.

Таким образом, в Никоновской летописи упоминается о четырех посланиях царя митрополиту и об одном послании Макария. Однако существуют и другие рассказы о Казанском походе. Один из них был опубликован в шестом томе Полного собрания Русских летописей. Это так называемый Отрывок русской летописи. По этому источнику история переписки между царем и митрополитом выглядит несколько иначе.

1. Послание царя Ивана из Коломны с известием о том, что Крымский хан бежал³⁸⁰. Нет сомнения, что это письмо то же, что и упоминаемое в Никоновской летописи, с призывом молиться о победе и с требованием благословения на поход к Казани.

2. В Отрывке описывается реакция Анастасии на царское послание: царица «плачуще на мног час». Макарий ее утешает. Вскоре царица, князь Юрий Васильевич и митрополит посылают царю грамоты с призывом вернуться в Москву, причем их грамоты были получены Иваном IV, когда он был еще в Коломне, то есть до 4 июля. Особо указывается, что царь не послушал «молений» брата, жены и Макария³⁸¹. В Никоновской летописи это послание не упоминается.

3. Около 13 сентября уже под Казань прибыл митрополичий боярин Иван Плещеев. Он привез Ивану IV и князю Владимиру Андреевичу благословение, образа Богоматери и послание. В этой грамоте Макарий просит прощения за то, что писал в первом своем послании (очевидно, № 2). Далее идет исторический экскурс, из которого становятся ясными преступления казанцев и их «неправда». Макарий пишет о том, что вместе со всем освященным собором молит Бога о победе, благословляет царя и все русское воинство³⁸².

4. После взятия Казани Иван IV отправляет в Москву Данилу Романовича Юрьева с известием о победе³⁸³. Это указание совпадает с Никоновской летописью.

Как видим, здесь упоминаются два послания митрополита и два послания царя. История переписки в двух источниках существенно отличается. Так, в Отрывке нет известий о послании Макария от 13 июля, которое царь получил в Муроме, а пишется, наоборот, о том, что митрополит призывал государя вернуться, когда тот находился еще в Коломне.

Возникает вопрос: может быть, автор Отрывка был плохо осведомлен о переписке и случайно пропустил некоторые послания? Однако этому предположению препятствует следующее: если признать истинность переписки и в Никоновской летописи, и в Отрывке, то окажется, что, во-первых, Макарий в промежуток времени между 26 июня и 3 июля направил Ивану IV послание с призывом вернуться в Москву (№2 в Отрывке), а уже 13 июля резко изменил свое мнение и послал грамоту с благословением (№3 в Никоновской). Это представляется маловероятным. Во-вторых, в послании под Казань (№3 в Отрывке) митрополит просит прощения за предыдущее послание. Очевидно, это не может относиться к посланию №3 в Никоновской летописи, а только к грамоте №2 в Отрывке. Таким образом, мы не можем принять предположение о том, что Отрывок и Никоновская летопись дополняют друг друга в части, касающейся переписки между царем и митрополитом. Ясно, что часть посланий, указанных в этих источниках, в действительности не была написана и история переписки в одном из них сознательно изменена.

О Летописце начала царства, который находится в составе Никоновской летописи и в котором помещена интересующая нас переписка, писали довольно много³⁸⁴. Ученые полагают, что в его составлении активное участие принимал А. Ф. Адашев. Что же касается Отрывка русской летописи, то он не привлекал особого внимания исследователей (об этом ниже). Вопрос же о переписке между царем и митрополитом во время Казанского похода и о различиях двух переписок, насколько нам известно, не поднимался.

Попробуем если не решить, то наметить пути решения этой проблемы. Попытаемся сначала рассмотреть следующие вопросы: во-первых, время написания Отрывка; и, во-вторых, достоверность

сведений, которые есть в Отрывке, но отсутствуют в официальной летописи.

Представляется, что интересующий нас текст не мог быть написан после 1584 г., так как в самом конце рассказа о взятии Казани читаем: «Да видети бы нам государя на Кieve, православного царя великого князя Ивана Васильевича всея Руси»³⁸⁵. Понятно, что такое пожелание могло иметь место, если Грозный был еще жив. Но, видимо, после поражения в Ливонской войне и во время неудач в ее конце такое пожелание было бы неуместно и выглядело бы издевкой. Скорее всего, оно могло быть актуально до 1578 г., когда исход войны еще не был определен.

Нижняя дата написания Отрывка устанавливается по упоминаемым в тексте церквам, которые сейчас («ныне») паходятся в городе Казани. Понятно, что до их строительства рассказ не мог быть написан. В Отрывке упоминаются следующие церкви: Киприана и Устиньи, Спаса Исуса Христа нерукотворного образа, Николы Чудотворца, преподобного Сергия³⁸⁶. Что касается церковей Киприана и Устиньи и Спаса Нерукотворного образа, то они были поставлены в первые же дни после взятия Казани, 3–4 октября³⁸⁷; церковей Николы Чудотворца — видимо та, что находилась в Спасо-Преображенском монастыре, а сам монастырь был основан в 1556 г. святым Варсонофием. В 1566 г. эта церковей была уже каменной³⁸⁸. Церковей Сергия Чудотворца также существовала к 1566 г. — в Писцовой книге читаем: «Внутри города у Тюменских ворот, что ныне Сергиевские ворота, церковей Сергия Чудотворца. . . »³⁸⁹. То есть к 1566 г. все церковей, перечисленные в Отрывке, уже существовали. О церковях в Казани есть упоминание и в первой редакции Казанской истории. В ней перечислены пять первых церковей: соборный храм Благовещения; Воскресения Господа нашего Исуса Христа; св. Киприана и Устиньи; Спаса нерукотворного образа; Николы Чудотворца³⁹⁰. Последней упоминается церковей Николы Чудотворца, она не могла быть построена раньше 1556 г. Следовательно, церковей преп. Сергия, не упоминаемая в числе пяти первых храмов, могла быть построена не ранее 1556 г. На этом основании мы предполагаем, что Отрывок не мог быть написан ранее 1556 г. Упоминание же в его тексте пожелания царю быть на Кieve может позволить уточнить датировку. Представляется, что до 1560 г., то есть до активного вмешательства Литвы в Ливонскую войну, такие пожелания были не совсем уместны. России не было выгодно вмешательство

других государств в войну. Таким образом, мы предполагаем, что Отрывок мог быть составлен в промежуток времени от 1560 до 1578 г.

В Отрывке мы находим некоторые известия (кроме переписки царя с митрополитом), которых нет в Никоновской летописи, но которые упоминаются в других источниках. Так, здесь говорится о том, что царь Иван перед походом в Коломну для отражения нападения Крымского хана посетил Троице-Сергиев монастырь³⁹¹. Это известие подтверждается — в опубликованной А. Н. Насоновым повести о Казанском походе об этом также говорится³⁹². В официальной Никоновской летописи отсутствуют сведения о том, что под Казань приехали Троицкие старцы, среди них Адриан Ангелов. В Отрывке этот эпизод упомянут, правда, Ангелов ошибочно назван Андреем³⁹³. Об этом же говорится в опубликованной А. Н. Насоновым повести³⁹⁴ и в первой редакции Казанской истории, правда, в ней имена не указаны вовсе³⁹⁵.

Мы видим, что известия Отрывка заслуживают пристального внимания, в том числе и те, о которых не упоминается в Никоновской летописи, так как некоторые из них подтверждаются другими источниками. В конце XIX в. Г. З. Кунцевичем были опубликованы рассказы о Казанских походах, второй из них чрезвычайно близок к интересующему нас Отрывку³⁹⁶. Этот рассказ извлечен из сборника, принадлежавшего Нифонту Кормилицыну и написанного при его ближайшем участии. Нифонт был довольно известным церковным деятелем: с 1522 по 1544 г. он был игуменом Иосифова монастыря, с 1544 по 1554 г. — архимандритом Новоспасского монастыря, а с марта 1554 по 1559 г. — епископом Крутицким. Скончался же Кормилицын, по предположению Р. П. Дмитриевой, в 1561 г.³⁹⁷ Близость Нифонта к митрополиту Макарию едва ли может быть поставлена под сомнение — ведь именно при Макарии Нифонт становится архимандритом, а затем и епископом. Известна и роль Новоспасского архимандрита на Соборе 1549 г., осудившего Исака Собаку. Именно он 19 февраля подал Собору писание, в котором говорилось о реакции бывшего митрополита Даниила на поставление Исака в архимандриты митрополитом Иоасафом. Интересно и то, что Нифонт назван первым среди группы настоятелей монастырей — участников Собора³⁹⁸.

На первых листах сборника, содержащего в себе рассказ о Казанском походе 1552 г., сохранилась запись: «... и письмо его, а

писал сам архимандрит у Спаса на Крутицах а общался сию книгу дат во Осифов монастырь и как преставлюсь и Бога ради Иисуса Христа дали б сию книгу во Осифов монастырь чтоб мою грешную душу помянули»³⁹⁹. Выходит, что этот сборник был написан до марта 1554 г., то есть до того времени, когда Нифонт стал Крутицким епископом и перестал быть Новоспасским архимандритом. Очевидно, что рассказ о взятии Казани не мог быть написан раньше ноября 1552 г., скорее всего в 1553 г.

Кто же мог быть автором рассказов о Казанских походах? Еще Г. З. Кунцевич предположил, что их автором мог быть сам Нифонт, причем первый рассказ о походе 1550 г. он писал как его участник, а второй — со слов очевидцев событий⁴⁰⁰. Об этом же писала и Р. П. Дмитриева⁴⁰¹.

Если это действительно так, то возникает вопрос, как соотносится рассказ Нифонта с Отрывком русской летописи? Сходство между ними большое, но имеются и различия: в рассказе Нифонта более точно указаны даты событий. Троицкий монах Ангелов правильно назван Адрианом, а не Андреем, отсутствует текст послания Макария под Казань, хотя о нем говорится; указание на построенные в городе церкви дается только один раз (о храме Иисуса Христа Нерукотворного образа); рассказ Нифонта охватывает меньший промежуток времени: с 13 августа до 2 октября, в то время как Отрывок описывает события всего похода: с момента выхода из Москвы до возвращения обратно с победой. Первоначально Г. З. Кунцевич считал, что рассказ Нифонта являлся одним из источников Отрывка⁴⁰². Так думает и Р. П. Дмитриева⁴⁰³. Однако затем Г. З. Кунцевич изменил свое мнение и предположил, что рассказ Нифонта и Отрывок имели общий источник, чем и объясняется их сходство. Свое новое мнение он обосновывает тем, что в Отрывке есть данные, каких нет в рассказе Нифонта⁴⁰⁴. Но если допустить, что автор Отрывка пользовался и другими источниками, кроме рассказа Нифонта, то наличие новых сведений можно легко объяснить. Кроме того, учитывая, что рассказ из Нифонтовского сборника был написан за очень маленький промежуток времени (менее полутора лет до марта 1554 г.), то наличие еще одного письменного источника о Казанском походе вызывает у нас большие сомнения. Более вероятно следующее: тот, кто поведал Нифонту о Казанском походе и чьи сведения стали основой рассказа Новоспасского архимандрита, мог впоследствии, спустя годы, написать сам историю Казанского

«взятия». Этим и объясняется близость Отрывка и рассказа из Нифонтовского сборника. Этим же можно объяснить и неточности в датах Отрывка, и искажение имени Троицкого монаха Ангелова.

То, что рассказ о Казанском походе был записан близким к Макарию церковным деятелем, причем с упоминанием о послании митрополита под Казань (о котором ничего не говорится в официальной летописи) подтверждает, на наш взгляд, то, что история переписки Макария и Ивана IV более верно отражена именно в Отрывке.

Давно замечено, что Отрывок был одним из главных источников второй редакции Казанской истории⁴⁰⁵. Эта редакция могла возникнуть только после 1592 г., так как во всех списках этой редакции имеются главы о Казанских мучениках Иване и Петре, а они были составлены на основании грамоты митрополита Гермогена к патриарху Иову от 1592 г.⁴⁰⁶

Долгое время считалось, что автором Казанской истории был священник Иоанн Глазатый. Это мнение основывается на упоминании В. Н. Татищевым того, что поп Иоанн Глазатый написал историю о взятии Казани обстоятельнее А. М. Курбского. Однако Г. З. Кунцевич пришел к выводу, что Глазатый мог быть автором лишь Отрывка, а не Казанской истории⁴⁰⁷. Это, конечно, не более чем предположение.

Совпадения Отрывка и второй редакции Казанской истории очень значительны. Вместе с тем в Истории есть подробности, которые отсутствуют в Отрывке. Так, в Истории раскрывается содержание послания от митрополита, царицы и князя Юрия Васильевича Ивану IV, которое он получил еще будучи в Коломне:

История

«писаша к . . . царю . . . дабы ему возвратится в . . . Москву и послати на Казанского цара Едигера царей, служащих ему и воевод, елико дозлеет»⁴⁰⁸.

Отрывок

«вскоре посылает великая княгиня к великому князю, и князь Юрий . . . также и митрополит с грамотами посылает, дабы великий князь возвратится в . . . град Москву, и иная многая писаша к нему»⁴⁰⁹.

Как видим, по Истории выходит, что митрополит не призывал

вовсе отменить поход, а лишь предлагал самому царю вернуться в столицу.

В Отрывке также отсутствует описание реакции Ивана IV на эту грамоту. Царь лишь «не усомневся, ни послушав моления их, елико умыслив то и сотвори»⁴¹⁰. В Истории приводится речь, которую произнес Грозный после прочтения этого послания: «Царь не усомнися, ни помысли вспять, ни послуша моления их, но взяв грамоты рек: чего ради, честный отче, совращаеши мя? Не веси ли настоящия нам беда от поганья Казани, колико время пребыхом, яко во тме и мраце, унынием покровени от тех казанских бесермен? Ныне же молю тя: не деи мене, вдаи ми свою молитву и благослови мя, яко Самоил Давида . . . »⁴¹¹.

При рассказе о посылке гонца от Анастасии под Казань История не упоминает его имени⁴¹², в то время как в Отрывке имя указано — Зуй Бурухин⁴¹³. Есть разночтения и в имени митрополичьего боярина, привезшего послание от Макария: в Истории он назван Иван Семснгов сын Фомин Плещеев⁴¹⁴, а в Отрывке — Иван Фомин сын Плещеев⁴¹⁵. Некоторые разночтения есть и в описании образов Богородицы, присланных Макарием Ивану IV и князю Владимиру Андреевичу Старицкому:

История

царю: «украшен золотом и жемчугом и многоценным камением . . .»; Владимиру Андреевичу: «золотом и жемчугом украшен»⁴¹⁶.

Отрывок

царю: «золотом же и бисером украшен»; Владимиру Андреевичу: «золотом же и серебром украшен»⁴¹⁷.

В самом тексте митрополичьего послания есть важное, на наш взгляд, разночтение:

История

«молю убо . . . государю, да не прогневаеыши на мое смирение иже тебе ми перие дерзнувши писати о возвращении твоём в . . . Москву, наипаче усты ко устам глаголати наше смирение твоего ради спасения»⁴¹⁸.

Отрывок

«молю убо . . . государю, да не прогневаеыши на мое смирение, иже тебе первое дерзнувшие писати, уста ко устом глаголати, наше смирение, твоего ради спасения»⁴¹⁹.

В Отрывке нет слов о «возвращении в Москву», что делает текст менее понятным.

В отличие от Отрывка, в Истории келарь Троицкого монастыря Ангелов правильно назван Адрианом⁴²⁰, а не Андреем⁴²¹. Более кратко в Отрывке передана и речь Ангелова к царю:

История

«Бог да сохранит тя, государя нашего, своею благодатью и молитвами угодника своего Сергия чудотворца, и все воинство твое»⁴²².

Отрывок

«Бог тя сохранит своею благодатью»⁴²³.

Список разночтений можно продолжить, однако близость текста этих двух памятников очевидна — в других источниках второй редакции Казанской истории нет известий, которые имеются в Отрывке. Но различия говорят, на наш взгляд, о том, что История и Отрывок имели общий источник.

Связь между текстами Нифонтовского рассказа, Отрывка русской летописи и второй редакции Казанской истории представляется нам следующим образом:

Вторая редакция Казанской истории (составлена после 1593 г.) и Отрывок русской летописи (составлен в 1560–1578 гг.) имели общий источник — не дошедший до нас рассказ о Казанском походе 1552 г. (составленный до 1578 г.). Этот несохранившийся рассказ и рассказ в Нифонтовском сборнике о взятии Казани (составленный в ноябре 1552 — марте 1554 г.) имели, в свою очередь, также общий источник — скорее всего, рассказ очевидца событий (возможно, Иоанна Глазатого).

Возвращаясь непосредственно к истории переписки между Иваном IV и митрополитом во время Казанского похода 1552 г., мы можем предположить следующее: на наш взгляд, история переписки, приведенная в Отрывке русской летописи, более достоверна, чем в Летописце начала царства. Это доказывается тем, что: во-первых, подтверждаются другие сведения Отрывка, о которых ничего не говорится в официальной летописи; во-вторых, упоминание о послании Макария под Казань, о котором ничего не говорится в Никоновской летописи, содержится в сборнике Нифонта Кормилицына, деятеля, близкого к митрополиту, который мог проверить

данные рассказа «очевидца» у самого Макария; в-третьих, история переписки, альтернативная официальной, появилась очень быстро после самих событий и затем получила широкое распространение (во второй редакции Казанской истории)⁴²⁴.

Если наше предположение верно, то может быть поставлена под сомнение роль Макария как вдохновителя похода 1552 г. Однако, по нашему мнению, такое заключение не было бы обоснованным. Ведь митрополит не предлагал отменить поход, а лишь советовал царю вернуться в Москву, отправив под Казань войско. При этом митрополит мог руководствоваться следующими соображениями: во-первых, до него могли дойти слухи о каких-то волнениях в армии, о которых говорит Никоновская летопись⁴²⁵; во-вторых, Макарий мог опасаться повторения набега Крымского хана.

Предполагаем, что совет митрополита царю вернуться в Москву говорит лишь о его предусмотрительности и разумной осторожности. Считаем, что изменение действительной истории переписки в правительственной летописи было вызвано стремлением, с одной стороны, скрыть малейшие разногласия между Иваном IV и митрополитом⁴²⁶, а с другой — возможно, еще раз дать наставление молодому царю⁴²⁷.

Казань была взята штурмом 2 октября 1552 г. Через несколько дней царь отправился в обратный путь. Впоследствии Иван вспоминал, что его «аки пленника всадив в судно, везяху зело с малейшими людьми сквозе безбожную и неверную землю»⁴²⁸. Однако Курбский описывает все совершенно иначе: по его словам, Грозный сам стремился скорее уехать из Казани к своей супруге Анастасии, которая как раз в это время должна была разрешиться от бремени⁴²⁹. Как бы то ни было, в столице государя ожидал триумф. Его встречал митрополит Макарий «с кресты и с чудотворными образы, с архиепископы и епископы и со всем священническим чином». Царь благодарил духовенство за молитвы, которые и помогли взять Казань. С ответной речью выступил Макарий, который указал на то, что на Иване воссияла благодать Божия, сравнивал молодого царя с Константином Великим, Владимиром Крестителем, Александром Невским и Дмитрием Донским. 8 ноября в Грановитой палате состоялся пир, на котором присутствовали представители высшего духовенства во главе с митрополитом, «и дарил царь и государь Макария митрополита и владык всех, в то время прилучившихся, что их святыми молитва-

ми и всенародной молитвой даровал Бог неизреченную свою милость»⁴³⁰.

Но на этом участие Макария в восточных делах не закончилось. Зимой 1553 г. произошли важные события с церковной и политической точек зрения -- были крещены сразу два бывших Казанских хана: Утемиш-Гирей и Едигер-Магмет, причем обряды проводил митрополит⁴³¹. Крещение царей должно было символизировать окончание Казанской войны и покорение ханства, оно являлось важным политическим актом. Вместе с тем должен был возрасти и авторитет Православной церкви среди татарского населения.

Видимо, для привлечения мусульман к православию в том же 1553 г. была проведена канонизация Петра, царевича Ордынско-го⁴³². Через некоторое время было решено поставить в Казань архиепископа «на утверждение вере», причем новый архиепископ занял в русской иерархии третье место — после митрополита Московского и архиепископа Новгородского. Это подчеркивало значение Казанской победы для молодого Русского государства. По решению Ивана Грозного, из всех доходов Казанской земли Церкви переходила десятая часть. Первым архиепископом, с помощью жребия, был избран Гурий. На его поставлении присутствовали и митрополит, и царь с братьями, а также бывший хан — крещеный Едигер (в православии — Семион)⁴³³.

Анализ источников позволяет сделать вывод о большой роли митрополита Макария в идеологическом обосновании активной Восточной политики Русского государства и о стремлении святителя, совпадавшего с желаниями светских властей, закрепить присоединение территории бывшего Казанского ханства с помощью распространения христианства среди местного населения⁴³⁴.

* * *

Следующий после присоединения Казани год -- 1553 -- был насыщен драматическими событиями. Сначала болезнь царя Ивана, которая привела к так называемому «мятежу» бояр, часть которых проявила колебания в принесении присяги малолетнему наследнику царевичу Дмитрию, а затем появление ереси при дворе. Никоновская летопись говорит: «Того же года прозябе ересь и явися шатание в людех в неудобных словесах о Божестве. И царь благочестивый и митрополит Макарей того посыскали, откуда сие зло

изливается и сказали царю и митрополиту на Матюшку Семенова сына Башкина, что он и со своими советники, с Григорием да с Иваном Тимофеевыми детьми Борисова и с иными, испражняют владыку нашего Христа ... И царь и митрополит велели его, изыскав, истязати о сих, он же христьянина себя исповеда, скры в себе вражью прелесть ... мяше бо безумный от Всевидающего ока укрытися. Повеле же царь под полатою у себя в подклете его держати, донеже сыщут о них; а его велел взяти осифовским старцам Герасиму Ленкову да Филофею Полеву, и велел его рассматривать жития. Не терпи Бог злу начинания, напусти на него гнев Свой и нача бесноватися, зле мучим от Него, и язык свой долу извесивши, и не много времени так мучим и по мучению злую свою ересь начал исповедать. И возвестиша сия митрополиту, и митрополит повеле писати ему богохульные свои речи. И на единомысленников своих сказал двух Борисовых, и с иными сказал, советовал о зле, а злое учение, сказал, принял от Литвы ... да и на старцев заволжских говорил, что злобы его не хулили и утверждали его в том. И царь и митрополит того сыскав: и Артемий, бывший игумен Троицкий, и Перфир Малой и Сава Шах, и сыскали про них и от их уст слышали, что всех чудотворцев, верующих в Христа и чудеса творящих, хуляли и правила все и церковные соборы басни вменили. И осудиша их неисходными быти, да не сеют злобы своя роду человеческому, и утвердиша истинный закон христьянский ... а прелесть их посрамиша»⁴³⁵.

Обнаружение ереси Матвея Башкина привело еще к ряду других «дел» — Артемия и Висковатого.

Обратим главное внимание на политическую сторону «дел» Башкина, Артемия и Висковатого, попытаемся выяснить, в какой мере эти «дела» отражают (и отражают ли вообще) противоречия в руководстве Русского государства. При изучении еретичества необходимо обратить внимание на следующее: в отечественной историографии еретические движения очень часто рисуются как реформационные, проводятся аналогии с Реформацией на Западе. Одним из основоположников такого подхода был М. Н. Покровский, который писал: «Если брать дело ... с точки зрения эволюции религиозных представлений, мы не найдем никакой разницы между западным и русским движением. И там и тут дело свелось к применению на практике той точки зрения ... что важно не внешнее, а внутреннее, не поступки, а настроения, “вера”, а не “дела”. Из этого можно

вывести весь протестантизм»⁴³⁶. Еще более определенно выразился А. И. Клибанов. По его мнению, реформационными могут быть ереси, которые выступают против феодальной церкви и освящаемого ею общественного строя и выражают интересы поступательного исторического развития. Эти ереси не перестают быть реформационными, даже если их усилия и не привели к борьбе национального масштаба и не разрослись в Реформацию. Русские ереси выражали прогрессивную по своему содержанию критику феодализма. Они имели глубокие корни в народе⁴³⁷. В своей последней книге А. И. Клибанов указывает на то, что подавление еретической оппозиции в стране затормозило естественный ход развития русской культуры⁴³⁸. Дальше всех в восхвалении еретиков идет А. Л. Янов, который считает их «либеральными интеллигентами», а их осуждение связывает с политической борьбой в руководстве страны, причем с борьбой не по поводу конкретных действий, а по поводу выбора стратегического курса развития России. По его мнению, именно осуждение еретиков и «нестяжателей» стало одной из причин всех последующих бед нашей страны⁴³⁹. При таком подходе очевидна «прогрессивность» еретических учений, становится понятна вся «неприглядная» роль духовенства, осудившего на Соборах «хороших» «вольнодумцев».

Однако связь антифеодальной борьбы с еретическими учениями не представляется нам столь очевидной, как А. И. Клибанову. Не можем мы принять и тезис о том, что «еретики имели глубокие корни в народе». Неизвестно и то, как повлиял разгром еретиков на развитие русской культуры.

Все вышеприведенные замечания необходимо учитывать при работе над темой, так как позиция исследователей, принимающих выводы А. И. Клибанова, не могла не отразиться на их рассмотрении интересующего нас вопроса.

Теперь же перейдем непосредственно к политической стороне Соборов на еретиков 1553–1554 гг. Развитие событий достаточно подробно рассмотрено в работах И. У. Будовница, А. А. Зиминой и Н. Е. Андреева⁴⁴⁰. Поэтому мы остановимся лишь на спорных моментах.

Толчком к Соборам послужило обнаружение ереси Матвея Башкина. Последующие «дела» Артемия и Висковатого так или иначе связаны с этим первым «делом». Кем же был Башкин? Сведения о нем собраны в работе А. А. Зиминой⁴⁴¹. Недавно В. Д. Назаров, на

основании списка поручителей за князя И. И. Пронского (1547 г.), сделал вывод о том, что М. С. Башкин в это время был дьяком, но к 1550-м годам перешел в служилую часть Государева двора. Утрата им позиций в центральном государственном аппарате уменьшила его реальный политический вес⁴⁴². После ареста Башкин назвал своих единомышленников, причем поименно известны только двое — братья Борисовы. Упоминание в источниках Борисовых дает возможность связать «дело» о ереси с событиями марта 1553 г., так как они были родственниками Ефросиньи, матери Старицкого князя Владимира Андреевича. Наиболее полно эту точку зрения аргументировал А. А. Зимин. Он указывает на то, что Башкин в свое время поручился за И. И. Пронского, а Пронский в марте 1553 г. был одним из сторонников Старицких. Близость еретика к удельному двору привела его к поддержке князя Владимира Андреевича в момент «мятежа». Сильвестр также, по А. А. Зимину, сочувствовал Башкину, так как выступал за кандидатуру Старицкого князя. Однако летом 1553 г. обстановка изменилась, над сторонниками князя Владимира нависла угроза и, чтобы обезопасить себя, Сильвестр и Симеон сообщили Ивану IV о новоявившейся ереси. Кроме того, благовещенский поп стремился защититься от нападков Висковатого, слухи о которых доносились до него⁴⁴³.

Несколько иначе представляет ситуацию А. П. Богданов. По его мнению, Сильвестр узнал о планах Висковатого и Романовых обвинить его в ереси. Обвинение планировалось не прямое. Главный удар предполагали нанести по Башкину, чересчур вольно рассуждавшему о богословских вопросах. Башкин нередко разговаривал с Симеоном, а тот сообщал о его словах Сильвестру, на которого, таким образом, падало подозрение в сочувствии Башкину. Но благовещенский поп опередил противников и в июне 1553 г. сам донес царю о ереси⁴⁴⁴.

Точка зрения О. И. Подобедовой такова: «дело» Башкина явилось одним из актов борьбы, которая велась в окружении Ивана IV. Сторонники ограничения церковных владений стремились найти новые формы для разрешения вопроса об обеспечении светских лиц. Башкин «извощил» Апостол, который затем был передан царю Сильвестром. Исследовательница полагает, что Сильвестр передал книгу Ивану как возможное обоснование «назревающих законодательных мероприятий»⁴⁴⁵.

Надо ли говорить, что мнение О. И. Подобедовой едва ли со-

ответствует действительности. В своем построении она исходит из того, что Сильвестр был «нестяжателем». Однако это не так. Никаких других доказательств в пользу своей точки зрения Подобедова не приводит.

Неубедительна и версия А. П. Богданова -- он не приводит никаких сведений в пользу своего предположения. На наш взгляд, именно обнаружение ереси Башкина было использовано противниками Сильвестра для нанесения удара по нему. Если принять мнение А. П. Богданова, то непонятно, чего же ждали Висковатый и Романовы, почему не подали донос раньше Сильвестра?

Р. Г. Скрынников также связывает обнаружение ереси с «мятежом» 1553 г., но иначе, чем А. А. Зимин. По мнению Р. Г. Скрынникова, «вольнодумцы» имели влиятельных покровителей при дворе — княгиню Ефросинью, но заговор 1553 г., организованный ею, скомпрометировал Старицкую в глазах царя и лишил «вольнодумцев» защиты двора⁴⁴⁶.

Однако можно спросить, была ли вообще эта «защита двора»? В источниках нигде не говорится о том, что еретики открыто проповедовали свои взгляды. Башкин после ареста выдавал себя за православного⁴⁴⁷. То есть можно предположить, что «вольнодумцев» до ареста не считали еретиками, хотя, видимо, неблагоприятные слухи о них ходили. После же обвинения в ереси ни о какой «защите двора» речи быть не могло, независимо от того, случилось бы это до «мятежа» или после него.

Мнение А. А. Зимина более аргументировано, хотя, на наш взгляд, из близости Башкина и Борисовых-Бороздиных к княгине Ефросинье ничего не следует. Ведь сам Башкин не был родственником Старицких и неизвестна его позиция во время «мятежа». Доказательства А. А. Зимина очень шатки и не могут однозначно говорить о связи между «мятежом» и раскрытием ереси Башкина.

Если не пытаться привязать раскрытие ереси к событиям марта 1553 г., картина выглядит следующим образом: Матвей Башкин в Великий пост приходит на исповедь к Симеону, затем еще несколько раз встречается с ним. Симеон сообщил о беседах с Башкиным Сильвестру, затем они доложили царю Ивану. Причем дело получило ход, как только Симеон и Сильвестр поняли, что Башкин толкует Апостол «не по существу, а развратно». Нам представляется, обнаружение ереси Матвея Башкина не связано с политическими событиями 1553 г.

«Дело» Башкина дало начало другому «делу» — Артемия. Как заявил на следствии разоблаченный еретик, заволжские старцы «его злобы не хулили и утверждали его в том»⁴⁴⁸. Интересно отметить, что и А. М. Курбский не сомневается в том, что ересью была заражена часть заволжцев. «Митрополит же российский . . . повелел оных ругателей везде имати, хотяще истязати их о расколах их . . . паче же от пустынь заволских, бо и там прозябша оная ругания»⁴⁴⁹. Среди доставленных в Москву оказался и бывший Троицкий игумен Артемий, но не в качестве подозреваемого — он должен был на Соборе по «делу» Башкина вести с ним полемику. Но Артемий предпочел скрыться из столицы в Заволжье. Во второй раз он попал в Москву уже как обвиняемый.

Сохранилась Соборная грамота в Соловецкий монастырь об Артемии, датированная 24 января 1554 г.⁴⁵⁰ В ней излагается ход Собора и обвинения, выдвигавшиеся против бывшего Троицкого игумена.

Основное внимание исследователи уделяли обвинению в том, что Артемий (по словам Троицкого келаря Адриана Ангелова) «говорил . . . что деи пети понихиды и обедни за умерших в том деи пособи нет, тем деи от муки не избудут». На Соборе обвиняемый заявил, что говорил это лишь про тех, кто жил «растленным житием и людей грабил». Участники Собора решили: этим Артемий отнимает у грешников надежду на спасение и в этом «виноват»⁴⁵¹.

Отцы Собора были совершенно правы в своей оценке этих взглядов Артемия. Вопрос же о земельных владениях монастырей здесь прямо не поднимался⁴⁵². Из всех источников только в сочинении Курбского заявляется о том, что Артемий был осужден за «нестяжательство» — осуждение земельной собственности монастырей⁴⁵³. Однако позиция беглого князя едва ли была объективной. Можно указать на целый ряд моментов, которые могли повлиять на Курбского в оценке Артемия и причин его осуждения: во-первых, Артемий, как и сам князь, пострадал от царя; во-вторых, Артемий был в Литве беглецом, таким же, как и сам А. М. Курбский; в-третьих, в Литве Артемий стал защитником Православия от протестантской ереси. Все это могло привести бывшего боярина к положительной оценке Артемия, даже несмотря на то, что, как он сам признавал, в Заволжье были еретики. Кроме того, нельзя забывать об общей склонности Курбского к осуждению современных ему иерархов и

большинства монахов, то есть участников Собора по «делу» Артемия.

В самой же Соборной грамоте о бывшем Троицком игумене гораздо больше внимания уделено «блудным грехам». Именно за эти грехи на Соборе «священство с него сняли и отлучили его по священным правилам»⁴⁵⁴. Причем об этих грехах Артемий сказал сам на себя.

В конечном итоге Собор сослал старца в Соловецкий монастырь «осудиша неисходными быти, да не сеют злобы своея роду человеческому»⁴⁵⁵.

Как же оценивается «дело» Артемия в исторической литературе? В дореволюционных исследованиях признавалась в основном виновность Артемия. Так, Макарий (Булгаков) заявляет, что хотя бывший Троицкий игумен и не был еретиком, но он любил повольподумничать о священных предметах веры и мог оказать вредное влияние на православных, поэтому ссылка его была мерой благоразумной. В сходном духе высказался и С. Г. Вилинский⁴⁵⁶.

В советской историографии основной упор делается именно на «нестяжательстве» Артемия, за которое он якобы и был осужден. Такова точка зрения А. А. Зимина. Для него Артемий — продолжатель дела Нила Сорского и Вассиана Патрикеева. Осуждение было несправедливым, приговор «навязан» Собору «иосифлянскими» иерархами. А. А. Зимин заявляет о том, что в Соборной грамоте материалы «дела» фальсифицированы, нет никаких доказательств ереси Артемия. То, что на него показал Башкин, историк объясняет «подсказкой» «иосифлян»⁴⁵⁷. Однако мнение Зимина о «подсказке» Башкину ни на что не опирается, кроме как на убежденность исследователя в невинности Артемия и ненависти «иосифлян» к его «нестяжательству» (в смысле призывов к секуляризации).

Н. А. Казакова более осторожна в своих высказываниях. Отмечая, что в сочинениях Артемия не встречаются прямые обличения вотчинного быта монастырей, тем не менее он был противником вотчинновладения, так как считал наиболее совершенной формой монашеской жизни скитничество⁴⁵⁸. Наиболее близкой к действительности представляется точка зрения С. Г. Вилинского о том, что если Артемий и был противником церковных стяжаний, то это были лишь «его принципиальные мысли, которые он открыто в дело не приводил»⁴⁵⁹.

По нашему мнению, если у Артемия и были мнения на мона-

стырское землевладение, отличавшиеся от господствующих в то время взглядов, то они не могли иметь реального влияния на события. Он отнюдь не призывал к изъятию церковных владений. И осужден был не как «нестяжатель», а как еретик или, по меньшей мере, как связанный с еретиками.

Представляется, что «дело» Артемия не связано с политической борьбой в руководстве Русского государства⁴⁶⁰, так же как и «дело» Башкина. Однако этого нельзя сказать о третьем «деле» — «деле» Висковатого.

О политической подоплеке выступления дьяка писал еще Е. Е. Голубинский. Об этом же читаем и у Н. Е. Андреева⁴⁶¹. Отрицает политический подтекст «дела» А. Н. Гробовский⁴⁶².

События развивались следующим образом: в октябре 1553 г. Висковатый, в присутствии царя и митрополита, стал критиковать новые иконы, что вызвало резкую отповедь Макария. В ноябре дьяк представил свои «сомнения» в письменном виде митрополиту, который, с разрешения царя, рассмотрел их на Соборе⁴⁶³. Критика новых икон непосредственно затрагивала Сильвестра, так как именно ему было поручено наблюдать за новыми росписями. Кроме того, Висковатый намекнул на связь благовещенского попа с еретиками Башкиным и Артемием. Сильвестр категорически отверг все обвинения⁴⁶⁴. Дело кончилось тем, что на дьяка была наложена епитимья.

Очевидно, что основной удар был направлен против Сильвестра — так и понимает события часть исследователей⁴⁶⁵. И. В. Курукин считает, что выступление Висковатого было направлено не столько против благовещенского попа, сколько против руководства Церкви во главе с Макарием⁴⁶⁶. Считают, что посольский дьяк выступал не сам по себе, а явился выразителем намерений целой партии⁴⁶⁷. Союзниками Висковатого называют Захарьиных, которые таким образом хотели отомстить Сильвестру за его поведение во время царской болезни в марте 1553 г. Представляется, что Захарьины рассчитывали поколебать и позиции Макария, так как он, видимо, также не был сторонником кандидатуры царевича Дмитрия⁴⁶⁸.

Таким образом, по нашему мнению, подоплека «дела» заключалась в следующем: недоумения Висковатого от новых икон стали лишь предлогом для выступления. После событий марта 1553 г. родственники царицы Анастасии затаили неприязнь к Сильвестру

и его покровителю Макарию. Ересь Башкина и обвинения в адрес Артемия дали им возможность связать все в одно «дело», так как Сильвестр в той или иной мере участвовал и в новой росписи соборов, и в событиях, связанных с поставлением Артемия игуменом Сергиева монастыря, и в обнаружении ереси Башкина. Со всеми этими обвинениями и выступил Висковатый. Однако он и Захарьины переоценили свои возможности — положение Макария и Сильвестра не пошатнулось. Возможно, имело значение то, что Макарий и Сильвестр стали сближаться с А. Ф. Адашевым, с которым до этого находились во враждебных отношениях.

В последнее время со своей интерпретацией «дела» Висковатого выступил И. Граля. По его мнению, за спиной дьяка стоял сам царь. Конфликт между Иваном IV и Макарием назревал с 1550 г. Исследователь находит многочисленные «симптомы» споров между царем и митрополитом в 1551–1553 гг., которые переросли в острый конфликт из-за царского проекта секуляризации церковных владений и разногласий о пределах царской власти. И. Граля для подтверждения своего мнения пишет о Стоглавом соборе, Ответе Макария о церковных имуществвах, о роли митрополита во время царского похода на Казань 1552 г., о том, что участие первосвященника в переговорах с Яном Гайко было «демонстративным проявлением немилости» к нему. Ученый считает, что Вассиан Топорков, когда говорил о мудрых советниках, имел в виду Макария, а не Адашева и Сильвестра. Граля рисует картину трехлетнего противостояния царя и митрополита, которое, однако, внезапно прекратилось. По его мнению, выход царя из борьбы с Макарием произошел из-за смерти в июне 1553 г. царевича Дмитрия. Наследником становился князь Владимир Андреевич. Это было опасно для возможных потомков Ивана IV, а Анастасия в это время ожидала ребенка. Это подсказало царю замысел обеспечить права ожидаемого наследника путем примирения с митрополитом. В результате всех этих событий лишь ослабили позиции Захарьиных⁴⁶⁹.

Нам теория И. Граля не кажется убедительной. Если выход царя из конфликта с Макарием был вызван смертью наследника, которая произошла в июне, то непонятно, почему состоялось выступление Висковатого в октябре? Явная хронологическая неувязка.

На Стоглавом соборе вопрос о секуляризации церковных земель не ставился, по крайней мере, известия об этом не сохранились в «Стоглаве». Ответ же Макария, в котором он категорически заявил

о недопустимости изъятия церковных владений, не затрагивал, на наш взгляд, проблему пределов царской власти. Мы считаем, что несмотря на то, что Ответ адресован Ивану IV, инициатором запроса был не царь, а А. Ф. Адашев. Непонятно, почему И. Граля пришел к выводу о том, что роль Макария во время похода 1547 г. была больше, чем в 1552 г. Как пишется в Никоновской летописи, Иван поручил Макарию: во-первых, молить Бога о стране; во-вторых, поучать князя Юрия Васильевича на «благодарные дела»; в-третьих, бояр «во всем наказывать»; в-четвертых, Анастасию духовно беречь⁴⁷⁰. Мы не находим, что роль митрополита уменьшилась.

Участие Макария в переговорах декабря 1552 г. с Яном Гайко также не говорит о «демонстративном проявлении немилости» со стороны царя. Макарий принял участие в переговорах по инициативе литовской стороны. Почему они обратились к первосвятителю? Видимо, потому, что традиционные переговоры зашли в тупик из-за царского титула. Литовцам необходимо было перемирие — они и искали в новой ситуации новых путей. Русская сторона была этим удивлена. Нет ничего неожиданного в том, что часть митрополичьих придворных была заменена на людей царя. Это свидетельствует, на наш взгляд, не о недоверии царя к митрополиту, а о простой предосторожности в неожиданной ситуации⁴⁷¹.

Еще очевидней неубедительность выводов И. Грали обнаруживается в других случаях участия Макария в переговорах с литовцами. Так, в январе 1555 г. Литва опять проявляет инициативу в привлечении митрополита к переговорам. Опять на приеме часть придворных митрополичья, а часть — царская⁴⁷². В том же году от имени Макария была послана грамота в Вильно — столицу Литовского княжества. Ее написал Висковатый, прослушали царь и бояре, а святитель лишь запечатал ее⁴⁷³. Интересно, что в 1555 г. Иван, по словам И. Грали, был в наилучших отношениях с Макарием. Вывод из этого можно сделать лишь один — вся политическая деятельность митрополита была под контролем Посольского приказа. Иными словами, в 1552 г. не видно никакого особого недоверия к митрополиту и «немилости».

Неизвестно, к кому относятся слова Вассиана Топоркова о мудрых советниках, и относятся ли они к конкретным лицам.

Представляется, что мнение И. Грали не соответствует действительности, и «дело» Висковатого не было инициировано царем, а было связано с конфликтом между Захарьиными и Висковатым с

Макарием и Сильвестром. Результатом «дела» было уменьшение влияния Захарьиных.

Из всех «дел» 1553–1554 гг. только последнее имело политическую подоплеку. Однако это последнее «дело» было бы невозможно без первых двух.

В ходе Соборов митрополит Макарий показал себя умелым политиком и борцом с ересями и разногласиями, которые могли потрясти русское общество.

Изучение источников, связанных с «делами» еретиков Башкина и Артемия, приводит нас к выводу о том, что их осуждение было единственным правильным и справедливым решением. Исследователи, придерживающиеся противоположного мнения⁴⁷⁴, исходят, как уже было сказано ранее, из представлений о «прогрессивности» еретических учений. Часты у них ссылки и на западную Реформацию.

Задача духовенства и его главы митрополита Макария состояла именно в том, чтобы не допустить широкого распространения среди населения идей «вольнодумцев» и уберечь таким образом страну от внутренних, а затем и внешних, потрясений.

* * *

Как уже писалось выше, период самой напряженной правительственной деятельности митрополита Макария падает на рубеж 40–50-х годов. Об этом писали и другие исследователи⁴⁷⁵. Однако в начале 60-х годов имя первосвятителя опять появляется в источниках, говорящих об участии митрополита в политических делах. А. И. Филюшкин считает даже, что имело место возрастание влияния этого иерарха как «первосоветника» царя⁴⁷⁶.

Представляется, что усиление политической активности Макария связано с обострением ситуации в стране, с нарастающим конфликтом между царем Иваном и его окружением, с «Избранной радой». Другой причиной можно считать разрастающуюся Ливонскую войну, идеологическое обоснование которой требовало от Церкви определенных шагов.

Запутанность положения проявилась в отправке в действующую армию одного из доверенных лиц Ивана IV — А. Ф. Адашева и уходе в монастырь Сильвестра. Изменения в руководстве страны проявились в росте влияния родственников царицы Анастасии Захарьиных, которые несколько лет перед этим находились в тени⁴⁷⁷.

Одной из вех в развитии кризиса была смерть царицы, последовавшая 7 августа 1560 г.⁴⁷⁸ Выше уже было показано, что Анастасия и ее родственники являлись противниками Адашева и Сильвестра (отчасти, видимо, и Макария), что было связано с событиями «боярского мятежа» марта 1553 г. По сообщению А. М. Курбского, Захарьиным удалось убедить царя в том, что Анастасия была околдована недавними временщиками. Попытка митрополита спасти осужденных, требуя очного разбирательства дела, не привела к успеху⁴⁷⁹.

Через несколько дней после смерти царицы Макарий, с группой представителей духовенства и бояр, предложил государю отложить скорбь по Анастасии и вступить во второй брак. Иван обещал подумать и дать окончательный ответ попозже. Через два дня царь объявил, что решил «для митрополича для прошения и земли для хочет то дело о женитве совершити, а искати бы ему невесты в других землях»⁴⁸⁰. Скорее всего, столь необычная просьба Макария была вызвана тем, что митрополит и часть бояр рассчитывали на ослабление влияния Захарьиных — родственников умершей царицы⁴⁸¹. Возможно также, что обращение духовенства было связано с тем, что царь «нача . . . яр быти и прелюбодейственен зело»⁴⁸².

Решение Ивана IV искать невесту в других землях было, возможно, подсказано Захарьиными, опасавшимися появления новой влиятельной царской родни, если новая царица окажется из московских родов. Таким образом, можно считать, что замысел Макария и бояр ослабить путем нового брака влияние Захарьиных не оправдался. Митрополиту ничего не оставалось, как благословить государя. Видимо, такой поворот был неожиданным для московской верхушки — ведь во время подготовки первого брака Иван заявлял о том, что хочет жениться только в своем государстве, иначе «норовы будут розные, ино между нами тщета будет»⁴⁸³. Невеста была найдена на Кавказе — дочь черкесского князя Темрюка. Свадьба состоялась летом 1561 г., обряд совершал митрополит⁴⁸⁴.

Таким образом, можно прийти к выводу, что попытка активизации Макария в начале 60-х годов не привела к ожидаемому результату: ему не удалось спасти от осуждения своих союзников Сильвестра и Адашева и добиться ограничения влияния Захарьиных.

Напряженность политической ситуации в России отразилась, среди прочего, и в том, что в начале 60-х годов в опалу попали виднейшие представители правящей верхушки, являвшиеся к то-

му же родственниками царя. В 1561 г. арестован был князь Василий Глинский. Конкретные причины этого шага неизвестны. В поручной записи опальный князь обязуется верно служить Грозному, не отъезжать за границу, не выдавать речей, которые он мог услышать в Думе. Глинский отделался сравнительно легко — за него поручилось высшее духовенство во главе с престарелым митрополитом⁴⁸⁵. Исследователи по-разному пытались объяснить провинность Глинского. Так, А. А. Зимин предположил, что князь выражал недовольство браком царя с «бусурманкой»⁴⁸⁶. По мнению Р. Г. Скрынникова, опала царского двоюродного брата была связана с попыткой последнего бежать в Литву⁴⁸⁷. Однако в данном случае источники не позволяют сделать каких-либо конкретных выводов.

Весной следующего года гроза разразилась над головой другого видного аристократа — Ивана Бельского. И в этом случае опального спасло заступничество Макария, к которому обратился князь Иван⁴⁸⁸. В отличие от истории с Глинским здесь имелся факт прямой измены: Бельский собирался бежать в Литву, причем заранее сносился с властями Вильно и получил от короля «опасную грамоту».

Отражением напряженных отношений Грозного со знатью явился Приговор о вотчинах от 15 января 1562 г. Этот документ ограничивал право владельцев распоряжаться своим недвижимым имуществом⁴⁸⁹. Исследователи отмечают антикняжескую направленность Приговора⁴⁹⁰. В то же время Р. Г. Скрынников считает, что законодательство 1562 г. было направлено также и против интересов Церкви, так как ранее выморочные вотчины, как правило, доставались монастырям, теперь же они поступали в распоряжение казны⁴⁹¹. Представляется, что это не совсем так: вклады в монастыри не запрещались, и в годы опричнины их земельные владения резко увеличились.

Влияние святителя на внешнеполитические акции правительства, видимо, в это время не было особо значительно. Так, очередная попытка литовцев привлечь Макария к дипломатическим переговорам закончилась провалом — царь велел митрополиту отказать литовскому послу на том основании, что предстоятель Церкви занимается духовными проблемами, а не политическими⁴⁹². Возможно, неудача переговоров была связана с тем, что Иван IV уже принял решение нанести удар на Полоцк. Походу на Литву был придан характер, как пишет А. И. Филюшкин, «богоугодного дей-

ства»⁴⁹³, перед началом похода царь советовался с митрополитом, братьями и всеми боярами, а само выступление против «Жигимонта короля» было вызвано, по словам официальной летописи, «многими неправдами» литовского правительства и «горением сердца о иконах и храмах священных»⁴⁹⁴. В походе Грозного сопровождали многочисленные представители духовенства.

Не обошлось и без поучительных посланий иерархов царю под Полоцк. Если во время Казанского похода послания составлял Макарий, то теперь поступила грамота от Новгородского архиепископа Пимена. Славословие в ней доведено до невысказанных пределов: царь называется осененным Божественной благодатью, просиявшим во всех концах Вселенной, в нем прибывает Бог и т. д., и т. п.⁴⁹⁵ Интересно, что сам митрополит, видимо, не посылал на этот раз посланий государю.

После взятия Полоцка Иван IV послал в Москву с известием о победе своего нового родственника (брата царицы) князя Михаила Черкасского, который должен был явиться к митрополиту, царице, царевичам, князю Юрию Васильевичу. Макарию был послан в подарок «крест серебряный позолочен с камением». Подарок получил и Новгородский архиепископ Пимен, автор послания царю под Полоцк. Когда 21 марта государь вернулся в Москву, его встречали Макарий и весь Освященный собор⁴⁹⁶.

Последним важным событием, в котором довелось участвовать престарелому митрополиту, было разрешение конфликта между царем и его двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем. В чем состояли конкретные вины Старицкой семьи — неизвестно, но начало конфликту дал донос дьяка князя Владимира на своего господина и на его мать — княгиню Ефросинью. Как пишет летопись, «и перед Макарием митрополитом и перед владыками и перед Освященным собором царь Ефросинья и князю Владимиру неисpravление их и неправды им известил и для Макария митрополита и архиепископов и епископов гнев им свой отдал». Правда, у Владимира Андреевича были заменены бояре, а его мать княгиня Ефросинья была вынуждена постричься в инокини⁴⁹⁷.

Между тем дни митрополита были сочтены — 24 ноября умер родной брат царя князь Юрий Васильевич, а Макарий на погребении не присутствовал, так как «был в велицей болезни, на конечном издыхании»⁴⁹⁸.

31 декабря Макарий скончался и «погребен бысть во церкви

Успения Богородицы января в 1 день. На погребении же его был царь Иван Васильевич, князь Владимир Андреевич и князи и бояре и множество народа». Было оглашено послание покойного митрополита, в котором он благословлял Ивана IV, царское семейство, князя Владимира, бояр, вельмож и все православное христианство⁴⁹⁹.

Как писал С. Б. Вesselовский, «его смерть была большой потерей как для царя Ивана, так и для всего его дворового окружения. Безупречный в личной жизни, всегда и ко всем доброжелательный, образованнейший книжник своего времени, много сделавший для успехов церковной и летописной литературы, Макарий принадлежал к тем немногим избранным натурам, которые одним своим присутствием облагораживают и поднимают окружающих их людей и своим молчаливым упреком действуют сильнее, чем резким осуждением. Для борьбы он был слишком мягким человеком, но влияние его на царя долгое время было очень велико»⁵⁰⁰.

---

¹ Дело в том, что в XVII в. некоторые решения Стоглавого собора были отменены патриархом Никоном. В основном это касалось того, сколько пальцев надо использовать при крещении, можно ли брить бороды, и некоторых других. Старобрядцы продолжали считать «Стоглав» каноническим документом и отказывались признавать никоновские новшества.

² *Лопатинский Феофилакт*. Обличение неправды раскольнические. М., 1745.

³ *Платон (Левшин)*. Краткая Российская церковная история. Т. 2. М., 1829. С. 30–31; *Иннокентий (Смирнов)*. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в. Т. 2. М., 1849. С. 435.

⁴ *Иннокентий (Смирнов)*. Начертание церковной истории. . . Т. 2. С. 435.

⁵ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стб. 270–273.

⁶ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 4. М., 1994. С. 81–98.

⁷ *Беляев И. В.* Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. // Русская беседа. Ч. 4. М., 1858. С. 8.

⁸ *Макарий (Булгаков)*. История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 125–137.

⁹ *Жданов И. Н.* 1) Материалы для истории Стоглавого собора // Жданов И. Н. Сочинения. Т. 1. СПб., 1904. С. 172, 188, 239, 240, 241; 2) Церковно-земский собор 1551 г. // Там же. С. 367, 374–379.

¹⁰ *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888. С. 72, 74, 100–101.

¹¹ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. М., 1900. С. 783.

- ¹² *Шпаков А. Я.* Стоглав (к вопросу об официальном или неофициальном происхождении этого памятника). Киев, 1903. С. 9, 15.
- ¹³ *Бочкарев В. А.* «Стоглав» и история Собора 1551 года. Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906. С. 17, 32.
- ¹⁴ *Стефанович Дм.* О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909.
- ¹⁵ *Семидержкин Н. С., Новицкая Н. Е.* Введение к «Стоглаву» // РЗ. Т. 2. М., 1985. С. 245–248.
- ¹⁶ *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. М.; Л., 1944. С. 36–37.
- ¹⁷ *Платонов С. Ф.* Иван Грозный // Платонов С. Ф. Сочинения. Т. 2. СПб., 1994. С. 44.
- ¹⁸ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 24–26.
- ¹⁹ *Бахрушин С. В.* Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 272–273.
- ²⁰ *Бахрушин С. В.* «Избранная рада» Ивана Грозного // Там же. С. 334–335, 351.
- ²¹ *Смирнов И. И.* Иван Грозный. Л., 1944. С. 38, 49–50.
- ²² *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 91–93.
- ²³ *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 230–233, 245–246.
- ²⁴ Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. М., 1955. С. 297–298.
- ²⁵ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. С. 47, 91–94, 97–99, 75, 100–102, 155.
- ²⁶ *Зимин А. А.* 1) Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 375, 377–379, 383–389; 2) Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 298–299.
- ²⁷ *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 56.
- ²⁸ *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. Л., 1957. С. 127–128.
- ²⁹ *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958. С. 52–53, 64, 67, 72–73.
- ³⁰ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 434–438.
- ³¹ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 86–89.
- ³² *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 40.
- ³³ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники Русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 227–230, 237, 240.
- ³⁴ *Скрынников Р. Г.* Третий Рим. СПб., 1994. С. 130.
- ³⁵ Церковь в истории России. М., 1967. С. 92, 97–98, 102. См. также: Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 110–132.
- ³⁶ *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 73–74, 91, 109.
- ³⁷ *Шмидт С. О.* 1) Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 179–182; 2) Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 242.

38 *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 79, 81, 84.

39 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии к «Стоглаву» // РЗ. Т. 2. М., 1985. С. 403, 406–407, 413.

40 *Борисов Н. С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 142–145.

41 *Кольчева Е. И.* Аграрный строй России XVI в. М., 1987. С. 124.

42 *Буланин Д. М.* Стоглав // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 424.

43 *Емченко Е. Б.* 1) Происхождение текста Стоглава // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 7–56; 2) «Священство» и «царство» на Стоглавом соборе // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 305–315; 3) Стоглав: происхождение и рукописная традиция XVI–XVII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1995; 4) Стоглав. Исследование и текст. М., 2000.

44 *Макарий (Веретенников).* Стоглавый собор 1551 года // Альфа и Омега. № 1 (8). М., 1996. С. 88–104.

45 *Кемпфер Ф. Иван (IV) Грозный // Русские цари. 1547–1917. Ростов-на-Дону; М., 1997. С. 39–40; Хельманн М. Иван IV Грозный. Москва на пороге нового времени // Российские самодержцы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 205–206.*

46 *Флоря Б. Н.* 1) Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992. С. 128; 2) Иван Грозный. М., 1999. С. 51–52.

47 *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 13–25.

48 «Стоглав» // РЗ. Т. 2. М., 1985; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст.

49 *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 78.

50 *Карамзин Н. М.* История... Кн. 3. Т. 9. Стб. 273.

51 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 130.

52 *Латкин В. Н.* Лекции... С. 73.

53 *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 776.

54 *Громогласов И. М.* Новая попытка решить старый вопрос о происхождении Стоглава. Рязань, 1905. С. 31.

55 *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора. С. 203; *Иликанор (Бровкович).* О перстосложении для крестного знамения и благословения. СПб., 1890. С. 241; *Сергий (Соколов).* Московский благовеценский священник Сильвестр как государственный деятель // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. С. 21; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 375, 377–378; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 407.

56 *Карамзин Н. М.* История... Кн. 3. Т. 9. Стб. 273; *Беляев И. В.* Об историческом значении... С. 4; *Заусцинский К.* Макарий, митрополит всея России // ЖМНП. 1881. Ноябрь. С. 4; *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа»... С. 52–53, 64, 117.

57 *Лебедев Н.* Стоглавый собор 1551 г. (опыт изложения его внутренней истории). М., 1882. С. 14; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 73; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 227.

58 *Писаревский Н.* Значение Стоглавого собора (1551 г.) в истории Русской церкви // Богословский вестник. 1895. № 6. С. 365; *Голубинский Е. Е.* 1) История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 771, 776–777; 2) История канон-

низации святых в Русской церкви. М., 1903. С. 93; *Шпаков А. Я.* Стоглав... С. 301–302; *Карташев А. В.* Очерки... С. 434; *Макарий (Веретенников)*. Стоглавый собор... С. 91–92; *Шмидт С. О.* Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени. С. 242.

⁵⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1962. С. 32–33, 252.

⁶⁰ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 79.

⁶¹ «Стоглав». С. 268–276; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 253–266.

⁶² *Макарий (Булгаков)*. История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 129.

⁶³ *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора. С. 226.

⁶⁴ *Латкин В. Н.* Лекции... С. 78–82.

⁶⁵ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 778–779.

⁶⁶ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 56–57; 67–80.

⁶⁷ *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 45–54.

⁶⁸ *Зимин А. А.* 1) И. С. Пересветов и его современники. С. 94–95; 2) Реформы Ивана Грозного. С. 379.

⁶⁹ *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина... С. 298–299.

⁷⁰ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 228.

⁷¹ *Иоанн (Снычев)* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 206.

⁷² *Карамзин Н. М.* История... Кн. 2. Т. 8. М., 1989. Стб. 69; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 4. С. 81; *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 562; *Шпаков А. Я.* Стоглав... С. 312; *Vinper P. Ю.* Иван Грозный. С. 40–41; *Будовиц И. У.* Русская публицистика... С. 232.

⁷³ *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. Одесса, 1871. С. 107; *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора. С. 226, 239; *Никанор (Бровкович)*. О перстосложении... С. 241–243; *Сергий (Соколов)*. Московский благовещенский священник... С. 20–21; *Миртов П.* Знаменитый древнерусский священник // Странник. Апрель. 1903. С. 542–544; *Зимин А. А.* 1) И. С. Пересветов и его современники. С. 94; 2) Реформы Ивана Грозного. С. 379; 3) Крупная феодальная вотчина... С. 298–299; Русское православие: веки истории. С. 117; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 81; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 227–228.

⁷⁴ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 15, 22, 23–45; *Заусцинский К.* Макарий... С. 4–7; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 56, 62–63, 73; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 47–54; *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 435–437; *Новойцкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 412–429.

⁷⁵ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 51.

⁷⁶ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 778–779.

⁷⁷ *Моисеева Г. Н.* 1) «Валаамская беседа»... С. 67–69; 2) О идеологии нестяжателей // История СССР. 1961. № 2. С. 100–101; *Курукин И. В.* Заметки о нестяжательстве и иосифлянстве (историографическая традиция и источники) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дюктыбрьский период. М., 1981. С. 66–79; *Плигузов А. И.* Вступление Вассиана Патрикеева в полемику о монастырских землях и творческая история «Собрания некоего

старца» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 41–42.

⁷⁸ РФА. XIV — первая треть XVI в. Вып. 4. М., 1988. С. 717 и след.

⁷⁹ Недавно Е. Б. Емченко поставила под сомнение то, что в «Стоглаве» отразились определенные противоречия между Церковью и государством (Емченко Е. Б. «Священство» и «царство» на Стоглавом соборе // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995). Исследовательница считает, что вся «программа» Собора, то есть первые «царские» вопросы, явилась продолжением мероприятий, проведенных Макарием в Новгороде. В ее работе много интересных и ценных наблюдений, однако автор, по нашему мнению, не учитывает разницу подходов церковной организации и светской части правительства к финансовым вопросам и проблемам церковного суда. Эти противоречия нашли отражение в тексте «Стоглава» и в Приговоре от 11 мая 1551 г. Е. Б. Емченко справедливо считает, что «Стоглав» стремился отобразить картину идеальных отношений между церковной и светской властью, но это не мешает видеть здесь и следы некоторых противоречий, например вопросы о руге, о церковном суде. См. также: Шапошник В. В. О взаимоотношениях церковной и светской власти в России середины XVI в. (по «Стоглаву») // Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.). СПб., 1999. С. 115–117.

⁸⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 252.

⁸¹ АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 29. С. 531–534.

⁸² ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 180–183.

⁸³ Следует признать, что история этого послания не совсем ясна.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 192–197.

⁸⁵ ЛАЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 184. С. 275–277.

⁸⁶ Беляев И. В. Об историческом значении... С. 12, 14; Лебедев Н. Макарий, митрополит Всероссийский. М., 1877. С. 109–110; Латкин В. Н. Лекции... С. 97; Бочкарев В. А. «Стоглав»... С. 97.

⁸⁷ Максим Грек. Сочинения. Ч. 2. Казань, 1860. С. 251–260, 382–386.

⁸⁸ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1877. С. 72, 81, 86.

⁸⁹ Курукин И. В. Заметки... С. 65.

⁹⁰ Кунцевич Г. Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу. СПб., 1912. С. 9.

⁹¹ Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа»... С. 57; Буланин Д. М. Стоглав. С. 425.

⁹² Кунцевич Г. Челобитная... С. 12–14.

⁹³ Беляев И. В. Об историческом значении... С. 14.

⁹⁴ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 233, 236–237, 238.

⁹⁵ Там же. С. 297–319.

⁹⁶ Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 1993.

⁹⁷ Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 436, 442, 448, 538, 567, 574, 638, 672, 673.

⁹⁸ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. С. 191–192; Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа»... С. 57; Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии... С. 414; Буланин Д. М. Стоглав. С. 425.

- ⁹⁹ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 45; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 53.
- ¹⁰⁰ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 68-69.
- ¹⁰¹ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 15; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 57; *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа»... С. 57; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 413; *Буланин Д. М.* Стоглав. С. 425; *Богданов А. П.* Перо и крест. М., 1990. С. 26.
- ¹⁰² *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 52.
- ¹⁰³ *Курукин И. В.* Заметки... С. 66. Интересно отметить, что М. С. Черкасова, считая Артемия «нестяжателем», тем не менее указывает, что время его настоятельства в Троице-Сергиевом монастыре было отмечено приемом как минимум трех вкладов всего за полгода (*Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV-XVI вв. М., 1996. С. 130).
- ¹⁰⁴ *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа»... С. 57.
- ¹⁰⁵ *Шмидт С. О.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 69-74.
- ¹⁰⁶ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 45.
- ¹⁰⁷ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 77.
- ¹⁰⁸ *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48.
- ¹⁰⁹ *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 415-416.
- ¹¹⁰ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники... С. 94.
- ¹¹¹ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 74; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 54.
- ¹¹² *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 416.
- ¹¹³ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 33; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 79.
- ¹¹⁴ *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48.
- ¹¹⁵ *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 416-417.
- ¹¹⁶ *Латкин В. Н.* Указ. соч. С. 81-82; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 74; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 54; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 417.
- ¹¹⁷ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 33; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 80; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 54; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 418; *Грбовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр: история одного мифа. Лондон, 1988. С. 16-17.
- ¹¹⁸ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники... С. 93.
- ¹¹⁹ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 33; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 80; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 54; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 418; *Грбовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр... С. 16-18.
- ¹²⁰ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники... С. 93.
- ¹²¹ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 81-82; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 74; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48.
- ¹²² *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 418.

- ¹²³ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 81–82; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 74; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48.
- ¹²⁴ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 95; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 419.
- ¹²⁵ «Стоглав». С. 269–270; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 256.
- ¹²⁶ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 81–82; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 74, 77; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48.
- ¹²⁷ *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 420.
- ¹²⁸ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 81–82; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 74; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 420.
- ¹²⁹ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 34; *Заусцинский К.* Макарий... С. 4–5; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 80; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 49; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 420.
- ¹³⁰ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 422.
- ¹³¹ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 422.
- ¹³² *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 81–82; *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа»... С. 66; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 94.
- ¹³³ *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа»... С. 66.
- ¹³⁴ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 94.
- ¹³⁵ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 80; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 54; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 422.
- ¹³⁶ «Стоглав». С. 271; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 258.
- ¹³⁷ *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 423.
- ¹³⁸ «Стоглав». С. 271; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 258–259.
- ¹³⁹ *Латкин В. Н.* Лекции... С. 81–82; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 423.
- ¹⁴⁰ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 423.
- ¹⁴¹ «Стоглав». С. 272; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 259.
- ¹⁴² *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 33; *Заусцинский К.* Макарий... С. 4–6.
- ¹⁴³ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 423.
- ¹⁴⁴ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 424.
- ¹⁴⁵ «Стоглав». С. 272; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 260.
- ¹⁴⁶ *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48.
- ¹⁴⁷ *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 424.

- 148 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 33; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 80; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 425.
- 149 *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 51.
- 150 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 33; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 80.
- 151 *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 51.
- 152 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 425.
- 153 Там же. С. 425.
- 154 Там же. С. 427.
- 155 *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 77; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 427.
- 156 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 81–82; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 76; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 427.
- 157 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 81–82; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 427.
- 158 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 33; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 80.
- 159 *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48.
- 160 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48.
- 161 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 428.
- 162 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 23; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48.
- 163 *Заусцинский К. Макарий...* С. 4–5; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 428.
- 164 *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 80.
- 165 *Заусцинский К. Макарий...* С. 4–5; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 80.
- 166 *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 54.
- 167 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 29–33; *Заусцинский К. Макарий...* С. 4–5.
- 168 *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 75; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 48; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 429.
- 169 *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора. С. 239.
- 170 Надо сказать, что определение авторства «царских» вопросов на Стоглавом соборе — одна из сложнейших проблем, и мы понимаем, что при современном состоянии источниковой базы ее не удастся окончательно решить. Для установления авторов части вопросов использовались лишь косвенные доказательства — за неимением других. Однако для нас важнее было показать, что само появление первых «царских» вопросов не было связано с борьбой между «иосифлянами» и «несвяжателями», как об этом писали практически все исследователи, занимавшиеся изучением Стоглавого собора.
- 171 *Носов Н. Е.* Становление... С. 24–28.
- 172 *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 49; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30-50-х гг. XVI в. М.: Л., 1958. С. 301.

- ¹⁷³ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 336–337; *Носов Н. Е.* Становление. . . С. 28–31; *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 163–170.
- ¹⁷⁴ «Стоглав». С. 258; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 238.
- ¹⁷⁵ *Жданов И. Н.* Церковно-земский собор 1551 г. С. 361; *Заусцинский К.* Макарий. . . // ЖМНП. 1881. Ноябрь. С. 3; *Лебедев Н.* Стоглавый собор. . . С. 88; *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 126; *Заиков П. М.* Старец Артемий, писатель XVI в. СПб., 1887. С. 6; *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 773; *Шпаков А. Я.* Стоглав. . . С. 28; *Бочкарев В. А.* «Стоглав». . . С. 11; *Карташев А. В.* Очерки. . . Т. 1. С. 435; *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа». . . С. 53; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси. . . С. 227.
- ¹⁷⁶ *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 41, 84–89; *Зимин А. А.* 1) И. С. Пересветов и его современники. . . С. 92–93; 2) Реформы Ивана Грозного. С. 378; *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. С. 56; *Носов Н. Е.* Становление. . . С. 72.
- ¹⁷⁷ *Черепнин Л. В.* Земские соборы. . . С. 79; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии. . . С. 403.
- ¹⁷⁸ Хотя, на наш взгляд, более правильным является мнение Дм. Стефановича.
- ¹⁷⁹ Можно предположить, что отношения Грозного с Феодосием были далеки от дружеских. Дело в том, что когда царь приехал в Новгород, ему сообщили о кладе, скрытом в стене Софийского собора. Иван приказал «пытать» про казну ключаря и пономаря, но они ничего не знали. Тогда была разломана стена и сокровища были обнаружены. Едва ли архиепископ был доволен такими действиями государя (см.: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 116).
- ¹⁸⁰ *Лебедев Н.* Стоглавый собор. . . С. 43.
- ¹⁸¹ *Бочкарев В. А.* «Стоглав». . . С. 20, 27, 32.
- ¹⁸² *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 60–61.
- ¹⁸³ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 382–383; *Черепнин Л. В.* Земские соборы. . . С. 84; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии. . . С. 405.
- ¹⁸⁴ *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа». . . С. 67.
- ¹⁸⁵ *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 91.
- ¹⁸⁶ «Стоглав». С. 374; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 410.
- ¹⁸⁷ 17 мая 1551 г. состоялся пересмотр тарханских грамот. Видимо, грамоты свозились в Москву настоятелями. Все они могли принять участие в Стоглавом соборе. Список монастырей см.: *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 115–116.
- ¹⁸⁸ *Лизиницкий И.* Освященный собор в Москве XVI–XVII вв. // Христианское чтение. 1906. Февраль. С. 246. С. 248. Прим. 65.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 242. Прим. 53.
- ¹⁹⁰ *Кантерев Н. Ф.* Царь и церковные Московские соборы XVI и XVII столетий // Богословский вестник. 1906. Ноябрь. С. 468, 478, 480, 490–491.
- ¹⁹¹ *Лаппин П.* Собор как высший орган церковной власти (историко-канонический очерк). Казань, 1909. С. 313–314.
- ¹⁹² АЛЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 213. С. 203.

- 193 *Каптерев Н. Ф.* Царь... С. 481.
- 194 Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 139.
- 195 «Стоглав». С. 258; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 238–239.
- 196 «Стоглав». С. 266–267; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 251.
- 197 *Каптерев Н. Ф.* Царь... С. 484.
- 198 ААЭ. Т. 1. № 239. С. 250.
- 199 АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 173. С. 333.
- 200 *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 166; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 311.
- 201 ААЭ. Т. 1. № 284. С. 350.
- 202 СГГД. Т. 1. М., 1813. № 200. С. 583–587; № 202. С. 592–598.
- 203 Там же. Т. 2. М., 1819. С. 99.
- 204 ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 6. С. 14.
- 205 Там же. С. 47.
- 206 *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С. 142.
- 207 *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 224–225.
- 208 СГГД. Т. 1. № 203. С. 635–636.
- 209 *Павлов А. П.* Государев двор... С. 224–225.
- 210 *Каптерев Н. Ф.* Царь... С. 469–477.
- 211 *Лихницкий И.* Освященный собор... С. 245.
- 212 Там же. С. 251 и след.; *Лапин П.* Собор... С. 314.
- 213 «Стоглав». С. 266; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 252.
- 214 *Кольчева Е. И.* Аграрный строй... С. 148–149.
- 215 П. Лапин считает, что низшее духовенство имело лишь совещательный голос (*Лапин П.* Собор... С. 316; см. также *Каптерев Н. Ф.* Царь... С. 484).
- 216 *Павлов А. С.* Исторический очерк... С. 111.
- 217 *Никанор (Бровкович).* О перстосложении... С. 242; *Сергий (Соколов).* Московский благовещенский священник... С. 22.
- 218 *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 64, 73.
- 219 *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа»... С. 67.
- 220 «Стоглав». С. 374; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 410.
- 221 *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации. М., 1986. С. 177.
- 222 «Стоглав». С. 376; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 413.
- 223 «Стоглав». С. 277; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 266.
- 224 «Стоглав». С. 268; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 254.
- 225 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии... С. 431.
- 226 *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 80.
- 227 «Стоглав». С. 260; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 242.
- 228 *Хорошев А. С.* Политическая история... С. 170.
- 229 «Стоглав». С. 261; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 244.
- 230 *Жданов И. Н.* Церковно-земский собор 1551 г. С. 374.
- 231 *Латкин В. Н.* Лекции... С. 73–74.

- 232 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарий... С. 409.
- 233 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 91.
- 234 Евангелие от Матфея. Гл. 19 (21); от Луки. Гл. 12 (15).
- 235 Правило Седьмого Вселенского собора № 19; Карфагенского Собора правила № 5 и 6 (Книга Правил св. Апостол, св. Соборов Вселенских и Поместных и св. Отец. Изд. Тр.-Серг. Лавры, 1992).
- 236 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 91.
- 237 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарий... С. 411.
- 238 Там же. С. 412.
- 239 Там же. С. 411-412.
- 240 Интересно сравнить эту речь с Приговором от 11 мая. Апелляция к старине, к временам Василия III, и тут и там. Может, между Приговором и речью существует какая-то связь?
- 241 *Жданов И. Н.* Материалы к истории Стоглавого собора. С. 241 и след.
- 242 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 64.
- 243 *Латкин В. Н.* Лекции... С. 80.
- 244 *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 781.
- 245 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарий... С. 431.
- 246 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 66-99.
- 247 *Латкин В. Н.* Лекции... С. 84-85.
- 248 *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 97-98.
- 249 *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 66-67.
- 250 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарий... С. 444.
- 251 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 73 и след.; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 85; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 100; *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 71.
- 252 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарий... С. 444.
- 253 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 67-72; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 85.
- 254 *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 108.
- 255 *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 71.
- 256 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарий... С. 445.
- 257 *Лебедев Н.* Стоглавый собор... С. 72; *Латкин В. Н.* Лекции... С. 85; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 102.
- 258 *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 71; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарий... С. 445.
- 259 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарий... С. 445.
- 260 *Хорошев А. С.* Политическая история... С. 171.
- 261 *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарий... С. 445.
- 262 *Рыбаков Б. А.* Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 51-66.

- 263 Бочкарев В. А. «Стоглав»... С. 100; Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии... С. 446.
- 264 Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии... С. 447.
- 265 Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники... С. 73.
- 266 Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии... С. 447.
- 267 Бочкарев В. А. «Стоглав»... С. 106.
- 268 Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии... С. 448.
- 269 Бочкарев В. А. «Стоглав»... С. 106; Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии... С. 448.
- 270 Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 317.
- 271 Св. Карфагенского собора правила № 69, 71, 95.
- 272 Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии... С. 449.
- 273 Там же. С. 450.
- 274 Там же.
- 275 Св. Василия правила № 91 и 92.
- 276 Лебедев Н. Стоглавый собор... С. 67; Латкин В. Н. Лекции... С. 85; Стефанович Дм. О Стоглаве. С. 70; Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии... С. 453.
- 277 Бочкарев В. А. «Стоглав»... С. 102.
- 278 Лебедев Н. Стоглавый собор... С. 71; Латкин В. Н. Лекции... С. 84; Бочкарев В. А. «Стоглав»... С. 108; Стефанович Дм. О Стоглаве. С. 70; Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии... С. 453.
- 279 Лебедев Н. Стоглавый собор... С. 74; Латкин В. Н. Лекции... С. 85.
- 280 Стефанович Дм. О Стоглаве. С. 68–69.
- 281 Павлов А. С. Курс церковного права. Тр.-Серг. Лавра, 1902. С. 170; Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 128; Бочкарев В. А. «Стоглав»... С. 121; Стефанович Дм. О Стоглаве. С. 90, 95–96.
- 282 Жданов И. Н. 1) Материалы для истории Стоглавого собора. С. 258–259; 2) Церковно-земский собор 1551 г. С. 378.
- 283 Бочкарев В. А. «Стоглав»... С. 118–119.
- 284 Стефанович Дм. О Стоглаве. С. 92–95.
- 285 Зимин А. А. 1) Реформы Ивана Грозного. С. 387; 2) Крупная феодальная вотчина... С. 300; Русское православие: веки истории. С. 123.
- 286 Иван Грозный. 1) Первое послание А. М. Курбскому // ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1985. С. 46; 2) Послание в Кирилло-Белозерский монастырь // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 156.
- 287 Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. С. 263.
- 288 Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 775, 797–798.
- 289 Шпаков А. Я. Стоглав... С. 30.
- 290 Стефанович Дм. О Стоглаве. С. 89.
- 291 Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 388.
- 292 Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа»... С. 71.
- 293 Носов Н. Е. Становление... С. 72.
- 294 Жданов И. Н. Церковно-земский собор 1551 г. С. 374–378.

- 295 *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 774.
- 296 *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 44–45.
- 297 *Батрушин С. В.* Иван Грозный. С. 269.
- 298 *Носов Н. Е.* Становление... С. 74–76.
- 299 *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 180–181.
- 300 *Колычева Е. И.* Аграрный строй... С. 124.
- 301 *Будовниц И. У.* Русская публицистика... С. 233.
- 302 *Жданов И. Н.* Материалы по истории Стоглавого собора. С. 246–254.
- 303 *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 15–26.
- 304 *Будовниц И. У.* Русская публицистика... С. 230–232; *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа»... С. 64.
- 305 *Никанор (Бровкович).* О перстосложении... С. 247–256; *Сергий (Соколов).* Московский благовещенский священник... С. 22–23.
- 306 *Будовниц И. У.* Русская публицистика... С. 231, 245–246.
- 307 *Батрушин С. В.* 1) Иван Грозный. С. 272–273; 2) «Избранная рада» Ивана Грозного. С. 234–235; *Зимин А. А.* 1) Реформы Ивана Грозного. С. 386; 2) И. С. Пересветов и его современники... С. 97; 3) Крупная феодальная вотчина... С. 300; *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Очерки истории СССР... С. 127–128; *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа»... С. 69–71; Русское православие: вехи истории. С. 123.
- 308 *Носов Н. Е.* Становление... С. 75, 91.
- 309 *Скрынников Р. Г.* 1) Иван Грозный. С. 40; 2) Государство и церковь на Руси... С. 239.
- 310 *Колычева Е. И.* Аграрный строй... С. 121–123.
- 311 *Булакин Д. М.* Стоглав. С. 424.
- 312 *Носов Н. Е.* Становление... С. 74.
- 313 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 91.
- 314 См.: «Стоглав». С. 325. Глава 50 с очевидностью показывает, что неприятие в монастырях постриженников других обителей было широко распространено.
- 315 *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора. С. 255–256.
- 316 *Заусцинский К. Макарий.*... С. 5.
- 317 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 132.
- 318 *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 436.
- 319 *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 228.
- 320 *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 63–65, 74, 190.
- 321 *Розенкамф И. С.* Обзорение Кормчей книги в ее историческом виде. М., 1829. С. 84–85; *Филарет (Гумилевский).* Сведения о Стоглавом соборе // Христианское чтение. СПб., 1852. Ч. 2. С. 290; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях. Т. 1. М., 1990. С. 424; *Павлов А. С.* Курс церковного права. С. 171; *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора. С. 239; *Заусцинский К. Макарий.*... С. 6; *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 131–133; *Латжин В. Н.* Лекции... С. 72; *Писаревский Н.* Значение Стоглавого собора... С. 385; *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 786–788; *Бочкарев В. А.* «Стоглав»... С. 176; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории // Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории. Т. 1. СПб., 1993. С. 203; *Будовниц И. У.* Русская публицистика... С. 233–234; *Зимин А. А.* 1) И. С. Пересветов и его современники... С. 47, 75.

91, 97–98; 2) Реформы Ивана Грозного. С. 383–387; 3) Крупная феодальная вотчина. . . С. 300; *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Очерки истории СССР. . . С. 127–128; *Карташев А. В.* Очерки. . . Т. 1. С. 438; *Носов Н. Е.* Становление. . . С. 74; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси. . . С. 228–239; *Махарий (Веретенников).* Стоглавый собор. . . С. 88–104.

³²² *Новицкая Н. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии. . . С. 430–498.

³²³ *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства в России XVI в. // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 237; *Флоря Б. Н.* 1) Отношения государства и церкви. . . С. 126–127, 130, 155–156; 2) Иван Грозный. С. 52.

³²⁴ «Стоглав». С. 315; *Емченко Е. Б.* Стоглав. исследование и текст. С. 321.

³²⁵ «Стоглав». С. 321–324. *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 328–335.

³²⁶ *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви. . . С. 79.

³²⁷ *Черепнин Л. В.* Земские соборы. . . С. 85.

³²⁸ *Капитанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 131, 136.

³²⁹ См. также: *Капитанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 136.

³³⁰ *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви. . . С. 126–127.

³³¹ «Стоглав». С. 353; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 376–379.

³³² Б. Н. Флоря считает, что подобная практика существовала и раньше, то есть был лишь зафиксирован сложившийся порядок вещей (*Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви. . . С. 78).

³³³ «Стоглав». С. 372–373; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 407–408.

³³⁴ *Носов Н. Е.* Становление. . . С. 108.

³³⁵ *Смирнов И. И.* Иван Грозный. С. 38.

³³⁶ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. С. 448.

³³⁷ *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение. . . Т. 1. С. 93.

³³⁸ *Романов Б. А.* К вопросу о земельной политике «Избранной рады» // Исторические записки. № 38. 1951. С. 265–266.

³³⁹ *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа». . . С. 72–73.

³⁴⁰ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 88–89.

³⁴¹ *Носов Н. Е.* Становление. . . С. 109.

³⁴² *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 77, 82.

³⁴³ *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 189.

³⁴⁴ См. также: *Колычева Е. И.* Аграрный строй. . . С. 124.

³⁴⁵ *Павлов А. С.* Курс церковного права. С. 171.

³⁴⁶ *Стефанович Дм.* О Стоглаве. С. 193–197, 237.

³⁴⁷ *Бочкарев В. А.* «Стоглав». . . С. 86, 110 и след.

³⁴⁸ Конечно, на Соборе была еще раз подтверждена неприкосновенность церковных, в том числе и монастырских, земель. Но, на наш взгляд, после 1503 г. секуляризация церковным землям не угрожала.

³⁴⁹ *Лебедев Н.* Стоглавый собор. . .; *Стефанович Дм.* О Стоглаве.; *Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И.* Комментарии. . .

³⁵⁰ *Добротворский И. М.* Дополнительные объяснения к изданию Стоглава // Православный собеседник. Казань, 1862. Декабрь.

³⁵¹ *Кононов Н.* Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // Богословский вестник. 1904. № 4.

³⁵² *Емченко Е. Б.* Происхождение текста Стоглава. С. 50.

³⁵³ *Калайдович К., Строев П.* Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными статьями. М., 1819; *Жмакин В.* Митрополит Даниил... С. 76-77.

³⁵⁴ «Стоглав». С. 392-393.

³⁵⁵ Там же. С. 378.

³⁵⁶ *Макирий (Веретенников).* Стоглавый собор... С. 103.

³⁵⁷ *Емченко Е. Б.* Происхождение текста Стоглава. С. 50.

³⁵⁸ *Голозастов Д. П. и Леонид.* Благовещенский иерей... С. 94.

³⁵⁹ *Беляев И.* Наказные списки Соборного Уложения 1551 г. или Стоглава. М., 1863.

³⁶⁰ *Павлов А. С.* Еще Наказный список по Стоглаву // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 9. Одесса, 1873.

³⁶¹ *Беляев И.* Наказные списки... С. 8. Прим. 1; *Павлов А. С.* Еще Наказный список по Стоглаву. С. 5.

³⁶² Андрей Берсенева записан в Дворовой тетради как сын боярский по Колонне (Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; JL, 1950. С. 159). К 1562 г. его уже не было в живых, так как рядом с его именем стоит помета «умре», а новые данные вносились в Дворовую тетрадь до 1562 г. (*Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 373). Интересно отметить связи между Тютюным и Анфимом Сильвестровым в торговых делах с Литвой (*Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 246-248).

³⁶³ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Q. XVII. 64. Л. 349 об.-350 об.

³⁶⁴ Интересно сравнить с Судебником 1550 г. Статья 99. Там также до всеобщего сведения доводилось лишь следующее: не давать взятки в суде, не лжесвидетельствовать, и указывалась санкция за нарушение (Судебник 1550 г. // РЗ. Т. 2. М., 1985. С. 120).

³⁶⁵ См., напр.: *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; JL, 1947. С. 122-144; *Носов Н. Е.* Становление... С. 118-239.

³⁶⁶ *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 126, 161.

³⁶⁷ *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви... С. 128-130.

³⁶⁸ ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. СПб., 1913. С. 638. О том же сообщает и Псковская летопись: «Бысть при державе государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца, на Москве и во всей Русской земле в государеве вотчине, тишина и благоденствие великое, и рука государева высока над всеми; многие грады и земли прекланишася под его государеву державу» (Псковские летописи. Вып. 1. С. 113).

³⁶⁹ Макарий в своем послании, зачитанном на его похоронах, писал: «И пребых в митрополии двадесят и едино лето... и в та времена многи скорби постигоша мя, от великого пожару, ово же от различных болезней, и многажды помышлях и желая отрещися всего архиерейскаго именовани... и во смиреннейших пребывати до последнего издыхания». Но мечте святителя не суждено было сбыться — царь и Освященный собор уговорили его остаться на своем

посту несмотря на болезни. См.: *Макарий (Веретенников)*. Новый список Повести о кончине Митрополита Макария // Макарий (Веретенников). Святитель Макарий митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). М., 1996. С. 95.

370 *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 195–196.

371 ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 155.

372 Там же. С. 156–159.

373 Там же. С. 180–183.

374 Там же. С. 186.

375 Там же. С. 188.

376 Там же. С. 190–191.

377 Там же. С. 192–197.

378 Там же. С. 197–198.

379 Там же. С. 221.

380 Там же. Т. 6. СПб., 1853. С. 304–305.

381 Там же. С. 305.

382 Там же. С. 307–309.

383 Там же. С. 314.

384 *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. С. 36–41; *Клосс Б. Н.*

Летописец начала царства // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 20–21.

385 ПСРЛ. Т. 6. С. 315.

386 Там же. С. 310–312.

387 *Рыбушкин М.* Краткая история города Казани. Казань, 1842. С. 84; *Загоскин Н. П.* Спутник по Казани. Казань, 1895. С. 112.

388 *Загоскин Н. П.* Спутник... С. 147.

389 Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. // *Материалы по истории Татарской АССР*. Л., 1932. С. 6.

390 *Моисеева Г. Н.* Казанская история. М.; Л., 1954. С. 161–162.

391 ПСРЛ. Т. 6. С. 304.

392 *Насонов А. Н.* Новые источники по истории Казанского «взятия» // *АЕ* за 1960 г. М., 1962. С. 10–11.

393 ПСРЛ. Т. 6. С. 312.

394 *Насонов А. Н.* Новые источники... С. 18–19.

395 *Моисеева Г. Н.* Казанская история. С. 139–140.

396 *Кунцевич Г. З.* Два рассказа о походах Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // *Отчеты о заседаниях общества любителей древней письменности в 1897–1899 гг.* СПб., 1898. С. 29–35.

397 *Дмитриева Р. П.* Нифонт Кормилицын // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. С. 141–144.

398 Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. С. 138–139.

399 *Кунцевич Г. З.* Два рассказа... С. 33.

400 *Кунцевич Г. З.* Малоизвестные записки о Казанских походах 1550 и 1552 гг. // *ЖМНП*. 1898. Июль. С. 144–145.

401 *Дмитриева Р. П.* 1) Нифонт Кормилицын. С. 143; 2) Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // *Книжные центры Древней Руси*. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 5.

402 *Кунцевич Г. З.* Малоизвестные записки... С. 143. Здесь же Кунцевич убедительно показывает, что Отрывок не мог быть источником рассказа Нифонта.

- 403 *Дмитриева Р. П.* Нифонт Кормилицын. С. 143.
- 404 *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 535–536. Прим. 4.
- 405 *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 528–540; *Моисеева Г. Н.* Казанская история. С. 22.
- 406 *Моисеева Г. Н.* Казанская история. С. 21. Прим. 1.
- 407 *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 556.
- 408 ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. Стб. 405.
- 409 Там же. Т. 6. С. 305.
- 410 Там же. С. 305.
- 411 Там же. Т. 19. Стб. 405.
- 412 Там же. Стб. 426–427.
- 413 Там же. Т. 6. С. 307.
- 414 Там же. Т. 19. Стб. 427.
- 415 Там же. Т. 6. С. 307.
- 416 Там же. Т. 19. Стб. 427.
- 417 Там же. Т. 6. С. 307.
- 418 Там же. Т. 19. Стб. 428.
- 419 Там же. Т. 6. С. 308.
- 420 Там же. Т. 19. Стб. 456.
- 421 Там же. Т. 6. С. 312.
- 422 Там же. Т. 19. Стб. 456.
- 423 Там же. Т. 6. С. 312.
- 424 Г. Н. Моисеева указывает, что ей известно более 200 списков второй редакции (*Моисеева Г. Н.* Казанская история. С. 20–21).
- 425 ПСРЛ. Т. 13. С. 191.
- 426 Именно с этой целью в летописи подчеркивается, что послание Иван IV получил именно в Муроме и написано оно было именно 13-го июля (ПСРЛ. Т. 13. С. 192, 197).
- 427 ПСРЛ. Т. 13. С. 192–197 (Послание от 13-го июля).
- 428 Первое послание Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 32.
- 429 *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1985. С. 260.
- 430 ПСРЛ. Т. 13. С. 223–228.
- 431 Там же. С. 229–230.
- 432 *Хорошев А. С.* Политическая история... С. 177.
- 433 ПСРЛ. Т. 13. С. 249–250.
- 434 А. И. Филюшкин даже считает возможным говорить о «внешнеполитической доктрине Макария» (*Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 66, 131, 133).
- 435 ПСРЛ. Т. 13. С. 232–233.
- 436 *Покровский М. Н.* Очерки истории русской культуры. Ч. 2. М., 1923. С. 53–54.
- 437 *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 5–8.
- 438 *Клибанов А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 129.

- 439 Янов А. Л. 1) Тень Грозного царя. Загадки русской истории. М., 1997. С. 33–59; 2) Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. М., 2001. С. 151–152.
- 440 Будовниц И. У. Русская публицистика. . . С. 257–267; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. . . С. 153–182; Андреев Н. Е. О «деле дьяка Висковатого» // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1932. Вып. 5.
- 441 Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. . . С. 169–170.
- 442 Назаров В. Д. К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 203–204.
- 443 Зимин А. А. 1) Матвей Башкин — вольнодумец XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. Т. 4. М., 1956. С. 232–236; 2) И. С. Пересветов и его современники. С. 169–172.
- 444 Богданов А. П. Перо и крест. С. 34–35.
- 445 Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 36–38.
- 446 Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси. . . С. 252.
- 447 ПСРЛ. Т. 13. С. 232–233.
- 448 Там же.
- 449 Курбский А. М. История. . . С. 380.
- 450 ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 239. С. 259–256.
- 451 Там же. С. 252.
- 452 Хотя, конечно, по установившейся традиции пели панихиды за вклады по душе, и слова Артемия можно истолковать как осуждение этой практики. Однако Артемий нигде прямо об этом не говорит.
- 453 Курбский А. М. История. . . С. 380–382.
- 454 ААЭ. Т. 1. С. 253.
- 455 ПСРЛ. Т. 13. С. 233.
- 456 Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 144; Вилинский С. Г. Послания старца Артемия (XVI в.). Одесса, 1906. С. 83.
- 457 Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 153–162. Б. Н. Флоря также считает, что обвинения Артемия в сочувствии еретическим взглядам «явно необоснованны» (Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 77).
- 458 Казакова Н. А. Пестяжательство и ереси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. М., 1980. С. 76.
- 459 Вилинский В. Г. Послания старца Артемия. С. 55.
- 460 Нельзя, конечно, отрицать, что некоторое время Артемий был близок к царю (см.: Курбский А. М. История. . . С. 384; см. также послания Артемия к Ивану IV), однако к 1553 г. эта близость была уже в прошлом, и Артемий не мог оказывать реального влияния на царя и ситуацию в стране.
- 461 Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 845; Андреев Н. Е. О «деле дьяка Висковатого». С. 218.
- 462 Грбовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр. . . С. 28–34.
- 463 Розыск, или Список о богохульных строках и о сомнении св. честных икон дьяка Ивана Михайлова сына Висковатого // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. С. 1–2.
- 464 Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность: Автореф. канд. дис. М., 1983. С. 16.
- 465 Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей. . . С. 25.
- 466 Курукин И. В. Сильвестр. . . С. 16.

- ⁴⁶⁷ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей... С. 25; Богданов А. П. Перо и крест. С. 34–35.
- ⁴⁶⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 279.
- ⁴⁶⁹ Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 132–146.
- ⁴⁷⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 186.
- ⁴⁷¹ Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 364–365.
- ⁴⁷² Там же. С. 460.
- ⁴⁷³ Там же. С. 470.
- ⁴⁷⁴ Клибанов А. И. 1) Реформационные движения...; 2) Духовная культура средневековой Руси; Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. Правда, Я. С. Лурье пишет о еретиках конца XV — начала XVI в., но принципиальным является сам подход к проблеме.
- ⁴⁷⁵ См., напр.: Шмидт С. О. Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени. С. 243–244.
- ⁴⁷⁶ Филошкин А. И. История одной мистификации... С. 163.
- ⁴⁷⁷ Некоторые исследователи говорят об образовании правительства Захарьиных (см.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 138–143).
- ⁴⁷⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 328.
- ⁴⁷⁹ Курбский А. М. История... С. 312–314.
- ⁴⁸⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 329.
- ⁴⁸¹ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 145.
- ⁴⁸² Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 95.
- ⁴⁸³ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 28.
- ⁴⁸⁴ Там же. Т. 13. С. 333.
- ⁴⁸⁵ СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 172. С. 470–473.
- ⁴⁸⁶ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 90.
- ⁴⁸⁷ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 147–148.
- ⁴⁸⁸ СГГД. Ч. 1. № 177. С. 484–487.
- ⁴⁸⁹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 36. С. 55–56.
- ⁴⁹⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 445–447; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 93–94; Кобрин В. Б. Власть и собственность... С. 83; Юрганов А. Л. Категории... С. 189.
- ⁴⁹¹ Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины. С. 156, 158; 2) Царство террора. С. 146–147.
- ⁴⁹² ПСРЛ. Т. 13. С. 345.
- ⁴⁹³ Филошкин А. И. Иван Грозный и «Избранная рада»... С. 182.
- ⁴⁹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 345.
- ⁴⁹⁵ Там же. С. 351.
- ⁴⁹⁶ Там же. С. 363–365.
- ⁴⁹⁷ Там же. С. 368. См.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 104–106.
- ⁴⁹⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 372.
- ⁴⁹⁹ Там же. С. 374. См. также: Макарий (Веретенников). О немощи, и о преставлении, и о погребении Макария Митрополита всея Руси // Макарий (Веретенников). Святитель Макарий митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). М., 1996. С. 86–98.
- ⁵⁰⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 115.

ГЛАВА 4. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД ОПРИЧНИНЫ И ДВОРА

Осенью 1563 г., когда престарелый митрополит Макарий тяжело заболел, на повестку дня стал вопрос о новом первоиерархе Русской церкви. Положение усугублялось тем, что Макарий стремился покинуть Москву и вернуться в место своего пострижения — Боровский монастырь. Приближенные к царю Ивану IV духовные лица уговаривали больного отказаться от своего намерения. Больного святителя, среди прочих, навещал и старец Афанасий. Именно с Афанасием митрополит переслал царю письмо, в котором заявлял о желании удалиться в монастырь. Ивану Васильевичу с трудом удалось уговорить Макария остаться в Москве. 31 декабря святитель умер. О смерти митрополита царю сообщил все тот же Афанасий. Он же, вместе с митрополичьим казначеем Корнилием, готовил погребение¹.

Из Повести о кончине Макария очевидно существование, с одной стороны, достаточно близких отношений между Афанасием и царем и, с другой стороны, близость Афанасия к митрополиту Макарию². Кем же был инок Афанасий к концу 1563 г.? Ему посвящено несколько статей, он также упоминается в трудах, в которых рассматривается политическая история и культура России в период правления Ивана Грозного³.

Итак, Андрей (мирское имя Афанасия) родился, скорее всего, в начале XVI в. в Переяславле-Залесском, был учеником св. Даниила Переяславского, житие которого он впоследствии составил. В середине века Андрей оказывается в Москве и становится царским духовником, то есть самым приближенным к Ивану Грозному духовным лицом. С. О. Шмидт считает, что в столь стремительном возвышении священника из провинциального Переяславля большую

роль сыграл митрополит Макарий, который старался ослабить влияние на царя Сильвестра⁴. Можно согласиться с тем, что Макарий сыграл большую роль в выборе кандидатуры Андрея, но едва ли побудительным мотивом митрополита было стремление ослабить влияние Сильвестра. Источники не дают оснований для утверждений о том, что Сильвестр был главой правительства, о напряженных отношениях между ним и Макарием. Скорее всего, Сильвестр являлся лишь доверенным лицом митрополита, действовавшим под его влиянием⁵.

Как царский духовник Андрей принимал участие во всех наиболее значительных событиях 50-х годов. Его имя неоднократно упоминается в летописях при описании взятия Казани и крещения царских детей. Он же в 1561 г. оглашал к крещению будущую вторую жену Грозного Марию Темрюковну⁶. А. М. Курбский упоминает царского духовника как одного из тех, через кого Максим Грек передал царю о том, что возможна гибель первого сына Грозного царевича Дмитрия⁷. Андрей оставил свой след и как деятель культуры. Уже упоминалось о том, что он автор Жития Даниила Переяславского, многие исследователи считают также, что он был одним из составителей Степенной книги⁸. Царский духовник являлся также иконописцем — митрополит Макарий привлекал его к работам по поновлению образов. Как пишется в летописи, «иконному бо писанию митрополит и Андрей научени сей хитрости»⁹.

К началу 60-х годов Андрей сохранял свое положение царского духовника. Между тем в политике Грозного происходили перемены: в ссылку угодили А. Ф. Адашев и Сильвестр. В 1562 г. Андрей постригся в Чудовом монастыре и получил имя Афанасия¹⁰. Совпадение во времени начала репрессий и пострижения царского духовника позволяет некоторым исследователям сделать далеко идущий вывод о том, что именно гонения на сторонников А. Ф. Адашева привели к удалению Андрея в монастырь¹¹. А. Л. Хорошкевич пишет о «некотором охлаждении отношений» между царем и Афанасием, которое наступило в результате пострижения¹².

Однако встает вопрос о том, действительно ли уход в монастырь царского духовника был связан с изменением политической ситуации в стране? Макарий (Веретенников) совершенно справедливо, по нашему мнению, усомнился в связи между началом репрессий и пострижением Андрея¹³. В самом деле, уход из мира мог быть совсем не связан с деятельностью Грозного и падением «Избранной

рады». Царский духовник мог просто овдоветь и тогда по церковным правилам, во-первых, мог жить как мирянин; во-вторых, получать четвертую часть доходов церкви, но не служить; в-третьих, уйти в монастырь и иметь возможность в обители «священнически действовать». В 1551 г. эти положения были в очередной раз подтверждены Стоглавым собором¹⁴. Таким образом, если Андрей действительно овдовел, но хотел остаться священником, то ему просто не оставалось другого выхода, как постричься в монахи. Наконец, для подобного шага могли быть и другие причины.

Причем очевидно, что Андрей не собирался удаляться от двора — ведь постригся он в кремлевском Чудовом монастыре. Одно это ставит под сомнение предположения о конфликте между Иваном Грозным и его духовником — в Чудове с 1554 г. делами заправлял царский любимец Левкий¹⁵, о котором Курбский, например, не мог писать без негодования¹⁶.

Первые годы Афанасия в Чудовом монастыре были связаны, видимо, с продолжением работы по редактированию Степенной книги, протограф которой был создан к 1563 г.¹⁷ Выше уже упоминалась та роль, которую сыграл Афанасий, навещавший Макария по поручению царя во время последней болезни митрополита¹⁸.

В начале 1564 г. Ивану IV пришлось решать вопрос о кандидатуре на освободившийся престол первоиерарха Русской церкви. Вопрос этот для царя был непростым — дело в том, что нового митрополита впервые предстояло поставить непосредственно по воле Грозного¹⁹. Очевидно, что и в более спокойные времена сделать выбор первый раз было бы трудно. Но о спокойных временах можно было только мечтать: конфликт царя с окружением мог в любой момент принять более острую форму. Уже были проведены первые казни и взяты первые поручные записи. Даже ближайший родственник Грозного Владимир Андреевич Старицкий в 1563 г. угодил с матерью в опалу и был прощен только благодаря заступничеству духовенства²⁰. В таких условиях возглавить Русскую церковь должен был самый близкий к царю человек духовного звания, такой, кому Грозный мог безусловно доверять. Кроме того, при поставлении нового митрополита необходимо было сохранить традиционную форму совместного решения царя и Освященного собора. Видимо, следующие несколько недель и были посвящены раздумью над возможными кандидатурами, приемлемыми как для Грозного, так и для духовенства²¹.

Представляется, что окончательный выбор царь сделал к концу января — началу февраля 1564 г. К этому времени в Москве собрались иерархи (за исключением умершего в декабре 1563 г. Казанского архиепископа²² и Тверского епископа Акакия, который по старости и болезни не смог лично прибыть в столицу). Перед процедурой избрания нового митрополита был принят соборный Приговор о белом клобуке, согласно которому Московский митрополит мог теперь так же, как и Новгородский архиепископ, носить белый клобук и запечатывать свои грамоты красным воском (ранее такое право имели только новгородский иерарх и Казанский архиепископ)²³. Одной из мотивировок принятого решения было то, что «митрополит . . . архиепископом и епископом всем глава, а в том его высокопрестольной степени перед архиепископы и епископы почести нет, что митрополит носит черной клобук . . . а архиепископ Новгородский носит белой клобук»²⁴. Приговор, как представляется, свидетельствует о том, что к этому времени царем была отвергнута кандидатура Пимена Новгородского, одного из самых близких к Грозному церковных деятелей того времени. Об особой близости Пимена к монарху говорит такой факт: во время похода на Полоцк именно этот иерарх прислал Ивану грамоту, наполненную самыми хвалебными выражениями²⁵ (во время взятия Казани в 1552 г. послания царю посылал сам митрополит Макарий, причем их стиль резко отличался от писания Пимена 1563 г.). После взятия Полоцка к Пимену от Ивана IV был отправлен посланец, который должен был перед архиепископом произнести точно такую же речь, что и перед митрополитом Макарием: «А речь ему дана с митрополичи речи и список»²⁶. Можно сказать, что Пимен был одним из любимцев государя, но Грозный не желал его видеть митрополитом.

В самом деле, покойный первосвященник Макарий, видимо, носил белый клобук, так как перешел на московскую кафедру из Новгорода²⁷. Вопросы «почести» перед архиепископами и епископами его не тревожили, иначе вопрос о клобуке был бы поставлен на Стоглавом соборе. Теперь же, после смерти Макария, эта проблема приобретала определенную остроту. Отказавшись от кандидатуры Пимена²⁸, царь должен был, не раскрывая все карты, то есть не называя имя преемника Макария, добиться от духовенства «почести» по отношению к своему выдвиженцу. Очевидно, что таковой уже был выбран царем — старец Чудова монастыря Афанасий. Таким образом, с принятием Приговора, во-первых, заранее рос автори-

тет будущего митрополита (первого поставленного по воле Грозного) среди духовенства и мирян; и, во-вторых, новый первосвященник оказывался в долгу у царя. Таковы могли быть политические расчеты, но не меньшую роль играло и то, что «царственное сознание Москвы» не могло мириться с «недостачей внешних преимуществ» митрополита²⁹.

В литературе бытует мнение, что Приговор февраля 1564 г. был принят в противовес Новгородскому и Казанскому архиепископам³⁰. Особо это подчеркивается в статье А. Л. Хорошкевич, которая пишет, что в результате Приговора архиепископы «теряли свое исключительное положение в иерархии русской церковной власти»³¹. Однако другие исследователи считают, что дело вовсе не в стремлении «поставить на место» отдельных владык, а в стремлении привлечь на свою сторону будущего руководителя Церкви³². Нам представляется, что говорить об антиновгородской и антиказанской направленности Приговора можно было бы только в том случае, если бы Новгородский и Казанский архиепископы лишились права на свои отличия — белый клобук и красный воск, но этого не произошло. Данные привилегии были лишь распространены на московских митрополитов. Следовательно, предположение А. Л. Хорошкевич ошибочно.

24 февраля, как пишет летопись, «царь и великий князь Иван Васильевич ... и сын его царевич Иван с своими богомолцы с архиепископы и епископы и со всем освященным собором избрал ... в митрополиты ... старца Афонасия, прежебывшего Благовещенского протопопа и духовника царя и великого князя ...»³³. Торжественная церемония поставления нового митрополита состоялась 5 марта в присутствии царя, царевичей Ивана и Федора и князя Владимира Андреевича Старицкого. Афанасий и Иван IV обменялись речами³⁴. Закончился почти двухмесячный период, в течение которого московская кафедра была вакантна.

Почему же именно на Афонасия пал выбор Ивана? Этим вопросом задавался С. Б. Веселовский: «Неизвестно, чем был вызван выбор царя. Афанасий не был из среды тех иерархов, которые из честолюбия и властолюбия делали всеми правдами и неправдами карьеру и угодничали перед царем. Может быть, царь, зная Афонасия по духовничеству, рассчитывал, что он будет санкционировать авторитетом митрополичьего сана все его действия, не претендуя хотя бы на относительную самостоятельность мнений и по-

ступков»³⁵. Представляется, что С. Б. Веселовский прав — очевидно, Грозный стремился видеть на престоле послушного себе, самого близкого представителя духовенства³⁶, причем такого, который бы зависел во всех своих поступках от государя. Ведь Афанасий едва ли обладал достаточным авторитетом среди иерархов: не случайно в одной из Псковских летописей с неодобрением отмечается, что «поставлен бысть митропольский епископ Афонасии инок ис Чюдова монастыря, и как постригся два лета ему прошло в чернечестве до митрополитства»³⁷.

Видимо, Освященный собор без особого энтузиазма согласился на кандидатуру бывшего царского духовника³⁸. Подобные «выдвиженцы» вызвали недовольство и ранее, достаточно вспомнить историю с Михаилом-Митяем, на поставлении которого настаивал в свое время Дмитрий Донской³⁹.

Делая свой выбор, Грозный учитывал все сложности, которые могли ожидать Афанасия на его новой должности. Не имея достаточного авторитета в церковных кругах, новый митрополит неизменно оказывался, по мнению Ивана IV, в полной зависимости от царской воли и не должен был «претендовать даже на относительную самостоятельность мнений и поступков».

В связи с вышеизложенным вызывает недоумение высказывание Р. Г. Скрышкова в одной из его ранних работ. Он считает, что Афанасий был обязан своим избранием «руководящим группировкам Боярской думы»⁴⁰. Никаких доказательств своей точки зрения исследователь не приводит. В последующих трудах Р. Г. Скрышников отказался от подобных утверждений: теперь оказывается, что Афанасий «пользовался полным доверием царя»⁴¹.

В первые месяцы первосвятительства Афанасия не видно никаких конфликтов между царем и митрополитом. Уже 12 марта Афанасий проводит церемонию поставления нового Казанского архиепископа Германа, 30 апреля в Новодевичьем монастыре постригается вдова царского брата Юрия, в мае царь и митрополит ездят в Никитский монастырь на освящение церкви⁴².

Между тем ситуация в стране накалялась — в начале мая Грозному стало известно о бегстве в Литву князя А. М. Курбского⁴³. Побег боярина и знаменитого воеводы не мог не усилить сомнений царя в преданности своего окружения. Маховик бессудных репрессий был уже запущен: в конце января 1564 г. без традиционного боярского суда, по приказу Ивана IV, были убиты бояре М. П. Репин

и Ю. И. Кашин⁴⁴. Отметим, что в тот момент митрополит еще не был избран. Теперь, после бегства Курбского, Грозный убедился, что измена так и «не выведена». Необходимы были новые репрессии против подозреваемых лиц. Но ситуация в мае 1564 г. была уже не такой, как в январе: был избран, по желанию царя, новый митрополит, который по «старине» мог печаловаться за опальных. Отказать предстоятелю Церкви бывало не совсем удобно даже Грозному, тем более, что царь должен был заботиться об укреплении среди духовенства и населения авторитета своего протеже Афанасия. Видимо, учитывая все это, Иван отправился в поездку по стране, отложив решительные действия на несколько месяцев. Отсутствовал царь довольно долго: с 7 мая по 8 июля⁴⁵. Как уже упоминалось, некоторое время в этой поездке с царем был и митрополит.

Назревавшее столкновение с окружением заставило Грозного попытаться еще больше привязать к себе Афанасия. Важно было не допустить в будущем «печалований» за лиц, которых Иван считал изменниками. 20 июня 1564 г. митрополит получил жалованную грамоту на все владения митрополичьего дома⁴⁶. Б. Н. Флоря, а затем Н. Н. Покровский высказали предположение, что эта грамота ограничивала податные привилегии Афанасия и привела впоследствии к разрыву первосвятителя с царем⁴⁷. Однако более убедительно мнение С. М. Каштанова о том, что июньская грамота не посягала на права и преимущества митрополита⁴⁸. В самом деле, в той острой ситуации в стране царю была необходима поддержка главы Церкви, и посягать на какие-либо права Афанасия не имело смысла⁴⁹.

Однако все попытки Грозного не достигли успеха. Конфликт вспыхнул после убийства князя Д. Ф. Овчины-Оболенского. По сообщению Шлихтинга, Овчина упрекнул царского любимца Федора Басманова «нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном». Басманов пожаловался царю, а тот приказал убить князя. После этого «потрясенные жестокостью этого поступка, некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздержаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка. Они говорили, что христианскому государю не подобает свирепствовать против людей так, как против скотов; пусть он побоится кары Бога . . . Несколько пораженный этим внушением и особенно тревожимый стыдом перед верховным священнослужите-

лем, он, не находя никаких причин к оправданию, подал надежду на исправление жизни и шесть месяцев оставался в спокойствии. Между тем среди этого нового образа жизни он помышлял, как устроить опричнину»⁵⁰. Так же описывает события и Гваньини: «Наконец сам митрополит, обдумав все, епископы и все дворяне пришли к нему (царю. — *В. Ш.*), настойчиво спрашивая, почему без всякой вины он уничтожает народ свой и выдающихся мужей. После их прихода и уговоров он в течение полугода был как будто более человечен и кроток. Между тем, однако, стал он измышлять и обдумывать, каким образом набрать и на вербовать слуг и придворных, пригодных для своей тирании»⁵¹.

Когда же состоялось это выступление митрополита против террора? Часть исследователей считает, что оно имело место в апреле или начале мая 1564 г.⁵² Согласно Р. Г. Скрынникову, события происходили в июле, уже после возвращения царя из поездки⁵³. Видимо, в данном случае прав Р. Г. Скрынников — в противном случае, если бы выступление Афанасия произошло весной, то едва ли он мог оказаться с царем в Никитском монастыре. К тому же полгода «спокойствия» до введения опричнины, о котором пишет Шлихтинг, можно отсчитать с лета 1564 г. Весной могли быть лишь «негласные увещевания», душеспасительные беседы наедине⁵⁴.

Открытое выступление митрополита и части бояр против казней, о котором сообщают иностранцы, показало Грозному всю сложность его положения: действовать дальше, выводя измену и оставаясь в привычном окружении, было невозможно. Следовало принять решительные и неожиданные для недовольных меры. Источники указывают на «спокойствие», в котором находился Иван, обдумывая свои последующие шаги. Следовало еще раз попытаться привлечь Афанасия на свою сторону, не допустить того, чтобы церковное руководство стало, по выражению Р. Г. Скрынникова, «рупором боярской оппозиции»⁵⁵. Правда, в отличие от Р. Г. Скрынникова, вслед за Б. Н. Флорей мы считаем, что митрополит выступил против казней не потому, что стал «рупором оппозиции», а потому, что будучи приверженцем сильной единоличной власти, Афанасий не мог одобрить методы, с помощью которых царь стремился их реализовать⁵⁶.

Как бы то ни было, в августе–сентябре 1564 г. митрополичий дом получает еще несколько льгот: на право беспошлинного провоза товаров на юго- и северо-запад на 100 возах в каждом направлении

и жалованную грамоту на половину Ржевской десятины⁵⁷. Сделав такие шаги навстречу митрополиту, Грозный мог надеяться на его невмешательство в подготавливаемые события.

Всего за месяц до отъезда царя в Слободу он присутствовал на освящении Афанасием церкви⁵⁸. Пока ничто не предвещало наступления опричнины, но это было затишье перед бурей. По сообщению летописи, 3 декабря Грозный с семьей и приближенными покинул столицу, прихватив с собой «святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшенные, и суды золотые и серебряные, и поставцы для всяких судов, золотое и серебряное, и платие и денги и всю свою казну повеле взяти с собою»⁵⁹. Митрополит и бояре, остававшиеся в Москве, не имели, по летописи, представления о том, куда направляется государь: они были в «недоумении и унынии»⁶⁰.

По сообщению Таубе и Крузе, Грозный собирался 14 дней и перед отъездом благословил первых лиц государства⁶¹. Штаден упоминает о мятеже, из-за которого царь и вынужден был уехать в Слободу⁶². Надо сказать, что записки иностранцев — источник довольно мутный, со спутанной хронологией, так что не всегда можно определить, о каком именно времени ведется рассказ. Например, введение опричнины они относят к 1566 г.⁶³ Очевидно, что самый связный рассказ о событиях содержится в официальной летописи.

Представляется, что отъезд царя не был неожиданным — чтобы собраться и захватить с собой «всю святость», требовалось время. Другое дело, что никто из оставшихся в Москве, видимо, не имел представления о дальнейших планах Грозного. Затянувшаяся неизвестность была прервана только через месяц с присылкой царских грамот на имя митрополита Афанасия и к населению города. Иван IV объявлял о «положении гнева» на духовенство, исключая митрополита⁶⁴, и опалы на бояр, дьяков и приказных. Основные обвинения сводились к следующему: расхищение казны и земель в годы царской юности и нежелание в настоящее время оборонять страну от внешних врагов. Церковники же заступались («покрывали») за тех, кого государь стремился наказать⁶⁵. Учитывая все это, Грозный «от великия жалости сердца» оставляет свое государство и будет жить там, где его «Бог наставит»⁶⁶.

Странно, что, обвиняя все духовенство в заступничестве за виновных, царь оставил в стороне главу духовенства — Афанасия, который, как известно, и выступил против казней летом 1564 г. Пред-

ставляется, что Иван таким образом, с одной стороны, давал понять митрополиту, что ему лично ничего не угрожает при любом развитии событий и нужно действовать в интересах государя; и, с другой стороны, не «накладывая» гнев на главу Церкви, царь получал возможность через него вести дальнейшие переговоры с оставшимся в Москве опальным окружением. Обвинив Афанасия, Грозный бы загнал себя в угол, так как в таком случае был бы вынужден договариваться с теми, кого только что обвинил в измене. Это было невозможно, поскольку опальные как раз и лишались права видеть ясные царевы очи.

Полученные известия вызвали в столице настоящую панику. Собравшиеся на дворе у митрополита люди требовали, чтобы Афанасий и Освященный собор добились возвращения Грозного на царство на любых условиях: «В животе и в казни его государская воля». Горожане же вообще заявили, что сами перебьют царских изменников. В таких условиях не оставалось другого выхода, как упросить Грозного вернуться. Была составлена делегация из Пимена Новгородского и Левкии, архимандрита Чудова монастыря. Сам Афанасий «для градского бережения» остался в столице⁶⁷.

Вполне вероятно, что Иван рассчитывал на то, что в Слободу для уговоров приедет лично митрополит. Отказ от поездки, хоть и под благовидным предлогом, мог означать, что Афанасий не поддерживал требований царя⁶⁸. Однако возникшая ситуация не оставляла предстоятелю Русской церкви выбора: скорее всего, Пимену и Левкию было дано указание соглашаться на все требования, которые мог выставить Иван IV. Не случайно в летописи после изложения царских требований указывается: «Архиепископы же и епископы и архимандриты и игумены и весь освященный собор ... то все положили на государской воле»⁶⁹. Очевидно, что соглашение о возвращении на престол было принято в Слободе, без консультаций со столицей и без уведомления митрополита о царских условиях — в противном случае среди «положивших на государской воле» был бы упомянут и Афанасий.

По словам А. Л. Хорошкевич, история с отречением «весьма существенна для понимания роли митрополита в жизни столицы. Именно его московские жители воспринимали как единственную силу, способную воздействовать на царя. Задуманный царем демарш ... привел среди прочих результатов и к тому, которого сам царь ожидал всего меньше, — к росту влияния митрополита»⁷⁰. По-

добное мнение едва ли справедливо. Никакого «роста влияния» Афанасия не произошло. Население обратилось к первоиерарху потому, что сам Грозный именно его ставил в известность о принятом решении. Все остальные руководители государства оказывались в опале. В таких условиях только митрополит мог воздействовать на государя.

Если о чем и можно говорить, то о падении влияния Афанасия в результате событий начала января 1565 г. В самом деле, не одобрявший, по-видимому, действий царя митрополит остался в Москве. Упоминавшаяся официальная делегация (Пимен и Левкий) отправилась в Слободу. За ней туда же поехали, уже никем не уполномоченные, члены Освященного собора: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский, Филофей Рязанский, Матвей Крутицкий, архимандриты Троицкий Меркурий, Спасский Галактион, Симоновский Феоктист, Андроньевский Иосиф⁷¹. Таким образом, Афанасий остался фактически в одиночестве — члены Освященного собора спешили заверить царя в своей преданности.

Капитуляция в Александровой слободе привела к установлению в России опричного режима. Вопрос о причинах опричнины и о том, против чего она была направлена, до сих пор вызывает споры. Некоторые исследователи считают, что одной из целей царя было полное подчинение Церкви. Наиболее последовательно это мнение отстаивает Г. П. Федотов. Царь якобы хотел сбросить с себя религиозно-моральную узду Церкви, которая была единственной силой, способной ограничить произвол правителя. Чтобы сбросить эту узду, и понадобилась «комедия с отречением от престола»⁷². А. А. Зимин писал о том, что Грозный направил удар по основным пережиткам феодальной раздробленности, среди которых, наряду с уделом Владимира Андреевича и Новгородом, фигурирует и Церковь⁷³. Однако обращение к источникам заставляет усомниться в том, что борьба с Церковью как таковой была одной из задач царя. По справедливому мнению С. М. Каштанова, царь хотел привлечь и митрополита и монастыри на свою сторону, и лишь сопротивление отдельных представителей духовенства действиям Грозного привело к ослаблению Церкви⁷⁴. М. Н. Тихомиров говорил о поддержке действий царя церковными феодалами, с помощью которых он и расправился с феодалами светскими⁷⁵.

Вообще же, при рассмотрении эпохи Ивана Грозного и тем более опричнины большинство исследователей, как представляется,

не уделяют должного внимания внутренним причинам действий царя. Царь мог вовсе не ставить себе такие цели, о которых говорят историки, а судить по последствиям о целях, которые ставились, не всегда, видимо, правильно. Негативное отношение к опричнине у многих ученых связывается с почти априорным утверждением о невиновности пострадавших от нее лиц, причем показания источников, в которых говорится о существовании заговоров, объявляются ложными. Не меньшую роль играют и рискованные исторические параллели⁷⁶. Но мы не знаем, были в действительности заговоры или нет. Вполне возможно, что были. Поэтому утверждать, что все жертвы опричнины были невиновны, нельзя. Были и изменники, бежавшие за границу и воевавшие потом с собственной родиной (тот же Курбский). Где гарантия, что не было других предателей? Судить о прошлом с точки зрения сегодняшних представлений о ценности человеческой жизни некорректно.

Один из иностранцев пишет: «Великий князь хотел искоренить неправду правителей и приказных страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было остаться в стране ни роду, ни племени. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться»⁷⁷. Почему же мы должны считать, что подобная вполне благородная цель не ставилась Иваном при учреждении опричнины? Тот же иностранец чуть ниже пишет: «Великий князь достиг того, что по всей русской земле одна вера, один вес, одна мера. Только он один и правит! Все, что ни прикажет он — все исполняется и все, что запретит — действительно остается под запретом»⁷⁸. В том, что правит один, ничего плохого для того времени не было.

Итак, в январе 1565 г. установлена опричнина. Как же действовал не одобрявший, по-видимому, действий Грозного митрополит? Каких-то видимых перемен в его положении не произошло. После возвращения Ивана IV в Москву Афанасий его «повелением» весной 1565 г. поставил новых епископов: в Коломну — Иосифа, а на Крутицы — бывшего Спасского архимандрита Галактиона⁷⁹.

Появление нового архиерея в Коломне не вызывает никакого недоумения — предыдущий епископ Варлаам умер в октябре 1564 г.⁸⁰ В то же время смена Крутицкого епископа, ближайшего помощника митрополита⁸¹, требует объяснения. Еще в январе 1565 г. Матвей Крутицкий занимал свой пост — он был среди тех

епископов, которые поехали в Слободу бить челом «сами о себе», не входя в состав официальной делегации, отправленной митрополитом к Грозному⁸². Возможно, что занимавший свой пост с 1559 г. епископ чем-то вызвал неудовольствие царя и вскоре после поездки был отправлен в монастырь. «Гнев» Ивана на духовенство, по сообщению летописи, был вызван тем, что оно «покрывало» провинившихся лиц. Действительно, в документах имя Матвея неоднократно упоминается в числе тех, кто «отпечаловал» опальных князей Василия Михайловича Глинского и Ивана Дмитриевича Бельского еще в начале 60-х годов⁸³. Однако в тех же документах значатся имена и царского любимца Левкия, и Пимена Новгородского, и даже сменившего Матвея на епископской кафедре Галактиона, который в то время был Спасским архимандритом. Следовательно, объяснить отставку Матвея ходатайствами за опальных в 1561 и 1562 гг. нельзя. Скорее всего, недовольство Ивана IV было связано с более поздними событиями: или поведением Матвея в Александровской слободе в январе 1565 г., или его участием в выступлении митрополита Афанасия летом 1564 г. после убийства Овчины. По нашему мнению, более вероятно последнее. Наконец, отставка ближайшего сподвижника Афанасия могла быть недвусмысленным предупреждением самому митрополиту о том, что его ждет в случае новых выступлений против политики царя.

После введения опричнины Афанасий еще более года находился на митрополичьем престоле. Исследователи отмечают его участие в освобождении некоторых из попавших в опалу лиц. Как писал Г. П. Федотов, иерарх «не остался вполне равнодушен к разгулу опричнины»⁸⁴. Вторит ему С. Б. Веселовский: митрополит «сделал несколько попыток быть примирителем между царем и его опальными»⁸⁵. Действительно, сохранившиеся источники говорят об активном участии Афанасия в освобождении И. П. Яковлева (март 1565 г.) и М. В. Воротынского (апрель 1566 г.)⁸⁶. Опальные «били челом» митрополитом и членами Освященного собора, и Грозный, прислушиваясь к печалованию своих богомольцев, «отдал им вины», взяв поручные записи, в которых гарантировалась верная служба попавших в немилость вельмож.

Однако встает вполне закономерный вопрос: как мог царь, при введении опричнины обвинивший духовенство в защите провинившихся, допустить новое вмешательство богомольцев в столь близкий его сердцу вопрос наказания виновных? Как вообще определя-

лось, за кого можно поручиться? С. Б. Веселовский считал, что выручаемый должен был сам набрать поручителей и договориться с ними. В некоторых случаях царь мог приказать своим доверенным лицам предложить поручительство с тем, чтобы поручитель имел возможность интересоваться частной жизнью и поведением выручаемого⁸⁷. Таким образом, по мнению ученого, инициатива взятия поручных записей исходила от опальных и лиц, им сочувствующих. Другая точка зрения у А. А. Зимина: он считает, что инициатива взятия записей исходила от самого Грозного⁸⁸. Представляется, что в данном случае прав А. А. Зимин. Царь просто давал понять, какого опального можно выручить. Это происходило в том случае, если по каким-либо причинам Грозный не мог или не считал в данный момент нужным казнить или содержать в заключении обвиняемого. Причем могли отсутствовать и лица, вина которых была полностью доказана, как это и было в случае с Бельским, который был уличен в намерении бежать в Литву⁸⁹.

Если царь принимал решение разрешить ходатайствовать за опальных, то первым в дело вступало духовенство, и делался вид, что государь просто пошел навстречу просьбам своих богомольцев. Впрочем, не исключено, что митрополит мог печаловаться в годы опричнины не только за Яковлева и Воротынского, но и другие ходатайства не были удовлетворены Грозным, или сведения о них не сохранились до нашего времени. Иными словами, по нашему мнению, сначала царь принимал решение помиловать обвиняемого (сам или под воздействием просьб со стороны), а уже потом происходила официальная церемония поручительства. В противном же случае некоторые из духовных лиц едва ли приняли бы участие в мероприятии с неизвестным финалом, но в том-то и дело, что они были убеждены в положительном результате своей просьбы к царю. Среди подобных представителей духовенства можно назвать и уже неоднократно упоминавшихся Чудовского архимандрита Левкия, Пимена Новгородского и Галактиона Крутицкого. Прав С. М. Соловьев, который писал о том, что Афанасий лишь «получил позволение» отпечаловать Яковлева и Воротынского⁹⁰.

Быть может, в печаловании принимали участие и не все представители духовенства, указанные в грамотах. Сохранилось послание Пимена к Грозному от 2 июня 1565 г., в котором архиепископ сообщает о том, что поставил свою подпись под грамотой об освобождении И. П. Яковлева. Эту грамоту доставил в Новгород Семен

Федорович Нагой⁹¹. Самого Пимена могло и не быть в Москве в то время, когда духовенство ходатайствовало за Яковлева. Имя архиепископа могло быть просто вставлено в грамоту как второго по значению иерарха Русской церкви.

После поставления Галактиона Крутицким епископом Афанасий не упоминается в летописи до самого ухода с поста митрополита. 19 мая 1566 г. он вернулся в Чудов монастырь, место своего пострижения. Объясняется это «немощью велию». Псковская летопись также упоминает о болезни Афанасия и особо подчеркивает, что митрополит удалился «своею волею»⁹². А. М. Курбский, находившийся в Литве, не знал точной причины ухода Афанасия и допускал мысль о его смерти⁹³.

Исследователи выражали сомнение в том, что отставка Афанасия была вызвана резким ухудшением состояния здоровья. Дело в том, что бывший митрополит более чем через год оказался достаточно здоровым для того, чтобы поновлять икону Владимирской Богоматери⁹⁴. Н. М. Карамзин, например, не отвергая сведений о болезни Афанасия, писал о «душевной горести», которая терзала митрополита⁹⁵. По Д. И. Иловайскому, первосвятитель ушел «устрашенный, вероятно, ужасами опричнины и не имея силы характера противостоять им»⁹⁶. А. А. Зимин считал причиной ухода митрополита недовольство опричными репрессиями, обрушившимися на близких ему деятелей⁹⁷. Недовольство опричниной считал главной причиной ухода Афанасия и Р. Г. Скрынников. Своим шагом митрополит хотел добиться упразднения царских порядков⁹⁸. В книге Р. Г. Скрынникова о России Ивана Грозного особо указывается на то, что святитель оставил престол без совета и разрешения царя, однако чуть ниже читаем, что Афанасий был «человек слабый и зависимый во всех своих поступках от царя». При нем духовенство выступало в роли пособника опричных репрессий⁹⁹. Исследователь, видимо, не замечает противоречия: если Афанасий был слаб и во всем зависел от царя, то как он мог оставить митрополию без разрешения Грозного? И тем более выступать против репрессий, что он делал еще перед введением опричнины? Скорее всего, митрополит оказался не настолько «слаб и зависим» и нашел в себе силы отказаться от престола¹⁰⁰.

М. Н. Тихомиров, напротив, предполагает, что Афанасий был вынужден уйти по требованию самого Грозного¹⁰¹. Н. Н. Покровский пишет о конфликте из-за ограничений царем податных приви-

легий митрополичьего дома¹⁰². Из исследователей лишь Б. Н. Флоря склонен доверять сообщению летописи о болезни митрополита как причине его удаления в монастырь. Историк совершенно справедливо, на наш взгляд, указывает на то, что весной 1566 г. произошло смягчение режима, была прощена большая часть ранее сосланных в Поволжье лиц, амнистирован один из ведущих русских полководцев М. Воротынский. В подобной ситуации протестовать против опричнины уходом в монастырь не имело никакого смысла¹⁰³. Однако выше уже упоминалось о том, что Афанасий не был настолько тяжело болен: впоследствии он участвовал в иконописных работах.

Таким образом, мы видим, что причины ухода митрополита с кафедры до сих пор не выяснены. Существует множество мнений: от действительной тяжелой болезни до протеста против продолжения опричной политики. Со своей интерпретацией событий выступила А. Л. Хорошкевич. По ее мнению, царь вынудил Афанасия уйти в отставку из-за вмешательства митрополита в русско-литовские отношения¹⁰⁴. Путем тщательного анализа сообщений посольских книг исследовательница установила, что имя святителя неоднократно в них упоминается. Правда, признает она, «о деятельности митрополита не всегда говорится впрямую»¹⁰⁵. От себя мы можем добавить, что в посольских книгах о дипломатической деятельности Афанасия практически ничего не говорится.

В самом деле, литовская сторона предприняла попытку привлечь к переговорам предстоятеля Русской церкви, как это уже и случалось неоднократно при предшественнике Афанасия митрополите Макарии. Впервые это произошло, когда переговоры между сторонами зашли в тупик из-за царского титула Грозного в декабре 1552 г. Русское правительство разрешило контакты литовцев с Макарием, но вся его внешнеполитическая деятельность постоянно находилась под контролем Посольского приказа¹⁰⁶. В начале 60-х годов Россия решила прекратить подобную практику, причем сделано это было таким образом, чтобы подчеркнуть высокое положение святителя: на переговорах 1562 г. Макарий заявил, что он занимается церковными делами, а не политическими. Напоминать царю о мире его долг и без литовских просьб. Специально было указано, что грамоту от литовской Рады митрополит отдаст боярам не читая, а если имеется грамота от самого короля, то он сам ответит после совещания с духовенством и царскими боярами¹⁰⁷.

Таким образом подчеркивалась дистанция между митрополитом и панями. На последующих переговорах подобная линия была продолжена: русскими от имени царя было заявлено, что Московский святитель «почти наша братия», и обращение к нему со стороны членов литовской Рады и Виленского епископа «гордость непригожая»¹⁰⁸.

Мы видим, что отказ от дипломатической практики 50-х годов, когда Макарий принимал хотя бы формальное участие в переговорах, наметился еще до вступления Афанасия на митрополичий престол. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1565 г. литовские посланцы не были допущены к митрополиту и не смогли передать адресованную ему грамоту. Было разъяснено, что «преж того которые гонцы от королевской рады приезжали к митрополиту и боярам, и митрополит те листы отсылал к боярам, потому что он пасет Церковь Божию и строит вещи церковные, а в те некоторые дела не вступает; те дела делают . . . бояре»¹⁰⁹.

А. Л. Хорошкевич считает, что «самый факт обращения панов Рады к митрополиту не мог не вызвать раздражения царя»¹¹⁰. Однако в действительности неизвестно, вызвал или нет «раздражение» этот факт. И даже если и вызвал, то отнюдь не по отношению к Афанасию, а к литовцам, которые и были инициаторами привлечения митрополита к переговорам. Впрочем, они не очень и настаивали на этом: гонец без лишних уговоров согласился не добиваться встречи с митрополитом, а передать грамоту царским боярам.

Следующий эпизод «вмешательства» митрополита во внешнеполитические дела — это, по мнению А. Л. Хорошкевич, его печалование о литовских пленниках, которые оказались в России после взятия Полоцка. Вместе с Афанасием в печаловании участвовали и царские сыновья: Иван и Федор. Исследовательница считает, что они действовали по наущению митрополита¹¹¹. Надо сказать, что действия царевичей под влиянием митрополита — это не более чем предположение. С такой же степенью доказательности можно предположить, что обращение митрополита и царевичей было инициировано самим царем. Грозный хотел получить выкуп за пленников, а литовское правительство посчитало сумму слишком большой. Идти на уступки в этом вопросе Ивану IV не хотелось — не случайно в посольской книге указывается, что выкупные деньги пленные писали на себя добровольно, а не по принуждению. В таких условиях выходом было отправить одного из заключенных в Литву для

сбора средств. Из соображений этикета необходимо было показать, что царь лишь уступает просьбам митрополита и собственных сыновей. В действительности отправка одного из литовцев для сбора выкупа позволяла выпутаться из неприятной ситуации. В данном случае мы можем видеть, что «внешнеполитическая деятельность» Афанасия является фикцией.

А. Л. Хорошкевич считает, что «воспоминания о ходатайстве Афанасия за опальных бояр долго не давали покоя мстительному и злопамятному царю». В этой связи она вспоминает наказ послу в Литву Ф. И. Умному-Колычеву, в котором речь идет о введении опричнины¹¹². Наказ представлял собой инструкцию на возможный вопрос литовской стороны об опричнине. Послу надлежало отвечать согласно полученным в Москве указаниям. Здесь действительно упоминается имя Афанасия (а также архиепископы, епископы и весь Освященный собор) по «поминанию» которого были помилованы многие из попавших в опалу лиц¹¹³. В наказе имеется простое объяснение событий, как их хотела представить русская сторона. Констатируется факт того, что благодаря посредничеству духовенства были прощены многие опальные. Никакого негативного отношения царя к Афанасию из данного документа выявить нельзя даже при большом желании.

Наконец, еще одним доказательством активного вмешательства митрополита во внешнеполитические дела для А. Л. Хорошкевич является то, что сведения о болезни Афанасия и его уходе с поста были занесены в посольскую книгу¹¹⁴. Обращение к источнику рисует следующую картину: летом 1566 г. литовские послы попросили разрешения присутствовать на обедне в Успенском соборе. Разрешение было дано. Указывается, что богослужение проводили Пимен Новгородский, Герман Казанский, Никандр Ростовский и все епископы. Далее говорится о том, что митрополит Афанасий в это время оставил митрополию и удалился в Чудов монастырь¹¹⁵. Очевидно, что Афанасий упоминается лишь с целью объяснить, почему службу по такому торжественному поводу (присутствие иностранных послов) проводил не митрополит, а другие иерархи. Если же задаться целью любое упоминание имени церковного деятеля в посольских книгах считать свидетельством активного участия в решении внешнеполитических вопросов, то можно прийти и к выводу о внешнеполитической активности, например, Казанского архиепископа Германа.

Таким образом, обращение к источникам никоим образом не подтверждает точку зрения А. Л. Хорошкевич о конфликте царя и Афанасия из-за вмешательства последнего в русско-литовские отношения. Подобного вмешательства просто не было.

Но в чем же тогда причина ухода митрополита с кафедры? Выше мы уже писали о том, что Афанасий, скорее всего, не одобрял политику репрессий, проводившуюся Грозным. Но уход с поста не был связан с этим — как уже упоминалось, как раз весной 1566 г. власти предприняли шаги для стабилизации ситуации в стране. Террор практически прекратился. В таких условиях уходить с престола в знак протеста против опричнины было в высшей степени неразумно. Сам царь также едва ли требовал ухода Афанасия — ведь в момент отставки святителя он находился вне пределов столицы¹¹⁶. Вероятно, отношения Ивана IV и Афанасия были вполне нормальными: не случайно бывший митрополит оказался в кремлевском Чудовом монастыре, где продолжал настоятельство Левкий. К тому же иконописные работы, которыми занимался затем Афанасий, едва ли могли быть ему поручены в случае открытого конфликта с царем.

Представляется, что весной 1566 г. имело место событие, напрямую с опричными репрессиями не связанное, но подтолкнувшее тем не менее митрополита к отставке. Возможно, что таким событием был приказ Грозного о начале строительства загородного двора: «Повелел царь . . . двор себе ставити за городом . . . и ограду каменну вокруг двора повелел зделати»¹¹⁷. Следующее сообщение летописи говорит о пожаловании князю Владимиру Старицкому места для строительства своего двора, а потом следует сообщение об уходе с кафедры Афанасия¹¹⁸. Видимо, подобная последовательность событий не является случайной. Митрополит мог расценить решение царя о строительстве дворца за городом как нежелание государя с ним общаться. Грозный приказал строить резиденцию за городом, то есть Кремль, в котором находилась резиденция предстоятеля Церкви, переставал быть резиденцией светского правителя. В то же время в сознании людей той эпохи существовало представление о том, что царь и предстоятель Церкви должны находиться рядом. Так, например, во время установления патриаршества в России Константинопольскому патриарху Иеремии предложили в качестве резиденции Владимир, заранее зная, что он откажется от подобного варианта. И действительно, Иеремия заявил, что пер-

восвятитель может жить только при государе: «Занеже патриархи бывают при государе всегда; а то что за патриаршество, что жити не при государе, тому статца никак невозможно»¹¹⁹.

Очевидно, что при подобных представлениях начало строительства новой царской резиденции было воспринято Афанасием очень болезненно. Он ушел с престола, вероятно, в знак протеста против того, что Грозный собирался покинуть Кремль, поскольку в этом случае нарушался личный контакт первосвятителя с царем.

Однако Иван IV считал, что его место жительства — это личное дело, это его «домовой обиход». Поэтому при поставлении следующего митрополита Филиппа Колычева особо подчеркивалось, что кандидат дал обещание не уходить с престола из-за опричнины и царского домового обихода. Вместе с тем указывалось, что Филипп должен «советовать» с царем так же, как и прежние митрополиты «советовали» с Василием III и Иваном III¹²⁰.

Очевидно, что «опричина» и «домовой обиход» — это не одно и то же. Под «домовым обиходом» подразумевается, скорее всего, частная жизнь Грозного, ее домашнее устройство¹²¹, в том числе и место царской резиденции. Запрещение Филиппу отказываться от престола из-за «домового обихода» свидетельствует о том, что предыдущий митрополит (Афанасий) покинул кафедру как раз по этой причине — в противном случае непонятна подобная предусмотрительность Грозного. Вместе с тем перенос царской резиденции вовсе не означает, по мнению Ивана, отказ от «совета» с митрополитом. Ясно дается понять, что в этом отношении все будет, как и при прежних государях.

Таким образом, неожиданный уход Афанасия был вызван именно стремлением царя обосноваться в новой резиденции, вне исторического центра Русского государства — московского Кремля. Афанасий считал, что в подобном случае он не сможет выполнять свои пастырские обязанности и «советовать» с государем, как это было при предшественниках Грозного. Для царя же Ивана переезд в новую резиденцию был его личным, домашним делом, которое ни в коей мере не способно нарушить нормальные освященные старинной отношения правителя и первосвятителя.

Подводя итог нашему исследованию деятельности митрополита Афанасия, необходимо отметить, что на престол он был приглашен по воле царя, с которым его связывали долгие годы знакомства. Бывший царский духовник являлся наиболее близким к

Ивану представителем духовенства. Кроме того, в сложной политической ситуации середины 60-х годов Грозный рассчитывал на поддержку нового митрополита. Стремясь крепче привязать к себе Афанасия, он сделал несколько шагов, которые укрепляли престиж и материальное положение митрополичьей кафедры. Но оказалось, что бывший царский духовник не вполне одобряет методы, с помощью которых Грозный утверждал свое единовластие в России. Во время введения опричнины митрополит предпочел остаться в столице, ограничившись отправкой в Слободу своих представителей с предварительным согласием на любые требования царя. С января 1565 г. Афанасий, видимо, продолжал пытаться как-то облегчить участь некоторых опальных. Иногда ему это удавалось. Добровольный уход митрополита с престола был вызван, скорее всего, основанием новой царской резиденции вне Кремля. Афанасий посчитал, что в таких условиях он не сможет выполнять свои функции «совета» с царем и предпочел сложить с себя сан.

По справедливому мнению Макария (Веретенникова), Афанасий — личность в высшей степени незаурядная и примечательная. Он был сподвижником и продолжателем трудов Макария, только изменившиеся исторические обстоятельства не способствовали большей плодотворности его первосвятительской деятельности¹²².

* * *

В июле 1566 г. митрополитом Московским и всея Руси стал бывший игумен Соловецкого монастыря Филипп, происходивший из знатной боярской семьи Колычевых¹²³. Трагическая судьба этого иерарха и его столкновения с царем Иваном предопределили тот интерес, с которым исследователи обращаются к событиям, связанным с его недолгим двухлетним первосвятительством. Источники говорят о том, что Филипп — один из величайших деятелей в истории Русской церкви. Н. И. Костомаров, например, писал: «Во всей истории русского монашества нет другого лица, которое бы при обычном благочестии, столько же помнило обязанность заботиться о счастье и благосостоянии ближних и умело соединять с примерною набожностью практические цели в пользу других»¹²⁴.

Литература, посвященная Филиппу Колычеву, обширна. Крупнейшие исследователи русского средневековья обращались к изучению его деятельности. Краткая библиография приведена в статьях

Д. М. Буланина и Р. П. Дмитриевой¹²⁵. Однако обилие научных трудов ни в коей мере не свидетельствует о том, что свое разрешение нашли все вопросы, связанные с жизнью знаменитого митрополита. Дело в том, что у ученых нет не только единого мнения по целому ряду проблем, но существуют и диаметрально противоположные взгляды. В связи с этим новое обращение к политическим аспектам деятельности Филиппа является оправданным.

Какова же была ситуация в Москве в тот момент, когда в ней появился Филипп?

19 мая 1566 г. митрополию оставил Афанасий. Самого царя в столице тогда не было, он находился в поездке по южным городам страны. Приехал Грозный лишь 28 мая¹²⁶. Очевидно, что следовало как можно скорее решить вопрос о новом митрополите, однако Иван не стал задерживаться в Москве и 30 мая выехал в Троицу, вернувшись в столицу лишь 4 июня. 30 же мая прибыли литовские послы, и начались трудные переговоры¹²⁷.

По свидетельству А. М. Курбского, Иван IV пригласил на пост митрополита архиепископа Казани Германа Полева. Несмотря на его неоднократные отказы, Полев был возведен на митрополичий двор и провел там несколько дней. Затем Герман, как «глаголют», стал в личных беседах напоминать царю о Страшном Суде. Грозный передал содержание наставлений архиепископа своим опричным советникам, и те убедили царя отказаться от этой кандидатуры. Еще через два дня несчастный иерарх был найден мертвым на своем дворе. Как пишет беглый князь, «овы глаголют удушенна его тайне за повелением его (царя. — *В. III.*), овы же ядом смертоносным уморенна»¹²⁸. Необходимо заметить, что История Курбского — это единственный источник, который говорит о том, что Герман Казанский был выбран Иваном в митрополиты.

Как же относиться к этому известию? Ведь бывший боярин писал по слухам, находясь за границей, и точных проверенных данных у него быть не могло. Очевидно, например, что архиепископ не был убит по приказу царя в 1566 г., так как являлся участником поставления в митрополиты Филиппа Колычева¹²⁹. Однако, несмотря на столь явную несообразность рассказа Курбского, многие исследователи склонны доверять его сведениям¹³⁰. Некоторые из них приводят и объяснения того, почему именно на Германе остановился выбор царя. Так, Г. В. Вернадский считает, что Грозный вспомнил о роли Полева в расследовании ереси Матвея Башкина и о том, что он

являлся ближайшим помощником первого Казанского архиепископа Гурия в новоприсоединенной Казани. Но этот иерарх был глубоко религиозным человеком, а не раболепным искателем царского благоволения. Он был возмущен жестокостями опричнины и уговаривал Ивана прекратить расправы¹³¹. По мнению А. А. Зимина, выбор царя был связан со следующими обстоятельствами: Полев был из «иосифлян», которые неизменно поддерживали политику московских правителей, врагом еретиков, мелким дворянином по происхождению, ревнителем православия. Против опричнины Герман выступил неожиданно для Грозного, причины этого «трудно объяснить». Может быть, пишет далее А. А. Зимин, это было связано с близостью Германа к князьям Старицким (в 50-е годы он был архимандритом в удельной столице) и влиянием учения Максима Грека (об этом влиянии писал Курбский)¹³². Согласно Р. Г. Скрынникову, кандидатура Казанского архиепископа удовлетворяла все церковные течения. Сам Полев был «иосифлянином», но в то же время разделял некоторые взгляды «нестяжателей»¹³³.

Но, как мы уже писали выше, недостоверность сведений Курбского о дальнейшей судьбе Германа, о том, что он был убит через два дня после изгнания из митрополичьего двора, заставляет усомниться и в достоверности всего рассказа о попытке поставления Казанского архиепископа митрополитом. Полев находился в Москве уже в апреле 1566 г. — он упоминается среди участников печалования по князю Михаилу Воротынскому¹³⁴. Попробуем все же выяснить, когда ему могли предложить пост. Очевидно, что крайние даты, которые надо рассматривать, следующие: 19 мая и 20 июля 1566 г.

19 мая под предлогом «немощи великой» митрополию покинул Афанасий¹³⁵, а 20 июля были утверждены условия, на которых Филипп Колычев должен был стать первоиерархом Русской церкви¹³⁶. Царь прибыл в Москву только 28 мая, а уже 30 уехал в Троицу, где и находился до 4 июня¹³⁷. В то же время в столицу прибыло представительное литовское посольство, и начались тяжелые переговоры¹³⁸. Видимо, до 4 июня Грозный не имел даже физической возможности предложить пост митрополита Герману, тем более беседовать с ним наедине. Едва ли это было возможно и в период переговоров, которые требовали постоянного внимания царя. 9 июня 1566 г. Герман вместе с другими иерархами проводил службу в Успенском соборе для членов литовского посольства¹³⁹.

Если бы он к этому времени был наречен митрополитом, то его имя упоминалось бы первым. Однако это не так — он назван вторым после Пимена Новгородского. Если предположить, что Казанский архиепископ к этому времени уже был согнан со двора митрополита, то, вероятнее всего, он вообще вряд ли мог присутствовать на торжественном богослужении. То же самое можно сказать и о заседаниях Земского собора 1566 г. Имя архиепископа стоит вторым при перечислении членов Собора — представителей духовенства¹⁴⁰. Это говорит о том, что ко 2 июля никакого изменения в положении Германа не произошло. Не мог быть Полев приглашен на кафедру и в промежуток между 2 и 20 июля: как уже упоминалось выше, 20 июля завершились переговоры об условиях поставления Филиппа Колычева. Очевидно, требовалось определенное время для того, чтобы Грозный встретился с этим кандидатом и сделал ему официальное предложение занять престол. Известно, что Колычев отказывался от подобной чести, а затем выставил определенные условия. На урегулирование этих разногласий неизбежно требовалось значительное время. Кроме того, если бы описанная Курбским история с Полевым произошла в самом начале июля, то каким образом Иван IV мог так быстро определиться с новым претендентом? К сказанному можно добавить еще и следующее: когда и для чего Грозный вызвал Филиппа с Соловков? Более подробно на этом вопросе мы остановимся ниже, а сейчас позволим себе лишь следующее замечание: в работе Земского собора Колычев не участвовал, он не упоминается среди подписавших грамоту представителей духовенства¹⁴¹. Значит, 2 июля его еще не было в Москве. Приехал он за несколько дней до 20-го числа. Можно предположить, что он просто не успел на заседании Собора, а был вызван именно для участия в нем. Однако исследователями установлено, что Собор был созван неожиданно, в течение нескольких дней, и участвовали в его работе только лица, непосредственно находившиеся в Москве в конце июня. Как убедительно показал В. Д. Назаров, вызов представителей духовенства из провинции не проводился¹⁴². Следовательно, Филипп был вызван не для участия в Соборе 1566 г. Скорее всего, его появление в столице было связано с тем, что именно он рассматривался Грозным в качестве основного кандидата на занятие митрополичьего престола. Причем это решение царь принял самое позднее в начале июня. К этому времени Герман Казанский не мог быть сперва избран митрополитом, а затем изгнан с поста. Ис-

торикам, которые доверяют сведениям Курбского, необходимо бы было дать убедительное объяснение тому, почему за выступление против опричнины один представитель духовенства был изгнан, а другой — стал первоиерархом. Почему Колычева не прогнали так же, как Германа?

Наконец, трудно представить себе, что царь мог в момент пребывания в городе большого количества иностранцев¹⁴³ позволить себе изгнать из митрополичьего двора только что поселенного туда иерарха. Едва ли позиции русской стороны на переговорах могли укрепиться в результате подобных акций — слухи о конфликте между светской и церковной властью неизбежно дошли бы до членов посольства. Таким образом, изгнание Германа не могло произойти в то время, пока в Москве находились поляки и литовцы, то есть до 22 июля — дня их отъезда в Литву¹⁴⁴. Но к 22 июля уже было принято окончательное решение о том, что новым митрополитом станет Филипп. Следовательно, никакого изгнания Полева с митрополичьего двора вообще не было. Видимо, не было и его наречения митрополитом.

Вероятно, до Курбского дошли лишь слухи о событиях: о последовавшей несколько лет спустя смерти Германа в Москве и о том, что он неодобрительно относился к опричнине. На основании этих сообщений беглый князь и составил свой рассказ. К его чести надо признать: он не утверждает, что так оно все и было в действительности, а оговаривает: люди «глаголют»¹⁴⁵. Вряд ли кто мог узнать о разговорах Германа с Грозным о Страшном Суде или об обсуждении этих бесед с опричниками. Скорее всего, сведения А. М. Курбского о том, что Казанский архиепископ несколько дней занимал митрополичьи палаты, не соответствуют реальному положению вещей.

Соловецкий игумен Филипп появился в Москве между 2 и 20 июля 1566 г. Сведения о его предшествующей жизни содержатся в различных документах и неоднократно являлись предметом изучения историков. Одним из основных источников, рассказывающих о Филиппе (до пострижения — Федоре Степановиче Колычеве), является его Житие. Оно сохранилось в двух редакциях, которые несколько различаются по содержанию: в одной более подробно говорится о пребывании Филиппа в Соловецком монастыре, а в другой — о его выступлении против политики Ивана Грозного. В литературе эти редакции получили название Тулуповской

и Колычевской. Вопрос о том, какая из них первична, по-разному разрешался исследователями. Так В. О. Ключевский считал более ранней Тулуповскую редакцию¹⁴⁶, а Г. Г. Латышева предполагает, что первична Колычевская редакция¹⁴⁷. Г. Г. Латышеву поддержала Р. П. Дмитриева. По ее мнению, более ранняя редакция (Колычевская) составлена на Соловках в 1591–1598 гг., в то время как поздняя (Тулуповская) — в 20-е годы XVII в.¹⁴⁸ Специально занимавшийся изучением Жития В. А. Колобков пришел к выводу о том, что справедливо мнение Ключевского о первичности Тулуповской редакции¹⁴⁹. Р. Г. Скрынников, отмечая, что вопрос о соотношении редакций нуждается в дополнительном изучении, считает все же возможным говорить о первичности Тулуповской редакции¹⁵⁰. Несмотря на все разногласия среди исследователей по поводу того, какая редакция является первичной, признается большая достоверность этого источника¹⁵¹.

С. Б. Веселовский ошибочно считал отцом Филиппа Александра Григорьевича Колычева¹⁵². Подобное недоразумение возникло из-за того, что Веселовский принял собственное имя сына Александра Григорьевича «Митрополит» за указание на должность¹⁵³. В действительности отцом митрополита Филиппа был Степан Колычев, имевший прозвище Стенстур. В конце XV в. Степан получил поместья в Деревской пятине недавно присоединенной Новгородской земли¹⁵⁴. Мать Филиппа звали Варварой, в иночестве Варсонофией¹⁵⁵. Родился будущий митрополит 11 февраля 1507 г.¹⁵⁶ До 30 лет его жизнь скорее всего протекала так же, как и жизнь молодых людей аристократического круга. По Житию, в молодости Федор был лично известен молодому Ивану IV, который любил его за «смиреномудрие»¹⁵⁷. Однако в 30 лет судьба молодого дворянина стремительно переменилась — он тайно ушел из Москвы на Север России и в конце концов оказался в Соловецком монастыре. Переворот в душе Федора вызвали услышанные на церковной службе слова о том, что невозможно человеку служить двум господам. Как установил И. Яхонтов, этот стих читался в церкви 10 июня 1537 г.¹⁵⁸ В мае этого года произошел «мятеж» Андрея Старицкого¹⁵⁹. После ареста удельного князя были казнены новгородские помещики, перешедшие на его сторону. Среди казненных и опальных оказались и некоторые Колычевы — родственники Федора¹⁶⁰.

Многие исследователи связывают уход Федора Колычева из Москвы и «мятеж» князя Андрея¹⁶¹. В некоторых научных тру-

дах утверждается даже, что Федор мог быть непосредственно замешан в событиях и, следовательно, Москву покинул, спасая свою жизнь¹⁶². Однако никаких доказательств участия Федора в событиях на стороне Старицкого не имеется. Как писал Г. П. Федотов, «мы не желаем и не имеем права представлять себе Федора Колычева заговорщиком против московского правительства, бегущим в монастырь, чтобы спасти свою голову». Казнь родственников могла лишь ускорить окончательное принятие решения, которое внутренне вызревало еще раньше. В связи с этим Федотов упоминает о том, что к 30 годам будущий митрополит оставался неженатым, что было удивительно для Руси¹⁶³. По справедливому замечанию Макария (Веретенникова), от опалы лучше было бежать в Литву, но никак не в далекий северный монастырь¹⁶⁴. Уход Федора из Москвы, видимо, не связан непосредственно с его участием в «мятеже», а объясняется внутренними причинами. Казнь троюродных братьев и слова, услышанные во время церковной службы, могли быть лишь последним толчком, ускорившим принятие решения.

В Соловецком монастыре для молодого аристократа началась новая жизнь. Его определили под начало к старцу Ионе¹⁶⁵. Уже будучи митрополитом, Филипп в своих посланиях в монастырь неизменно упоминал наставника¹⁶⁶. Между тем обитель переживала трудные времена — весной 1538 г. она была опустошена катастрофическим пожаром. На следующий год Иван IV сделал вклад в монастырь¹⁶⁷. В середине 40-х годов Филипп впервые занимает пост игумена. По мнению В. Никитина и Макария (Веретенникова), это произошло в 1545 г.¹⁶⁸ Однако по не совсем понятным причинам власть на полтора года снова переходит в руки предыдущего игумена Алексея Юрцева¹⁶⁹. Окончательно на посту игумена Колычев утвердился лишь в 1547/48 г.¹⁷⁰ Р. Г. Скрынников высказал осторожное предположение о том, что в монастыре возник конфликт между Алексеем и Филиппом из-за формы монашеского жития: общего или особого¹⁷¹.

В конце 40-х — первой половине 60-х годов Филипп развернул на Соловках бурную деятельность. Монастырь стал процветающим экономическим и культурным центром, получил множество льгот и вкладов от Ивана Грозного¹⁷². В начале 50-х годов Колычев несколько раз посетил Москву и, вероятно, встречался с царем¹⁷³.

В историографии существует мнение, наиболее полно обосно-

важное А. А. Зиминим, что Филипп являлся «нестяжателем», сторонником благовещенского пона Сильвестра¹⁷⁴. Другие исследователи не склонны считать его таковым. На основании активной хозяйственной деятельности Филиппа В. И. Буганов делает вывод о том, что «вряд ли он был сторонником монастырского нестяжания»¹⁷⁵. Р. Г. Скрынников отмечает, что соловецкие писцы переписывали сочинения крупнейших писателей XVI в., к каким бы течениям они ни принадлежали¹⁷⁶. По мнению В. Никитина, Колычев «следовал единым заветам преп. Нила Сорского и Иосифа Волоцкого»¹⁷⁷.

Каковы же аргументы А. А. Зимина? Во-первых, исследователь указывает на то, что монастырь пользовался особыми привилегиями в середине XVI в., когда у власти находился «всесильный» благовещенский протопоп. Во-вторых, Сильвестр, как и родственники Филиппа, благоволил Старицким князьям и происходил из новгородской среды. В-третьих, наказание сыну (заключительная часть Домостроя), автором которого был Сильвестр, перекликается с конкретными действиями, осуществленными Филиппом в вотчине Соловецкого монастыря. В-четвертых, благовещенский священник закончил свою жизнь в обители, «любимый, уважаемый Филиппом»¹⁷⁸. В-пятых, побег Артемия из монастыря, возможно, был организован Колычевым или игумен посмотрел на это сквозь пальцы. В-шестых, соловецкие старцы не дали на суде обвинительных показаний против Артемия¹⁷⁹.

Надо отметить, что основной пункт доказательств А. А. Зимина основан на утверждении о том, что Сильвестр сам являлся «нестяжателем». Ранее мы уже имели возможность показать, что это не так. Сомнения вызывает и само существование в середине XVI в. «нестяжательства» как оппозиционного течения по отношению к официальному руководству Русской церкви. Если же благовещенский протопоп не был «нестяжателем», то только близость его к Филиппу не может свидетельствовать о «нестяжательстве» последнего. Кроме того, Сильвестр вовсе не был таким «всесильным», как это изображает А. А. Зимин, а являлся лишь ставленником митрополита Макария¹⁸⁰. Симпатии к Соловецкому монастырю царь начал проявлять еще до того, как Филипп стал игуменом¹⁸¹, и до прихода к власти «Избранной рады»¹⁸². Скорее всего, льготы и вклады в далекую северную обитель объясняются не близостью Филиппа к Сильвестру, а хорошим отношением самого

царя к игумену, которого он, по свидетельству Жития, знал с детства¹⁸³.

Не может служить доказательством особой близости Сильвестра и Колычева и то, что они происходили «из новгородской среды». Если следовать такой логике, то окажется, что все земляки обязательно должны иметь одинаковые взгляды. Участие троюродных братьев Филиппа в «мятеже» Андрея Старицкого едва ли может быть доказательством его собственного «благоволения» удельным князьям. Впрочем, благовещенский поп также вряд ли был особо близок к Старицким: существующие источники не позволяют сделать столь ответственных выводов. Летописные приписки, в которых говорится об участии Сильвестра в освобождении из заключения князя Владимира Андреевича и позиции благовещенского попа во время событий 1553 г. («боярский мятеж» во время царской болезни) были сделаны спустя десятилетия после событий и имеют явную публицистическую направленность¹⁸⁴. Кроме приписок, А. А. Зимин доказывает близость Сильвестра к Старицким тем, что в 50-е годы XVI в. Анфим (сын священника) снабжал дворецкого князя Владимира драгоценными тканями¹⁸⁵. Однако нам подобное построение не кажется убедительным: торговые отношения (продавец — покупатель) не могут говорить о политической близости отца продавца к господину покупателя.

Хозяйственные реформы, предпринятые Филиппом на Соловках, едва ли могут быть прямо связаны с наставлением Сильвестра сыну. Очевидно, что игумен проводил те мероприятия, которые были экономически целесообразны. Неубедительно и указание А. А. Зимины на то, что священник окончил свои дни в Соловецком монастыре, сосланный туда царем, но «любимый, уважаемый» Филиппом. Единственное свидетельство о пребывании Сильвестра на Соловках — это История А. М. Курбского¹⁸⁶. Однако исследования показывают, что в этом монастыре нет никаких следов пребывания бывшего благовещенского попа, но есть серьезные основания считать, что он закончил свою жизнь в Кирилло-Белозерской обители¹⁸⁷.

Безосновательно и утверждение о том, что Артемий бежал из заключения с помощью Филиппа или при его молчаливом сочувствии. Нет никаких источников, которые бы позволили обосновать подобное предположение¹⁸⁸. В действительности едва ли обвинен-

ный в ереси Артемий мог оказаться на Соловках, если бы у руководства Церкви были какие-нибудь сомнения в лояльности игумена. Позиция на суде Феодорита и Иоасафа Белобаева, поддержавших Артемия, могла быть вызвана их собственными взглядами, а отнюдь не взглядами и убеждениями Колычева.

Таким образом, доказательства А. А. Зимина не могут свидетельствовать о том, что Филипп придерживался «нестязательских» взглядов и имел какие-то особые отношения с Сильвестром¹⁸⁹. Очевидно, что Колычев «следовал единым заветам... Нила Сорского и Иосифа Волоцкого»¹⁹⁰.

Довольно сложным является вопрос о том, когда Филипп получил приглашение прибыть в Москву. Леонид считает, что на Соловках узнали об отречении Афанасия и вызове Филиппа для «духовного совета» одновременно¹⁹¹. По мнению Г. П. Федотова, Колычев получил приглашение приехать в столицу еще до того, как на митрополичью кафедру была выдвинута его кандидатура. Как можно понять, исследователь полагает, что Соловецкий игумен был вызван для участия в Земском соборе, но не успел прибыть на это «политическое совещание»¹⁹². Р. Г. Скрышников утверждает, что Филиппа вызвали в столицу еще до отставки Афанасия, но из-за дальности пути тот смог приехать лишь в середине июля¹⁹³. По В. Никитину, царскую грамоту с приглашением в Москву на Соловках получили в июне 1566 г.¹⁹⁴

К сожалению, источники не дают ответа на вопрос о том, когда же Филипп был вызван в Москву: в Соловецком летописце конца XVI в. говорится лишь о том, что «в лето 7074-го игумена Филиппа с Соловков на митрополию взяли к Москве...»¹⁹⁵. Согласно другому, более позднему списку, Колычев был взят из монастыря по царскому указу в Великий пост¹⁹⁶.

Следует заметить, что, по убедительным выводам В. Д. Назарова, духовенство специально на Земский собор не приглашалось. Само это совещание было в большой мере импровизацией, потребность в которой возникла в результате переговоров с польско-литовским посольством¹⁹⁷. Из этого следует, что Филипп не мог быть вызван в Москву для участия в Соборе. Мнение Р. Г. Скрышникова о том, что игумен был вызван еще до отставки Афанасия, ничем, кроме указаний позднего Соловецкого летописца на Великий пост, не подтверждается. Но Пасха в 1566 г. приходилась на середину апреля¹⁹⁸, и в этом случае выходит, что Филипп получил пригла-

шение еще в марте — первой половине апреля, а в Москве оказался лишь в июле. Таким образом, на сборы и дорогу он потратил около трех месяцев. Это едва ли возможно — ведь по царскому вызову следовало спешить.

Можно с большой долей вероятности предположить, что вызов Колычев получил уже после отставки Афанасия, и связано это было не с Земским собором, а с желанием Ивана Грозного видеть Филиппа митрополитом. Выше уже было показано, что царь не предлагал престол Герману Казанскому и, таким образом, он, видимо, сразу после отставки Афанасия решил обратиться к Филиппу. Гонец в монастырь мог быть отправлен в конце мая, на Соловки он попал в июне, и игумен, получив царское предписание, сразу же отправился в путь.

Известно, что Филипп ехал через Новгород¹⁹⁹. По свидетельству англичан, дорога от Холмогор до Новгорода занимала около месяца²⁰⁰. Следовательно, в этот город будущий митрополит мог приехать в начале июля, затем, в середине месяца, Филипп оказался в Москве. Свидетельство же позднего Соловецкого летописца о том, что игумен был вызван в Москву в Великий пост, могло появиться следующим образом: очевидно, что составитель рукописи пользовался древними источниками, но при переписке перепутал название поста²⁰¹. вполне могло быть так, что вместо Великого поста в первоисточнике фигурировал Петров пост, который действительно необходимо было соблюдать в июне: от 50-го дня после Пасхи до 28 июня²⁰².

Почему же выбор Грозного пал именно на игумена далекого Соловецкого монастыря? Чем определялось решение царя? Исследователи выдвинули множество гипотез. По Н. М. Карамзину, Иван IV желал своим выбором показать особое уважение к христианским добродетелям²⁰³. Н. И. Костомаров находит, что все определялось противоречиями, которые были «нередки в поступках полумногого Ивана»²⁰⁴. Леонид более подробно остановился на этом вопросе. По его мнению, царь долгое время был знаком с Филиппом, любил монашеские добродетели и знал, что игумен северной обители не участвовал в политических событиях²⁰⁵. Макарий (Булгаков) убежден в том, что инициатива избрания всецело зависела от воли царя, который рассчитывал на то, что Филипп, получивший столько знаков внимания в бытность игуменом, «охотно согласится быть в полной его воле и, занимая митрополитскую кафедру, будет

постоянно держать его сторону и ни в чем не станет ему противоречить»²⁰⁶.

Г. П. Федотов считает, что в выборе митрополита сыграли роль противоречия внутренних мотивов, характерные для Грозного, который всегда соединял свои злодеяния со страстной набожностью. Он хотел видеть святого пастыря на кафедре, но вместе с тем «желал сохранить для себя полную свободу действий; желал иметь в святом молитвеннике, но не судью своей совести». Поэтому царь ищет достойнейшего и находит его в лице Филиппа²⁰⁷.

П. А. Садилов привел множество причин, по которым выбор Ивана IV остановился именно на Соловецком игумене: популярность как очень энергичного организатора, давнее знакомство с царем, приемлемость его кандидатуры для различных общественных кругов (принадлежность к старому боярскому роду, наличие родственников в опричнине, хозяйственная активность, отсутствие кровных связей с княжеско-боярским землевладением, безупречность в личной жизни)²⁰⁸. С выводами П. А. Садилова солидаризировался А. А. Зимин, сделавший, правда, несколько добавлений: Грозный не хотел резко рвать с некоторыми кругами боярства и, кроме того, после неудачи с «иосифлянином» Германом Полевым решил обратиться к их противникам «пестяжателям». Среди последних лишь две фигуры могли рассматриваться как будущие митрополиты — Пимен Новгородский и Филипп Колычев. Но Пимен представлял Новгород, который, по мнению царя, «таил в себе крамолу». Остался лишь Филипп, в пользу которого высказался и Освященный собор²⁰⁹.

Совершенно новую интерпретацию событий предложил Р. Г. Скрынников. По его мнению, царь был против кандидатуры Филиппа по многим причинам: слишком тесная связь с верхами боярства, связь с Новгородом, который всегда вызывал подозрения Грозного, участие в молодости в мятеже Старицких, непреклонный характер и большое честолюбие. Однако после изгнания с митрополичьего двора Германа Полева, вызвавшего возмущение Боярской думы и Освященного собора, Иван вынужден был пойти на уступки земщине в вопросе о новом митрополите. Филиппа выдвинула группировка конюшего И. П. Федорова, с которым он состоял в дальнем родстве²¹⁰. В более поздних работах Р. Г. Скрынников не столь категоричен в выводах. Оказывается, что мотивы избрания Филиппа могут быть определены только предположительно.

Как пишет исследователь, «тиранические склонности сочетались в личности Грозного с искренней верой и преданностью . . . Церкви». Царь много лет знал игумена и уважал его за строгую жизнь и талант строителя. Грозный заботился о величии и красоте Церкви. Филипп лучше других мог позаботиться об укреплении авторитета митрополичьего дома и устройстве его материальных дел. Кроме того, после учреждения опричнины Соловецкий игумен оказался в стороне от бурных событий, что также говорило в его пользу. Наряду с плюсами кандидатура Филиппа имела в глазах царя и минусы: связь с боярством и Старицкими, новгородские корни, непреклонный характер. В конце концов вопрос решился в пользу Колычева благодаря «церковной оппозиции и более могущественным силам, которые стояли за ее спиной». «По-видимому, конюший И. П. Федоров и его сторонники сыграли какую-то особую роль в приглашении Филиппа на митрополию»²¹¹.

По Д. М. Буланину, основной причиной избрания Филиппа была его «кипучая деятельность» в Соловецком монастыре²¹². Для В. Б. Кобриня появление кандидатуры Колычева «совсем неожиданно». Единственное, что могло привлечь царя, — это то, что двоюродные братья будущего митрополита служили в опричнине²¹³. А. П. Павлов признает, что «трудно назвать конкретную причину, обусловившую . . . выбор» царя. Возможно, пишет далее исследователь, Грозного привлекали способности Филиппа как администратора и «хозяйственника» и то, что сородичи Соловецкого игумена оказались зачислены в опричнину²¹⁴. Б. Н. Флоря основную причину избрания Колычева видит в том, что царь рассчитывал на то, что «взысканный его милостью игумен будет его послушным орудием»²¹⁵.

Причину того, почему именно на Филиппа пал выбор Грозного, следует, видимо, искать в тех представлениях о роли духовной власти и ее отношении к светской, которые сложились у царя к середине 60-х годов и нашли свое отражение в его Первом послании Курбскому. Примеры из истории древнего Израиля призваны были доказать: «священники» не должны обладать политической, государственной властью — сам Бог, избавив евреев от египетского рабства, поставил над ними как царя Моисея, а Аарон должен был священствовать, но «людского строения ничего не творит». В вину Сильвестру ставится то, что он «вместо духовных, мирская нача советовати»²¹⁶. С этой точки зрения кандидатура Филиппа

была для царя наиболее приемлема: игумен далекой северной обители не запятнал себя в глазах Ивана участием в «мирских» событиях, никогда не участвовал в печалованиях за опальных, как огромное большинство архиереев и настоятелей монастырей²¹⁷, отличался подвижничеством и строгостью жизни, организаторские способности Колычева были также широко известны. Представляется, что именно неучастие в политических событиях, «оторванность» от столичной жизни и являлись основными критериями, по которым царь и предложил митрополичий престол игумену Филиппу. Очевидно, определенную роль в выборе сыграло и то, что Грозный лично знал претендента с детских лет, и то, что в опрочине служили некоторые представители семьи Колычевых.

Причем, по нашему мнению, Филипп был приглашен в Москву тогда, когда царь уже решил сделать его митрополитом. Как писалось выше, Герману Казанскому, скорее всего, престол не предлагался. Курбский лишь записал сильно искаженные слухи, дошедшие в Литву. В связи с этим утверждение А. А. Зимина о том, что, сделав ошибку в выборе «иосифлянина», Грозный решил сделать ставку на «нестяжателя», представляется сомнительным. Это относится и к дальнейшему ходу мыслей ученого о том, что существовали две видные фигуры «нестяжателей»: Пимен и Филипп, но Пимен представлял Новгород. Если бы царь руководствовался этим критерием, то кандидатура Колычева также была бы отвергнута — он имел связи в Новгороде, да и сам Соловецкий монастырь принадлежал Новгородской епархии. Добавим к этому, что «нестяжательство» и Пимена, и Филиппа, как уже указывалось, невозможно обосновать. Тесная связь Колычева с Сильвестром, на которой настаивает А. А. Зимин, была бы аргументом против его выдвижения — известно же, как царь относился к Сильвестру. Но дело в том, что такой связи между этими двумя церковными деятелями не было, и многочисленные пожалования в Соловецкий монастырь осуществлялись, видимо, по инициативе самого царя. Близость к Старицким, о которой писали некоторые исследователи, также не была в глазах Ивана IV минусом: сам Филипп в «мятеже» князя Андрея в 1537 г. участия, скорее всего, не принимал. «Фамильное благорасположение»²¹⁸ к удельной семье является, может быть, не более чем преувеличением. В самом деле, если следовать этой логике, выходит, что все Колычевы были близки к Владимиру Андреевичу. В таком случае

совершенно непонятным является факт их присутствия в опричнине.

Построения Р. Г. Скрынникова о причинах поставления Филиппа также недостаточно аргументированы. Во-первых, Афанасий ушел на покой добровольно²¹⁹, а Герману, скорее всего, митрополичий престол не предлагался. Следовательно, у Освященного собора и руководства земщины не было никакого повода быть «возмущенными бесцеремонным вмешательством опричнины в церковные дела». Во-вторых, нет никаких доказательств «распри с церковной властью» и «исключительно трудного положения царя», который якобы в результате этого «вынужден» был пойти на уступки в вопросе о новом митрополите. В-третьих, ничем не подтверждаются утверждения Р. Г. Скрынникова об особой роли, которую сыграла боярская группировка И. П. Федорова в выдвижении кандидатуры Колычева. Земский собор 1566 г. продемонстрировал полное единство руководящих кругов Москвы по важнейшему для царя вопросу — продолжению Ливонской войны. Поэтому до середины июля 1566 г., то есть до прибытия в столицу Филиппа, ни о каком «трудном положении» (или болсе трудном, чем обычно) царя речь, видимо, идти не может.

Мотивы Грозного при избрании кандидата на первосвятительский престол определялись не компромиссом (уступкой «земской оппозиции»), а желанием самого царя иметь митрополитом человека, не замешанного в политических дрызгах последнего времени. Очевидно, что и у Освященного собора, и у Боярской думы никаких протестов против выдвижения Соловецкого игумена не было.

В летописях констатируется факт избрания Филиппа: «Июля в 24 день ... царь ... Иван Васильевич ... с архиепископы и епископы и со всем ... освященным собором избрал ... на святыи великий престол ... на Русскую митрополию, после Офонасия митрополита, из Соловецкого монастыря игумена Филиппа; и возведоша его того дни на митрополичь двор». Поставление состоялось 25 июля в присутствии царя, царевичей и князя Владимира Андреевича²²⁰. В своей грамоте в Соловецкую обитель новый митрополит также сообщает о своем поставлении: царь, царевичи, архиепископы, епископы, князья и бояре «принудили» занять великий престол²²¹.

По этим источникам история возведения Филиппа выглядит довольно спокойно. Однако есть еще один документ, который сообщает о том, что все прошло не так гладко. Имеется в виду запись от

20 июля с условиями, на которых Колычев становился митрополитом. Из этой записи очевидно, что за несколько дней до 20 июля Филипп выступил с заявлением, суть которого состояла в требовании отменить опричнину. Если же этого не произойдет, то игумен категорически отказывался занимать первосвятительский престол. Далее из текста следует, что царь разгневался, но уступил просьбам архиереев и «гнев свой отложил». Филиппу было предложено снять свои требования и не вступаться «в опришнину и царский домовый обиход». На таких условиях игумен мог занять предложенный пост. Также Грозный выдвинул требование из-за опричнины и домового обихода митрополю не оставлять. Взамен Филипп должен был «советовать» с царем, как и прежние митрополиты при Иване III и Василии III. Претендент согласился с этими условиями и подписал документ. Вместе с ним подписались и члены Освященного собора: Пимен Новгородский, Никандр Ростовский, Симеон Смоленский, Филофей Рязанский, Иосиф Коломенский, Галактион Сарский и Иоасаф Пермский²²².

Из этого интереснейшего документа следует, что Филипп выступил против опричнины в первые же дни приезда в Москву, еще до того, как был официально выбран и введен на митрополичий двор. Расчеты царя на невмешательство своего избранника в политические дела не оправдались. Но дальнейшие действия Грозного не поддаются простому объяснению: вместо того чтобы отправить строптивца обратно на Соловки, царь ведет с ним переговоры через Освященный собор, и в конце концов Филиппа убеждают подписать запись и ставиться на митрополю. Чем же определялось такое поведение и царя, и Колычева?

Исследователи предложили множество объяснений событиям — от анализа психологического склада Ивана IV до замысловатых политических комбинаций. Так, Н. М. Карамзин указывал, что царь не хотел дать Филиппу славы гонимого за добродетель, желал склонить его к безмолвию, явить слабым и сделать как бы соучастником в новых правилах своего царствования²²³. По Н. И. Костомарову, царь подал Филиппу надежду на свое исправление, что и привело последнего к согласию возглавить Русскую церковь, отказавшись от своих требований²²⁴. Г. П. Федотов пишет о том, что Колычева уговорили иерархи, в которых он должен был видеть голос всей Русской церкви. Кроме того, Филипп отказался бороться против опричнины как института, но не отказался бороться про-

тив ее злоупотреблений²²⁵. В. Б. Кобрину непонятна дальнейшая логика действий царя Ивана. Может быть, пишет далее исследователь, «логика действий деспота обычно включает в себя некую долю непредсказуемости, самодурства? Или мы просто не знаем каких-то небольших, но существенных деталей, которые могут объяснить подоплеку событий?»²²⁶. По мнению Б. Н. Флори, Освященный собор дал понять царю, что настаивает на избрании именно Филиппа²²⁷.

Неожиданную интерпретацию событий, связанных с поставлением на кафедру Филиппа, предложил Иоанн (Снычев). По его мнению, грамота с обязательствами «не вступаться в опричнину и царский домовый обиход» была составлена благодаря предусмотрительности Грозного и самого Колычева. Тем самым фигура митрополита «выносилась за скобки всех дворцовых интриг», и бояре лишались возможности маневра: использования двух центров власти — светского и церковного²²⁸. Взгляды этого исследователя связаны с его общими представлениями на роль Ивана IV и события его правления. В данном случае он не опирается на источники, а потому его выводы едва ли могут быть признаны справедливыми.

П. А. Садиков, А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников обратили внимание на то, что в июле 1566 г. состоялось крупное выступление земских дворян против опричнины²²⁹. Однако если первые два исследователя не связывали это событие с протестом Филиппа Колычева, то Р. Г. Скрынников попытался обосновать наличие подобной связи. По его мнению, Филипп не мог бы выступить против опричнины и получить затем митрополичью кафедру без поддержки со стороны Боярской думы и Освященного собора. Инициатором антиопричного выступления дворян был И. П. Федоров. Таким образом, получается, что выступления Филиппа и участников Земского собора не только совпали по времени, но и были тесно связаны друг с другом. Но царь не поддался давлению, участники фронды (около 300 дворян) были арестованы, затем некоторые из них подверглись смертной казни, а некоторые — торговой (битьем кнутом). Провал выступления дворян заставил и Колычева снять свои требования об отмене опричнины и подписать ограниченную запись²³⁰. Дальнейшие исследования Р. Г. Скрынникова, с некоторыми нюансами, подтверждают подобную трактовку событий: отказ Филиппа от требования отменить опричнину был обусловлен восстановлением права духовенства на печалование за

опальных. Новый митрополит сразу же применил это право, добившись помилования большинства дворян — участников выступления. Казни подверглись лишь «мелкие сошки» — В. Ф. Рыбин-Пронский, И. Карамышев и К. Бундов. Основные фронтеры во главе с коношним Федоровым избежали казни²³¹.

Построения Р. Г. Скрынникова интересны, но не все его положения в достаточной мере опираются на свидетельства источников. В самом деле, сам факт выступления земских дворян против опричнины в июле 1566 г. можно считать твердо установленным. Но этого нельзя сказать о других предположениях исследователя. Нет бесспорных доказательств того, что выступление участников Земского собора возглавляли И. П. Федоров, И. И. Пронский и другие видные бояре. Это не более чем гипотеза, основанная, по признанию самого исследователя, на «косвенных данных». Основными из них являются служебные и соседские связи между тремя казненными дворянами и коношним, Пронским и Колычевыми. Еще одним доказательством служит то, что многие участники Собора 1566 г. были казнены в течение последующих нескольких лет. Наконец, Р. Г. Скрынников ссылается на крах карьеры Федорова, который через несколько месяцев оказался на воеводстве в Полоцке²³².

Все эти «косвенные данные» ничего не доказывают. Соседские и служебные связи вовсе не свидетельствуют о политическом единомыслии; казни в течение ближайших лет могли быть результатом обвинений в других проступках²³³. Едва ли Федоров был отправлен в Полоцк как опальный. Ведь город находился на самой границе русских владений — далсе была Литва, куда боярин мог скрыться в любой момент. Сам же Р. Г. Скрынников приложил много усилий, чтобы доказать, что опальных сослалли не на западные границы, а в недавно присоединенную Казань, из которой бежать можно было только к степнякам.

Еще менее убедительны доказательства Р. Г. Скрынникова о связи между выступлением Филиппа и протестом против опричнины дворян. Исследователь ссылается на свидетельство Таубе и Крузе, которые упоминают о том, что, по мнению царя, выступление Колычева было вызвано уговорами населения и бояр²³⁴. Правда, сам историк признает, что «Таубе и Крузе допустили путаницу в своих хронологических выкладках и смешали воедино протесты Филиппа до его избрания и после избрания на митрополию»²³⁵. Эта хронологическая неувязка обесценивает их свидетельство, и, кроме

того, они пишут не о том, что выступление Филиппа действительно состоялось под влиянием светских лиц, а о том, что так решил царь.

Связь между протестами духовенства и знати Р. Г. Скрынников усматривает в том, что Колычева поддерживали земские бояре во главе с Федоровым, который, по его мнению, и был истинным вдохновителем выступления. В противном случае Филипп не смог бы после своего протеста получить кафедру. Однако, как мы уже писали выше, во-первых, сведений о связях между Федоровым и Филиппом нет; и, во-вторых, по предположению самого же ученого, Федоров после выступления земщины был арестован²³⁶. Если это так, то совершенно непонятно, как мог арестованный конюший добиться того, чтобы его протесте Филипп после открытого протеста против политики царя (за который сам Федоров, кстати, по Р. Г. Скрынникову, оказался в заключении) занял кафедру митрополита. Эти соображения не позволяют присоединиться к мнению исследователя о тесной связи между выступлениями Филиппа и земских дворян против опричнины, о связи между И. П. Федоровым и Колычевым и о том, что Филипп после этих событий не был удален из Москвы благодаря поддержке Боярской думы и Освященного собора. Наконец, необходимо учитывать, что Филипп долгие годы провел вне столицы и нескольких дней, проведенных в ней для подобной координации действий с руководством Боярской думы, едва ли было достаточно. Во всяком случае, прямой зависимости между антиопричными выступлениями, видимо, нет.

По нашему мнению, выступление Филиппа объясняется его личным протестом против проводимой царем политики. Совпадение его по времени с действиями членов Земского собора было случайным. Поведение Грозного в этой ситуации можно интерпретировать следующим образом: практически одновременное выступление претендента на митрополию и дворян ставило его в трудное положение. Впрочем, недовольные светские лица были арестованы, некоторые из них казнены. Сложнее было с Филиппом, которого сам царь прочил на пост митрополита. Перед Иваном IV было две возможности: удалить упряма из столицы и выбирать другого кандидата или убедить Колычева снять свои требования. Первый вариант действий казался проще, но не было гарантии того, что очередной выбранный претендент будет более покладистым. Видимо, и возможности выбора, по критериям царя, были довольно

ограничены. Предлагать же кафедре своим всегдашним «потаковщикам» — Пимену или Левкию также было не совсем удобно. Они были слишком связаны с политическими событиями, находились в их центре, а Грозный, хоть и охотно их использовал в своих целях, считал тем не менее, что истинный пастырь не должен вмешиваться в политические дела. Кроме того, Пимен действительно, как писал А. А. Зимин, представлял Новгород, а новгородцы вызывали у правителя подозрение²³⁷. Левкий же был архимандритом Чудова монастыря, того самого, из которого был приглашен на кафедру Афанасий и куда он удалился в мае 1566 г. Вполне возможно, что Иван IV подозревал, что шаг Афанасия мог быть как-то связан с позицией архимандрита.

Очевидно, что о предложении Филиппу занять митрополичий престол было известно довольно широкому кругу лиц, а не только членам Освященного собора. В таких условиях, удалив Колычева, царь как бы признавал свое поражение. Ему было важно убедить сомневающихся в правильности своих действий²³⁸. Опала Филиппа могла вызвать в стране самые неприятные для Грозного толки: о его раздоре не только со светским окружением, но и с высшим духовенством. Представляется, что не меньшую роль в решении уговорить претендента снять свои требования играло и то обстоятельство, что в Москве находилось многочисленное польско-литовское посольство, до которого с неизбежностью дошли бы слухи о конфликте в московской верхушке, которые тщательно скрывались русским правительством²³⁹. Могла быть еще одна причина, повлиявшая на намерение Ивана уговорить Филиппа: сам царь упрашивал Колычева занять пост, убеждали его это сделать и члены Освященного собора. Отказаться теперь от кандидата было не совсем удобно даже для Грозного: если учесть, что история с Германом основана на недостоверных слухах, то тогда окажется, что в истории России, видимо, не было подобного прецедента — изгнание без пяти минут митрополита из-за политических разногласий с верховным правителем²⁴⁰.

Как бы то ни было, Иван IV вступил с Филиппом в переговоры при посредничестве членов Освященного собора. Отказ Соловецкого игумена от своих требований объяснялся, видимо, давлением духовенства, уговорами некоторых светских лиц²⁴¹ и расчетами повлиять на действия Грозного, используя право «совета», о котором упоминалось в записи с условиями занятия престола. Исследовате-

ли заметили, что подписались под документом не все архиереи, присутствовавшие в Москве, — не упоминаются Герман Казанский и Елевферий Суздальский²⁴². По мнению Г. П. Федотова, отсутствие их подписей свидетельствует о том, что они не одобряли «капитуляцию избранного митрополита перед царем»²⁴³. Р. Г. Скрынников считает, что Грозный вел переговоры не со всем Освященным собором, а с отобранными им самим лицами²⁴⁴. Скорее всего, отсутствие подписей не является случайным: Герман Полев, как показали дальнейшие события, являлся противником опричнины, а на позицию Суздальского епископа могло повлиять то, что его епархия с 1565 г. оказалась в опричнине, и многие прихожане подверглись репрессиям и переселениям²⁴⁵. Оказались они в епархии Германа, что также могло повлиять на отношение этого иерарха к действиям Ивана IV²⁴⁶.

К 20 июля переговоры об условиях избрания Филиппа на кафедру завершились. Однако подписанные условия отнюдь не исключали конфликта между царем и митрополитом в будущем, они лишь оттягивали его. В самом деле, право «совета», предоставленное Колычеву, в любой момент можно было объявить вмешательством митрополита в опричнину и на этом основании обвинить иерарха в несоблюдении обещания (на это обращал внимание еще Е. А. Белов²⁴⁷). Таким образом, подписанные условия заманивали Филиппа в ловушку, в которую он и должен был рано или поздно попасться. Трудно сказать, сознавал ли Грозный возможность подобного развития событий. Нам представляется, что царь рассчитывал, что после отказа от требований отменить опричнину митрополит не рискнет открыто протестовать против ее крайностей. Запись была своего рода топором, занесенным над шеей, по мысли Ивана, она гарантировала его от всяких неприятных неожиданностей со стороны Колычева. Однако в действительности события развернулись по-другому.

По ряду причин царю было важно иметь на митрополичьей кафедре именно Филиппа, хотя хорошее личное отношение Грозного к нему было уже поколеблено. Не случайно поэтому, что щедрые пожалования кафедре, предоставленные в 1564 г. Афанасию, не были подтверждены на имя Филиппа, в то время как следующий митрополит Кирилл подобное подтверждение получил²⁴⁸.

Иван IV предусмотрительно внес в условия поставления митрополита требование не «вступаться» не только в опричнину, но и в

«домовой обиход», из-за которого кафедру оставил Афанасий. Надо сказать, что И. И. Полосин, говоря о грамоте с условиями поставления Филиппа, считает, что в ней опричнина и «домовой обиход» означают одно и то же²⁴⁹. Исследователь предполагает, что в записи Колычева между словами «опричнина» и «домовой обиход» находится «и» не в значении перечисления, а в значении «то есть». Таким образом, получается: «опричнина» = «домовой обиход». Такой подход не кажется нам правомерным: словари древнерусского языка не зафиксировали значения «то есть» у слова «и»²⁵⁰. Очевидно, что союз «и» соединяет разные понятия: опричнину (комплекс правительственных мероприятий) и домовой обиход (домашнюю, личную жизнь царя)²⁵¹.

В рассказе летописи об учреждении опричнины также фигурирует слово «обиход». Здесь подразумевается, что часть территории государства царь берет для своего личного содержания, содержания своей семьи и приближенных²⁵². Однако опричнина не исчерпывается этим. Сам И. И. Полосин признает, что у Ивана Грозного «опричнина» обозначала весь комплекс правительственных мероприятий эпохи. Даже если признать, что «опричнина» в начальном значении именно «домовой обиход»²⁵³, то это значение она потеряла очень скоро. Во всяком случае, в 1566 г. в записи Филиппа «опричнина» и «домовой обиход» — различные понятия. Если же это синонимы, то неясно, для чего они употреблены. По нашему мнению, Колычеву запрещалось вмешиваться как в правительственные мероприятия, так и в домашнюю жизнь царя.

* * *

Первое время после того как Филипп стал митрополитом, отношения его с царем были, видимо, вполне спокойными. 11 августа 1566 г. новый предстоятель Русской церкви со всем Освященным собором поставил Афанасия новым архиепископом в Полоцк²⁵⁴. Он находился при митрополите по крайней мере до декабря 1566 г.²⁵⁵ Возможно, это было вызвано тем, что в Полоцке в августе вспыхнула эпидемия²⁵⁶. В этой связи обращает на себя внимание следующий факт: подобное же бедствие имело место и в Новгороде (еще с июля)²⁵⁷, однако Пимен Новгородский в Москве не остался — уже 10 сентября он извещал Грозного о масштабах «поветрия»²⁵⁸. Может быть, новый митрополит тяготился присутствием в столице своего недавнего епархиального архиерея?

О том, что Филипп рассматривал свои отношения с царем как вполне нормальные, говорит и еще один источник — его послание в Новгород старцу Исааку о дворе некоего новгородца Тучко, который хочет передать его в Соловецкий монастырь. Послание датировано 11 августа 1566 г. В нем митрополит сообщает, что будет просить царя освободить дом и сад от налогов²⁵⁹.

Несмотря на это, личные встречи Грозного и Филиппа едва ли были частыми: царь продолжал разъезжать по стране. 21 сентября он с семьей выехал в Троицу, затем в Слободу, Волок и Вязьму. В Москву вернулся лишь 17 ноября²⁶⁰. В отсутствие Ивана IV умер Ростовский архиепископ Никандр, занимавший кафедру с 1549 г.²⁶¹ 10 декабря 1566 г. царь с царевичами присутствовали на освящении церкви, которое проводил Филипп и архиепископ Афанасий²⁶².

12 января 1567 г. царь перебрался на свой новый двор за Кремлем. 14 января умер старейший русский иерарх Тверской епископ Акакий. На кафедре его сменил Варсонофий, скорее всего, уже во второй половине 1567 г.²⁶³ 19 января архиепископом Ростовским был поставлен митрополичий казначей Корнилий. На его поставлении присутствовал Грозный²⁶⁴. Судя по всему, Корнилий являлся довольно значительной фигурой — он был близок к митрополиту Макарию и участвовал в работе Земского собора 1566 г.²⁶⁵

С 3 февраля до 29 июня 1567 г. царь опять находился в поездке по стране²⁶⁶. 5 февраля митрополит получил грамоту от князя Владимира Андреевича на владения кафедры, расположенные в его уделе²⁶⁷.

Таким образом, как неоднократно отмечалось исследователями, по крайней мере до середины 1567 г. отношения царя и митрополита были если не дружественными, то вполне нормальными. Террор практически прекратился²⁶⁸. Однако вскоре затишье сменилось бурей — начались новые казни. Многие ученые высказывали предположение, что всплеск репрессий был связан с появлением грамот от польско-литовского короля к виднейшим московским боярам с предложением перейти на его сторону. Царь снова стал подозревать своих приближенных в измене, те обратились с просьбой о заступничестве к митрополиту, который знал, что «народ привык видеть в нем печальника». Призывы Филиппа к милосердию вызвали царское недовольство, и разгорелся конфликт²⁶⁹. По мнению Леонида, Грозный был настроен против Колычева осенью 1567 г. во время так и не состоявшегося похода в Ливонию. Вместе с ца-

рем находились явные недоброжелатели митрополита: Пафнутий Суздальский и Пимен Новгородский, которые затем и выступили основными действующими лицами на процессе, осудившем Филиппа²⁷⁰.

Оригинальную версию событий выдвинул Иоанн (Снычев). По его словам, хорошие отношения между царем и Филиппом были невыносимы тем, кто «в своем высоком положении видел не основание для усиленного служения царю и России, а оправдание тщеславным и честолюбивым начинаниям» — боярам. После обнаружения писем короля Сигизмунда митрополит поддержал политику Грозного, хотя и заступился за преступников. В таких условиях среди духовенства возник заговор, главными участниками которого были Пимен, Пафнутий Суздальский и Филофей Рязанский. Душой заговора был царский духовник Евстафий, «боявшийся потерять расположение и доверие царя». Основная идея заговорщиков была проста: Ивану IV лгать на митрополита, а Филиппу клеветать на царя, не допуская того, чтобы недоразумение выяснилось при личной встрече. Со временем Грозному удалось внушить, что Колычев, вопреки своему обещанию, стремится вмешаться в государственные дела²⁷¹. К сожалению, подобная версия событий не подтверждается источниками.

Исследования последних десятилетий поставили под вопрос связь нового всплеска репрессий с перехваченными грамотами короля Польши. Если П. А. Садилов еще склонен был думать о планах измены в пользу иностранного государства²⁷², то Р. Г. Скрынников и Б. Н. Флоря считают, что эти послания не вызвали у Грозного подозрений в отношении своих бояр²⁷³. В самом деле, скорее всего, королевского посланца Козлова задержали в Полоцке по распоряжению воеводы И. П. Федорова²⁷⁴. В таком случае очевидно, что развернувшиеся в конце 1567 г. и в 1568 г. события связаны с какой-то другой причиной.

В 1567 г. царь был уверен в существовании разветвленного заговора, который самым серьезным образом угрожал его положению. Свидетельством тому являются секретные переговоры, которые велись в конце лета — начале осени с английским представителем Антонием Дженкинсоном и касались предоставления Ивану IV убежища во владениях королевы Елизаветы²⁷⁵. Что же это был за заговор, в существовании которого был убежден Грозный?

В записках иностранцев упоминается о замыслах недовольных

схватить царя во время осеннего похода в Ливонию и то ли предаться под власть короля Сигизмунда, то ли сделать царем Владимира Андреевича Старицкого²⁷⁶. Из источников, имеющих русское происхождение, о чем-то похожем на заговор упоминает Пискаревский летописец: «И бысть в людех ненависть на царя от всех людей . . . сташа вадити великому князю на всех людей, а инья по грехом словесы своими погибоша. Стали уклоняться к князю Володимиру Андреевичю. И потом большая беда зачалася»²⁷⁷. Источники не дают возможности прийти к окончательному выводу — существовал заговор в действительности или все ограничивалось неосторожными разговорами, словесным осуждением политики царя²⁷⁸. Но для Грозного, видимо, не было большой разницы между настоящим заговором и осуждением его действий. Впрочем, сам царь был, скорее всего, твердо уверен в реальности угрожавшей ему опасности. Заметим, что в нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о заговоре, нам важно лишь определить причины очередного всплеска репрессий, которые и привели к драматической развязке отношений между Грозным и митрополитом Филиппом²⁷⁹.

До осени 1567 г. особых проблем в отношениях между главами светской и духовной власти не наблюдается. В конце сентября Иван IV отправился на театр военных действий²⁸⁰. По традиции, перед началом похода Грозный получил благословение митрополита и всего Освященного собора²⁸¹. Но на совещании 12 ноября с крупнейшими командирами армии было решено прервать поход. Царь с царевичем Иваном Ивановичем и князем Владимиром Андреевичем спешно покинул армию и выехал в Москву²⁸². Сохранилась грамота Филиппа, отправленная им в Кирилло-Белозерский монастырь. В ней святитель призывает монахов молиться за царя и все православное воинство (впрочем, не упоминается Владимир Старицкий). Судя по этому документу, поход был объявлен делом веры, поскольку враги России — крымцы, литовцы и немцы — хотят уничтожить Православие. Царь же готов стоять не только до крови, но и до смерти за веру и Отечество. Кроме успехов русской армии, инокам следовало Бога молить и за всю землю, за избавление «от огня и меча, и от нашествия иноплемennых и межуособные брани». Послание датировано 24 ноября 1567 г.²⁸³ Подобная датировка послания вызывает некоторые вопросы: как мы уже знаем, 12 ноября Грозный решил прекратить поход и направился в Москву. Митрополит, как одно из важнейших лиц государства,

должен был быть уведомлен о подобном развитии событий. Может быть, Филипп, рассылая подобные послания уже после того, как стало ясно, что поход не состоится, хотел тем не менее направить энергию царя на решение не внутренних проблем, а на внешние?

Исследователями установлено, что стремительный отъезд Грозного из армии был вызван полученными им известиями о существующем (или воображаемом) заговоре. Иван IV спешил провести следствие и наказать обнаруженных изменников²⁸⁴. Масштабы развернувшихся репрессий далеко превзошли те, которые наблюдались при установлении опричнины. На основании реконструкции Синодика опальных Р. Г. Скрынников установил, что в течение полугода казни по делу о заговоре подверглись почти четыре сотни человек²⁸⁵.

Именно с этим начавшимся поздней осенью 1567 г. террором и связан протест Филиппа Колычева. П. А. Садиков считает, что еще в самом начале следствия митрополит, пользуясь своим правом «совета», наедине уговаривал Ивана прекратить преследования. По мнению ученого, это объясняется тем, что хотя Филипп и стоял вне заговора, но на его сочувствие как новгородца и сторонника Старицких князей заговорщики смело могли рассчитывать²⁸⁶. О стремлении Колычева прекратить террор уговорами говорят многочисленные источники, они же сообщают и о неудаче этих попыток²⁸⁷.

Скорее всего, причину выступления Филиппа следует искать не в личных симпатиях митрополита, не в «сопротивлении высших церковных иерархов централизаторской политике правительства»²⁸⁸, не в связях с обвиненным в измене конюшим Федоровым²⁸⁹, а в представлениях архиерея о своем христианском долге²⁹⁰. По мнению Р. Г. Скрынникова, митрополит заступился именно за Федорова, и его вмешательство оттянуло расправу с боярином почти на год. Подобная точка зрения ничем не доказывается, кроме уже рассмотренных нами утверждений исследователя о том, что Филипп на кафедру в 1566 г. был приглашен по его рекомендации. Отсрочка казни И. П. Федорова до 11 сентября 1568 г. могла быть вызвана не только заступничеством Филиппа, но и тем, что у Грозного еще не было уверенности в том, что именно конюший стоял во главе заговора. Многомесячное следствие с применением пыток позволило царю убедиться в справедливости обвинений. Подобная

убежденность и привела к тому, что царь собственноручно убил своего старого боярина²⁹¹.

После неудачи личных попыток убедить Ивана IV воздержаться от пролития крови митрополит решил воздействовать на правителя с помощью авторитета всего Освященного собора. В этой связи обращает на себя внимание следующий факт: Житие Филиппа изображает дело таким образом, что при его поставлении опричнины не существовало. Вместе с тем в этом же источнике перечислены имена участвовавших в Соборе иерархов²⁹². Как установил А. А. Зимин, состав Освященного собора свидетельствует о том, что в действительности описываемые события могли произойти во второй половине 1567 г. — начале 1568 г.²⁹³ В. А. Колобкову удалось показать, что Собор, на котором с резким осуждением опричнины выступили Филипп и Казанский архиепископ Герман, состоялся в первой половине декабря 1567 г. Через несколько дней после выступления против опричнины и казней Герман был найден мертвым на своем подворье. В результате Колычев остался в одиночестве — остальные члены Освященного собора его не поддержали²⁹⁴.

Среди духовенства нашлись лица, которые раскрыли царю замысел митрополита. Среди них источники называют Пимена Новгородского, Пафнутия Суздальского и царского духовника Евстафия²⁹⁵. Остальные епископы молчали, спасая свое положение и жизнь. Таким образом, вместо протеста всего высшего духовенства с протестом против репрессий выступил один митрополит.

По-видимому, царь мог бы снести поучения с глазу на глаз, но попытка Филиппа повлиять на него с помощью Собора требовала незамедлительной ответной реакции. Для Грозного Колычев стал клятвopеступником, нарушившим данное обещание «не вступаться в опричнину». Теперь требовалось найти повод и избавиться от ставшего неудобным святителя. Причем Ивану IV хотелось устроить все таким образом, чтобы политическая подоплека конфликта была известна только небольшому количеству лиц. Решено было обвинить старца в порочном поведении. Поскольку за время, проведенное в Москве, никаких свидетельств подобного рода против Филиппа обнаружить было нельзя (хотя позже и была сделана подобная попытка, закончившаяся полным провалом²⁹⁶), было решено найти нужные данные в том месте, где Филипп провел большую часть своей жизни, — в Соловецком монастыре.

Долгое время считалось, что следственная комиссия прибыла на

острова в сентябре 1568 г.²⁹⁷, однако после опубликования В. И. Корещким списка Соловецкого летописца конца XVI в. стало ясно, что в монастыре следствие началось уже весной 1568 г.²⁹⁸ В этой связи вполне оправданным выглядит мнение Р. Г. Скрышниково о том, что «инициатива окончательного разрыва принадлежала не Филиппу, как думали до сих пор, а самому монарху»²⁹⁹.

Видимо, Грозный не собирался предпринимать решительных действий до тех пор, пока не станет ясно, удастся ли следствию найти доказательства порочной жизни Филиппа до поставления на митрополию. Последнее из сохранившихся посланий Колычева в Соловецкий монастырь, датированное 30 января 1568 г., свидетельствует об угнетенном состоянии первосвященника. Из текста не совсем ясно, в чем дело: Филипп выговаривает братии за то, что ему прислали рыбу. Это привело к «скорби великой». Может быть, не рыба привела к скорби, а сведения из монастыря: Герасим, доставивший рыбу митрополиту, мог сообщить о конфликте среди монахов. Не случайно в послании говорится: «Бога ради живите дружно»³⁰⁰. Вероятно, если подобный конфликт на Соловках существовал, то следователи (князь Василий Темкин, Пафнутий Суздальский и архимандрит Феодосий) не упустили случая им воспользоваться.

Между тем весной 1568 г. в Москве Филипп открыто и публично выступил против казней, проводившихся в стране по приказу царя. Трудно сказать, что побудило митрополита к подобным действиям. Возможно, чрезвычайные обстоятельства требовали чрезвычайных мер, а попытки другими способами воздействовать на Грозного не увенчались успехом. 22 марта святитель «учал ... с государем на Москве враждовати о опришнине»³⁰¹. Еще одно выступление состоялось 24 марта. Кроме Жития Филиппа рассказ о поучениях митрополита содержится и в сочинении Таубе и Крузе³⁰². А. М. Курбский, путая последовательность событий, сообщает о том, что после смерти митрополита были уничтожены и несколько сотен клириков, и детей боярских, служивших при его дворе³⁰³. В Синодике опальных содержатся имена четырех казненных старцев³⁰⁴. Основная же масса митрополичьих дворян, по мнению С. Б. Веселовского, не пострадала, так как многие старые фамилии продолжали и позже служить митрополитам³⁰⁵.

Вскоре после мартовских выступлений Филипп покинул Кремль и перебрался в небольшой Никольский монастырь, отказавшись

сложить с себя сан³⁰⁶. 28 июля 1568 г. царь со свитой прибыл в Новодевичий монастырь. Здесь один из опричников не снял тафью, что вызвало резкую отповедь митрополита³⁰⁷. Видимо, после произошедшего Грозный принял окончательное решение удалить непокорного иерарха с престола с помощью соборного суда.

Непростые с самого начала и затем окончательно ухудшившиеся отношения царя с митрополитом привели к восстановлению тарханских привилегий монастырей. Иван IV стремился привязать к себе монастыри-вотчинники, противопоставить их иерархам³⁰⁸.

В самом конце августа в Москву отправился Пимен Новгородский, который в качестве второго человека в русской церковной иерархии должен был возглавить суд над митрополитом³⁰⁹. К этому же времени, видимо, закончила свою работу следственная комиссия на Соловках. По сообщению позднего Летописца Соловецкого монастыря, игумен Паисий, сменивший Филиппа в качестве настоятеля, и «иные клеветники», согласившиеся дать обвинительные показания на митрополита, были отправлены в Москву³¹⁰. Более ранний источник указывает, что с Паисием в столицу отправились десять старцев³¹¹.

Суд над Филиппом состоялся осенью 1568 г. По словам Курбского, царь созвал «скверное соборище иереев Вельзевула и проклятый сонм союзников Кайафы» и вступил с ними в соглашение, как Ирод с Пилатом. С помощью лжесвидетелей митрополит был обвинен во множестве тяжких прегрешений³¹². По справедливому замечанию А. В. Карташева, Собор, осудивший Филиппа, был позорнейшим из всех, какие только были на протяжении всей русской церковной истории³¹³.

Таубе и Крузе указывают, что во время суда, понимая, что объективного рассмотрения его «дела» не будет, Колычев сам стал слагать с себя знаки митрополичьего достоинства, однако Грозный запретил это делать, приказав дожидаться соборного решения³¹⁴. Этот эпизод позволил Иоанну (Снычеву) утверждать, что на суде царь пытался защитить Филиппа, но «вынужден» был согласиться с соборным мнением о виновности святителя. Ивана IV якобы сбило с толку то, что выдвигавшиеся обвинения были не политическими, а касались жизни на Соловках³¹⁵. Подобные утверждения едва ли соответствуют действительности: множество свидетельств (Курбский, иностранцы, Новгородская летопись, Житие) указывают на то, что главным инициатором осуждения митрополита был царь и

именно с ним Колычев «враждовал о опричнине». Допустить же сознательную фальсификацию столь большого количества источников не представляется возможным.

Основными обвинителями на Соборе, вероятно, выступили монахи Соловецкого монастыря во главе с Паисием. Р. Г. Скрынников, однако, считает, что их показания не удовлетворили Грозного. Основанием для этого является то, что после суда им не разрешили вернуться на Соловки, а разослали по чужим монастырям³¹⁶. Видимо, подобный факт³¹⁷ не может служить доказательством того, что их показания не устраивали судей. Вполне вероятно, что, получив от лжесвидетелей нужные показания, Грозный просто решил избавиться от них и не допустить возможной «утечки информации» о том, каким образом удалось осудить митрополита. Исследователь также убежден, что в осуждении митрополита большую помощь царю оказали монастыри, особенно Симонов, который в благодарность за услуги был переведен в ведение опричнины³¹⁸. На самом же деле для таких утверждений нет доказательств.

По Новгородской летописи, Филипп был лишен сана 4 ноября 1568 г.³¹⁹ Иностранцы же свидетельствуют, что это событие произошло в день святого Михаила — 8 ноября. Во время церковной службы в церковь ворвались опричники и зачитали соборный приговор³²⁰. А. М. Курбский подробно описывает издевательства, которым подвергался осужденный: его избивали, возили по Москве в простых санях, посадили скованного в «злосмрадную хлевину». Однако произошло чудо — оковы спали сами собой. Затем царь приказал запустить в темницу медведя, но он не тронул святого³²¹. В конце концов Колычев был отправлен в заключение в Тверской Отроч монастырь (долгие годы в нем провел осужденный Максим Грек)³²².

В заключении Филипп прожил недолго. По Житию, во время похода на Новгород 28 декабря 1569 г. старец был задушен подушкой приближенным царя Малютой Скуратовым³²³. По некоторым свидетельствам, царь искал примирения с Колычевым. Так, Курбский указывает, что, по слухам, Грозный предлагал узнику вернуться на престол, но тот поставил условием отмену опричнины. В результате Филипп был задушен «за повелением его от единого прелютого и бесчеловечного кромешника». По другим сведениям, дошедшим в Литву, бывший митрополит был сожжен в Слободе³²⁴. Как справедливо писал А. А. Зимин, гибель Филиппа сопровожда-

лась почти полным «перебором» церковных иерархов³²⁵. Может быть, действительно спустя некоторое время после суда над Колычевым Грозный искал примирения с опальным? Как заметили некоторые исследователи, имя Филиппа отсутствует в составленных в конце правления Грозного Синодиках, и это позволяет усомниться в том, что святитель был убит по приказу царя³²⁶. Иоанн (Спычев), например, убежден, что Филипп был убит заговорщиками при приближении Грозного к Твери, так как мог пролить свет на измену, которая свила гнездо в ближайшем царском окружении. Малюта, посланный Иваном IV, уже не застал заключенного в живых³²⁷. Никаких доказательств этого исследователь не приводит. Но то, что бывший митрополит мог умереть своей смертью, исключать, видимо, нельзя.

Отношение Грозного к Соловецкому монастырю, из которого на митрополию был взят Филипп, было достаточно сложным. Как уже писалось выше, оклеветавшие митрополита игумен Паисий и десять старцев были разсланы по разным монастырям. Летописец указывает, что «гнев был государев на монастырь за Филиппа митрополита»³²⁸. К сожалению, остается неясным — за что был гнев: то ли за клевету на Колычева, то ли за то, что тот провел здесь много лет. Царь запретил монахам самим выбирать настоятеля, а прислал к ним постриженника Кирилло-Белозерского монастыря Варлаама (1571–1581 гг.). Лишь в 1581 г. Иван IV разрешил избрать игумена из братии. Им стал Иаков, ученик Филиппа³²⁹. Однако улучшение отношения Грозного к монастырю можно наблюдать еще с конца 70-х годов. Сохранились многочисленные царские грамоты на Соловки, в которых сообщается о посылке милостыни³³⁰. Особенно интересно послание от августа 1581 г. Чувствуется, что царь раскаивается в своих многочисленных прегрешениях: «Смея и не смея челом бью, что если Бога прогневил и вас своих богомольцев раздражил и все православие смутил своими неподобными делы, и за умножение моего беззакония и . . . многого согрешения моего Богу попустившу варваров христьянство разоряти . . . »³³¹. За последние несколько лет жизни Грозный вложил в монастырь примерно три с половиной тысячи рублей по лицам, погибшим по его приказу. Особо крупные вклады были даны по князю Владимиру Андреевичу, его жене и матери, по князю Щенятеву и по царевичу Ивану³³². Все это, по-видимому, может свидетельствовать о раскаянии царя за осуждение митрополита Филиппа.

Исследователи, как указывалось выше, по-разному оценивали причины протеста Филиппа против политики Грозного. А. А. Зимин, исходя из своих представлений о направленности опричнины против пережитков феодальной раздробленности, считал, что столкновения между главами светской и духовной власти отнюдь не сводятся к личному противоборству двух личностей, а являются закономерным следствием борьбы за политическое преобладание. Царь нанес сильный удар по феодальной обособленности Церкви, после которого окончательное ее включение в централизованный аппарат власти являлось лишь делом времени³³³. По С. М. Каштанову, целью царя не являлась борьба с митрополичьей кафедрой, лишь выступление высшего духовенства против проводившейся политики привело Грозного к необходимости ее ослабления. Протест же митрополита Филиппа против опричнины вполне понятен: Иван IV стремился подчинить последний крупный удел, а это не устраивало иерархов — ведь при нескольких светских суверенах Церковь оставалась единственной общерусской силой, арбитром, со всеми вытекающими из подобного положения преимуществами³³⁴. Для Д. Н. Альшица «дело» Филиппа связано с притязаниями Церкви на мирскую власть. Против подобных притязаний и повел борьбу Иван IV. В защиту же намерений Церкви посмел выступить митрополит Филипп³³⁵.

По словам Р. Г. Скрышников, конфликт между Колычевым и Грозным — это кратковременный эпизод, служивший отзвуком и выражением глубокого раскола, произошедшего в среде правящего боярства в годы опричнины. Столкновение между Церковью и государством было вызвано частными, а не общими причинами. Среди этих причин историк называет «простарицкие» симпатии Филиппа и его связь с группировкой старомосковского боярства, которую возглавлял И. П. Федоров. Когда над конюшим нависла смертельная опасность, митрополит открыто выступил против опричнины³³⁶.

По нашему мнению, более справедлива другая точка зрения: столкновение между церковными и светскими властями не имело формы борьбы за власть и влияние в стране. Филипп выступал не против существующих в России порядков, а против чрезмерной жестокости опричнины. Протест Филиппа был вызван его убеждениями и пониманием функций предстоятеля Церкви как гаранта общественного порядка. Вместе с тем, как пишет Б. Н. Флоря,

спор царя и митрополита наложил глубокий отпечаток на отношения государства и Церкви в последующее время. По сути, духовенство оказалось под полным контролем государства и приобрело характер «служилого» сословия³³⁷. Иными словами, частное выступление святителя против жестокостей опричнины привело к глобальным последствиям, которых, видимо, участники событий заранее не предвидели. Запуганное высшее духовенство больше не смело выражать свое отношение к происходящим событиям и покорно разрешало царю и самые грубые нарушения церковных норм в личной жизни, и насилие по отношению к подданным³³⁸.

* * *

После низложения митрополита Филиппа первосвятительская кафедра пустовала всего несколько дней — 11 ноября ее занял архимандрит Сергиева монастыря Кирилл³³⁹. Его род записан в поминальном синодике Успенского собора³⁴⁰. Кроме того, вклад Кирилла в Троице-Сергиев монастырь от 10 июня 1571 г. по матери княгине Ксении заставляет сделать вывод о том, что новый митрополит принадлежал к княжескому роду³⁴¹.

Столь быстрое замещение вакантного места позволяет предположить, что кандидатура нового митрополита была уже заранее намечена Грозным. Дело в том, что предшественники Кирилла (Афанасий и Филипп Колычев) были поставлены спустя несколько месяцев после смерти или удаления предыдущих архиереев. Очевидно, что Кирилл устраивал царя по целому ряду причин: Иван должен был его хорошо знать благодаря своим неоднократным поездкам в Троицу и мог рассчитывать на невмешательство нового пастыря в государственные дела без прямого приказа монарха. Ситуация в стране также требовала скорейшего замещения митрополичьего престола. Исследователи обращают внимание на то, что новый первоиерарх оказался в полной зависимости от воли царя, не осмеливался протестовать против репрессий, которым подвергались и миряне, а в некоторых случаях и духовенство. Н. М. Карамзин, например, указывал, что «освободив себя от архипастыря строгого, непреклонного (Филиппа Колычева. — *В. Ш.*), и дав сей важный сан инокку доброму, но слабодушному, безмолвному, Иоанн мог тем смелее, тем необузданнее свирепствовать; дотоле губил людей: оттоле целые города»³⁴². Подобные утверждения, однако, наталкиваются на простой вопрос — была ли у нового митрополита реальная

возможность как-либо повлиять на поведение Грозного? История Филиппа показала, что заступничество за опальных и осуждение политики царя ведет лишь к новым казням. Таким образом, протесты высшего духовенства не могли, видимо, изменить репрессивную политику Ивана IV.

Вместе с тем в источниках имеются указания на то, что новый митрополит и высшее духовенство добились смягчения участи низложенного Филиппа Колычева. По свидетельству Таубе и Крузе, Грозный собирался сжечь опального, но «духовенство упросило великого князя даровать ему жизнь и выдавать ему ежедневно четыре алтына»³⁴³. Относиться к подобным свидетельствам следует с осторожностью: вполне возможно, что царь и не собирался казнить Колычева³⁴⁴, однако следует отметить, что слухи о помиловании благодаря заступничеству иерархов могли иметь под собой и какие-либо основания.

Если допустить, что Кирилл действительно просил о смягчении участи Филиппа, то царю следовало принять меры для предотвращения подобных несанкционированных просьб в будущем. Видимо, Грозному это удалось. В 1569 г. был арестован преемник Кирилла на посту Троицкого архимандрита Памва. В ноябре он был прислан в заточение в Хутынский монастырь под Новгородом³⁴⁵. На основании вкладной книги Троице-Сергиева монастыря Р. Г. Скрынникову удалось установить, что арест Памвы произошел еще в апреле³⁴⁶. По мнению исследователя, Троица подверглась определенным репрессиям: кроме архимандрита поста лишился и келарь Дорофей Курцев, сосланный в Псков и убитый во время знаменитого опричного похода на Новгород и Псков³⁴⁷. Р. Г. Скрынников вполне обоснованно предположил, что гонения на близких к митрополиту Кириллу лиц были предприняты с целью запугать самого первосвященника³⁴⁸.

К сожалению, нам неизвестны обвинения, предъявленные светскими властями видным церковным деятелям. Вероятно, они были формальными и не были связаны с политическими делами. В противном случае трудно объяснить тот факт, что Памва и Дорофей Курцев, которые уже давно находились на подозрении у правительства, оказались в Новгороде и Пскове³⁴⁹.

Судя по всему, апрельский арест Памвы не вызвал никакого протеста митрополита. В качестве благодарности за молчание 30 апреля 1569 г. царь подтвердил на имя Кирилла грамоты, вы-

данные в свое время Афанасию³⁵⁰. Особое значение этому факту придает то, что Филипп Колычев, в свою бытность митрополитом, подобных подтверждений не получил. Отсутствие реакции со стороны святителя открывало перед Иваном IV широкие возможности для проведения репрессий по отношению к лицам, которых царь считал изменниками.

С осени 1569 г. опричный террор принимает невиданные ранее размеры: погибает князь Владимир Андреевич Старицкий, и осуществляется карательный поход на Новгород и Псков.

* * *

Новгородский разгром — одно из самых известных событий времени правления Ивана Грозного. Сведения о нем исследователи черпают из различных источников: русских летописей, сочинений иностранцев и упоминаний в архивных материалах. О разгроме помнили десятилетия. Например, участникам ганзейского посольства в Москву в 1603 г. объяснили, что бедственное положение пригородных новгородских монастырей — прямое следствие событий 1570 г.³⁵¹ В чем же заключался новгородский разгром?

Одним из основных источников является особая повесть, сохранившаяся в летописи. В ней события выглядят следующим образом: «зломысленные богоотступники» донесли царю о том, что архиепископ Пимен, владычные бояре и «лучшие люди посадские и именитые» замыслили предать Новгород «иноплеменникам». Иван Грозный поверил обвинениям и организовал карательную экспедицию. Окружившие город царские отряды первым делом опечатали казну церковей и монастырей, а старцев (500 человек) поставили на правеж. Та же участь постигла и представителей белого духовенства — с них потребовали выплатить по 20 рублей. Одновременно были опечатаны палаты у именитых людей, а гости, приказные и купцы были переданы приставам до специального указа. 7 января Грозный приказал находящихся на правеже монастырских старцев избить палицами до смерти, а тела развезти по обителям для погребения. На следующий день царь, въехав в город, объявил встречавшему его архиепископу Пимену о том, что тот является волком, а не пастырем. После службы в Софийском соборе, посреди пира, Иван отдал приказ об изъятии церковных сокровищ — казны, икон, колоколов. Были арестованы сам владыка, его бояре и слуги. Разгром продолжался пять недель, казнили ежедневно от 500 до 1500

человек, были ограблены городские и окрестные монастыри: ценности изымались, а хлеб и скот уничтожались. Разгрому подвергся новгородский торг, а в окрестности города отпавились карательные отряды, опустошавшие все за 200 и 300 верст от города. Наконец, уже в феврале архиепископа Пимена, попов, которые не смогли откупиться от правежа, опальных отпавили в Александровую слободу для продолжения следствия. Сам царь покинул город³⁵². Повесть датируется 80–90-ми годами XVI в. и могла быть составлена очевидцем событий. Достоверность многих ее известий подтверждается и другими источниками³⁵³. В Новгородских же летописях содержатся сведения о том, что и после отъезда Ивана Грозного из города в монастырях продолжалось изъятие средств. Этим занимался Константин Поливанов. Кроме того, с новгородцев взыскивали деньги, которые должны были выплатить представители белого духовенства, находившиеся на правеже. Только в январе следующего года (1571) К. Поливанов покинул город на Волхове. Как замечает Летописец, «а правеж был по монастырям по новгородским: правили на 27 монастырях, а на иных не правили»³⁵⁴. Впоследствии в Новгороде появилось предание о некоем бродяге Петре Волынце, который составил подложную грамоту о переходе новгородцев под власть Литвы и спрятал ее в Софийском соборе. Именно он донес государю о мнимой измене Пимена и других горожан³⁵⁵.

В Псковских летописях также сохранилось известие о разгроме. Как и в Новгородской Повести, события объясняются клеветой «злых людей». Поверивший наветам царь «приде с великой яростию . . . с силою, и плени Новгород конечно, яко же и от начала не бысть над ним таково зло . . . и не мощи изречи сицевыя беды, еже сотвори над ним». Далее описывается ограбление св. Софии, монастырей и церквей. Псков избежал разгрома благодаря мудрому совету воеводы и юродивому Николе Салосу. Разграблено было лишь имение горожан и церковное имущество — иконы, книги, кресты, сосуды³⁵⁶. Сохранились и другие, более лаконичные летописные известия о разгроме, но в них нет новых данных об этих трагических событиях³⁵⁷.

Мимо Новгородского разгрома не мог пройти такой противник Ивана Грозного, как Андрей Курбский. Однако князь не находился в России в период описываемых им событий и писал по слухам. По его мнению, архиепископ Пимен был утоплен в реке, за один день было убито более 15 тысяч человек. Особо отмечает Курбский

грабеж, которым сопровождалось события: «Слышали мы, что приобрел он тогда великие кровавые и проклятые богатства, ибо в старинном этом . . . городе живет торговое население. В самом городе у них морской порт, поэтому и очень богаты. Похоже на то . . . что ради этих великих богатств он и уничтожил их». Бывший царский воевода указывает на гибель многих священников и монахов³⁵⁸.

Большое значение при описании событий Новгородского разгрома имеют сообщения иностранцев, некоторые из них находились в России в период царского похода на город на Волхове. Таубе и Крузе сообщают: сам Иван IV сообщил опричникам о том, что город Новгород, духовенство и население решили предаться королю Польши. Однако они считают, что настоящего заговора не было — к разгрому царя побудил «перст Божий», а не какие-либо обоснованные причины. В городе были пойманы все состоятельные и известные люди, дома их опечатаны. Арестованные подвергались пыткам, от них требовали указать, где находятся их деньги и церковное добро. Церкви и монастыри были разграблены, причем «не осталось ни одной иконы ценной полгульдена, ни колоколов, ни церковной утвари. Сверх того . . . били попов, игуменов и купцов . . . чтобы они сказали, что они имеют». Выявленные товары (воск, сало, лен, меха) царь велел сжечь и бросить в воду. Ценные ткани (шелк, бархат) были розданы опричникам. По приказу царя было убито 12 тысяч «именитых» людей и 15 тысяч бедных. Разгром продолжался шесть недель, окрестности Новгорода были опустошены на 150 миль кругом³⁵⁹.

Автор другого рассказа о событиях в Новгороде — иностранец авантюрист Генрих Штаден. По его словам, он даже был участником похода, который принес ему огромное богатство. Вместе с тем из сочинений Штадена выходит, что царь не пользовался поддержкой в стране: «К нему не чувствуют расположения ни духовные, ни миряне»³⁶⁰. По сведениям этого автора, Иван Грозный хоть и «тиран», однако стремился «искоренить неправду правителей и приказных . . . а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было оставаться в стране ни роду, ни племени. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подкупов, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться»³⁶¹. Сам Новгородский погром сопровождался грабежом церковей и монастырей (их, по Штадену, было до 300) и конфискацией денег и товаров в лавках купцов. То, что

не могли вывезти — сжигалось или топилось. Отдельный отряд был послан в Нарву для погрома имущества русских купцов³⁶².

А. Шлихтинг так же, как и Штаден, писал о том, что подданные русского царя «были в сильной степени преданы польскому королю», и поэтому Иван не доверял им. По словам Шлихтинга, в Новгороде было убито 2770 «более знатных и богатых, не считая лиц низкопоставленных и черни, которую он уничтожил всю до полного истребления». Рассказывается о грабеже духовенства (170 монастырей царь «ограбил и опустошил»), правеже монахов и попов. Говорится и об уничтожении запасов воска, сала и жира, скопленных за 20 лет. Остальное было или роздано опричникам, или поступило в казну. Духовенство было ограблено до нитки и в Пскове, особый отряд уничтожил русские товары в Нарве³⁶³.

В сочинении Дж. Горсея, как отмечали исследователи, нарушены хронология и последовательность событий³⁶⁴. Горсей считает, что царь хотел разгромить Новгород, так как желал «отомстить его жителям за измену и коварство ... был особенно разгневан на этот город за его присоединение к недовольной знати». Город был разграблен, убито 700 тысяч человек. По словам Горсея, «эта жестокость породила столь сильную всеобщую ненависть ... что возникло много попыток и замыслов сокрушить этого тирана, но ему удавалось раскрывать их заговоры и измены при помощи отъявленных негодяев»³⁶⁵.

Сравнительно недавно в научный оборот были введены новые источники о Новгородском разгроме — немецкие издания 70-х годов XVI в. Причиной похода на Новгород послужили слухи об измене горожан в пользу Польши. Среди погибших указывается 250 человек знатных горожан и купцов и 150 монахов. Подробно говорится о разгроме в Нарве: были уничтожены русские товары, на купцов наложен штраф в 8 тысяч рублей и выплаты вином, шафраном, сукном. Тех, кто не мог откупиться, поставили на правеж³⁶⁶.

Как видим, источники сходятся в главном — в описании хода разгрома. Все они упоминают грабеж, которым сопровождалась казни, репрессии по отношению к новгородскому и псковскому духовенству. Расхождения есть в определении количества погибших: от нескольких тысяч до фантастической цифры Горсея — 700 тысяч человек.

Спорным является и вопрос о причинах гнева Ивана Грозного на Новгород. Летописные источники русского происхождения

указывают на то, что имел место оговор «злых людей», которому поверил царь. Впоследствии появился и персонаж, оклеветавший горожан, — Петр Волынец. Иностранцы же утверждают, что в действительности имела место измена или, как минимум, явная симпатия новгородцев и псковичей к польскому королю. Практически все источники позволяют утверждать, что царь действительно считал измену реальностью. В этом сходятся и русские летописи, и сочинения иностранцев. Несколько отличается мнение А. М. Курбского, считавшего, что действительной причиной похода была жажда наживы.

Как видим, перед исследователями стоит непростая задача. Необходимо разобраться в противоречивых показаниях источников о количестве жертв разгрома, в том, существовал ли антиправительственный заговор в Новгороде и Пскове, и в том, чем была вызвана убежденность Грозного в существовании такого заговора, даже если бы его в действительности не было. Следует установить реальное влияние разгрома на запустение северо-западных районов России. Наконец, необходимо выяснить и то, почему именно духовенство и зажиточные круги посадских жителей стали основным объектом царских репрессий.

Каковы же мнения ученых о Новгородском разгроме?

Н. М. Карамзин считал, что жители Новгорода и Пскова «сохраняли еще какую-то величавость, основанную на воспоминаниях старины и на некоторых остатках ее в их бытии гражданском. Дети от родителей наследовали тайную нелюбовь к Москве . . . сие расположение беспокоило, гневало царя . . .» Как можно понять, Н. М. Карамзин предполагал наличие в городе оппозиционного настроения по отношению к центральному русскому правительству. Однако это оппозиционное настроение само по себе реально не угрожало царю, а лишь вызывало его «беспокойство и гнев». Настоящим же предлогом для разгрома послужил донос Петра Волынца, который, будучи наказанным новгородскими властями за какой-то проступок, подделал грамоту об измене, подписался за архиепископа Пимена и других влиятельных в городе лиц, спрятал сфабрикованный документ в Софийском соборе и подал Ивану Грозному донос. Зная об оппозиционном настроении горожан, царь сразу же поверил Волынцу, «принял нелепость за истину, осудил на гибель и Новгород, и всех людей, для него подозрительных и ненавистных». Далее Н. М. Карамзин описывает разгром города³⁶⁷.

Если Н. М. Карамзин предполагал, что сведения о новгородской измене в пользу Польши «нелепость», то С. М. Соловьев был более осторожен в своих выводах. По его мнению, летом 1569 г. царю поступил донос от Петра Волынца о том, что новгородцы хотят предаться польскому королю. Грамота с уликами была обнаружена в указанном доносчиком месте — Софийском соборе. Кроме того, С. М. Соловьев упоминал о сношении московских бояр с Пименом и новгородскими приказными. Обвинения же формулировались следующим образом: Новгород и Псков сдать Литве, царя Ивана «известить», а царем сделать князя Владимира Андреевича Старицко-го. После рассказа о разгроме и следствии исследователь замечает: «Это дело до нас не дошло, а потому историк не имеет права произнести свое суждение о событии»³⁶⁸. Имеется в виду следственное «дело» о новгородской измене, которое упоминается в описи царского архива, но само не сохранилось.

Осторожная позиция, в отличие от С. М. Соловьева, не была присуща Н. И. Костомарову. Московский царь не терпел Новгород изначально. В Иване «развилась злоба». Наконец появился и формальный повод к разгрому — донос Петра Волынца, подделавшего письма, которые уличали горожан в измене. Все новгородское дело — «плод необузданной, чудовищной фантазии кровожадного тирана». Ученый пытается доказать это анализом обвинений, предъявлявшихся жителям, — обвинения противоречили друг другу: стремление убрать царя и одновременно перейти под власть Литвы. По мнению Н. И. Костомарова, главным поводом к разгрому была алчность Ивана, донос же лишь позволил провести грабеж под благовидным предлогом кары за измену, которой в действительности не было. События 1570 г. привели к чудовищным последствиям — уничтожение запасов хлеба и скота вызвало ужасный голод; «с Иванова посещения Новгородский край упал, обезлюдел; недобитые им, ограбленные, новгородцы стали нищими . . .»³⁶⁹.

С утверждениями о невиновности Новгорода не согласился Е. А. Белов. По его мнению, «нельзя говорить, что погром случился без всякой причины . . . В Новгороде, и вообще на севере, готовилось какое-то движение». В подготовке «движения» использовалось имя недавно свергнутого с кафедры митрополита Филиппа, который мыслился заговорщиками как «знамя недовольства». Сам же государь был убежден в существовании оппозиционных настроений в северных и северо-западных районах страны, причем центром

этого недовольства являлось духовенство. Е. А. Белов находит, что «очень вероятно так оно и было, что в новгородском духовенстве более, чем в другом сословии, сохранялись предания о вечевой старине, сохранялись чувства, враждебные к Москве»³⁷⁰.

Невинными жертвами царского гнева считал новгородцев Д. И. Иловайский. Исследователь отмечает, что горожане имели еще многие «старые обычаи вместе с преданиями о своей минувшей славе и вольности». Вместе с тем новгородцы и псковичи были людьми состоятельными благодаря «торговому, промышленному духу своего населения». Это вызывало недовольство царя, который воспользовался нелепым доносом Петра Волынца как предлогом для разгрома. Дело о «мнимой новгородской измене» в действительности было вызвано «неукротимой жадностью и злобой на бывшую вечевую общину». Число погибших Д. И. Иловайский определяет примерно в 30 тысяч человек³⁷¹.

Нелепость обвинений новгородцев в измене считал очевидной и П. И. Тихомиров. Гнев Грозного обрушился главным образом на духовенство и дворян, от которых опричники требовали выдачи сокровищ³⁷².

В конце XIX в. появились работы, в которых обсуждался вопрос о влиянии Новгородского разгрома на общую хозяйственную ситуацию в северо-западных районах страны. Одной из первых была статья А. Г. Ильинского. Этот исследователь отмечал негативные последствия продолжавшейся Ливонской войны, которая сама по себе «не могла содействовать процветанию областей». Разгром же Новгорода продолжался с 1568 по 1571 г. В январе 1570 г. лишь только сам Иван IV принял непосредственное участие в этом процессе. Количество погибших А. Г. Ильинский определяет в 40 тысяч человек, причем подсчет проводился в основном по показаниям летописи. Вообще же, «запустение Великого Новгорода приурочивается весьма точно ко времени казней Ивана — к 1570 году». Главный вывод исследователя крайне неутешителен: «За 100 лет правительство московское не сумело развить богатые силы Великого Новгорода. Они, напротив, погибли, как гибло все живое и лучшее, что попадало в варварские руки византийско-татарско-московского правительства»³⁷³.

Мнение А. Г. Ильинского было подвергнуто критике А. М. Гневушевым, который одним из первых в своей работе использовал данные писцовых книг. Выводы исследователя коренным образом

отличались от результатов работ его предшественников. Год разгрома Новгорода Грозным, по мысли ученого, вовсе не является выдающимся по убыли населения среди других годов, он не был годом такого крупного разорения, как его обычно рисуют. Сказания иностранцев нельзя принимать в расчет при определении действительных размеров разгрома 1570 г. Основной пострадавшей от Грозного категорией населения А. М. Гневушев считал духовенство, которое, возможно, и «затеяло какую-то измену», воспользовавшись оппозиционным настроением части новгородских жителей. Разгром «никак не мог быть причиной окончательного упадка города. Упадок начался до него». Главные же причины «упадка» города во второй половине XVI в. ученый видит в «стеснениях торговли», которые устанавливали ливонцы, несмотря на противодействия центрального правительства России. Негативное влияние оказывала Ливонская война, так как для новгородской торговли с Западом необходим был мир с соседями и одновременно порт на Балтике. Наконец, еще более подорвал новгородскую торговлю и, следовательно, все благосостояние области новый торговый путь через Белое море, открытый англичанами. Именно «новые условия торговли привели к запустению Новгорода»³⁷⁴.

Выводы А. М. Гневушева были поддержаны Н. Яницким, который отмечал следующее: «Опричнина Грозного 1570 г. усилила запустение, но не являлась его причиной, так как уже 1567, 1568 и 1569 гг. дают . . . достаточное количество пустоты». Что же, если не разгром, вызвало запустение северо-запада? Ученый полагает, что это несколько факторов: во-первых, повышение оброков; во-вторых, перевод оброков в деньги; в-третьих, изменение направления торговых путей после падения влияния Ганзейского союза и открытия морского пути через Белое море. Н. Яницкий склонен сомневаться в самом факте новгородского разгрома: «Если и был разгром . . . то частный, направленный . . . против владыки и монастырей, а не против всего населения»³⁷⁵.

С. Ф. Платонов, однако, считал, что Грозный «совершенно опустошил Новгород, уничтожив в нем более 90% всех жилых дворов». Причем разгром не вызывался политической необходимостью, так как «не было признаков политического брожения и сепаратизма». Все совершилось «по какому-то подозрению», город на Волхове был ослаблен навсегда. Вместе с тем запустение северо-запада было вы-

звано не только царским разгромом, но и Ливонской войной и «другими причинами», на которых С. Ф. Платонов подробно не остановился³⁷⁶.

С Ливонской войной связывает Новгородский разгром Р. Ю. Виппер. Он сомневается в том, что среди новгородцев действительно свила себе гнездо измена, однако, по мнению исследователя, правительство царя Ивана могло считать изменой «только нерадение, вялость службы». События 1570 г. были ужасны, Грозный «далеко превзошел меру исправительных наказаний, если только они вообще были нужны», но власть требовала «нечеловеческих усилий от подданных». Царь в Новгороде не только дал выход своему темпераменту, расправившись с действительными или мнимыми заговорщиками, он старался исправить поколебленное военное положение. С этой целью были проведены массовые переселения, причем владения выселенных получили «верные опричники»³⁷⁷.

П. А. Садилов не сомневался в существовании среди жителей Новгорода и Пскова масштабного заговора. Причем речь шла не только о прямой измене самих новгородцев, но и том, что в процессе следствия обнаружилось попустительство со стороны московской приказной администрации новгородцам, в первую очередь духовенству. Активным сторонником заговорщиков оказался архиепископ Пимен, который рассчитывал стать митрополитом после свержения с кафедры Филиппа Колычева. Обиженный иерарх «сблизился с заговорщиками, безусловно имевшими в Новгороде». Вообще же, новгородское духовенство было «резко оппозиционно» по отношению к центральному правительству, поэтому и основной удар Грозного обрушился на владыку и монастыри, а также на имущество богатого купечества. Кроме того, речь шла о старом «нелюбье» между Новгородом и Москвой, которое еще более обострилось в результате «выводов» из города на Волхове и Пскова в 1569 г. (после падения Изборска). Особенно поддерживали действия Грозного против новгородских купцов московские торговые люди, так как «торговля через Балтийское море манила московский посад», действия же царя убирали конкурентов в лице новгородских, псковских и тверских торговцев³⁷⁸.

С. В. Бахрушин также не сомневался в том, что в заговоре особую роль играло новгородское духовенство, против которого и был направлен основной удар царя. Ситуацией воспользовались оприч-

ники, стремившиеся к личному обогащению. В ходе расследования выяснилось, что контакты с заговорщиками поддерживали многие крупные государственные деятели Москвы³⁷⁹.

О «широко разветвленном боярском заговоре» писал А. И. Копанев. Сведения об измене были получены в 1569 г. Замышлялись убийство царя и возведение на престол Владимира Андреевича Старицкого. Новгородские заговорщики были казнены, город разграблен, конфискованы богатства церквей, монастырей и купцов. Число погибших составило десятки тысяч человек. Следствие выяснило, что в новгородской измене замешаны опричники Басмановы и Вяземский. Московские заговорщики были арестованы и казнены в столице³⁸⁰.

Г. В. Вернадский склонен сомневаться в существовании заговора. С одной стороны, в Новгороде не умерли «традиции былой политической свободы», и многие новгородцы, естественно, хотели избавиться от царя Ивана и «предпочли бы автономии при Сигизмунде-Августе». С другой стороны, нет достоверных известий о существовании подобного заговора. То, что предполагаемый главный изменник архиепископ Пимен не был казнен, свидетельствует, по мнению Г. В. Вернадского, о том, что и обвинения против других подозреваемых были шаткими. В крайнем случае могли существовать лишь малые тайные группы заговорщиков. Ход делу об измене дал донос Петра Волынца, воспользовавшись им, Иван конфисковал собственность новгородских монастырей и имущество купцов³⁸¹.

Осторожен в своих оценках А. П. Пронштейн. Он упоминает не о «заговоре», а о том, что «Пимен оказался связанным с силами, враждебными центральному правительству»³⁸².

В своей капитальной монографии о России в XVI столетии М. Н. Тихомиров подробно остановился на особенностях устройства Новгорода, которые продолжали сохраняться и под властью Москвы. По его мнению, игнорируя сведения об этих особенностях, нельзя объяснить «крайнюю свирепость Грозного по отношению к Новгороду в 1570 г.». Исследователь считал, что гнев Грозного был связан не только с его крайней жестокостью, но и с определенной политической тенденцией. У жителей города «пессименно существовало оппозиционное настроение, направленное против самого царя и продолжения Ливонской войны, разорявшей в первую очередь Новгород и подрывавшей его торговлю с зарубежными стра-

нами». М. Н. Тихомиров не согласен с С. Ф. Платоновым и считает, что «остатки новгородской обособленности тщательно сохранялись среди новгородских дворян по крайней мере до 1570 г.». Оппозиционность дворян по отношению к московскому правительству четко проявилась в период мятежа Андрея Старицкого (1537 г.), когда часть из них перешла на его сторону. И в 1570 г. новгородские помещики не были «совсем непричастны к оппозиции, направленной против грозного царя»³⁸³.

А. А. Зимин обращался к Новгородскому разгрому в нескольких работах. В ранних трудах исследователь утверждал, что существовал широко разветвленный «боярский заговор», связанный с «изменой» в Новгороде и Пскове. Заговорщики намеревались убить Ивана Грозного, посадить на царство Владимира Андреевича, используя вооруженную поддержку польского короля. Измена проникла даже в верхи опричнины и московских приказных дельцов. Заговор был ликвидирован царем с присущей ему решительностью, карательные акции сопровождались конфискацией ценностей духовенства и богатого купечества. Опричники не щадили и имущества крестьян, «неповинных в боярских изменах». Псков отделался сравнительно легко — уплатой большой контрибуции и казнями нескольких заподозренных³⁸⁴.

Затем историк несколько изменил свое мнение о том, существовал ли в действительности заговор: «Сейчас трудно установить, пытались ли новгородцы войти в какие-либо предательские сношения с Литвой. Ясных сведений не сохранилось. Скорее всего, это был вымышленный предлог». Основной удар царь направил против духовенства и его главы архиепископа Пимена, богатства новгородской церкви и торговых людей были конфискованы. Этот грабеж должен был поправить сильно пошатнувшиеся государственные финансы. В ходе карательной экспедиции погибло около 40 тысяч человек. Несмотря на то, что заговора, возможно, и не было, разгром Новгорода являлся, по существу, необходимым актом, поскольку ликвидация обособленности и экономического могущества этого города являлась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью. Для царя Новгород был опасен как крупный феодальный центр, союзник Старицкого князя, потенциальный союзник Литвы, цитадель воинствующей церкви. Вообще же, этот город постоянно был соперником Москвы, и только после событий 1570 г. он стал рядовым городом Русского государства³⁸⁵.

А. М. Сахаров, вслед за М. Н. Тихомировым, отмечал некоторую обособленность Новгорода, оппозиционное настроение горожан против царя и продолжения Ливонской войны, разорявшей город и подрывавшей его торговлю с зарубежными странами. Таким образом, невозможно объяснить разгром только жестокостью Ивана Грозного. Вместе с тем поход 1570 г. нанес огромный ущерб наиболее развитой части России и ухудшил положение государства в войне³⁸⁶.

Наиболее подробно Новгородский разгром изучал Р. Г. Скрынников. Особенностью работ этого историка является широкое привлечение реконструированного им Синодика опальных царя Ивана. Ученый пришел к выводу, что официальное руководство Новгорода, архиепископ и дьяки были неизменно лояльны по отношению к правительству. Определенное недовольство существовало среди местного дворянства, и связано оно было с постепенным оскудением населения и насилиями опричников. Царь также не мог забыть участия новгородцев в мятеже Андрея Старицкого, их участия в дворцовых переворотах и выступлениях 1552 г. в армии (перед походом на Казань). Существовало культурное и торговое соперничество Новгорода и Москвы. Брожением были охвачены низы местного общества. Это вызывалось постоянным ростом налогов, эпидемиями и неурожаями. Правительство решило бороться с недовольством погромами и террором.

Опасения Грозного по отношению к Новгороду еще более усилились в конце 60-х годов. Свою роль в этом сыграло падение Изборска и «дело» боярина Василия Дмитриевича Данилова. На боярина донесли подчиненные ему пушкари, а он на допросах заявил об «измене» новгородцев. Наконец, в городе была обнаружена «польская память», упоминание о которой сохранилось в описях царского архива. Р. Г. Скрынников полагает, что эта «память» явилась продуктом деятельности польских спецслужб, которым было выгодно разжигание террора внутри России. В глазах Ивана IV все эти данные неопровержимо доказывали измену горожан. Но среди опричного правительства нашлись люди, которые понимали вздорность взаимоисключающих друг друга обвинений и стремились предотвратить разгром. Это привело к падению Басмановых и Вяземского и выдвижению на первые роли в опричнине Малюты Скуратова. Сам же погром сопровождался репрессиями против духовенства

и массовыми грабежами церковного, монастырского имущества и средств новгородских купцов. Ограблены были и пригороды: Ладога, Орешек, Ивангород, Корела. Специальный отряд был послан в Нарву.

Р. Г. Скрынников не соглашается с мнением А. А. Зимина и его последователей, которые считали, что погром имел политический смысл. Историк считает, что погрому нет оправдания, и причиной его является «ослепление опричного руководства» и «корыстные интересы опричной казны». Исследователь неоднократно отмечает антицерковную направленность действий царя. Новгородское и псковское духовенство было ограблено до нитки, санкции против него продолжались еще долгое время. После этих событий «Русская церковь надолго лишилась того влияния, которым она пользовалась ранее». Количество погибших Р. Г. Скрынников определяет примерно в 3–4 тысячи человек и приходит к выводу, что разгром не мог быть главной причиной экономического упадка. По его мнению, основными причинами были чума, голод и рост налогов³⁸⁷.

Л. Е. Морозова специально не занималась Новгородским разгромом, но в процессе своей работы, посвященной сочинениям новгородских авторов о «новом учении» Феодосия Косого, она пришла к интересным выводам. Анализируя цикл памятников, связанных с именем Никиты — одного из первых Новгородских архиереев, исследовательница пришла к выводу о том, что одобрительное отношение верхов новгородской Церкви к Ливонской войне в конце 50-х годов сменяется более осторожным и критическим к 1565 г. Конечно, едва ли можно согласиться с тем, что трактовка причин неудач в войне в Слове 1565 г. могла стать одной из первых причин, приведших к полному разрыву царя с новгородским духовенством и опале Пимена в 1570 г., но сам факт изменений в настроении духовенства говорит о многом³⁸⁸.

Несколько противоречивую точку зрения на события 1570 г. высказал В. Б. Кобрин. С одной стороны, он считает, что Новгородский разгром и опричнина в целом «объективно направлены против пережитков удельного времени», но с другой — «опричнина — это банда грабителей убийц в боярских облачениях и с княжескими титулами и воеводскими чинами». Разгром был масштабным, тщательно организованным грабежом. Обвинения, предъявляемые опальным новгородцам, были нелепы и противоречили друг другу. Заговора же в Новгороде, видимо, не было. Иностранцы, которые

сообщают о множестве раскрытых царем изменников, черпали сведения из официальных русских источников, которые, что понятно, утверждали о существовании «измены». Исследователь склонен доверять сообщению поздних источников о том, что донос царю подал Петр Волынец, и отождествляет это лицо с дворянином Петром Ивановичем Волинским (Р. Г. Скрынников же считает, что легенда о Волинце недостоверна и уж во всяком случае П. И. Волинский и Петр Волынец — не одно и то же лицо). Число погибших определяется историком в 10–15 тысяч человек³⁸⁹.

В существовании повгородского заговора был уверен Иоанн (Снычев). Среди заговорщиков видное место занимал архиепископ Пимен, связанный с московской боярской группой. Кроме прямой измены, Грозный в Новгороде стремился собрать сведения о покровительстве местных властей еретикам — жидовствующим, которые чувствовали себя вольготно в этом древнем русском городе. В ходе расследования царь ограничился «минимально возможными наказаниями», «как хирург отсекал от тела России гниющие, бесполезные члены»³⁹⁰.

А. П. Павлов считает вполне вероятным существование в Новгороде «каких-то планов измены царю». Но вероятность существования планов еще не говорит о том, что настоящая «измена» имела место. Царь получил донос, который и явился поводом к походу. Целью было нанесение превентивного удара по потенциально опасным людям. Одним из результатов разгрома стало ограбление города. Ценности новгородских храмов и монастырей, имущество опальных купцов были конфискованы. Массовые казни, проводившиеся царем среди новгородских жителей, едва ли были оправданы с государственной точки зрения³⁹¹.

Г. Л. Никитин и А. Л. Григорьев связывают события второй половины царствования Ивана Грозного с существованием сына Соломонии Сабуровой. В Твери и Новгороде возник заговор против государя в пользу этого претендента на престол. Иван узнал о подобных замыслах и опередил изменников: сам претендент Георгий Васильевич был уничтожен вместе со своими сторонниками, среди которых были многочисленные представители новгородского и тверского духовенства и свергнутый митрополит Филипп Колычев. Кроме того, с заговорщиками были связаны и литовские пленники, находившиеся в заключении в этих городах. Но казни не ограничились лишь сторонниками Георгия Васильевича, а затронули

большой круг людей — царь стремился скрыть истину в массовости жертв³⁹².

Для А. Л. Янова события 1570 г. в Новгороде — лишь «убийство ради убийства», сутью происшедшего был грабеж³⁹³.

Противоположна точка зрения Д. И. Стогова. Он считает, что заговор среди новгородского духовенства все-таки имел место. Репрессии затронули все слои населения. Вообще же действия по упрочению государственного аппарата (устранение с политической арены дьяков-взяточников, недовольного царской политикой новгородского духовенства) проводились типичными для средневековья варварскими методами. Исследователь склонен думать, что часть рассказов о зверствах царя и опричников является вымыслом политических противников государя. Опричный террор не был каким-то экстраординарным явлением, а вполне соответствовал духу времени³⁹⁴.

В работе В. А. Варенцова и Г. М. Коваленко говорится о связи Новгородского разгрома со сдачей Изборска и «делом» Старицких. Отмечается ограбление духовенства и богатой верхушки города, дворян и администраторов. Число погибших определяется этими учеными в 2,5–3 тысячи человек³⁹⁵.

Б. Н. Флоря считает, что заговора в действительности не было, так как обвинения противоречили друг другу. Вместе с тем сам Грозный был уверен в его существовании. Исследователь убежден, что проводившаяся царем политика была выгодна основным категориям новгородского населения: как дворянству — оно получало поместья в Ливонии, так и купечеству — Нарва стала центром международной торговли, и новгородские купцы активно в ней участвовали. Пимен, глава новгородского духовенства, был неизменно лоялен к центральному правительству. Репрессии против духовенства Б. Н. Флоря связывает с убежденностью государя в существовании заговора: необходимо было изъять святыни из рук людей, которые стремились перейти под власть иноверного правителя. Одновременно с наказанием заподозренных погром преследовал и еще одну цель — изъять из населения как можно больше денег и ценностей³⁹⁶.

Анализ историографии Новгородского разгрома позволяет сделать некоторые выводы. Практически все исследователи одинаково описывают сами события по сохранившимся источникам. Расхождения начинаются в определении количества жертв террора. Бо-

лее убедительным представляется точка зрения Р. Г. Скрынникова, опирающегося в своих построениях на данные Синодика опальных Ивана Грозного. Последствия разгрома также едва ли были столь катастрофичными, как считалось ранее. Мнение А. М. Гневушева, Н. Яницкого и Р. Г. Скрынникова о том, что сам по себе поход Грозного 1570 г. не мог вызвать столь глобальное запустение северо-запада, представляется обоснованным³⁹⁷.

Историки единодушно говорят о том, что наибольшим испытаниям подверглось новгородское духовенство, о том, что казни сопровождались вымогательством ценностей, товаров и денег. Отмечается стремление к грабежу со стороны царя и его приближенных. Но если часть ученых считает именно грабеж основной причиной похода на Новгород, то другие исследователи склонны думать, что этот грабеж был попутным явлением, и масштабы его не были столь велики, как обычно считается.

Наконец, подавляющее большинство авторов пишет о том, что в Новгороде имелись «оппозиционные настроения» по отношению к центральному правительству, что новгородцы помнили о своей недавней самостоятельности. Что же касается того, перешло ли это «оппозиционное настроение» в заговор и прямую измену, то здесь мнения расходятся. В самом деле, вопрос о том, существовал заговор или нет, большинство исследователей решают исходя из своего отношения к политике Ивана Грозного вообще. В этой связи очевидно, что, например, для С. В. Бахрушина, П. А. Садикова и других заговор — бесспорен. В то же время для Н. И. Костомарова, А. Л. Янова — заговора не было. Объективные ученые замечают, как правило, что состояние источниковой базы не позволяет прийти к однозначному выводу о наличии или отсутствии в Новгороде заговорщиков. Некоторые историки исходят из того, что хоть заговора и не было, но разгром явился необходимым шагом на пути преодоления пережитков удельного времени. Очевидно, что окончательный ответ на вопрос о заговоре в настоящий момент дать невозможно.

С другой стороны, часть исследователей убеждена в том, что сам Иван Грозный был абсолютно уверен в наличии среди новгородцев опасных заговорщиков. Представляется, что эту убежденность в существовании заговора в северо-западных районах страны нельзя объяснить только маниакальной подозрительностью царя. Предполагаем, что Иван IV точно знал о том, что часть населения

недовольна его политикой. Думаем, что именно те круги, которые были более всего недовольны, и пострадали в большей степени в результате разгрома 1570 г. Источники свидетельствуют, что наиболее пострадали духовенство и зажиточная верхушка города — купечество. Они были ограблены до нитки, в то время как разгром посада продолжался всего несколько дней³⁹⁸. Следовательно, недовольных нужно искать в этих социальных группах, необходимо понять, почему они стали основными жертвами террора 1570 г. Мысль о том, что они пострадали больше всех, так как были богаче других, а царь стремился именно к грабежу, не представляется удовлетворительной, поскольку подразумевает, что Грозный не имел никаких позитивных целей.

Важно определить причины недовольства духовенства и купечества, в противном же случае события 1570 г. в Новгороде едва ли можно удовлетворительно объяснить.

Не подлежит сомнению то, что события второй половины царствования Грозного теснейшим образом связаны с Ливонской войной. В 1558 г. Россия начала военные действия в Прибалтике. Одной из первых под власть русского царя перешла Нарва. Уже в мае 1558 г. город получил жалованную грамоту от Ивана IV. По этому документу город имел определенную автономию: бургомистры и ратманы сохраняли свои права, жители Нарвы могли свободно ездить торговать за море, выдавать своих дочерей замуж в Германию, а заморские люди — приезжать в Нарву и вести торговлю с горожанами и русскими людьми всеми товарами. Кроме того, горожане и русские могли свободно торговать между собой³⁹⁹.

Как следует из этого документа, довольно большое внимание русская сторона уделяла развитию торговли через Нарву со странами Западной Европы. Подтверждением этого являются и требования русских дипломатов в апреле 1559 г. на переговорах с датскими послами о взаимной свободной торговле⁴⁰⁰. Наконец, на переговорах в Копенгагене русские послы, говоря о причинах начала Ливонской войны, указали следующее: на притеснения купцов в Ливонии, захват православных церквей и юрьевскую дань⁴⁰¹.

Столь пристальное внимание московского правительства к вопросам внешней торговли объяснялось, конечно, реальными интересами страны. Для Русского государства важно было установить прямые торговые отношения с европейскими странами, избавиться

от посредничества ливонских городов, которые стремились препятствовать ввозу в Россию необходимых товаров и притоку специалистов. Установленные за несколько лет до начала Ливонской войны связи с Англией через Белое море не могли, естественно, заменить более удобный путь через Балтику. Завоевав Нарву, Россия получила столь необходимую ей гавань на море и, разумеется, делала все возможное для того, чтобы именно этот город стал центром балтийской торговли, оттеснив на второй план другие порты (Ревель, Ригу, Выборг).

Однако одного желания русского правительства в таком деле было явно недостаточно. Очевидным представляется тот факт, что другие заинтересованные стороны, такие как Швеция, Польша, Литва, ливонские города, стремились противодействовать внешне-торговым планам России, устанавливая блокаду Нарвы и панимая флотилии корсаров. Удалось ли им это сделать? Стала ли Нарва крупнейшим портом в восточной части Балтийского моря в годы Ливонской войны? К сожалению, скудость источников не позволяет ответить на эти вопросы. Каковы же мнения исследователей?

И. И. Полосин считал, что в 60-е годы торговля на Балтике «становится почти невозможной» из-за пиратства Швеции и Дании⁴⁰². Противоположно мнение И. И. Любименко: торговые обороты Нарвы были неизмеримо выше оборотов северной торговли⁴⁰³. С. В. Бахрушин писал о «громадном значении» присоединения Нарвы для внешней торговли. В этот порт, минуя Ревель, приезжали для торговли англичане, голландцы, французы, шотландцы, немцы. «Нарвская торговля принимала широкие размеры»⁴⁰⁴. Несколько противоречива точка зрения на события В. Д. Королюка. С одной стороны, действия корсаров, нападавших на суда, следующие в Нарву, наносили огромный ущерб торговле, с другой стороны, эти нападения не могли помешать быстрому росту оборотов нарвского порта⁴⁰⁵. Л. М. Марасинова пришла к выводу, что Нарве принадлежало одно из ведущих мест в торговле России с Западной Европой⁴⁰⁶.

Большинство ученых склонны считать, что, несмотря на противодействие соперников России, нарвская торговля достигла довольно большого объема и по оборотам обгоняла, видимо, северную торговлю. Это убеждение во многом основывается на свидетельствах английского дипломата Дж. Флетчера, который говорит о внешней торговле нашей страны. По словам англичанина, при

Федоре Ивановиче, то есть после потери Нарвы в конце Ливонской войны, русский вывоз значительно сократился: воска — в пять раз, сала и кож — в три раза, льна и пеньки — еще значительно. Раньше в Нарву приходило, по словам Флетчера, до 100 судов, теперь же — не более пяти. Причины столь резкого сокращения торговли с Европой: во-первых, закрытие нарвской пристани со стороны Финского залива; во-вторых, пресечение сухопутной торговли через Смоленск и Полоцк; в-третьих, увеличение налогов⁴⁰⁷.

Очевидно, что была еще одна причина сокращения торговых оборотов России с западными странами — общее экономическое положение государства, которое оставляло желать много лучшего. Что же касается цифр вывоза, которые приводит Флетчер, то едва ли его сведения достаточно точны, особенно в той их части, где говорится об объемах нарвской торговли в период Ливонской войны. В самом деле, английский посланник приводит для конца 80-х годов цифру вывоза воска в 160 тонн. В то же время, когда Россия владела Нарвой, в 1566 г. зундские таможенные книги дают цифру вывоза из города в 180 тонн⁴⁰⁸. Как видим, обладание гаванью на Балтийском море не вело к сколько-нибудь значительному увеличению вывоза воска по сравнению с более поздним временем⁴⁰⁹.

Вообще же, представляется, что для оценки реальной роли нарвской торговли существенным является сравнение объема вывоза русских товаров через Балтийское море до начала Ливонской войны и в ее годы. К сожалению, нам неизвестны точные цифры, однако и по имеющимся в нашем распоряжении данным можно сделать некоторые выводы. Так, например, в конце XV в., по подсчетам А. Л. Хорошкевич, через Новгород вывозилось около 300 тонн воска⁴¹⁰. Количество, значительно превосходящее цифры Флетчера для конца XVI в., и показатели, имеющиеся для 1566 г. Одним из основных центров вывоза был Ревель, в который ежегодно приходило примерно 60 кораблей⁴¹¹. Очевидно, что большая часть этих судов загружалась именно русскими товарами. В то же время, по данным Г. В. Форстена, летом 1567 г. в Нарве было всего 33 корабля из Любека⁴¹². Конечно, вполне возможно, что в порту могли находиться и суда других городов и стран, однако едва ли их количество превышало несколько десятков. Кроме того, то, что суда дошли до Нарвы, еще вовсе не означало того, что они смогут беспрепятственно вернуться на родину с русскими товарами из-за пиратства практически всех балтийских держав.

В свете вышеизложенного вполне можно предположить, что уровень русской торговли через Балтийское море в годы Ливонской войны был существенно ниже, чем до ее начала, не говоря уже о конце XV в. И это несмотря на преграды, которые чинили торговле ливонские города, стремившиеся нажиться за счет посредничества. Одного желания московского правительства развивать прямую торговлю с Западом, минуя посредников, оказалось мало для действительного увеличения товарооборота. Представляется, что в действительности с началом Ливонской войны, занятием русскими Нарвы и установлением ее блокады внешняя торговля сократилась, что вело к постепенному разорению большинства крупных купеческих фамилий, которые осели в Новгороде после переселений, принятых в конце XV в. Иваном III⁴¹³.

Для обоснования этого положения попробуем рассмотреть основные моменты истории новгородского купечества в XVI в. Купечество Новгорода, вернее его высшая прослойка, потомки переведенных из Москвы купцов, занимало особое положение в городе. Н. А. Казакова обратила внимание на то, что по договорам с Ливонией и Ганзой именно новгородские купцы, а не торговцы всей России имели монопольное право на торговлю в этих политических образованиях⁴¹⁴. Крупное купечество, московские сведенцы (Саларевы, Сырковы, Таракановы и др.) играли важную роль и в управлении Новгородом, занимая должности дьяков и старост. Кроме того, правительство принимало меры для обеспечения гостей землей⁴¹⁵. Земельные владения получили Таракановы, Саларевы, Сырковы⁴¹⁶. Меры московского руководства свидетельствуют, что оно было заинтересовано в поддержании торговли с западными странами, а «вывод» местного купечества, осуществленный Иваном III в 1488–1489 гг., имел политическую подоплеку. Конечно, персональная смена купцов первоначально вызвала некоторое сокращение торговых оборотов, но правительство предпринимало усилия для восстановления торговли в прежних объемах. Можно согласиться с В. Н. Бернадским в том, что и закрытие ганзейского двора в Новгороде было ответом на засилье иностранных купцов, а вовсе не было направлено против новгородской торговли как таковой⁴¹⁷.

Вообще же, на рубеже XV–XVI вв. в балтийской торговле происходят значительные перемены. Основная из них связана с падением значения Ганзы, что вызывалось соперничеством с Ригой,

Ревелсм и Дерптом⁴¹⁸. Однако само по себе уменьшение влияния Ганзы не могло, видимо, вызвать сокращения торговых оборотов, особенно после того, как московские сведенцы прижились на новом месте. С. Герберштейн, дважды посещавший Россию, отмечал, что Новгород продолжает оставаться значительным центром внешней торговли⁴¹⁹. На сокращение балтийской торговли первоначально вряд ли могло повлиять появление на Белом море англичан. Сами условия плавания были достаточно тяжелыми.

Представляется, что торговля через Белое море нужна была русскому правительству в первую очередь по политическим мотивам. Она могла быть использована для получения тех товаров, ввоз которых запрещался ливонскими городами-посредниками. Соперничать с торговлей новгородских купцов через Балтику северная торговля в первые годы своего существования никак не могла⁴²⁰. Поэтому едва ли обосновано мнение тех исследователей, которые считают открытие Северного торгового пути одной из главных причин упадка Новгорода⁴²¹. Ведь даже в середине XVII в. в Архангельск ежегодно приходило всего 30–40 купеческих кораблей⁴²². Внешнюю торговлю новгородских купцов подорвала отнюдь не беломорская торговля, а начало Ливонской войны, которая к тому же затянулась на долгие двадцать пять лет. Даже обладание Нарвой не могло поправить положения — из-за пиратства торговля стала крайне опасным делом. В самом Новгороде в начале войны был закрыт немецкий двор⁴²³. В таких условиях традиционные товары новгородского экспорта оставались лежать на складах в самом городе или в Нарве. Именно об этом говорит то, что во время погрома 1570 г. царь приказал уничтожить запасы воска и сала в этих городах, скопившиеся за двадцать лет⁴²⁴. Очевидно, что если бы широкий вывоз товаров продолжался, то таких многолетних запасов не существовало.

Для нормальной торговли, как отмечалось исследователями, Новгороду нужен был мир с западными соседями⁴²⁵. Обладание Нарвой и усилия московского правительства по развитию нарвского мореплавания не могли компенсировать отсутствия мира. В условиях войны на Балтике о нормальной внешней торговле и устойчивом росте оборотов не могло быть и речи. Огромный фактический материал о нарвской торговле собран в труде Г. В. Форстена. Приведем лишь некоторые данные: 1559 г. — ревельцы захватили 6 любекских кораблей, 1562 г. — 50 голландских судов захвачены

шведами, 1564 г. — захвачено 22 любекских корабля и 8 голландских, 1565 г. — Дания закрыла проливы, 70-е годы — Любек не может без риска отправить ни одно судно на Восток⁴²⁶. И это далеко не полный список. По мнению же И. И. Полосина, в 60-е годы «торговля на Балтике становится почти невозможной»⁴²⁷.

Обращение к источникам позволяет более наглядно представить нелегкую судьбу нарвской торговли: попытки русского правительства сделать город крупнейшим портом в восточной части Балтийского моря и упорное сопротивление этим попыткам со стороны других балтийских держав — Швеции, Польши, Германии и даже Дании. Мы уже упоминали о жалованной грамоте Ивана Грозного жителям Нарвы. Почти одновременно А. Д. Басманов отправил специальное послание властям города Данцига (Гданьска) с предложением ехать для торговли в Нарву, ничего не опасаясь⁴²⁸. В то же время русское правительство вело переговоры с Данией. Одним из условий было требование взаимной свободной торговли⁴²⁹. Позиция Дании оказалась двойственной: с одной стороны, торговля с Россией сулила существенные выгоды, с другой — не хотелось ссориться с другими вовлеченными в конфликт державами. Отражением подобного подхода явилось указание короля Фредерика II властям Копенгагена и Мальме (май 1560 г.) с запрещением датским купцам плавать в Нарву. Столь радикальная мера объяснялась тем, что польский король и ливонский магистр мешают проходу кораблей в Россию⁴³⁰. Однако вскоре позиция датского короля изменилась — в соглашении 1562 г. имеется пункт о беспрепятственном пропуске купцов через Зунд⁴³¹.

Смягчение позиции Дании вызывалось ухудшением ее отношений со Швецией — в любой момент можно было ожидать начала войны между этими державами. Союзником Дании выступал Любек, который был крайне заинтересован в развитии нарвского мореплавания и продолжал посылать в Нарву свои суда, несмотря на решения имперского съезда 1560 г.⁴³² В 1563 г. уже король Фредерик просит Ивана Грозного разрешить датским купцам свободную торговлю в России без особых опасных грамот. Здесь же указывается, что Дания вступит в войну со Швецией из-за препятствий, которые шведы чинят нарвской торговле⁴³³. Однако вскоре отношения России и Дании вновь обострились: в Копенгагене стало известно, что русские купцы тайно перепродают шведам некоторые товары, в первую очередь соль. Это вызвало очередные осложнения —

датский представитель в Нарве советовал королю даже закрыть проливы для прохода в Нарву иностранных судов. Датское правительство угрожало тем, что запретит и плавание англичан вокруг берегов Норвегии, которые в то время принадлежали Дании⁴³⁴.

Первоначально особую активность в борьбе с нарвским мореплаванием проявлял Ревель, лишившийся основного источника доходов — посреднической торговли с Россией. Нападения на иностранные суда, шедшие в Нарву, ревельские жители начали еще в самом начале войны, а в 1561 г. перешли под власть Швеции, которая также стремилась уничтожить нарвскую торговлю. В 1562 г. шведское правительство объявило о том, что оно разрешает торговать русскими товарами только в Ревеле. Купеческие суда, следующие в Нарву, будут захватываться⁴³⁵. И это были не пустые угрозы. Сохранилось несколько посланий нарвских воевод властям Ревеля с жалобами на грабежи и насилия, которым подвергаются купцы, следующие в Нарву или из Нарвы. Например, 16 октября воевода жалуется на то, что «ваши колыванские (жители Ревеля. — В. Ш.) воинские люди ... корабли и товары ограбили, купцов свезли в Колывань». Сейчас «ругодивские немцы» (жители Нарвы) посылают четыре корабля со своими товарами и товарами иностранных купцов, но до них дошел слух, что «колыванские немцы стоят в засаде на море и хотят ограбить товары, а за море не пустить». Воевода предлагает вести нормальную торговлю, так как по указу царя в Нарве жители Ревеля могут торговать свободно. В заключении послания содержится требование пропускать корабли за море «без задержки»⁴³⁶. Приведенное послание далеко не единственное. Сохранились подобные документы и от 1566, 1567, 1568, 1569 гг. Русские воеводы то просят, то угрожают ответными санкциями. Однако подобные просьбы и угрозы не имели равным счетом никакого действия — захваты кораблей продолжались⁴³⁷. Очевидно, что Ревель и стоящая за его спиной Швеция не собирались мириться с усилиями русского правительства, направленными на расширение нарвского мореплавания.

Между тем удалось нормализовать русско-датские отношения. Их улучшение совпало с переходом на русскую службу младшего брата датского короля герцога Магнуса, получившего громкий титул Ливонского короля. По условиям перехода Магнуса на сторону России, он обязывался беспрепятственно пропускать во владения царя иностранных купцов со всеми товарами⁴³⁸. В то же время

датское правительство предприняло некоторые меры для борьбы с корсарями, пренебрегающими судоходству: в сентябре 1569 г. Фредерик II известил Грозного о захвате и казни нескольких польских и шведских корсаров⁴³⁹.

К сожалению, подобные меры не смогли нормализовать торговлю в восточной части Балтийского моря. Положение продолжало оставаться очень серьезным. 31 августа 1571 г. Иван IV уведомляет своего датского союзника о том, что шведы и поляки продолжают грабить корабли, следующие в Нарву, и «в наше государство дорогу торговым людем затворили». Грозному пришлось даже выдать К. Роде грамоту с разрешением отлавливать иностранных пиратов⁴⁴⁰. Но и эта мера не помогла — в 1573 г. русский царь в очередной раз жалуется правителю Дании на действия шведов: их король «не хотя нам прибытка и нам грубачи . . . дорогу тое затворил и людей торговых всех государств грабит»⁴⁴¹.

Представляется, что приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что нарвская торговля во время Ливонской войны была делом довольно ненадежным. Ее объемы едва ли возможно точно определить, но огромный риск, которым она сопровождалась, свидетельствует, скорее всего, о том, что количество товаров, вывозимых из Нарвы в годы войны, было меньше, чем то, которое русские купцы могли продавать до ее начала, не говоря уже об оборотах конца XV в.

Блокада Нарвы шведскими и польскими корсарами делала более надежным путь через Белое море, который, видимо, именно в период Ливонской войны и стал постепенно выдвигаться на первое место. Вместе с тем вполне вероятным представляется следующее: общий объем внешней торговли России за годы войны мог сократиться⁴⁴².

Нестабильность нарвской торговли неизбежно должна была сильно отразиться на новгородском купечестве. В условиях войны любая внешнеторговая сделка была сопряжена с большим риском — купец мог потерять все в результате нападения корсаров. Прибыли от торговли сократились. Можно было попытаться найти другие, более надежные каналы для сбыта своих товаров на Запад. Но Северный торговый путь был не очень доступен новгородцам — сливки снимали, видимо, купцы Холмогор, Вологды и Москвы. Кроме того, сама доставка товаров из Новгорода на Двину требовала больших затрат, причем было неизвестно, окупятся они или нет.

Англичане также были заинтересованы в том, чтобы найти путь в Новгород. В конце концов им это удалось. Но едва ли этот маршрут мог привлечь — путь от Холмогор до Новгорода занимал более месяца (1261 английская миля). Кроме того, товары по этому пути можно было посылать только зимой. Как отмечали сами англичане, «нет никакой надежды на то, что туземцы повезут свои товары из Новгорода ... чтобы продать нам»⁴⁴³. Очевидно, что пока существовала хоть малейшая надежда на то, что товары можно сбыть иностранцам у себя под боком — в Нарве, новгородские купцы вряд ли серьезно переориентировали свои операции на Север.

Таким образом, в результате Ливонской войны новгородское купечество оказалось в тяжелом положении. С каждым годом продолжавшегося конфликта это положение еще более ухудшалось, а конца войны не было видно. В таких условиях единственным способом выживания для купцов было скорейшее заключение мира. Конечно, было бы хорошо, чтобы в руках русских осталась Нарва, — в мирное время значение этого порта для внешнеторговых связей трудно переоценить, но, на худой конец, можно было бы отказаться и от нее. Московское правительство, однако, не собиралось прекращать войну — Земский собор 1566 г. высказался за ее продолжение⁴⁴⁴. На Соборе присутствовали и представители купечества — в основном московского, новгородские же торговые люди не имели (в отличие от дворян) должного представительства и оказались в своей курии в меньшинстве⁴⁴⁵. Москвичи были заинтересованы в продолжении войны, вызывавшей трудности у их основных торговых конкурентов⁴⁴⁶. Кроме того, в условиях нестабильности нарвской торговли расширялись связи с Западом через Белое море, а этот торговый путь в наибольшей степени использовали столичные торговцы⁴⁴⁷.

Продолжавшаяся война, эпидемии и голод разоряли новгородские территории. Все это наложилось на нестабильность внешне-торговых связей через Нарву. Подобное положение вызывало недовольство, «оппозиционные настроения». Вылились эти настроения в настоящую «измену» или дело ограничилось лишь разговорами, в которых звучало осуждение проводившейся Грозным политики, сказать нельзя. Но реальное положение дел в Новгороде и его области в конце 60-х годов давало царю полную уверенность в возможности существования разветвленного заговора. Для начала репрессий необходим был лишь повод. Вскоре он представился⁴⁴⁸.

Новгородский разгром 1570 г. оказался подлинной катастрофой для многих представителей купечества. Среди пострадавших и ограбленных источники постоянно упоминают «гостей», «именитых и торговых людей»⁴⁴⁹. Казнены были виднейшие купцы: Федор Сырков, Андрей Тараканов, Дмитрий Ямской, Алексей Сырков, Василий и Семен Корюковы⁴⁵⁰. Разграблению и уничтожению подверглось имущество. Само по себе уничтожение двадцатилетних запасов экспортных товаров являлось, как представляется, наказанием торговым людям Новгорода за их недовольство политикой царя. Грозный был твердо уверен, что купечество города замешано в существующем (или несуществующем) заговоре. Торговых людей к участию в нем толкали реальные материальные интересы. Очевидно, царь понимал, что товары не находят устойчивого сбыта, уничтожая их, он стремился уничтожить самый предмет недовольства. Возможно, Иван IV полагал, что именно «лишние» богатства мешают некоторым его подданным выполнять свой долг — беспрекословно подчиняться данному Богом властелину. Забота о прибыли побуждает богатеев вмешиваться в политические дела, стремиться к участию в определении направления внешней политики государства.

В этой связи обращает на себя внимание фрагмент из послания Грозного английской королеве Елизавете: «А то у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честях и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков»⁴⁵¹. Эти слова царь написал (продиктовал) спустя всего несколько месяцев после Новгородского разгрома — 24 октября 1570 г. Думается, он имел в виду не только английских купцов, но и своих собственных, новгородских, которые искали не продолжения войны согласно предначертанному царем плану, а «торговых прибытков», соглашаясь с возможностью порушить «государскую честь».

Новгородский разгром не мог благотворно подействовать на нарвскую торговлю, тем более, что запасы русских купцов в городе были уничтожены⁴⁵². Может быть, крупное купечество Новгорода и смогло бы восстановить свое положение и богатство, но в 1571 г. на него обрушилась новая беда — массовые выселения в Москву, сильно пострадавшую в результате набега крымских татар. Всего из города на Волхове сведено было несколько сот семей⁴⁵³.

Результатом бурных событий второй половины XVI в. стало по-

степенное разорение и практически полное исчезновение богатейших новгородских купцов — потомков переселенцев конца XV в. Писцовая книга по Новгороду зафиксировала печальную картину: на местах дворов самых знаменитых купеческих фамилий были пустоши, государевы житницы, пашни⁴⁵⁴.

Подводя итог, мы можем отметить следующее: начало Ливонской войны и занятие русскими войсками Нарвы отнюдь не привели к расширению торговых связей с Западной Европой через Балтийское море, несмотря на все усилия московского правительства. Наоборот, торговля стала чрезвычайно опасным делом. Ежегодно шведские, датские и польские корсары захватывали десятки купеческих кораблей. В результате большое значение приобретает путь через Белое море — он оказался более надежным, невзирая на крайне плохие географические условия. Нестабильность нарвского мореплавания привела к падению доходов новгородских купцов — потомков переселенных сюда Иваном III из Москвы гостей. На складах скапливались нереализованные товары, переориентация на беломорскую торговлю вызывала столкновение с конкурентами московскими, вологодскими, двинскими. Кроме того, доставка товаров из Новгорода на Север требовала значительных затрат.

Новгородское купечество видело выход из ситуации в скорейшем окончании Ливонской войны, в восстановлении нормальных торговых связей, нарушенных в результате блокады Нарвы. Однако Грозный считал необходимым продолжать войну до победного конца. Проблемы в торговле, голод, разорения от прохода войск постепенно вызывали рост оппозиционных настроений в том числе и среди крупных торговцев. Правительство пристально следило за подобными настроениями, подозревая, что недовольство в любой момент может вылиться в мятеж. Доносы окончательно убедили царя в существовании в Новгороде масштабного антиправительственного заговора. Иван IV поверил в него — ведь он знал, что существует недовольство продолжением войны, существуют реальные материальные интересы определенных кругов новгородского общества. В таких условиях было принято решение о походе на город. Недовольство внешней политикой Грозного, объективно мешающей, по мнению купцов, развитию торговли, и привело к репрессиям, обрушившимся на гостей. Казни, уничтожение товаров и массовые переселения привели в конечном итоге к полному уничтожению в конце XVI в. старого крупного купечества в Новгороде.

Можно сказать, что одна из основных целей, ставившихся русским правительством в начале Ливонской войны, — расширение внешней торговли, установление прямых контактов с зарубежными партнерами минуя посредников, не была достигнута. Результат получился даже противоположный намерениям царя: торговля через Балтийское море сократилась, а новгородскому купечеству был нанесен такой удар, от которого оно долго не могло оправиться.

Торговлей занимались не только купцы, но и представители других групп населения. Среди них выделяется духовенство. Его торговая деятельность, особенно монашеских корпораций, достаточно хорошо и давно известна. Сведения о торговле монахов попали даже в сообщения иностранцев о России. Как писал Флетчер, «монахи . . . самые оборотистые купцы во всем государстве и торгуют всякого рода товарами»⁴⁵⁵. Доходы от торговли составляли весьма значительную часть монастырских богатств. По подсчетам А. А. Савича, Соловецкий монастырь получал примерно 20% средств за счет торговли солью⁴⁵⁶. Часть средств, полученных от продажи соли, соловецкие власти тратили на закупку хлеба, который шел на нужды монастыря. Эта северная обитель была далеко не единственным монастырем, ведущим широкую торговлю. Например, Спасо-Прилуцкий монастырь закупал хлеб в Вологде и затем практически весь перепродавал в Холмогорах. Торговлю хлебом в больших объемах вел Иосифо-Волоцкий монастырь⁴⁵⁷.

Участие духовных феодалов в торговле отмечалось многими исследователями⁴⁵⁸. Интересные сведения приводит С. В. Бахрушин о Болдине монастыре. Эта обитель выступала посредником между производителями пеньки и крупными скупщиками. Часть пеньки монастырь получал в виде оброка со своих крестьян, но большую часть скупал за бесценок в округе, а затем продавал с прибылью⁴⁵⁹. Учитывая, что пенька была одним из основных предметов русского вывоза⁴⁶⁰, можно предположить, что скупленная таким образом продукция поступала на внешние рынки.

Если об участии монастырей во внутренней торговле можно говорить достаточно уверенно, то внешняя торговля русского духовенства до сих пор оставалась в тени. Вместе с тем сохранившиеся источники позволяют сделать некоторые предположения на эту тему. В этой связи достаточно очевидным представляется тот факт,

что внешняя торговля русского духовенства по своим объемам не может идти в сравнение с торговлей внутренней, что вызывалось сравнительно небольшими объемами всей внешней торговли России в XVI в. О чем же говорят источники?

Наиболее очевидным представляется участие во внешней торговле митрополичьего дома. В этой связи огромный интерес представляет жалованная грамота Ивана IV митрополиту Афанасию, датированная 20 августа 1564 г. и подтвержденная митрополиту Кириллу 30 апреля 1569 г. Эта грамота разрешает митрополичьим купчинам беспошлинно провозить товар на 100 возах или телегах из Москвы в Новгород и другие северо-западные города: Псков, Ивангород, Старую Руссу, Ругодив (Нарву), Юрьев (Тарту, Дерпт), Полоцк. Три последних упоминающихся в грамоте города были заняты русскими войсками в ходе Ливонской войны. Известно, что Нарву московское правительство стремилось сделать основным центром международной торговли в восточной части Балтийского моря. Это позволяет обоснованно предположить, что митрополичьи купчины могли участвовать во внешнеторговых операциях. Жалованная грамота не только дает право провозить в названные города товары и их продавать, но и предусматривает закупку различных припасов на нужды митрополичьего дома. Перечисляются основные товары, которые могут провозить купцы: хлеб, соль, мед, воск. Мед и воск в то время являлись одними из основных товаров русского экспорта⁴⁶¹.

При выдаче грамоты царь предусмотрел возможность того, что к обозу с товарами митрополита захотят присоединиться посторонние купцы. Во избежание этого требуется снабжать посланных специальными документами с указанием того, какой товар с кем отправлен, «чтоб другие люди с митрополичим запасом без пошлинно не проезжали и в том нашим наместничим и волостельным пошлинам убытков ни у кого не было». В жалованной грамоте особо упоминается ржевитин Иван Карпов сын Мешков — митрополичий купчина. Государь предписывает беспрепятственно выдавать ему подводы и подорожные — если он едет по «посылке» митрополита. Даже царские гонцы не вправе забирать его подводы (кроме «ратных вестей»). Известно, что в 1587 г., уже при митрополите Иове, Иван Мешков бил ему челом «о обмене, а сказал: в купчинах быти ему не мочно. И митрополит Ивана Мешкова пожаловал, от купчин его отставил»⁴⁶². Кроме Ивана Мешкова в источниках упоминает-

ся митрополичий меховщик Федор Рясин, занимавшийся, видимо, и закупкой мехов для митрополита⁴⁶³.

Однако для митрополичьего дома участие во внешнеторговых предприятиях в Прибалтике было, скорее всего, лишь эпизодом, который связан с успешным началом Ливонской войны, с занятием ливонских городов. Этого нельзя сказать о деятельности другого виднейшего иерарха Русской церкви — Новгородского архиепископа. Торговля была одним из источников его доходов. Как отмечал Б. Д. Греков в своей фундаментальной монографии о хозяйстве новгородского Софийского дома, «софийский капитал все время находился в движении». Исследователь предполагал участие архиепископа в торговле медом и мехами⁴⁶⁴. Так же, как и митрополит, Новгородский архиерей имел своих купчин. В середине XVI в. «владычным купчинам» принадлежали два двора на Софийской стороне Новгорода⁴⁶⁵. В конце этого века упоминается купец Михаил, который покупает для Софийского дома хмель, рыбу и другие товары⁴⁶⁶.

Имеются сведения и о непосредственных контактах Софийского дома с иностранными торговцами. В. В. Дорошенко ввел в научный оборот материалы о торговле ревельского купца О. Элерса и его компаньона из Любека И. Герке. Торговцы вели дела с «владыкой руссов из Новгорода», то есть с Новгородским архиепископом Макарием, занимавшим кафедру в 1526–1542 гг. Сделки имели место во второй половине 30-х годов и представляли собой безличный товарный обмен воска на металлы⁴⁶⁷. Имеются документы, которые позволяют сделать вывод о контактах Макария и с другим иностранным купцом — Яковом Штайнвиком. Макарий (Веретенников) считает возможным говорить даже о «хороших отношениях» будущего знаменитого митрополита с этим предпринимателем⁴⁶⁸.

Пресмник Макария на кафедре архиепископ Феодосий также имел через своих купчин контакты с иностранными торговцами. По сохранившимся отрывкам расходных книг Софийского дома можно сделать вывод, что подобные контакты не являлись чем-то совершенно исключительным. Например, в 1547 г. был приобретен «отлас золотной. Куплен тот отлас у немчина, а денег за тот отлас дано 20 рублей в московское число . . . »⁴⁶⁹. Бесспорными представляются контакты того же Феодосия с крупнейшими купцами, ведшими торговлю заморскими товарами: 5 марта 1548 г. у Петра

Тараканова Софийским домом было приобретено «7 поставов сукон тюпинских», за которые было уплачено 13 рублей⁴⁷⁰.

Вполне возможно, что Новгородское архиепископство участвовало во внешней торговле медом. Известно, что в декабре 1547 г. из Новгорода в Псков было отправлено 100 пудов меда на четырех подводах. В том, что в данном случае мед поступал на рынок, не сомневался Б. Д. Греков⁴⁷¹. Вообще же, без учета возможности перепродажи трудно объяснить огромные закупки меда. Всего за восемь месяцев 1548 г. в расходных книгах зафиксирована покупка почти 500 пудов этого продукта⁴⁷². А. Г. Маньков указал на продажу Софийским домом крупной партии меда в 1576 г.⁴⁷³ Софийский дом вел крупную торговлю льном⁴⁷⁴.

Участие новгородской кафедры в торговых операциях связывало ее интересы с интересами всего крупнейшего новгородского купечества, с потомками гостей, переведенных из Москвы в город на Волхове при Иване III. Тесные контакты между крупнейшими купцами (Таракановыми и Сырковыми) и духовенством подтверждают их вклады в монастыри и интенсивным строительством церквей⁴⁷⁵.

Общность материальных интересов и трудности, с которыми сталкивалась торговля в период затянувшейся Ливонской войны, вели к тому, что часть новгородского духовенства и купечества могла стать в оппозицию проводившемуся центральным московским правительством курсу на войну до «победного конца». Первоначальному энтузиазму, вызванному очевидными успехами русского оружия, приходит на смену более осторожное и взвешенное отношение к внешнеполитическим акциям Ивана Грозного. Одним из показателей «смены вех» стала новая редакция Слова о Никите, относящаяся к 1565 г.⁴⁷⁶ Незадолго до этого, в 1564 г., русские войска потерпели несколько серьезных поражений от литовцев, война принимала затяжной характер с неясным исходом. Каперство на Балтике и объявленная противниками России блокада Нарвы делали внешнеторговые операции чрезвычайно рискованными. Могли серьезно пострадать материальные интересы новгородского духовенства и крупного купечества. В таких условиях скорейшее прекращение войны становилось для многих виднейших жителей Новгорода, в том числе и духовного сословия, важнейшим вопросом — от этого зависело их благополучие.

Перед архиепископом Пименом, занимавшим свой пост с начала

50-х годов, стоял вопрос: продолжать ли ему поддерживать политику царя, которая шла вразрез с интересами значительной части его паствы и с его собственными материальными интересами. Известно, что Пимен имел тесные связи с опричным руководством, выполнял многие поручения Ивана IV. Именно он возглавлял делегацию, отправленную в Слободу в январе 1565 г. с целью добиться возвращения Грозного на престол⁴⁷⁷, именно он как Новгородский архиепископ возглавлял церковный Собор, осудивший митрополита Филиппа. Некоторые исследователи предполагают, что Пимен рассчитывал после осуждения Колычева стать митрополитом, но обманулся в своих ожиданиях и примкнул к заговорщикам, «безусловно имевшимся в Новгороде»⁴⁷⁸. Однако неизвестно, существовал ли в городе настоящий заговор или дело ограничивалось лишь неосторожными разговорами.

Для архиепископа, теснейшим образом связанного с царским двором, участие в антиправительственном заговоре (даже если он и существовал) представляется проблематичным. Скорее всего, речь может идти об оппозиционных настроениях Пимена, связанных с его материальными интересами. Впрочем, для Грозного, видимо, не было какой-либо принципиальной разницы между заговором и словесным осуждением политики царя. И как только государь получил известия о брожении в городе, были приняты жесткие меры, вылившиеся в Новгородский разгром 1570 г.

Источники постоянно подчеркивают репрессии, которым подверглись новгородское духовенство и сам архиепископ⁴⁷⁹. Обращает на себя внимание конфискация и уничтожение материальных ценностей, принадлежавших духовенству⁴⁸⁰. Видимо, Иван IV был убежден, что именно мирские, материальные интересы толкнули представителей Церкви на «измену». Уничтожение имущества, в котором, по мнению Грозного, был «корень зла», являлось платой за «предательство». Именно оно соблазнило духовенство, а в Писании сказано: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» (Матфей, 5; 29). Для царя уничтожение запасов было скорее услугой, которую он оказывал своим богомольцам, освобождая их от мирских забот, мешающих им выполнять свой долг: беспрекословно подчиняться данному Богом правителю, служить не для виду, а вправду.

Таким образом, представляется, что материальные интересы части новгородского духовенства, достаточно тесно связанного с

крупнейшим купечеством, вызвали в его среде рост недовольства внешней политикой царя. Продолжение Ливонской войны было невыгодно влиятельным слоям местного общества. В таких условиях вполне вероятным является оживление оппозиционных настроений. Вылились ли эти настроения в настоящий заговор — неизвестно, но для Грозного любое недовольство было равнозначно измене, что требовало принятия самых решительных и жестких мер.

Рассмотренные выше вопросы, связанные с внешнеторговой деятельностью новгородского купечества и духовенства, дают, как нам представляется, возможность говорить о причинах расширения оппозиционных настроений в городе. Определенное недовольство московским владычеством существовало в Новгороде и раньше. Для борьбы с ним русские правители использовали «выводы» господствующих групп населения: боярства, житейх людей, купцов. Важнейший пост архиепископа занимали специально подобранные люди. Но проблема заключалась в том, что невозможно было сменить все население города, и к тому же потомки переселенцев вскоре сами становились новгородцами, то есть у них появлялись интересы, не всегда совпадающие с политикой московского правительства. Катализатором, усилившим недовольство, стала затянувшаяся Ливонская война. И дело здесь, конечно, не только в торговых убытках, но и в других причинах.

Собственно говоря, уже само начало военных действий отмечено эксцессами: в 1558 г. войска под командованием Михаила Глинского грабили собственное же население: «Едучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубеже люди его деревни псковской земли грабили, и живот секли, да и дворы жгли христианские»⁴⁸¹. Недовольно было население северо-запада России посошной службой, от которой «протору много»⁴⁸², не говоря уже о набегах литовских войск⁴⁸³. Понятно, что война вызывала и рост налогов (известно, что они выросли за два десятилетия в 3,2 раза)⁴⁸⁴.

Рост налогов, привлечение населения к посошной службе, проход своих войск и набеги чужих — все это подрывало стабильность хозяйства. В довершение всех неприятностей вторая половина 60-х годов отмечена голодом и эпидемиями, которые вызвали значительную убыль населения⁴⁸⁵. В подобных условиях рост недовольства самых широких слоев общества был неизбежен. Причем недовольство затрагивало и верхушку местного населения — купечество

и духовенство. Для них продолжение войны было экономически невыгодно, угрожало их материальным интересам.

У основной массы духовенства вообще не было причин быть особо расположенным к московским властям. Вероятно, в его среде были живы воспоминания о грабеже, который был осуществлен Иваном III. Крупнейшие монастыри и Софийский дом лишились тогда большей части своих земельных владений⁴⁸⁶.

Очевидно, что царь был в должной мере осведомлен о недовольстве, широко распространившемся в Новгороде и Пскове. Это недовольство не могло появиться вдруг, внезапно, оно постепенно нарастало, захватывая в свою орбиту все новых и новых людей. Грозный мог некоторое время скрепя сердце мириться с подобным положением дел, ограничиваясь сравнительно мягкими наказаниями — очередными выводами населения, проведенными в 1569 г.⁴⁸⁷ По данным Р. Г. Скрышникова, основную массу выселенных составляли «средние» и «меньшие» посадские люди⁴⁸⁸. Однако подобные меры не могли уменьшить количество недовольных. Особую опасность оппозиционным настроениям, по мнению царя, придавало то, что среди недовольных оказались верхи посада и духовенство, заинтересованные в скорейшем окончании затянувшейся войны. Собственно, это были те группы населения, на поддержку которых в обычных условиях царь мог рассчитывать. Но война, которая самым непосредственным образом затрагивала материальные интересы этих слоев, сделала многих представителей купечества и духовенства из сторонников противниками проводившейся Грозным политики.

Причины недовольства купечества и духовенства были для царя понятны. В таких условиях достаточно было лишь небольшого толчка, чтобы над Новгородом разразилась гроза. Что стало этим толчком — донос ли Петра Волынца, «польская память», связанная с интригами русских эмигрантов в Литве, или что-либо другое — точно неизвестно. Очевидно лишь, что государь был твердо убежден в существовании опасного заговора — отсюда и жестокость, проявленная при его подавлении. Духовенство и купцы, по мнению Ивана IV, были виновны больше всех: ради своих «торговых прибытков» они «изменили» данному Богом государю. Как результат — они и пострадали в первую очередь.

Объяснять причины Новгородского разгрома жадной наживы едва ли правомерно. Вряд ли правительство так нуждалось в сию-

минутной выгоде от конфискации, что решилось бы из-за этого разгромить один из крупнейших городов страны. Ведь таким образом резалась курица, которая могла нести золотые яйца. Грабеж и уничтожение товаров были лишь одним из видов наказания, примененного царем к непокорным. Это было уничтожение того, что ввело подданных во грех, того, что послужило причиной измены⁴⁸⁹.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что Новгородский разгром 1570 г. был тесно связан с недовольством населения продолжавшейся Ливонской войной и резким ухудшением экономического положения в северо-западных районах страны. Бесспорно существование оппозиции внешнеполитическому курсу центрального правительства, но о том, перешло ли недовольство в настоящий заговор, сведений нет. Недовольные были во всех слоях новгородского общества, но в глазах царя большая часть ответственности лежала на верхушке местного общества — купцах и духовенстве, которые поставили свои торговые интересы выше воли государя и интересов государства.

* * *

Позиция московского церковного руководства во главе с митрополитом Кириллом во время царского похода на Новгород определялась, видимо, тем впечатлением, которое произвело недавнее «дело» Колычева. Кроме того, Грозный не спешил поставить первосвященника в известность о своих действиях по выведению измены. В источниках сохранились свидетельства о том, что Кириллу и Освященному собору было предложено молить Бога о здоровье государя и его детей, а также утверждать бояр и «всяких чинов людей... чтоб ему, государю, служили безо всякой хитрости». Надо ли говорить, что Кирилл выполнил царское пожелание. Лишь после этого до сведения высшего духовенства было доведено об измене новгородского архиепископа Пимена. Предугадывая желание царя, Собор запретил опальному архиерею совершать богослужения. Вместе с тем Грозный просил не снимать с Пимена сан «до подлинного сыску и соборного уложения», то есть до церковного суда⁴⁹⁰.

На основании летописной заметки о смерти Пимена в небольшом тульском монастыре 25 сентября 1571 г.⁴⁹¹ Р. Г. Скрынников сделал вывод о том, что суд над архиепископом состоялся во вто-

рой половине июля 1570 г.⁴⁹² По мнению исследователя, правительство тщательно готовилось к процессу, так как знало о недовольстве высшего духовенства мероприятиями, проведенными в Новгороде (ограбление церковью и монастырями). Для запугивания Освященного собора светские власти казнили некоторых церковных деятелей — архимандритов Солотчинского (Рязанская епархия) и Нижегородского Печерского монастырей. Кроме того, сана был лишен известный противник Филиппа Колычева Филофей Рязанский⁴⁹³. Имеются сведения и о конфискации вотчин Рязанского епископа. Видимо, правительство пошло на подобный шаг в связи с опалой, постигшей Филофея, то есть в период подготовки суда над Пименом. С. И. Сметанина считает, что отобрано было более половины земель, принадлежавших епископскому дому⁴⁹⁴.

Данных о том, как проходил Освященный собор, осудивший Пимена, не сохранилось. Едва ли кто-нибудь из представителей высшего духовенства посмел открыто протестовать против осуждения архиепископа. Некоторые ученые предполагают, что самое активное участие в решении судьбы владыки приняли наиболее близкие к царю члены Собора: архимандриты Троицы и Симонова монастыря, игумен Кирилло-Белозерской обители. Против Пимена выступили и те представители духовенства, которые не могли простить архиепископу активного содействия царю в низложении Колычева⁴⁹⁵. Несмотря на отсутствие прямых доказательств о роли отдельных лиц на Соборе, подобные предположения не лишены некоторых оснований. Однако этого нельзя сказать о мнении Р. Г. Скрынникова о том, что одной из причин, вызвавших осуждение Пимена «иосифлянским» большинством высшего духовенства, являлось то, что он был одним из последних иерархов, тяготевших к «нестяжателям»⁴⁹⁶. Само существование «нестяжателей» как оппозиционной по отношению к большинству духовенства группировки вызывает сомнения.

Возможно, что Освященный собор, под давлением Грозного, принял решение об изменении границ Новгородской епархии. Известно, что Вага, Холмогоры и некоторые другие территории перешли под управление епископа Вологды, а под контроль Новгородского архиерея вернулись лишь после смерти Ивана IV⁴⁹⁷.

Репрессии против новгородского духовенства не ограничились лишь ограблением церковью и монастырями непосредственно во время похода и судом над Пименом. Изъятие богатств продолжалось

длительное время. В августе 1570 г. у монастырей были изъяты жалованные грамоты, а 13 октября в Москву отправился обоз с казной, которую «правили» на 27 новгородских обитателях. Собранная сумма была очень значительна — 13 тысяч рублей. Но беды монастырей на этом не закончились: лишь 10 января 1571 г. правщики Поливанов и Безопишев отправились в столицу⁴⁹⁸. Прекращение конфискаций исследователи связывают с решением правительства о переходе части Новгородской земли в опричнину⁴⁹⁹. Возможно, некоторую роль в этом сыграла и позиция столичного духовенства, впрочем, открыто не проявлявшаяся.

1571 г. оказался для России исключительно тяжелым. Страну потрясло нашествие крымских татар во главе с ханом Девлет-Гиреем. Значительная часть южных и центральных районов страны была разорена. Была сожжена и Москва. По свидетельствам иностранцев, татары уничтожили 40 тысяч дворов и около 200 тысяч человек⁵⁰⁰. Даже если эти сведения преувеличены, в любом случае результаты нашествия были катастрофичны. Правда, уцелел московский Кремль, где в Успенском соборе находился митрополит Кирилл⁵⁰¹. Руководство Сергиева монастыря во главе с архимандритом по собственной инициативе в память о жертвах набега специально учредило «корм меньшей»⁵⁰².

По сообщению Горсея, бежавший от нашествия царь «сильно расстроенный и пораженный постигшим его несчастьем ... имея среди сопровождавших митрополитов, епископов, священников, главных князей и старинную знать послал за ними и созвал их на царский совет, а когда враг ушел, он распустил свою армию ... допрашивал, пытал, мучил многих воевод и главных военачальников, приговорил некоторых к смерти, конфисковал их добро и землю, разорил их роды и семьи, выпустив указ об очистке, отстройке и заселении Москвы, -- трудным было обсуждение всего этого»⁵⁰³. На основании этих сведений С. О. Шмидт предположил, что в данном случае речь идет о Соборе, который обсуждал вопрос о войне с Крымом⁵⁰⁴. Р. Г. Скрынников считает, что в повестке дня стояла проблема восстановления столицы⁵⁰⁵. Однако подобные умозаключения не вызвали поддержки у других историков. Так, Л. В. Черепнин вовсе не упоминает о подобном Соборе⁵⁰⁶. По мнению А. А. Севастьяновой, речь идет о совете царя с Ближней думой и духовенством, сопровождавшим его в отъезде⁵⁰⁷. Скорее всего, как такового Собора действительно не было, а имело место

лишь совещание Грозного с некоторыми приближенными лицами.

Что же касается другой части сообщения Горсея, то исследования ученых позволили установить их истинность: действительно, были проведены казни некоторых воевод, которые не сумели остановить продвижение хана к Москве⁵⁰⁸. Мало того, арестован был виднейший боярин И. Ф. Мстиславский, которого обвинили в том, что именно он со своими сообщниками «навел» татар на Москву. Князь признался и в измене в пользу Крыма, и в вероотступничестве. Несмотря на столь тяжкие обвинения, Мстиславский не был казнен, не были конфискованы и его огромные земельные владения. За опального поручилось высшее духовенство во главе с митрополитом Кириллом и большая группа служилых людей⁵⁰⁹. Очевидно, что обвинения, выдвинутые против боярина, и при более мягком правителе вели к смертной казни. Едва ли и церковники посмели бы просить за подобного «вероотступника» без прямой санкции самого Ивана IV. Поэтому исследователи полагают, что обвинения в измене и опала Мстиславского имели фиктивный характер — Грозному необходимо было объяснить населению, как стало возможным столь опустошительное нашествие⁵¹⁰.

Признание и прощение Мстиславского не означали, что Грозный снял подозрения в измене с других членов Боярской думы и лиц из своего окружения. Удалось выяснить, что Девлет-Гирея «навели» на Москву «обездоленные опричным режимом и потому озлобленные дети боярские южных уездов». Но царю было очевидно, что за их спиной стояла недовольная знать⁵¹¹. Следствие проходило несколько лет: до наших дней дошел протокол допроса неких Кости и Ермолки — русских пленников, вернувшихся из Крыма. Под пыткой они обвинили Шереметевых, Мстиславского и Воротынского в предательстве. Именно по наводке бояр хан совершал нашествия на Русь в 1571 и 1572 гг., бояре же специально испортили московские пушки. Причем Иван Васильевич сам подсказывал допрашиваемым имена и фамилии виднейших бояр и руководителей своего правительства⁵¹². Возможно, что некоторые из упоминаемых царем лиц находились здесь же, в пыточном застенке.

После низложения Пимена Новгород не имел своего архиерея довольно продолжительное время. Вероятно, Грозный считал, что новый архиепископ может в какой-то мере выразить недовольство горожан. Поэтому выбор архиепископа был очень ответственным

делом. Кроме того, определенную роль могло сыграть и то, что лишенный сана Пимен умер лишь 25 сентября 1571 г. Только в декабре митрополит Кирилл поставил архимандрита Чудова монастыря Леонида архиепископом Новгородом и Пскова⁵¹³. В Чудовом монастыре Леонид сменил известного царского угодника Левкия, его имя упоминается среди членов Освященного собора, просивших за И. Ф. Мстиславского⁵¹⁴. Выдвижение на столь ответственный пост показывает, что новый архиепископ пользовался полным доверием Грозного и его окружения. Р. Г. Скрынников считает, что решение о посылке в Новгород нового святителя объяснялось тем, что опричная администрация города нуждалась в авторитете Церкви⁵¹⁵. По нашему мнению, дело не только в этом. В конце 1571 г. было принято решение о войне со Швецией, о чем говорят, например, послания царя и митрополита в Кириллов монастырь от 10 и 14 декабря⁵¹⁶. Предстоящие операции на границах Новгородской земли требовали благословения местного духовенства. Кроме того, Новгороду суждено было стать одной из царских резиденций — еще в 1570 г. власти приступили к сооружению государева двора⁵¹⁷. Присутствие в городе правителя требовало и наличия достаточно высокопоставленного духовного лица. Все эти соображения и привели к замещению вакантной кафедры Леонидом.

В конце декабря 1571 г. новый архиепископ прибыл в город. Буквально на следующий день сюда же пожаловал «миром» царь Иван в сопровождении Коломенского епископа Давыда и архимандритов некоторых московских монастырей⁵¹⁸. Леонид предпринял меры по повышению престижа новгородской кафедры. Так, в 1572 г. была осуществлена канонизация Иакова Боровичского и Гликерии Новгородской⁵¹⁹. Вместе с тем местная летопись пестрит упоминаниями о неоднократных конфликтах Леонида с подчиненным ему духовенством. Дело дошло до того, что архимандрит Юрьева монастыря открыто обвинил архиепископа в вымогательстве денег, а священники жаловались самому царю на действия своего архиепископа⁵²⁰.

На основании летописных заметок некоторые исследователи относятся к Леониду крайне отрицательно. Н. М. Карамзин, в свойственной ему манере давать историческим деятелям психологические оценки, назвал архиепископа «недостойным пастырем, алчным корыстолюбцем, угодником мирской власти»⁵²¹. Р. Г. Скрынников упоминает о сребролюбии архиепископа, вымогательстве им

подарков у духовенства, о полном подчинении новгородской Церкви целям опричной политики⁵²². Однако, по нашему мнению, столь резкие оценки не имеют под собой достаточных оснований. Более справедливо, видимо, замечание П. А. Садикова о том, что недовольство Леонидом в Новгороде было вызвано суровыми мерами, которые он предпринимал для упорядочения церковного богослужения и хозяйства. Правда, этот ученый считает, что первопричиной недовольства была «резкая оппозиционность» новгородского духовенства⁵²³. Скорее всего, дело здесь не в «резкой оппозиционности» духовенства, а в том, что Леонид действительно хотел навести порядок в епархии и одновременно поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела — ведь Софийский дом был разорен во время царского погрома. Но штрафы не могли спасти ситуацию: местное духовенство также было ограблено опричниками до пиньки. Положение крупнейшей епархии могло быть поправлено лишь щедрыми пожалованиями льгот от царя. И действительно, в августе 1572 г. Грозный дал Леониду жалованную грамоту на села и деревни в Новгородском и Псковском уездах. Однако она не отличалась щедростью и давала освобождение только от второстепенных повинностей⁵²⁴.

Что же касается «полного подчинения новгородской церкви целям опричной политики», то данное определение едва ли полностью соответствует действительности или требует определенного уточнения. Очевидно, что после свержения с кафедры митрополита Филиппа открытый протест со стороны духовенства был невозможен. В этом смысле вся Русская церковь оказалась подчинена «целям опричной политики». Может быть, архиепископ Леонид более других иерархов угождал Грозному в любых обстоятельствах? Но в таком случае непонятно, почему он в конце концов попал в опалу. Мы не имеем данных, чтобы полностью принять мнение Р. Г. Скрынникова.

После поставления Новгородского архиепископа митрополит Кирилл прожил недолго — 8 февраля 1572 г. он умер. По сведениям М. Д. Дурново, Кирилла похоронили не в Успенском соборе, как предшествовавших митрополитов, а в Новинском монастыре⁵²⁵. 14 марта в Москву отправился Леонид⁵²⁶.

Кроме поставления преемника Кирилла, Освященный собор вынужден был решать и еще одну крайне щекотливую проблему: Грозный просил духовенство дать ему разрешение на четвертый

брак. Пикантность ситуации состояла в том, что за двадцать лет до этого на Стоглавом соборе Русской церковью со ссылкой на канонические правила было принято решение, категорически запрещающее вступление в брак более трех раз. В главах «Стоглава» упоминаются слова Григория Великого о том, что четвертый брак является «нечестием, понеже свинское есть житие», приводится и история императора Византии Льва, который был отлучен от Церкви. Вообще же четвертый брак «и законнии правила возбраняют, блудяй убо в себе единому неправду сию имеют. А иже четвертаго брака, яко рекши, себе смесив, поругается убо сим возбраняющим божественным и священным правилом, он убо, который разрушает божественных и священннх правил, каковое имеет благочестие и каковый ответ ждет на Страшном Суде, той убо и сам себе отлучи от славы Божия». В «Стоглаве», со ссылкой на Василия Великого, указывается на то, что четырехженцам нельзя входить в церковь четыре года, а причастие запрещено на 18 лет⁵²⁷.

Таким образом, съехавшиеся в Москву архиереи были поставлены перед дилеммой: необходимо было «сохранив лицо» выполнить царскую волю. Собор состоялся 29 апреля 1572 г. Как говорится в источнике, Грозный «прислал по своим богомольцев» и пригласил их на «духовный совет». На этом «совете» Иван Васильевич сообщил духовенству, что все три жены были злодейски отравлены. Он уже собирался уйти в монастырь, но вспомнил о своих маленьких детях и решил вступить в четвертый брак. Теперь он просит разрешения и прощения. Иерархи, видя «такое царское смирение», прослезились и пошли навстречу, наложив сравнительно мягкое трехлетнее наказание. Впрочем, указывалось, что если государь будет в походе, то епитимью возьмет на себя само духовенство. Чтобы царский пример не оказался заразительным, Собор указал на недопустимость четвертого брака для всех остальных жителей страны⁵²⁸.

Исследователи по-разному отнеслись к решению Собора. Так, Макарий (Булгаков) удивлен тем, как духовенство, зная характер Грозного, посмело вообще подвергнуть его столь тяжкому наказанию, как трехлетнее отлучение от Евхаристии⁵²⁹. А. В. Карташев и П. А. Садилов считают, что духовенство лишь «успокоило свою совесть», приняв чисто формальное решение и разрешало Ивану IV «самые грубые нарушения церковных догм в вопросе о браке»⁵³⁰. По мнению Р. Г. Скрынникова, царь преднамеренно воспользовал-

ся моментом безначалия в Церкви для улаживания своих семейных дел. Дав разрешение на брак, Собор показал свою полную зависимость от воли Грозного⁵³¹.

На наш взгляд, «полная зависимость» от воли царя проявилась еще в «деле» митрополита Филиппа и ничего нового в ситуацию разрешение на неканонический брак не внесло. Вероятно, мало кто из представителей духовенства желал повторить судьбу опальных иерархов, и в сложившейся ситуации Собору ничего не оставалось, как пойти навстречу Грозному. Очевидно, что подобное решение было бы принято и при паличии митрополита. Можно предположить, что обращение царя к Собору в данный момент было сделано просто по случаю — ведь в столице собрались все наиболее видные представители духовенства. Возможно, государь просто хотел облегчить свою совесть перед Богом, возложив часть ответственности за свое решение на иерархов.

В источниках имеются сведения о том, что Иван IV некоторое время выполнял наложенные на него Собором ограничения и не входил в церковь, а стоял у дверей⁵³², однако уже через несколько месяцев, получив известие о победе русских войск над татарами, Грозный присутствовал на богослужении⁵³³. Историки полагают, что царь вовсе перестал выполнять епитимью⁵³⁴. Впрочем, можно предположить, что он в тот момент считал себя находящимся в походе, то есть формально не нарушающим условий духовенства. Недавно Б. Н. Флоря обратил внимание на известие А. Поссевино, который побывал в России в начале 80-х годов XVI в.⁵³⁵ Согласно сообщению иезуита, «государь каждый год исповедуется ... в грехах, однако не принимает больше причастия, так как по их законам не позволено ... тому, кто был женат более трех раз»⁵³⁶. Отсюда можно сделать вывод о том, что Грозный не считал свои многочисленные браки нормальным явлением и стремился покаянием успокоить свою христианскую совесть.

Разрешив Ивану Васильевичу очередной брак, архиереи приступили к избранию нового митрополита. Очевидно, по указанию царя им в мае 1572 г. стал архиепископ Полоцка Антоний. А. В. Карташев считал, что выбор Антония определялся «обстоятельствами времени», и новый первосвященитель был человеком «тишайшим и смиреннейшим»⁵³⁷. На основании записей в поминальном синодике Макарий (Веретенников) пришел к выводу о связи нового митрополита с епископом Галактионом Крутицким. Исследователь вполне

обоснованно предположил, что Антоний долгое время провел в Новоспасском монастыре, где архимандритствовал Галактион до своего поставления на кафедру, и впоследствии занял его место. В качестве архимандрита Московской обители (1565–1568 гг.) Антоний был хорошо известен царю. В 1568 г. освободилось место архиепископа Полоцка (поставленный митрополитом Филиппом Афанасий Палецкий удалился в Кириллов монастырь). На вакантное место и был отправлен Антоний⁵³⁸. Полоцк имел особое значение для Грозного — совсем недавно он был отвоеван русскими войсками под командованием самого царя у литовцев. Между тем Ливонская война продолжалась, город являлся важнейшей крепостью. В таких условиях поставление Антония на архиепископство говорило о доверии Ивана IV. Очевидно, это доверие не было поколеблено и к маю 1572 г., когда Антоний занял московскую кафедру. Новый митрополит постыжился установить хорошие отношения с крупнейшим в стране Сергиевым монастырем, сделав вклад в 50 рублей⁵³⁹.

Лето 1572 г. Грозный провел в Новгороде, ожидая известий об исходе борьбы с новым крымским нашествием на Россию⁵⁴⁰. Большинство исследователей считают, что в условиях неуверенности в благополучном исходе борьбы с татарами царь составил дошедшее до нас духовное завещание, в котором звучат нотки раскаяния во всевозможных грехах и даются советы детям по управлению государством. Среди прочего государь упоминает и опричнину, причем оставляет вопрос на усмотрение наследников⁵⁴¹. Согласно новейшим исследованиям, опричнина была официально отменена к осени 1572 г.⁵⁴² Впрочем, некоторые ученые придерживаются мнения, что в действительности произошла лишь смена вывески, опричнина продолжала существовать под другим названием⁵⁴³. Как бы то ни было, созревавшее у Грозного летом 1572 г. решение об отмене опричнины и покаянные настроения в духовной грамоте не привели к прекращению казней. В летописи упоминается об утоплении в Волхове по приказу царя «многих детей боярских»⁵⁴⁴.

Несмотря на разгром войск Крымского ханства, положение в стране оставалось достаточно напряженным, население было разорено эпидемиями, войнами и бесчинствами опричников. Положение усугублялось тем, что разорение основной массы населения — крестьян вело к тому, что служилые люди не могли выполнять свои обязанности перед государством. Кроме того, постоянные опалы и казни, вся обстановка неуверенности в завтрашнем дне привели к

тому, что в 60-е годы огромное количество земель поступило во владение церковных учреждений, в первую очередь монастырей. Исследователями установлено, что вотчинное землевладение в годы опричнины пережило настоящую катастрофу. По оценке С. Б. Веселовского, во второй половине правления Ивана Грозного монастыри приобрели земельных владений не меньше, чем за предшествующие сто лет. С 1569 г. количество вкладов принимает огромные размеры. Хотя данные, приводимые этим ученым в различных работах, несколько отличаются, тем не менее основной вывод — о катастрофе вотчинного землевладения — не подлежит сомнению. Также очевидно, что создававшаяся в стране ситуация обогатила в первую очередь крупнейшие обители, на долю которых приходилось 99% вкладов⁵⁴⁵. На материалах Кирилло-Белозерского монастыря к подобным результатам пришел А. И. Копанев. Согласно его исследованиям, почти все вотчинные земли Белозерского края были поглощены монастырями, чему в немалой степени способствовала политическая обстановка 60–70-х годов⁵⁴⁶. М. С. Черкасова, изучая землевладение Троицкого монастыря, установила, что до 1584 г. путем вкладов эта обитель получила 125 земельных владений и 48 тысяч рублей. С 60-х годов рост монастырских владений принял «болезненно-лихорадочный, неестественно-учащенный, неуправляемый никем и ничем» характер. Причем вопреки запретительным Приговорам 1562 и 1572 гг. почти треть завещанных Троице земель являлась княжескими вотчинами⁵⁴⁷. Лишь выводы А. А. Зимина, полученные на основании изучения истории землевладения Иосифова монастыря, несколько расходятся с данными С. Б. Веселовского. Согласно исследованию А. А. Зимина, рост количества сделок на землю в этой обители наблюдается в 1567–1569 гг., а затем количество вкладов начинает значительно снижаться. Причем наибольшее количество вкладчиков — это неименитые вотчинники Рузского и Волоцкого уездов, которые не пострадали серьезно от опричных репрессий и переселений. Рост вкладов в 1567–1569 гг. А. А. Зимин связывает в первую очередь с голодом этих лет, когда погибло много мелких феодалов. Сам историк объясняет различие своих выводов с выводами С. Б. Веселовского спецификой используемого материала (Веселовский использовал в основном акты Троицкого монастыря)⁵⁴⁸. Следует заметить, что выводы С. Б. Веселовского подтверждены исследованиями и других ученых, например А. И. Копанева, М. С. Черкасовой. Различие определяется, ско-

рее всего, спецификой Иосифова монастыря, вблизи которого не было крупного княжеско-боярского землевладения.

В такой ситуации правительство решило предпринять меры, направленные к ограничению роста церковных владений. 9 октября 1572 г. «по государеву цареву и великого князя приказу» митрополит Антоний, архиепископы, епископы, Освященный собор и «все бояря» во главе с князем И. Ф. Мстиславским приняли следующие решения, относящиеся к монастырскому землевладению: во-первых, в большие монастыри, «где вотчины много», запрещалось делать земельные вклады; даже если в завещании содержался подобный пункт, землю все равно нельзя было записывать в Поместной избе. Вотчину следовало передавать родственникам покойного «служилым людям», чтоб «в службе убытка не было и земля б из службы не выходила». Во-вторых, отныне наследникам запрещалось выкупать уже попавшие в обители земли. В-третьих, в небольшие маловотчинные монастыри вклады допускались, но лишь с ведома и одобрения самого царя и бояр⁵⁴⁹.

Некоторые исследователи считают, что Приговор 1572 г. был составлен и одобрен духовенством под прямым нажимом государственной власти, которая заботилась о военной годности своих слуг⁵⁵⁰. Однако, по мнению С. В. Рождественского, запретительные меры правительства очень мало продвинули вперед дело, так как касались только родовых вотчин высшего служилого класса и не отвергали обычая земельных вкладов, лишь ограничивали область его применения⁵⁵¹. Часть историков пришла к выводу, что Приговор имеет антибоярскую направленность: княжата строго ограничивались в распоряжении своими вотчинами, наследование допускалось только самыми близкими родственниками. Запретом вкладов в крупные монастыри правительство пресекало попытки служилых людей укрыться за духовным феодалом в надежде, что их минует вихрь опричнины. П. А. Садиков полагает, что земельные законы очень «ревниво» соблюдались властью по отношению к князьям-вотчинникам⁵⁵². Сходное мнение высказал и И. И. Смирнов⁵⁵³. С. О. Шмидт считает, что основная линия политики Грозного была направлена против светских феодалов. Когда же к началу 70-х годов княжеско-боярские группы были ослаблены, начинается наступление верховной власти против привилегий (прежде всего экономических) церковных феодалов, завершившееся в приговорах о монастырском землевладении⁵⁵⁴. В. Б. Кобрин

и А. Л. Юрганов находят, что Приговор 1572 г. восстановил более или менее свободное обращение вотчин внутри рода, наследование близкими родственниками теперь осуществлялось без санкции царя. Таким образом, этот указ соотносится не с законодательством 1562 г., в котором княжеское землевладение было подвергнуто ограничениям, а с нормами закона 1551 г. Следовательно, законодательство 1572 г. не имеет выраженной антикняжеской направленности⁵⁵⁵. По мнению Р. Г. Скрынникова, в Приговоре проводилась политика ограничения крупного княжеско-боярского землевладения в пользу казны и ограничения земельных богатств Церкви. Исследователь вступает в полемику с В. Б. Кобриним, считая, что Приговор был направлен против княжат и бояр и подтверждал не нормы 1551 г., а постановления кануна опричнины. Тем самым царь стремился продемонстрировать, что возврата к прошлому нет⁵⁵⁶. Р. Г. Скрынников обращает внимание на ухудшение отношений между царем и духовенством накануне принятия Приговора 1572 г. Он пишет: «Разгром новгородской Церкви, ограбление местных монастырей и казнь лиц духовного звания ухудшили взаимоотношения между царем и церковниками. Все это привело к тому, что власти вернулись к политике ограничения податных привилегий монастырей. Сразу после отмены опричнины власти издали 9 октября 1572 г. указ ...»⁵⁵⁷.

По нашему мнению, с подобной трактовкой появления земельного законодательства согласиться нельзя. У Грозного были конфликты с отдельными представителями Церкви, но не с церковной организацией в целом. После «дела» митрополита Филиппа неизвестно никаких протестов со стороны высшего духовенства против политики, проводившейся царем. Иерархи доказали свою лояльность, осудив Пимена и дав разрешение на вступление в четвертый брак. Может быть, государь знал тем не менее о каком-либо скрытом недовольстве духовенства? Однако до нас подобные сведения не дошли. Очевидно, что меры, принятые в 1572 г., вызывались не личным конфликтом Грозного с Церковью, а интересами государства, как это и зафиксировано в Приговоре: «Чтоб земля из службы не выходила».

Мнение о том, что Приговор был написан под диктовку правительства, видимо, не совсем справедливо. Ведь наряду с запретом давать земли в крупные монастыри вводился и запрет на выкуп вотчин. Следовательно, наличный земельный фонд обитателей

не мог уменьшиться. Крупные монастыри уже к 1572 г. обладали значительными земельными богатствами и теперь могли спокойно приступить к освоению недавно приобретенных земель. Недовольны новым законодательством могли бы быть мелкие обитатели, но как раз им-то и разрешалось увеличивать земельные владения путем принятия вкладов, правда, поставленных, согласно Приговору, под жесткий контроль государственной власти. Видимо, монастырские власти если и имели основание быть недовольными действиями правительства, то это недовольство относилось к упущенным возможностям, а не к реальным потерям.

Что же касается митрополита и епископов, то их материальные интересы Приговор вообще не затрагивал. Еще С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что духовенство делилось на две части, интересы которых во многом не совпадали. Иерархи были заняты управлением епархиями, получали за счет этого большие доходы и мало интересовались землей и сельским хозяйством⁵⁵⁸. Сведения о доходах епископов и митрополита приводят в своих сочинениях побывавшие в России иностранцы⁵⁵⁹. В таких условиях давление царя на Освященный собор могло быть и не очень значительным — никаких серьезных негативных последствий для благосостояния как черного, так и белого духовенства Приговор 1572 г. иметь не мог. Представляется, что данное законодательство было направлено в будущее, антимонышские тенденции если и были в нем, то крайне незначительные. Видимо, основной целью документа в части, посвященной монастырскому землевладению, было стремление сохранить сложившееся к осени 1572 г. положение и не допустить в будущем уменьшения светского сектора землевладения.

Согласие Освященного собора на одобрение Приговора было вызвано не тем, что «иосифляне» составляли к этому времени его меньшинство⁵⁶⁰, а тем, что в нем не было посягательств на материальные интересы духовенства.

Что же касается того, как земельное законодательство претворялось в жизнь, то исследователи считают, что постановления 1572 г. не имели серьезного практического значения — земельные богатства крупных монастырей продолжали увеличиваться, в том числе и за счет княжеских вотчин, хотя имеются и следы применения Приговора⁵⁶¹.

В литературе существует мнение, что после отмены опричнины и принятия Приговора 1572 г. отношения Грозного с духовен-

ством испортились. Показателем этого считается Послание царя в Кирилло-Белозерский монастырь, датированное сентябрем 1573 г. По словам В. И. Корецкого, в начале 70-х годов правительство меняет свою политику в отношении Церкви. Это связано с противоречиями между церковными землевладельцами и помещиками. Послание Грозного имело не только антибоярскую, но и антимонастырскую направленность⁵⁶². На основании актовых материалов С. М. Каштанов пришел к выводу о том, что в конце 1572-1573 г. иммунитет большинства духовных феодалов, особенно крупных монастырей центра, переживал кризис⁵⁶³. По мнению Р. Г. Скрышников, попытки ограничить земельные владения монастырей вызвали сильный ропот недовольного духовенства⁵⁶⁴. Об осложнении отношений с ближайшим к царю духовенством писал и Б. Н. Флоря⁵⁶⁵.

Однако, как уже отмечалось выше, Приговор 1572 г. был направлен на будущее и менее чем через год его негативные последствия для крупнейших монастырей едва ли могли проявиться столь явно, что вызвали «сильный ропот духовенства». Обратимся теперь к тексту Послания⁵⁶⁶, к той его части, где речь идет о монастырях. Что касается Кириллова монастыря, то Грозный упрекает монахов за послабления для некоторых высокопоставленных постриженников и за вражду, которая вспыхнула между бывшими боярами Шереметевым и Собакиным. Царь считает, что подобное «послабление иноческому житию плача и скорби достойно»⁵⁶⁷. На основании критики Иваном монастырских порядков, распатанных боярами, А. А. Зимин в одной из своих ранних работ писал даже, что монастырь поддерживал враждебное отношение к Грозному в кругах боярства⁵⁶⁸. Подобному категоричному заключению противоречит факт огромных вкладов (более 28 тысяч рублей), которые были сделаны царем в обитель преп. Кирилла⁵⁶⁹. Стал бы Грозный давать деньги монастырю, который поддерживал «враждебное отношение» к нему среди бояр? Видимо, нет.

Кроме Белозерской в Послании царя упоминается еще ряд других обителей: в Симонове, по словам автора, только одеждой монахи, а все делается как у мирских людей. То же самое было и в Чудовом монастыре до того, как архимандритом стал Левкий. При нем монастырь сравнился с великими обителями, почти не уступая им в чистоте монашеской жизни. Крайне нелестная оценка была дана Троице: монахи впали в простое житие, и это видно всем,

имеющим разум. Здесь иссякло благочестие, монастырь оскудел, никто в нем не постригается и никто ничего не дает. Исследователи обратили внимание на то, что Грозный в данном случае впадает в противоречие: во-первых, он сам запретил вклады в крупные монастыри, и, во-вторых, светские лица беспрерывно отдавали земли и деньги вопреки царским законам⁵⁷⁰. Интересно, что одним из лиц, виновных в плачевном состоянии Сергиева монастыря, Иван Васильевич считает Иоасафа — бывшего митрополита, хотя всего десять лет назад по его собственному распоряжению был установлен корм «по Асафе митрополите»⁵⁷¹. С особой язвительностью царь высказался в адрес Сторожевского монастыря: «До чего допили? Того и затворити монастыря некому, по трапезе трава растет». Высокой оценки правителя удостоилось лишь несколько северных обителей: Дионисия Глушицкого и Александра Свирского⁵⁷².

На первый взгляд действительно кажется, что Послание имеет яркую антимонастырскую направленность. Причем критикуются, по словам Р. Г. Скрынникова, бывшие любимцы — Кириллов, Симонов, Чудов и другие монастыри⁵⁷³. Следует заметить, что при упоминании Чудова монастыря Грозный пишет о беспорядках в нем в прошедшем времени, то есть они существовали до времен архимандрита Левкия. Жесткая оценка Троицы связана, возможно, с судьбой уже упоминавшегося архимандрита Памвы, который осенью 1569 г. за неизвестные прегрешения был сослан в Новгород. Симоновым монастырем руководил Иов, будущий первый русский патриарх. Он неоднократно сопровождал царя в поездках⁵⁷⁴, что говорит о несомненной личной близости к монарху.

Изображение неприглядной картины монастырских порядков не было какой-то новостью. Например, в материалах Стоглавого собора 1551 г. можно найти достаточно указаний на это. Новым было то, что царь обвинял в расстройстве правильной иноческой жизни не столько самих монахов, сколько бояр: «А бояре к вам пришед свои любострастные уставы ввели: ино то не они у вас постриглися, вы у них постриглися, не вы им учителя и законоположители, они вам учителя и законоположители». Именно бояре губят все благочестие: старший Шереметев — Троицу, Иона Шереметев, Хабаров и Собакин — Кириллов. Грозный возмущен тем, что современные ему постриженники различаются по своему происхождению, а это противоречит всему смыслу монашеской жизни: иноки равны. Это «ныне бояре по всем монастырям то испразнили своим любостра-

стием». Если царь за что и критикует монахов, то за чрезмерное стремление к богатствам: «Не глаголи никто же студныя сия глаголы, яко “только нам з бояры не знатся — ино монастырь без даiania оскудсет”... святии мнози не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распрстранялися: благочестием монастыри стоят и неоскудны бывають». В конце Послания Грозный задает неожиданный вопрос: не потому ли монахи заступаются за Шереметева, что его братия до сих пор ссылается с Крымом, наводит мусульман на христиаи⁵⁷⁵?

По нашему мнению, основной пафос послания направлен не против монастырей, а против бояр, по вине которых и происходят все непорядки в обителях. Особый гнев царя вызывает то, что «смутив» мир, они «смущают» и черное духовенство, которое должно быть примером для светских лиц. Даже стяжательство монахов не сильно беспокоит Грозного -- для него расширение монастырей является совершенно нормальным. Ведь так же происходило и при святых основателях обителей. Единственное, что раздражает монарха, так это «гонка» иноков за вкладами, вкладчики (в том числе и бояре) должны сами «гоняться» за наиболее «благочестивыми» монастырями. Очевидно, что в данном случае Иван Васильевич упускает из виду свое собственное законодательство, запрещающее новые земельные дачи в крупные обители. Видимо, если и можно говорить об антимонастырском характере Послания, то с большой натяжкой, основной гнев царя направлен против бояр. Таким образом, данный источник не может служить бесспорным доказательством значительного охлаждения Грозного к своим богомольцам.

Согласно некоторым источникам, в том же 1573 г. опала постигла архиепископа Леонида. Имеются три свидетельства: Новгородская летопись, Пискаревский летописец и сочинение А. М. Курбского. Новгородская летопись упоминает о том, что Леонид был на владычестве два года, затем посхал в Москву на Собор и повелением царя Ивана «удавлен бысть казнью у Пречистой на площади»⁵⁷⁶. В Пискаревском летописце указывается на казнь неназванного по имени «владыки наугородцкого» и большой группы других лиц. Под тем же годом рассказывается о поставлении Семиона Бекбулатовича⁵⁷⁷. Наконец, в «Истории о великом князе Московском» Курбский пишет о поставлении нового (после Пимена) архиепископа и его участи: «Но аки по дву летех и того повелел убити со двема опаты, сиреч игумены великими, або архимандриты»⁵⁷⁸. Эти

известия давно смущали исследователей, так как, согласно другим источникам, архиепископ Леонид попал в опалу лишь в 1575 г.⁵⁷⁹ Кроме того, В. И. Корецкому удалось неопровержимо доказать, что еще 14 августа 1575 г. Леонид реально управлял своей епархией: этим числом датируется его жалованная грамота, выданная дворецкому князю Солнцеву⁵⁸⁰.

Противоречивость документов привела к тому, что историки по-разному пытались объяснить ход событий. Так, С. Б. Веселовский, вступая в явное противоречие с приведенными им же самими данными, в одном месте пишет о казни Леонида в 1573 г. и его погребении в октябре 1575 г., а в другом — указывает, что в мае 1574 г. тот же Леонид пожаловал своему боярину Василию Григорьеву Фомину поместье⁵⁸¹. По мнению А. А. Зимина, свидетельства трех независимых друг от друга источников об опале Леонида в 1573 г. требуют объяснения. Он считает, что архиепископ Новгорода был осужден дважды, причем первый раз именно в 1573 г. Однако тогда казнь не состоялась. А. А. Зимин пишет, что после первого осуждения Леонид даже короткий срок провел в заключении, но вскоре получил обратно свою епархию и поэтому имел возможность выдавать грамоты, которые упоминают С. Б. Веселовский и В. И. Корецкий⁵⁸². Доводы А. А. Зимина о двукратном осуждении архиепископа выглядят недостаточно убедительно, поскольку Иван Грозный был не тот правитель, который мог приговорить человека к смерти и спустя некоторое время вернуть ему свое расположение и управление крупнейшей русской епархией. Но самое главное состоит в том, что ни один источник ни слова не говорит о том, что Леонид был осужден два раза. Речь идет о единственной опале и казни, будь то 1573 или 1575 г.

По другому пути для объяснения противоречия источников пошел Р. Г. Скрынников. По его мнению, сведения об опале архиепископа в 1573 г. лишены достоверности, так как основаны на слухах и опровергаются другими свидетельствами⁵⁸³. Видимо, Р. Г. Скрынников прав: в Пискаревском летописце явная ошибка в определении года событий (казни всех лиц, поименованных в Летописце, и поставление Симеона произошли в 1575 г.). Очевидна и недостоверность известия А. М. Курбского — находясь за рубежом, он писал по слухам, которые доходили в Литву, а они далеко не всегда соответствовали действительности. К тому же, согласно новейшему исследованию, беглый князь составил свое сочинение уже

в конце жизни — между 1579 и 1581 гг. Это следует из того, что в «Истории...» видна зависимость от переводов, выполненных к концу 70-х годов⁵⁸⁴. Новгородская же летопись является поздним источником, и ошибка в ней не может вызывать особого удивления.

Очевидно, что никакого осуждения Леонида в 1573 г. не было. Вместе с тем есть основания считать, что к середине 70-х годов отношения Грозного с духовенством переживали определенный кризис. Но связан он был не с Приговором 1572 г., а с общим ухудшением экономической ситуации в стране, с необходимостью изыскивать средства на продолжение бесконечной Ливонской войны. Вполне вероятно, что царь пришел к выводу, что крупные монастыри, как наиболее устойчивые хозяйственные организмы, могут принять на себя достаточно большую часть расходов на продолжение военных действий. Правительство действовало осторожно. Е. И. Колычева считает, что открытого нарушения податных привилегий в первой половине 70-х годов стремились избегать. Вместо этого вводились новые поборы, не предусмотренные в тарханских грамотах, и всевозможные натуральные повинности⁵⁸⁵. В источниках имеются и указания на изъятие средств у крупнейшего в стране Троицкого монастыря. Подразумеваем «Отписные ризные книги 83-го года». В них были записаны денежные суммы и драгоценности, поступившие от различных вкладчиков, среди которых упоминаются великий князь Василий Иванович, Елена Глинская, сам Грозный⁵⁸⁶. Возможно, подобные акции по пополнению казны проводились в 1574–1575 гг. не только с помощью Сергиевой обители. О такой практике писал, например, Флетчер⁵⁸⁷. Все это могло вызвать определенное недовольство духовенства, о котором стало известно царю.

Внешнеполитические акции польского правительства также давали Грозному почву для сомнений в лояльности церковных иерархов. В описи архива Посольского приказа сохранилось упоминание о грамоте короля Стефана и панов-рад к митрополиту Антонию и боярам от 7082 г. (сентябрь 1573 — август 1574 г.)⁵⁸⁸. Очевидно, в описи ошибка: в этом году королем Речи Посполитой мог быть только Генрих Анжуйский, провозглашенный в мае 1573 г. и бежавший во Францию в июне 1574 г.⁵⁸⁹ Царь еще в конце жизни митрополита Макария требовал от польско-литовской дипломатии отказаться от практики привлечения архиереев к переговорам⁵⁹⁰. Может быть, именно с этим и связано загадочное «сыскное дело

про Московского митрополита Антония да про Крутицкого владыку Тарасия, 83-го и 84-го году»⁵⁹¹? По упоминанию в описи трудно определить, к какому именно моменту времени относится это дело: крайние даты — сентябрь 1574 — август 1576 г. Характерно, что епископ Крутицкий был единственным из иерархов, постоянно проживающих в Москве и ближайшим помощником митрополита в деле управления Церковью⁵⁹². Здесь же упоминается и письмо Андрея Щелкалова Грозному о том, что «Крутицкий митрополит пьет, а в город не выезжает, а Симоновский архимандрит, не хотя быть в архимандритах и умысля, причастился бес патрахели, а сказал, что . . . беспамятством»⁵⁹³.

Одним словом, к середине 70-х годов сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, часть черного духовенства имела основания быть недовольной проводившейся финансовой политикой, а с другой — царь, зная о недовольстве монахов, мог подозревать, по каким-то неизвестным нам причинам, и некоторых иерархов в недостаточной лояльности. Конечно, возможные противоречия с духовенством были далеко не единственной проблемой, стоявшей перед Грозным в это время. Ухудшение экономической ситуации в стране⁵⁹⁴, Ливонская война, борьба за влияние на царя придворных группировок при общеизвестной подозрительности монарха неизбежно вели в перспективе к решительным действиям⁵⁹⁵. Создавшееся положение не могло продолжаться долго, и выход из кризиса был осуществлен в 1575 г. с помощью очередного отречения от власти и поставления на престол Симеона Бекбулатовича с титулом великого князя всея Руси.

К сожалению, дошедшие до нас источники дают довольно противоречивую информацию о событиях. Официальное летописание прекратилось еще в конце 60-х годов, а другие летописи описывают происходившее очень лаконично. В Пискаревском летописце ошибочно указан год событий. Пишется о казнях в Москве перед Успенским собором, о том, что головы казненных «метали» по дворам бояр и митрополита. В том же году «произволением» Грозного на царство сел Симеон, провозглашенный великим князем, «а жития его было з год и больши, да и опять сосла и дал ему Тверь и Торжек в удел. А говорили неции, что для того сажал, что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть. А иные глаголы были в людех, что искушал люди: что молва в людех про то»⁵⁹⁶.

Другое объяснение событий дает Московский летописец. По его версии, царь «мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства и восхоте поставити ему пренону, парек на великое княжение Семиона Бекбулатова». Это вызвало протест некоторых лиц, что и привело к казням архиепископа Леонида, архимандрита Евфимия, протопопа Ивана и других. Через год «Иван Васильевич всеа Русии восприя свой скифетр Росийскаго царствия и облачишася царскою багряницею и венец и диадиму на ся возлагая, яко же и преже»⁵⁹⁷. В Соловецком летописце причины поставления Симеона и казней вообще не объясняются⁵⁹⁸.

Сам Иван Васильевич в беседе с английским представителем Даниилом Сильвестром 29 ноября 1575 г. объяснил произошедшие изменения (то, что он «передал сан нашего правительства . . . в руки чужеродца, нисколько не родственного ни нам, ни нашей земле, ни нашему престолу») изменой подданных, которые отказываются повиноваться. Вместе с тем англичанину было заявлено, что вся казна находится в распоряжении царя, с ним же достаточное количество слуг и имеется место для «нашего собственного и их обеспечения». Во время следующей встречи с Сильвестром 29 января 1576 г. Грозный прямо заявил о том, что он «не пастолько отказался от царства, чтоб нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан, и еще поступим в этом деле как нас Бог наставит, потому что он (Симсон Бекбулатович. — *В. III.*) еще не утверждён обрядом венчания, и назначен не по народному избранию, но лишь по нашему изволению»⁵⁹⁹. Очевидно, что в конце ноября царь давал понять английскому правительству, что реальная власть в стране продолжает находиться в его руках: финансы, военная сила. Через два месяца измены подданных уже не столь сильно волновали Ивана Васильевича, как в поябре, и он допускал возможность беспрепятственного возвращения к власти в любой удобный для себя момент.

По достаточно путаным сведениям представителя английской Московской компании Горсея, Грозный, видя всеобщую ненависть к себе, решил «уничтожить все обязательства, принятые им на корону . . . провозгласил новым государем под именем царь Симеон сына казанского царя, передал ему свой титул и корону и, отделяясь от своих полномочий, короновал его, но без торжественности и без согласия своих вельмож; заставил своих подданных обращаться со всеми делами, прошениями и тяжбами к Симеону, под его именем

выходили указы, пожалования, заявления . . . Такой поворот дела и все изменения могли дать прежнему царю возможность отвергнуть все долги, сделанные за его царствование: патентные письма, пожалования городам, монастырям — все аннулировалось. Его духовенство, знать и простое сословие должны были теперь идти к Ивану Васильевичу с прошением смилостивиться и вновь принять венец и управление; он согласился на многочисленных условиях и достоверных договорах, подтвержденных указом парламента . . . Чтобы его умилостивить, все подданные . . . изыскивали средства на дары и подношения ему, это принесло ему огромное богатство. Он был освобожден от всех старых долгов и обязательств»⁶⁰⁰.

Другой англичанин, побывавший в России уже после смерти Ивана IV, эпизод с Симеоном изобразил как чисто антицерковную меру: Грозный «к концу года заставил нового государя отобрать все грамоты, жалованные епископам и монастырям, коими последние пользовались несколько столетий. Все они были уничтожены. После того, как бы недовольный таким поступком и дурным правлением Симеона, он опять взял власть и будто бы в угодность церкви и духовенству дозволил возобновить грамоты, которые раздал уже от себя, удерживая и присоединяя к казне столько . . . сколько ему было угодно. Так он отнял у епископий и монастырей кроме земель несчетное число денег . . . что было сделано им с целью не только умножить свою казну, но также изменить дурное мнение об его жестоком правлении, показав пример еще худшего в руках другого царя»⁶⁰¹.

Наконец, побывавший в Москве в 70-х годах Даниил Принц упоминает о заговоре 40 дворян с целью покушения на жизнь Грозного. «По причине подлости подданных» царь, «как бы слагая с себя власть», передал управление Симеону, возложив на него диадему. Однако последний, боясь за себя, упросил освободить его от этой чести»⁶⁰².

Как видим, источники дают крайне противоречивые сведения о причинах столь необычного шага царя. Разброс очень широк: во-первых, измена подданных; во-вторых, стремление не допустить наследования престола сыном; в-третьих, предсказание волхвов; в-четвертых, стремление узнать реакцию населения; в-пятых, избавиться от обязательств казны перед городами, купцами и монастырями; в-шестых, чисто антицерковная мера.

Каковы бы ни были причины поставления Симеона, для темы

нашего исследования, безусловно, важно следующее: в 1575 г. погибли некоторые достаточно заметные церковные деятели, главной фигурой из которых являлся архиепископ Леонид Новгородский. Его участь разделили архимандриты Чудова и Симонова монастырей и протопоп Архангельского собора⁶⁰³. Основания опасаться за свою судьбу были у митрополита Антония и Тарасия Крутицкого — об этом говорят факты существования «сыского дела» и «метание» голов казненных на подворье предстоятеля Церкви⁶⁰⁴.

Как же историки объясняли произошедшее? Н. И. Костомаров, признавая, что ему неизвестен ближайший повод к поставлению Симсона, связал тем не менее это событие с казнями перед Успенским собором⁶⁰⁵. А. С. Павлов склонен доверять сведениям Горсея и Флетчера об антицерковной направленности действий Грозного и стремлении пополнить казну за счет монастырских средств⁶⁰⁶. С такой точкой зрения не согласен С. М. Середонин. Он совершенно справедливо указывает на то, что нет никаких данных, позволяющих предполагать, что при Симеоне были отменены жалованные грамоты и тарханы, а затем были восстановлены Грозным. Исследователь полагает, что воцарение Симеона было вызвано событиями вроде событий 1564 г., то есть «в это время Иоанн имел причины быть особенно недовольным своими подданными»⁶⁰⁷. Для С. Ф. Платонова произошедшее является «какой-то игрой или причудой, смысл которой неясен, а практическое значение ничтожно»⁶⁰⁸.

По мнению П. А. Садикова, эпизод с Симеоном связан с необходимостью поставить во главе земщины особо доверенное лицо, «высокое» по происхождению, но нейтральное в борьбе между царем и аристократией. Первоначально таким лицом являлся Михаил Кабайдулович, а после его смерти на первых ролях и появился Симеон, который приходился Грозному дальним родственником, а после женитьбы на дочери князя Мстиславского он породнился и с виднейшими боярскими родами. Поставление крещеного татарина «великим князем» непосредственно связано с предшествовавшими этому событию казнями. Фактическая власть продолжала находиться в руках «Ивана Московского», который осуществил очередной «перебор земель». Ученый указывает, что «сохранились глухие указания» на попытки проведения в это время некоторой секуляризации. Вместе с тем объяснение этого «маскарада» следует искать во внешнеполитической конъюнктуре: якобы царь считал, что от-

речение от престола поможет ему занять престол Речи Посполитой. Как только в Польше наметилось избрание королем Стефана Батория, Симеон «исчез с горизонта»⁶⁰⁹.

Точка зрения П. А. Садикова не нашла поддержки в литературе⁶¹⁰. Г. В. Вернадский пришел к выводу, что после казней бояр и последовавшего за ней возмущения Иван IV решил применить хитрость, чтобы удержать власть. Его план состоял в том, чтобы сделать себя менее заметным и направить неудовлетворенность положением в стране против личности нового правителя. Кроме того, Грозный стремился проверить реакцию населения, боялся предсказаний и измены подданных. Кандидат на эту роль должен был повиноваться секретным приказам царя, не иметь особой близости с боярскими родами, но генеалогически устраивать бояр и высших чиновников. Что же касается конфискации при Симеоне церковных и монастырских земель, то ученый отмечает, что в русских источниках нет никаких свидетельств подобного шага. После того как прошел год, которого опасался Иван Васильевич, Симеон был отправлен в Тверь⁶¹¹.

Долгое время изучал события 1575 г. В. И. Корецкий. По его мнению, к середине 70-х годов в голове царя возродились планы секуляризации церковных и монастырских земель. На Земском соборе (историк опирается на свидетельства Горсея и собственные архивные находки: выдержки из расходных книг и данные Разрядов о приказе воеводам прибыть в Москву «по списку для собору») секуляризация стала темой рассмотрения. Духовенство выступило категорически против царских проектов; в ответ правитель прибегнул к чрезвычайным мерам: Симеон был сделан подставным лицом и ликвидировал жалованные грамоты. Через год Грозный вернул привилегии, но в урезанном виде⁶¹². Построения В. И. Корецкого вызвали критику: во-первых, было поставлено под сомнение проведение при Симеоне отмены тарханов (исследования С. М. Каштанова⁶¹³); во-вторых, сам факт созыва Земского собора в 1575 г. вызывает вопросы у историков — большинство из них считает, что можно говорить лишь о Церковном соборе, посвященном осуждению Леонида, и о вызове воевод на совещание в столицу. Кроме того, выяснилось, что Корецкий использовал не лучший перевод сочинения Горсея, в переводе же, выполненном А. А. Севастьяновой, речь идет о собрании духовенства в 1580 г.⁶¹⁴

В последующих работах В. И. Корецкий был вынужден учесть

высказываемые замечания. Он отказался от тезиса о попытке секуляризации, но в то же время продолжает настаивать на созыве Земского собора. По его мнению, на этом Соборе, начавшем свою работу в первой половине октября, оппозиция выступила против политики Грозного. Среди недовольных оказались представители высшего духовенства и светской знати. Церковники оказались в рядах противников царя по причине того, что правительство стало проводить политику, направленную на изъятие монастырских богатств (доказательством служат слова Горсея о составлении инвентарей монастырских сокровищ и доходов⁶¹⁵ и известия об изъятии средств у Сергиевой обители — так называемые «Ризные книги»); дворянство же выступило против пагубной политики правительства. Казнив недовольных, Грозный, по примеру Жития Варлаама и Иоасафа, передал престол Симеону. При нем произошло одновременное изъятие крупных денежных сумм из монастырских хранилищ на продолжение Ливонской войны. Это было связано с походом в Прибалтику, который планировался на 1577 г. и должен был положить конец затянувшемуся конфликту. Кроме того, с поставлением Симеона потеряли свое значение старые жалованные грамоты монастырям, а права выдавать новые «великий князь» не получил. В некоторых случаях новые грамоты выдавал сам царь, но за большие деньги. Таким образом, политика «удела» своим острием была направлена на привилегии духовных феодалов с целью облегчения положения дворянства и «направления» его недовольства в сторону монастырей. В 1575/76 г. произвол в отношении обителей достиг таких размеров, что они выплачивали государственные подати даже за отписанные у них земли (В. И. Корецкий ссылается на дело Отенского монастыря, вынужденного платить за деревню, которая была в это время отписана)⁶¹⁶.

В вышедшей уже после смерти книге В. И. Корецкого опять затрагивается интересующий нас вопрос. Сохраняя свои прежние тезисы о Земском соборе 1575 г. и антицерковной направленности действий царя, исследователь, со ссылкой на Московский летописец, указывает, что казни были вызваны тем, что в кругах недовольного духовенства и дворянства возникла идея замены Ивана Васильевича его старшим сыном, царевичем Иваном Ивановичем. События развивались следующим образом: на Земском соборе, столкнувшись с оппозицией, Грозный объявил о передаче престола Симеону. Это вызвало протест представителей высшего духовенства и знати,

которые указали царю на то, что если он хочет уйти на покой, то своим преемником он должен оставить не татарина, а собственно-го сына. Сам царевич не принял участия в борьбе 1575 г. Именно поэтому он и не пострадал, но у Ивана IV зародились подозрения, которые не оставляли монарха до самой трагической кончины наследника в 1581 г.⁶¹⁷

А. А. Зимин, как указывалось выше, подверг основательной критике построения В. И. Корецкого о Земском соборе 1575 г. Возражения историка вызывает и мнение о том, что идея с отречением от престола возникла у царя в связи с литературным источником: «Вряд ли Грозный был настолько отвлеченным от жизни человеком, что черпал истоки своих политических преобразований в литературе». Вместе с тем А. А. Зимин считает возможным говорить о конфликте между монархом и его наследником, царевичем Иваном. Истоки этого конфликта лежат еще в самом начале 70-х годов, когда появились сведения о возможности передать русский престол герцогу Магнусу. Слухи о неладах в царском семействе просочились и за границу (письмо папского посла от января 1571 г.). В таких условиях назначение наследником Симеона было «одним из актов разыгравшейся между Иваном IV и Иваном Ивановичем драмы, окончившейся гибелью царевича». Выбор же Симеона определялся его преданностью царю, отсутствием связей с московской аристократией и родственными узами с Грозным. Придворные были недовольны решением царя. Недовольно было и духовенство. Причем его недовольство было связано со всей «основной линией политики Грозного». Иерархи были возмущены и неканоническими браками царя. Никакой секуляризационной политики во время правления татарина не было, а время его «великого княжения» — своеобразная «антиопричнина», так как в основном была казнена старая опричная гвардия. Очевидно, А. А. Зимин склонен доверять словам государя, который объяснил свой поступок поведением близкого окружения из состава бывших опричников⁶¹⁸.

Исследовавший финансовую политику Грозного С. М. Каштанов, как уже упоминалось, пришел к выводу, что отмены тарханов при Симеоне не произошло, однако имела место активизация местных налоговых сборщиков, которая, возможно, поощрялась прекращением выдачи в 1575/76 г. указных грамот о несборе податей с запустевших монастырских владений. Ученому принадлежит

мысль о том, что, получив власть и титул из рук царя, Симеон превратился в политическую фигуру. Грозный учитывал возможность того, что определенные внутренние и внешние силы попытаются использовать новое положение татарского царевича в своих интересах, враждебных интересам монарха. Таким образом, роль Симеона оказалась двойственной: Иван IV использовал его в целях собственной политики, но должен был опасаться его и принимать меры против усиления власти своего заместителя. Царь сознательно шел на политическое соперничество между собой и Симеоном, что проявилось в грамотах в Поволжье⁶¹⁹. Следует заметить, что мнение С. М. Каштанова о политическом соперничестве Грозного и Симеона не подтверждается источниками. Царь едва ли мог пойти на подобный шаг в случае, если бы не был полностью уверен в лояльности своего кандидата. Все нити управления страной продолжали находиться в его руках — не случайно в январе 1576 г., сообщая Сильвестру о возможности своего возвращения на престол, Иван Васильевич говорил об этом как о деле, которое не потребует никакого труда и не вызовет сопротивления самого Симеона Бекбулатовича⁶²⁰.

Свою интерпретацию событий, связанных с поставлением Симеона, предложил Р. Г. Скрышников. По его предположениям, дело заключалось не только и не столько в борьбе с церковными привилегиями, сколько в конфликте в ближайшем окружении Грозного. Летом 1575 г. победу за влияние на царя одержала группировка, настаивающая на возвращении к опричным методам управления страной. В измене были обвинены Тулуповы и Умной-Колычев (они являлись ближайшими советниками монарха в последние годы). Убежденный в измене ближайших советников, царь стал подозревать и близкое к этим лицам духовенство, в первую очередь архиепископа Леонида. Тогда же Россию попытался покинуть придворный астролог и врач Елисей Бомелий. Его показания дали возможность обвинить в измене Леонида и некоторых других церковников. Кроме того, Бомелий и Леонид оговорили большое количество светских лиц из земщины и многих руководителей приказов. Вырисовывался новый масштабный заговор, который сильно испугал царя. Особо опасным было то, что после отмены опричнины Грозный не имел полномочий для проведения «чистки». В таких условиях и произошло отречение от престола в пользу Симеона, который был поставлен над земщиной. После этого Симеон

«разрешил» Грозному ввести чрезвычайное положение и провести казни.

Р. Г. Скрынников считает, что «сыскное дело» против митрополита Антония и Тарасия Крутицкого велось на рубеже лета—осени 1575 г. и сделано это было для запугивания высшего духовенства в момент подготовки суда над Леонидом. Впрочем, митрополит и Тарасий не были сильно связаны с послеопричным руководством, никогда не выступали против политики царя, и поэтому для них все закончилось сравнительно благополучно, если не считать голов казненных, брошенных на подворье Антонию. По словам ученого, в расследовании принимал участие и царевич Иван Иванович, с которым тем не менее у Грозного были напряженные отношения. Это привело к гибели ближайших советников наследника престола — Протасия Юрьева и его дворецкого Яковлева. Ограблен был и Никита Романович Юрьев⁶²¹.

Очевидно, что построения Р. Г. Скрынникова не во всем бесспорны. Так, если царь не доверял царевичу Ивану, то как он мог назначить его следователем по столь важному делу. «Сыскное дело» митрополита и Крутицкого владыки не имеет точной датировки и поэтому приурочивать его к определенному моменту не совсем корректно. Наконец, неясно, почему Грозному понадобилась санкция Симеона для проведения казней в 1575 г. и не нужна была, когда казнены были Михаил Воротынский и другие воеводы — также после отмены опричнины. Сомнения вызывает и то, что царь не смог по собственной воле провести репрессии, но смог навязать боярам неугодного им правителя. На все эти вопросы исследователь не дает ответа.

В отличие от Р. Г. Скрынникова, Е. И. Кольчева считает, что к середине 70-х годов Грозный почувствовал явную угрозу со стороны Церкви. Духовенство имело причины быть недовольным правителем: рост государственных налогов, нашествия татар, мор, экономический кризис — все это были сигналы о неугодности Ивана IV. В таких условиях при самом активном участии святителей возник заговор в пользу царевича Ивана. Штабом заговорщиков был Чудов монастырь, сочувствовали планам переворота Антоний и Тарасий. Им удалось спастись, лишь выдав заговорщиков. Е. И. Кольчева обратила внимание на «перебор» иерархов во многих епархиях и смену настоятелей монастырей в середине 70-х годов. По ее мнению, некоторая часть из них была участниками заговора. Узнав о

планах церковной оппозиции, Грозный решил провести расправу руками Симеона, так как вести борьбу с таким противником, как Церковь, от своего имени было слишком опасно. Архиепископ Леонид был единственным из архиереев привлечен к суду. Подобный шаг понадобился царю для того, чтобы избежать нежелательно-го резонанса, а архиепископа Новгорода можно было обвинить в сношениях с врагом. Несмотря на активное участие духовенства в заговоре, никакой отмены тарханов не произошло; наоборот, во второй половине 70-х годов идет интенсивная выдача жалованных грамот. Одной из причин этого исследовательница считает страх Грозного перед оппозицией — царь стремился отблагодарить наиболее преданные себе монастыри⁶²². Точка зрения Е. И. Колычевой представляет большой интерес, но, к сожалению, явно недостаточно опирается на имеющиеся источники.

По мнению Б. Н. Флори, к осени 1575 г. Грозный, после казней Тулупова и других советников, решил провести новые меры для укрепления своей власти и безопасности. С этой целью страна была снова разделена на две части, возобновилась политика, направленная против вотчинного землевладения княжеских родов. Все это живо напоминало опричнину, но не было связано с постоянной практикой массового террора. Сведения Горсея об аннулировании жалованных грамот являются вымыслом, дело ограничилось лишь изъятием из монастырской казны значительных сумм. Симеон же понадобился царю на один год, так как гороскопы предсказывали монарху неприятности. Возможно, предсказание волхвов-астрологов случайно совпало с решением Ивана IV провести новый раздел страны. Очевидно, что царь не стал посвящать подданных в причины своего мнимого отречения от власти, и столь необычный поступок вызвал беспокойство не только светских, но и духовных лиц, которые и подали Грозному челобитную с просьбой отказаться от своих намерений. Столкнувшись с оппозицией своим действиям, Грозный казнил недовольных⁶²³.

Как видим, в литературе нет единого мнения о причинах столь необычного шага царя, напротив, существуют самые разные объяснения событий. Очевидно, что подобное положение вещей связано с состоянием источниковой базы, с противоречиями дошедших до нас исторических свидетельств. Однако, несмотря на это, знакомство с историографией позволяет все-таки сделать некоторые выводы: во-первых, едва ли действия Грозного определялись инте-

ресеами внешнеполитического характера: ведь и в начале 70-х годов в Польше стоял вопрос об избрании Ивана Васильевича королем, но тогда он не отрекался от престола. Во-вторых, исследования С. М. Каштанова позволяют сделать вывод о том, что ликвидации тарханов при Симеоне не произошло. В-третьих, предположения В. И. Корецкого о Земском соборе 1575 г., в ходе работы которого Иван IV отрекся от престола, нуждаются, видимо, в дополнительном обосновании. Иначе говоря, произошедшее вовсе не обязательно связано с Собором, с полной уверенностью можно утверждать лишь то, что осенью 1575 г. в Москве заседал Освященный собор.

Каковы же факты, которые могут помочь установить последовательность и причины событий? Известно, что летом 1575 г. были казнены ближайшие советники Грозного, выдвинувшиеся на первые роли в последние годы существования опричнины, и родня царицы Анны Колтовской: Борис Тулупов с родственниками, Василий Умной-Колычев, Мансуров и другие лица⁶²⁴. Горсей в своих мемуарах приводит причину, по которой Тулупов угодил на кол: он был «уличен в заговоре против царя и в сношениях с опальной знатью»⁶²⁵. Следует заметить, что государь еще до казней сомневался в преданности Умного и Тулупова: при допросе вышедших из Крыма пленных он назвал их именами первыми среди бояр, которые могли «нам изменять»⁶²⁶. Р. Г. Скрынников заметил, что значительная часть казненных имела связи в Новгороде: местным помещиком был В. И. Умной, князья Тулуповы имели давние связи с Софийским домом, Старого-Милуков возглавлял опричную администрацию Новгорода⁶²⁷. Несмотря на то, что конкретные причины опалы вчерашних любимцев царя неизвестны, Р. Г. Скрынников пришел к выводу, что это связано с раздорами внутри окружения Грозного⁶²⁸. Исследователь считает, что дружба между опальным окружением царя и архиепископом Леонидом и привела последнего к смерти. Вместе с ним пострадали и другие близкие к опричнине и «двору» церковные деятели⁶²⁹.

По нашему мнению, логика действий Ивана Васильевича необязательно была такой, как представляется Р. Г. Скрынникову. Существовала или нет в действительности «измена» Тулупова и других, о которой упоминает Горсей, неизвестно. Однако царь был полностью уверен в серьезной опасности, угрожавшей его власти, а может быть, и жизни со стороны ближних людей. Связь многих из них с Новгородом сразу ставила под подозрение архиепископа Леони-

да. И дело даже не в близости последнего к опричнине и первому послеопричному правительству, а, возможно, в случайном совпадении. Очевидно, что причины, вызвавшие недовольство проводимой Грозным политикой в конце 60-х годов и приведшие к погрому 1570 г., имели объективный характер. За пять лет, прошедших с тех пор, ситуация на северо-западе страны не могла претерпеть сколько-нибудь серьезного улучшения. Скорее всего, экономическое положение края еще больше ухудшилось. В таких условиях здесь неизбежно существовали недовольные. А у архиепископа Леонида причин для недовольства было предостаточно: ему досталось разоренное в результате кризиса и погрома хозяйство Софийского дома, часть территорий епархии была передана под управление епископа Вологды, визиты Грозного в город традиционно требовали от архиерея больших затрат на подарки и угощение. Нужда в средствах привела к тому, что Леонид даже попытался присвоить пожертвованные Иваном IV «милостинные деньги». Этот скандал дошел до самого царя⁶³⁰. Это все давало Грозному повод относиться к архиепископу с некоторым недоверием — не случайно ведь, несмотря на то, что тот «подчинил новгородскую Церковь интересам опричной политики» (Р. Г. Скрынников), северные территории не были возвращены Новгородской епархии. Теперь же, летом 1575 г. вскрылось, вдобавок ко всему, как могло представляться царю, наличие непровержимых связей между «заговорщиками» из его окружения и Леонидом.

В таких условиях участь архиепископа была предрешена. Опала разразилась неожиданно: еще 14 августа Леонид управлял епархией, а 20 октября уже был похоронен⁶³¹. Источники не дают возможности установить, где и когда произошел арест владыки: из сообщений Псковской летописи можно понять, что Грозный «опалился» на него в тот момент, когда последний находился в Новгороде, и уже в опале Леонид был доставлен в столицу. Так же понимает дело и одна из Новгородских летописей⁶³². Согласно другому источнику, архиепископ приехал в Москву «на собор», то есть свободным, а уже затем был «удавлен . . . казнью у Пречистой на площади»⁶³³.

Подробно рассказывает о судьбе Леонида Горсей (правда, он нигде не называет имя «епископа Новгородского», но других репрессированных епископов Новгорода в это время не было). По его словам, «царь был сильно озабочен разбирательством измены . . .

Бомелиуса, епископа Новгородского и некоторых других, выданных их слугами. Их мучили ... пыткой, им было предъявлено обвинение в сношениях ... с королями Польши и Швеции ... Епископ признал все под пыткой. Бомелиус все отрицал ... Епископ ... был обвинен в измене и в чеканке денег, которые он пересылал вместе с другими сокровищами королям ... в мужеложестве, в содержании ведьм, мальчиков, животных и в других отвратительных преступлениях. Все его многочисленное добро ... было взято в царскую казну. Его заключили пожизненно в тюрьму, он жил в темнице на хлебе и воде ... занимался писанием картин и образов, изготовлением гребней и седел. Одиннадцать из его доверенных слуг были повешены на воротах его дворца в Москве, а его ведьмы были позорно четвертованы и сожжены»⁶³⁴. Р. Г. Скрынников считает этот рассказ достоверным, так как в Синодике опальных имеется упоминание о казни в Новгороде «15-ти жен»⁶³⁵. По нашему же мнению, подтверждение одного факта не служит доказательством истинности всего рассказа в целом. Действительно, Синодик не упоминает слуг архиепископа, которые, по словам Горсея, были повешены. Сомнение вызывает и рассказ англичанина о судьбе Леонида после осуждения. Как уже упоминалось выше, в середине августа 1575 г. архиерей управлял своей епархией. В Москву он мог попасть не раньше начала сентября, затем необходимо было провести следствие и добиться признания. Наконец, некоторое время занимала и судебная процедура. Очевидно, что на все эти действия требовалось время. Следовательно, архиепископ не мог в заключении заниматься «писанием картин и образов, изготовлением гребней и седел» — у него просто на это не было времени, ведь похоронен он был уже 20 октября. Видимо, Горсей действительно что-то знал о деле Леонида, но к моменту составления своих мемуаров многое перепутал (или приукрасил). Как заметила исследовательница его сочинений А. А. Севастьянова, у Горсея в воспоминаниях имеются разновременные слои, время написания которых влияет на содержание конкретных известий⁶³⁶.

Таким образом, можно прийти к выводу, что при всей важности данных, которые имеются в записках Горсея, пользоваться ими следует с осторожностью, проверяя их по показаниям других источников.

Р. Г. Скрынников, на основании мемуаров Горсея, считает, что существовала прямая связь между осуждением Бомелия и Леони-

да: архиепископа оговорил придворный медик⁶³⁷. Подобные утверждения не нашли поддержки у других исследователей, которые считают, что казнь Бомелия произошла только в конце 70-х годов. По словам А. А. Зимина, подобные утверждения Р. Г. Скрынникова «являются ошибкой»⁶³⁸.

Сведения, которыми мы располагаем о докторе Бомелии, рисуют крайне неприглядную картину. Иностранцы свидетельствуют, что после нашествия татар в 1571 г. при посредстве медика Грозный отравил около ста человек⁶³⁹. Для Псковской летописи Бомелий является поистине страшной фигурой: его прислали в Россию «немцы», был он «лютым волхвом» и смог оказаться в приближении у царя. «И положи на царя страхование . . . и конечно был отвел царя от веры: на русских людии царю возложил свирепство, а к немцам на любовь преложи. . . и много множества роду боярскаго и княжеска взусти убити цареви. Последи же и самого приведе наконец еже бежати в Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшие побити. Того ради и не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша да не до конца будет Руское царство разорено и вера христианская»⁶⁴⁰. К сожалению, летопись не дает возможности приурочить казнь Бомелия к определенному году⁶⁴¹. На основании подобных известий историки оценивали деятельность медика крайне отрицательно. Для них он «негодяй и бродяга . . . снискав доступ к царю, он полюбился ему своими кознями . . . заслужил первенство между услужниками Иоанна, то есть между злодеями России». Н. М. Карамзину вторит Д. Цветаев: «Честолюбивый, бесчестный и своекорыстный, он старался поддерживать свое значение, действуя на суеверие и болезненную подозрительность Иоанна»⁶⁴².

По сообщению Штадена, опала медика связана со следующими обстоятельствами: он решил бежать из России и с этой целью взял подорожную на имя своего слуги. Затем, переодевшись и залив богатства в подкладку, отправился в Псков. Здесь на торгу его узнали поговору, обыскали, нашли золото и отправили в Москву⁶⁴³. Весь вопрос в том, к какому времени относится этот рассказ. Штаден смог покинуть Россию в 1576 или 1577 году⁶⁴⁴. Если исходить из того, что Бомелий погиб в конце 70-х годов, то трудно допустить, что об обстоятельствах опалы смог узнать уже уехавший из нашей страны иностранец. Скорее всего, врач действительно был арестован в середине 70-х годов и мог проходить по одному «де-

лу» с Леонидом. Но, видимо, не его показания определили судьбу архиепископа.

Обвинения в измене, предъявленные архиерею, Р. Г. Скрыпников справедливо считает надуманными: связь Леонида с королями Польши и Швеции едва ли могла иметь место в действительности, так как польский престол, например, долгое время оставался вакантным⁶⁴⁵. Из исследователей лишь Е. И. Колычева склонна доверять показаниям об измене, связанной с правителями иностранных государств⁶⁴⁶. Но фактов для столь ответственных выводов явно недостаточно. Малоубедительны и сведения Горсея о незаконной чеканке денег Леонидом и вывозе их из страны⁶⁴⁷. Впрочем, возможно, что англичанин здесь имеет в виду внешнеэкономическую деятельность Софийского дома, направленную на улучшение материального положения кафедры. Однако ничего конкретного по этому поводу мы сказать не можем.

Согласно Горсею, в розыске об измене Бомелия и Леонида самое активное участие принимал наследник престола царевич Иван Иванович — именно он руководил пыткой попавшего под подозрение медика. Причем даже «некоторые доброжелатели» Бомелия, которые должны были, по словам того же Горсея, добиться смягчения участи опального, не смогли ничего сделать: «Его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело изрезаны проводочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы царь узнал»⁶⁴⁸. Как видим, царевич добросовестно выполнял поручение отца, добившись от подследственного показаний. Уже это ставит под сомнение версию ученых, опирающихся на Московский летописец, о конфликте между Грозным и его наследником⁶⁴⁹. Если согласиться с подобным утверждением, то нельзя объяснить, почему не доверявший сыну царь поручил ему столь важное и ответственное дело, как допрос одного из основных подозреваемых в измене.

Добившись признания в различных преступлениях от Леонида, Иван IV передал дело на рассмотрение Освященного собора, члены которого были, видимо, заранее вызваны в Москву. О присутствии владык в столице неоспоримо свидетельствуют опубликованные В. И. Корецким документы⁶⁵⁰. Как и следовало ожидать, духовенство осудило архиепископа. Некоторые историки полагают, что для того чтобы запугать руководство Церкви и добиться осуждения обвиняемого, было возбуждено «сыскное дело» на митрополита и

Тарасия Крутицкого и датируют его летом — осенью 1575 г.⁶⁵¹ По нашему мнению, подобное предположение едва ли справедливо — ведь в документе не указана точная дата⁶⁵². Р. Г. Скрышников на основании мемуаров Горсея сделал вывод о том, что приговоренный к смерти Леонид был помилован царем и умер в заключении спустя непродолжительное время⁶⁵³. Уязвимость подобной точки зрения уже отмечалась нами выше: получается, что с момента суда до бесспорно установленной даты смерти прошло всего несколько дней, что маловероятно. А. А. Зимин обратил внимание на то, что подавляющее большинство источников опровергает версию Горсея о смерти Леонида в тюрьме. В самом деле, Новгородская, Псковская летописи, Пискаревский, Московский и Соловецкий летописцы, а также А. М. Курбский в один голос указывают на казнь Новгородского владыки⁶⁵⁴. Мнение Р. Г. Скрышниковича отчасти может подтвердить «Краткий летописец новгородских владык», согласно которому Леонид «взят был к Москве да тамо и преставился 20 октября»⁶⁵⁵. Но этот Летописец мог просто не уточнять причину смерти — фраза достаточно обтекаемая и интерпретировать ее можно по-разному.

Вместе с тем очевидно, что как бы ни относиться к некоторым известиям из мемуаров Горсея, в основе своей они имеют под собой некоторые реальные факты хотя бы потому, что их автор много лет провел в России. В этой связи особый интерес представляют сведения о том, что существовала «измена» не только Бомелия и Леонида, но и других лиц («некоторых других»). Но автор мемуаров пишет лишь о репрессиях, затронувших главных обвиняемых и их слуг, в то время как «сообщники этой измены» лишь прослушали «увещевания» Грозного⁶⁵⁶. Согласно же другим источникам русского и иностранного происхождения, одновременно с Леонидом казням подверглось довольно значительное количество придворных, в том числе и видные представители духовенства⁶⁵⁷.

Очевидно, что подобная ситуация требует объяснения. Не были ли другие казни, безусловно имевшие место осенью 1575 г., лишь случайно хронологически связаны с «делом» Леонида? На первый взгляд подобное предположение противоречит Пискаревскому и Московскому летописцам, которые указывают на то, что все казни имели одну подоплеку⁶⁵⁸. Но Новгородская и Псковская летописи пишут лишь о казни архиепископа⁶⁵⁹. Попробуем дать свое толкование событий.

Исследования последних лет, посвященные изучению по-слеопричной политики Грозного, показали, что с 1575 г. до самой смерти царя принципиальных изменений в ней не произошло⁶⁶⁰. Из этого следует, что Иван IV мог действовать по своему усмотрению, не испрашивая позволения у лица, поставленного им над земщиной: ведь Симеон находился на престоле лишь до осени 1576 г.⁶⁶¹ Иными словами, Грозному для осуществления его политических планов не нужны были услуги татарского царевича. Существование масштабного заговора во главе с духовенством, для разгрома которого и понадобился Симеон⁶⁶², не подтверждается источниками. В действительности могло иметь место следующее: казнив в августе 1575 г. своих ближайших советников и начав следствие по «делу» Леонида, якобы связанного с ними, царь решил произвести очередной «перебор людишек». Одновременно с этим, как предположил Б. Н. Флоря, до него дошли тревожные сведения о неблагоприятных для Московского царя предсказаниях астрологов⁶⁶³ (данные об этом сохранились в Пискаревском летописце⁶⁶⁴). То, что Грозный прислушивался к различным предсказаниям, подтверждается и другими источниками: об этом пишут Горсей и Курбский⁶⁶⁵. Неизвестно, верил ли Иван Васильевич астрологам до этого, но в 1575 г. ему было над чем задуматься: только что открывшаяся «измена» ближайшего окружения делала возможными в глазах Грозного любые, самые мрачные предсказания. В таких условиях царю и понадобился номинальный правитель, всецело преданный, не претендующий на самостоятельную политическую роль, но окруженный тем не менее всеми атрибутами власти. Не случайно летописцы указывают на униженное положение, которое занял царь при Симеоне: «ездил просто, что бояре . . . а как приедет к великому князю Семиону, и сядет далеко», даже за благословением к митрополиту первым подходил «великий князь»⁶⁶⁶.

Сделав татарина официальным, но не реальным правителем, Грозный оказался в крайне затруднительном положении. Дело в том, что он не мог вразумительно объяснить причины своего поступка подданным. Ведь еще в 1551 г. на Стоглавом соборе астрология была осуждена, а вера в предсказания объявлена ересью. Те же, кто верит в это «еллипское и бесовское чарование», должны быть отлучены от Церкви⁶⁶⁷. Признание было равнозначно объявлению себя неправославным. Поэтому царь, скорее всего, не стал ничего объяснять, а просто объявил о принятом им решении.

Английскому гонцу Сильвестру Грозный указал как на причину своих неожиданных действий измены подданных⁶⁶⁸. Собственно, он даже не особенно кривил душой, так как именно «дело» Тулупова и других привело к вере в предсказание всяческих бед.

Светские лица и духовенство, не посвященные в истинные замыслы Ивана IV, удивились, видимо, не намерению царя отказаться от престола, а необычному выбору преемника. По их мнению, в случае отречения власть должна была перейти к старшему сыну Грозного, царевичу Ивану Ивановичу. Но Грозный как отец не мог допустить, чтобы его настоящему наследнику угрожали те же предсказанные астрологами опасности. Для придворных же решение о возведении на трон Симеона показывало лишь одно — монарх решил лишиться наследства своих родных детей. Подобное объяснение событий и приводит Московский летописец⁶⁶⁹. В таких условиях вполне правдоподобным выглядит мнение о том, что царю была подана челобитная с протестом против поставления на престол Симеона⁶⁷⁰. Инициаторами ее подачи и были, вероятно, лица, казненные в течение следующих недель. Среди казненных примерно в это же время оказался и архиепископ Леонид, осужденный, правда, по другому поводу.

Другие попавшие в опалу представители духовенства пострадали не из-за контактов с осужденным архиереем, а из-за своего участия в составлении и подаче вызвавшего гнев Грозного документа. В этой связи совсем не случайно среди казненных значатся имена архимандритов Чудова и Симонова монастырей. Зная многолетнюю близость царя к этим обителям, можно было рассчитывать на то, что их мнение повлияет на решение правителя. Однако в данном случае ничего подобного произойти не могло, и настоятели заплатились жизнью за свое неодобрение намерений Грозного, об истинных причинах которого они, конечно, не знали. Не случайно и упоминание среди казненных протопопа Архангельского собора Ивана: ведь этот собор служил усыпальницей членов великокняжеской, а затем и царской семьи. Очевидно, участие в челобитье протопопа должно было напомнить Ивану Васильевичу о своей ответственности за «правильную» передачу престола своим законным наследникам. Какое-то отношение к происходящему имели и князь Мстиславский, и митрополит Антоний, и «иные» не упоминаемые летописью лица, во дворы которых метали головы казненных⁶⁷¹.

Среди пострадавших осенью 1575 г. источники называют и неко-

торых деятелей, которые были тесно связаны с настоящим наследником престола Иваном Ивановичем. Так, дядя царевича Никита Романович Юрьев был ограблен, а Протасий Васильевич Юрьев — казнен⁶⁷². Репрессии в отношении этих лиц связаны, вероятно, с тем, что они настраивали царевича против отца, который, как они думали, решил в действительности передать власть иноплеменнику. Но на самом деле у Грозного не было никаких подозрений против сына, так как он, по Горсею, доверил царевичу проведение следствия по «делу» Бомелия⁶⁷³.

Подводя итог анализу событий лета — осени 1575 г., можно прийти к следующим выводам: «измена» ближайшего окружения привела Грозного к мысли об очередном разделе страны и «переборе людишек». По обвинению в связях с попавшими в опалу фаворитами под следствие попал архиепископ Леонид, признавшийся под пытками в самых ужасных преступлениях. Одновременно с этим царю стало известно о предсказаниях астрологов, которые пророчили правителю Москвы всяческие несчастья. Грозный или поверил им, или просто решил подстраховаться, найдя себе на год фиктивного заместителя. Им оказался Симеон Бекбулатович — полностью зависимая от царя фигура, не претендующая даже на относительную самостоятельность. Все нити управления страной оставались в руках царя, о чем он и дал знать английскому правительству во время бесед с Д. Сильвестром. Объяснить подданным настоящую причину своего решения о передаче трона Симеону Иван Васильевич не мог. Не мог он оставить вместо себя на престоле и царевича Ивана. Не зная мотивов действий Грозного, придворные и представители духовенства просили отречься в пользу сына — законного наследника. Подобная демонстрация непокорности вызвала казни инициаторов челобитья, практически одновременно с которыми был казнен и осужденный к тому времени Освященным собором по совершенно другим обвинениям Леонид. Именно из-за совпадения по времени этих казней поздние Летописцы и считают, что архиепископ был осужден в связи с поставлением Симеона.

Еще раз подчеркнем, что никакой специальной антицерковной политики в период правления крещеного татарина не проводилось. Дело ограничивалось, возможно, лишь единовременным изъятием денежных сумм из монастырских сокровищниц. Мнение В. И. Корецкого, которое он высказал в поздней работе, о том, что большая часть средств на «подъем» Грозного перед его по-

ходом в Калугу взыскивалась с духовенства, достаточно правдоподобна, хотя прямых подтверждений этому нет⁶⁷⁴. С другой стороны, ряд крупных монастырей в период «правления» Симеона получил существенные податные освобождения, что позволяет С. М. Каптанову сделать вывод о расширении фискальных привилегий влиятельных духовных феодалов⁶⁷⁵.

После того как прошел год, в отношении которого у царя были опасения, он без труда вернулся на престол, отправив Симеона «великим князем» в Тверь. Горсей пишет о том, что вернуться к власти Ивана IV просили представители сословий, вынужденные «изыскивать средства на дары и подношения ему»⁶⁷⁶. Однако русские источники не подтверждают информацию англичанина⁶⁷⁷.

С. О. Шмидт высказал мнение о том, что в 1576 г. «имел место какой-то Собор»⁶⁷⁸. В своих предположениях исследователь опирается опять-таки на сведения Горсея. Не упоминая о Соборе, с автором воспоминаний соглашается и Р. Г. Скрынников⁶⁷⁹. Однако на всю «шаткость» в данном случае доказательств С. О. Шмидта указал Л. В. Черепнин⁶⁸⁰. Скорее всего, удаление Симеона из Москвы не сопровождалось какими-либо собраниями вроде Земского собора.

По наблюдениям С. М. Каптанова, в ближайшие годы после удаления из Москвы Симеона Бекбулатовича наблюдается «бурный взрыв финансовых милостей», то есть предоставление щедрых иммунитетных пожалований целому ряду монастырей⁶⁸¹. Е. И. Колычева связывает подобное явление со стремлением правительства Грозного отблагодарить наиболее надежные обители за поддержку во время событий 1575 г., когда, по мнению исследовательницы, возник опасный заговор с участием виднейших церковных деятелей⁶⁸². К сожалению, это мнение не подкреплено источниками. Возможно, предоставляя в 1576-1578 гг. льготы монастырям, царь и его окружение рассчитывали подобными мерами как-то улучшить экономическое положение страны.

Митрополит Антоний, благополучно переживший «сыскное дело» и недвусмысленные угрозы осенью 1575 г., сохранил свой престол, хотя источники и не позволяют говорить об особой близости между ним и царем. Впрочем, в послании в Соловецкий монастырь перед началом похода в Ливонию в апреле 1577 г. Грозный сообщает монахам, что решение о наступлении было принято по «совету» с митрополитом⁶⁸³. Поход 1577 г. был последним значительным успехом русских войск во время затянувшейся Ливонской войны. Уже

в конце этого года литовцы смогли взять важнейшие крепости... Динабург и Венден. В начале 1578 г. на сторону Батория перешел номинальный король Ливонии, царский вассал и родственник по жене Магнус. Наконец, осенью русская армия потерпела сокрушительное поражение под Кесью (Венденом)⁶⁸⁴.

Военные поражения привели Грозного к мысли о необходимости заручиться небесной помощью. Было решено перенести в Москву мощи Черниговских чудотворцев — князя Михаила и его боярина Федора. Царь составил специальное послание, которое надлежало прочесть в Чернигове с целью убедить святых совершить переезд, причем обращались к ним «не яко отшедшим, по яко живым». Иван IV неоднократно указывает, что решение о переносе мощей принято не им единолично, а по совету с митрополитом Антонием и по желанию всех православных христиан. Святых убеждают в том, что они сами должны «благоизвольно» явиться в столицу. В послании слышатся и уже знакомые нам по завещанию Грозного нотки покаяния: «Презрите беззакония наша, не возгнушайтесь срамных дел наших, очистите согрешения наша». Основная цель переноса мощей указана здесь же: «Нас просветитите и град сохраните по Божию изволению... облечете иерея в правду; даждьте царем суд; разрушите иноплеменных рати; уставьте обдержажии на ны мятежи, и утолите усобные брани...»⁶⁸⁵.

Царь, как верующий православный христианин, видел причины неудач своих начинаний в грехах, которые совершал и он сам, и его подданные. За свои личные грехи Грозный собирался держать ответ только перед Богом, от которого он и получил свою власть, с подвластных же Иван Васильевич считал нужным спрашивать сам. Однако если правитель и не нес ни перед кем ответственности на земле, не избавляло его от необходимости исправлять то, что могло теперь казаться ошибочным. Возможно, одной из таких ошибок, вызвавших гнев высших сил, Грозный стал считать позволение открыть под Москвой протестантские храмы и вообще некоторое покровительство западным «еретикам». В сильно преувеличенном виде слухи об этом покровительстве распространялись в Европе. Так, в письме из Любека маркграфу Бранденбургскому от 20 декабря 1566 г. указывалось, что царь якобы оштрафовал на 60 тысяч рублей своего митрополита за то, что тот причинил насилие одному немцу в деле веры⁶⁸⁶. Очевидно, что подобный фантастический штраф не мог быть наложен, но главное в другом — в благосклон-

ном отношении царя к своим новым ливонским подданным. Терпимое отношение к протестантам диктовалось соображениями политического толка: стремлением привязать «немцев» к новой родине, покровительством королю Ливонии Магнусу.

По мнению Д. Цветаева, расселенные под Москвой «немцы» смогли открыть свою церковь в 1575 или начале 1576 г.⁶⁸⁷ О существовании в России нескольких лютеранских храмов сообщают иностранцы, побывавшие в нашей стране. Горсей в своих воспоминаниях приписывает себе большое участие в судьбе пленных: «Поскольку я тогда был хорошо известен при дворе . . . то . . . я добился разрешения для них построить церковь, много жертвовал на нее, доставил им хорошо обученного священника, который вел службу и собрание прихожан каждый воскресный день по их лютеранской вере»⁶⁸⁸.

С ухудшением положения на театре Ливонской войны, с изменой Магнуса отношение Грозного к протестантам изменилось. Определенную роль в этом мог сыграть гнев, вызванный поражениями, но не меньшее значение, как представляется, имела и возникшая у царя мысль о неужгодности Богу этих храмов на территории России. Согласно другому объяснению причин разгрома Немецкой слободы, ее жители получали огромные доходы от продажи виша и сплавляли местное население. Это вызвало жалобы духовенства, сам митрополит печаловался по этому поводу монарху. Наконец, зимой 1578 г. Слобода была уничтожена⁶⁸⁹.

Побывавший в Москве в самом начале 80-х годов А. Поссевино предполагает, что основной причиной уничтожения храмов было опасение правительства в том, чтобы русские не завели у себя различные секты⁶⁹⁰. Проживавший в это время в России Горсей сообщает: царь «послал к ним ночью тысячу стрельцов, чтобы ограбить и разорить их»⁶⁹¹. Скорее всего, причин разгрома было несколько: это и религиозные мотивы, и месть за поражения в войне и измену, и призывы духовенства, и опасение протестантской пропаганды⁶⁹².

В 1579 г. военные действия возобновились. Перед началом похода на Россию Стефан Баторий опубликовал воззвание, обращенное ко всем категориям населения, с призывом к восстанию против Грозного и переходу на сторону польско-литовских войск⁶⁹³. В ответ по приказу царя от имени всех основных групп населения, в том числе и духовенства во главе с митрополитом, было составлено ответное послание, сведения о котором сохранились в описи архива

Посольского приказа. Этот документ датируется в описи 7087 г.⁶⁹⁴ По вполне обоснованному мнению Б. Н. Флори, появление грамоты относится к августу 1579 г.⁶⁹⁵

На основании сведений описи можно прийти к заключению, что летом 1579 г. заседал Земский собор, от имени которого и был составлен документ. Однако по ряду признаков (нет упоминаний о печатях и подписях, не сохранились следы в литовских источниках) большинство исследователей считают, что это лишь черновик, не получивший официальной санкции и не отправленный адресату. Таким образом, Земского собора по поводу Ливонской войны в 1579 г., видимо, не было⁶⁹⁶.

Войска Речи Посполитой основной удар в 1579 г. нанесли по занятому русскими в 1563 г. Полоцку. Гарнизон крепости капитулировал в сентябре⁶⁹⁷. Грозный был уверен, что сдача города произошла из-за измены воевод. Очевидно, подобное мнение имело под собой некоторые основания: воеводы Телятевский, Волынский и Раков получили пожалования от Батория, часть гарнизона также перешла на службу польскому королю⁶⁹⁸. В глазах царя налицо была очередная измена, но, в отличие от более раннего времени, бороться с ней путем террора стало практически невозможно — следовало опасаться перехода армии на сторону противника.

Экономическое положение России оставляло желать много лучшего. Страна была разорена непрерывными войнами, эпидемиями, переселениями. Тяжелые испытания выпали не только на долю подавляющей массы населения — крестьян, но и на детей боярских — основную часть вооруженных сил. По мнению правительства, островками относительного благополучия являлись монастырские и церковные владения, сильно увеличившиеся за годы правления богомольного царя⁶⁹⁹. Впрочем, исследования историков свидетельствуют о том, что в самом конце 70-х годов наблюдается резкое снижение количества вкладов в обители. По предположению С. Б. Веселовского, подобное явление связано с реакцией против них в среде самих вотчинников⁷⁰⁰. Ю. Г. Алексеев датирует уменьшение вкладов началом 80-х годов. Главную причину этого он видит не в правительственных мероприятиях, а в изменении условий жизни феодала: прекращении политики опал, переселений и казней. Исчез один из стимулов вкладов — стремление найти убежище в стенах монастыря⁷⁰¹.

Как бы то ни было, начало 1580 г. ознаменовалось приняти-

ем Приговора, направленного на пресечение дальнейшего роста земельных владений Церкви. Основные положения этого акта следующие: во-первых, все церковные земли с 15 января 1580 г. остаются за их нынешними владельцами, запрещаются выкуп вотчин и сами суды с монастырями по земельным делам, даже если владение не «утверждено крепостми». Во-вторых, запрещается делать земельные вклады по душе, вместо этого рекомендуется давать деньги. Вотчины же передавать родственникам, даже дальним; если таковых не окажется, то владение переходит государю, который и позаботится, приказав заплатить деньги из казны, об устройстве души землевладельца. В-третьих, духовенству запрещается покупать земли и держать их в закладе. К нарушителям запрета будут применяться санкции — земли перейдут в казну безденежно. В-четвертых, те земельные владения, которые в настоящее время находятся в закладе у иерархов и монастырей, также переходят в казну, однако за них будет выплачена компенсация: «А в денгах ведает Бог да государь, как своих богомолцев пожалует». В-пятых, судьба «княженецких вотчин», которые поступили духовенству до 15 января 1580 г., находится в руках царя — «как своих богомолцев пожалует». Если же кто осмелится после Приговора без специального разрешения правительства взять княжескую вотчину, то она переходит в казну безденежно. Если же княжеская вотчина досталась духовенству не по завещанию, а покупкой, то ее следует «взяти на государя, а в денгах ведает Бог да государь». В-шестых, архиереям и монастырям категорически запрещается увеличивать свой земельный фонд, «жити им на тех землях, что ныне за ними». В-седьмых, если монастырь не имеет земель или их недостаточно, то следует «бить челом государю», а он с митрополитом и боярами примет решение о выделении земельных владений «как будет пригоже».

Постановлениям предшествует вводная часть, в которой указывается на нашествие внешних врагов, которые «хотяху потребити Православие». Между тем земельные владения духовенства приходят в запустение, «в пустошь изнуряхуса паче потребы, а воинственному чину от сего оскудение приходит велие». Чтобы церкви Божии были «без мятежа», а «воинский чин на брань противу врагов креста Христова ополчатца крепце», Освященный собор совместно с Грозным, царевичем Иваном и боярами и принял вышесказанные решения⁷⁰².

Считается, что именно о Соборе 1580 г. идет речь и в мемуарах Горсея. По его словам, Грозный решил изыскать богатства для царевича Ивана. С этой целью в столицу были затребованы представители духовенства, которым было предложено поделиться «частью своих несметных богатств». В ответ на это Освященный собор подал царю грамоту, в которой, судя по всему, содержался отказ выполнить требования монарха. Затем к царю были призваны 40 «наиболее значительных и назойливых духовных особ», перед которыми Иван Васильевич произнес речь, страстно бичуя различные пороки церковников. Горсей упоминает папского нунция, который якобы убеждал царя отдать Русскую церковь под власть папы, и английского короля Генриха, закрывшего монастыри в своей стране. В заключение Грозный потребовал предоставить список всех богатств и доходов духовенства, так как они необходимы для защиты страны от внешней угрозы. Ошеломленные церковники вместе с «опальной знатью» долго обдумывали создавшееся положение и хотели «начать мятеж». Узнавший об этих замыслах царь приговорил часть монахов к смерти. В день св. Исайи семь человек были растерзаны медведями. Запуганное духовенство вынуждено было предоставить затребованный Иваном IV список. Таким образом царь заполучил 300 тысяч марок и многие земли. С помощью этих богатств Грозный «усмирил недовольство своих бояр; многих из них царь возвысил, поэтому большинство его доверенных лиц, военачальников, слуг лучше исполняли все его намерения и планы». Горсей указывает, что в его распоряжении находился какой-то «подлинник», с которого он и сделал свой перевод⁷⁰³.

С. Б. Веселовский считал сочинение англичанина в части, касающейся событий 1580 г., «правдоподобным» откликом «толков и слухов, которые ходили по Москве, о борьбе духовенства с намерением правительства ограничить его права и привилегии», хотя «претензия на литературные эффекты сильно повредила его рассказу и придала ему некоторый оттенок фантастичности». Сходное мнение высказал и Л. В. Черепнин, считавший, что здесь видны «отголоски той борьбы, которая, очевидно, развернулась в среде господствующего класса». Конечно, это не объективное и достоверное описание реальных событий, но с его помощью мы имеем возможность «ощутить остроту ... происходивших на заседаниях конфликтов». А. А. Севастьянова отмечает, что в тексте Горсея в действительности нет перевода документа, хотя совпадают мотивы

вы вступительной части Приговора. Р. Г. Скрынников считает, что сведения Горсея нельзя использовать для обоснования мнения о столкновениях царя с духовенством⁷⁰⁴.

По нашему мнению, сочинение Горсея в этой части наполнено разнообразными неточностями и противоречиями. В самом деле, основной целью действий царя автор мемуаров считает желание приобрести богатства для наследника, что едва ли справедливо. Наряду с этим упоминается о раздаче приобретенных средств боярам, которые стали лучше служить. Не мог царь упоминать и папского нунция, так как в действительности Поссевино появился в России лишь спустя год после описываемых событий. Вряд ли Грозному были известны антимонастырские мероприятия английского правительства. Наконец, рассказ о казнях монахов в день св. Исайи (28 мая⁷⁰⁵), вероятно, полностью выдуман. Никакие другие источники не сообщают о подобных казнях, и к тому же Приговор был принят в январе, а не в мае. Очевидно, Горсей записал лишь слухи, часть из которых соответствовала действительности, а затем, спустя годы, приукрасил их совершенными небылицами для занимательности чтения. Таким образом, сочинение англичанина не может служить надежным источником для рассмотрения вопроса о борьбе духовенства с антицерковными проектами правительства.

Документ же, который не вызывает никаких сомнений в его подлинности, — это сам Приговор, вызвавший большой интерес исследователей. Г. В. Вернадский пришел к выводу, что основной задачей правительства было увеличение земельного фонда и пополнение казны. Приговор представляет собой компромисс: основная масса земельных владений оставалась в распоряжении духовенства, но категорически запрещался дальнейший рост церковных вотчин. Некоторые же категории земель подлежали изъятию у монастырей. По мнению ученого, на этом же Соборе рассматривался вопрос о введении заповедных лет⁷⁰⁶. С. В. Бахрушин писал о том, что в начале 80-х годов правительство приступило к реформам, которые должны были помочь дворянству преодолеть последствия экономического кризиса и восстановить финансы. Реформы проводились за счет церковного землевладения, и Собор 1581 г. (так!) был первым шагом в этом направлении. Как можно понять из текста исследователя, на том же Соборе монастыри лишились тарханов, что было сделано с целью не допустить перехода крестьян на льготные земли. Это был первый шаг к установлению крепостного права⁷⁰⁷.

С. Б. Веселовский считал, что Приговор 1580 г. составлен под диктовку царя в интересах рядовых и мелких помещиков. Вместе с тем после упорного сопротивления иерархи и монастыри сдавали свои позиции. Показателем подобного сопротивления является запрет выкупа завещанных монастырям земель. Сломить духовенство помогло то, что интересы различных групп церковников не совпадали: под давлением воинского чина иерархи заняли явно противомонастырскую позицию и провели постановления, как будто направленные на все духовенство, но в действительности — против монастырей. Историк полагал, что ровно через год, в январе 1581 г., Приговор был еще раз подтвержден Освященным собором, царем и боярами⁷⁰⁸.

Мероприятием, направленным против монастырей, считал решения Собора 1580 г. В. И. Корецкий. Правительству помогло белое духовенство и иерархи, не заинтересованные в дальнейшем увеличении земельных богатств обитателей. Монахи шли на уступки крайне неохотно, «выторговывая» себе компенсацию в виде запрета на выкуп вотчин. Недовольство черного духовенства было столь велико, что через год Приговор был подтвержден с некоторыми ограничениями в пользу монастырей⁷⁰⁹.

По мнению А. А. Зимина, острие Приговора было направлено против вотчинников, которые продолжали отдавать земли в монастыри, то есть против опальных вотчинников, которые стремились избежать конфискации своих владений государем и обеспечить жизнь своей семье под покровительством обителя. Следовательно, эти постановления были направлены против тех землевладельцев, которые испытали на себе основной удар репрессий, они находились в тесной связи с общей политикой правительства, направленной на укрепление единого государства. По отношению же к монастырям эти постановления не были последовательными, правительству пришлось пойти на значительные уступки. Исследователь имеет в виду запрет выкупа и возможность приобретения новых земель после челобитья царю⁷¹⁰. В более поздней работе А. А. Зимин отметил двойственный характер Приговора: с одной стороны, санкционировалась неприкосновенность монастырских земель, а с другой — запрещалось пополнять их фонд. Решения 1580 г. легли в основу практической деятельности правительства, связанной с монастырским землевладением. В перспективе Приговор отвечал интересам дворянского землевладения и казны,

однако результаты должны были сказаться через продолжительное время⁷¹¹.

Б. Н. Флоря обратил внимание на публицистичность введения Приговора 1580 г. Сделано это было с целью убедить дворян в том, что вина за их тяжелое положение ложится на духовенство, а правительство стремится им помочь. Но в реальности решения не облегчали положения детей боярских, так как содержали запрет выкупа земель. Разделы же о княжеских вотчинах были сформулированы нечетко: конфискации и выкуп владений казной фактически не применялись. Забота о воинстве, провозглашенная во вступлении, оказалась в основном демагогией⁷¹².

Р. Г. Скрышникову удалось убедительно показать, что в начале 80-х годов существовал один Приговор о монастырском землевладении, составленный именно в 1580 г. Мнение исследователей о том, что ровно через год решения Освященного собора были еще раз подтверждены (о чем писали, например, С. Б. Веселовский и В. И. Корецкий), связано с существованием испорченной и сокращенной копии Приговора 1580 г., которая была внесена в текст сводного Судебника. Ученый считает, что документ подтвердил и детализировал нормы 1572 г. с запрещением земельных вкладов в монастыри и запретом выкуна. Уступки Церкви носили в Приговоре формальный характер, они ограждали церковное землевладение от покушений частных лиц, но не казны. Доказательством этого, по мнению Р. Г. Скрышникова, являются положения о княжеских вотчинах и закладных землях. Духовенство вынуждено было предоставить правительству неограниченную возможность изымать (с выкупом или без такового) бывшие владения княжат, причем независимо от времени их перехода к монастырям. Антимонастырское законодательство в конечном итоге принесло выгоду не только казне, но и поместному дворянству⁷¹³.

Л. В. Черепнин сомневается в том, что Приговор написан под диктовку царя, и полагает, что принятие решений сопровождалось конфликтами среди участников заседания⁷¹⁴.

Для Т. Е. Новицкой основная цель законодательства 1580 г. — вернуть царю поддержку дворянства, разоренного войной и внутренней политикой Грозного, так как именно дворянству должны были передаваться земли, изъятые у монастырей. Однако на практике Приговор почти не применялся, в чем виноват государственный аппарат, расшатанный опричниной и войной⁷¹⁵.

Е. И. Колычева обратила внимание на то, что постановления Собора 1580 г. не подписала значительная группа «церковных феодалов». Среди них три епископа и настоятели северных малоземельных монастырей. Этот факт свидетельствует, по мнению исследовательницы, о существовании серьезной оппозиции правительственному проекту. Царю не удалось провести решение об отмене тарханов, уступки же духовенства были не очень значительны. Е. И. Колычева не согласна с Р. Г. Скрынниковым в том, что все бывшие княжеские вотчины могли быть изъяты у монастырей, скорее всего в Приговоре речь идет лишь о недавних приобретениях. К тому же общая доля княжеских и закладных земель в общем фонде монастырей была не столь велика⁷¹⁶.

А. И. Копанев считает, что текст Приговора готовили светские лица, то есть правительство Ивана Грозного. По вопросам церковного землевладения шла ожесточенная борьба, представление о которой дают мемуары Горсея. Духовенству удалось отстоять неприкосновенность основных земельных владений, но монастыри могли лишиться бывших княжеских и закладных вотчин. Решения Собора отвечали, скорее всего, интересам дворянства, так как поступившие в казну земли шли в поместную раздачу⁷¹⁷.

Таковы основные мнения исследователей. По нашему мнению, говорить о направленности Приговора можно, лишь рассмотрев его основные положения и сравнив с предыдущим законодательством. Решениями 1572 г. запрещалось давать земли в крупные монастыри, теперь же подобный запрет был распространен на все духовенство. И там, и здесь запрещено выкупать вотчины у обитателей, однако в 1580 г. запрет выкупа распространяется на земли, даже не «утвержденные крепостми», то есть права на владение которыми не оформлены в надлежащем порядке. Видимо, это было выгодно монастырям. Согласно Приговору 1572 г., в малые монастыри можно было принимать вклады лишь с разрешения царя и боярского приговора, участие представителей духовенства не предусматривалось, теперь же вопрос о наделении мелких обитателей земель будет решаться «соборне» при участии митрополита, что явно выгодно церковникам.

Закладные земли должны были, согласно решениям 1580 г., отойти государю, причем за известную компенсацию, размер которой оставлен на усмотрение царя. Р. Г. Скрынников уделяет большое внимание этому разделу Приговора, считая, что «фонд земель,

перешедших к церкви по закладным, был, по-видимому, достаточно обширен»⁷¹⁸. Однако доказательств своего мнения исследователь не приводит. Но даже такой крупный монастырь, как Троице-Сергиев, за 30 лет увеличил свои земельные богатства с помощью заклада всего на три владения — менее 2% от общего количества своих приобретений⁷¹⁹. Таким образом, закладные земли, видимо, не составляли сколько-нибудь значительного процента во владениях черного духовенства. К тому же эти земли конфисковывались за выкуп, размер которого едва ли мог быть меньше, чем сумма, затраченная монастырем.

Вопрос о бывших княжеских вотчинах также требует специального рассмотрения. По мнению Р. Г. Скрышникова, закон 1580 г. предусматривал возможность отчуждения всех княжеских вотчин, когда бы то ни было перешедших в распоряжение духовенства⁷²⁰. Однако более верным представляется мнение Е. И. Кольчевой, которая указала, что постановление было направлено на сравнительно недавние приобретения⁷²¹. Скорее всего, здесь имеются в виду те владения, которые перешли монастырям от князей в обход законов второй половины XVI в., причем за куплю предусматривалась компенсация, а судьба княжеских вкладов решалась царем. При этом из текста Приговора совершенно не вытекает, что эти земли будут непременно отписаны в пользу казны⁷²².

Таким образом, по нашему мнению, Приговор 1580 г. нельзя назвать антимонастырской акцией правительства. Это фиксация сложившегося положения с церковным землевладением. Некоторые пункты Приговора были очень выгодны монастырям. Отчуждение владений в большинстве случаев предусматривается с денежной компенсацией, что в условиях экономического кризиса, видимо, вполне устраивало духовенство. Конфискация без выкупа бывших княжеских земель оставлялась на усмотрение Грозного, и доказательств того, что это право широко применялось, мы не имеем. Скорее всего, забрать вотчину — вклад по душе — без выкупа было слишком сложно даже для царя, поскольку это означало лишить душу завещателя помощи и поддержки. Выплачивать же деньги за земли из казны в широких масштабах было едва ли возможно.

Яркая публицистичность введения Приговора определялась, видимо, стремлением правительства показать свою заботу о служилых людях, а не реальным содержанием законодательства. Может быть, именно из-за введения, а не из-за основного содержания до-

кумента часть представителей духовенства и отказалась поставить свои подписи под Приговором. Значение этого документа — в его направленности на будущее, а не в удовлетворении сиюминутных потребностей государственной казны и детей боярских. Вместе с тем и после 1580 г. владения духовенства продолжали увеличиваться, хотя и в гораздо меньших масштабах⁷²³.

Часть исследователей считает, что в 1580 г., кроме Собора о судьбах церковного землевладения, проходил и еще один Собор, который решал вопрос о продолжении Ливонской войны. Доказательством служит письмо Филона Кмиты королю Стефану Баторию. Из него узнаем, что в ходе набега на русские владения были захвачены в плен дети боярские, которые на допросе заявили о том, что «великий князь в то время имел у себя сейм, желая от всех людей, своих подданных, знать иметь ли войну или мир». По показаниям пленных, участники Земского собора просили Грозного как можно скорее пойти на заключение мира. Подобное предположение впервые высказал М. Н. Тихомиров, и оно нашло поддержку у некоторых других историков⁷²⁴. По мнению Б. Н. Флори, Собор проходил в ноябре — декабре 1580 г. и сопровождался выступлениями дворянства с требованиями закончить затянувшуюся войну из-за экономического разорения. Грозный в условиях начала 80-х годов не мог применить силу, так как репрессии могли подтолкнуть дворян к переходу на сторону Батория⁷²⁵. Однако единственный источник, который повествует о Соборе, наполнен фактическими ошибками, на что обратил внимание Р. Г. Скрынников. Польское слово «сейм» появилось в показаниях пленных скорее всего в результате перевода их показаний. Речь может идти лишь о слухах, которые дошли до детей боярских, а не о реальном Земском соборе⁷²⁶.

Приговор 1580 г. фактически ничего не дал государственной казне и никак не облегчил положение служилых людей. Е. И. Колычева предположила, что первоначально правительство на Соборе хотело добиться отмены тарханов, что дало бы в руки царя значительные денежные средства, но позиция духовенства не позволила Грозному осуществить задуманное⁷²⁷. Следует признать, что нет доказательств подобных намерений у руководства страны. Мы можем опираться лишь на бесспорно установленные факты. Очевидно следующее: в начале 80-х годов было принято решение о денежных сборах, в том числе и с отарханенных земель монастырей.

В. И. Корецкий обратил внимание на то, что Иосифов и Кириллов монастыри внесли в государственную казну значительные денежные суммы. Исследователь думает, что можно говорить о налоге, введенном в действие с 1581 г. и о серьезном нарушении тарханских привилегий с этого времени⁷²⁸. Таково же мнение и большинства других историков⁷²⁹.

Е. И. Кольчева в своем исследовании высказала предположение, что в действительности начало 80-х годов ознаменовалось не ограничением тарханов, а их отменой не позднее 1581 г. царским распоряжением в качестве чрезвычайной временной меры. С этого года правительство собирает основные налоги с ранее отарханенных земель. Соборно это решение было подтверждено уже после смерти Грозного — в 1584 г.⁷³⁰ Как бы то ни было, бесспорно одно — с 1581 г. власти собирают налоги с земель духовенства, в том числе и с тех, которые имели налоговые льготы-тарханы.

Возможно, что несогласие с политикой царя привело в начале 1581 г. митрополита Антония к решению оставить кафедру. Другой причиной могло быть несогласие с решением правительства обратиться за посредничеством по вопросу об окончании войны к папскому престолу. Имеются источники, которые подтверждают мнение о том, что Антоний удалился в монастырь, а не умер, находясь на посту митрополита. Во-первых, это свидетельство Поссевино, который пишет, что во время его пребывания в Москве в монастыре находился предыдущий митрополит⁷³¹. Во-вторых, Макарий (Веретенников) обратил внимание на запись в Синодике Успенского собора, в которой указывается, что Антоний «сдучи в монастырь, дал ... 50 рублей 7089-го». На основании этой записи исследователь сделал вполне обоснованное предположение о том, что первосвятитель удалился в Новоспасскую обитель, умер и похоронен в ней⁷³². Следовательно, указание М. Д. Дурново о том, что Антоний был похоронен в Успенском соборе у левого столба, является ошибочным⁷³³. Новым митрополитом стал настоятель Хутынского монастыря Дионисий⁷³⁴.

Между тем обстановка на театре военных действий продолжала складываться для России неудачно: осенью 1580 г. неприятелем были захвачены Великие Луки и Корела⁷³⁵. Грозный осознавал всю тяжесть ситуации и предпринимал определенные шаги для достижения мира. Но польское правительство сочло уступки, предложенные русской стороной, недостаточными. Как писал царь в Соловец-

кий монастырь в августе 1580 г., «мы к нему (к королю Стефану Баторию. — *В. Ш.*) посылали о миру и с покорением, а он с нами мириться не хочет, а на нашу землю идет ратью»⁷³⁶. Почти ровно через год, когда положение стало воистину угрожающим, Грозный счел нужным в очередной раз покаяться в грехах перед духовенством: «Смея и несмея челом бью, что ... Бога прогневил и вас своих богомольцев раздражил и все православие смутил своими неподобными делы, и за умножение моего беззаконя и ради многого согрешения Богу попустившу варваров христианства разоряти ... и вы бы пожаловали показали милость на нас смиренных и недостойных рабов своих ... А мы с детьми вам со слезами челом бьем»⁷³⁷.

Несмотря на подобные покаянные настроения царя, казни в стране продолжались. Один из летописцев в записи под 7089 г. (1580/81 г.) свидетельствует: «По повелению ... царя ... бысть на Москве казнь великая всяких чинов людем за их вину, а на площади казнили гостей изменников и торговых людей и воинских и иных по рассмотрению своему, кто чего достоин, и после того времени бысть на Москве тишина велия в людех и безмолвие великое во всех русских городех»⁷³⁸. Краткая летописная заметка не позволяет сделать никаких выводов о конкретной «измене», которая ставилась в вину казненным. Однако существуют некоторые факты, которые, возможно, позволят приоткрыть завесу над казнями 1581 г. Весной в Польшу бежал Давид Бельский — родственник одного из самых влиятельных лиц в окружении Грозного Богдана Бельского⁷³⁹. В том же 7089 г. И. Ф. Мстиславский и его сыновья Федор и Василий были обвинены в каких-то преступлениях и прощены лишь по печалованию митрополита Дионисия и всего Освященного собора. Князья признавались «во многих винах» и обещали впредь не изменять и городов врагу не сдавать⁷⁴⁰. Наконец, русский посол в Англии Ф. А. Писемский должен был довести, в случае возникновения вопросов, до сведения королевы Елизаветы следующее: «Люди у государя нашего в его ... твердой руке; в которых людех и была шатость, и те люди, вины свои узнав, государю били челом и просили у государя милости и государь им милость свою показал»⁷⁴¹.

По нашему мнению, все эти известия источников непосредственно связаны между собой и отражают ту ситуацию, которая сложилась внутри страны к концу Ливонской войны. Видимо, дело не в том, что Грозный, взяв запись с Мстиславских, решил «указать на-

роду на «виновника» катастрофы» последних лет войны⁷⁴², а в том, что у царя были достаточно серьезные основания для уверенности в существовании «измены», в которую вовлечен достаточно широкий круг лиц, включая и довольно влиятельных. Побег Бельского подтверждает правомерность подобных предположений. В действительности казнить всех подозреваемых было невозможно. Скорее всего, царь ограничился казнями лишь менее значительных участников существующего или предполагаемого «заговора», о чем и сообщает Летописец. Духовенству во главе с новым митрополитом Дионисием была предоставлена возможность похлопотать о смягчении участи остальных подозреваемых во главе с Мстиславскими. Признав свою вину, они были помилованы Грозным. Кроме того, в условиях поражений на фронте царь, видимо, опасался широко использовать свои любимые методы выведения крамолы, так как в случае чрезмерной жестокости можно было опасаться расширения «измены» и перехода армии на сторону Батория⁷⁴³.

То, что война была проиграна, что Россия в условиях экономической разрухи не сможет продолжать активные боевые действия, стало в начале 80-х годов ясно Грозному. Инициативы русского правительства с целью добиться мира или перемирия не привели к успеху — Стефан Баторий желал окончательной победы⁷⁴⁴. Было решено обратиться к посредничеству Рима. Еще в августе 1580 г. с грамотой в Вечный город был отправлен гонец Истома Шевригин. До цели он добрался в феврале 1581 г. и был принят папой, который объявил о том, что посылает в качестве своего представителя Антонио Поссевино⁷⁴⁵. Иезуит уже выполнял дипломатические поручения папского престола в Швеции, а перед этим долгие годы являлся секретарем генерала Ордена⁷⁴⁶.

В конце марта 1581 г. Поссевино выехал из Рима. К его встрече на границе тщательно готовились. Сохранилось послание Ивана IV от 27 июля епископу Смоленска Сильвестру, в котором царь дает свои наставления: иезуита не благословлять, в алтарь не пускать, но если он придет в собор, то служить «соборно, нарядно» и разрешить посещение всех монастырей и церквей⁷⁴⁷. Очевидно, что это решение Грозный принял самостоятельно, не консультируясь с митрополитом. Только на следующий день — 28 июля из Старицы в Москву было отправлено повеление Дионисию соборно решить, «пригоже ли папина посланника по церквам и монастырям пускати и ему у епископа смоленского быти». Лишь 1 августа митрополит

отписал Сильвестру Смоленскому о том, что духовенство соборно решило отказать Поссевино в посещении храмов под тем предлогом, что в церкви ему «до государева указу быти не вместно». Когда же он поедет назад, то от царя последует специальный указ об этом⁷⁴⁸. Как мы можем видеть, налицо определенные противоречия между позицией Грозного и позицией духовенства. Возможно, это вызвано тем, что государь не известил духовенство о уже принятом им решении разрешить Поссевино посещать русские церкви. Позиция же монарха вполне понятна — в данный момент его интересовало успешное проведение переговоров, и он не стремился подчеркнуть разницу между «христианами»⁷⁴⁹.

Не останавливаясь на перипетиях дипломатических переговоров, отметим лишь, что царь был очень любезен во время первых встреч с Поссевино, и через своих приближенных дал ему понять, что разрешит построить в России католический храм или даже «сам построит его», если установится мир⁷⁵⁰. Для Грозного это было лишь приемом, который вел к успеху (в России хорошо знали о желании Рима распространить католицизм и подчинить Русскую церковь папе). Характерно, что, по словам иезуита, правитель лично ничего не обещал. Таким образом, от этих обещаний можно было в любой момент отказаться.

Перемирие, подписанное между Россией и Речью Посполитой при посредничестве Поссевино, не отвечало интересам России: многочисленные жертвы оказались напрасными⁷⁵¹. В Псковской летописи утверждается даже, что литовцы обманули Грозного, специально «заслаша к нему протопопа Антония римскаго от папы мировати». Антоний сообщил царю, что Псков взят, и добился уступок со стороны России⁷⁵².

Когда Поссевино после заключения перемирия прибыл ко двору, то убедился, что большинство авансов, щедро раздаваемых ему царем и его приближенными, были лишь уловкой. Иван IV с крайней неохотой согласился на диспут о вере, объясняя свое нежелание тем, что «на такое великое дело и дерзнуть не вместно, без благословения и рукоположения отца нашего и богомольца Деонисья митрополита и всего Освященного собора. О вере нам без их собору говорит непригож». Но в конце концов разговор состоялся, причем, как и следовало ожидать, стороны остались при своем мнении. Особое неудовольствие Грозного вызывало то, что папа «превыше царей гордостью обносится» вместо того, чтоб «должное

смирение показывати». Все попытки Поссевино убедить царя в том, что почтение к папе переходит на самого Христа, не удовлетворили Грозного. Очевидно, Иван Васильевич считал, что именно в России сложились наиболее правильные отношения между духовенством и светской властью: «Царем благочестивым подобает царское содержать, а святителем святительская; а мы почитаем для духовного дела, митрополита русского называем отцем и богомольцем своим, и покланяемся ему, и чтим его, и благословения от него требуем и его встречаем».

Из источников известно, что встреч царя с иезуитом было несколько, во время одной из них папскому послу было предложено посетить службу в Успенском соборе, однако Поссевино успел улизнуть⁷⁵³. Согласно Московскому летописцу, Поссевино сам просился в Успенский собор «смотреть церковной красоты». Грозный ему разрешил, но митрополит Дионисий отказался его пустить из-за того, что тот «крестного знаменья на себя не положил»⁷⁵⁴. Это сообщение Летописца неверно, но отражает, видимо, некоторые противоречия между царем и митрополитом, которые проявились уже во время подготовки к встрече Поссевино в Смоленске.

Кроме личных бесед Грозного с Поссевино имел место и специальный Собор, созванный по приказу царя для рассмотрения взглядов последнего. Об этом Соборе имеются свидетельства как русских источников, так и самого иезуита. Он пишет: «Великий князь вызвал шесть епископов, не считая митрополита, как для богослужения, так и для беседы со мной о религии. Однако, получив наше сочинение ... они не сказали ни слова». Затем упоминается архиепископ Ростовский, который одобрил все положения сочинения католика, был за это лишен сана, сослан и «умер более счастливый, чем те, кто пережил его»⁷⁵⁵. Согласно русским источникам, было несколько Соборов, посвященных мнениям Поссевино. На первом из них вскрылась ересь Давида Ростовского, о чем митрополит Дионисий сообщил Грозному. На следующем Соборе присутствовал сам царь, который и выступил обличителем архиепископа. Затем, уже на третий Собор, был приглашен и сам папский посланец, мнения которого, согласно источнику, опроверг опять-таки царь. В результате Поссевино был посрамлен и отправился в Рим, ничего не добившись⁷⁵⁶.

Совпадение русских и иностранных свидетельств относительно неожиданного выступления Давида Ростовского — одного из руко-

водителей Церкви делает сам факт его согласия с сочинением Поссевино неопровержимым. Причины подобного шага едва ли можно будет когда-нибудь определить. Возможно, дело связано с разногласиями между митрополитом и царем, о которых уже упоминалось выше. Не разобравшись в истинных мотивах первоначального расположения Грозного к папскому послу, Давид мог рассчитывать своим выступлением услужить монарху, у которого, по его мнению, были определенные трения с Дионисием. В. И. Корецкий смог установить дальнейшую судьбу опального архиепископа: он был отправлен в Соловецкий монастырь, пережил царя и вернулся в Москву в 1588 г.⁷⁵⁷ Это могло быть связано с тем, что к тому времени Дионисий уже лишился митрополичьего престола.

Поссевино удалось в России добиться немногого: разрешения на строительство католических церквей он так и не получил, впрочем, католикам было позволено исповедовать свою веру⁷⁵⁸. Интерес представляет послание царя Ивана Смоленскому епископу в марте 1582 г. В нем указывается, что в случае, если папский посланник выразит желание зайти в церковь, то ему следует отказать: «Ему быти у тебя в церкви не вместно, и от нас к тебе о том указу нет»⁷⁵⁹. Сравнение двух документов (имеем в виду послание Грозного во время ожидания Поссевино) показывает изменение отношения царя к иезуиту. Возможно, определенную роль здесь сыграла и непримиримая позиция духовенства во главе с митрополитом Дионисием.

Сам Поссевино объяснял неудачу своей основной миссии происками протестантов, которые «погрязли в ереси» и наговаривают Грозному на папу. Основной гнев посланца направлен против английских купцов, передавших царю книгу, «в которой папу именуют антихристом», и на некоего врача-анабаптиста, участвовавшего в работе Освященного собора, рассматривавшего разницу между католической и православной верами⁷⁶⁰.

Возможно, что английские купцы действительно настраивали русских, в том числе и самого царя, против католицизма. В мемуарах Горсея имеется упоминание о каком-то его столкновении с Поссевино. Англичанин с одобрением пишет о том, что «царь резко отклонял и отвергал учение папы, рассматривая его как самое ошибочное из всех существующих в христианском мире: оно угрожает властолюбию папы, выдуманно с целью сохранить его верховную иерархическую власть, никем ему не дозволенную; царь изумлен тем, что отдельные христианские государи признают его верховен-

ство, приоритет церковной власти над светской». Подобные взгляды, по словам Горсея, Грозный приказал своему духовенству изложить папскому нуцию⁷⁶¹. Резкая антикатолическая позиция английских купцов понятна: кроме расхождений в вере они могли опасаться, в случае сближения России с Римом, конкуренции итальянских купцов-католиков.

Последние годы жизни были для Грозного исключительно тяжелыми: экономический кризис, неудачи в Ливонской войне, «измены» подданных. Все это дополнилось смертью старшего сына и наследника царевича Ивана. Сейчас трудно сказать, что же в действительности произошло в Слободе осенью 1581 г. Источники сходятся в том, что смерть царевича так или иначе связана с ссорой между царем и его сыном. Очевидно одно: смерти Ивана Ивановича предшествовала десятидневная болезнь, о которой монарх сообщил Никите Романовичу Юрьеву и Андрею Щелкалову в послании от 12 ноября. Грозный ставит своих советников в известность, что царевич «разнемогся» и «конечно болен». Н. П. Лихачеву на основании этого послания удалось установить, что болезнь началась 9 ноября⁷⁶². Летописные источники смерть наследника относят к разным числам⁷⁶³, но, согласно Кормовой книге Троицкого монастыря, это произошло 19 ноября⁷⁶⁴.

Псковская летопись считает, что роковая ссора вспыхнула из-за того, что наследник настаивал на активных действиях русских войск во время осады Баторием Пскова⁷⁶⁵. По сведениям Горсея, гнев царя вызвали следующие обстоятельства: сочувствие царевича жителям разгромленной Немецкой слободы, любовь к нему подданных и распоряжение наследника о выделении без ведома Грозного лошадей одному из дворян⁷⁶⁶. Наиболее подробный рассказ о событиях составил А. Поссевино. По его словам, ссора произошла из-за того, что Иван Иванович заступился за свою беременную жену, которую царь избивал⁷⁶⁷. Флетчер не указывал причину ссоры, заметив, что Грозный нанес наследнику удар в припадке бешенства. Острый конец палки глубоко вонзился в голову, и от раны царевич скончался⁷⁶⁸.

Трудно отдать предпочтение какому-либо рассказу о смерти наследника престола. По справедливому замечанию Н. П. Лихачева, все рассказы об этом событии не более, чем слухи⁷⁶⁹. Вместе с тем нельзя игнорировать то, что источники единодушно утверждают следующее — вина за смерть царевича лежит на Грозном.

Смерть наследника оказалась страшным ударом для царя. По свидетельству Поссевино, Грозный даже собирался покинуть престол, но бояре уговорили его этого не делать, опасаясь, что царь лишь хотел узнать настроения своего окружения⁷⁷⁰. По сообщению Флетчера, скорбь и мучения не покидали Ивана Васильевича до самой могилы⁷⁷¹. Иностранцы писали, что гибель царевича оказала «большое влияние на смягчение нрава князя»⁷⁷².

Для духовенства смерть царевича обернулась золотым дождем. Грозный стремился устроить душу сына и раздал по монастырям огромные суммы денег⁷⁷³. Только Сергиев монастырь получил более 5 тысяч рублей. Во вкладной книге указывается, что Грозный, находясь в обители, «шесть поклонов в землю положил со слезами и рыданием»⁷⁷⁴.

С. Б. Веселовский предположил, что именно старцы Троицкого монастыря, воспользовавшись тяжелыми переживаниями царя, употребили все средства, чтобы добиться поминания опальных, «признания за ними права на защитников в лице патронов-святых, на равноправное с ним ... появление перед “вечным судьей”, на помилование и вечную жизнь»⁷⁷⁵. Р. Г. Скрышников считает, что «прощение» казненных было лишь политическим маневром царя, с целью примирить его с земщиной⁷⁷⁶. По мнению Б. Н. Флоря, составление синодиков ни в коем случае не свидетельствует о раскаянии Грозного, а показывает лишь его стремление умиловить Бога, передать на его решение участь душ казненных царем людей⁷⁷⁷.

Как нам представляется, в последние несколько лет своей жизни Грозный подводил итоги своего долгого правления, и итоги эти были неутешительны: экономическое разорение, проигранная война, смерть наследника. Само существование династии было под вопросом. Очевидно, что все произошедшее случилось по воле Бога, который за какие-то прегрешения разгневался на царя. Вместе с тем признать всю свою политику ошибочной Грозный, скорее всего, не мог. Но в его воле было, как настоящему христианину, простить своих обидчиков, позаботиться об устройстве их душ. Видимо, Б. Н. Флоря прав в том, что царь пришел к выводу о том, что казненные должны были страдать лишь на этом свете, а их дальнейшая судьба должна решаться только Богом. Таким образом, по нашему мнению, при принятии решения о поминовении казненных значение имели два фактора: ис-

полнение христианского долга (прощение врагов, тем более по-смертное) и стремление снять с себя возможные обвинения (на Страшном Суде) в предопределении потусторонней участи казненных.

Как бы то ни было, огромные средства из государственной казны были отправлены по монастырям. За опальных деньги вносились и списком, и по отдельности. По подсчетам А. А. Зимина, в Кириллов монастырь, например, поступило около 10 тысяч рублей, в Иосифо-Волоколамский — более 5 тысяч, в Симонов — свыше 2 тысяч⁷⁷⁸. Фантастические по тем временам суммы оказались и в других обителях⁷⁷⁹. Возможно, что средства, попавшие в руки черного духовенства, были значительно больше тех сумм, которые необходимо было выплачивать в виде налогов за монастырские земли с 1581 г.

О характере отношений царя с митрополитом Дионисием после отъезда из России Поссевино трудно сказать что-либо определенное. Скорее всего, они были достаточно спокойными. Судя по описи архива Посольского приказа, в 7091 г. (1582/83 г.) Грозный совместно с митрополитом, Освященным собором и боярами рассматривал какое-то сыскное дело на старца Александра. Уже к моменту составления описи этот документ был ветхим и распавшимся⁷⁸⁰. Исходя из того, что сам царь занимался этим вопросом, для Ивана IV это представляло значительный интерес. К сожалению, других источников, позволяющих прояснить ситуацию, не известно.

Между тем дни царя были уже сочтены. Он скончался 18 марта 1584 г. По сообщению Горсея, «митрополиты, епископы и другая знать стекались в Кремль, отмечая как бы дату своего освобождения»⁷⁸¹. Духовник Грозного Феодосий Вятка постриг умирающего (или уже мертвого) государя в монахи с именем Иона⁷⁸². Пятидесятилетнее правление первого русского царя закончилось.

---

¹ Повесть о кончине Макария // Макарий (Веретенников). Святитель Макарий митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). М., 1996. С. 87–93.

² По вполне вероятному предположению Макария (Веретенникова), именно Афанасий являлся автором Повести о кончине Макария (*Макарий (Веретенников)*). Святитель Макарий митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). С. 84).

³ Макарий (Веретенников). Всероссийский митрополит Афанасий // Богословские труды. Сб. 25. М., 1984. С. 247–259; *Покровский Н. Н.* Афанасий (в

миру Андрей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. Л., 1988. С. 73–79; *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный // In memoiam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 282–291.

⁴ *Шмидт С. О.* Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 245.

⁵ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 231–257; *Грбовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр. История одного мифа. Лондон, 1987. С. 8; *Фильошкин А. И.* История одной мистификации. Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 309–329.

⁶ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 215, 217, 220, 221, 239, 333 и след.

⁷ *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 264. Курбский пишет, что это известие было передано через четверых: Андрея, князя Мстиславского, А. Ф. Адашева и самого Курбского --- очевидно, что все они были очень близкие Грозному люди.

⁸ *Покровский Н. Н.* Афанасий. С. 74–78. Ср.: *Неберекутина Е. В.* Митрополит Афанасий и проблема авторства Степенной книги // От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994. С. 126–153.

⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 254, 273.

¹⁰ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 239.

¹¹ *Зимин А. А.* 1) Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. 11. М., 1963. С. 279; 2) Опричнина Ивана Грозного. С. 239.

¹² *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь... С. 285.

¹³ *Макарий (Веретенников).* Всероссийский митрополит Афанасий. С. 254. Прим. 19.

¹⁴ «Стоглав» // РЗ. Т. 2. М., 1985. С. 354–360; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 380–389.

¹⁵ *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 139. В Послании в Кирилло-Белозерский монастырь царь писал: «... у Чюда быша среди царствующаго града пред нашими очима... Быша архимадрити: Иона, Исак Собака, Михайло, Васиян Глазатой, Аврамей, — при всех сих яко един от убогих бысть монастырей. При Левкии же како сравняса всяким благочинием с великими обители и духовным жительством мало чим отстоя» (ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 150–152).

¹⁶ *Курбский А. М.* История... С. 320. Вот что беглый боярин писал Грозному: «А за советом любимых твоих ласкателей и за молитвами чудовского Левки и прочих всех лукавых мнихов, что доброго и полезного и похвального, и Богу угодного приобрел еси?».

¹⁷ *Покровский Н. Н.* Афанасий. С. 78.

¹⁸ Повесть о кончине митрополита Макария. С. 87.

¹⁹ Даниил, бывший митрополитом до 1539 г., был поставлен еще при великом князе Василии Ивановиче; Иоасаф стал первоиерархом, когда Грозному не было еще и десяти лет; Макарий, занимавший кафедру 21 год, также стал митрополитом в то время, когда Иван был еще ребенком. То есть все три митрополита были поставлены не по воле государя.

²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 368; СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 172. С. 470–473; № 177. С. 484–487. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 109–

- 117; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 85–126; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 147–216.
- ²¹ Кроме раздумий о кандидатуре нового митрополита Грозный мог быть обеспокоен и известиями о поражении русских войск под командованием кн. Петра Шуйского в январе 1564 г. (ПСРЛ. Т. 13. С. 377).
- ²² Первый архиепископ Казани Гурий скончался 4 декабря 1563 г. (*Макарий (Булгаков)*. История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 353).
- ²³ ПСРЛ. Т. 13. С. 378–380.
- ²⁴ Там же. С. 379.
- ²⁵ Там же. С. 351–353.
- ²⁶ Там же. С. 363.
- ²⁷ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 442; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. М., 1998. С. 429.
- ²⁸ Если бы Пимен стал новым митрополитом, то не было бы надобности в самом Приговоре.
- ²⁹ *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 441.
- ³⁰ *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 102.
- ³¹ *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь... С. 285.
- ³² *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 204. Прим. 5; *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 240–241.
- ³³ ПСРЛ. Т. 13. С. 380.
- ³⁴ Там же. С. 380–381.
- ³⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 116.
- ³⁶ *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 172.
- ³⁷ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 245.
- ³⁸ Б. А. Успенский считает, что Афанасий и к моменту избрания митрополитом продолжал оставаться царским духовником, «обладал большой властью и был вообще на особом положении» (*Успенский Б. А.* Царь и патриарх. С. 76). Представляется, что это не так: в летописи Афанасий прямо называется «прежебывшим Благовещенским протопопом и духовником царя» (ПСРЛ. Т. 13. С. 380).
- ³⁹ *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.
- ⁴⁰ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 223.
- ⁴¹ *Скрынников Р. Г.* 1) Иван Грозный. М., 1975. С. 87; 2) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники Русской церкви. Новосибирск, 1991; 3) Царство террора. СПб., 1992. С. 179.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 13. С. 382–383.
- ⁴³ Там же. С. 383.
- ⁴⁴ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 174.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 383–384.
- ⁴⁶ АФЗХ. Ч. 3. М., 1961. № 11. С. 29–30.
- ⁴⁷ *Зимин А. А.* 1) Митрополит Филипп и опричнина. С. 279; 2) Опричнина Ивана Грозного. С. 240; *Покровский Н. Н.* Афанасий. С. 74.
- ⁴⁸ *Кашианов С. М.* 1) Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 84; 2) Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 171.

⁴⁹ Царь ожидал от Афанасия поддержки в назревавшей политической борьбе, именно поэтому митрополит и получил грамоту. В то же время от Филиппа Колычева Иван такой поддержки не ожидал и поэтому счел за благо не подтверждать ему жалованную грамоту.

⁵⁰ Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 17–18.

⁵¹ *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997. С. 97.

⁵² *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 117; *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь... С. 286.

⁵³ *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 222. Прим. 1; 2) Царство террора. С. 203.

⁵⁴ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 203.

⁵⁵ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 222. См. также: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 16.

⁵⁶ *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 172.

⁵⁷ АФЗХ. Ч. 3. С. 359–366. От конца сентября 1564 г. сохранилось послание Афанасия епископу Матвею Крутицкому, из которого следует, что личное общение царя и митрополита продолжалось: Афанасий пишет по «совету» Ивана Грозного. Царь просил духовенство молиться о победе русских войск над литовскими отрядами (ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. С. 302–303).

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 390.

⁵⁹ Там же. С. 391.

⁶⁰ Там же. С. 392.

⁶¹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // РИЖ. Кн. 8. Пг., 1922. С. 31.

⁶² *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 86.

⁶³ Послание Таубе и Крузе. С. 31.

⁶⁴ П. А. Садиков почему-то считает, что царь обвинял и митрополита. (*Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 20).

⁶⁵ По словам Штадена, «если кто-нибудь... так тяжело грешит, что заслуживает смерти, то митрополит мощной своей мог освободить его и пустить на все четыре стороны. Если кто разбойничал, убивал и грабил, а потом с добром и деньгами бежал в монастырь, то в монастыре он был свободен от преследования, что на небе, даже если он покрал казну великого князя» (*Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 85).

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 392.

⁶⁷ Там же. С. 393.

⁶⁸ *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 229, 235.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

⁷⁰ *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь... С. 286.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 393.

⁷² *Федотов Г. П.* Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991. С. 50.

⁷³ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 479. См. также: *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. СПб., 1992. С. 571.

⁷⁴ *Каптанов С. М.* 1) Финансовая политика периода опричнины. С. 83;

2) Финансы средневековой Руси. С. 171.

⁷⁵ *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 59, 62.

⁷⁶ См. напр.: *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. С. 529–532; 611–616.

⁷⁷ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 110.

- ⁷⁸ Там же. С. 113.
- ⁷⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 396.
- ⁸⁰ *Макарий (Булгаков)*. История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 353.
- ⁸¹ Крутицкий епископ был единственным из архиереев, постоянно живущих в Москве. Это определяло самые близкие отношения между ним и митрополитом. В «Стоглаве» специально указывалось, что в случае болезни митрополита суд осуществляет Крутицкий епископ («Стоглав». Гл. 68. С. 341; *Емченко Е. Б.* Стоглав. С. 360).
- ⁸² ПСРЛ. Т. 13. С. 393. В справочно-библиографических материалах к труду Макария (Булгакова) указывается, что Матвей в 1564 г. был удален в Кирилло-Белозерский монастырь (*Макарий [Булгаков]*. История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 356). Очевидно, что это не так -- сослан он мог быть только в январе 1565 г.
- ⁸³ СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 172; № 177. С. 470–473, 484–487.
- ⁸⁴ *Федотов Г. П.* Святой Филипп. . . С. 51.
- ⁸⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 116. См. также: *Вернадский Г. В.* Московское царство. Ч. 1. Тверь, М., 1997. С. 107; *Борисов Н. С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 147–148; *Покровский Н. Н.* Афанасий. С. 73.
- ⁸⁶ СГГД. Ч. 1. № 182; № 189. С. 503–506, 533–537; ДДГ. М.; Л., 1950. С. 447, 474–475.
- ⁸⁷ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 124.
- ⁸⁸ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 89–92.
- ⁸⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 339–340.
- ⁹⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 6. М., 1939. С. 577.
- ⁹¹ СГГД. Ч. 1. № 183. С. 507.
- ⁹² ПСРЛ. Т. 13. С. 401; Псковские летописи. Т. 2. С. 248.
- ⁹³ *Курбский А. М.* История. . . С. 358.
- ⁹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 408.
- ⁹⁵ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стб. 53.
- ⁹⁶ *Иловайский Д. И.* Царская Русь. М., 1996. С. 234–235.
- ⁹⁷ *Зимин А. А.* 1) Митрополит Филипп и опричнина. С. 279; 2) Опричнина Ивана Грозного. С. 240.
- ⁹⁸ *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 339; 2) Государство и церковь на Руси. . . С. 291.
- ⁹⁹ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 290, 297.
- ¹⁰⁰ О том, что Афанасий оставил свой пост в знак протеста против опричных репрессий, а болезнь была лишь благовидным предлогом, см. также: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 26, 57; *Сахаров А. М.* Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 106; *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 19, и др.
- ¹⁰¹ *Тытомиров М. Н.* Россия. . . С. 95.
- ¹⁰² *Покровский Н. Н.* Афанасий. С. 73. Однако С. М. Каштанов справедливо сомневается в справедливости подобных высказываний (*Каштанов С. М.* Финансовая политика периода опричнины. С. 84).

- ¹⁰³ *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 206. О смягчении режима весной 1565 г. см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 272–277.
- ¹⁰⁴ *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь... С. 291.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 286.
- ¹⁰⁶ *Шапошник В. В.* К вопросу о церковных соборах 50-х гг. XVI в. «Дела» Башкина, Артемия и Висковатого // Клио. № 2 (5). СПб., 1998. С. 144–145.
- ¹⁰⁷ Сборник РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 90–91.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 244–245, 262.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 302–315.
- ¹¹⁰ *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь... С. 287.
- ¹¹¹ Там же. С. 288; Сборник РИО. Т. 71. С. 413–414.
- ¹¹² *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 289–290.
- ¹¹³ Сборник РИО. Т. 71. С. 466.
- ¹¹⁴ *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь... С. 290–291.
- ¹¹⁵ Сборник РИО. Т. 71. С. 363–364.
- ¹¹⁶ 29 апреля Грозный выехал в Козельск, Белев и Болхов. Вернулся он в Москву лишь 28 мая. См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 401.
- ¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 401.
- ¹¹⁸ Там же. С. 401.
- ¹¹⁹ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 357–358.
- ¹²⁰ СГГД. Ч. 1. № 193. С. 557.
- ¹²¹ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. М., 1958. Стб. 699–701; Т. 2. М., 1958. Стб. 513; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 311; Вып. 12. М., 1987. С. 59–60. Одно из значений слова «обиход» — «повседневный уклад жизни», «правило».
- ¹²² *Макарий (Веретенников).* Всероссийский митрополит Афанасий. С. 259.
- ¹²³ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 403.
- ¹²⁴ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1990. С. 477.
- ¹²⁵ *Буланин Д. М.* Филипп II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 2. Л., 1989. С. 469–470; *Дмитриева Р. П.* Житие Филиппа митрополита (Колычева) // Там же. Ч. 1. Л., 1988. С. 344.
- ¹²⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 401.
- ¹²⁷ Там же. С. 402.
- ¹²⁸ *Курбский А. М.* История... С. 364–366.
- ¹²⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 403.
- ¹³⁰ *Костомаров Н. И.* Русская история... Т. 1. С. 477; *Иловайский Д. И.* Царская Русь. С. 235; *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 444; *Вернадский Г. В.* Московское царство. Ч. 1. С. 107; *Зимин А. А.* 1) Митрополит Филипп и опричнина. С. 280–281; 2) Опричнина Ивана Грозного. С. 242–244; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 339. Прим. 5. В поздней работе Р. Г. Скрынников более осторожен. Он пишет: «Трудно установить степень достоверности этого известия», то есть сведений Курбского об избрании Германа митрополитом (см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 291); *Первушин Н. В.* Св. Филипп, митрополит Московский. Священство и царство в Средневековой Руси // Вестник Русского христианского движения. № 130. 1979. С. 67; *Дмитриева Р. П.* Герман Полев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Вып. 1. Л., 1988. С. 152; *Буганов В. И., Богданов А. П.* Бунтари и

правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991. С. 93; *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. С. 533; *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства в России XVI века // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 218; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 207. Сомневался в сведениях Курбского и Макарий (*Макарий (Булгаков)*). История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 163–164).

¹³¹ *Вернадский Г. В.* Московское царство. Ч. 1. С. 187.

¹³² *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 243–244.

¹³³ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 339. Прим. 5.

¹³⁴ СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 189. С. 533–537.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 401.

¹³⁶ СГГД. Ч. 1. № 193. С. 557–558.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 401–402.

¹³⁸ Там же. С. 402.

¹³⁹ Сборник РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 364.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 402; СГГД. Ч. 1. № 192. С. 545–556.

¹⁴¹ СГГД. Ч. 1. С. 545–556.

¹⁴² *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 175–176; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 110; *Назаров В. Д.* К истории Земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 298–299.

¹⁴³ По летописи, «людей пословых и дворян 850 человек, гостей 56 человек». См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 402.

¹⁴⁴ Там же. С. 403.

¹⁴⁵ *Курбский А. М.* История. . . С. 364, 366.

¹⁴⁶ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 311–312.

¹⁴⁷ *Латышева Г. Г.* Публицистический источник по истории опричнины (к вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 30–62.

¹⁴⁸ *Дмитриева Р. П.* Житие Филиппа. . . С. 343–344.

¹⁴⁹ *Колобков В. А.* 1) Колычевская редакция «Жития св. Филиппа» (к датировке списка) // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 41; 2) Историческая достоверность «Жития св. Филиппа» // История Православия в России: Люди, факты, источники. СПб., 1995. С. 16.

¹⁵⁰ *Скрынников Р. Г.* 1) Государство и церковь на Руси. . . С. 279; 2) Царство террора. С. 344. Прим. 159.

¹⁵¹ *Латышева Г. Г.* Публицистический источник. . . С. 62; *Колобков В. А.* Историческая достоверность «Жития св. Филиппа». С. 18.

¹⁵² *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 143–146.

¹⁵³ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 176, 207. Прим. 145.

¹⁵⁴ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. . . С. 176.

¹⁵⁵ *Пономарев А. И.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 4. Ч. 2. СПб., 1898. С. 9; *Сапожникова О. С.* Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 360. Житие Филиппа опубликовано в книге: *Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 554–619.

- ¹⁵⁶ Буланин Д. М. Филипп. С. 466.
- ¹⁵⁷ Пономарев А. И. Памятники... С. 9; Сапожникова О. С. Слово... С. 362.
- ¹⁵⁸ Яхонтов И. Жития святых северорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 146. Все исследователи в соответствии с показанием Жития о том, что Федору к моменту ухода из Москвы было 30 лет, считают, что это событие произошло в 1537 г. Исключение составляет лишь Н. Иванов, по мнению которого Федор оказался на Соловках еще в 1536 г. (Иванов Н. Св. Филипп, митрополит Московский и всея Руси // ЖМII. Август. 1957. С. 60. Прим. 2).
- ¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 117–118.
- ¹⁶⁰ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 182.
- ¹⁶¹ Яхонтов И. Жития святых... С. 145; Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 92; 2) Опричина Ивана Грозного. С. 225; Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 282; Первушин Н. В. Св. Филипп... С. 62; Буланин Д. М. Филипп. С. 466; Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели... С. 95; Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 534; Колобков В. А. Историческая достоверность «Жития св. Филиппа». С. 5.
- ¹⁶² См., напр.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 182; Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 292; Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 534.
- ¹⁶³ Федотов Г. П. Святой Филипп... С. 23.
- ¹⁶⁴ Макарий (Веретенников). Иконы святителя Филиппа // Макариевские чтения. Вып. 5. Можайск, 1998. С. 139. Прим. 3. Если бы Колычев действительно участвовал в «мятеже» 1537 г., то совсем непонятно хорошее отношение царя к обители в период игуменства Филиппа.
- ¹⁶⁵ Сапожникова О. С. Слово... С. 365.
- ¹⁶⁶ Грамоты св. Филиппа, митрополита Московского и всея Руси в Соловецкую обитель // Душеполезное чтение. Октябрь. М., 1861. С. 196, 198, 203.
- ¹⁶⁷ Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790. С. 14.
- ¹⁶⁸ Никитин В. Великий игумен Соловецкого монастыря // ЖМП. № 5. 1983. С. 12; Макарий (Веретенников). Иконы святителя Филиппа. С. 131.
- ¹⁶⁹ Сапожникова О. С. Слово... С. 368–370.
- ¹⁷⁰ Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. С. 225. Прим. 4; Буланин Д. М. Филипп. С. 466.
- ¹⁷¹ Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 284–285.
- ¹⁷² Летописец Соловецкого монастыря. С. 15–28; Соловецкий патерик. М., 1991. С. 49–54; Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. Ч. 3. М., 1853. С. 7–29. Более подробно о деятельности Филиппа на Соловках см.: Зимин А. А. 1) Митрополит Филипп и опричина. С. 274–275; 2) Опричина Ивана Грозного. С. 226–237; Никитин В. Великий игумен... С. 12–18; Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 285–289.
- ¹⁷³ Федотов Г. П. Святой Филипп... С. 44.
- ¹⁷⁴ Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. С. 92, 162; 2) Митрополит Филипп и опричина. С. 277; 3) Опричина Ивана Грозного. С. 237–240. К этому мнению присоединился, например, Первушин (Первушин Н. В. Св. Филипп... С. 63). О близости Филиппа и Сильвестра, который был «слугой

боярской партии», писал и Ф. А. Белов (*Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века. СПб., 1886. С. 11*).

¹⁷⁵ *Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели. . . С. 97–98.*

¹⁷⁶ *Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси. . . С. 289.*

¹⁷⁷ *Никитин В. Великий игумен. . . С. 14.*

¹⁷⁸ *Карамзин Н. М. История. . . Кн. 3. Т. 9. Стб. 54.*

¹⁷⁹ *Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 237–238.*

¹⁸⁰ *Смирнов И. И. Очерки политической истории. . . С. 231–257; Филлюшкин А. И. История одной мистификации. С. 309–329.*

¹⁸¹ Имеем в виду уже упоминавшийся вклад 1539 г. (Соловецкий летописец. С. 14) и разрешение на беспощадную продажу 6 тысяч пудов соли, данное в 1541 г. (*Досифей. Описание. . . С. 3–7*).

¹⁸² Некоторые льготы Соловецкий монастырь получил в октябре–ноябре 1547 г., то есть в то время, когда «Избранная рада», по мнению самого же А. А. Зимина, еще не пришла к власти (*Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 316*).

¹⁸³ *Пономарев А. И. Памятники. . . С. 9.*

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 524. О приписках см.: *Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 207–227; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 255–291.*

¹⁸⁵ *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 44.*

¹⁸⁶ *Курбский А. М. История. . . С. 314.*

¹⁸⁷ *Филлюшкин А. И. История одной мистификации. С. 324.*

¹⁸⁸ *Федотов Г. П. Святой Филипп. . . С. 45.*

¹⁸⁹ Р. Г. Скрынников писал в своей ранней работе о том, что Филипп был «иосифлянином» (*Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 403–404*). Скорее всего, во второй половине XVI в. не существовало сколько-нибудь значительного различия по вопросам монастырской собственности между большинством влиятельных церковных деятелей.

¹⁹⁰ *Никитин В. Великий игумен. . . С. 14.*

¹⁹¹ *Леонид. Жизнь св. Филиппа, митрополита Московского и всея России. М., 1861. С. 65.*

¹⁹² *Федотов Г. П. Святой Филипп. . . С. 52.*

¹⁹³ *Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси. . . С. 293. В ранней работе исследователь утверждал, что Филипп был вызван в Москву в конце мая — начале июня (Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 342).*

¹⁹⁴ *Никитин В. Великий игумен. . . С. 18.*

¹⁹⁵ *Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 236; Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. С. 247.*

¹⁹⁶ *Летописец Соловецкого монастыря. С. 29.*

¹⁹⁷ *Назаров В. Д. К истории Земского собора. . . С. 298–299.*

¹⁹⁸ *Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря. М., 1996. С. 44.*

¹⁹⁹ *Грамоты св. Филиппа. . . С. 198–201; Сапожникова О. С. Слово. . . С. 373–374; Леонид. Жизнь св. Филиппа. . . С. 66.*

²⁰⁰ *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 87–88.*

²⁰¹ Соловецкий летописец был опубликован в 1790 г. Г. Бороздиным. К нему рукопись попала от приятеля — П. П. Федотова, а Федотову досталась в 1778 г. от отца, который был монахом Соловецкого монастыря. В этом памятнике существует путаница с месяцами: так, приезд в Соловки комиссии для разбирательства «дела» Филиппа датируется сентябрем 1568 г. (С. 29), в то время как в опубликованном В. И. Корецким раннем списке фигурирует не сентябрь, а «весна» 1568 г. (*Корецкий В. И.* Соловецкий летописец... С. 236).

²⁰² *Бондаренко Э. О.* Праздники христианской Руси. Калининград, 1993. С. 362.

²⁰³ *Карамзин Н. М.* История... Кн. 3. Т. 9. Стб. 55.

²⁰⁴ *Костомаров Н. И.* Русская история... Т. 1. С. 478.

²⁰⁵ *Леонид.* Жизнь св. Филиппа... С. 67–68.

²⁰⁶ *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви... Кн. 4. Ч. 1. С. 165.

Таково же мнение А. В. Карташева (Очерки... Т. 1. С. 445) и Н. Иванова: «В 1566 г., когда тирания Ивана Грозного достигла высшего предела, он захотел, чтобы рядом с ним находился человек, пользующийся в широких кругах населения неограниченным доверием и тем самым как бы оправдывающий его деятельность» (Св. Филипп... С. 63).

²⁰⁷ *Федотов Г. П.* Святой Филипп... С. 52–53.

²⁰⁸ *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 27.

²⁰⁹ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 244–245.

²¹⁰ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 340–343.

²¹¹ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 291–292. См. также: *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 292–293.

²¹² *Булакин Д. М.* Филипп. С. 466.

²¹³ *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. С. 534.

²¹⁴ *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства... С. 218.

²¹⁵ *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 207.

²¹⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 21, 30–31.

²¹⁷ Большое количество представителей духовенства, в том числе настоятели крупнейших монастырей, участвовало в печалованиях по опальным. См.: СГГД. Ч. 1. С. 470–473; 484–487; 503–506; 533–537.

²¹⁸ *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 28.

²¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 401.

²²⁰ Там же. С. 403. В Псковской летописи ошибочно указывается месяц август вместо июля, что вызвано было, вероятно, запаздыванием известий из Москвы (Псковские летописи. Вып. 2. С. 248). В Соловецком летописце месяц не указан вовсе (Летописец Соловецкого монастыря. С. 29; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец... С. 236. См. также: *Сапожникова О. С.* Слово... С. 382–385).

²²¹ Грамоты св. Филиппа... С. 196–197.

²²² СГГД. Т. 1. № 193. С. 557–558.

²²³ *Карамзин Н. М.* История... Кн. 3. Т. 9. Стб. 55.

²²⁴ *Костомаров Н. И.* Русская история... Т. 1. С. 478. См. также: *Вернадский Г. В.* Московское царство. Ч. 1. С. 108.

²²⁵ *Федотов Г. П.* Святой Филипп... С. 54.

²²⁶ *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. С. 534–535.

²²⁷ *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 208.

²²⁸ *Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа. СПб., 1994. С. 157–158.

²²⁹ *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 29; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 202–210; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 343–351.

²³⁰ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 343–351.

²³¹ *Скрынников Р. Г.* 1) Царство террора. С. 292–298; 2) Государство и церковь на Руси... С. 293–295.

²³² *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 346–349.

²³³ Ссылка Р. Г. Скрынникова на А. Шлихтинга, который писал, что царь «немного времени спустя вспомнил о тех, кто был отпущен... велит схватить их и разрубить на куски» (*Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 39), едва ли может прояснить ситуацию: слишком расплывчатое выражение «немного времени спустя».

²³⁴ Послание Таубе и Крузе. С. 42.

²³⁵ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 345.

²³⁶ *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 349; 2) Царство террора. С. 296.

²³⁷ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 245. Сами жители Новгорода знали о подозрениях царя в их адрес: не случайно в Житии Филиппа указывается на то, что они просили иерарха заступиться за них перед Грозным (см.: *Сапожникова О. С.* Слово... С. 374; *Леонид.* Жизнь св. Филиппа... С. 66).

²³⁸ Обоснованию правильности и справедливости поступков много места уделено в Первом послании Курбскому.

²³⁹ В Литве были неплохо осведомлены о делах в Москве. Так, о выступлении участников Земского собора писал, например, А. Гваньини (*Гваньини А.* Описание Московии. С. 111). Изоляция иностранных дипломатических миссий также не приводила к полному успеху: по свидетельству шведского посла епископа Павла Юстена, до них доходили слухи о различных событиях в России (*Юстен П.* Посольство в Московию 1569–1572 гг. СПб., 2000. С. 105, 121).

²⁴⁰ Изгнание Даниила и Иоасафа было проведено боярами, а не великим князем. К тому же они уже занимали митрополичий престол. В других случаях митрополиты уходили с кафедры «добровольно», по крайней мере так это изображалось и объяснялось. В июле 1566 г., когда большое количество лиц знало о существовании дела, подобная тактика едва ли могла принести успех.

²⁴¹ Грамоты св. Филиппа... С. 196.

²⁴² Спустя несколько дней эти иерархи участвовали в поставлении Филиппа в сан митрополита (ПСРЛ. Т. 13. С. 403).

²⁴³ *Федотов Г. П.* Святой Филипп... С. 54.

²⁴⁴ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 294.

²⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 394.

²⁴⁶ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 413–417.

²⁴⁷ *Белов Е. А.* Об историческом значении... С. 112.

²⁴⁸ АФЗХ. Ч. 3. С. 29–30, 359–363.

²⁴⁹ *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963. С. 137. По непонятным причинам ученый пишет о том, что запись датирована 1569 г.

²⁵⁰ *Срезневский И. И.* Материалы... Т. 1. Ч. 2. М., 1989. Стб. 1015–1018; *Словарь древнерусского языка XI–XVII вв.* Вып. 6. М., 1979. С. 74–75.

- 251 *Срезневский И. И.* Материалы... Т. 1. М., 1958. Стб. 699–701; Т. 2. М., 1958. Стб. 513; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 311; Вып. 12. М., 1987. С. 59–60.
- 252 ПСРЛ. Т. 13. С. 394–395.
- 253 *Полосин И. И.* Социально-политическая история... С. 131.
- 254 ПСРЛ. Т. 13. С. 403.
- 255 Там же. С. 405.
- 256 Там же. С. 404.
- 257 Там же. С. 403.
- 258 Там же. С. 404.
- 259 Грамоты св. Филиппа... С. 201–203.
- 260 ПСРЛ. Т. 13. С. 404.
- 261 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 355.
- 262 ПСРЛ. Т. 13. С. 405.
- 263 Там же. С. 406; *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 358.
- 264 ПСРЛ. Т. 13. С. 406.
- 265 *Макарий (Веретенников).* Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси. М., 1996. С. 88; СГГД. Т. 1. № 192. С. 556.
- 266 ПСРЛ. Т. 13. С. 407.
- 267 АФЗХ. Ч. 3. С. 32–34.
- 268 *Леонид.* Жизнь св. Филиппа... С. 80; *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 166; *Иловайский Д. И.* Царская Русь. С. 236; *Вернадский Г. В.* Московское царство. Т. 1. С. 108; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 252–253.
- 269 *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 3. М., 1993. С. 577; *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. Кн. 4. Ч. 1. С. 166; *Иловайский Д. И.* Указ. соч. С. 236; *Карташев А. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 446.
- 270 *Леонид.* Жизнь св. Филиппа... С. 80–81.
- 271 *Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа. С. 158–159.
- 272 *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 29–32.
- 273 *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 362; 2) Царство террора. С. 308–309; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 220.
- 274 *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 361.
- 275 Там же. С. 370–371.
- 276 *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 87–89; *Шмидтинг А.* Новое известие... С. 21, 61–62.
- 277 ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190.
- 278 *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 377; 2) Царство террора. С. 318–319; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 225.
- 279 История раскрытия «заговора» достаточно подробно изложена в работах А. А. Зиминой, Р. Г. Скрынникова, Б. Н. Флори.
- 280 *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 217.
- 281 ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. С. 312–313.
- 282 Сборник РИО. Т. 71. С. 562–563.
- 283 ААЭ. Т. 1. С. 312–313.

²⁸⁴ *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 31–32; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 266–284; *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 372–380; 2) Царство террора. С. 316–323; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 223–228.

²⁸⁵ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 388.

²⁸⁶ *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 32–33.

²⁸⁷ *Курбский А. М.* История... С. 358; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 89.

²⁸⁸ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 248.

²⁸⁹ *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 382, 383–384; 2) Государство и церковь на Руси... С. 302; 3) Царство террора. С. 324, 326–327.

²⁹⁰ *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 229, 231.

²⁹¹ *Шлихтинг А.* Новое известие... С. 22.

²⁹² *Сапожникова О. С.* Слово... С. 387.

²⁹³ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 250–252.

²⁹⁴ *Колобков В. А.* Противоречие в агиографическом тексте // Русская религиозность: проблемы изучения. СПб., 2000. С. 93–101.

²⁹⁵ *Сапожникова О. С.* Слово... С. 391; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 405.

²⁹⁶ *Сапожникова О. С.* Слово... С. 398–402; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 308.

²⁹⁷ *Летописец Соловецкого монастыря.* С. 29; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 254; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 399; *Буганов В. И., Богданов А. П.* Бунтари и правдоискатели... С. 104.

²⁹⁸ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец... С. 236; *Новикова О. Л.* О второй редакции... С. 248.

²⁹⁹ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 300.

³⁰⁰ Грамоты св. Филиппа... С. 203–206.

³⁰¹ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 98.

³⁰² Послание Таубе и Крузе. С. 43.

³⁰³ *Курбский А. М.* История... С. 364.

³⁰⁴ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 530.

³⁰⁵ *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 424–425.

³⁰⁶ Новгородские летописи. С. 98.

³⁰⁷ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 307.

³⁰⁸ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 257–258; *Каштанов С. М.* 1) Финансовая политика периода опричнины. С. 79–84; 2) Финансы средневековой Руси. С. 165–168.

³⁰⁹ Новгородские летописи. С. 98.

³¹⁰ *Летописец Соловецкого монастыря.* С. 29; *Сапожникова О. С.* Слово... С. 405–406.

³¹¹ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец... С. 236.

³¹² *Курбский А. М.* История... С. 358–360; *Послание Таубе и Крузе.* С. 43–44.

³¹³ *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 447.

³¹⁴ *Послание Таубе и Крузе.* С. 44.

³¹⁵ *Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа... С. 159.

³¹⁶ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 310.

- 317 *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец. . . С. 236.
- 318 *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси. . . С. 310.
- 319 Новгородские летописи. С. 98.
- 320 Послание Таубе и Крузе. С. 44. О низложении Филиппа см. также: Летописец Соловецкого монастыря. С. 30; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
- С. 229. Здесь указывается, что митрополита «свели с безчестием».
- 321 *Курбский А. М.* История. . . С. 362.
- 322 *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец. . . С. 236.
- 323 *Сапожникова О. С.* Слово. . . С. 415–416; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 257; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси. . . С. 313; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 232; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец. . . С. 236.
- 324 *Курбский А. М.* История. . . С. 362–364.
- 325 *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 258–259. С. Б. Веселовскому факт казни многих участников низложения Филиппа представляется неслучайным (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 224).
- 326 *Белов Е. А.* Об историческом значении. . . С. 113.
- 327 *Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа. С. 160.
- 328 Летописец Соловецкого монастыря. С. 30.
- 329 Там же. С. 30–31.
- 330 ААЭ. Т. 1. № 297, 302, 306, 311. Они датированы апрелем 1577 г., маем 1579 г., августом 1580 г., августом 1581 г.
- 331 *Досифей.* Описание. . . С. 33.
- 332 Летописец Соловецкого монастыря. С. 32–33.
- 333 *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 257, 259, 479. Сходное мнение и у *В. Б. Кобрин* (*Кобрин В. Б.* Иван Грозный. С. 571).
- 334 *Каштанов С. М.* Финансовая политика периода опричнины. С. 83–84.
- 335 *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия. . . С. 127.
- 336 *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 381–382; 2) Царство террора. С. 323–324.
- 337 *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства. . . С. 233; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 232–233.
- 338 *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 56.
- 339 Новгородские летописи. С. 98.
- 340 *Макарий (Веретенников).* Поминальные синодики // *Вышенский папломник.* 1998. № 1 (6). С. 77.
- 341 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 37. См. также: *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 568. Комментар. 61.
- 342 *Карамзин Н. М.* История. . . Кн. 3. Стб. 63–64. Подобные мысли высказывали и другие ученые (см.: *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 171; *Вернадский Г. В.* Московское царство. Ч. 1. С. 108–109; *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение. . . Т. 1. С. 346).
- 343 Послание Таубе и Крузе. С. 44.
- 344 Иван Грозный в Первом послании Курбскому писал: «Обрящещи же много и во отрекшихся мира наказания, аще и не смертию, но зело тяжкая наказания» (Переписка Грозного с Курбским. С. 24).
- 345 Новгородские летописи. С. 100.

- ³⁴⁶ *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 87. Прим. 2.
- ³⁴⁷ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 374, 391. Прим. 227.
- ³⁴⁸ *Скрынников Р. Г.* 1) Опричный террор. С. 87; 2) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. С. 323; 3) Царство террора. С. 399; 4) Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 110.
- ³⁴⁹ Опричный поход на Новгород начался спустя всего несколько недель после того, как в Хутын был привезен Памва (в декабре 1569 г.). См.: *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 43.
- ³⁵⁰ АФЗХ. Ч. 3. № 11. С. 30; № 1. С. 360; № 2. С. 363.
- ³⁵¹ Поездка ганзейского посольства в Москву (1603 г.) // Сборник материалов по русской истории начала XVII века. СПб., 1896. С. 37–38. О новгородских монастырях члены посольства записали: «Они находятся в столь бедственном положении, что их обитатели ходят в лохмотьях, а местами даже прямо нищенствуют».
- ³⁵² Новгородские летописи. С. 337–345.
- ³⁵³ *Каган М. Д.* Повесть о разгроме Новгорода Иваном Грозным // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 274–275.
- ³⁵⁴ Новгородские летописи. С. 100–106.
- ³⁵⁵ Там же. С. 468.
- ³⁵⁶ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 115–116. См. также известие Третьей Псковской летописи: царь «многие нарочитыя люди погуби, и множество много людей на правеже побнено бысть иноческого и священнического чина, и инокинь и всех православных христиан. И бысть туга и скорбь ... и святые обители и церкви Божии и села запустеша» (Псковские летописи. Вып. 2. С. 261).
- ³⁵⁷ *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 226. «Царь и великий князь Иван Васильевич всяя Руси самодержец, сильный и храбрый, громил ... Новгород ... и богатства много взяша ... И громил их за то царь Иван Васильевич за их измену великую, что новгородцы хотели здати Великий Новгород и другой град Псков с пригороды свими и хотели обоими городами поклониться королю Литовскому ...». В Пискаревском летописце: «Ходил ... Иван Васильевич ... в Новгород гневом и многих людей новгородския области казнил многими различными казнями: мечем, огнем и водою. И в полон велел имати и грабити всякое сокровище и божество: образы и книги, и колокола, и всякое церковное строение. И отголе пошел во Псков и хотел то же творити, казнити и грабити. И единого уби игумена Корнилия Печерского да келаря. ...» (ПСРЛ. Т. 34. С. 191).
- ³⁵⁸ *Курбский А. М.* История. ... С. 366–368.
- ³⁵⁹ Послание Таубе и Крузе. С. 47–50.
- ³⁶⁰ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 72.
- ³⁶¹ Там же. С. 110.
- ³⁶² Там же. С. 90–91.
- ³⁶³ *Шлихтинг А.* Новое известие. ... Рассказ Шлихтинга повторяется в основном и в сочинении А. Гваньини (*Гваньини А.* Описание Московии. С. 113–119).
- ³⁶⁴ *Горсей Джером.* Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 22.
- ³⁶⁵ Там же. С. 53–55.

- 366 *Каппелер А.* Малоизвестная немецкая «газета» об опричнине // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 170–172; *Каппелер А., Скрынников Р. Г.* Забытый источник о России Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 135–136.
- 367 *Карамзин Н. М.* История. . . Кн. 3. Т. 9. Стб. 85–91.
- 368 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 3. М., 1993. С. 580–583.
- 369 *Костомаров Н. И.* 1) Русская история. . . Т. 1. С. 484–489; 2) Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. М., 1990. С. 40–41.
- 370 *Белов Е. А.* Об историческом значении. . . С. 119.
- 371 *Иловайский Д.* Царская Русь. С. 239–243.
- 372 *Тихомиров П. И.* Кафедра Новгородских святителей. Новгород, 1895. С. 184.
- 373 *Ильинский А. Г.* Городское население Новгородской области в XVI веке // Историческое обозрение. Т. 9. СПб., 1897. С. 235–242.
- 374 *Гневущев А. М.* Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI века // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1912. С. 16–29.
- 375 *Яницкий Н.* Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). Киев, 1915. С. 111; 129–131.
- 376 *Платонов С. Ф.* 1) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 42–46; 2) Лекции по русской истории // Платонов С. Ф. Сочинения. Т. 1. СПб., 1993. С. 205–206.
- 377 *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. М., 1998. С. 168.
- 378 *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 33–36, 58–59.
- 379 *Бахрушин С. В.* Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 303.
- 380 *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. Л., 1957. С. 136.
- 381 *Вернадский Г. В.* Московское царство. Т. 1. С. 113–117.
- 382 *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 235–236.
- 383 *Тихомиров М. Н.* Россия. . . С. 281–289.
- 384 Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. М., 1955. С. 310–311.
- 385 *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 294–305. Те же выводы находятся и в научно-популярной книге. См.: *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. С. 119–121.
- 386 *Сахаров А. М.* Образование и развитие Российского государства. . . С. 107–108.
- 387 *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 25–69. В других работах Р. Г. Скрынникова повторяются в основном те же выводы. См.: *Скрынников Р. Г.* 1) Государство и церковь на Руси. . . С. 314–323; 2) Царство террора. С. 357–379; 3) Трагедия Новгорода. С. 75–105. Видимо, веяниями времени вызвана следующая фраза исследователя: «Разгром Новгорода стал важной вехой в процессе формирования имперской политики России. Естественным продолжением внешних завоеваний стала политика прямого грабежа собственного населения» (*Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. С. 101).

388 Морозова Л. Е. Сочинения новгородских авторов о «новом учении» Федосия Косого // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 226–230.

389 Кобрин В. Б. 1) Иван Грозный. С. 537–548; 571; 2) Избранная рада или опричнина? // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991.

390 Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. С. 160–162.

391 Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства. . . С. 219–221, 233.

392 Григорьев Г. Л. Кого боялся Иван Грозный? М., 1998. С. 44–56; Никитин А. Л. Сатанинская заутреня. М., 1995. С. 218–219. О нереальности существования тайного «претендента» на престол см.: Шапошник В. В. Религиозно-психологические основания действий Ивана Грозного // Историческая психология и ментальность. Эпохи. Социумы. Этнотипы. Люди. СПб., 1999. С. 285–286.

393 Янов А. Л. Тень Грозного царя. М., 1997. С. 31–32.

394 Стогов Д. И. «Новгородское изменное дело» 1570 года // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1998. С. 83.

395 Варенцов В. А., Коваленко Г. М. В составе Московского государства. СПб., 1999. С. 19–23.

396 Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 234–243.

397 См. также мнение А. Г. Манькова, который пришел к выводам, анализируя движение цен в Московском государстве XVI в.: «Опричнина не сопровождалась сразу же резким падением производительных сил, как это принято считать» (Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 40).

398 Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 54.

399 Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. 41–42.

400 Там же. С. 113–114.

401 Там же. С. 134–135.

402 Полосин И. И. Западная Европа и Московия в XVI веке // Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 29.

403 Любименко И. И. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год // Известия АН СССР. VII серия. № 10. Л., 1933. С. 739.

404 Бахрушин С. В. 1) Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. (к вопросу о предпосылках всероссийского рынка) // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 46; 2) Иван Грозный. С. 310–311.

405 Королук В. Д. Ливонская война. М., 1954. С. 50.

406 Марасинова Л. М. Торговля и средства передвижения // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977. С. 255.

407 Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 31–33.

408 Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 153.

409 Конечно, необходимо иметь в виду, что часть воска вывозилась не через Зунд, а поступала, например, в Любек. Однако и в таком случае едва ли возможно говорить о том, что в годы Ливонской войны торговля через Нарву в несколько раз превосходила цифры, приведенные Флетчером для 1588 г.

410 Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода. . . С. 154.

411 Там же. С. 172.

- ⁴¹² *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. СПб., 1893. С. 417; *Мараситова Л. М.* Торговля и средства передвижения. С. 255.
- ⁴¹³ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 337.
- ⁴¹⁴ *Казакова Н. А.* О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV — первой половине XVI в. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 158–159.
- ⁴¹⁵ *Пронштейн А. П.* Великий Новгород... С. 242; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 348.
- ⁴¹⁶ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 346–348.
- ⁴¹⁷ Там же. С. 351.
- ⁴¹⁸ *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 292–293; *Гневушев А. М.* Экономическое положение... С. 23–24; *Яницкий Н.* Экономический кризис... С. 129.
- ⁴¹⁹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 126, 147.
- ⁴²⁰ Например, за два года до начала Ливонской войны власти Риги сообщают властям Любека о том, что торговля англичан с Россией «начинает усиливаться», то есть еще не приобрела опасного характера. Хотя в будущем это «гибельное нововведение» необходимо устранить, так как возможно разорение лондонской и антверпенской ганзейских контор (*Гильденбранд Г.* Отчеты о разысканиях, произведенных в Рижском и Ревельском архивах по части русской истории. СПб., 1877. С. 87–88).
- ⁴²¹ *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // Костомаров Н. И., Забелин И. Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М., 1996. С. 173; *Никитский А. И.* История экономического быта... С. 292–293; *Гневушев А. М.* Экономическое положение... С. 29; *Яницкий Н.* Экономический кризис... С. 129.
- ⁴²² *Костомаров Н. И.* Очерк торговли... С. 210.
- ⁴²³ *Базрушин С. В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов... С. 148.
- ⁴²⁴ *Шлихтинг А.* Новое известие... С. 29–30; *Гваньини А.* Описание Московии. С. 113–115.
- ⁴²⁵ *Гневушев А. М.* Экономическое положение... С. 28; *Тихомиров М. Н.* Россия... С. 288.
- ⁴²⁶ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 1. С. 162, 365, 383, 680.
- ⁴²⁷ *Полосин И. И.* Западная Европа и Московия... С. 29.
- ⁴²⁸ *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива. СПб., 1897. Стб. 35–38.
- ⁴²⁹ *Щербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. С. 113–114.
- ⁴³⁰ Там же. С. 148–149.
- ⁴³¹ *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива. Стб. 72–73.
- ⁴³² *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 1. С. 136–137.
- ⁴³³ *Щербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. С. 212.
- ⁴³⁴ Там же. С. 218, 228, 232, 235, 244 и след.
- ⁴³⁵ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 1. С. 166, 255.

⁴³⁶ Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 395–396.

⁴³⁷ Русские акты Ревельского городского архива // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. Стб. 141–146, 151–156, 161–164 и след. Приведем некоторые отрывки из посланий воевод: «И вперед бы есте государя нашего ругодивских немец товаров грабити людем своим не велели и шкоты бы государя нашего людем не чинили некоторые ни в чем, тем бы есте от великого государя от царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси на государя своего на Ирика короля гневу не наводили». Однако подобные угрозы не произвели впечатления на власти Ревеля. Тогда последовало новое послание: «А вашего государя люди нашего государя людей ис кораблей товары на море грабят, шкоты им и обиды чинят великие. И толке мы учнем государя вашего людем в Ругодиве (Нарве. — *В. Ш.*) и на Иване городе шкоты и обиды чинити, и то будет добро ли, что в соседстве, браняся, жити?»

⁴³⁸ *Шербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. С. 284–285.

⁴³⁹ Там же. С. 277.

⁴⁴⁰ *Шербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива. Стб. 101–104.

⁴⁴¹ Там же. Стб. 109.

⁴⁴² Это, конечно, только предположение. Однако косвенно его подтверждаются наблюдения А. Г. Манькова. По его подсчетам выходит, что цены на основные товары уменьшаются в 60-е годы, то есть в то время, когда Россия владела Нарвой. Если бы внешняя торговля была достаточно широкой, то, видимо, следовало ожидать повышения цен на русские товары, а не их падения. Резкий рост цен во второй половине 70-х годов вызывался уже не ростом спроса на товары, а разразившимся экономическим кризисом (*Маньков А. Г.* Цены и их движение. . . С. 98). Но внешняя торговля как таковая продолжалась. Именно от этого времени до нас дошла «Память товаром немецким всяким и ефимкам и золотым и сукнам и жемчугам и всякой рухляди, почему на Москве и на мурманском и в немцах и купят и продают» (Сборник П. Муханова. СПб., 1866. С. 355–372).

⁴⁴³ Английские путешественники в Московском государстве. С. 87–88.

⁴⁴⁴ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 159–211; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 308–317.

⁴⁴⁵ *Голикова Н. Б.* Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI веке // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 25–31.

⁴⁴⁶ *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 59.

⁴⁴⁷ *Яницкий Н.* Экономический кризис. . . С. 129.

⁴⁴⁸ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 293 и след.; *Скрынников Р. Г.* 1) Опричный террор. С. 33 и сл.; 2) Царство террора. С. 361 и след.

⁴⁴⁹ Новгородские летописи. С. 338 и след.; Послание Таубе и Крузе. С. 49–50; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 90–91; *Шлихтинг А.* Новое известие. . . С. 31; *Гваньини А.* Описание Московии. С. 113–119.

⁴⁵⁰ *Сыроечковский В. Е.* Гости — сурожане. М.; Л., 1935. С. 113; *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. Вологда, 1989. С. 38; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 370–371.

⁴⁵¹ Послание Ивана Грозного Елизавете Английской // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1985. С. 114.

⁴⁵² *Капеллер А., Скрынников Р. Г.* Забытый источник. . . С. 135–136.

453 Новгородские летописи. С. 110–111, 129; *Сыроечковский В. Е.* Гости... С. 113; *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (Вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. № 5. 1977. С. 155; *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество... С. 40.

454 *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 217–219.

455 *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 112.

456 *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927. С. 217–220. По данным исследователя, за десять лет, 1571–1580 гг., монастырь получил 16 996 рублей, а расходы составили 12 508 рублей. Таким образом, чистая прибыль — почти четыре с половиной тысячи рублей. Выходит, из доходов около тысячи рублей приходится на торговлю. В следующем десятилетии разница между доходами и расходами составила уже тринадцать тысяч рублей. Следовательно, за счет торговли было получено немногим менее двух с половиной тысяч.

457 *Маньков А. Г.* Цены и их движение... С. 26–30.

458 См., напр.: *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 138; *Савич А. А.* Указ. соч. С. 217–220; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов... С. 47; *Маньков А. Г.* Цены и их движение... С. 26–30; *Марасинова Л. М.* Торговля и средства передвижения... С. 263.

459 *Бахрушин С. В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов... С. 47.

460 *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 31–33.

461 Там же.

462 АФЗХ. Ч. 3. С. 360–363.

463 *Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство XVI–XVII веков. Л., 1924. С. 92. Этот Федор Рясин упоминается в Синодике опальных Ивана Грозного. Его гибель связывается с «делом» митрополита Филиппа Колычева (*Скрынников Р. Г.*: 1) Начало опричнины. С. 386; 2) Государство и церковь на Руси... С. 306; 3) Царство террора. С. 328; 4) Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 283).

464 *Греков Б. Д.* Очерки по истории хозяйства новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 1. М., 1960. С. 52, 86–87. См. также: *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 159–160 (о связях некоторых монастырей с купеческой верхушкой см.: Там же. С. 173).

465 *Гневушев А. М.* Экономическое положение... С. 11–12.

466 *Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство... С. 99–105.

467 *Дорошенко В. В.* Русские связи таллинского купца в 30-х годах XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 49–51.

468 *Макарий (Веретенников).* Новые материалы о Всероссийском митрополите Макарии // ТОДРЛ. Т. XLVI. СПб., 1993. С. 303–307.

469 *Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство... С. 76.

470 Там же. С. 88.

471 *Греков Б. Д.* Очерки по истории хозяйства... С. 86.

472 *Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство... С. 83, 87, 94. Перепродажей меда на внутреннем рынке занимался Спасо-Прилуцкий монастырь: закупал мед в Вологде и перепродавал с выгодой для себя в Холмогорах (*Маньков А. Г.* Цены и их движение... С. 58).

- 473 *Маньков А. Г.* Пены и их движение... С. 58.
- 474 Там же. С. 82.
- 475 *Варенцов В. А.* 1) Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 38-40; 2) Привилегированное купечество... С. 20 и след.
- 476 *Морозова Л. Е.* Сочинения новгородских авторов... С. 230.
- 477 ПСРЛ. Т. 13. С. 393.
- 478 *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 33.
- 479 Новгородские летописи. С. 338-345; Псковские летописи. Вып. 1. С. 115-116; Вып. 2. С. 261; Послание Таубе и Крузе. С. 49-50; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 90-91; *Шлихтинг А.* Новое известие... С. 29-30; *Гваньини А.* Описание Московии. С. 117-119.
- 480 Послание Таубе и Крузе. С. 49-50; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 90.
- 481 Псковские летописи. Вып. 2. С. 235.
- 482 Там же. С. 240.
- 483 Там же. С. 243, 247.
- 484 *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 243.
- 485 *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 66-76.
- 486 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 119-120. По подсчетам авторов «Аграрной истории Северо-запада России», церковное землевладение сократилось в 5 раз. См.: Аграрная история Северо-запада России. Вторая половина XV -- начало XVI в. Л., 1971. С. 333.
- 487 Новгородские летописи. С. 129.
- 488 *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 35.
- 489 То, что Грозный в этот момент не находился на грани финансового краха, доказывается вкладами, которые он и его дети сделали в Кириллов монастырь в 1569-1570 гг. Общая сумма пожертвований этой обители за год — 2300 рублей (*Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 353-354). Всего же за годы своего правления царь дал в Кириллов монастырь 18 493 рубля, в Троице-Сергиев — 25 157 рублей (*Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 137).
- 490 ДДГ. М.; Л., 1950. С. 483; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. С. 315-316.
- 491 Новгородские летописи. С. 107.
- 492 *Скрынников Р. Г.* 1) Государство и церковь на Руси... С. 325; 2) Царство террора. С. 400; 3) Трагедия Новгорода. С. 111.
- 493 *Скрынников Р. Г.* 1) Опричный террор. С. 88-89; 2) Царство террора. С. 400. Правда, Р. Г. Скрынников признает, что точное время низвержения Филофея неизвестно (*Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 406. Прим. 49).
- 494 *Сметанина С. И.* К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины // История СССР. 1978. № 3. С. 161-164.
- 495 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 400.
- 496 *Скрынников Р. Г.* 1) Опричный террор. С. 89; 2) Царство террора. С. 400.
- 497 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 198; *Покровский И.* Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 1. Казань, 1897. С. 67; *Скрынников Р. Г.* 1) Царство террора. С. 410; 2) Трагедия Новгорода. С. 119.
- 498 Новгородские летописи. С. 100-101.

- 499 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 410.
- 500 *Барсов Е. В.* Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке. М., 1889. С. 13.
- 501 *Карамзин Н. М.* История... Кн. 3. Т. 9. Стб. 107.
- 502 *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. 1879. Кн. 2. С. 50.
- 503 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 57.
- 504 *Шмидт С. О.* К истории соборов XVI в. // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 144.
- 505 *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 129.
- 506 *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 115.
- 507 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 177. Прим. 41.
- 508 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 434.
- 509 СГГД. Ч. 1. М., 1813. С. 561–565; ДДГ. С. 476–477; Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. Ч. 1. С. 56–57.
- 510 *Зимин А. А.* Опричина Ивана Грозного. С. 463–464; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 268.
- 511 *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 269.
- 512 Допрос царем Иваном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 26–33.
- 513 Новгородские летописи. С. 108; Псковские летописи. Ч. 2. С. 261; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец... С. 238–239.
- 514 СГГД. Ч. 1. С. 565.
- 515 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 410.
- 516 ААЭ. Т. 1. С. 328–329.
- 517 Новгородские летописи. С. 100.
- 518 Там же. С. 108.
- 519 *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 183–184.
- 520 Новгородские летописи. С. 113–114, 118, 120.
- 521 *Карамзин Н. М.* История... Кн. 3. Т. 9. Стб. 114; 158.
- 522 *Скрынников Р. Г.* 1) Государство и церковь на Руси... С. 330–331; 2) Царство террора. С. 410–411; 3) Трагедия Новгорода. С. 120.
- 523 *Садиков П. А.* Очерки по истории опричины. С. 58–59.
- 524 *Капитанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 176.
- 525 *Дурново М. Д.* Иерархия Всероссийской церкви от начала христианства в России до настоящего времени. Т. 3. М., 1898. С. 362.
- 526 Новгородские летописи. С. 112.
- 527 «Стоглав» // РЗ. Т. 2. С. 288–290. Гл. 21–24; *Емченко Е. Б.* Стоглав. С. 283–285.
- 528 ААЭ. Т. 1. С. 329–332.
- 529 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 172–173.
- 530 *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 448; *Садиков П. А.* Очерки по истории опричины. С. 56–57.
- 531 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 457.
- 532 Новгородские летописи. С. 114.
- 533 Там же. С. 119.
- 534 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 172–173; *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 448.

- 535 *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 277.
- 536 *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 24.
- 537 *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 448.
- 538 *Макарий (Веретенников).* 1) Вехи жизни Всероссийского митрополита Антония // Макарьевские чтения. Вып. 6. Можайск, 1998. С. 130–131; 2) Поминальные синодики. С. 77.
- 539 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 37.
- 540 Новгородские летописи. С. 114–119.
- 541 *Иван Грозный.* Духовные песнопения и молитвословия. М., 1999. С. 115–140; ДДГ. С. 444. Обоснование датировки завещания см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 302–322; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 51–58. В недавнее время А. Л. Юрганов поставил под сомнение общепринятое мнение о времени написания духовной грамоты, относя ее появление к 1577–1579 гг. (*Юрганов А. Л.* О дате написания завещания Ивана Грозного // Отечественная история. 1993. №6. С. 129–133).
- 542 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 460; *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства... С. 223; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 283.
- 543 *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. С. 139–207.
- 544 Новгородские летописи. С. 120.
- 545 *Веселовский С. Б.* 1) Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века // Исторические записки. 1941. №10. С. 101–114; 2) Феодалное землевладение... Т. 1. С. 95–97.
- 546 *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 140–152, 201.
- 547 *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 130–155, 161, 198.
- 548 *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 176–183. См. также: *Тихомиров М. Н.* Монастырь-вотчинник XVI века // *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 129.
- 549 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. №37. С. 56.
- 550 *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 125–126; *Карташев А. В.* Очерки... Т. 1. С. 448; *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 122.
- 551 *Рождественский С. В.* Служилое землевладение... С. 114.
- 552 *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 52.
- 553 *Смирнов И. И.* Очерки политической истории... С. 447.
- 554 *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. С. 235–236.
- 555 *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 86–89; *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 190.
- 556 *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 183–184; 2) Царство террора. С. 462–463.
- 557 *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси... С. 339.
- 558 *Веселовский С. Б.* 1) Монастырское землевладение... С. 112; 2) Феодалное землевладение... Т. 1. С. 100–101.
- 559 *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 107; *Поссевино А.* Исторические сочинения... С. 21.

- 560 *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина. . . С. 314.
- 561 *Кольчева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 129; *Черкасова М. С.* Землевладение. . . С. 145–146, 198.
- 562 *Корецкий В. И.* 1) Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 34; 2) Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 74, 80–81.
- 563 *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 204.
- 564 *Скрынников Р. Г.* 1) Опричный террор. С. 184; 2) Царство террора. С. 463.
- 565 *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 286.
- 566 Послания Ивана Грозного // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 144–169.
- 567 Там же. С. 150.
- 568 Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. М., 1955. С. 318.
- 569 *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина. . . С. 132.
- 570 *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 184; *Черкасова М. С.* Землевладение. . . С. 157–158.
- 571 *Горский А. В.* Историческое описание. . . С. 47.
- 572 Послания Ивана Грозного. С. 150, 152, 156, 164.
- 573 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 463.
- 574 Новгородские летописи. С. 114.
- 575 Послания Ивана Грозного. С. 150, 156, 162, 164, 168.
- 576 Новгородские летописи. С. 345.
- 577 ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 192.
- 578 *Курбский А. М.* История. . . С. 366.
- 579 Псковские летописи. Ч. 2. С. 262; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники // Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 199; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец. . . С. 239; Новгородские летописи. С. 148.
- 580 *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 35.
- 581 *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 407, 414.
- 582 *Зимин А. А.* 1) Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Сб. 4. Казань, 1970. С. 150–154; 2) В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 32–34, 253. Прим. 129.
- 583 *Скрынников Р. Г.* 1) Россия после опричнины. Л., 1975. С. 15; 2) Государство и церковь на Руси. . . С. 336–337; 3) Царство террора. С. 492; 4) Трагедия Новгорода. С. 145; 5) Крест и корона. С. 310–311.
- 584 *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 44.
- 585 *Кольчева Е. И.* Аграрный строй. . . С. 137.
- 586 *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 34; *Черкасова М. С.* Землевладение. . . С. 158.
- 587 *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 66.
- 588 Опись архива Посольского приказа 1626 года. С. 93.
- 589 *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 92–93.
- 590 *Шапошник В. В.* К вопросу о церковных соборах 50-х гг. XVI в. «Дела» Башкина, Артемия и Висковатого. С. 145.
- 591 Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 258.
- 592 *Емченко Е. Б.* Стоглав. С. 360.

⁵⁹³ ДДГ. С. 483; Описание архива Посольского приказа 1626 г. С. 316.

⁵⁹⁴ По сообщению датского посла Ульфельда, «негде во всей России мы видели ... на всех местах, в которых мы въезжали на двор, дома были пустые, и людей и скота не было в них, так что едва поверить мог я, чтоб нашлось ... государство, не разоренное неприятелем, которое в больший беспорядок приведено бы было, нежели сие государство» (*Барсов Е. В.* Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда. С. 25).

⁵⁹⁵ *Зимин А. А.* Накануне грозных потрясений. С. 7–22; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 472–480.

⁵⁹⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.

⁵⁹⁷ Там же. С. 226–227.

⁵⁹⁸ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 199; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец. ... С. 239.

⁵⁹⁹ *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875. № 39, 40. С. 181–188.

⁶⁰⁰ *Горсей Дж.* Записки о России. С. 59–60.

⁶⁰¹ *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 66.

⁶⁰² *Даниил Принц.* Начало и возвышение Московии // ЧОИДР. 1876. Кн. 3. С. 29.

⁶⁰³ Новгородские летописи. С. 148; Псковские летописи. Ч. 2. С. 262; ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 226; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 199; *Горсей Дж.* Записки о России. С. 74–75; *Курбский А. М.* История... С. 366.

⁶⁰⁴ Описание архива Посольского приказа 1626 г. С. 258; ПСРЛ. Т. 34. С. 192.

⁶⁰⁵ *Костомаров П. И.* Русская история. ... Т. 1. С. 496–497.

⁶⁰⁶ *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. Одесса, 1871. С. 156.

⁶⁰⁷ *Середонин С. М.* Сочинение Дж. Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 80–81.

⁶⁰⁸ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 103.

⁶⁰⁹ *Садилов П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 41–44. Точку зрения П. А. Садилова в ранней работе отчасти разделял А. А. Зимин (Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. С. 313–314).

⁶¹⁰ А. А. Зимин в связи с этим заметил, что кандидатура Грозного на польский трон выдвигалась и в 1572 г., но тогда царь не отрекался (*Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 36–37).

⁶¹¹ *Вернадский Г. В.* Московское царство. Ч. 1. С. 108–109.

⁶¹² *Корецкий В. И.* 1) Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // Исторический архив. 1959. № 2. С. 149–153; 2) Церковь в истории России. М., 1967. С. 115–116.

⁶¹³ *Каштанов С. М.* 1) Грамоты московского Симонова монастыря как источник для изучения вопроса об отмене тарханов в 1575/76 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 502–503; 2) Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела» // Исторические записки. 1968. Т. 82. С. 250, 272; 3) Финансы средневековой Руси. С. 220.

⁶¹⁴ *Павленко Н. И.* К истории Земских соборов XVI в. // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 98–100; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 115–118; *Горсей Дж.* Записки о России. С. 23–24; 181–182. Прим. 66; *Зимин А. А.* 1) Иван

Грозный и Симеон Бекбулатович. . . С. 150–154; 2) В канун грозных потрясений. С. 30–35.

⁶¹⁵ Горсей Дж. Записки о России. С. 65–66.

⁶¹⁶ Корецкий В. И. 1) Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 33–50; 2) Материалы по истории Земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // АЕ за 1969 г. М., 1971. С. 297; 3) Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. С. 80–87.

⁶¹⁷ Корецкий В. И. История русского летописания. . . С. 39–47.

⁶¹⁸ Зимин А. А. 1) Иван Грозный и Симеон Бекбулатович. . . С. 142–157; 2) В канун грозных потрясений. С. 22–37.

⁶¹⁹ Каштанов С. М. 1) О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды МГАИ. 1961. Т. 16. С. 439–440, 444; 2) Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела». С. 246, 272; 3) Финансы средневековой Руси. С. 211.

⁶²⁰ Толстой Ю. Первые сорок лет. . . С. 188.

⁶²¹ Скрынников Р. Г. 1) Россия после опричнины. С. 15–38; 2) Государство и церковь на Руси. . . С. 336–345; 3) Трагедия Новгорода. С. 143–149; 4) Царство террора. С. 479–496.

⁶²² Колычева Е. И. Аграрный строй. . . С. 133–141.

⁶²³ Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 296, 310–317. Сходное мнение высказывал и В. Б. Кобрин, отказываясь тем не менее дать окончательный ответ на вопрос: почему и зачем царь на год отказался от престола. См.: Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 583–585.

⁶²⁴ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 479–480, 544.

⁶²⁵ Горсей Дж. Записки о России. С. 62.

⁶²⁶ Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма. С. 30–33.

⁶²⁷ Скрынников Р. Г. 1) Царство террора. С. 472, 480; 2) Трагедия Новгорода. С. 137.

⁶²⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 480.

⁶²⁹ Там же. С. 494.

⁶³⁰ Новгородские летописи. С. 102–103.

⁶³¹ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 35–36.

⁶³² Псковские летописи. Ч. 2. С. 262; Новгородские летописи. С. 148.

⁶³³ Новгородские летописи. С. 345.

⁶³⁴ Горсей Дж. Записки о России. С. 74–75.

⁶³⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 494, 544.

⁶³⁶ Горсей Дж. Записки о России. С. 19.

⁶³⁷ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 494.

⁶³⁸ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 29. См. также: Карамзин Н. М. История. . . Кн. 3. Т. 9. Стб. 187–188; Цветаев Д. 1) Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 58–59; 2) Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 578–579; Горсей Дж. Записки о России. С. 186. Прим. 94. Согласно английским источникам, Бомелий казнен в 1579 г. (Карамзин Н. М. История. . . Кн. 3. Примечания к 9-му тому, 5-й главе. Стб. 124. Прим. 555).

⁶³⁹ Послание Таубе и Крузе. С. 54.

- 640 Псковские летописи. Ч. 2. С. 262.
- 641 По некоторым сведениям, Бомелий был заключен в башню Кремля, где «зле окаянную свою душу изверже» (*Сапожникова О. С.* Слово... С. 393-394).
- 642 *Карамзин Н. М.* История... Кн. 3. Т. 9. Стб. 80-82; *Цветаев Д.* Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. С. 58-59.
- 643 *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 123-124.
- 644 Там же. С. 48; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 60.
- 645 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 493.
- 646 *Колычева Е. И.* Аграрный строй... С. 135.
- 647 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 74-75.
- 648 Там же. С. 74.
- 649 ПСРЛ. Т. 34. С. 226; *Корецкий В. И.* История русского летописания... С. 43-44; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 28; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 494-495.
- 650 *Корецкий В. И.* Материалы по истории Земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси». С. 303.
- 651 *Скрынников Р. Г.* 1) Государство и церковь на Руси... С. 341; 2) Царство террора. С. 494.
- 652 См. также мнение Е. И. Колычевой (*Колычева Е. И.* Аграрный строй... С. 136).
- 653 *Скрынников Р. Г.* 1) Россия после опричнины. С. 18; 2) Царство террора. С. 492.
- 654 *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 34; Новгородские летописи. С. 345; Псковские летописи. Ч. 2. С. 262; ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 226; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 199; *Курбский А. М.* История... С. 366.
- 655 Новгородские летописи. С. 148.
- 656 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 75.
- 657 ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 226; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 199; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 544; *Даниил Прици.* Начало и возвышение Московии. С. 29.
- 658 ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 226.
- 659 Новгородские летописи. С. 148, 345; Псковские летописи. Т. 2. С. 262.
- 660 *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства... С. 226; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 315.
- 661 *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 41, 255. Прим. 165.
- 662 *Колычева Е. И.* Аграрный строй... С. 133-137.
- 663 *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 315-317.
- 664 ПСРЛ. Т. 34. С. 192.
- 665 Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 117. Как писал Курбский, Иван Васильевич, по сведениям, дошедшим в Литву, делал следующее: «Чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях» (см.: *Горсей Дж.* Записки о России. С. 84-86).
- 666 ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 226.
- 667 «Стоглав» // РЗ. Т. 2. С. 307, 309, 369; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 310, 313, 402.
- 668 *Толстой Ю.* Первые сорок лет... С. 181-182.
- 669 ПСРЛ. Т. 34. С. 226.
- 670 *Корецкий В. И.* История русского летописания... С. 46-47.

- 671 ПСРЛ. Т. 34. С. 192.
- 672 Там же. С. 192, 226; *Горсей Дж.* Записки о России. С. 80; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 544.
- 673 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 74.
- 674 ПСРЛ. Т. 34. С. 226; *Корецкий В. И.* История русского летописания. . . С. 45.
- 675 *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 220.
- 676 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 60.
- 677 *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 42.
- 678 *Шмидт С. О.* К истории соборов XVI в. С. 145.
- 679 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 499.
- 680 *Черепнин Л. В.* Земские соборы. . . С. 118–119. См. также: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 42.
- 681 *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 221–224, 230.
- 682 *Колычева Е. И.* Аграрный строй. . . С. 141.
- 683 ААЭ. Т. 1. № 297. С. 360–361.
- 684 *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 53.
- 685 *Иван Грозный.* Духовные песнопения и молитвословия. С. 70–76.
- 686 *Цветаев Д.* Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. С. 23.
- 687 *Цветаев Д.* Протестантство и протестантизм в России до эпохи преобразований. С. 42.
- 688 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 70. См. также: *Поссевино А.* Исторические сочинения. . . С. 26, 63.
- 689 *Цветаев Д.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 242–243.
- 690 *Поссевино А.* Исторические сочинения. . . С. 26.
- 691 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 80.
- 692 *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 53–54.
- 693 *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 177.
- 694 Описание архива Посольского приказа 1626 г. С. 289–290.
- 695 *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой. . . С. 180.
- 696 Там же. С. 181; *Черепнин Л. В.* Земские соборы. . . С. 119–120; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 55.
- 697 *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 56.
- 698 *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой. . . С. 182.
- Прим. 17.
- 699 Реальное положение дел в монастырских владениях было далеко не самым благополучным. Исследования Е. И. Колычевой показывают, что зачастую на землях духовенства запустение было большим, чем в вотчинах светских владельцев. Исключение составляют лишь крупнейшие монастыри, например, Троица (*Колычева Е. И.* Аграрный строй. . . С. 178–201).
- 700 *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение. . . Т. 1. С. 95.
- 701 *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 222.
- 702 Законодательные акты Русского государства. Тексты. № 40. С. 57–59.

- 703 Горсей Дж. Записки о России. С. 63–68.
- 704 Веселовский С. Б. Феодальное землевладение. . . Т. 1. С. 101–103; Черепнин Л. В. Земские соборы. . . С. 122–123; Горсей Дж. Записки о России. С. 181. Прим. 65; Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 77.
- 705 Горсей Дж. Записки о России. С. 183. Прим. 71.
- 706 Вернадский Г. В. Московское царство. Т. 1. С. 144–146.
- 707 Базрушин С. В. Иван Грозный. С. 317.
- 708 Веселовский С. Б. 1) Монастырское землевладение. . . С. 112; 2) Феодальное землевладение. . . Т. 1. С. 99–107.
- 709 Корецкий В. И. 1) Церковь в истории России. С. 118–119; 2) Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. С. 92–93.
- 710 Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина. . . С. 184–185.
- 711 Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 59–60.
- 712 Флоря Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой. . . С. 184–187.
- 713 Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 68–74.
- 714 Черепнин Л. В. Земские соборы. . . С. 120–124.
- 715 РЗ. Т. 3. М., 1985. С. 30–31.
- 716 Колычева Е. И. Аграрный строй. . . С. 145–150.
- 717 Законодательные акты Русского государства. Комментарии. Л., 1987. С. 60–62.
- 718 Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 73–74.
- 719 Черкасова М. С. Землевладение. . . С. 194.
- 720 Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 72–73.
- 721 Колычева Е. И. Аграрный строй. . . С. 147.
- 722 Флоря Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой. . . С. 186–187.
- 723 Колычева Е. И. Аграрный строй. . . С. 158–160.
- 724 Тихомиров М. Н. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 60–62; Черепнин Л. В. Земские соборы. . . С. 124–125.
- 725 Флоря Б. Н. 1) Война между Россией и Речью Посполитой. . . С. 195; 2) Иван Грозный. С. 360–361.
- 726 Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 52–53; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 61–62.
- 727 Колычева Е. И. Аграрный строй. . . С. 144, 148.
- 728 Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. С. 93–96.
- 729 Флоря Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой. . . С. 199–200; Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 80–81; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 65–66.
- 730 Колычева Е. И. Аграрный строй. . . С. 144, 150–153.
- 731 Поссевино А. Исторические сочинения. . . С. 87.
- 732 Макарий (Веретенников). 1) Поминальные синодики. С. 77; 2) Вехи жизни Всероссийского митрополита Антония. С. 132.
- 733 Дурново М. Д. Иерархия Всероссийской церкви. . . Т. 3. С. 543.
- 734 Новгородские летописи. С. 347. В Посольском приказе еще в 1673 г. хранились документы, связанные с поставлением Дионисия (Опись архива Посольского приказа 1673 г. Ч. 1. С. 33).
- 735 Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 50–51; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 63–64.

- 736 ААЭ. Т. 1. № 306. С. 368.
- 737 Там же. № 311. С. 368.
- 738 *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 226.
- 739 *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. С. 92.
- 740 СГГД. Ч. 1. № 201. С. 588–591; ДДГ. С. 476; Опись архива Посольского приказа 1673 г. С. 56.
- 741 *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. С. 81.
- 742 Там же. С. 83–84.
- 743 *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой. . . С. 184.
- 744 *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 54, 58–59, 62–63, 72; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 361–364.
- 745 *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 365.
- 746 *Поссевино А.* Исторические сочинения. . . С. 8.
- 747 *Лихачев Н. П.* Дело о приезде в Москву Антонио Поссевино. СПб., 1903.
- С. V.
- 748 Там же. С. VI–VIII.
- 749 *Корецкий В. И.* История русского летописания. . . С. 47–48.
- 750 *Поссевино А.* Исторические сочинения. . . С. 34.
- 751 *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. С. 60; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 76–77; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 377.
- 752 Псковские летописи. Ч. 2. С. 263.
- 753 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. СПб., 1871. Стб. 300–301, 305–306, 323–326.
- 754 ПСРЛ. Т. 34. С. 228.
- 755 *Поссевино А.* Исторические сочинения. . . С. 52.
- 756 Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного // ЧОИДР. 1847. № 3. С. 24–30.
- 757 *Корецкий В. И.* История русского летописания. . . С. 119.
- 758 Памятники дипломатических сношений. . . Т. 10. Стб. 335–336.
- 759 Там же. Стб. 385–386.
- 760 *Поссевино А.* Исторические сочинения. . . С. 80, 202.
- 761 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 92, 126.
- 762 *Лихачев Н. П.* Дело о приезде. . . С. LII–LIII, 60.
- 763 Псковские летописи. Ч. 2. С. 263; ПСРЛ. Т. 34. С. 194; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 200.
- 764 *Горский А. В.* Историческое описание. . . С. 51–52.
- 765 Псковские летописи. Ч. 2. С. 263.
- 766 *Горсей Дж.* Записки о России. С. 80.
- 767 *Поссевино А.* Исторические сочинения. . . С. 50.
- 768 *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 39.
- 769 *Лихачев Н. П.* Дело о приезде. . . С. 62.
- 770 *Поссевино А.* Исторические сочинения. . . С. 51.
- 771 *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 39.
- 772 *Поссевино А.* Исторические сочинения. . . С. 50.
- 773 Там же. С. 51.
- 774 *Лихачев Н. П.* Дело о приезде. . . С. 55; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 28–29; *Горский А. В.* Историческое описание. . . С. 51–52.
- 775 *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 340.
- 776 *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. С. 96–97.

⁷⁷⁷ *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 382.

⁷⁷⁸ *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 95.

⁷⁷⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 341–342;

Горский А. В. Историческое описание. . . С. 52–53.

⁷⁸⁰ Описание архива Посольского приказа 1626 г. С. 258–259.

⁷⁸¹ *Горсей Дж.* Записки о России. С. 87.

⁷⁸² ПСРЛ. Т. 34. С. 229.

ГЛАВА 5. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ЦАРСТВА

Взаимодействие Церкви и государства проявлялось не только в области реальной политики, но и в области представлений о том, каким должно быть Русское царство. Без сомнения, духовенство было самым образованным слоем тогдашнего общества, слоем, который мог реально влиять на взгляды населения, в том числе и на взгляды самого носителя верховной власти. Любая власть, любое государство нуждается в идеологическом обосновании своего существования, а подобное обоснование могут предоставить лишь образованные люди. Именно духовенство могло влиять на население, доказывая ему необходимость и неизбежность существующего в обществе порядка вещей. И XVI век — время укрепления России — не являлся исключением. Это не значит, конечно, что только представители Церкви говорили о том, каким должно быть государство, но и все остальные теоретики государственного строительства того времени, даже не принадлежащие к духовенству, неизбежно стояли на теоретических позициях, берущих свое начало в религиозных, церковных истинах.

Каковы же были представления людей того времени о государстве и обществе, какие задачи должно решать государство, каким должен быть правитель и откуда, наконец, в России появились те или иные учения?

Во второй половине XV в., особенно в период правления Ивана III, в стране произошло множество изменений. На месте большого количества практически самостоятельных княжеств возникло единое Русское государство. Перемены были стремительны: в 1462 г. Иван III Васильевич занял великокняжеский престол, а уже в 1485 г. была ликвидирована самостоятельность Тверского княже-

ства, которое долгое время было основным соперником Москвы в деле влияния на Русские земли. Власть Московского великого князя уже некому стало оспаривать (из оставшихся формально независимыми русских князей). В 1480 г. было окончательно покончено с ордынским игом — Россия стала независимым государством. Возникла новая реальность, к которой предстояло приноровиться всему населению: и бывшим независимым владельцам — князьям, перешедшим в основном на службу Московскому властелину, и «старым» великокняжеским боярам, и духовенству, и основной массе населения.

К концу XV в. действительность в России оказалась такова — один государь на всей земле, государь «суд которого не посужается». Теперь некуда было идти, если тебя не устраивает твой государь, нет возможности «отъехать» к другому князю. Такова была реальность, но успели ли представления людей измениться в соответствии с реальностью? Этот вопрос можно отнести не только к «подвластным», но и к самому правителю. Осознавал ли он, что в результате его деятельности создано что-то новое, что-то, чего раньше не было? Привычное разрушилось или разрушено, необходимо создавать новое. Но средневековье не любит нового, оно ценит старое. И даже все по-настоящему новое должно было рядиться в тогу старого, одной, непосредственно предшествующей «старине» необходимо было противопоставить другую «старину», более старую и, следовательно, лучшую.

Но какова же была эта более старая «старина»? Кто может дать ответ? Старые летописи? Но если в них не окажется того, что нужно сейчас? Но это не проблема. Можно из настоящего попробовать создать новое прошлое, такое прошлое, какое бы устраивало сейчас. Ну а, кроме того, как образец можно использовать другие страны. Но тут выбор оказался очень невелик. Был один образец, на который можно было бы равняться — Византийская империя. Современные европейские страны не могли служить образцом — они были заражены «латинской» ересью. Других независимых православных стран не существовало — все они были завоеваны турками. Да и сама Византия была уже в прошлом — она пала под ударами тех же турок в середине XV в. Однако о ней помнили — ведь она существовала еще на памяти предыдущего поколения. Для людей того времени причины падения государств ясны — это наказание Божие за грехи людей. Греки потеряли свое царство — значит,

они греховны. Для православных русских людей грех их ясен — это подписание Флорентийской унии, которое воспринималось в России как измена великому Православию. Публицисты впоследствии находили и другие грехи греков (например, И. С. Пересветов). Потеря греками царства, изрушение их Православия привели к тому, что Византия не могла быть непререкаемым образцом для России.

Какой же тогда мог быть образец? Оставался только один — изображенное в Ветхом Завете Израильское царство¹. Не случайно многие русские писатели называли Россию новым Израилем. Между ними было определенное сходство: как и древний Израиль, Русское государство со всех сторон окружено врагами. Интерес к Ветхому Завету усилился в связи с ересью жидовствующих и созданием Геннадиевской Библии.

Православная Россия была в мире в полном одиночестве. По мнению тогдашних книжников, это повышало ответственность России, ответственность перед Богом и всем миром. По милосердию Божию «последние стали первыми», стали народом, который должен нести свет истинной веры остальным странам.

Что же нужно сделать, чтобы быть достойными этой высочайшей миссии? Образец опять-таки в Библии, в далеком прошлом. Необходимо было перестроить существующее настоящее под «идеальное» прошлое, такое, каким оно изображено в Библии. Представляется, что это касалось в основном верхов — «элиты» общества, и в первую очередь самого носителя высшей власти. Бывшим независимым князьям и их потомкам надо было определить характер своих отношений с Московским великим князем, еще недавно бывшим одним из них. И самому властителю необходимо было разобраться в произошедших изменениях. «Элита», конечно, не сразу смогла приспособиться к новой ситуации — потребовались десятилетия совместного существования для того, чтобы и властелин, и подданные осознали новую реальность в их отношениях. Великим князьям, а впоследствии царям, сделать это было гораздо легче, чем их новым приближенным.

У государей были хорошие помощники — русские книжники, которые в основном принадлежали к духовенству. Размышляя о власти и тех изменениях, которые произошли в стране во второй половине XV в., они обращались опять-таки к непререкаемому авторитету средисековья — св. Писанию, искали в нем ответы на животрепещущие вопросы современности. И, конечно же, они находи-

ли в Писании эти ответы. Другое дело, что зачастую эти ответы могли быть противоречивы. Например, два наиболее ярких писателя XVI в. — Иван Грозный и Андрей Курбский для доказательства своих положений использовали различные мысли, имеющиеся в св. Писании. Для книжников и для публицистики конца XV—XVI в. одним из важнейших вопросов был вопрос о том, как уберечь Россию, единственную независимую православную страну², от возможного повторения печальной участи Византии. Избежать этого можно было лишь сохраняя нерушимо Православную веру. От кого же зависело ее сохранение? Ответ на этот вопрос для публицистов того времени был достаточно прост — все (или, по крайней мере, многое) зависело от правителя.

Каковы же права и обязанности правителя по Библии? О царях в ней говорится довольно много. У «избранного» Богом народа появлению царя предшествовал период правления Судей. Последним праведным судьей Израиля был Самуил, а когда он состарился, то поставил судьями своих сыновей, но они «уклонились в корысть» и судили несправедно, брали подарки. Тогда старейшины Израиля потребовали у Самуила поставить им царя, чтобы он судил их, как у прочих народов. Самуил объяснил старейшинам права царя: «Сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; И поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его. И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст евнухам своим и слугам своим. И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете ему рабами. И восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда. Но народ не согласился послушать голоса Самуила, и сказал: нет, пусть царь будет над нами; И мы будем, как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (1 Царств. 8). Из этого отрывка русские книжники могли почерпнуть идею полновластия царя. С другой стороны, это полновластие не совсем одобряется Богом.

Но, как отмечал еще В. Е. Вальденберг, здесь изображено, скорее, злоупотребление царской властью³.

Идеальное правление нарисовано в другой книге Ветхого Завета: «Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, даст тебе, и овладеешь ею, и поселишься на ней, и скажешь: “поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня”: То поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою царем иноземца, который не брат тебе. Только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней; ибо Господь сказал вам: “не возвращайтесь более путем сим”; И чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно. Но когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у левитов, И пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии; Чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля» (Второзаконие. 17). Согласно этому отрывку, царь ограничен в своих действиях: он не может отступать от Закона «ни направо, ни налево». Но этими двумя отрывками далеко не исчерпывается тема царей и характера царской власти в Библии.

В св. Писании книжники встречали царей праведных и греховных. Неправедным царям повиноваться нельзя. Пример такого неправедного царя — фараон, царь Египетский, который задумал уничтожить Израиль непосильной работой и избиением младенцев. Фараон приказал повивальным бабкам умерщвлять всех младенцев мужского пола, но они «боялись Бога, и не делали так, как говорил им царь Египетский; и оставляли детей в живых». Итак, приказание царя не было выполнено именно потому, что царь был неправедный, а повивальным бабкам Бог делал добро за нарушение указания фараона. Причем для Писания неважно, что царь этот был не царем Израильским, а царем Египетским. Предшественник этого фараона, при котором в Египте появился Иосиф, был, по Библии, хорошим царем. Таким образом подданным надо различать царей, в случае же их неправедности отказ от повиновения не будет счи-

таться грехом, а, наоборот, зачтется в праведность. Мало того, сам Бог объявляет Моисею, что нужно принудить царя делать то, что угодно Господу: «Но Я знаю, что царь Египетский не позволит вам идти, если не принудить его рукою крепкою» (Исход. 1, 3). Выведя, в конце концов, Израиль из Египетского плена, Моисей «был царь Израиля», указы которого надо было безусловно исполнять, так как он был праведен и Господь его «знал лицом к лицу» (Второзаконие. 33, 34). Но хоть Моисей и беседовал с Богом, он не отказывался и от советов. Один из его родственников, тесть Иофор, предложил следующее: «Итак послушай слов моих; я дам тебе совет, и будет Бог с тобою: будь ты для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела его. Научай их уставам и законам Божиим, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать. Ты же усмотри из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ним тысяченачальниками, стона начальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками. Пусть они судят народ во всякое время, и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами: и будет тебе легче, и они понесут с тобою бремя. Если ты сделаешь это, и Бог повелит тебе, то ты можешь устоять, и весь народ сей будет отходить в свое место с миром. И послушал Моисей слов тестя своего, и сделал все, что он говорил» (Исход. 18).

После Моисея царей у Израиля не было, каждый «делал то, что ему казалось справедливым» (Судей. 17). Так продолжалось до времен Самуила, который, по требованию народа, поставил царем над Израилем Саула. «И сошел Дух Божий на Саула . . . » (1 Царств. 11). Но само поставление царя над избранным Богом народом было грехом, но этот грех можно искупить — Самуил объяснил, что нужно делать: «Только бойтесь Господа и служите Ему истинно, от всего сердца вашего; ибо вы видели, какие великие дела Он сделал с вами. Если же будете делать зло, то и вы и царь ваш погибнете» (1 Царств. 12). Но Саул согрешил, сам принес жертву Господу. Грех царя привел к крушению династии Саула и на Израиль навел многие беды: «И сказал Самуил Саулу: худо ты поступил, что не исполнил повеления Господа, Бога твоего, которое дано было тебе; ибо ныне упрочил бы Господь царствование твое над Израилем навсегда. Но теперь не устоять царству твоему; Господь найдет Себе мужа по сердцу Своему, и повелит ему Господь быть вождем на-

рода Своего, так как ты не исполнил того, что было повелено тебе Господом» (1 Царств. 13).

Господь, в конце концов, указал Самуилу мужа по своему сердцу, которого Он избрал в цари Израиля. Им оказался Давид: «И взял Самуил рог с елеем, и помазал его среди братьев его, и почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после . . . А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа» (1 Царств. 16). Далее в Ветхом Завете рассказывается история борьбы между Саулом и Давидом, причем ясно, что царь Саул за свои грехи окончательно отвергнут Богом. Но он остается царем, несмотря ни на что. И даже выбранный уже Господом Давид заявляет: «. . . да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него; ибо он помазанник Господень» (1 Царств. 24). Причем не только сам Давид отказывается убить Саула, когда тот был беззащитен, но запрещает это делать и своим сторонникам: «Но Давид сказал Авессе: не убивай его; ибо кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным? И сказал Давид: жив Господь! Пусть поразит его Господь, или придет день его, и он умрет, или пойдет на войну и погибнет; меня же да не попустит Господь поднять руку мою на помазанника Господня» (1 Царств. 26). Через несколько лет Саул погиб в битве, и только тогда Давид стал царем Израиля. Из этой истории можно сделать вывод, что даже на несправедного царя, отвергнутого Богом, нельзя поднимать руку.

Во всем Давиду сопутствовала удача, ибо Господь Бог Саваоф был с ним. Не от человека зависит возвышение царств и удача в делах, а именно от воли Божией: «И уразумел Давид, что Господь утвердил его царем над Израилем и что возвысил царство его ради народа своего, Израиля» (2 Царств. 5). Новый царь оказался достойным своего высокого предназначения — он творил суд и правду над всем народом своим (2 Царств. 8).

Но хоть и был Давид мужем по сердцу Господа, он был все же человеком и как человек не мог не грешить. В св. Писании указаны два греха царя: во-первых, это история с женой Урии Вирсавией (от которой впоследствии родился Соломон) — Давид фактически убил Урию, отправив его на верную гибель (2 Царств. 11); и, во-вторых, перепись населения, которую царь повелел провести, несмотря на возражения своих советников (2 Царств. 24). За эти грехи Бог покарал своего избранника — первый сын от Вирсавии умер через

несколько дней после рождения, а за перепись населения была послана моровая язва. Только искренним смирением и раскаянием Давид искупил свои грехи.

Сорок лет царствовал над Израилем Давид, а перед смертью завещал свой престол сыну от Вирсавии — Соломону. Давид — самый известный библейский царь, можно даже сказать, что он образец правителя (несмотря на уже упоминавшиеся выше грехи, искупленные, впрочем, раскаянием). Умирая, царь дал наставление новому правителю Израиля. Это наставление можно разделить на две части: в первой даются советы на все времена: «... ты же будь тверд и будь мужествен. И храни завет Господа, Бога твоего, ходи путями Его ... чтобы быть тебе благоразумным во всем, что ни будешь делать, и везде, куда ни обратишься». Вторая часть посвящена делам, которые сам Давид не успел (или не мог) осуществить: это касалось наказания лиц, провинившихся перед царем. Соломону надлежало не допустить, чтобы виновные умерли своей смертью «чтоб не отпустить седины их мирно в преисподню» (3 Царств. 2). (Не отсюда ли известный пассаж Ивана Грозного о том, что грешники должны мучиться не только на том свете, но и на этом?)⁴

Однажды ночью во сне Соломону явился Господь и предложил попросить от него что угодно. Соломон же попросил: «Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим? И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого» (3 Царств. 3). Бог дал царю мудрость, и стал он судить праведно. Не только израильтяне удивлялись мудрости Соломона, но и из других стран приходили поговорить с ним. Пришла и царица Савская, которая решила испытать Соломона загадками, но все они были разгаданы. Тогда царица сказала: «Господь по вечной любви Своей к Израилю поставил тебя царем, творить суд и правду» (3 Царств. 10).

Но в старости Соломон стал грешить, поддавшись влиянию своих многочисленных жен. Сердце его уже не вполне было предано Господу, а делал он капища другим богам. За этот грех Господь прогневался на царя и объявил, что лишит его сына большей части царства (3 Царств. 11). Итак, вся мудрость сына Давида не спасла его от греха, и за этот грех предстояло расплачиваться даже не ему, а его потомкам.

Далее рассказывается о не столь известных царях Израиля и

Иудеи. Праведные цари сменяли греховных, греховные — праведных. Для Ветхого Завета «праведность» определялась преданностью Господу. Праведные цари не останавливались перед преследованием своих ближайших родственников. Например, царь Аса лишил свою родную мать звания царицы за то, что она сделала истукан Астарты (3 Царств. 15). Неправедные же цари не ходили по путям Давида, не были преданы Господу. Злодеяния всех перекрыл царь Манассия: «И делал он неугодное в очах Господних, подражая мерзостям народов, которых прогнал Господь от лица сынов Израилевых. И снова утвердил высоты ... и поставил жертвенники Ваалу, и сделал дубраву ... и поклонялся всему воинству небесному, и служил ему ... И провел сына своего через огонь, и гадал, и ворожил, и завел вызывателей мертвецов и волшебников ... И поставил истукан Астарты ... и совратил Израильтян Манассия до того, что они поступали хуже тех народов, что истребил Господь от лица сынов Израилевых. И говорил Господь чрез рабов своих, пророков, и сказал: За то, что сделал Манассия, царь Иудейский, такие мерзости, хуже всего того, что делали Амореи, которые были прежде него, и ввел Иуду в грех идолами своими, За то, — так говорит Господь, Бог Израилев, — вот Я наведу такое зло на Иерусалим и на Иуду, о котором кто услышит, зазвенит в обоих ушах у того ... И отвергну остаток удела Моего, и отдам их в руку врагов их, и будут на расхищение и разграбление всем неприятелям своим ... Еще же пролил Манассия и весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края до края, сверх своего греха, что он завлек Иуду в грех — делать неугодное в очах Господних» (4 Царств. 21). (С царем Манассией сравнивал себя Иван Грозный во Втором послании Курбскому, замечая, правда, при этом, что хоть и многочисленнее песка морского прегрешения его, но он не совершил отступления от веры⁵.)

Такова краткая история Израильских и Иудейских царей, изображенная в Ветхом Завете. Что же мог отсюда вынести русский книжник? Главная обязанность царя — праведный суд. Далее — защита своего государства от врагов, внешних и внутренних. Важнее всего для него сохранение и оберегание веры, преданность Богу. Мудрость царю дает Господь, но эта мудрость не обязательно гарантирует праведность. Царь отвечает за грехи своих подданных и подданные отвечают за грехи царя; причем за грехи царя наказания следует более жестокое. В идеале царь — избранник Божий, но

даже и в этом случае он может впасть в грех (Давид), и этот грех можно искупить лишь истинным покаянием. Если же истинного покаяния и раскаяния не наступает, то Бог может передать престол другому (мужу по своему сердцу). Вместе с тем даже неправедного царя убивать грешно (Давид и Саул). Власть царя велика, но не безгранична — он не может вмешиваться в сферу, не входящую в его компетенцию. Так, праведный царь Озия впал во грех: «Но когда он сделался силен, возгордилось сердце его, и он сделался преступником пред Господом, Богом своим; ибо вошел в храм Господень, чтобы воскурить фимиам на алтаре кадильном». Священники воспротивились ему и сказали: «... не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников ... выйди из святилища, ибо ты поступил беззаконно, и не будет тебе это в честь у Господа Бога. И разгневался Озия, — а в руке у него кадильница для каждения; и когда разгневался он на священников, проказа явилась на челе его, пред лицом священников, в доме Господнем, у алтаря кадильного» (2 Паралипоменон. 26). Самый тяжкий грех для царя — грех перед Господом, но и его, в случае истинного раскаяния, можно искупить. Уже упоминавшийся Манассия, преступления которого превзошли все мыслимые пределы, раскаялся, находясь в ассирийском плену: «... и заковали они Манассию в кандалы, и оковали его цепями, и отвезли его в Вавилон. И в тесноте своей он стал умолять лице Господа, Бога своего, и глубоко смирился пред Богом отцов своих. И помолился ему, и Бог преклонился к нему, и услышал моление его, и возвратил его в Иерусалим на царство его. И узнал Манассия, что Господь есть Бог». После раскаяния царь Манассия разрушил жертвенники другим богам, которые он воздвиг ранее (2 Паралипоменон. 33).

Кроме того, в Ветхом Завете Израильские цари во многих случаях действуют не сами по себе, а в окружении советников. Судя по св. Писанию, это является обычным. Другое дело, что советники не всегда дают правильные, разумные советы. Наиболее показательна в этом история сына Соломона царя Ровоама. К этому царю явились жители, прося облегчить налоговое бремя, установленное Соломоном. Царь решил посоветоваться: «Царь Ровоам советовался со старцами, которые предстояли пред Соломоном, отцем его, при жизни его, и говорил: как посоветуете вы мне отвечать сему народу? Они говорили ему, и сказали: если ты на сей день будешь слугою народу сему, и послужишь ему, и удовлетворишь им, и бу-

дешь говорить им ласково, то они будут рабами твоими на все дни. Но он пренебрег совет старцев, что они советовали ему; и советовался с молодыми людьми, которые выросли вместе с ним и которые предстояли пред ним . . . И говорили ему молодые люди, которые выросли вместе с ним, и сказали: так скажи народу сему . . . “мой мизинец толще чресл отца моего. Итак, если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами”». В конце концов оказалось, что правы были именно старцы, а из-за совета молодых от Ровоама отложилась большая часть царства (3 Царств. 12). Как видим, одни советники дают хороший, полезный совет, другие — вредный. Следовательно, царю надлежит слушать советников, желательнее старцев, умудренных жизненным опытом, а не желторотых юнцов. Вместе с тем царь сам принимает окончательное решение и несет за него ответственность.

Но в Ветхом Завете о царях говорится не только в книгах Царств, в которых идет, скорее, описание конкретных исторических событий и конкретных исторических персонажей, праведных и неправедных. Более общие характеристики царской власти даны в последующих книгах, к знакомству с которыми мы сейчас и приступим. Однако необходимо помнить, что царь — это человек, даже если он избранник Божий. Следовательно, ничто человеческое ему не чуждо. А так как все люди грешны, то грешен, в любом случае, и царь. Но ему, как и всем остальным людям, надо стараться избегать грехов, поэтому, как представляется, изображение в Библии просто положительных человеческих качеств относится и к царям.

В одном из Псалмов Давид задается вопросом: «Господи! кто может пребывать в жилище твоем? кто может обитать на святой горе твоей? Тот, кто ходит непорочно, и делает правду, и говорит истину в сердце своем; Кто не клеветает языком своим, не делает искреннему своему зла, и не принимает поношения на ближнего своего; Тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит; кто клянется, хотя бы злему, и не изменяет; кто серебра своего не отдаст в рост и не принимает даров против невинного. Поступающий так не поколеблется вовек» (Псалтирь. 14). Таковы, по мнению Давида, требования к любому человеку, в том числе и к царю. Отрицательные качества также нашли свое отражение у Давида: «. . . что хвалишься злодейством, сильный? . . . Гибель вымышляет язык твой; как изощренная бритва он у те-

бя, коварный! Ты любишь больше зло, нежели добро, больше ложь, чем правду. Ты любишь всякие гибельные речи, язык коварный. За это Бог сокрушит тебя в конец, изринет тебя и исторгнет тебя из жилища твоего и корень твой из земли живых. Увидят праведники, и убоятся; посмеются над ним, и скажут: “Вот человек, который не в Боге полагал крепость свою, а надеялся на множество богатства своего, укреплялся в злодействе своем”» (Псалтирь. 51).

Вышесказанное царь и пророк Давид относил ко всем людям, специально же о царе (сыне его Соломоне) сказано в отдельном псалме: «Боже! даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду, Да судит праведно людей Твоих и нищих Твоих на суде. Да принесут горы мир людям и холмы правду. Да судит нищих народа, да спасет сынов убогого, и смирит притеснителя. И будут бояться Тебя, доколе пребудут солнце и луна, в роды родов. Он сойдет, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю. Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира, доколе не престанет луна. Он будет обладать от моря до моря и от реки до концов земли. Падут пред ним жители пустынь, и враги его будут лизать прах . . . И поклонятся ему все цари; все народы будут служить ему. Ибо он избавит нищего, вопиющего, и угнетенного, у которого нет помощника. Будет милосерд к нищему и убогому, и души убогих спасет. От коварства и насилия избавит души их, и драгоценна будет кровь их пред очами его. И будет жить . . . и будут молиться о нем непрестанно, всякий день благословлять его. Будет обилие хлеба на земле, наверху гор; плоды его будут волноваться, как лес на Ливане, и в городах размножатся люди, как трава на земле. Будет имя его вовек; доколе пребывает солнце, будет передаваться имя его. И благословятся в нем племена; все народы ублажат его» (Псалтирь. 71). По этому Псалму в обязанности царя, кроме беспрекословной преданности Богу, входит праведный суд (причем праведный в первую очередь именно к нищим, убогим), смирение сильных, притесняющих этих самых убогих. Именно вера и праведный суд дадут царю величие, покорят ему всех врагов, раздвинут пределы царства, приведут к хорошим урожаям, росту населения. Кроме того, именно праведный суд сохранит память о царе среди бесчисленных поколений потомков.

В одном из Псалмов соединяются воедино положительные качества простого человека и царя: «Милость и суд буду петь; Тебе, Господи, буду петь. Буду размышлять о пути непорочном: “когда

ты придешь ко мне?” буду ходить в непорочности моего сердца посреди дома моего. Не положу пред очами моими вещи непотребной; дело преступное я ненавижу; не прилепится оно ко мне. Сердце развращенное будет удалено от меня; злого я не буду знать. Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню; гордого очами и надменного сердцем не потерплю. Глаза мои на верных земли, чтобы они пребывали при мне; кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне. Не будет жить в доме моем поступающий коварно; говорящий ложь не останется пред глазами моими. С раннего утра буду **истреблять всех нечестивцев земли, дабы искоренить из града Господня всех, делающих беззаконие**» (Псалтирь. 100).

Здесь обращает на себя внимание то, что царь не только сам должен быть непорочным, но и среди своего народа он должен, даже обязан искоренять и истреблять беззаконников, не останавливаясь, видимо, и перед жестокими мерами.

В книге Притчей Соломоновых, который, как известно из предыдущих частей Ветхого Завета, был самым мудрым человеком на земле, большое внимание уделено именно премудрости, которая лучше жемчуга и ничто из желаемого не сравнится с нею. Именно от премудрости идет совет и правда, ею цари царствуют и повелители узаконяют правду, а правда избавляет от смерти (Притчи. 8, 10). Здесь же говорится и о советниках, при множестве которых народ благоденствует. Все должны любить наставление, советы дают мудрость. Нельзя быть высокомерным — от этого происходит раздор (Притчи. 11–13).

Некоторые притчи специально посвящены царю: «Благоволение царя — к рабу разумному, а гнев его — против того, кто позорит его» (Притчи. 14). «В устах царя — слово вдохновенное; уста его не должны погрешать на суде ... Мерзость для царей — дело беззаконное, потому что правдою утверждается престол. Приятны царю уста правдивые, и говорящего истину он любит. Царский гнев — вестник смерти; но мудрый человек умилоstit его. В светлом взоре царя — жизнь, и благоволение его — как облако с поздним дождем ... Нехорошо и обвинять правого, и бить вельмож за правду ... Неприлична глупцу пышность, тем паче рабу господствовать над князьями ... Гнев царя — как рев льва, а благоволение его — как роса на траву ... Гроза царя — как бы рев льва; кто раздражает его, тот грешит против самого себя ... Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими все злое ... Мудрый царь выведет

нечестивых, и обратит на них колесо ... Милость и истина охраняют царя, и милостию он поддерживает престол свой. ... Сердце царя в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его ... Кто любит чистоту сердца, у того приятность на устах, тому царь — друг ... Бойся ... Господа и царя; с мятежниками не сообщайся ... Иметь лицепрятие на суде — нехорошо ... Слава Божия — облекать тайною дело, а слава царей — исследовать дело. Как небо в высоте и земля в глубине, так сердце царей — неисследимо ... Удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою. Не величайся пред лицом царя, и на месте великих не становись. Кто стережет смоковницу, тот будет есть плоды ее; и кто бережет господина своего, тот будет в чести ... Как рыкающий лев и голодный медведь, так нечестивый властелин над бедным народом. Неразумный правитель много делает притеснений; а ненавидящий корысть продолжит дни ... Когда умножаются праведники, веселится народ; а когда господствует нечестивый, народ стонет ... Царь правосудием утверждает землю, а любящий подарки разоряет ее ... Если правитель слушает ложные речи, то и все служащие у него нечестивы ... Если царь судит бедных по правде, то престол его навсегда утвердится ... Не царям ... пить вино ... Чтобы, напившись, они не забыли закона и не превратили суда всех угнетаемых» (Притчи. 14, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 27, 28, 29, 31).

Говорится о царях и в Книге Екклесиаста: «Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умеет принимать советы ... Если ты увидишь в какой области притеснение бедному и нарушение суда и правды, то не удивляйся этому: потому что над высоким наблюдает высший, а над ним еще высший; Превосходство же страны в целом есть царь, заботящийся о стране ... Слово царское храни, и это ради клятвы пред Богом. Не спеши уходить от лица его, и не упорствуй в худом деле; потому что он, что захочет, все может сделать. Где слово царя, там власть; и кто скажет ему: "что ты делаешь?" ... Есть зло, которое я видел под солнцем, это погрешность, происходящая от властелина ... Горю тебе, земля, когда царь твой отрок, и когда князья твои едят рано! Благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода, и князья твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пересыщения! ... Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальном комнате твоей не злословь богатого; потому что птица небесная

может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою» (Екклесиаст. 4, 5, 8, 10).

В книге пророка Иеремии также говорится о царях, причем здесь в одной главе дается характеристика праведного и неправедного царя: «Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, сироты и вдовы, и невинной крови не проливайте на месте сем» — это для идеального царя, но нынешние правители Израиля не таковы: они строят свой дом неправдою, заставляют ближних своих работать даром. Пророк обличает подобных властителей: «Думаешь ли ты быть царем, потому что заключил себя в кедр? Отец твой пил и ел, но производил суд и правду, и потому ему хорошо было. Он разбирал дело бедного и нищего, и потому ему хорошо было. Не это ли значит знать меня? Говорит Господь. Но твои глаза и твое сердце обращены только к твоей корысти и к пролитию невинной крови, к тому, чтобы делать притеснение и насилие» (Иеремия. 22). Далее пророк предрекает конечную гибель грешникам.

Ко всем людям обращено слово Господа, переданное через пророка Иезекииля: «Если кто праведен и творит суд и правду, На горах жертвенного не ест и к идолам дома Израилева не обращает глаз своих, жены ближнего своего не оскверняет и к своей жене во время очищения нечистот ее не приближается, Никого не притесняет, должнику возвращает залог его, хищения не производит, хлеб свой дает голодному и нагого покрывает одеждою, В рост не отдаст и лихвы не берет, от неправды удерживает руку свою, суд человеку с человеком производит правильный, поступает по заповедям Моим и соблюдает постановления Мои искренно: то он — праведник, он непременно будет жив, говорит Господь Бог. Но если у него родился сын разбойник, проливающий кровь, и делает что-нибудь из всего того, Чего он сам не делал совсем, и на горах ест жертвенное и жепу ближнего своего оскверняет, Бедного и нищего притесняет, насильно отнимает, залога не возвращает и к идолам обращает глаза свои, делает мерзость, В рост даст и берет лихву: то будет ли он жив? Нет, он не будет жив. Кто делает все такие мерзости, тот непременно умрет, кровь его будет на нем» (Иезекииль. 18). Вместе с тем грешные могут получить прощение, если «беззаконник возвратит залог, за похищенное заплатит, будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, — то он будет жив, не умрет. Ни

один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив» (Иезекииль. 33).

Очень велика, по пророку, ответственность властителей. Вот что об этом повелел сказать Бог: «...так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри? Вы ели тук и волною одевались, откормленных овец заколали, а стада не пасли. Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью. И рассеялись они без пастыря и, рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому... Так говорит Господь Бог: вот Я — на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их и не дам им более пасти овец, и не будут более пастыри пасти самих себя, и исторгну овец Моих из челюстей их, и не будут они пищею их... Вот Я Сам отыщу овец Моих и осмотрю их... Потерявшуюся отыщу и угнанную возвращу, и пораненную перевяжу, и больную укреплю, а разжиревшую и буйную истреблю; буду пасти их по правде... Я Сам буду судить между овцою тучною и овцою тощею» (Иезекииль. 34). Итак, на властителях лежит ответственность перед Богом за тех, кто вверен их попечению, и за то, как пасли порученное стадо властители, им придется дать ответ Господу Богу.

В книге пророка Даниила рассказывается о том, как пророк истолковал сон царя Навуходоносора. Оказывается, Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его кому хочет (Даниил. 4).

Таковы основные отрывки Ветхого Завета, посвященные тому, каким должно быть царство и какими должны быть цари. Книжники были знакомы с большинством этих книг еще со времени Киевской Руси, а на рубеже XVI в. в кружке Новгородского архиепископа Геннадия был создан полный свод Библейских книг⁶. Что же могли вынести русские люди из Ветхого Завета?

Цари бывают праведные и неправедные. Отличительная особенность праведного царя — преданность Господу. Цари должны творить суд и правду, причем под «правдой», судя по всему, подразумевается справедливость, то есть некая нравственная категория. Кроме того, обязанность царя — защита своего государства от внешних врагов, ведение войны. Царь является живым человеком и, как и все люди, не свободен от греха. Грехи искупаются истинным рас-

каанием. Царь «пасет» врученное ему от Бога стадо, он отвечает за всех людей, находящихся под его властью. Если он не справится с тем, чтобы «пасти» своих людей по правде, то он даст за это ответ Богу. Царь не должен делать все, что ему захочется. Он ограничен определенными рамками. В первую очередь он не может делать того, что вступает в противоречие с догматами веры. Цари должны иметь советников, которые, в идеале, своими советами должны укреплять царство. Вместе с тем из практики ясно, что некоторые их советы бывают неправильными, и царь в таком случае сам выбирает, к какому совету (или к чьему) прислушаться. Впрочем, он иногда выбирает неправильный совет (совет молодых). Царь ответствен перед Богом — никто из подданных не может требовать у него отчета. Свержение царя — это дело Бога, который дает власть кому хочет. Подданные не должны посягать на жизнь царя, даже если он несправедлив. Если царь получает власть по воле Бога, то любое противоречие ему является недопустимым (только если царь отрекся от Бога, то ему можно противодействовать, и это не зачтется за грех). Обличать недостойного царя могут пророки, но они ведь говорят не сами по себе, не по собственному желанию, а как от Бога посланные. Они передают волю Божию людям. Но надо отличать пророков от лжепророков. Если пророк от Бога, то все его слова обязательно сбываются. Если же это лжепророк, то его предсказания не бывают верными.

Кроме догматов веры, власть царя практически ничем больше не ограничена (ведь царь может и не прислушиваться к советникам). Конечно, он обязан в своей деятельности руководствоваться «правдой» — справедливостью⁷, но это, видимо, понятие нравственное, не имеющее определенной формы или не вмещающееся полностью в любые формы. Это дает большой простор для проявления личных качеств правителя. А так как «правда» не вмещается в любую застывшую форму, то подданные зачастую не могут самостоятельно определить, хорошо поступает царь или плохо. Следовательно, не им судить и о том, хорош царь или плох. Подданные могут что-то решить лишь в том случае, если царь явно отступил от веры. Любой царь правит по воле Бога, даже языческий. Но положение царей древнего Израиля особое. Они цари над избранным Богом народом, народом, с которым Господь сам заключил Завет. Это предполагает особую ответственность царей именно Израиля по сравнению с царями всех других народов. Эта особая ответствен-

ность вызвана тем, что цари Израиля не должны допустить грехопадения избранного Богом народа. Это является **служением, обязанностью царей**. Для них власть — это не привилегия, не право, а тяжкий крест. На практике этот принцип зачастую нарушался, но эти нарушения не отменяли сам принцип. Нередко сами цари вводили весь Израиль во грех, но это ни в коей мере не колебало того, что должно быть в идеале.

Как уже говорилось выше, русские авторы зачастую называли Россию «новым Израилем». Можно предположить, что такие представления были достаточно широко распространены среди русского образованного общества того времени. Отсюда вытекала идея особой ответственности русских правителей за весь ход дел в их стране. Причем, видимо, осознание особой, исключительной ответственности русских правителей стало распространяться именно со времени падения Византийской империи, бывшей признанным центром православного мира. Понимание этой ответственности значительными кругами жителей России, и в первую очередь самими носителями верховной власти, и сделало возможным удивлявшее Герберштейна выражение: «про то ведает Бог да великий государь»⁸. Этим жители страны как бы передавали ответственность за все происходящее правителю, осознавая его роль главы православного мира, непосредственно отвечающего перед Богом за всех вверенных его попечению жителей. Западноевропейскому барону, представителю другого мира, другой традиции подобное отношение было совершенно непонятно.

Представляется, что окончательное понимание своей роли в судьбе страны, народа, всего мира в таком духе пришло к русским самодержцам далеко не сразу. Последним шагом на этом пути было, видимо, официальное принятие царского титула Иваном IV в 1547 г. Именно он почувствовал себя, по словам В. О. Ключевского, первым из русских правителей царем в Библейском смысле⁹. Но до Ивана Грозного окончательный поворот в представлениях о власти русских самодержцев и не мог произойти, так как все предшественники Ивана не были царями (хотя Грозный, по понятным причинам, и стремился удревнить для своих предков обладание царским титулом).

Таковы основные идеи, вынесенные нашими книжниками из Ветхого Завета.

В Новом Завете о царе и царствах специально не говорится -- в

Евангелиях есть только отдельные упоминания интересующей нас темы. Известны слова Иисуса о том, что всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и о том, что надо отдавать кесарю кесарево, а Божие Богу (Матфей. 12, 22).

В Посланиях Апостолов много внимания уделено вопросам покорения начальству: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, Правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, — Ибо такова есть воля Божия ... Бога бойтесь, царя чтите. Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (1 Петра. 2). Наиболее полно идея покорности властям выражена в 13-й главе Послания к Римлянам апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее; Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите; ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые. Итак, отдавайте всякому должное: кому подать — подать; кому оброк — оброк; кому страх — страх; кому честь — честь». Сходные мысли высказывает Апостол Павел и в шестой главе Первого послания к Тимофею.

Надо сказать, что Новый Завет не добавил практически ничего нового к тем идеям о царе и царстве, которые были знакомы нам из Ветхого Завета. Единственное, что здесь с очевидностью, особенно в Посланиях Апостолов, проводится мысль о необходимости покорения царям и правителям. Интересно, что, в отличие от Древнего Израиля, цари Нового Завета — это цари языческого Рима, то есть цари заведомо неверные. Однако Апостолы определенно требуют от христиан покорения таким царям во всем, кроме веры. И если этим неверным царям следует повиноваться не за страх, а за совесть, то насколько должны подданные быть преданней правоверным царям?

Таковы основные идеи о царях и царстве, содержащиеся в св. Писании. И именно эти идеи стали образцом для русских книжников в их деле построения идеального государства — Православного Царства.

Вместе с тем нельзя полностью отрицать и того, что определенное влияние на русские представления о власти оказали и византийские образцы¹⁰. Но книжники пользовались примерами из практики Империи очень осторожно, лишь для подтверждения своих взглядов, сформировавшихся под влиянием св. Писания. Причем для них важной являлась деятельность Византийских императоров начального периода существования Империи, когда устанавливались основы нового христианского государства. Русским важно было понять баланс интересов возвышенного и земного, как это осуществлялось в практике Греческой империи. В России были знакомы с основными нормами византийского права, посвященными царям и царству¹¹. Политические идеи Византии не были однородны, как это хорошо показал В. Е. Вальденберг¹². Определенное сходство в подходе к строительству Православного Царства между Византией и Русью, конечно, имелось. Но, как нам представляется, это сходство было вызвано в первую очередь не тем, что Россия прямо заимствовала Византийские идеи (этому препятствовала сама гибель Византии в 1453 г., дискредитировавшая древнюю империю в глазах православных), а тем, что и византийские, и русские теоретики черпали свои представления из одного источника, а этим источником было св. Писание. Черты сходства можно наблюдать в обрядах, культуре, законодательстве (особенно церковном), но это сходство определялось долгим соседством и родственными связями византийских и русских правителей. Весь XIV в. и в первую половину XV в. Империя находилась в глубоком кризисе, и только разгром турок среднеазиатским завоевателем Тимуром отсрочил почти на 50 лет окончательное падение Византии. В таких условиях было бы странно прямое заимствование греческих образцов, особенно в столь деликатной сфере, как царская власть и порядок управления государством, укрепляющимся и растущим Русским государством. Византия в начале XVI в. была уже прошлым, воспоминанием, сном, государством, погибшим за грехи всего православного христианства. Гибель показала греховность, а греховное не может быть образцом. Не случайно Иван Грозный говорил, что мы, русские, верим не в греков, а во Христа¹³.

К началу XVI в. у русских книжников были уже довольно обстоятельные представления о власти великих князей. О князьях говорится уже в Повести временных лет, причем не только описываются действия правителей, но и даются оценки. Так, для праведного князя характерна любовь к правде, он стремится к тому, чтобы земля «управилась» перед Богом. Неправедный князь дается земле за грехи людей. Такой князь любит выпить, слушает он и плохие советы. В качестве плохих советчиков выступают обычно молодые люди. Вообще же, представления Древней Руси о власти князя достаточно подробно рассмотрены в уже упоминавшейся выше работе В. Е. Вальденберга и труде М. А. Дьяконова¹⁴. Поэтому, не углубляясь в источники, отметим лишь те моменты, которые кажутся нам наиболее принципиальными для понимания представлений русских книжников о характере власти и ответственности князей (и царей) за происходящее в их владениях.

В первой четверти XIV в. монах Акиндин написал послание к великому князю Михаилу, посвященное в основном обличению св. митрополита Петра в симонии (поставлении по мзде). Монах призывает великого князя вмешаться в церковный конфликт, мотивируя это тем, что князь является царем в своей земле, и именно он будет «истязан» на Страшном Суде, если допустит в своем княжестве грехи. Если же великий князь встанет на защиту благочестия, то получит от Бога великую мзду¹⁵. В 1378 г. митрополит Киприан направил послание Сергию Радонежскому и Федору Симоновскому, посвященное конфликту между ним, поставленным в Константинополе митрополитом, и великим князем Московским Дмитрием Ивановичем. Не вдаваясь здесь в подробности дела, отметим лишь, что Киприан уверенно заявляет о том, что грех людской падает на князя, а грех княжеский падает на людей¹⁶.

Флорентийская уния и падение Константинополя привели к тому, что православных царей не стало. Книжники из русского духовенства постепенно приходят к мысли о том, что вакантное место православного царя занимает русский правитель. Конечно, это не одномоментный процесс, прошло почти сто лет, прежде чем он завершился принятием царского титула молодым Иваном IV. Но еще перед падением Византии великий князь Московский Василий Васильевич в своем послании императору¹⁷ раскрывает свое понимание царской власти — царь является державнейшим и боговен-

чанным, ревнителем благочестия, непреклонным истинным поборником и правителем непорочной христианской веры¹⁸. Интересно отметить, что эти слова обращены к императору уже принявшей унию Византии, доживающей последние месяцы своего исторического существования.

Удивительно, что сами византийцы устами константинопольского патриарха Антония доказали русским, что наличие **настоящего царя** является необходимым условием бытия православного государства. Вот что писал патриарх великому князю Василию Дмитриевичу: «С огорчением слышу еще, что твоим благородием сказаны некоторые слова и о высочайшем и святом самодержце — царе. Говорят, ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя в диптихах, то есть хочешь дела совершенно невозможного, и говоришь: “Мы-де имеем церковь, а царя не имеем и знать не хотим”. Это нехорошо. Святой царь занимает высокое место в церкви; он не то что другие, поместные князья и государи. Цари вначале упрочили и утвердили благочестие во всей вселенной, цари собирали вселенские соборы, они же подтвердили своими законами соблюдение того, что говорят божественные и священные капоны о правых догматах ... и много подвизались против ересей, наконец, цари, вместе с соборами, своими постановлениями определили порядок архиерейских кафедр и установили границы митрополичьих округов и ... епархий. За все это они имеют великую честь и занимают высокое место в церкви. И если, по Божию попущению, язычники окружили владения и землю царя, все же до настоящего дня царь получает то же самое поставление от церкви, по тому же чину и с теми же молитвами помазуется великим миром и поставляется царем и самодержцем ромеев, то есть всех христиан. ... Власть его, в сравнении со всеми прочими, такова, что и самые латиняне ... и те оказывают ему ... покорность... Тем более обязаны к этому православные христиане ... и если язычники окружили землю царя, то христианам не следует презирать его за это ... **Невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя** (выделено нами. — *В. Ш.*). Ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга. Тех только царей отвергают христиане, которые были еретиками, неистововали против церкви и вводили развращенные догматы ... Только один царь во вселенной. Если и некоторые другие из христиан присвоили себе имя царя, то все эти

примеры суть нечто противуестественное, противузаконное, более дело тирании и насилия ...»¹⁹.

Итак, после падения Византии царя не стало, а Церковь осталась. Кто же, кроме Московского владыки мог претендовать на то, чтобы быть единственным царем православных христиан? Никто. Независимых православных государств больше не осталось. Важно отметить, что русские правители стали царями не по наследству из Византии, а непосредственно от Бога. Вместе с тем русские правители стали царями вместо византийских императоров, и, следовательно, на них перешли все функции последних — устройство христианского народа и Церкви, защита догматов Православной веры от еретических нападок.

Константинополь не просто пал, а пал окончательно. Русским людям рубежа XV–XVI вв. это было ясно. Не случайно завершающая часть Хронографа редакции 1512 г. была посвящена падению столицы Византийской империи²⁰. В Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г., автором которой считается Нестор Искандер, был включен эпизод, посвященный «отшествию» Святого Духа из города. Это событие, по Повести, произошло за несколько дней до взятия Константинополя: «В двадцать первый же день мая за грехи наши явилось страшное знамение в городе: в ночь на пятницу озарился весь город светом, и, видя это, стражи побежали посмотреть, что случилось, думая, что турки подожгли город, и вскричали громко. Когда же собралось множество людей, то увидели, что в куполе великой церкви Премудрости Божьей из окон взметнулось огромное пламя, и долгое время объят был огнем купол церковный. И собралось все пламя воедино, и воссиял свет неописуемый, и поднялся к небу ... Когда же огонь этот достиг небес, отверзлись двери небесные и, приняв в себя огонь, снова затворились». Значение виденного разъяснил патриарх: «И вот ныне опять иное страшное знамение было: свет неизреченный, который в великой церкви Божьей Премудрости сопричастен был прежним святителям и архиереям вселенским, а также ангел Божий, которого ниспослал, укрепляя нас, Бог при Юстиниане-цесаре для сохранения святой великой церкви и города этого, в эту ночь отошли на небо. И это знаменует, что милость Божия и щедроты его покинули нас, и хочет Бог предать город наш врагам нашим»²¹. Особую достоверность рассказу придавало то, что его автор (как он себя сам называет — Нестор Искандер) сам был свидетелем гибели города.

Катастрофа, которая произошла на берегах Босфора, примерно совпала по времени с последним возвышением одного из русских княжеств — Тверского. Дело в том, что московские князья в это время были заняты борьбой за великокняжеский престол²², а это вызвало ослабление позиций Москвы в других русских землях. Князь Тверской — Борис Александрович постарался использовать сложившуюся ситуацию для упрочения положения своего княжества²³. Именно с его помощью на Москве в конце концов утвердился Василий Темный. Это кратковременное возвышение и усиление Твери нашло свое выражение в интересном памятнике середины XV в. — «Смирненного инока Фомы слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Хотя это произведение хронологически не входит в интересующий нас промежуток времени (XVI в.), тем не менее знакомство с ним необходимо, чтобы понять, как развивались на русской почве представления об идеальном властителе, привязанные к конкретному историческому лицу, да вдобавок к еще живущему (по всей видимости, «Слово похвальное» было написано еще при жизни Бориса Александровича)²⁴.

Какими же словами рисует инок Фома своего князя? Это, ни много ни мало, «светило великое», которого хвалят и прославляют от востока до запада. Дан он Божией благодатью на утверждение Тверской земле, правление его приукрашено чудесами Божиими. На отеческом престоле утвердился князь Борис Богом, преуспевает он во всех добродетелях, всем доступен и щедр на руку, почитает Бога и все священное, всем вокруг дорог и желанен, любовью привлекает к себе сердца. Он и государь, и пастырь, и христоробец. Он — новый Моисей, мудро правящий с Божией помощью новым Израилем (Тверской землей), он и второй Константин, он новый Ярослав. Лицо его светится ярче сапфира и топаза, каждый, кто смотрит на него, исполняется весельем. Речи его исполнены мудрости, и со всех стран приходят люди насладиться его речами. Сам Византийский император восхищается Борисом Александровичем, патриарх Константинопольский и все митрополиты наперебой славят его. Тверской князь — это новый Давид. Здесь Фома, видимо, чувствуя, что читатели, непривычные к такому усиленному словословию, могут засомневаться в столь возвышенных оценках еще живого человека, заявляет о том, что пишет не из страха, не за вознаграждение. Для подтверждения этого он ссылается на выше-

упомянутые восторженные отзывы о князе Борисе императора и митрополитов.

Борис Александрович по мудрости равен царю Соломону, подобен он кесарю Тиберию Справедливому, но лучше его щедростью к подданным, он — второй Лев Премудрый, он — создатель городов, церквей, собиратель монахов и старцев, которыми утверждается и просвещается вся поднебесная. Князь подобен императору Августу, царям Константину, Юстиниану и Феодосию, он не только сам утвердился в вере, но и укрепил всю свою державу божественными добродетелями. Тверской князь — новый Моисей человеколюбивый, приведший людей от ничтожества и многотрудной жизни в свое радостное и Богом обетованное царство. Он — новый Иосиф, напивавший многие местности и села. Он — друг правды, вместилище разума, гнездо милосердия.

Этот благочестивый, благородный, Богом возлюбленный и Богом венчаный князь воспитан был родителями в страхе Божиим, хорошо знал святые книги, он — потомок великих князей. Князь выше всего поставил мир и святость, отторг гордых от правления, рядом с собою на престоле посадил смиренных, непокорных властителей сотворил покорными себе. В случае войны князь Борис мужественно защищает свои пределы, он созидает церкви и основывает города, монастыри, возводит деревни и руководит всяким ремеслом и художеством. Его нельзя переубедить в споре, наоборот, он сам переубеждает любого, так как сведущ в книгах. Все люди радостно ликуют, видя, как славно стоит и красуется великим князем Борисом Александровичем богоспасаемый город Тверь. Князю ничего не нужно от подчиненных — только добрых о себе мыслей.

По мнению Фомы, истинный пастырь — это великий князь Борис Александрович, пасущий и устрояющий новый Израиль, Богом спасаемый град Тверь. И прежде него было много пастырей, но никто не может сравниться с ним. Князь Борис упас и устроил богоспасаемый град Тверь по благословию предков, избрав Давида, раба Божьего, пасущего народ израильский, примером себе. Пусть умножит Бог годы жизни князя и пошлет тишину его правлению и чтобы люди в его государстве жили тихо и безмятежно ныне и всегда и во веки веков²⁵.

Итак, в произведении инока Фомы появляются все качества идеального правителя (практически царя), привязанные к конкретному живому человеку, которые затем, в XVI в., стали общим местом

при изображении образцового государя. Несмотря на то, что «Слово похвальное» дошло до нас в единственном списке (видимо, из-за того, что в нем возвышается Тверской правитель, а не Московский), оно являлось определенной вехой на пути превозношения власти русских правителей. Если даже и не было прямого влияния Слова похвального на произведения XVI в., то бесспорны общие корни представлений инока Фомы и многих последующих писателей на источники, обязанности и задачи власти. Авторы опирались на книги св. Писания, в первую очередь Ветхого Завета (Царств и Псалтирь) и примеры из истории как христианских, так и языческих государств. Представляется, что во второй половине XV в. идеи царской власти (конечно, именно христианской, а не языческой) уже были достаточно широко распространены на Руси среди книжного общества.

Каковы же черты богоизбранного и Богом утвержденного князя в представлении инока Фомы? Это наследуемость власти, православие, мудрость, физическая красота, умение разговаривать, убеждать всех в своей правоте, грамотность, знание книг, щедрость к просящим, милость, строительство церквей, городов, монастырей, правда — справедливость, умение защитить свои владения, всяческая забота о подвластных, умение смирить и подчинить гордых. Таков идеальный правитель. И еще одно не должно ускользнуть от нашего внимания — это то, что, по мнению Фомы, при хорошем правителе благоденствует народ, непрестанно пасомый, опекаемый, спасаемый властелином. При хорошем правителе хорошо всем или, по крайней мере, большинству населения. Происходит соединение личности правителя и всех остальных. Государство персонифицируется в личности государя, или государь является необходимым и даже достаточным элементом государства — он заслоняет собой всех. Такое представление вытекает, видимо, из того, что именно правитель будет давать отчет на Страшном Суде за всех людей, вверенных ему. Правда, у Фомы эта идея не нашла своего законченного выражения, но, судя по некоторым отрывкам, это подразумевалось. Окончательное же развитие эта мысль получила спустя почти век в писаниях первого русского венчанного царя.

В XVI в. получил широкое распространение еще один памятник второй половины XV в. Мы имеем в виду Послание на Угру Ростовского архиепископа Вассиана Рыло²⁶. Появление послания было связано с важнейшим событием в истории нашей страны —

стоянием на Угре. Русские войска под предводительством великого князя Ивана III противостояли армии хана Орды Ахмата. Именно окончание стояния на Угре считается концом продолжавшегося более двух веков татаро-монгольского ига²⁷. Послание посвящено укреплению и поучению великого князя. Архиепископ считает для себя возможным давать правителю советы, государь должен к ним прислушаться — ведь он, Вассиан, советует, напоминает кое-что из Священного Писания «на крепость и утверждение державе» Ивана III. Государь сравнивается с царями древности — Давидом и Константином, которым Бог даровал победу над всеми врагами. Дарует Бог победу и Ивану, но он должен быть пастырем добрым, «полагающим жизнь» за овец своих. Ему не следует слушать тех советников, которые предлагают смириться перед ханом, не биться с ним, а отступить и предать на расхищение словесное стадо овец Христовых, данных ему Духом Святым. Ивану III надлежит отсечь соблазняющих его, не слушать советников, которые ведут его душу на погибель. Ведь сам князь, возможно, и спасется, но погибнут тысячи людей, будут осквернены св. Церкви. Именно с князя, а не с советников, давших плохой совет, взыщет Бог кровь погибших. Куда ты надеешься убежать и где воцариться, погубив врученное тебе Богом стадо? Нужно биться с погаными завоевателями, призвав на помощь Бога, Богородицу и всех святых, как бились предки великого князя. Грехами своими мы прогневили Бога, и Он, в свое время, для нашего же спасения наслал на нас безбожного Батю, хотя он не царь и не царского рода. Государь — человек, как и все, и как и все люди, грешит. Но человеку свойственно согрешать, то есть падать, и через покаяние восставать. И теперь Ивану III необходимо покаяться во всех своих грехах, которые он совершал, как и любой человек.

Вассиан говорит и о том, каков должен быть правитель: нужно иметь любовь к ближним своим, никого не притеснять, быть милостивым к виноватым. Кто на земле был милостив, тот и Господа найдет милостивым в Страшный день. Главное же — не словом каяться, а в сердце. Истинное покаяние — отречение от греха. И если мы все так покаемся, то помилует нас милосердный Господь и не только освободит и избавит нас, новый Израиль, от нового фараона — Ахмата, но и «нам их поработит». И если мы покаемся от всей души, и отречемся от греха, то поставит нам Господь тебя, государя нашего, как некогда Моисея и Иисуса и иных, освободивших

Израиль. Тебя даст нам Господь как освободителя нового Израиля, христианских людей, от этого возносящегося над нами нового фараона, поганого Ахмата. Но его похвальбу обрушит Господь под ноги твои и пошлет тебе пособников, ангелов своих и святых мучеников, и сметут они их, и те погибнут. И пророки сказали бы: Богом утвержденный царь, соберись с силой, преуспей и царствуй истины ради, и кротости, и правды. И Бог чудесным образом направит твою руку, престол твой правдой, кротостью и судом истинным создан будет, и жезл силы пошлет тебе Господь от Сиона, и одолеешь ты окруживших тебя врагов. И тогда непоколебимую и безупречную царскую власть даст Господь Бог в руки твои, Богом утвержденный государь, и сыновей сынов твоих в род и род и вовеки²⁸.

Для нашей темы здесь важно следующее: Вассиан подчеркивает особую ответственность правителя за вверенное ему стадо бессловесных овец Христовых; все плохое, что может случиться с подданными из-за действий (или бездействия) государя, взыщется с него в день Страшного Суда. Государь должен принимать советы, но не у всех. Себя, например, архиепископ считает вправе их давать, но, правда, советы его идут не от него как человека, а от св. Писания (по крайней мере, он так старается представить дело). Судя по всему, плохие советчики не будут нести ответственность за свои неправильные советы перед Богом, а вся ответственность ляжет на государя, поэтому он сам должен, освободив себя от грехов истинным покаянием, призвав Бога в помощь, принимать окончательное решение. Кроме того, правитель должен быть милостив, никого не притеснять, любить ближних, править по правде. Обращает на себя внимание и то, что практически нет ссылок на историю Византии (кроме беглого упоминания царя Константина) — все примеры из Ветхого Завета, Русь прямо называется новым Израилем, христианскими людьми²⁹.

Появление Сказания о Дракуле-воеводе связывается с именем известного русского государственного деятеля конца XV в. (и одновременно главы еретического кружка в Москве) Федора Курицына³⁰. В повести описывается правитель некой Мутьянской земли, прославившийся своей необыкновенной жестокостью. Само имя его переводится на русский язык как Дьявол. Был он жесток и мудр («зломудр»), ненавидел зло, за любое преступление — кражу, грабеж, обман, обиду — следовала смертная казнь. Неотвратимого на-

казания не удавалось избежать никому: ни вельможе, ни монаху, ни священнику, ни простому человеку — так грозен был Дракула. Меры, принимаемые правителем, привели к тому, что в его земле преступления стали большой редкостью. Приводится даже пример: у колодца в пустынном месте приказал Дракула поставить чару из золота, но никто не посмел украсть ее, хотя и находился этот колодец на перекрестке дорог. Двор правителя был заставлен кольями с казненными, и Дракула однажды спросил прибывших к нему за милостыней монахов из-за границы, хорошо ли он делает, казня людей, и кем являются казненные? Один из монахов ответил, что правитель должен быть милостивым, и казненные являются мучениками; другой же решил, что государь поставлен Богом казнить злодеев и награждать добродетельных, казненные творили зло, по грехам своим и наказаны. Неудивительно, что Дракуле понравился ответ второго монаха, первый же угодил на кол³¹.

Интересно, что оба монаха ссылались на библейские высказывания: там можно найти и то, что правитель должен быть милостив, и то, что он должен наказывать злодеев. Какой же выбор сделать? Что хорошо и что плохо? Каков путь к созданию идеального государства? Какая цель какие средства оправдывает? Является ли «грозность» необходимым атрибутом правителя? На все эти вопросы автор Сказания о Дракуле не дает ответов. Он просто рассказывает, не высказывая явно своего мнения. Но тем не менее в русской литературе появилось еще одно качество правителя, которое раньше как будто не акцентировалось, — это «гроза», «грозность».

Таким образом, к началу XVI в. в России имелись необходимые предпосылки для создания собственной теории Православного Царства. Во-первых, имелся источник всех представлений — сведенный воедино комплекс Библейских книг; во-вторых, имелось достаточное количество книжников, которые могли применить написанное в Библии к русской действительности; в-третьих, имелись первые попытки изобразить идеальные представления о власти и о взаимоотношениях подданных и властителей; в-четвертых, сама историческая действительность позволяла попытаться перенести идеальные представления в жизнь. Имелось только что ставшее окончательно независимым православное государство (единственное), имелись наследственные правители — великие князья, готовые воспринять идеи книжников, имелись исторические примеры — Византия, которая, впрочем, очень «вовремя» ушла со сцены, освободив место

для поднимающейся России. Имелось, наконец, и достаточное количество просто грамотных людей, которые также могли воспринять книжные представления. Наконец, и на неграмотных людей можно было повлиять «внешним воздействием»: строительством великолепных сооружений, пышностью придворных обрядов, военными успехами. Такому влиянию помогало то, что Московские князья (теперь уже государи всея Руси) обладали к началу XVI в. материальными возможностями для осуществления грандиозных проектов.

Представления о Московской Руси как о стране почти поголовной неграмотности едва ли соответствуют действительности. Еще в XIX в. А. И. Соболевский на основании изучения подписей под различными актами сделал вывод о достаточно широком распространении грамотности в России XVI в. По его мнению, среди белого духовенства читать и писать умели почти все, при дворе в конце века количество грамотных достигало почти 80%, среди землевладельцев грамотных было более половины. Простые люди также не были полными невеждами: торговцы — купцы в большинстве своем были грамотны, среди остальных посадских людей читать и писать умело около 20%. Чуть меньше было грамотных крестьян — примерно 15%³². Конечно, эти цифры не являются абсолютно точными, но не подлежит сомнению, что грамотность была достаточно широко распространена. Обучались грамоте и во множестве мелких частных училищ, и при монастырях (грамотных монахов, по А. И. Соболевскому, было около 80%), и в домашних условиях.

В XVI в. существовали довольно значительные библиотеки, в первую очередь монастырские. В некоторых из них хранились, переписывались и читались сотни рукописных, а затем и печатных книг. Но библиотеки были не только в монастырях: известно, что довольно значительным было книжное собрание знаменитого благоговещенского попа Сильвестра³³, предприняты попытки составить список личной библиотеки царя Ивана Грозного — на основании источников М. Н. Зарубин перечислил более ста пятидесяти книг, принадлежавших царю; известно, что много книг было у князя А. М. Курбского и у некоторых других деятелей, живших в XVI в.³⁴ Умение читать и понимать книги очень высоко ценилось в Московской Руси. Интересно отметить, что в России тогда не было принципиального различия в способах освоения грамотности между представителями различных общественных групп — образованность для

всех была одна и та же: учились по одним и тем же книгам, у одних и тех же учителей. Затем, освоив азы грамотности, можно было самому набираться учености, самостоятельно изучая книги³⁵.

Само руководство страны было заинтересовано в распространении грамотности, если не среди всего населения, то, по крайней мере, среди его определенной части — духовенства, сотрудников центрального и местного управления. Не случайно один из вопросов на знаменитом Стоглавом соборе касался обучения учеников грамоте. Вопросы представлены от имени царя, что свидетельствует об особом внимании правительства к этой проблеме. Одна из глав «Стоглава» (сборника постановлений Собора) посвящена организации книжных училищ по всем городам Московской державы. Собор предписывает избрать представителей белого духовенства (священников, дьяконов и дьяков), тех, которые хорошо знают грамоту и имеют в сердце страх Божий, и у них в домах организовать книжные училища. Причем на духовенство возлагается здесь не только само обучение грамоте («сколько сами умеют»), но и контроль за нравственным здоровьем учеников — учителя должны учить «страху Божию и блюсти их от всякого растления, больше же всего от скверного содомского греха и рукоблудия»³⁶. Такая взаимозависимость образования и нравственной чистоты неслучайна — она показывает стремление церковной и светской власти «воспитать нового человека», чистого, свободного, по возможности от грехов, достойного жителя Православного Царства.

Еще одной заботой руководства страны было исправление церковных книг и переводов, так как священные правила запрещают вносить неправленные книги в церковь. Сама постановка подобного вопроса предполагает наличие достаточно большого количества грамотных людей — писцов, занимающихся перепиской и переводом книг, пусть даже и не с совсем верных образцов. Правительство приглашало и ученых переводчиков — «справщиков» из-за границы (Афон) и предписывало протопопам и наиболее ученым священникам сообщать («соборне») сверять и исправлять книги после писцов. О широком распространении грамотности говорит и тот факт, что книга в то время стала товаром — писцы продавали их желающим. Следовательно, был определенный спрос частных лиц на книжную продукцию. На Стоглавом соборе было предписано все книги исправлять перед продажей, в случае нарушения предписывалось безденежно отбирать книгу у покупателя неправленного эк-

земляра и после исправления отдавать в церкви, которые книгами скудны³⁷.

Довольно широкое распространение грамотности позволяло русским книжникам влиять на представления общества. Это относится и к взглядам на власть, на смысл существования государства. Степень влияния книжных идей на население страны (особенно в то время) едва ли когда-нибудь можно будет определить с достаточной точностью. Однако то, что идеи русских авторов опирались на авторитет св. Писания, отцов Церкви, исторические примеры, делали их доступными для восприятия широких слоев населения. Авторы в большинстве своем не выдумывали нового, они опирались на известные тексты и путем их толкования, приспособления к определенным ситуациям получали нужный им вывод. Авторитетность использованных текстов вела к тому, что их построения получали ценность в глазах читателей.

Представляется, что именно такой путь проделала и идея Русского Православного Царства. Мысли, высказанные в св. Писании, некоторые исторические примеры из истории соседних стран были приложены к русской действительности. Важно отметить, что сама эта идея не могла появиться ни раньше, ни позже. Так сложилось, что для ее развития на Руси был определен сравнительно небольшой отрезок времени. Для того чтобы эта идея стала руководством к действию, понадобилось уникальное совпадение нескольких обстоятельств. Это, во-первых, раскол христианской церкви; во-вторых, то, что Русь приняла христианство именно от Византии; в-третьих, татаро-монгольское иго; в-четвертых, относительная замкнутость великорусских земель, что предохраняло от влияния Запада; в-пятых, принятие греками Унии и ее неприятие основной массой населения России; в-шестых, падение Византии; в-седьмых, усиление Московской Руси, окончательное свержение ига, фактическая ликвидация раздробленности во второй половине XV в.; в-восьмых, наличие достаточно сильной наследственной власти; в-девятых, существование в России книг, из которых можно было сделать выводы, ставшие основой для дальнейшего развития идеи Православного Царства.

Интересно, что книжники не дали окончательного точного определения Православного Царства — что же конкретно под ним понимать? Но выражение «Православное Царство» дается в источниках без расшифровки. В наиболее общем виде это некое госу-

дарство, стремящееся приблизиться к идеалу. Идеал этот заведомо недостижим и не совсем ясен, но стремиться к нему обязательно. Каким путем приблизиться к нему, тоже не совсем понятно, ясно лишь, что безусловно требуется освобождение от греха, введение справедливости (по возможности) на земле. Существенно то, что в каждый исторический момент времени Православное Царство может быть только одно. Справедливость — «правда», противоположность «неправде», злу, греху — вводится на земле правителем — Царем, который свою власть получает непосредственно от Бога. Но с того, кому много дано, много и спросится — правитель будет нести ответственность непосредственно перед Богом не только за себя (как обычный человек), но и за всех вверенных его власти. Царь — человек, имеет свободную волю и может творить добро и зло, как и все люди. Зло, творимое царем, падает на всю землю, и наоборот. То же самое, впрочем, относится и к власти мужа — главы семьи. Он отвечает не только за себя перед Богом (да в то время и перед земной властью), но и за детей и жену. Государственная власть, по этим представлениям, патриархальна — она подобна власти отца над детьми, находящимися в полной зависимости от него.

Царь, как и любой человек, может ошибаться, грешить. Грехи искупаются искренним покаянием. Окончательный ответ на вопрос, греховен был царь или нет, на этом свете невозможен, поэтому подданные не могут обсуждать действия Царя. Само положение Царя, ответственного перед Богом за всех подвластных, дает ему фактически неограниченную власть над населением страны, кроме вопросов Православной веры. Неограниченность власти не мешает Царю принимать советы со стороны, но окончательное решение принимает только он сам и несет за него персональную ответственность, опять-таки только перед Богом. Таковы, как нам представляется, основные черты Православного Царства.

Но из-за того, что русскими книжниками (вернее, источниками их идей) не были окончательно определены пути, с помощью которых Царь должен был достигнуть безусловно правильных, положительных целей, многое тут зависело от личности самого правителя: ведь из множества советов он выбирал те, которые казались ему истинными, и, как любой человек, мог ошибиться. Это повышало ответственность Царя до вселенских, фантастических размеров — любая ошибка могла стоить и лично ему, и всем жителям государства адских мук. Осложняло дело и то, что цели были нравствен-

ные, конкретно нефиксируемые, зависящие от личного понимания определенного носителя верховной власти.

Православное Царство — это книжная идея, вышедшая из книг св. Писания и покоровшая умы на несколько столетий. Эта идея овладевала сознанием, привлекала своей масштабностью, возможностью приблизиться к идеалу на земле. А когда идея овладевает массами, то, как известно, она становится материальной силой. Еще большую силу этой идее придавало то, что она овладевала правителями, которые могли попытаться (и попытались) претворить эту идею в жизнь, имея в своих руках практически неограниченные ресурсы. Весь XVI в. в истории России, как нам представляется, — это титаническая борьба за то, чтобы эти отвлеченные представления стали реальностью. Основное здесь было -- воспитание «нового человека», человека, избегающего всякой «неправды», сознательно старающегося не грешить. Задача эта во многом решалась средствами художественной культуры. Достаточно сказать, что само возникновение идеи связано с книжностью, то есть с культурой, и дальнейшее развитие она получила в литературе. Но немаловажное значение имеют и строительство новых архитектурных ансамблей, и живопись, и обучение грамоте. Перед нами пример того, как власть и культура взаимно влияли друг на друга, подпитываясь и изменяясь в процессе взаимного контакта.

Весь XVI в. была одна цель — построение идеального государства, но методы менялись в зависимости от реальных обстоятельств и личности правителя, находившегося на престоле: одни предпочитали не торопить события, другие же старались ускорить ход строительства идеального государства. Иногда бывало и так, что правитель сам не мог реально влиять на события, тогда эту роль играли те, кто находился у власти, — в зависимости уже от их представлений об идеальном.

Один из основных вопросов, который волновал книжников того времени, — это вопрос о характере отношений правителя (царя, великого князя, государя, господина, главы семьи) к подвластным. Постановка этого вопроса закономерна и неизбежна при представлениях об особой ответственности правителя перед Богом. Если так, то нужен хороший правитель. Как же некоторые авторы подходили к этой проблеме? Обратимся не только к тем сочинениям, которые трактуют отношение именно царя (или великого князя) к окружающим, но и отношение государей более мелкого масштаба,

вплоть до главы семьи к домочадцам, так как их ответственность перед Богом одинакова, и разница лишь в масштабах этой ответственности.

Одним из наиболее интересных русских книжников и общественных деятелей конца XV — начала XVI в. был Иосиф Волоцкий. Он известен как автор ряда сочинений, в которых обсуждаются интересующие нас вопросы. Особое значение его произведений для XVI в. определяется тем, что Волоцкий игумен являлся главой целого направления в русской общественной мысли — «иосифлян». Из основанного им монастыря вышло большое количество церковных иерархов и настоятелей обителей. Обстоятельства — борьба с ересью жидовствующих, конфликт с удельным князем, во владениях которого был основанный им монастырь, спор с Новгородским архиепископом Серапионом — в начале XVI в. сблизили Иосифа с великокняжеской властью³⁸. Его представления повлияли на взгляды русских правителей на свою власть.

В Посланиях князю о постригшемся «человеке» Иосиф приводит следующую мысль: Божественное Писание повелевает всякому человеку, любящему Христа, иметь заботу о своих рабах, как о детях, и поучать их всегда на путь спасения, чтобы поставить своих людей перед Богом чистыми и непорочными от всякого греха. Если господин так заботится о своих рабах (как о детях), то он за это «приимет царствия небесного наследие». От чего же конкретно должен господин беречь своих рабов? От блуда, прелюбодеяния, воровства, лжи и «всех злых дел». Ясно, что «спасать» своих рабов — холопов господин может лишь при условии своей **полной** власти над ними³⁹.

Эти послания направлены простому князю, такому, у которого княжеский титул стал лишь добавлением к фамилии. Но в другом своем послании, посвященном непосредственно великому князю, Иосиф пишет о том, что необходимо делать правителю страны: царю подобает всех находящихся под его властью спасать от печалей — душевных и телесных. Душевная печаль — это еретические учения, с которыми правителю надлежит бороться самыми решительными и жесткими мерами. Телесные печали — это разбои, воровство, «неправда». Правитель обязан заботиться о душах и телах своих подданных, так как власть свою он получил от Бога, и он должен угодить Богу, поскольку отвечает перед Господом не только за себя, но и за других, которые творят зло безнаказанно

со стороны великого князя. Царь естеством подобен простым людям, а властью подобен Богу. Бог добр, он хочет всех спасти, так же и царь должен беречь все, порученное ему, и, таким образом, исполнить волю Бога и принять от него вечную жизнь⁴⁰.

В связи с конфликтом с архиепископом Серапионом, вызванным переходом монастыря Иосифа Волоцкого под власть великого князя, последовавшим за этим осуждением Серапиона и обсуждением этих событий в обществе, Волоцким игуменом были написаны еще нескольких посланий. В них, оправдывая свое поведение и доказывая неправоту Новгородского владыки, Иосиф высказывает некоторые положения, ставшие затем очень популярными при обсуждении вопросов о власти. Со ссылкой на Божественные правила игумен заявляет, что они повелевают царя почитать, а не «свариться» (ссориться) с ним. Далее Иосиф пишет о том, что Московский государь — общий государь, государь всем государям Русской земли, которого Господь Бог вместо себя посадил на царском престоле, вручил ему суд и милость, власть над всем и заботу обо всех. Суд этого государя не посужается, то есть никто не может отменить принятых им решений⁴¹.

В своем основном труде — Просветителе (книге, посвященной обличению еретиков) Иосиф признает, что могут существовать и несправедные цари: это бывает, если над самим царем царствуют скверные страсти и грехи, сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость. Самое же ужасное — это неверие и хула. В таком случае царь не является Божиим слугой, а есть слуга дьявола, он не настоящий царь, а мучитель. Такого царя, склоняющего к нечестию или лукавству, нельзя слушать, даже если он мучит тебя или угрожает смертью⁴².

Вообще же, в произведениях Иосифа, в его размышлениях о царской власти есть некое противоречие, вызванное, видимо, тем, что он писал не общетеоретические работы, а произведения по конкретным поводам. В зависимости от обстоятельств менялись и акценты в его трудах. Так, Иосиф не допускает мысли о том, что правитель может изымать монастырское имущество, данное Богу в наследие вечных благ, на память душам; с другой стороны, он признает, что все подвластно царю как подобному властью Богу. Повиноваться царю, безусловно, необходимо, но только если он истинный царь, а не мучитель. Встает вопрос о том, кто же определит, является ли царь истинным? Представляется, что на этот вопрос

Иосиф не нашел окончательного ответа⁴³. Впоследствии, правда, и сам Иван Грозный признавал, что вера ограничивает власть царя.

Положительные черты у правителей русские книжники искали не только в св. Писании, но и в исторических примерах. Вереница правителей изображена в Хронографе. Среди них есть как положительные, так и отрицательные персонажи. Например, Александр Македонский, по мнению книжников, очень умен, доброжелателен ко всем, терпелив к согрешающим, справедлив в суде, не слушал клеветников. Благодаря этому он стал вселенским царем, и его положительным качествам надо подражать всем правителям. Другой положительный персонаж — римский император Траян. Его качества — воинственность, победоносность, терпение, храбрость, справедливость в суде. Траян назван даже «мерилом правде», и это несмотря на то, что именно при нем был замучен евангелист Лука. Безусловно, положителен образ императора Константина Великого, первого христианского императора, строителя Константинополя — он был заступником сирот и нищих, хорошо управлял своим царством.

Крайне отрицательный персонаж Хронографа редакции 1512 г. — римский император Комод. Он проводил все свое время, веселясь с «игрецами» (актерами), «злодетельными» женщинами и пьющими мужчинами. Кроме того, этот император был жесток — всегда готов погубить «добре» живущих. Не менее отрицательно изображение византийского императора Никифора — он злонаправлен, човекоубийца (жесток), раб золота, продавал должности⁴⁴.

Однако в русской книжности гораздо больше внимания уделяется не изображению отрицательных царей (мучителей), а советам о том, как сделать имеющегося, конкретного, положительного царя еще лучше, предостеречь его от возможных соблазнов, которые способны погубить как самого царя, так и его царство. Общая схема таких сочинений достаточно проста: имеется и так хороший царь, но если он сделает то-то и то-то, что советует автор послания, он станет еще лучше, всем людям, находящимся под его властью, также будет лучше. Советы такого рода даются, как правило, не от себя, а до правителя доносится лишь то, что автор вычитал или понял из авторитетных источников, в основном из св. Писания или из творений отцов Церкви. Сама возможность обращения к правителю с посланиями и советами говорит об уверенности авторов в том, что их советы будут, по крайней мере, внимательно выслу-

шаны и рассмотрены. У книжников существует убеждение, что если правителю разъяснить, на основании безусловно авторитетных текстов, что надо делать, то правитель обязательно примет совет. Представляется, что это предполагает убежденность книжников в изначальном стремлении правителя к добру, «правде», и даже если что в государстве не так, то это лишь потому, что государь не знает, как должно быть, чтобы было угодно Богу. Стоит ему посоветовать, разъяснить, и он все сделает правильно. Можно даже сказать, что книжник выполняет свой «гражданский долг», заявляя о замеченных недостатках. Это говорит об ответственности за происходящее в стране, об «активной жизненной позиции» русских публицистов.

Одним из таких советчиков был знаменитый псковский старец Филофей, создатель теории «Третьего Рима»⁴⁵. В послании великому князю Василию III Филофей признает бесспорной праведность адресата — «пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя . . . православного христианского царя и владыки всех, браздодержателя святых Божьих престолов». Великий князь должен знать, что все православные царства христианской веры сошлись в едином его царстве: Василий III — один по всей поднебесной христианам царь. Правитель должен беречь такое положение со страхом Божиим, бояться Бога, давшего ему все это. Не стоит рассчитывать на золото, богатство и славу — это все останется на земле, уповать можно только на все дающего Бога. После этих общих советов псковский старец переходит к сути дела, к тому, что подвигло его написать послание. Он заметил следующие нарушения: во-первых, люди неправильно крестятся; во-вторых, по всем соборным церквам должны служить епископы, чтобы не вдовствовала Церковь; в-третьих, нельзя обижать церкви и монастыри — забирать то, что было дано в наследие вечных благ; в-четвертых, необходимо бороться с содомским грехом.

Сам Филофей сознает, что он грешен, как и все люди, но молчать о замеченных нарушениях не может, чтобы не уподобиться рабу, скрывшему свой талант (притча из Библии). Василию III необходимо прислушаться к написанному, так как все христианские царства сошлись в его царстве, после же этого ожидается царство, которому нет конца (второе пришествие). То, что Россия — последнее царство, повышает ответственность ее правителя за все происходящее в ее пределах. Князю, чтобы быть достойным сво-

его предназначения, необходимо утешить плачущих и рыдающих, избавить обижаемых от рук обидящих. И если правитель хорошо управит свое царство, то будет сыном света и жителем высшего Иерусалима. Все христианские царства сошлись в одно, два Рима пали (итальянский и Константинополь), а третий стоит (Москва) и четвертому — не бывать. И Русское Христианское Царство другим не сменится⁴⁶.

Филофей был не одинок в своих раздумьях о том, что надо делать, чтобы царство было благополучно, но если он переходит от заданного вселенского масштаба к более конкретным делам, а затем снова возвращается к вселенским проблемам, то других образованных людей интересовали не столь глобальные проблемы, хотя и очень значительные, — как устроить жизнь в государстве, на каких основах. Одним из интереснейших авторов первой половины XVI в. был русский дипломат Федор Иванович Карпов⁴⁷. Самым значительным его сочинением является послание митрополиту Даниилу. Вероятно, оно было написано в ответ на послание Даниила, призывающее к терпению. Карпов не согласен с тем, что терпение — важнейшее качество для общественной жизни. Публицист ставит проблему: что важнее для царства и власти — правда или терпение? И приходит к выводу, что в государстве самым важным является правда, ведь если будут жить по терпению, то человеческое общество придет в беспорядок, законы разрушатся, не нужны будут цари, правители и князья; сильные будут угнетать бессильных, а бессильный — терпеть угнетение. Терпение подобает более для духовенства, а не для государственной жизни мирских людей. В обществе и государстве необходимы правда и закон, если их нет, то появляются дурные нравы, и люди делаются непослушными правителям. Любое царство должно управляться по правде и с помощью справедливых законов. За правдой — справедливостью в обществе наблюдают цари и начальники, которые следят за тем, чтобы непослушные и зловерные грешники жили в согласии с добрыми людьми. Без власти не может обходиться никакое общество. Власть грозой закона и правды принуждает грешников не обижать добрых людей. Добрых подданных цари берегут своим жалованием и милостью, злых наказаниями делают лучше, приводят от порока к добру. Если же злые упорствуют в своей злобе, то цари их совершенно истребляют. Если правители этого не делают в своем государстве, не заботятся прилежно о подвластных,

а допускают угнетение неповинных сильными, то грехи угнетающего ложатся на царя, который и даст ответ за все Богу. Это в идеале.

Но в нынешнее время (Карпов писал в 30-е годы XVI в.) многие начальники о своих подданных не заботятся, допускают их угнетение лживыми наместниками, не следят за порученным им стадом. В этом случае — из-за того, что в мире всегда есть добрые и злые — добрые страдают от преступлений злых. Необходимы законы и правда, чтобы между негодными могли существовать невинные, чтобы не получалось, что сильный все может. Правитель должен действовать правдой, милостью и истиной. Необходимо только найти нужное сочетание этих компонентов. Из-за милости правитель любим народом, а из-за истины его боятся. Но милость без правды — это малодушество, а правда без милости — мучительство, и если одно будет без другого, то разрушится царство и любое человеческое общество. Необходимо, чтобы милость поддерживалась правдой, а правда укрощалась милостью — тогда царство сохранится на многие дни.

Итак, Ф. И. Карпов поднял вопросы устройства человеческого общежития — государства. Он искренно убежден в том, что власть необходима, что без власти невозможно никакое общество, так как в этом случае на земле будет царить несправедливость — сильные будут угнетать слабых. Задача же власти — обуздание злодеев и предоставление добрым условий для нормальной жизни⁴⁸. Так как злые были всегда и всегда будут, то и царская власть необходима. Как видим, у Карпова аргументы земные, исходящие из реальности, в отличие, например, от Филофея Псковского. Конечно, как человек своей эпохи, он не может отказаться и от идеи ответственности царя перед Богом за происходящее в его владениях, и от библейских примеров, но это показывает, что даже рационально мыслящие люди разделяли уверенность в основных положениях представлений о Православном Царстве. Правда, милость и истина — вот на чем оно основано. Только комбинация этих качеств дает устойчивость царству. Достаточно сложно, однако, дать определение, например, «правде». Что понимали под этим словом русские авторы? Слово это достаточно многозначное, в самом общем виде — это, видимо, некая высшая идеальная справедливость, высший закон, полное отсутствие «неправды». Представляется, что из-за того, что слово это не имело точно определенного конкретного значения,

каждый мог его понимать в зависимости от собственных взглядов. Что является правдой для одного, могло не быть правдой для другого. Разное понимание слова могло вести к различным действиям: например, видимо, «правда» для Ивана Грозного совсем не то, что «правда» для Андрея Курбского.

Если Федор Карпов размышлял и писал о том, как жить в реальном, земном царстве, как устроить жизнь, то митрополит Даниил в одном из своих поучений (как пастырь и учитель) делает акцент на индивидуальной земной подготовке к будущей жизни. Все, как пишет митрополит, все без исключения дадут ответ перед судом Христовым за свои дела. Исключения не будет ни для кого — и цари, и князья, и все, пребывающие здесь в великой славе, ниоткуда не получают помощи, только от своих добрых дел. Причем Даниил обращается, видимо, даже не ко всем православным христианам, а лишь к жителям определенной страны — Русского Православного Царства. Спасение жителей России — его первая и основная забота. Они живут на «земле Божией», и это повышает ответственность жителей за свою душу. «Земля Божия» — это, скорее всего, именно Россия, а не весь мир. (Через несколько десятилетий князь Андрей Курбский в послании к Ивану Грозному обвинит царя в том, что тот отогнал его от «земли Божией». Но Курбский остался на Земле, он лишь перешел в другое государство, которое, следовательно, не мыслилось, как и вся остальная Земля, Божией. Такие представления о России, противопоставление ее всем остальным землям были, видимо, свойственны всему населению страны.) Что же делало Россию Божией землей? Даниил не дает ответа, мы можем лишь предположить, что создавало исключительность России — господствующая православная (истинная) вера, независимость от внешних врагов, наличие православного правителя. Но то, что Россия — земля Божия, еще вовсе не гарантирует спасения, а, возможно, даже затрудняет его, так как жители этой самой земли «упражняются в небрежении». Необходимо всем покаяться в своих грехах и стараться больше не грешить, а стремиться к добрым делам. Грехи же (видимо, самые распространенные в то время) перечисляются митрополитом в конце поучения: сквернословие, игрища и глумления, растлевающие душу беседы, величание, гордость, зависть, пьянство. Добрые дела также известны: чтение св. Писания, молитва, церковное общение, рукоделие, нищелюбие, возвышенные беседы о рае и царствии небесном, постоянная память о смерти и

готовность в любой момент дать отчет Праведному Судье о своих действиях⁴⁹.

Иван Семенович Пересветов — один из самых известных русских публицистов середины XVI в. Многие ученые считали его вымышленной фигурой, но в последние десятилетия это мнение уже практически никем не разделяется. Он — профессиональный воин. Первую половину своей жизни Пересветов провел за границей: в Польше, Великом Княжестве Литовском, Венгрии, Чехии и Молдавии (по его собственным словам, на службе у трех королей). Затем он оказался в России. Тут ему было поручено организовать мастерскую по производству особых щитов, но дело не заладилось, и через несколько лет Пересветов был разорен. В конце 40-х годов он подал Ивану IV несколько челобитных, одна из которых представляет для нас значительный интерес, — это так называемая Большая челобитная⁵⁰. В ней Пересветов, ссылаясь на мудрость греческих философов, латинских докторов и Петра, воеводы Молдавского, высказывает свои представления о том, каким должно быть настоящее царство и каким должен быть настоящий царь. По его мнению, любому царю свойственна врожденная воинская доблесть, но очень часто богатые вельможи стремятся укротить царя, чтоб не подвергать себя опасностям войны. Если им удастся привести царя в «кротость», то его царство ждут всяческие невзгоды и в конечном итоге гибель. Конечно, судьба царств — в руках Божиих. Он помогает тем, кто трудится и призывает Его в помощь, кто любит правду и судит праведным судом. Различные мудрецы, пишет Пересветов, вычитали в своих книгах, что русский царь (Иван IV) введет в своем царстве великую справедливость и этим утешит Бога сердечной радостью. Русский государь будет грозным и мудрым, приведет к покаянию грешников. От этой грозной мудрости проснутся лукавые (неправедные) судьи и сами удивятся, как это они могли обирать без счета.

Основная опора царя — воины, их царь должен кормить, о них заботиться, веселить им сердце, щедро платить им из государственной казны. Богачи же ленивы и не могут воевать так, как нужно, потому что боятся смерти. Вельможи русские богатеют, а царство приводят в скудость. По знамениям иностранных мудрецов, царь будет беречь и умножать веру, обращать иноверцев, вводить в свое царство правду. Этим он доставит сердечную радость Богу. Нельзя допустить в Русском царстве тех грехов, из-за которых погибло

Греческое царство — Византийская империя. Последний греческий царь, Константин Иванович, дал волю своим вельможам, которые сами царством обладали. Судили эти вельможи себе в корысть, богатели от слез и от крови христианской. Таким несправедливым путем собрали они себе великое богатство, потом обленились и не стояли крепко за веру. Этим они отдали туркам на поругание и царство свое, и веру христианскую, и красоту церковную.

По сочинению Пересветова выходит, что в Московском царстве еще **нет правды**, Ивану IV только предстоит ее ввести, а если правды в царстве нет, то, значит, и ничего нет. В каком царстве есть правда, то там и Бог пребывает, и не поднимется Божий гнев на такое царство. Правда — Богу сердечная радость, а царю великая мудрость и сила. Русский царь должен ввести в царство правду, но ему надо опасаться, чтоб не уловили его вельможи колдовством и ерестичеством, чтоб не укротили его воинский дух, а то ведь царю нельзя без воинства — ведь и ангелы небесные и те не выпускают из рук пламенное оружие.

Греческое царство пало потому, что греки впали в ересь, разгневали Бога своими грехами, и Он выдал их царство турецкому правителю султану Магомету. Нехрист он, но помогает ему Бог, многими он царствами завладел, а потому, что во всем своем царстве ввел великую правду и праведный суд, а именно это и любит Бог, и в этом Его воля. Греки же были христианами, читали Евангелие, но воли Божией не исполняли и впали в ересь, исполняя волю дьявола⁵¹.

Итак, по Пересветову, русскому царю предназначено великое будущее: он введет в свое царство правду. Но чтобы это случилось, царь сам должен быть грозным и мудрым. Царю без грозы нельзя, гроза должна быть, чтоб держать в повиновении вельмож-богатеев, которые будут стремиться околдовать, приворожить царя, сделать его мирным, кротким, чтоб им, богатеям, не воевать, не рисковать жизнью. Поэтому государь должен приближать к себе воинов, следить за тем, чтоб никто их не обижал. Царю необходимо ввести в своем царстве праведный суд, чтобы несправедливые судьи не наживались на крови и слезах христианских. Иван должен это сделать для того, чтобы не погибло Русское царство, как погибло Греческое.

Как мы можем видеть из этого краткого, далеко не полного обзора, в русской литературе к середине XVI в. бытовало широко распространенное представление о Богоизбранности, уникаль-

ности Русской земли — единственного независимого Православного государства. Эта уникальность предопределяла высокую ответственность ее населения перед Богом — ведь другого Царства, по представлениям книжников того времени, больше не будет. Влияние христианского учения привело к признанию высочайшей ответственности перед Богом руководителя страны — сначала великого князя, а с 1547 г. и царя. Все сходились в том, что царь несет ответственность за всех своих подданных, и ноша эта невыразимо тяжела. Некоторые книжники (или, как их сейчас называют, — «публицисты») считали своим долгом постоянно напоминать государю о его ответственности перед Богом и обращаться к нему за советами, другие же в своих работах просто рассматривают вопросы, связанные с лучшим устройством Православного государства. Все едины в том, что стране необходимы правда и праведный суд. А вот как добиться этой правды? Авторы уверены, что государь может ее «вести». Это вытекает из его ответственности за происходящее. Какими способами вводится правда? Одни думают, что достаточно исправления конкретных, замеченных ими недостатков, другие предполагают, что правда вводится в царство грозой, третьи настаивают на комбинировании грозы и милости.

Как же правитель принимает решения? Если перед Богом отвечает именно он, то и окончательные решения принимать также ему. Но это отнюдь не значит, что он не должен советоваться, другое дело — с кем советоваться? По сути, все авторы посланий, челобитных считают себя вправе советовать, но советуют они, по большей части, не от себя, а или от Божественного Писания, или со ссылкой на другие авторитетные источники — греческих философов, латинских докторов и т. д. Однако те же авторы полагают, что некоторые не могут давать советы (вельможи, богатеи), потому что их советы не направлены к благу, они советуют то, что им выгодно исходя из своих личных интересов. Пересветов даже называет таких советников сретиками, которых надо жечь огнем. Принципиально необходимость советников никем не оспаривается, но на практике, в условиях такой разногласности, все решает личная воля государя — какие советы он будет слушать. Такова была ситуация к середине XVI в.

Одним из виднейших политических деятелей середины XVI в. был митрополит Макарий. С его именем неразрывно связаны многие политические события 40–50-х годов. Не менее значителен

вклад митрополита и в русскую культуру. Еще в бытность Новгородским архиепископом, Макарий решил собрать воедино все «что-мые» на Руси книги (более десяти лет он посвятил этому). Под его руководством было создано три списка Великих Четых-Миней — книг, в которых статьи для чтения расположены по дням месяца. О грандиозности предпринятого Макарием и его сотрудниками труда говорит тот факт, что одно только оглавление, составленное в конце XIX в. архимандритом Иосифом, в напечатанном виде занимает том объемом более пятисот страниц⁵². Сам же сборник представлял собой двенадцать огромных рукописных книг с листами большого формата. Один из экземпляров созданного под его руководством свода Макарий подарил молодому Ивану IV. В Великие Четых-Миней входило большое количество русских оригинальных и переводных памятников, в основном житийных (описывающих жизнь православных святых), учительных и исторических. Сюда вошли библейские книги, произведения отцов Церкви, патерики, публицистические произведения, сказания, то есть вся литература, которая считалась душеполезной, разрешенной Церковью для чтения. Столь грандиозного труда еще не знала русская книжность⁵³.

Однако значение Макария для русской культуры состоит не только в создании Четых-Миней. Велика его роль и в деле книгопечатания в России. Первопечатником считается диакон церкви Николы Гостунского Иван Федоров, а первой книгой, напечатанной в Москве, — Апостол. Но известны и книги, предшествовавшие Апостолу Ивана Федорова, — это так называемые книги анонимной типографии, первые из которых появились около 1553 г. В любом случае бесспорно, что начало книгопечатания на Руси связано с именем митрополита Макария, без участия которого само книгопечатание едва ли было бы возможно⁵⁴. В послесловии к Апостолу, вышедшему в 1564 г., сам Иван Федоров рассказывает об обстоятельствах, связанных с созданием первой достоверно известной типографии, и объясняет причины начала книгопечатания. По повелению царя и с благословения митрополита Макария, читаем мы в послесловии, было создано множество церквей, и их необходимо было обеспечить книгами, используемыми при богослужении, но рукописных книг не хватало, так как многие из них оказались испорчены неверными переводами и описками писцов. Тогда царь с митрополитом приказали создать типографию⁵⁵. Само то, что известный нам первопечатник был духовным лицом, говорит о бли-

жайшем участии Макария в начале книгопечатания. Об этом же говорит и то, что сам замысел возник из-за пехватки именно церковных книг, необходимых для созданных и создающихся на Руси церковью. То, что первая точно датированная русская книга вышла спустя несколько месяцев после смерти митрополита Макария, не может умалить его заслуги в деле начала книгопечатания в России.

С именем Макария связано и одно из крупнейших событий середины XVI в. — Стоглавый собор, состоявшийся в 1551 г. Вопросы, обсуждаемые Собором, касались грамотности, открытия школ, и иконописи, и переписки книг. Одна из глав памятника полностью посвящена художникам-иконописцам. В ней главное внимание уделено качествам, которыми должен обладать иконописец. Художник обязан хранить душевную и телесную чистоту, если же он этого сделать не в состоянии, то он может жениться, жить в посте и молитве, часто приходиться к своему духовному отцу. Тех мастеров, которые живут праведно, царю нужно жаловать, а святителям (высшему духовенству) почитать и беречь больше, чем простых людей. Хорошему живописцу надо обязательно принимать учеников и учить их всему, что он сам умеет. Кроме того, мастера должны следить и за поведением своих учеников, добиваться того, чтобы они жили в чистоте и благочестии. Здесь же говорится и о запрете самовольного писания икон. Ненаученных художников предписывается отдать в обучение хорошим мастерам, и если научатся писать хорошо, то пусть пишут, если же нет, то им писать запрещено. Епископам предписывается в своих епархиях выбрать хороших мастеров и поручить им смотреть за всеми другими иконописцами. Особо говорится о том, чтобы художники писали с древних образцов, а от себя ничего не выдумывали. Если же кто из мастеров скроет свой талант, не обучит учеников, то он будет осужден на Страшном Суде на вечные муки. В одном месте «Стоглава» специально говорится об изображении св. Троицы. Собор предписывал живописцам писать иконы с древних образцов, как писали греческие мастера, а от своего разума ничего не добавлять⁵⁶.

Книжным же писцам предписывалось переписывать книги с хороших, исправленных переводов, а затем проверять — нет ли опечаток. Неисправленные книги продавать запрещалось⁵⁷.

Представляется, что вся деятельность митрополита Макария в области культуры имела назидательный, воспитательный характер — главным было обучить, наставить общество, уберечь людей

от греха, а если уж согрешили, то привести на путь покаяния. Причем это наставничество относилось и к самому молодому царю Ивану IV. Именно Макарий провел венчание на царство (видимо, митрополит сам и был его инициатором), он неоднократно обращался к царю с поучениями и наставлениями, писал послания, в которых указывал, каким должен быть истинный царь и создающееся Царство⁵⁸.

Именно такую, воспитательную, функцию имеет и «Стоглав». В нем говорится о том, что и как нужно делать, чтобы не было греха, чтобы быть угодными Богу. Конечно, реальная действительность далека от идеальных пожеланий, но сам факт такой попытки (превращение идеала в жизнь) знаменателен. Как же в этом памятнике изображена царская власть, как царь управляет страной? По изображению «Стоглава» инициатива исходит от самого царя, именно он созывает Собор и предлагает вопросы для его обсуждения. Но царь действует не один, а в согласии со своими боярами, воинством, всем православным христианством. Конечно, между царем и боярами, боярами и остальными жителями страны были в прошлом недоумения и конфликты. Но это все позади. Теперь все утвердилось в любовь и просят духовенство наставить царя и всех мирян на путь истинный, рассудить, что в стране делается не по Божественным правилам, и решить предложенные царем вопросы. (На самом же деле все было далеко не так безоблачно.) Итак, мы видим, что царь решает сам, но перед решением обращается за советом — в данном случае к духовенству. Так как оформление «Стоглава» было проведено под сильным влиянием митрополита Макария, то и изображенное в нем, по нашему мнению, отражает именно его представление на то, как необходимо принимать решения царю. Царь советуется с духовенством, духовенство принимает решения по церковным вопросам, но по некоторым проблемам оно передает право окончательного решения царю, относя, видимо, их к совместной компетенции церковных и светских властей. Так же и царь признает, что некоторые чисто светские вопросы требуют «святительского совета и дела».

В «Стоглаве» мы видим изображение идеальных, то есть таких, какими они должны быть, взаимоотношений между Церковью и Государством, налицо сближение «священства» и «царства», взаимопроникновение этих институтов: все важнейшие государственные решения должны приниматься по согласованию (совету) с церков-

ными властями, с их благословения, также и все церковные проблемы решаются с помощью государственной власти. И действительно, если благополучие государств и народов зависит от того, насколько страна и ее жители «исправились» перед Богом, то ответственность за все происходящее ложится и на светского государя, и на духовных пастырей. Таков, как нам кажется, взгляд митрополита Макария на соотношение светской и церковной властей⁵⁹.

С Макарием и его окружением связан и еще один литературный памятник — Книга Степенная царского родословия. Основным составителем ее считается духовник Ивана IV, будущий митрополит Афанасий. Создана была Степенная книга в начале 60-х годов, а изложение событий в ней доводится до 1560 г. Книга состоит из 17 степеней (граней), каждая из которых посвящена изображению событий, связанных с деятельностью одного из великих князей. В 17-й степени содержится описание первой половины правления Ивана Грозного. Вся русская история в Степенной книге представлена в виде своеобразной лестницы, ведущей к вершине — правлению первого русского царя⁶⁰. Биографии русских правителей, содержащиеся в книге, более напоминают агиографические произведения (жизния святых) даже в тех случаях, когда правители не были официально причислены к лику святых. В начале книги рассказ идет не о Рюрикe, как можно бы было предположить, а о св. Ольге, первой в великокняжеской семье принявшей христианство. Биографии Олега, Игоря и Святослава — князей языческой эпохи — также отсутствуют, основная часть произведения начинается с правления крестителя русской земли великого князя Владимира Святого (этим подчеркивается особая роль православия в истории Русского государства).

Особо упоминаются митрополиты и другие видные церковные деятели, среди качеств правителя специально указывается его преданность православию и христианские добродетели: нищелюбие, милость, терпение, тихость, боголюбие, нелицемерная любовь ко всем, находящимся в его власти, любовь к чтению священных книг, строительство церквей, монастырей, помощь монахам и священникам, внимание к их мнению, мужественность. Этот набор положительных качеств несколько менялся в зависимости от обстоятельств реальной жизни правителя. Так, например, Иван III — «мужественный одолитель супостатов, разоритель нечестия и прелести, уничтожитель ереси, упразднитель многоначалия и самовластия, утвер-

датель мира, тишины и правды». В Степенной книге особо подчеркивается законный характер власти русских правителей — ее наследственность. Уже в начале рассказа о Владимире святом особо говорится, что он не от худого рода и неизвестного, а от римского императора Августа ведет свое происхождение. Законная наследственность подчеркивается и для других великих князей. По этому произведению, главная задача власти — это забота о Церкви, почитание ее святых, защита благочестия, борьба с неверными. По Степенной книге выходит, что Иван IV — достойнейший продолжатель дела своих великих предков⁶¹.

Степенная книга — далеко не единственный обобщающий исторический труд, созданный в XVI в. Крупнейшим памятником русского летописания является Никоновская летопись, получившая свое название по одному из списков, принадлежавших патриарху Никону. Считается, что первоначальная редакция этой летописи была составлена в конце 20-х годов XVI в. при московской митрополичьей кафедре в период первосвятительства митрополита Даниила. При составлении летописи были использованы различные местные летописцы, повести, сказания, архивные материалы, жития святых. В течение XVI в. Никоновская летопись дополнялась современными событиями, и в ней оказались представлены известия обо всем княжении Василия III и о части правления Ивана IV. Некоторые ученые предполагают, что к дополнениям в Никоновскую летопись имел отношение видный политический деятель середины века Алексей Федорович Адашев. В настоящее время Никоновская летопись с ее продолжениями и дополнениями является одним из важнейших исторических источников⁶². О грандиозности предпринятого в то время труда говорит тот факт, что в напечатанном виде эта летопись занимает несколько томов большого формата.

Однако самое грандиозное летописное произведение средневековой Руси — это Лицевой летописный свод, созданный, по мнению ученых, в период с 1568 по 1576 г. в Александровской слободе. В этот огромный свод входит десять томов, причем почти каждая страница украшена миниатюрами, всего их более 16 тысяч. Часть Свода (первые три тома) посвящена всемирной истории, остальные семь рассказывают о событиях, происходивших в России. По неизвестным причинам работа над этим произведением не была доведена до конца, причем последний том (так называемая Царствен-

ная книга) сохранил многочисленные приписки, сделанные рукой неизвестного редактора (некоторые исследователи полагают, что это, возможно, автограф самого Ивана Грозного). Приписки носят обличительный характер и призваны, видимо, доказать обоснованность репрессий, которые проводились во времена опричнины⁶³.

Обобщающие исторические произведения, созданные в течение XVI в., прежде всего огромные летописные своды, должны были продемонстрировать развитие всемирной истории, ее путь к закономерной вершине — Русскому Православному Царству, последнему Царству перед вторым пришествием. Однако в силу различных причин, в основном, видимо, политического характера, эта гигантская обобщающая работа не была доведена до конца, многие памятники прерываются буквально на полуслове. Вследствие своей специфики огромные летописные своды были доступны далеко не всему населению России (даже грамотному). Они обращены в первую очередь к элите общества. Другой характер имеет знаменитый Домострой, одна из редакций которого связана с именем знаменитого благовещенского попа Сильвестра, сотрудника первого периода деятельности Ивана Грозного.

Домострой представляет собой наставление умудренного опытом родителя своим детям о том, как жить, как содержать дом, как воспитывать семью. До нашего времени сохранилось несколько десятков списков этого произведения, что говорит о довольно широком его распространении. Домострой посвящен не какой-то определенной общественной группе, а, как представляется, всему населению страны. Это учебник жизни, говорящий о том, как надо исполнять свой долг, а долг каждого христианина, — жить достойно в независимой православной стране. Главное лицо, к которому обращены наставления — это государь, хозяин дома, он отвечает за все, что в его доме происходит, причем за благополучие семьи и хозяйства не только на этом свете, но и на том. Государю-хозяину предстоит держать ответ, как он выполнил свой долг по воспитанию своих домочадцев, детей, жены, все ли он сделал, чтобы подвластные ему не грешили. Можно сказать, что семья и хозяйство, изображенные в Домострое, — это модель всех отношений в обществе и государстве того времени, вернее то, что русские люди хотели видеть в идеале. Домострой посвящен, по большому счету, не только дому и семье, а всему обществу. При таком подходе власть настоящего государя — царя и его обязанности основывают-

ся на тех же представлениях, что и власть любого домовладыки из его подданных. Государь — отец, его власть столь же велика, как и власть настоящего, физического отца над своими детьми и женой. Государь воспитывает всех подвластных, наказывает за проступки — грехи, поощряет за добрые дела, если же он этого не делает, то дает ответ Богу⁶⁴.

Конкретные советы (например, о том, как запастись продуктами или как хранить одежду) перемешаны в Домострое с общими поучениями о том, как жить. К этим общим поучениям мы сейчас и обратимся. Первые несколько глав памятника посвящены тому, как надо исполнять церковные обряды, а уже в пятой главе речь идет о том, как чтить царя или князя: следует бояться царя и служить ему верно, всегда молить Бога за него. Царям нельзя говорить ложь. Тут же приводится и обоснование необходимости служить царю правдой — если земному царю служишь верно, то станешь бояться и Царя небесного, затем идут слова апостола о необходимости покоряться земным властям, так что кто противится власти, тот противится Божью повелению. Кроме царя необходимо почитать и всех вельмож, своих отцов духовных и архиереев.

Глава восьмая специально обращена ко всем христианам, в том числе и к царю. Здесь идет наставление о том, как необходимо жить, чтобы угодить Богу, и не грешить. Следует подробное перечисление грехов, в которые могут впасть люди, не исключая и царя, — кто же в дерзости своей страха Божьего не имеет и воли Божьей не творит, закону христианскому не следует, о церкви Божией, и о церковном пении, и о молитве не думает, ест и пьет без удержу до объедения и до пьянства в неурочное время, и поста не соблюдает, блудит в неурочное время, нарушая закон и природу, или те, кто от жен блудят или совершают содомский грех и всякую мерзость творят и великие богоотвратные дела: блуд, распутство, сквернословие и срамословие, бесовские песни, пляски и скакание, игру на бубнах, трубах, сопелках, заводят медведей и птиц и ловчих собак и конские гонки устраивают, — все, угодное бесам, всю непристойность и наглость, а к тому же еще чародейство и волхование, и колдовство, звездочетье и чернокнижие, чтение отреченных книг, альманахов, верят в камни и кости волшебные и в прочие козни бесовские верит, да еще кто чародейством и зельем, кореньями до смерти или до помешательства кого окормит или бесовскими словами, наваждением и наговором наведет кого-то на порок и особенно

на прелюбодеяние, или кто-то клянется именем Божиим ложно или клеветает на друга — тот грешит, ибо при таких делах рождаются в людях гордость, ненависть, злопамятство, гнев, враждебность, обиды, ложь, воровство, проклятие, срамословие, сквернословие, чародейство и волхование, насмешка, кощунство, обжорство и пьянство безмерное, и всякие злые дела, и блуд, и любое распутство. Если все это творят люди, то Бог, не приемля такое поведение, как чадолюбивый отец спасает нас в страданиях и наказывает за многие наши грехи, и ждет покаяния, чтобы мог человек, исправившись, жить. Но если люди не исправляются, не покаются в недобрых делах, то Бог наводит на землю, по нашим грехам, когда голод, когда мор, или пожары, или потоп, а то и пленение, и смерть от руки язычников, разорение городам, осквернение церквям, расхищение имущества.

Итак, в грех может впасть любой, и если не будет покаяния, то Бог наведет на землю различные бедствия. Чтоб этого не случилось, и нужен Домострой, чтоб все люди, какие бы должности они ни занимали, сознавали свою ответственность не только за свою собственную жизнь, но и ответственность каждого отдельного человека за все происходящее в обществе. Чтобы не навести Божий гнев на все государство, каждый должен убегать от греха, оплошность любого может переполнить чашу Божьего гнева и вызвать катастрофу всемирного масштаба. Но, к сожалению, не все люди сознают это. В обществе, наряду с добрыми, есть и злые, или просто неученые. Власть на то и дана Богом отдельным лицам, чтобы облеченные властью могли спасать грешников, приводить их на покаяние, а неисправимых исторгать из общества. Что касается неразумных детей, то государь-хозяин обязан воспитать их в добрых обычаях, научить страху Божию, вежливости и всякому порядку. Детей надо любить и хранить, но и наказывать, в случае необходимости можно и побить. Спасать надо страхом — ведь если дети согрешат по родительскому нерадению, то именно родителям держать ответ за грехи детей в день Страшного Суда. У родителей не должно быть мягкости — наказывай детей в юности и успокоят тебя в старости, не следует жалеть — от побоев страдает тело, а душа избавляется от смерти.

Сам хозяин дома должен учить свою жену, детей, слуг — всех находящихся в его власти, не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, на чужое не посягать, не осуждать, не высмеивать, не браж-

ничать, не помнить зла, к старшим быть послушным и покорным, к убогим — милостивым. Учить надо страху Божию и добродетели всякой, и самому так же делать, тогда вместе от Бога получите милость, а тебе (господину) даже большая будет награда от Бога, потому что не одного себя спасал, но и всех, кто с тобою, ввел в вечную жизнь. Ведь дело слуг — служить тебе, а тебе самому за их души отвечать в день Страшного Суда⁶⁵.

Как мы уже писали выше, Домострой рисует порядок жизни, относящийся не к какой-то строго определенной категории населения, а ко всем православным христианам. Именно так им и надлежит жить. Основная ответственность за все происходящее в доме с домочадцами лежит на главе семейства, власть которого над всеми обитателями дома практически безгранична. По сути, так же безгранична и его ответственность, которая вытекает из представлений жителей средневековой Руси о том, что именно господин дает ответ Богу за всех, подвластных ему. Он их обязан воспитывать, причем воспитывать, не останавливаясь перед жесткими мерами, так как спасает душу, а наказывает лишь тело. Впрочем, и сам господин-хозяин должен быть праведен, но, видимо, его слуг и членов семьи эта проблема не должна особо сильно беспокоить, так как даже если хозяин неправедный, то все равно именно он будет нести ответ перед Господом. Если такова ответственность и власть обычного, рядового хозяина, то насколько они должны быть больше у правителя страны, который отвечает перед Богом за всех подвластных ему?

Праведность правителя — одно из важнейших условий процветания страны. Качеств, необходимых праведному правителю, мы в нашей работе уже касались, но выше речь шла скорее об исторических примерах, библейских персонажах, а не о реальных, земных людях. Посмотрим, как же эти идеальные качества правителей отражались в некоторых летописных известиях. Елена Глинская, бывшая правительницей государства в 1533–1538 гг., вторая супруга великого князя Василия III, была, оказывается, боголюбива и милостива, тиха и правдива, мудра и мужественна, и всякого царского разума исполнено было сердце ее, во всем она была подобна великой царице Елене (матери первого христианского императора Константина — основателя христианской империи) и великой княгине Ольге (первой в русской великокняжеской семье принявшей христианство)⁶⁶.

Как видим, идет апелляция к историческим примерам, имеющим непреходящую ценность для православного человека. Подобием давнему, канонизированному идеалу оправдывается переход власти к Елене в период малолетства Ивана IV. Мы же из других источников знаем, что в действительности Елена Глинская вовсе не была идеальным персонажем нашей истории. Например, по ее приказу были уморены в темнице два брата Василия III — Юрий и Андрей, погиб и собственный ее дядя — князь Михаил Глинский. Но реальность ни в коей мере не заслоняет для русского официального летописателя идеальный образ правителя. Мы, современные люди, можем осуждать Елену за жестокость, но нельзя забывать, что на ней лежала ответственность за государство, и своими жестокими мерами она, возможно, предотвратила междоусобную борьбу. То есть к правителям не подходят общепринятые нравственные качества, и не случайно Летописец указывает на то, что Елена была не просто мудра, а исполнена именно царского разума. Понимание разницы между правителем и простым человеком (в уровне ответственности перед Богом за происходящее) было свойственно Ивану Грозному; в то же время другие авторы (например, Курбский) могли не признавать этой разницы. Для Курбского Елена Глинская — огнюдь не положительный герой, а обладательница разнообразных пороков, между которыми и волшебство⁶⁷. Но ведь Курбский так же необъективен, как и авторы официальной летописи, — для него образ Елены лишь часть его представлений обо всем царствовании Ивана IV.

Однако славословия в адрес Елены Глинской меркнут перед тем, что в летописи говорится о самом Иване Грозном. Интересующий нас фрагмент помещен при рассказе об основных реформах 50-х годов. Начало премудрости царя Ивана — страх Господень, он соблюдает себя во всем чистым перед Богом, в церкви когда стоит, то находится в страхе и трепете, не разговаривает, только совесть свою перед Богом исправляет, молится. Суд и правда у Ивана пелицемерна всем, самодержец оставил все царские обычаи (вроде охоты), а лишь старается соблюсти и ввести волю Христову в своем царстве. Он обороняет государство от всех иноверных басурман и латын. Его качества — храбрость и мужество, он печется о том, как утвердить закон и веру христианскую в своих государствах, воюет с неверными, и никакие развлечения не идут в его царский ум. Все мысли Ивана о защите христиан и законе Христовом. Любовь

царя ко всем подданным, и к вельможам, и к средним, и к младшим, равна, всех он жалует «в правду», по их трудам и награждает по отечеству и службе. Бог создал такого царя православным землям, который во всем подражает прежним благочестивым царям и храбрым государям. На нем Бог показал свою милость. И не только о себе заботится царь, но хочет и всех подручных своих поставить перед Богом непорочными, отвращает всех подчиненных ему от недобрых дел, о душах всех промышляет и всех стремится устроить по правде. Здесь же указана и цель всей этой деятельности царя — во второе пришествие хочет Иван от Бога услышать, что он — царь правде, и отвечать ему без стыда: Господи! Это я и люди, которых Ты мне дал. Для этого государь и старается, среди прочего, чтобы воинское строение и царская служба были безо лжи и без греха вправду (это описание царя помещено в летописи при рассказе о Приговоре о кормлениях и службе)⁶⁸.

Как видим, здесь в очередной раз подчеркивается мысль об ответственности царя перед Богом, то, что он **должен** поставить всех своих подданных непорочными перед Господом. Особый интерес этому отрывку придает то, что, как полагают многие исследователи, автором летописи был или сам А. Ф. Адашев, или человек из его окружения⁶⁹. В этом случае можно говорить о том, что представления о царе отражают точку зрения членов «Избранной рады», которая, как известно, пала в самом начале 60-х годов. Само это описание, подчеркивающее подобность Ивана древним благочестивым царям, то, что он обращает подвластных от злых дел, признание того, что именно он отвечает перед Богом за подданных, делало невозможным (в теории) какое-либо «противоречие» царю, даже если подвластным и казалось, что государь действует неправильно.

В условиях, когда правитель отвечает перед Богом за все происходящее, он должен знать **все**, что происходит в подвластной ему стране. Но, как известно, царь лишь властью подобен Богу, а физически он не отличается от простых людей. Следовательно, он не может в действительности знать все, но должен к этому стремиться. В таком случае любое сокрытие информации, ее искажение считается тягчайшим проступком, который может привести к самым трагическим последствиям для всего государства. Не случайно сам Иван IV на Стоглавом соборе просил прощения за «неведение» того, что произошло в стране в годы его юности. По его представ-

лениям, все испытания тех лет, включая великий пожар 1547 г., лишь наказание за грехи, в том числе и за его собственное «неведение»⁷⁰. Все в стране должно, в идеале, происходить только по ведому правителя, любое отклонение от этого чревато непредсказуемыми последствиями. Однако, как уже говорилось, правитель не может физически знать всего, а отвечает за все. Отсюда вывод — подданные должны служить верой и правдой, не за страх, а за совесть. Чтобы они так служили, их надо воспитать. Можно сказать, стоял вопрос о воспитании «нового человека». Итак, для тех, кто служит «прямо», — милость, для остальных — царская опала, но опала не по прихоти, а по необходимости.

Одобрение происходящего правителем, его знание о событиях — это залог того, что все делается правильно, и наоборот, незнание правителя о происходящем ведет к греху. Не случайно поэтому среди вины дворецкого князя Ивана Кубенского значились недоброхотство великому государю, многие неправды, учиненные его государству, великие мздоимства, многие мятежи и побиение многих бояр без великого государя веления⁷¹.

Одно из самых значительных событий первой половины правления Ивана IV — присоединение Казанского ханства. Покорение Казани рассматривалось в России как знак особого расположения Бога к своему народу, который стремится очиститься от грехов и стать достойным выпавшей на него миссии. Особую значимость происходившему придавало то, что еще менее ста лет назад русские князья являлись подручниками татарских ханов, а прадед самого Ивана Грозного побывал в плену у казанских царей и освободился лишь ценой огромного выкупа. Но теперь ситуация изменилась: уже не степь наступала на Русь, а Русь на степь. Истории отношений между Русскими землями и татарами посвящен один из самых значительных литературных памятников XVI в. — Казанская история, написанная, по мнению ученых, в начале 60-х годов, незадолго до введения опричнины. Точных сведений об авторе этого произведения не имеется, о нем известно лишь, что он сам пишет о себе в тексте Истории. Предполагается, что это бывший русский пленник, проведший в казанском плену около двадцати лет, а затем, после освобождения, поступивший на службу к русскому царю. То, что создавалась Казанская история перед опричниной, в то время, когда было нарушено доверие царя к своим боярам, повлияло на текст произведения. Автор последовательно выступает на сто-

роне Ивана IV, он основной герой взятия Казани (хотя, по другим источникам, это было не совсем так)⁷².

Царю Ивану изначально предопределено взять Казань, разорить басурманское царство. Это, умирая, предрекает Василий III, заявляя боярам о своем трехлетнем старшем сыне, что он высушит слезы христианские, и смирит язычников, и всех врагов своих победит. Рос Иван предоставленным самому себе, без отца и без матери, оберегаемый самим Богом, а все князья и вельможи, не боясь Бога, ушивались самовластием и судили не по справедливости, а по мзде, творили насилие над людьми, не берегли от захватчиков Русскую землю и не заботились о ней. Что творили вельможи, то же делали и их холопы, глядя на своих господ. Из-за этого в городах и селах умножились несправедливости, хищения, обиды, воровство, разбой и многочисленные убийства, и по всей земле стояли слезы и плач. Но царь вырос, пришел в великий разум, стал очень мудр, храбр, усерден, очень силен телом и стал подобен во всем своему деду — великому князю Ивану (Ивану III). Перебил возмужавший государь всех старых своих мятежников, а остальные вельможи утрастились и стали праведно судить. После этого царь стал управлять царством в согласии со своими вельможами, и стал кротким и смиренным, справедливым в суде и непреклонным, к воинству милостивым и щедрым, веселым сердцем, сладким речью. Объехав все свое государство, узнал Иван, что многие города и села запустели от нашествий казанцев, и решил оборонить свою землю от нашествий варваров. Далее следует рассказ о событиях конца 40-х годов, о первых попытках покорения Казани (но попытки эти были неудачны).

Затем царь предлагает окончательно покорить басурманское ханство. Это вызвало единодушное одобрение всех бояр: не противимся мы тебе и не возражаем, поступиай по своей воле, мы же ни в чем не будем тебе мешать. Все мы хотим крепко пострадать за православную веру, за всех православных христиан. И за тебя, великого самодержца, должны мы умереть и забыть богатство наше, и дома, и жен, и детей своих. Ответ этот очень понравился царю. Это и неудивительно. Видимо, так сам Иван и представлял обязанности вельмож — царю не возражать, а служить правдой, забывая обо всех своих собственных делах. Однако это единодушие государя с вельможами длилось недолго — под стенами Казани воеводы предложили отступить, но Иван устыдил их, произнеся пламенную

речь, известия о которой больше нигде не сохранились. Это скорее не то, что в действительности было сказано, а то, что должен был сказать православный царь своим боярам по представлениям того времени. Государь заявил, что трудится он не ради себя одного, а для общей пользы мирской, и лучше умереть здесь, под Казанью, чем возвратиться домой с позором. Лучше пострадать кровью за Христа и прославиться в будущих поколениях или, победив, приобрести великие блага. Здесь проявляется еще одна черта настоящего царя — готовность пострадать за Русскую землю, претерпеть ради нее любые тяготы и трудности, лишь бы избавить христианство от рабства у неверных и не допустить поругания Христовой веры. Не о собственной славе заботился царь, удерживая армию под казавшимися непреступными стенами города, а думал о царстве, трудился ради общего мирского благополучия, ради благосостояния святых церквей и порядка земского, и для тишины для православного христианства, чтобы не стать снова рабами поганых, как было при хане Батые.

Однако все предыдущие славословия в адрес Ивана Грозного меркнут перед последней главой Казанской истории, которая так и называется: «Похвала царю и великому князю и всем воеводам его и воинам» (воеводы и воины, впрочем, здесь практически не упоминаются). Итак, совершил царь много дел, достойных похвалы и памяти: воздвиг новые города, обновил старые, построил прекрасные церкви, устроил монастыри. С юных лет не любил государь царских потех, ни охоты, ни звериной борьбы, все это он от себя отринул и жил лишь воинскими заботами, советовался с мудрыми советниками и стремился к тому, чтобы избавить землю свою от нашествий и разорений. Старался он вывести в своей земле всякую неправду и ложный суд, подкупы, и разбой, а взрастить в людях правду и благочестие. И укрепил он землю свою, ведь можно же вывести и искоренить у людей дурные привычки. Была в царствование его великая тишина по всей Русской земле, улеглись всякие беды и мятежи и прекратились разбой и хищения, которые были при отце его, и набегии варваров прекратились, ибо испугались его крепкой силы нечестивые короли. Расширил он границы Русской земли во все стороны, наполнил землю людскими селениями, одержал множество побед над врагами. Поганные народы боялись приходить войной на Русь, слыша, что еще жив он⁷³.

Как видим, набор положительных качеств православного царя переходит практически без изменений из одного произведения в другое. В наиболее общем виде это приверженность вере, справедливость в суде, забота о подвластных, защита Отечества, строительство городов, монастырей, церквей, мудрость, наставничество по отношению к подвластным, стремление заставить их жить по правде, в случае надобности — грозность к провинившимся. Вместе с тем царь действует в согласии с советниками, только советники эти должны быть истинными и давать хорошие советы (причем «хорошесть» их будет определять сам самодержец). Все эти качества практически без изменений переходят еще из XV в., лишь немного изменяясь под влиянием каких-либо обстоятельств. Можно сказать, что качества положительного правителя имеют устойчивый характер и идут, по всей видимости, еще от примеров положительных царей, изображенных в Ветхом Завете.

Рассмотрев некоторые произведения русской книжности первой половины XVI в., мы можем сделать следующие выводы: русские книжники сделали очень много для того, чтобы правители — великие князья, а затем и цари, осознали себя ответственными перед Богом за все, что происходит в стране, ввершпой их управлению. Персональная ответственность предполагала наличие огромной власти над подданными, власти, которой удивлялись иностранцы. Однако эта власть, в идеале, могла направляться лишь на добрые дела (или на то, что считали «добром» правители). С другой стороны, если ответственность лежала на правителе, то, по большому счету, только он и мог определять, что добро, а что нет в каждом конкретном случае — как его государя Бог наставит. Отсюда следует, что ничьи советы не являются для русского правителя обязательными, он волен сам выбирать, к чьему мнению прислушиваться, чье мнение соответствует его внутреннему убеждению, которое идет от Бога. Никто из советников не имеет такой ответственности, как государь, и, следовательно, ни один из них не может претендовать на то, чтобы именно его советы выполнялись. Государь все взвешивает на своих собственных весах или принимает вообще любое решение, которое обязательно для всех подданных, независимо от того, согласны они с ним или нет. Повиноваться власти необходимо во всех случаях, кроме одного — явного отступления правителя от веры. Не случайно именно вопрос о том, кто же сохранил веру, был столь остро поставлен в сочинениях Грозного и Курбского.

Русские книжники, внушавшие правителям подобные взгляды, опирались в своих построениях на тексты, имеющие в их глазах и в глазах большинства населения безусловный авторитет — на св. Писание. Выходило, что любое неповиновение власти превращается уже не только в государственное, политическое преступление, а оказывается преступлением против установленного самим Богом порядка вещей. Книжники в принципе не могли выдвинуть никаких сколько-нибудь оппозиционных власти учений, так как их источники их не знали. Идеальные представления из литературы перекочевали в жизнь, были восприняты и правителями, и населением, которое отнюдь не считало такое положение чем-то удивительным. Наоборот, это была норма, а любое другое устройство государства могло восприниматься как отклонение от правильного хода вещей. Однако, как представляется, сами по себе идеи не могли бы найти своего воплощения в действительность, если бы не объективные предпосылки. Русское государство складывалось в борьбе с внешней угрозой, и это повышало роль великого князя, который традиционно являлся защитником Руси. Это и дало возможность претворить книжные понятия в жизнь. Литература, создаваемая в первую очередь духовенством, давала обоснование власти. Причем, видимо, первоначально (в глубине веков) власть даже не имела реальной возможности вмешиваться и направлять русских авторов. В этом смысле можно сказать, что именно литература создала власть, создала Русское Православное Царство. Когда же литературные идеи окончательно восторжествовали в умах русских правителей, то они сами (Иван Грозный) дали законченное обоснование своей власти, исходя из накопленных до них представлений. Люди культуры воспитывали власть, возвращали ее, стремились к тому, чтобы она осознала себя властью, несущей ответственность перед Богом. Им это в конце концов удалось. Наконец, сама власть получила возможность влиять на культуру, заказывая мастерам те или иные произведения. Теперь уже сама власть с помощью культуры могла воспитывать подданных в нужном ей духе.

Для этого власть, конечно, должна была обладать огромными средствами: и интеллектуальными, и людскими, и материальными. Такие огромные средства, которых ранее едва ли хватало, появились еще в конце XV в. Созидательная, упорядочивающая деятельность правителей видна во всем. Причем окружающие это воспринимали как должное. Так, уже упоминавшийся выше Стоглавый

собор принял решения, касающиеся иконописания, обучения грамоте, переписки книг. Характерно, что вопросы, в которых затрагивались эти проблемы, названы «царскими», хотя государь едва ли мог быть их автором. Тем не менее, видимо, считалось, что и подобные вопросы входят в компетенцию власти. Да они и не могли в нее не входить, так как царь отвечает за все.

Зародившийся в умах русских книжников идеал, основанный на текстах св. Писания, в XVI в. претворяется в жизнь. Конечно, достигнуть этого идеала реально, по-настоящему, невозможно. Но делается попытка, которая, казалось бы, вот-вот увенчается успехом. И достижение цели близко, уже создано Русское Православное Царство, страна, в которой жизнь каждого, начиная с царя и до последнего холопа, подчинена одной цели — быть достойным великой миссии, выпавшей на долю России, — завершить ход мировой истории, быть постоянно готовым к тому, чтобы в любой момент предстать перед Господом и отчитаться за себя и за своих близких. Такое движение к идеалу Д. С. Лихачев назвал «мифом»⁷⁴, но достижение идеального состояния, движение к нему было реальностью того времени. Идея, овладев массами, стала материальной силой, которая вела Россию по ее пути в истории. Попытка воспитать подданных, сделать для них понятным идеал (во многом средствами культуры), наконец, заставить сопротивляющихся служить этому идеалу — вот цель власти. И эту цель власть получила от духовенства, которое, в свою очередь, вынесло ее из абсолютных источников, из руководства к действию, из св. Писания.

* * *

Не подлежит сомнению то, что на всем протяжении человеческой истории семья являлась ячейкой общества, была связана незримыми нитями с государственным устройством. Наша задача — попытаться определить, в какой мере русская семья, как она описана в письменных источниках, соответствовала устройству общества XVI в. Приведем несколько цитат из сочинений иностранцев о России XVI в. Первая из них принадлежит имперскому послу в России знаменитому Сигизмунду Герберштейну: «Свою власть он (государь. — *В. Ш.*) применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один из

них не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей . . . Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким»⁷⁵. Вторая цитата взята из сочинения итальянца на польской службе Александра Гваньини: «Подобно тому, как мужчины находятся в тяжелейшей зависимости от великого государя, так и жены у мужей пребывают в весьма жалком положении: ведь никто не поверит, что жена честна и целомудренна, если она не живет взаперти, совершенно не выходя из дому. Жены сидят дома, ткуют и прядут, не имея никаких прав и никакого влияния в хозяйстве; все же домашние работы выполняют рабы. Если мужья жен не бьют, то жены обижаются и говорят, что мужья их ненавидят, а побои считают признаком любви»⁷⁶.

Как видим, несмотря на то, что данные описания относятся к разным явлениям (первое — к государственному устройству и власти правителя, а второе — к отношению к женщине и семейной жизни), в них есть нечто общее, а именно представление о том, что власть мужа над женой так же велика и практически не ограничена, как и власть государя над подданными. Большинство иностранцев, писавших о средневековой России, склонны если не осуждать, то хотя бы удивляться подобному положению вещей⁷⁷. Однако справедливости ради необходимо отметить, что Михалон Литвин, например, считает подобное подневольное положение женщин абсолютно правильным (он сравнивает ситуацию в Польско-Литовском государстве с тем, что происходит в России)⁷⁸. Но оценка Литвина в большой мере связана с тем, что все его сочинение посвящено сравнению порядков в трех соседних странах — Литве, Русском государстве и Крымском ханстве — с целью показать недостатки собственного Отечества. Перед другими же авторами подобная задача не стояла, и они смело описывали то, что вызывало их удивление, недовольство и непонимание.

Впрочем, удивление и непонимание иностранных авторов не должно нас особо удивлять, так как зарубежные писатели средневековой Московии принадлежали к абсолютно другому культурному миру, отличающемуся от того, в каком жили наши предки. Отсюда и все рассуждения о побоях как знаках любви и о тирании

мужа над женой или государя над подданными. Представляется, что вопрос в том: воспринимались ли порядки, существующие тогда в России, как нечто ненормальное (будь то семейные дела или вопросы государственного управления), или для большинства населения страны они были в порядке вещей.

Какова же была ситуация в семье? Нельзя сказать, что семейная жизнь москвитов осталась за рамками научных трудов. Существуют серьезные работы А. Надеждина, Д. Дубакина, А. И. Желобовского, Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, Н. Л. Пушкиревой, Л. П. Найденовой и других⁷⁹. Благодаря этим ученым мы можем представить основные черты быта наших предков. Однако не существует ясного представления о том, почему семья была именно такой, чем объяснялась и обосновывалась главенствующая роль мужа и отца во всех семейных делах. Еще один вопрос, на который необходимо дать ответ, — как общество того времени воспринимало царящие в русской семье порядки.

Исследователи неоднократно и справедливо указывали на значительную роль христианских норм и церковной проповеди на семейные порядки, на распределение ролей между супругами и домашними⁸⁰. К сожалению, ситуация осложняется тем, что авторы XIX и особенно XX в. были мирскими людьми, представления которых о том, что должно быть, формировались под влиянием светского образования. Истины веры для этих исследователей не имели уже той ценности, как для наших предков, живших в XVI в. Отсюда их зачастую негативная оценка порядков, царивших в русских семьях Московии. Проблема в том, что исследователи переносили в прошлое и на прошлое нормы того времени, в котором они сами жили и работали, не могли отрешиться от ценностей своей эпохи. Именно поэтому современному читателю не совсем понятно следующее: то, что изображено на страницах ученых сочинений, — это хорошо или плохо с точки зрения людей XVI века? Некоторые же историки не останавливались также перед тем, чтобы высказать свое недовольство прошлому.

Особенно показательны в этом отношении произведения Н. И. Костомарова. Чего только нет в его работах: и «избыток домашнего деспотизма», «животное влечение», и «постоянная несвобода русской женщины, которая была рабочей лошадью», и то, что побои считались признаком любви. По его представлениям, власть родителей над детьми переходила в «слепой деспотизм», да еще и

без «нравственной силы»⁸¹. Для Н. И. Костомарова в русской семье не было ничего хорошего, один «деспотизм». Ученый в своих описаниях широко использует сочинения иностранцев, не задумываясь над тем, что они по привычкам и воспитанию принадлежали к другому миру. По одному тому, что они были в России «чужаками», едва ли они имели достаточно объективную картину частной жизни русских. Иностранцы могли лишь фиксировать слухи да довольствоваться отдельными случайными наблюдениями и впечатлениями. Следовательно, рассказы иностранцев не могут считаться достаточно объективными источниками для изучения порядков в русских семьях. Н. И. Костомаров дает свои оценки людям, которым, видимо, было все-таки виднее, как им жить, нежели историку, жившему через три сотни лет. Надо также заметить, что учения о «свободе женской личности» не имели распространения в то далекое время и само население не воспринимало существующие семейные порядки как нечто ненормальное. Так и должно было быть по представлениям того времени.

Часть историков пыталась обосновать отношения в русской семье с помощью родовой теории. Видимо, наиболее полно эту теорию обосновал выдающийся русский ученый И. Е. Забелин. По его мнению, власть в Московской Руси была родовая, все общество представляло собой «одну огромную совокупность родни», а властитель смотрел на подвластных как отец-опекун⁸². «Древняя власть была властью отеческой со всеми своими свойствами, с одной стороны, с непомерной жестокостью . . . перед лицом которой не могло существовать понятий о праве; а с другой, с той любовной родственностью в отношениях, которая всегда ставит ее в непосредственные родственные . . . отношения к подвластной среде». Власть вырастала из семейных отношений, а они были таковыми по причине того, что женщина слаба и зависима, ее следовало опекать⁸³. Кроме того, именно отец, а не мать давали значение семье и роду⁸⁴. Сильная сторона подобной теории в том, что она связывает воедино порядки в семье и государстве, объясняет, почему нельзя государственное устройство рассматривать отдельно от частной жизни того времени. Но дело в том, что, несмотря на всю привлекательность родовой теории, она остается прежде всего умозрительным построением: да, действительно власть главы государства имела много общего с властью главы семьи, но произошла ли эта власть из родства? И воспринимали ли себя русские государи старшими родственника-

ми подвластных⁸⁵? По нашему мнению, главы семейств и государи имели общий источник представлений о своей власти. Подобным источником (или, если угодно, первоисточником) было св. Писание, Библия — высший авторитет в средневековом обществе.

Что же можно почерпнуть из этого источника о положении мужа и отца, с одной стороны, и о положении женщины и детей — с другой? Известно, что первым Бог сотворил человека — Адама из праха земного, затем была сотворена женщина из ребра мужчины: «И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа. Поэтому оставит человек отца своего и мать свою и прилежится к жене своей; и будут одна плоть» (Бытие. 2). Но Адаму и Еве не пришлось навечно остаться в раю, они нарушили заповедь, за что Бог разгневался на них. По Слову Божьему женщине досталась следующая доля: «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой» (Бытие. 3). Именно из этих положений следует подчиненная роль женщины по сравнению с мужчиной. Дальнейшая библейская история лишь подтверждает эту основополагающую истину — женщина должна подчиняться мужу, а основная ее функция — рождение детей.

Именно рождением детей благословляет Бог угодивших ему. Так, Он говорит Сарре (жене Авраама): «Я благословлю ее, и дам тебе от нее сына; благословлю ее, и произойдут от нее народы, и цари народов произойдут от нее» (Бытие. 17). Однако благословение Божие относится далеко не ко всем женщинам, так как часть из них склонна к неповиновению и обману. Достаточно вспомнить историю с женой Лота и обман Ревеккой своего мужа Исаака из-за благословения (Бытие. 19, 27).

Женщины, даже и не принадлежащие к избранному Богом народу, могут совершать и добрые дела. Так, дочь фараона, царя Египетского, спасает маленького Моисея от смерти и воспитывает его во дворце (Исход. 2). Боговдохновенный Моисей формулирует законы, по которым должен жить Израиль. Среди прочих имеются и постановления, касающиеся семейных отношений. Основное, что бросается в глаза, — это требования беспрекословного подчинения детей родителям: «Кто ударит своего отца или мать, того должно предать смерти; кто злословит отца своего или мать, того должно предать смерти» (Исход. 21; Левит. 19-20). Женщина не может

пользоваться равными правами с женщиной. С очевидностью следует, что она находится в подчинении сперва у своего отца, а затем мужа. Даже обеты, которые дает женщина в доме отца или мужа, прощаются, если отец или муж запретят ей. Если же они слышали обет, но ничего не сказали, то обет сбывается. Сбывается и обет разведенной и вдовы. Специально подчеркивается, что всякий обет и всякий клятвенный зарок муж может утвердить и муж может отвергнуть (Числа. 30).

Еще один закон говорит о том, что отцы не должны быть наказываемы смертью за преступления детей, а дети — за отцов; каждый должен нести ответственность и наказываться смертью за свое преступление (Второзаконие. 24). Несмотря на подобное установление, описываются случаи казни детей за преступления родителей — история с Аханом, взявшим часть из закланного имущества. Вместе с виновным были казнены его сыновья и дочери (Навин. 7).

Как видим, реальность не всегда совпадала с положениями закона, установленного для Израиля. Случалось, что женщины в судьбе народа играли значительную, если не решающую роль. Такова история с Деворой-пророчицей, которая была судьей Израиля. Она была не просто женщиной, а **женой** Лапидофовой, но именно к ней приходили сыны Израилевы на суд. Именно она вдохновила народ на борьбу с царем Ханаана, который жестоко угнетал избранный Богом народ. Убить полководца противника выпало также женщине — Иаиле, жене Хеверовой (Судей. 4–5).

Однако добродетельные женщины — это скорее редкость в Ветхом Завете, гораздо большее их число стремится свратить праведных мужчин с пути истинного. Любовь и доверие к им, а также врожденное коварство позволяют представительницам слабого пола губить попавших в их сети. Показательна в этом отношении история Самсона, погубленного любовью к Далиде (Судей. 16).

Из-за женщин, из-за их красоты были неприятности и у одного из самых положительных библейских персонажей — Давида. Бога разгневала история с Вирсавией, женой Урии. Царь соблазнился красотой женщины и впал во грех, покусившись на жену другого. Мало того, он отправил Урию на верную смерть. Только искреннее покаяние спасло Давида и весь Израиль от тяжелейших бедствий. Дети Давида также оказались равнодушны к женской красоте: Амнон изнасиловал Фамарь, а затем был убит за это Авессаломом (2 Царств. 11, 13).

Преемник Давида царь Соломон являл собой, с одной стороны, образец почтительности по отношению к своей матери: «Царь встал перед нею, и поклонился ей, и сел на престоле своем. Поставили престол и для матери царя, и она села по правую руку его» (3 Царств. 2). С другой стороны, вся мудрость Соломона не уберегла его от влияния женщин: «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин . . . из тех народов, о которых Господь запретил . . . И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены сердце его . . . Склонили сердце его к иным богам и сердце его не было вполне предано Господу . . . И стал служить другим богам . . . Так сделал он для своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам» (3 Царств. 11).

Из-за жены погиб и царь Ахав. Иезавель помогла царю получить виноградник Навуфея, законный владелец был убит, а царь вступил в наследство. Илия-пророк от имени Бога предрек истребление дома Ахава, Иезавель же ждало более страшное наказание — ее съели псы на бывшем винограднике (3 Царств. 21).

Проблемы отношений с женщинами и положение в семье занимали и царя Персии. По Библии, Артаксеркс приказал явиться на пир своей царице Астинь, но та отказалась исполнить приказ правителя. Советники заявили царю, что вина Астинь не только перед одним мужем, но и перед всеми народами, подвластными ему. Дело в том, что о поступке царицы могли узнать все жены, и тогда они будут пренебрегать своими мужьями и говорить: царь велел привести царицу, а она не пошла. В результате непокорная жена лишилась звания царицы, а во все концы государства было отправлено послание, из которого следовало, чтобы **всякий муж был господином в доме своем** (Есфирь. 1).

Много внимания уделено семейным проблемам в книге Притчей. Среди них такие: «Слушай наставления отца твоего, и не отвергай завета матери твоей . . . Кого любит Господь, того наказывает, и благоволит к тому, как отец к сыну своему . . . Благодетельная жена приобретает славу, а трудолюбивая приобретает богатство . . . Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и безрасудная . . . Добродетельная жена — венец для мужа своего, а позорная — как гниль в костях его . . . Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его . . . Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками . . . Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от

Господа ... Глухой сын — сокрушение для отца своего, и сварливая жена — сточная труба ... Наказывай сына своего доколе есть надежда и не возмущайся криком его ... Кто злословит отца своего и свою мать, того светильник погаснет среди глубокой тьмы ... Лучше жить в земле пустынной, нежели с женой сварливой и сердитой ... Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрет; ты накажешь его розгою и спасешь душу его от преисподни ... Непрестанная капель в дождливый день и сварливая жена — равны, кто хочет скрыть ее — тот хочет скрыть ветер ... Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери ... Наказывай сына твоего, и он даст тебе покой, и доставит радость душе твоей ... Не отдавай женщине сил твоих ...» (Притчи. 1-30).

Мы можем видеть, что, во-первых, злая жена — самое ужасное бедствие для мужа; во-вторых, **детей необходимо наказывать**, в том числе и мерами физического воздействия; в-третьих, **дети обязаны подчиняться родителям**; в-четвертых, добрая жена — это милость от Господа. Но какова должна быть эта самая «добрая жена»? За ответом далеко ходить не надо: «Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов. Уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибýtка. Она воздаст ему добром, а не злом во все дни жизни своей. Добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками. Она, как купеческие корабли, издали добывает хлеб свой. Она встает еще ночью, и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим. Задумает она о поле и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник. Перепоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои. Она чувствует, что занятие ее хорошо, и — светильник ее не гаснет и ночью. Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено. Длань свою она открывает бедному, и руку свою подаст нуждающемуся. Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды. Она делает себе ковры: виссон и пурпур — одежда ее. Муж ее известен у ворот, когда сидит со старейшинами земли. Она делает покрывала, и продает, и пояса доставляет кушам финикийским. Крепость и красота — одежда ее, и весело смотрит она на будущее. Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее. Она наблюдает за хозяйством в доме своем, и не ест хлеба праздности. Встают дети и ублажают ее, — встает муж и хвалит ее: «Много было жен добро-

детельных, но ты превзошла всех их". Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы. Дай-те ей от плода рук ее, и да прославят ее у ворот дела ее!» (Притчи. 31).

Итак, «добрая» жена должна быть трудолюбива, немногословна, нищелюбива, предана Господу и мужу. Как мало и как много! Но такие женщины — редкость, и уже Екклесиаст предупреждает: «Нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее силки, руки ее — оковы; добрый перед Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею» (Екклесиаст. 7).

Внес ли Новый Завет какие-либо изменения в правила семейной жизни? Сам Иисус лишь высказался за недопустимость разводов, делая лишь одно исключение — развод возможен в случае прелюбодейства. Мотивировка была следующая: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Матфей. 19). Гораздо большее внимание интересующей нас проблеме уделил Апостол Павел в своих многочисленных посланиях. По его мнению, человеку хорошо бы вообще не касаться женщины, но, во избежание блуда, каждый должен иметь свою жену, и каждая жена — своего мужа. Опасность в том, что неженатый заботится о Господнем, а женатый — о мирском, как угодить жене. Если же человек находится в браке, то следует знать, что всякому мужу — глава Христос, жене — глава муж, а Христу — глава Бог. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа (1 Коринфянам. 7, 11). Жены должны подчиняться своим мужьям, как Господу, так как муж есть глава жены, как и Христос — глава Церкви. Мужья должны любить своих жен, как Христос любит Церковь, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Дети должны повиноваться своим родителям, ибо этого требует справедливость. Родители же обязаны воспитывать детей в учении и наставлении Господнем (Ефесьянам. 5, 6). Более подробно св. Павел говорит о женах в Первом послании к Тимофею: «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде был создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление; Впрочем, спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием». Долг каждого — заботиться о своих домашних, если кто этого не делает, то тот отрекся от веры и хуже неверного (1 Тимофею. 2, 5).

Из совокупности библейских текстов с очевидностью следует, во-первых, подчиненное положение женщины; во-вторых, отношение к ней с некоторой опаской, как к существу, способному ввести мужчину во грех; в-третьих, основная функция женщины — рождение детей; в-четвертых, обязанность родителей воспитывать своих чад, не оставаясь перед физическим воздействием; в-пятых, беспрекословное повиновение детей родителям. Едва ли можно сомневаться в том, что Библия, св. Писание являлись высшим авторитетом в средневековом русском обществе, что существовало стремление буквально воспринимать истины, содержащиеся в святых книгах. Эти положения столетиями проповедовались духовенством, которое старалось донести их до каждого человека. Неудивительно, что они вошли в плоть и кровь большинства жителей страны. И представления о подчиненности женщины и детей являлись господствующими среди населения. Чтобы окончательно убедиться в этом, достаточно обратиться к произведениям литературы средневековой Руси.

Даже оставив в стороне такое показательное для нашей темы сочинение, как Беседа отца с сыном о женской злобе (название говорит само за себя)⁸⁶, мы можем найти большое количество текстов, в которых проводится мысли об изначальной греховности женщины и о том, что она должна находиться в беспрекословном подчинении у мужа. В светском по своему содержанию памятнике — «Александрии», посвященной подвигам Александра Македонского, содержится рассказ о женщине, пришедшей к царю с жалобой на своего мужа. В ответ ей было заявлено, что всякой жене есть глава муж, и правитель не может судить жену перед мужем. По словам Александра, жены не судят мужей, ибо горе тому человеку, которым жена владеет; горе той земле, в которой жена царствует; горе тем людям, которыми жена владеет, ибо жена для одной только цели создана Богом — для рождения детей; и жена мужу подвластна. Женщине, осмелившейся жаловаться на мужа, был вырезан язык⁸⁷. Еще более суровым был суд Дракулы: встретив поселянина в ветхой рубахе, восвода явился к нему домой и, увидев здоровую и молодую жену, приказал ее казнить, объяснив при этом, что жена должна заботиться о муже, следить, чтоб он ходил в нарядной одежде⁸⁸. Занимательное рассуждение находится в Троянской истории: ни один мудрец не станет верить себя стойкости женщины или девушки, которые никогда не

являют собой пример постоянства — мысли их всегда пребывают в суете⁸⁹.

Большое распространение на Руси получили апокрифы (произведения, не признаваемые каноническими официальной церковью, но в которых действуют библейские персонажи). В одном из них царь Соломон решил испытать мужчину и женщину. Он предложил одному из своих приближенных убить жену, жениться после этого на любимой дочери царя и стать первым вельможей в царстве. Но приближенный отказался это сделать, вспомнив о своих детях и о том, что жена дается от Бога. Тогда Соломон предложил то же самое сделать жене — убить мужа и выйти замуж за самого царя, который якобы воспылал к ней страстью. Женщина согласилась совершить подобное преступление. Мужа спасло лишь то, что царь предусмотрительно дал жене затупленный меч. После того, как все выяснилось, Соломон поведал эту историю своим вельможам, и все удивлялись слабости женской. По мнению царя, из тысячи мужей можно найти одного мудрого, а умной женщины нельзя найти и из десяти тысяч⁹⁰.

В Московской Руси широкое распространение получил сборник, называемый Измарагд. Он представляет собой большое количество «слов», приписываемых известным авторам. Некоторые из этих «слов» затрагивают интересующую нас тему. Среди них «Слово св. Антиоха Великого како достоит блюстися злых жен безумных». Автор советует не открывать своих тайн женщинам. В другом «слове», отнесенном Иоанну Златоусту, дается совет не верить женским словам, а верить делам. Мужу следует не допускать того, чтобы жены говорили наперекор мужчине. Необходимо следить за тем, чтобы женщина не смела посягать на главенство и авторитет мужа, который должен быть господином жены. Вообще же, глава семьи подобен игумену в доме своем, и, следовательно, он **обязан** учить всех своих домочадцев. Если же муж этого не делает, то ему предстоит дать ответ Богу и быть осужденным на Страшном Суде хуже разбойников. Дети же обязаны повиноваться родителям, в противном случае их ждет гибель и осуждение. Все эти рассуждения хорошо сдобрены эпизодами из св. Писания, которые призваны продемонстрировать справедливость высказываемых мыслей⁹¹.

Однако не следует думать, что на Руси не существовало представлений о «добрых» женах. Образцы для подражания опять-таки находились в св. Писании. Вот некоторые из них: Сарра — жена Ав-

раама, Ревекка -- жена Исаака и многие другие. Они жили с мужьями в мире и всегда повинивались им. Безусловно, положительным персонажем была, например, княгиня Ольга, рассказом о жизни которой открывалась Степенная книга. Но, несмотря на наличие безусловно «добрых» жен, средняя женщина выступает в основном как некий «незрелый» человек, падкий на козни дьявола, как и прама-терь Ева. Понятно, что за подобными существами необходимы строжайший надзор и контроль со стороны отца или мужа с тем, чтобы не допустить падения женщины, которая всегда готова оступиться.

Мало того, большинство женщин завистливы и иногда не желают подчиняться даже представителям государственной власти. Так, в Повести о Петре и Февронии бояре изгнали князя Петра по наущению своих жен, которые не могли смириться с тем, что княгиня Феврония происходила из простых девиц⁹².

Представления о женщине как неразумном существе, которому ни в коем случае нельзя подчиняться, присутствуют и у виднейших писателей XVI в.: Ивана Грозного и Андрея Курбского. Царь Иван, в Первом послании Курбскому, рассуждая о гибельности многовластия, сравнивает его с женским безумием. Причем для Грозного женское «безумие» значит не то, что женщина сошла с ума, а именно «любая женщина безумна», так как она никогда не может решить — чего же она хочет: иногда ей хочется того, иногда другого. То есть «безумие» женщины проистекает из того, что в ней существуют одновременно несколько противоположных желаний. Из этого понятно, что давать женщине (жене) власть недопустимо⁹³. Не отставал от своего царственного оппонента и Курбский. Стремясь побольше уколоть Грозного, беглый князь сравнивал его послания с баснями неистовых и пьяных баб⁹⁴. Здесь важно то, что боярин считал рассуждения царя достойными только женского (слабого) ума.

Роль женщин в истории России, по Курбскому, воистину велика и негативна: именно с помощью «злых жен-колдуний» дьявол посеял «скверные навыки в добром роде русских князей»⁹⁵. Следовательно, именно на женщинах («злых женах») лежит ответственность за все непорядки, существующие в России.

Однако настоящей энциклопедией нравов русской семьи является Домострой. Уже в его предисловии говорится о том, что жену, детей и домочадцев необходимо «наказывати и учити, и страхом

спасати, и грозою претити, и во всех делах их беречи в душевных и телесных ...»⁹⁶. Глава семьи должен знать, что если его домашние совершат какой грех, то отвечать за этот грех перед Богом будет не только непосредственно согрешивший, но сам муж, если грех совершен из-за его «небрежения»⁹⁷. Родители должны воспитывать детей, учить их уму-разуму, не останавливаясь перед мерами физического воздействия. Именно наказание спасает душу от смерти, родители же дают перед Богом ответ, если дети согрешат⁹⁸.

Ярче всего мысль об ответственности хозяина дома за всех членов семьи и слуг выражена, видимо, в двадцать седьмой главе: «Кто добра не творит, и жены не учит, и слуг, тот сам себя погубил и в сем веке и в будущем, и дом свой и прочих с собою». Тот же, кто учит, тот получает милость Божию⁹⁹. Жене, детям и слугам следует беспрекословно повиноваться хозяину, спрашивать обо всех делах, постоянно трудиться. Хозяин же должен заботиться о людях, находящихся в его власти, как о части собственного тела¹⁰⁰.

Представления о жене, детях и слугах как о лицах, находящихся в тесной зависимости от главы семьи, нашло отражение и в памятниках законодательства. Так, в 1557 г. было объявлено, что если жена в завещании назначает мужа своим душеприказчиком, то это завещание считается не будет, потому что жена в воле мужа — что «ей велит написать, то она и пишет»¹⁰¹. За убийство родителей наказанием в любом случае была смертная казнь, а если родители убивали детей, то полагался один год тюрьмы. Грубость или побои родителей карались кнутом, жалобы детей на родителей к рассмотрению не принимались, а сама жалоба наказывалась поркой¹⁰². Убийство холопа вообще не рассматривалось как преступление, подлежащее суду государственной власти¹⁰³.

Литературные источники показывают, что в Московской Руси главой семьи **должен** быть муж. Именно ему обязаны были подчиняться жена, дети, холопы, иными словами, все живущие в доме. Власть его была велика, но ее истоки были в религиозных убеждениях: первоисточником этой власти были тексты св. Писания. Можно сказать, что эта власть не была «деспотизмом», а с необходимостью вытекала из господствующих в обществе убеждений. Глава семьи был **ответствен** за всех домочадцев перед Богом, на Страшном Суде ему предстояло дать ответ не только за свои личные грехи, но и за грехи подчиненных ему людей. В такой ситуации мужу можно было спасти свою душу, лишь неустанно контроли-

руя членов семьи, поучая и наказывая их, не останавливаясь перед жесткими мерами. Власть в семье была, по представлениям того времени, для мужа не только правом, а в первую очередь **обязанностью перед Богом**. А отвечать душой за других людей можно только в том случае, если они находятся в полном подчинении, если реально их контролируешь («пасешь»).

Для людей той эпохи было достаточно очевидно, что и власть главы семьи, и власть правителя имели общес основание — ответственность перед Богом за тех, кто находится в подчинении. Власть для них — это исполнение тяжелого религиозного долга, обязанность. Эта религиозная ответственность была несовместима с личной свободой в современном понимании. В русском обществе XVI в. личной свободы не было ни для кого. На каждом лежал долг перед Богом. Видимо, прав В. В. Колесов, который писал о том, что чем выше социальный ранг человека, тем больше на нем обязанностей¹⁰⁴. Причем обязанностей не только перед обществом или государством, а обязанностей именно перед Богом за души тех, кто находится в подчинении. При таком понимании самым несвободным оказывался именно царь, а более свободными были лица, находящиеся внизу социальной лестницы — гулящие люди, у которых не было ответственности ни за кого, ни за чьи души (кроме собственной), так как никто не находился в их власти.

Если власть определялась ответственностью, то, как представляется, не существовало какой-то принципиальной, качественной разницы между властью главы семьи и властью главы государства. Вопрос был в количестве тех, за кого нес ответственность носитель власти. Вполне возможно, что правитель смотрел на подданных как на членов семьи (И. Е. Забелин). Но семья эта была не совокупностью родственников, не кровная, а духовная, христианская. Такое понимание общества, как семьи православных христиан появилось, видимо, лишь в конце XV в., с образования Русского государства. Общество было не совокупностью граждан, а совокупностью христиан, объединенных в семьи во главе с мужем. Каждый из них должен был нести ответственность перед Богом за определенный круг лиц, а за всех нес ответственность царь. Каждый муж был своеобразным «мини-царем», «мини-государем»¹⁰⁵. Таким образом, каждая семья представляла собой модель государства.

Фигура первого русского царя и его время привлекали к себе внимание не одного поколения историков, писателей, художников. В самом деле, XVI век во многом определил дальнейшее развитие России. Не случайно поэтому именно Иван Грозный считается одним из ключевых персонажей отечественной истории. Полвека он находился во главе государства, и за это время произошло столько событий, что другим, более спокойным странам хватило бы на несколько столетий. Сначала на престоле ребенок, за которого правит мать, затем боярское правление с его переворотами и борьбой придворных группировок, венчание на царство, восстание 1547 г. в Москве, реформы середины века, присоединение татарских ханств, удачное начало Ливонской войны, кровавый туман опричнины, потеря только что завоеванных земель в Прибалтике, хозяйственное разорение и, наконец, возможная гибель династии. И все это в период правления одного человека.

Такое множество изменений, происшествий, в центре которых находился Иван IV, не могло остаться вне поля зрения историков. Современная наука может похвастаться тем, что установлено огромное количество фактов, изучены сотни источников, несущих информацию о том далеком времени, написаны десятки книг, сотни статей, посвященных тем или иным сюжетам, связанным с Грозным царем и Россией его времени. Но, несмотря на то, что фактическая сторона событий достаточно хорошо изучена, имеется еще очень много вопросов о причинах этих событий, о том, что привело к ним, о том, почему все случилось именно так, а не иначе. Конечно, историки понимали и понимают, что огромную роль в происшедшем играли конкретные исторические деятели, в том числе и сам царь, но личность Ивана Васильевича странным образом остается на периферии ученых трудов — книги и статьи, даже если они и называются «Иван Грозный», посвящены не ему как человеку и правителю, а событиям его царствования и оценке результатов этих событий¹⁰⁶.

Причем оказывается, что ученые **свои** представления о том, что должно быть и почему, переносят в чужую далекую эпоху, то есть модернизируют события и стараются, исходя из своих собственных взглядов, определить цели, которые ставились историческими деятелями при совершении тех или иных действий. Кроме того, у мно-

гих ученых есть определенные политические убеждения или такие убеждения господствуют в обществе — и это все также отражается в ученых фолиантах. Пример такого политизированного подхода дает работа известного исследователя эпохи Русского средневековья В. Б. Кобрин, который деятельность царя Ивана рассматривает исходя из столь модных тогда «общечеловеческих ценностей»¹⁰⁷. Не менее политизированы и недавно вышедшие книги А. Л. Янова¹⁰⁸.

Модернизация событий времени Ивана Грозного берет начало еще со времен Н. М. Карамзина, вернее даже не самих событий, а их объяснений. Сам Карамзин добросовестно описал царствование первого русского царя исходя из имеющихся в его распоряжении источников, немалое внимание уделяя сочинениям А. М. Курбского и иностранцев. Перипетии правления историограф считал результатом психологического склада царя Ивана, он не находил никаких причин для жестокостей и казней, которыми наполнена вторая половина царствования¹⁰⁹. При плодотворности самого подхода к событиям (на основании внимания к внутреннему миру исторических героев) Н. М. Карамзин тем не менее давал оценки действиям Грозного исходя из представлений своего времени, норм поведения, свойственных началу XIX в. Немалую роль в нарисованной Карамзиным картине играло и то, что он был выдающимся писателем своего времени, которому был свойствен интерес к внутреннему миру и переживаниям литературных персонажей. С Н. М. Карамзина мнение о психической неуравновешенности Ивана IV стало часто повторяться в исторических работах, доходя у некоторых историко-психолого-психиатров до объявления первого русского царя параноиком. Но возникает вопрос: возможно ли ставить диагноз через сотни лет после смерти пациента?

Другие исследовали стремились отказаться от произвольных психологических характеристик и искали объективное объяснение событий. С. М. Соловьев, например, пытался доказать, что действия царя были вызваны борьбой родового начала с государственным: Иван представлял государственное начало, а пострадавшие от его действий бояре — родовое. В этом случае оказывается, что действия Грозного носили объективно прогрессивный характер, несмотря на отдельные «перегибы»¹¹⁰. Еще одна часть историков считала и считает, что Иван Васильевич боролся за укрепление личной власти, что во многих его действиях не было никакого государственного смысла, а лишь стремление укрепить собственную, ничем

не ограниченную власть — что ему и удалось в конечном итоге¹¹¹.

Долгое время исследователи придерживались (и многие придерживаются до сих пор) мнения С. Ф. Платонова о том, что основным смыслом деятельности царя была борьба с крупным княжеским землевладением. Князья-бояре, опираясь на свою экономическую мощь, якобы претендовали на участие в управлении государством¹¹². Однако, начиная с работ А. А. Зимина, подобная точка зрения стала ставиться под сомнение. Сам Зимин и его последователи предполагали, что мероприятия, проводившиеся Иваном IV, были направлены против пережитков феодальной раздробленности — уделов, независимости Церкви и обособленности Новгорода¹¹³. С. М. Каштанов считал, что главное в опричнине — это проведение мероприятий, содействующих дальнейшему закреплению крестьян¹¹⁴. В последнее время появились утверждения о том, что опричнина и террор — попытка Ивана Васильевича мобилизовать все силы страны для победы в затянувшейся Ливонской войне¹¹⁵.

Представляется, что все эти подходы, поиски объективного, материального смысла в действиях Ивана Грозного не приведут к каким-либо однозначным, бесспорным результатам. Проблема заключается в том, что исследователи видят лишь результат (да и то не всегда одинаковый) и начинают предполагать, что цель действий исторического лица была направлена именно на то, чтобы его достигнуть. Иными словами, происходит смещение с целей, которые ставил царь, на результаты, которые получились, или которые видят (хотят видеть) ученые. Не допускается мысли о том, что видимые ученым через четыреста лет результаты могли вовсе и не планироваться историческими персонажами. Другой минус при подобном подходе к историческим событиям — это то, что за результатами не видно конкретных исторических деятелей, людей, которые, собственно, и должны быть в центре исторического повествования.

При рассмотрении только фактов и результатов исторических событий, при подходе, оторванном от конкретных людей и их представлений (а именно такой подход восторжествовал со второй половины XIX в.), при оперировании не отдельными историческими лицами, а только классами, только материальными интересами, а не духовными запросами, едва ли можно получить действительное, неискаженное представление о давно минувших эпохах. Сейчас же в научных трудах получается — Иван Грозный такого-то числа того-то месяца сделал то-то и то-то, вопрос же, почему он сделал

именно это, а не что-нибудь другое, как правило, даже не ставится. Вместе с тем сам Иван Васильевич дал развернутое объяснение своих действий и представлений в своих сочинениях. Эти сочинения дошли до нас и привлекаются историками в работе, но, на наш взгляд, явно недостаточно. Получается примерно так: взгляды царя — как бы сами по себе, а фактическая история — сама по себе. А без понимания того, что думал Иван Грозный (что он писал), нельзя, видимо, и получить полное представление о той эпохе. Кроме того, необходимо выяснить, совпадали ли представления царя с господствующими в стране представлениями о сущности и правах верховной власти. Видимо, многое из происходившего в России в XVI в. связано с тем, что было в головах людей, с их взглядами. Бесспорно, все историки понимают, что люди той эпохи религиозны, но это остается за рамками научных трудов. Однако дело в том, что любой шаг, любой поступок человека XVI в. необходимо соотносить с представлениями этого человека о грехе и праведности, о добре и зле. Все знали, что им предстоит дать ответ на Страшном Суде — и от этого Суда, от того, что перевесит: грехи или праведные дела, зависит дальнейшая участь. Вечные муки в аду не были чем-то отвлеченным, а были живой реальностью, в существовании которой каждый был убежден. Чтобы Суд закончился благополучно, надо прийти к нему с как можно большим запасом добрых дел. Но откуда узнать — где добро, а где зло? Где найти ответы, есть ли они? Для человека тех времен ответ есть — в Библии.

Царь Иван был верующим человеком — это бесспорно. Но был ли он обычным человеком? Или его положение в стране как-то влияло на его восприятие священных текстов? А это, в свою очередь, влияло на его поступки? Нельзя сказать, что подобные подходы полностью игнорировались исследователями. Еще С. М. Соловьев упомянул о том, что Иван IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый вполне осознал все значение царской власти, первый составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть лишь практически¹¹⁶. Однако Соловьев оставил это упоминание без комментариев, не сделал отсюда никаких выводов, сосредоточив все внимание на своей идее борьбы родового начала с государственным.

В. О. Ключевский в своей знаменитой характеристике Ивана Грозного более подробно остановился на этой проблеме — надо отдать должное выдающемуся историку — его портрет выглядит до-

статочно убедительно. Другое дело, что Ключевский не смог отказаться от представлений своей эпохи, времени, в котором он жил и творил. Он верно понимает, что черты характера Ивана Васильевича дали особое направление его политическому образу мыслей, а его политический образ мыслей оказывал сильное влияние на его политический образ действий. Исследователь, впрочем, сразу же оговаривается, что влияние этого «образа мыслей» было «вредное», испортило деятельность царя. А откуда это может быть известно, что испортило, а что не испортило образ действий? В данном случае это известно В. О. Ключевскому только из его общих представлений о том, что должно быть. Несмотря на столь категоричные оценки, сам подход историка к проблеме стоит приветствовать, так как, не учитывая представлений Ивана Грозного о себе и своей роли в жизни страны, едва ли что-нибудь можно понять в истории XVI в. Ключевский верно указывает, что чтение библейских книг сильно повлияло на характер маленького великого князя, он прилагал библейские афоризмы к себе, он создал из текстов идеальный мир, в котором отдыхал от житейских огорчений. В образах избранных Божиих (Моисее, Сауле, Давиде, Соломоне) Иван хотел разглядеть самого себя. Иван IV был первым из Московских государей, кто узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Картина убедительная. Тут стоит заметить, что в этом нет ничего удивительно — в Библии нарисованы образцы, которым следует подражать, в том числе и правителям, поэтому Иван прилагал библейские тексты к себе. Ключевский же считал взгляды Ивана Васильевича отвлеченной теорией, которую царь не сумел «приладить» к местной исторической действительности, а без подобного «прилаживания» она превратилась в каприз личного самовластия, «исказилась» в орудие личного безотчетного произвола¹¹⁷. Но подобные оценки являются лишь отражением взгляда В. О. Ключевского на события XVI в. В религиозности царя увидел ключ к его поведению Н. П. Лихачев¹¹⁸.

Мысли, сходные со взглядами В. О. Ключевского, высказывались и в некоторых других сочинениях, но представления царя Ивана о своей власти, об образцах, которым он следовал в своей деятельности, стали отодвигаться на второй план, их лишь упоминали или же более подробно разбирали в трудах, посвященных истории литературы и политическим учениям средневековой Руси¹¹⁹. Другие ученые и вовсе решили отказаться от «произвольных

психологических характеристик», ограничиваясь лишь упоминанием о теории божественного происхождения власти московских правителей. Например, С. Ф. Платонов писал о том, что поклонники Русского государства создали свою теорию, представляя московского великого князя высшей политической силой — «царем православия», наследником вселенских византийских монархов, а Москву — преемницей Рима, средоточием всего христианского мира. И далее: Грозный следовал апостольскому велению — одних миловал, других страхом спасал и стал в конце концов самодержцем, ибо сам «строил» свое царство¹²⁰.

Более подробно на взглядах Ивана IV останавливается И. У. Будовниц. По его мнению, царь переработал церковную «иосифлянскую» доктрину исходя из своих собственных интересов. А конечной целью правителя оказывается «благо народа»¹²¹. К сожалению, исследователь не объясняет, что он имеет в виду под этим самым «народным благом». Слабой чертой в работе Будовница является то, что он не рассматривает, как взгляды царя отражались на реальных событиях, на его поступках. Взгляды И. У. Будовница вызвали резкую критику Н. М. Золотухиной, которая считает, что Иван в своих сочинениях дает теоретическое обоснование ничем не ограниченного произвола, отрицает какие-либо обязанности царя перед подданными, провозглашает принцип полной надзаконности верховной власти. Политический смысл доктрины царя направлен на идеологическое оправдание проводимого им террора и беззакония. Вдобавок ко всему, взгляды Ивана IV были шагом назад в развитии политической теории по сравнению с уже достигнутым уровнем политико-юридического мышления в России к середине XVI в. Возражение вызывает то, что Золотухина переносит представления XX в. на события далекого прошлого, а сам уровень «политико-юридического мышления» в России середины XVI в. едва ли может быть определен с достаточной степенью точности, чтобы рассуждать о том, что является шагом назад, а что — шагом вперед¹²².

Некоторые же исследователи вообще отказались от хотя бы символического рассмотрения взглядов царя Ивана. А. А. Зимин, автор интереснейших работ по истории царствования предпоследнего Рюриковича, например, подводя итог его деятельности, указывает лишь, что Грозный был фанатично религиозен, считал себя наместником Бога на земле, а его политические взгляды отличались «сум-

бурной смесью обветшавших церковных учений и непомерно гипертрофированных представлений о собственной роли как вершителя судеб подданных»¹²³. Понятно, что такое понимание взглядов царя не может помочь в объяснении его поступков и реальных действий.

Более удовлетворительной представляется мысль А. М. Сахарова, который в своей работе, посвященной образованию и развитию Российского государства, справедливо указал на то, что Иван формулировал идею Божественного происхождения своей власти, настаивая на своей личной, индивидуальной ответственности перед Богом за врученное ему государство. Именно в силу ответственности власть царя должна быть неограниченной, никто не может вмешиваться в дела власти. Все люди в государстве — холопы царя, который волен их и жаловать, и казнить. Интересы страны требуют сосредоточения всей полноты власти в одних руках¹²⁴. К сожалению, А. М. Сахаров не развил свои взгляды подробнее, и читателям-неспециалистам непонятно, почему именно царь индивидуально отвечает за свое государство перед Богом. Сделанное нами замечание (или скорее — пожелание) относится не только к работе А. М. Сахарова, но и к трудам других авторов, которые, высказывая мимоходом мысли о представлениях Ивана IV о своей власти, не сочли, однако, необходимым более подробно остановиться на этом предмете. Представляется, что понимание причин формирования взглядов первого русского венчанного царя могло бы объяснить многое в событиях его бурного царствования и то, как его действия воспринимались современниками (не уроженцами Западной Европы, воспитанными в другой системе ценностей, а соотечественниками Грозного государя). Скажем, Д. Н. Альшиц совершенно правильно указывает на то, что Иван укрепился в убеждении, что он является единственным и непререкаемым властелином, наместником Бога на Русском царстве; на то, что Грозный насквозь проникся верой в земные и небесные основания своего единодержавия. Но почему он ими «проникся»? Вразумительного ответа мы не находим¹²⁵.

Много интересных мыслей содержится и в исследовании Я. С. Лурье, посвященном переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским¹²⁶. Однако далеко не со всеми его выводами можно согласиться. Например, то, что Лурье пишет об «аристократизме и демагогии» Ивана Васильевича, вызывает возражения. Кроме того, исследователь, на наш взгляд, не обращал должного внимания на то, как отразились взгляды царя Ивана на его политических

действиях. Я. С. Лурье в основном писал лишь об общественных взглядах. Затем остается неясным, почему взгляды Грозного оказались именно такими. Суть же самого спора царя с беглым боярином отнюдь не сводилась к размышлениям о том, кто остался верен заветам начала 50-х годов, а была, как справедливо указал Р. Г. Скрынников, более глубокой и относилась к самому принципу государственного устройства России. Вместе с тем и из многочисленных работ Скрынникова, посвященных Ивану Грозному и его эпохе, остается не совсем понятным, под воздействием чего сформировались взгляды царя и какова степень их влияния на ситуацию в государстве¹²⁷.

В работе А. Г. Кузьмина удивление вызывает откровенная модернизация представлений давно ушедшей эпохи. Автор, видимо, удивлен тем, что Ивана Грозного «вполне устраивала» формула, заимствованная из послания апостола Павла: всякая власть от Бога. Это нас, людей, имеющих по преимуществу мирское воспитание, привыкших к другим аргументам, подобная цитата из Апостола может не устраивать как доказательство в споре, посвященном политике. Для людей же того времени стих из св. Писания являлся решающим аргументом, который опровергал все юридические построения. Сомнение вызывает и то, что А. Г. Кузьмин пишет о намерении «иосифлян» сделать царскую власть «орудием» политики церковных феодалов¹²⁸.

Очень плодотворная мысль содержится в работе А. П. Павлова, который считает, что политика Ивана IV имела целью направить все сословия тогдашнего русского общества на путь государственного служения¹²⁹. Таким образом изменяется сам подход к проблеме: деятельность царя рассматривается не как борьба с чем-то и кем-то, не как борьба «против», а как борьба «за», как борьба за создание нового государства, основанного на началах обязательной службы всех без исключения. Причем, как нам представляется, не только и не столько государственной службы, а службы как выполнения религиозного долга, долга перед Богом¹³⁰.

В последние годы появились работы, авторы которых стремятся отказаться от ставших уже традиционными рассуждений о прогрессивности или реакционности определенных общественных кругов, от выяснения того, против каких социальных слоев была направлена опричнина. В некоторых работах предпринимается попытка полностью пересмотреть всю историю царствования Ивана Грозного,

введя в круг действующих исторических персонажей таинственно-соперника царя — предполагаемого сына Василия III от первой жены Соломонии Сабуровой. Именно наличие этого «невидимки» якобы предопределило действия Ивана Васильевича во второй половине его правления¹³¹. Однако фактов, которые собрали сторонники этой гипотезы, явно недостаточно для столь определенных выводов. Дело в том, что если даже допустить существование у Грозного старшего сводного брата, который постоянно был «в тени» и ничем (по крайней мере, нам об этом ничего не известно) не проявил себя, то этим нельзя объяснить все события того времени. В самом деле, даже если согласиться с тем, что таинственный «невидимка» был в конце концов обнаружен и погиб на рубеже 60–70-х годов во время погрома опричниками Твери и Новгорода, то чем же можно объяснить последующие события? Ведь по логике вещей, уничтожив предполагаемого претендента, его сторонников и затем всех, кто знал о нем (нежелательных свидетелей — опричную гвардию первого призыва — Басмановых, Вяземского и др.), Иван должен был успокоиться, и на Руси следовало ожидать умиротворения. Но, как известно, этого не происходит — в 1575 г. Грозный опять отрекается от престола и вместо себя сажает татарина Симеона Бекбулатовича. Может быть, обнаружился еще один «невидимка» или в Твери не того схватили? Чем объясняются казни 1573–1575 гг.? Почему А. М. Курбский в своих многочисленных сочинениях не упоминает о существовании «претендента»? Уж ему-то, находившемуся вне досягаемости Грозного, нечего было стесняться и скрывать что-либо, порочившее Ивана IV. Все эти вопросы не находят ответа, если опираться на гипотезу Григорьева и Никитина. И потом, даже если допустить, что у Грозного был старший сводный брат, это не может служить объяснением действий государя. Но был ли он вообще? Вот здесь и возникают большие сомнения.

В самом деле, если в момент пострижения Соломония Сабурова была беременна, то едва ли она стала бы скрывать это от самого великого князя Василия III и от духовенства, которое проводило обряд. А постриг совершил не кто иной, как духовный отец Сабуровой, который, в случае беременности великой княгини, не мог об этом не знать (исповедь). Если бы сама Соломония по каким-либо причинам желала скрыть этот факт от Василия, то духовнику она бы все равно на исповеди сказала. Священник связан тайной

исповеди и мог все скрыть, но в этом случае едва ли он стал бы принимать участие в пострижении Сабуровой.

Можно было бы предположить, что сама великая княгиня не знала о своей беременности, но срок ее был уже довольно значительным -- не менее двух месяцев, и вряд ли женщина могла не заметить изменений, происходящих в ее организме. Нам представляется, Соломония не была беременна в момент совершения обряда. Другое дело, что ее сторонники (или противники Елены Глинской) из каких-либо своих соображений могли распускать слухи о рождении у нее сына. Такие слухи и мог услышать Сигизмунд Герберштейн, упомянувший о них в своих записках.

Оказывается, нет никаких бесспорных доказательств того, что у Грозного существовал «невидимый» соперник, борьбой с которым можно объяснить введение опричнины. Большая работа, проделанная Г. Л. Григорьевым и А. Л. Никитиным, ничего не доказывает. Хотя с очень небольшой долей вероятности и можно допустить рождение у Сабуровой сына, тем не менее его влияние на события XVI в. ничем не подтверждается, и вряд ли этот «невидимка» (даже если он и существовал) являлся сколько-нибудь значительным лицом драмы, развернувшейся в России при Иване Грозном.

Трудности, которые испытывает современная историография при рассмотрении событий XVI в., вернее при их интерпретации, при попытке определить, чем же были вызваны те или иные действия первого русского царя, требуют применения новых подходов. Представляется очевидной бесперспективность объяснений происходившего ссылками на необходимость борьбы с боярством, церковью или особым положением Новгорода в государстве. Ущерб, который был нанесен боярству, церкви, Новгороду или уделу, не был, видимо, запланирован царем Иваном. Этот ущерб, если он и был в действительности, являлся скорее побочным непредвиденным результатом решительных действий государя, направленных на достижение какой-то другой, остающейся пока в тени цели. Сама же цель, которая ставилась Иваном Васильевичем, вполне могла иметь нематериальное выражение. В таком случае ключ к пониманию событий его правления лежит в сфере представлений Грозного о себе, о своей роли в жизни страны, о том, что об этой роли думало русское общество того времени. **Иными словами, объяснение событий лежит в духовной сфере.** При таком подходе главное внимание следует уделить личности самого царя, причем не толь-

ко и не столько фактам его биографии, сколько его внутреннему миру.

В последние годы подобные попытки были сделаны. Одну из первых предпринял не профессиональный историк, а виднейший иерарх Русской Православной Церкви митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев)¹³². Автору, как духовному лицу, было легче абстрагироваться от материального объяснения событий. Такая позиция исследователя подчеркивается и самим названием его работы — «Самодержавие духа». Основное внимание митрополит Иоанн уделил внутренним, религиозным мотивам всех действий царя. При подобном подходе действительно оказалось возможным дать удовлетворительное истолкование многих событий периода правления Грозного. Первый русский царь для почтенного иерарха, безусловно, положительный герой. Автор категорически отрицает все выводы, сделанные историками, начиная с Карамзина, которые видели в Иване Васильевиче тирана. По его мнению, на такое восприятие повлияло то, что исследователи безоглядно доверяли свидетельствам иностранцев, которые всячески стремились очернить Россию по личным причинам. Огромную роль сыграло и то, что ученые оторвались от истин православной веры, выискивая рациональные объяснения происходившему. Исследователь подвергает сомнению многие представления, прочно утвердившиеся в историографии, вроде рассказа об убийстве царем собственного сына — царевича Ивана, гибели от Грозного Казанского архиепископа Германа и игумена Корнилия.

По мнению автора, царь был строителем, завершившим создание Руси — Дома Пресвятой Богородицы и являвшимся в этом доме не хозяином, а первым слугой. Осознание своего долга пришло к Ивану в момент царского венчания и миропомазания¹³³. В результате обряда государь прочувствовал глубину мистической связи царя с народом и величину его религиозной ответственности. Это осознание руководило всеми действиями монарха до самой его кончины. Особо отмечается, что Грозный был первым помазанником Божиим на русском престоле, его труды завершили сложение России, и созданная им государственность оказалась столь прочной, что даже долгие годы Смуты не смогли разрушить Русское государство. Митрополит Иоанн полагал, что, учреждая опричнину, государь совершенно искренне обратился к народу, спрашивая его добровольного согласия на несение «ига и ярма» богоустанов-

ленной власти. Опричнина же являлась в руках царя ситом, которым он просеивал всю русскую жизнь, отделяя добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чуждебесия в нравах и забвения своего религиозного долга. Иван Васильевич, как хирург, отсекал от тела России гниющие, бесполезные члены. Он, помазанник Божий, являлся точкой, в которой символически соединились небо и земля, Царствие Божие и человеческое. В своем царском служении Иван IV «не от мира сего». И поэтому перед ним, как перед Богом, все равны, и никто не имеет ни привилегий, ни особых прав. К такому пониманию царской власти государь стремился привести Россию, но на его пути встало боярство, жившее воспоминаниями о своих наследственных правах.

Действительно, подобное понимание событий, внимание к внутреннему миру первого русского царя, позволило достаточно убедительно интерпретировать события времени его правления. Однако некоторые положения, высказанные Иоанном (Снычевым), могут вызвать вполне обоснованные возражения. Нельзя, видимо, столь категорично отвергать все свидетельства иностранцев, просто их сообщения нуждаются в тщательной проверке по русским источникам. Возражение вызывает и тот факт, что автор не находит ни одного слова, чтобы показать безусловно существующие сведения о неблагоприятных поступках царя Ивана (например, о его многочисленных неканонических браках). Кроме того, для большинства современных читателей мысль о мистической связи царя с народом, о том, что Грозный являлся помазанником Божиим, не очень понятна. В любом случае, она требовала более подробного рассмотрения. Для мирских читателей важно было показать, что являлось источником представлений монарха, на что он опирался, создавая свою теорию власти, которая, безусловно, и определяла его действия. Хотя сама острая постановка вопроса о связи мировоззрения с действиями правителя и их положительная оценка (после достаточно долгого периода самозабвенного охаивания) являются сильной чертой разделов книги, посвященных времени Ивана Грозного.

В недавнее время со своей интерпретацией действий Ивана IV выступил А. Л. Юрганов. Он совершенно справедливо указывает на тупик, в котором оказались исследователи, пытавшиеся объяснить опричнину исходя из рациональных моментов, из ее последствий, которые разным историкам представляются различны-

ми. Задавшись целью «разглядеть искомую ее направленность», А. Л. Юрганов связывает события с эсхатологическими представлениями царя¹³⁴. Для доказательства подобной идеи историк вспоминает историю с несостоявшимся концом света по истечении седьмой тысячи лет. Далее, по его мнению, события развивались следующим образом: в 1492 г. митрополит Зосима составляет новую пасхалию на ближайшие 20 лет, затем Новгородский архиепископ Геннадий — на 70. В 1540 г. Агафон по поручению будущего митрополита Макария доводит расчеты до конца восьмой тысячи. В пасхалии написано, что люди не должны предполагать, что конец мира не может наступить до истечения этого срока. Далее А. Л. Юрганов, опираясь на послание Дмитрия Траханиота архиепископу Геннадию, делает вывод о широком распространении в России идеи о связи конца мира с цифрой 7. Таким образом, оказывается, что в России могли ожидать этого события или в 7000, или в 7007, или в 7070, или, наконец, в 7077 году. Иван Грозный при приближении роковых семерок стал якобы беспокоиться, отправился в объезд по селам, составил новую духовную. Это беспокойство, по мысли ученого, связано с приближением 7070 года от Сотворения мира. Далее следуют ссылки на то, что другие русские авторы в своих сочинениях писали о наступлении «последних времен». Особое внимание А. Л. Юрганов уделяет посланию Курбского старцу Вассиану Муромцеву с упреками в адрес царя. По мысли автора, такое возможно было себе позволить лишь при «особых обстоятельствах времени». Отсюда следует вывод, что все думали о скором конце света. При таком подходе неизбежен вопрос: если А. М. Курбский думал о неизбежной вселенской катастрофе, то что за смысл ему был бежать в Литву — и так скоро Суд. Сам же царь, по А. Л. Юрганову, находился в исключительном положении и «просто не мог не думать» о возможности скорого конца мира.

Из всех этих построений следует вывод: Иван Грозный видел свои функции в наказании зла в последние дни перед Страшным Судом и поэтому, в силу своей особой ответственности, не мог оставаться безучастным ко всему происходившему. Он решил сам бороться со злом, как он его понимал. Опричнина для Грозного — явление скорее не политическое, а религиозное, это образ будущего на земной тверди. Казни — русское чистилище перед Страшным Судом. Царь стремился спасти не только свою душу, но и души грешников, которых он подвергал разнообразным мучениям. Лишь в

конце правления Грозный стал осознавать, что «прельстился». Для доказательства своей гипотезы исследователь использует и описание опричного дворца, построенного в Москве (он сгорел в 1571 г.). Этот дворец изображен в единственном сохранившемся описании Штадена как Град Божий, а сам царь являлся, таким образом, наместником Бога, пастырем.

Такая жесткая приязка А. Л. Юргановым всех действий Грозного к эсхатологическим ожиданиям является, по нашему мнению, несколько искусственной. Конечно, нельзя отрицать, что царь, как и все христиане, знал о неизбежном конце света, можно даже допустить, что эти ожидания связывались с цифрой 7, но делать отсюда вывод о том, что опричнина была введена именно из-за этого, едва ли возможно. Дело в том, что не имеется свидетельств источников, которые бы подтверждали такую связь. В любом случае, ни в 7070, ни в 7077 году Страшный Суд не наступил, мало того, Бог показал свое нерасположение к Ивану сожжением Москвы крымскими татарами, но ведь казни не прекратились. При подходе, который применяет А. Л. Юрганов, нельзя объяснить, чем были вызваны события 1575 г.: отречение Грозного, появление Симеона Бекбулатовича и новые казни. Если Иван Васильевич, казня «изменников», спасал их души, то почему же синодики были составлены лишь в конце его правления, а не появились сразу? Представляется, что все было как раз наоборот: царь стремился погубить души опальных, а не спасти их. Ожидание конца света, уверенность в его неизбежности могли быть лишь одной, но отнюдь не главной причиной действий Грозного царя. К тому же считалось, что никто не может знать точно, когда наступит конец. Поэтому любой христианин должен быть постоянно готов дать ответ за все свои дела. Мысль о том, что именно в начале 60-х годов эсхатологические ожидания в России усилились, не может быть, видимо, доказана. Ожидание конца — неотъемлемая часть религиозного мировосприятия, и еще в св. Писании указано, что Христос пришел в «последние времена». Поэтому упоминание «последних времен» то и дело появляется в литературе — достаточно вспомнить послание Федора Карпова митрополиту Даниилу (30-е годы XVI в.). Таким образом, точка зрения А. Л. Юганова не представляется вполне обоснованной.

Вместе с тем в литературе последних лет, посвященной Грозному царю и событиям его времени, отчетливо прослеживается мысль о том, что, во-первых, Иван Васильевич боролся не «против» чего-

либо, а «за» создание нового; во-вторых, чтобы понять его поступки, следует обратить пристальное внимание на его взгляды, на то, что повлияло на его представления о себе и его месте в мире. Мирозрение Ивана IV достаточно полно отражено в его сочинениях, особенно в Первом послании Курбскому, написанному как раз перед введением опричнины¹³⁵. Начало знаменитой переписке было положено в 1564 г., когда воевода бежал из занятой русскими войсками Ливонии во владения Польского короля и Великого князя Литовского Сигизмунда. Беглый боярин прислал царю грамоту, в которой попытался объяснить свой поступок разгорающимся в России пожаром лютой: царь перебил сильных во Израиле (бояр и воевод), обвиняя их в изменах и чародействах, которых они не совершали. Все, кто хотел царю добра, оказались перебиты и изгнаны «без правды».

На эти обвинения и дал ответ царь в обширном послании. В самом начале Иван показывает, что власть его и его прямых предков идет из глубины веков, от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением. Эта власть передавалась из поколения в поколение, пока не дошла до самого Ивана, который благодарит Бога за то, что получил царство не в междоусобных бранях, а Божиим соизволением и благословением своих родителей. Эта власть его, Ивана, законное наследие. Даже если бы царь и силой захватил ее, то все равно все обязаны ему повиноваться, ведь есть же слова апостола Павла, которые требуют от истинного христианина повиновения властям, тот же, кто противится власти — противится Богу. Но Иван — наследственный государь, и вина Курбского лишь увеличивается этим обстоятельством. Беглый князь разъярился на человека (Ивана), но Иван не просто человек, он еще и царь, следовательно, Курбский восстал на самого Бога, отказываясь служить и повиноваться данному Им владыке, а восстание против Бога является отступничеством — самым тяжким грехом. Царь Иван признает единственное основание для выступления против власти — если правитель отрекся от веры; но сам Иван от веры не отрекался, он православен и жива душа его, никто не может его упрекнуть в отречении от Христа. Следовательно, Курбский бежал не ради веры, а ради временной славы мира сего, ради «сладости». Этим он погубил не только свою собственную душу, но и души своих предков, которых Бог поручил в работу предкам Ивана Грозного. Именно от предков положено законным властите-

лям править, а подвластным — повиноваться. Но еще с детства царя мятежные подданные непрестанно колеблют благочестие (установленный по Божией воле порядок), стремясь данную Ивану от Бога державу перевести под свою власть. Эти попытки преступны, так как рабы не могут повелевать господином. Такое ненормальное положение вещей существует лишь в «безбожных языцех» (неправославных странах). Там государи лишь выполняют то, что укажут им их подвластные. Но дело-то в том, что эти страны и не знают света истинной веры! А вот русские православные государи изначально сами владеют своими государствами, а не их бояре и вельможи.

При таких теоретических представлениях Ивана Грозного любая попытка хоть как-то ограничить его власть рассматривалась им как нарушение Божьего установления, которое необходимо было пресечь любыми средствами, вплоть до самых жестоких. Но встает вопрос — было ли в действительности ограничение власти царя? Или это плод его воображения? То, что в годы боярского правления сам Иван не мог реально влиять на события в стране (по возрасту), представляется очевидным. Это же можно сказать, видимо, и о ситуации 50-х годов; в любом случае, чтобы решать все самому, государю необходимо было набраться опыта. Однако царь мог, исходя из своих представлений (и не только своих, а господствовавших в книжности), решить, что такой порядок, сложившийся в период правления «Избранной рады», не отвечает тому, что должно быть.

Мы очень мало знаем о том времени и не можем точно судить, как в действительности принимались решения на совещаниях царя с боярами (возражали ли они ему или нет, пытались ли провести какое-либо законодательное ограничение его власти и т. д.). Видимо, какое-то время царь терпел сложившуюся ситуацию, а затем, достигнув определенного возраста, решил практику привести в соответствие с теорией, а тот, кто высказывал недовольство установившимся порядком, цеплялся за, казалось бы, уже утвердившиеся обычаи, становился, по мнению царя, мятежником, изменником, покушающимся на Божие установление. Не случайно Иван пишет о том, что он не дал себя погубить, но погубить, видимо, не тело, которое не будет иметь в вечности особого смысла, а душу — ведь именно гибель души есть настоящая гибель. А то, что, оставив все как есть, Иван бы погубил свою душу, он не сомневался. В этом случае он бы не смог оправдаться перед Богом за власть, которая дана была ему, не смог бы выполнить свою миссию православного ца-

ря, лично отвечающего за всех подданных своего государства. При таком понимании единоличное правление, восстановление установленного самим Богом порядка с помощью сколь угодно жестоких мер было не прихотью, а именно долгом царя. Казалось бы, переложив свою ответственность на других, Иван облегчал свою собственную, теперешнюю жизнь, но это вело к наказанию в будущей, вечной жизни, на что православный царь пойти, конечно, не мог.

Иван Грозный понимал, что он плотью такой же человек, как и остальные люди, и, как любой человек, грешен. Он не смущаясь признавал это, ведь нет человека без греха, только Бог безгрешен. На обвинения в жестокости царь также дает ответ: правителям не подобает ни зверски яриться, ни бессловесно смиряться. Царь каждый раз действует по обстоятельствам, а наказание грешников, спасение страхом — одна из обязанностей царя. Если не будет в государстве наказаний, то погибнут царства и разорятся междоусобными бранями, а допускать этого настоящему пастырю нельзя. Царь не страшен тем, кто делает добрые дела, он страшен творящим зло. Причем, по мнению Ивана, творить зло можно и не явно, а так, что окружающим будет видно лишь «доброхотство», но царь знает, что от сердец некоторых исходит злодеяние, его устами благословляют, а сердцем клянут. Итак, по мнению Грозного, важно не только видимое — дела, но и мысли. Трудность возникает в том, как определить, какие мысли исходят из сердца, как человек служит — для видимости или по правде.

Постоянно Иван возвращается к одной мысли — рабам надлежит повиноваться, а данному Богом царю — править, это непреложная истина. Впрочем, все остальные — рабы не перед Иваном как человеком, а перед его властью, которая от Бога. Грозный допускает, что какое-то время он был под законной опекой (в детстве), теперь же он дошел до возраста, который определил его отец, и быть дальше под надзором ему не годится. Своих оппонентов государь обвиняет в том, что они хотели, чтобы Иван лишь словом (титолом) был государь, а на деле владели бы они. Ссылками на исторические примеры — историю Византии и Ветхого Завета Грозный доказывает, что власть в государстве должна быть единоличной. Царь не только спасает свою собственную душу, а заботится о множестве душ и тел, отсюда следует, что царю должна принадлежать вся власть без остатка, и лишь царь может пользоваться властью, не испрашивая ни у кого, кроме Бога, одобрения. Правле-

ние многих подобно женскому безумию, оно ведет к гибели государства.

Обвинение Курбского в том, что Грозный приказал перебить «сильных во Израиле», вызвало резкую отповедь царя: ведь Русская земля правится Божиим милосердием, милостью Богородицы, благословением всех святых и своими государями, а не воеводами и боярами. Казнены только изменники, а царь вправе и казнить своих холопов, и жаловать их, причем казнят не только в России, но и в других странах, и тем утверждают. Государь считает, что никто не был казнен зря, без вины и отвергает мнение о том, что он клеветает на погибших. «Если уж я клеветчу, — пишет царь, — то в ком другом может явиться истина». Грозный отвергает саму возможность казней по собственной прихоти — ведь для охоты на зайцев надо много псов, а на врагов — множество воинов, и никто в твердом уме не станет казнить подданных без причины. По нашему мнению, на события времени правления Ивана Грозного повлияли не только его представления о собственной власти, но и некоторые черты его характера — он был, видимо, достаточно экзальтированной фигурой, его посещали видения (например, во время взятия Казани Грозный слышал колокольный звон Симонова монастыря). Возможно, что разного рода видения были у него и позже. Сами эти видения не должны были смущать правителя, он их мог воспринимать как Божии послания, как непосредственные беседы с Богом или Его посланцами, подобно тому, как праведные цари Израиля общались с Богом. Не отсюда ли уверенность Ивана в том, что он видит, как его клянут сердцем, хотя на словах благословляют?

Царь уверен, что и «доныне», начиная с первого христианского царя Константина, Божественные силы помогают православным царям, в том числе и самому Ивану. Грозный убежден, что хотя он и носит порфиру, то есть является царем, но, как и все остальные, по естеству — простой человек. И как все люди, будет спрошен на Страшном Суде о своих делах, но не только о своих, но и о прегрешениях всех подвластных предстоит дать Ивану ответ, если грехи будут совершены по его, царя, недосмотру. Грешники же получают наказание не только на том свете, но должны мучиться и на этом. Из этих двух положений вытекают все действия Грозного царя. Конечно, Ивана не радует, что в его царстве оказалось большое количество изменников, он скорбит по этому поводу, как о людях, погубивших свои души нежеланием подчиняться данному Богом

владыке. Царь лишь выполняет свой долг, поощряя добрых и наказывая злых, наказания эти не по собственной прихоти налагаются, но по нужде из-за их, изменников, преступлений.

Курбский совершил страшный грех, бежав от данного ему Богом владыки, он бежал, чтобы жить в самовольстве. Ради этого и нашел себе нового правителя, который сам ничем не владеет, а хуже последнего раба, повинующегося приказаниям своих подвластных. Но, считает царь, беглый князь не утешится там, потому что в этом государстве каждый думает только о себе, никто не сможет избавить обижаемого от рук сильных, так как суд здесь не внемлет нищим и вдовицам (и действительно, князю Андрею пришлось познакомиться с такими судебными порядками в Польско-Литовском государстве).

Таково основное содержание послания Ивана Грозного Андрею Курбскому. Переписка их на этом не закончилась, но и во втором послании царя Ивана, и в других его сочинениях повторяются те же мысли. Наиболее ярко они выражены, видимо, в послании избранному королю Речи Посполитой Стефану Баторию: «Всемогущий Бог благоволил ко всему нашему роду: мы государствуем от великого Рюрика 717 лет, а ты со вчерашнего дня на таком великом государстве, тебя первого из твоего рода . . . избрали народы и сословия королевства Польского, и посадили тебя на эти государства управлять ими, а не владеть ими. А они люди со своими вольностями, и ты присягаешь величию их земли, нам же всемогущая Божия десница даровала государство, а не кто-либо из людей, Божьей десницей и милостью владеем мы своим государством сами, а не от людей приемлем государство, только сын от отца отцовское по благословию приемлет самовластно и самодержавно, а своим людям мы креста не целуем»¹³⁶.

Что же можно сказать, ознакомившись с мыслями Ивана Грозного о своей власти? Внес ли он что-нибудь новое в обоснование права на безграничную (кроме веры) власть? Мы не видим в его идеях ничего того, что уже не было бы высказано до него. Основные аргументы Грозного: Божия воля, наследственность, его личная ответственность перед Богом за все происходящее в стране. Но все это уже было сказано до него и, видимо, достаточно широко было известно. Особенность Грозного лишь в том, что он теоретические представления перенес на практику, считая это своим непосредственным долгом и обязанностью. Он воспринял идеи книж-

ников и Священного Писания как непосредственное руководство к действию, что неудивительно, — ведь он был первым настоящим, венчаным русским царем. Подобные идеи, которые Грозный превратил в жизнь, носились в воздухе и были восприняты огромным большинством общества. Основная масса населения считала все происходившее совершенно нормальным, отвечающим Божественной воле. Не случайно ведь в памяти народа Иван IV остался суровым, жестким, но положительным персонажем. Он был жесток — но жестоки были и его образцы, библейские персонажи, угодившие, несмотря на всю свою жестокость, Богу. Для правителей же вообще, а особенно для средневековых, видимо, не подходят общепринятые нравственные категории. Сам Иван это хорошо понимал — ведь он нес ответственность за все не только здесь, на земле, но и перед Богом за все происходящее в его царстве. Эта ответственность, со всей своей серьезностью осознанная им, и привела к безграничной, по сути, власти. Что же касается противников Ивана Грозного, то трудно сказать, чего же они в действительности хотели. По посланиям Грозного выходит, что не угодившие ему лица намеревались лишиться его реальной власти, оставив его царем лишь по имени и почтив честью «председания» в совете. Было это действительно так или царь преувеличивал — едва ли когда-нибудь узнаем. Однако в таком предположении, на наш взгляд, нет ничего невероятного: во-первых, самому Ивану было виднее, чем нам, живущим через четыреста лет, чего же хотели его «изменники»; и во-вторых, ведь был образец для такого стремления — порядки в Польско-Литовском государстве, которые были достаточно хорошо известны в России. Наконец, в-третьих, сами реформы, или, вернее, часть их была направлена на создание представительства: начало Земских соборов, введение выборного начала в местном управлении. Встает вопрос — а что же предполагалось сделать дальше, какие бы реформы были проведены еще, если бы царь не остановил своих советников?

Единственным, пожалуй, оппонентом Ивана Грозного на литературном поприще выступает уже упоминавшийся выше беглый боярин и воевода Андрей Михайлович Курбский. Трудно найти какую-нибудь теоретическую подоплеку в его посланиях царю, здесь он просто обвиняет монарха в жестокостях и казнях, призывая его одуматься и исправиться. Другое дело — «История о великом князе Московском»¹³⁷, основное произведение Курбского, написанное в эмиграции. Хотя большая часть Истории и посвящена описанию

«злодейств» царя Ивана, тем не менее по ней можно сделать некоторые выводы о представлениях Курбского о том, что должно быть, как должен управлять царь. Боярин признает, что какое-то время Иван был «добрым и знаменитым» царем, который не жалел своих сил ради Отечества. Князь имеет в виду, прежде всего, военную деятельность Ивана, направленную против государств — наследников Золотой Орды. Царь по собственной воле подчинялся тогда «добрым» советникам, которых Курбский называет «Избранной радой», не предпринимал без их одобрения и согласия ничего важного. По нашему мнению, Курбский здесь говорил о представительном органе, который сосредоточил в своих руках важнейшие функции, наподобие мини-Земского собора. Однако этот орган не был официально узаконен, что и позволило затем царю избавиться от его опеки. Действительно, если вводились местные выборные органы, то почему не мог существовать и подобный центральный орган?

Интересно, что Курбский, доказывая необходимость для царя прислушиваться к советам, ссылается на библейские примеры, в основном из Ветхого Завета, указывая почти все места, где говорится о необходимости для правителя прислушиваться к мнению советников. Впрочем, беглый боярин признает, что и сейчас, когда Иван стал мучителем, у него имеются советники, к мнению которых он (царь) прислушивается, но это плохие советчики, «ласкатели». Встает сразу же вопрос: а как же определить «добрых» советников, как отделить овов от козлиц? Курбский не дает ответа. Единственное, что он пишет, — царь должен искать совета доброго и полезного не только у советников, но и у простых людей. Несмотря на такое заявление, уже через несколько страниц Курбский возмущается тем, что Иван набирает себе служителей из престолярства, а делает это из ненависти к вельможам. Таким образом, позиция Курбского, его взгляды на царскую власть противоречивы, чего нельзя сказать о представлениях Ивана IV. Хотя для обоснования своей точки зрения боярин и пытается апеллировать к авторитету библейских книг, но в целом его позиция слаба. Сильной стороной его Истории является то, что она бьет по нервам бесконечным описанием злодеяний и жестокостей Ивана, в теоретической же области, в области обоснования своих взглядов, Курбский, безусловно, проигрывает. Видимо, и сам, чувствуя свою слабость в теории, князь в самом конце Истории решил использовать распространенный сюжет о двух дорогах, которые открыты перед каждым чело-

веком: одна из них узкая и тяжелая, но этот путь Христа, ведущий к вечной жизни; другая же широкая, но кончается она адом, так как дорога дьявола. Курбский заявляет как непосредственный свидетель, что неоднократно слышал от царя Ивана слова о том, что одно можно получить: или здешнее, или тамошнее, то есть или трудный путь Христа, или широкий — сатаны. Возможно, что царь и говорил нечто подобное, но беглый князь сделал отсюда вывод (не беспристрастный, а обусловленный его позицией) о том, что царь сознательно сделал выбор в пользу широкого пути, ведущего к гибели. Не случайно за этим идет эмоциональное обвинение царя в отступничестве от истинной веры, которое делало повинование Ивану грехом.

Как видим, у Курбского в действительности нет стройной, непротиворечивой теории о царской власти, кроме общих слов о необходимости повиноваться хорошим советникам, которые он подкрепляет авторитетом св. Писания. Однако позиция Ивана IV основана на этом же самом авторитете и обоснована более полно. В ней нет противоречий, свойственных взглядам Курбского. По сути, за Иваном была практически вся предшествующая литература, а за Курбским — лишь возможная практика, порядки в Польско-Литовском государстве да бьющие по нервам описания жестокостей царя. Теория ограничения власти чем-нибудь находящимся вне этой самой власти не была разработана, и, видно, сам Курбский и его сторонники (если таковые были) не имели все же четкого представления о том, что же они хотят получить в итоге. Самое главное, они не могли подкрепить свои смутные представления достаточно авторитетными для общества и государя ссылками. Несмотря на отсутствие каких-то четких взглядов, видимо, теория Курбского вела Россию в конечном итоге к политическому устройству, сходному с польской действительностью середины XVI в. Иван не допустил подобного развития событий, используя с течением времени самые жестокие меры.

Иван Грозный и Андрей Курбский, бесспорно, самые яркие писатели XVI в., затронувшие в своих произведениях вопрос о сущности власти, о том, на каких основах она должна стоять¹³⁸.

В своей известной характеристике царя Ивана В. О. Ключевский заявляет о том, что Грозный был первым русским правителем, почувствовавшим себя Царем в библейском смысле. Но ведь это неудивительно! До Ивана IV никто не мог этого чувствовать! Иван

был первым царем. И именно это осознание своей избранности из бесчисленного количества людей определяло большинство его поступков. Одна православная Россия противопоставлена всему остальному миру, в котором живут люди, незнакомые со светом Истинной веры. Необходимо сохранить незапятнанным это православие, отсюда и борьба с еретиками, которых, например, А. Л. Янов изображает «либеральными интеллигентами»¹³⁹.

Венчание на царство в 1547 г., принятие нового титула изменили статус правителя и его государства. Необходимо было добиваться, чтобы Россия и ее население были достойны нового положения. Нужно было строить все по-новому. Но где образцы? Византия? Она пала... Почему? Ересь и многовластие погубили эту страну. Значит, как пример для подражания она не годится. На что же равняться? Израильское царство первых, угодных Богу царей... Вот где образец. Но те цари были жестоки — ну и что? Ведь именно с ними Бог беседовал, значит, жестокость оправдана, она во благо. Следовательно, можно покарать немногих, чтобы спасти остальных. И не просто можно, а нужно. Это долг царя — наказывать злых, выводить неправду из Святой Руси, не останавливаясь перед любыми крайностями.

Примерно так мог рассуждать Иван Грозный, первым принявший в России царский титул. Видимо, и многие другие понимали необходимость перемен, в первую очередь сотрудники первого периода деятельности царя, «Избранная рада». Стремлением к улучшениям вызвана серия реформ 50-х годов. И пока все шло более-менее хорошо, царь соглашался со своими советниками. Хотя, возможно, он и не думал, что все идет в нужном направлении. Ведь, по представлениям Грозного, Бог карает не только после смерти, но и при жизни. А здесь было о чем задуматься: тяжелая болезнь 1553 г., смерть большинства детей от Анастасии, вмешательство в Ливонскую войну других государств и, наконец, смерть жены в августе 1560 г. Для царя это все были сигналы, что необходимы перемены. Но почему смена правительства произошла лишь в 1560 г., а не раньше? Возможно, просто до 1560 г. Иван был молод, а ведь и Христос не учил до 30 лет. Может, и Грозный ждал этого возраста?

Царь знал, что за грехи подданных отвечать перед Богом будет он, так как они, подданные, вверены ему под ответственность. Думал ли он, что сам не грешит? Да нет, он знал, что грешен, и знал, что и за свои грехи даст ответ Богу. Но осознание собственной

греховности не мешало Ивану карать за грехи других — невзирая на лица. Причем не важно — действительные эти грехи или лишь ему, Ивану, казались грехами. С явными преступлениями все понятно, ведь «таких собак везде казнят», а вот тайные преступления, скрытые измены, противоречия — это грехи или нет? Думаю, перед Грозным такой вопрос не стоял: противишься власти — противишься Богу. Даже если кто-нибудь казнен неправильно, невинно и в результате окажется мучеником, Иван не отказывался дать за это ответ на Страшном Суде.

Было ли царю тяжело казнить? Наверное, было, как и любому более-менее нормальному человеку. Но ведь это был его долг, и он обязан был его выполнять, искоренять неправду в Русской земле. А без грозы царю нельзя — ведь не зря он меч носит.

Шли годы. . . Все больше было казненных, карались целые города, в которых свила гнезда «измена», вспыхивали эпидемии, голова мутилась от пролитой крови, увеличивались грехи; сознание разрушалось от понимания собственной, личной греховности и необходимости дальше искать среди подданных виноватых в изменах. Ради чего? Чтобы создать государство, основанное на правде, достойное Православной веры.

И, казалось бы, цель уже близка — Ливония в 1577 г. лежит у царских ног, и «хоть многочисленное песка морского» беззакония Ивана, но милость Божия с ним. Значит, все было не напрасно, значит, он прав, значит, все, что он, царь, сделал, угодно Богу! Но скоро пришло разочарование. . . Уже достигнутая, казалось, победа обернулась поражением. В довершение всего умер (или убит) старший сын Иван. А что обещает Бог угодившим ему? Потомство, многочисленное, как звезды небесные. . . А теперь видно, что Бог покарал его, царя Ивана, что все было напрасно, что он не смог угодить Богу, и что даже будущее династии висит на волоске. А ведь Бог карает до седьмого колена. . . Что же остается? Посмертно реабилитировать погибших от его, Ивана, рук, устроить их души и готовиться к смерти, к неизбежному Страшному Суду. . . Вся жизнь была ошибкой. . .

Так мог думать Иван IV, осматривая свой путь. Думал ли он о борьбе боярства и дворянства, о смене родовых начал государственным, или о борьбе с обособленностью Великого Новгорода, уделами и Церковью, или лишь об укреплении личной власти? Едва ли он даже догадывался, что историки последующих поколений

будут пытаться объяснить его поступки этими положениями. Он просто пытался сделать Русь достойной, единственной хранительницей Православия. Он выполнял свой долг. Будь на его месте другая личность, события, может быть, и пошли несколько по-другому, но в основном, видимо, все бы шло так же. Иного пути у страны в тех условиях, при тех представлениях не было. И то, что произошло, — должно было произойти.

Конечно, на каждом этапе деятельности Ивана Грозного играли роль и рациональные факторы, но, очевидно, главное было не в них, а в религиозных представлениях царя, в его глубокой убежденности в своей правоте, в уверенности, что он лишь выполняет свой долг, несет обязательную службу. Так же, как и все остальные должны нести свою — ради одного — Святой Руси.

Основная цель Ивана IV — создание государства «нового типа», Русского Православного Царства, идея которого была широко распространена в среде русских книжников.

Иван Грозный — самый известный из русских царей. Можно даже сказать, что его имя стало синонимом русского правителя вообще. Многие современные (и не только современные) авторы пишут о его жестокости, заявляют о том, что именно царь Иван определил весь дальнейший ход русской истории. С этим можно отчасти согласиться — во многом деятельность Ивана определила установление в стране самодержавных начал, которые сыграли столь большую (и положительную) роль. Удивительно другое — царя Ивана изображают каким-то исключительным монстром, уникальным кровопийцей, самым жестоким человеком из правителей. Справедливо ли это? Да, действительно, его прозвали Грозным, действительно, до Ивана IV в России не было столь жестоких правителей. И это в России, где каждая казнь по политическим обвинениям была уже событием! Первые публичные казни в Москве известны лишь со второй половины XIV в., и до самого времени Грозного их едва ли было более сотни.

Террор 60–70-х годов XVI в. был удивительным именно для России, а отнюдь не для других европейских стран. Этот террор поразил русских. Но каким этот правитель предстает в фольклоре, как его изобразил народ? Народ запомнил в основном присоединение Казани, а не кровавые казни бояр. Даже и казни — лишь «выведение» измены.

Но был ли вообще Грозный так уникально жесток, как нас пыта-

ются уверить? Каково количество жертв террора? По синодикам — около четырех тысяч человек. Много это или мало? Для России, где ранее казни считались единицами, это, конечно, много. А для «цивилизованной» Европы — до смешного мало. Даже если допустить, что синодики не полностью учитывали погибших, то число казненных едва ли превысит 10 тысяч человек. И так, 10 тысяч за 20 лет «террора»! Виновных или невинных? Кто знает. . .

Был ли Грозный уникальным по своей жестокости правителем? Нет, его современники и предшественники в европейских странах не отличались гуманизмом. Достаточно вспомнить Филиппа II Испанского, герцога Альбу, Марию Кровавую, королеву Англии и ее отца Генриха VIII. Чего стоит одна Варфоломеевская ночь во Франции или зверства европейских колонизаторов при покорении Америки и Африки. По сравнению со многими правителями европейских стран Иван Грозный был, можно сказать, смирным и кротким человеком.

Так почему же именно Иван Васильевич стал образцом жестокости, а не его достойные коллеги по правительственному ремеслу? Почему нас пытаются уверить, что наш первый царь — это что-то уникальное, более не встречающееся в истории? Ответ-то по сути прост — потому что он русский царь. Как же можно Генриха VIII, при котором написана «Утопия», объявить кровопийцей, равным этому варвару-москвиту, схизматику! Да только забывают при этом упомянуть, где кончил свой жизненный путь автор «Утопии», и сколько людей было повешено Генрихом за бродяжничество. Как можно сравнить Филиппа Испанского с каким-то Московским царем! Ведь в Испании были Сервантес и Лопе де Вега. Да только опять забывают о кострах, на которых горели еретики, о разгромленных Нидерландах, о залитой кровью Испанской Америке. Вот так и получается: европейским правителям можно убить в десять раз больше своих подданных, но они не становятся тиранами и живодерами, а русский царь, казнивший 10 тысяч человек, уже объявлен самым ужасным тираном в мире.

Ну а какова реальная роль Грозного царя в нашей истории? Ведь через два десятка лет страну захлестнула Смута, и само существование государства оказалось под вопросом. Есть ли в этом вина Ивана IV? Да, бесспорно, своими казнями, «перебором людшек», разрушением городов, массовыми переселениями он в какой-то мере дестабилизировал обстановку в стране. Но можно ли утвер-

ждать, что именно опричнина вызвала Смутное время? Представляется, что это не совсем так. Гораздо больший удар был нанесен эпидемиями и неурожаями, а не казнями царя Ивана. Количество жертв эпидемий было более значительным, чем число жертв террора. Кроме того, присоединение новых территорий требовало их заселения русскими. В любом случае были неизбежны значительные перемещения населения, колонизация приобретенных земель, что привело бы к некоторому запустению центра и северо-запада России. Страна почти сорок лет находилась в состоянии войны — это вызывало рост налогов. Можно, конечно, считать, что Ливонская война была не нужна России. Но так ли это? Нужен был порт на Балтийском море. Другое дело, что следовало закончить войну ранее, но все, как известно, крепки задним умом. Татарские нашествия также оказывали негативное влияние на обстановку в государстве — но едва ли можно за это винить Ивана Грозного. В дальнейшем, конечно, потрясения ожидали Россию, и винить за них одного Грозного не представляется справедливым.

Некоторые упрекают царя Ивана в том, что он ввел обязательную службу — что ж в этом плохого? Служить Отечеству должны все: владельцы земли — лично в войсках, прочие люди — платя налоги, духовенство — молясь за грехи. По сути, он завершил создание государства, основанного на началах обязательной службы всех без исключения (в том числе и самого царя). При чем служба эта мыслилась не как служба человеку и даже, видимо, не столько как служба государству, а как служба Богу, что делало ее безусловно необходимой и обязательной для спасения и оправдания. Царь в подобной системе также был лишь одним из служителей, обязанным выполнять возложенные на него Богом функции. Последующие столетия доказали, что основанное на таких началах государство смогло выдержать испытание временем и выйти победителем из многих тяжелейших бедствий. Грозный лишь довел до конца начатое его предшественниками — Московскими великими князьями. Он является одним из создателей Русского государства — и в этом его великая заслуга. Самодержавие, созданное Грозным, было благом для страны. Достаточно посмотреть на Польско-Литовское государство, чтобы убедиться в этом. В Речи Посполитой не сложилось сильной королевской власти, а была очень «демократическая» республика, даже с разделением властей. Но прошло каких-то двести лет, и что стало с Польшей? Она просто исчезла с кар-

ты, несмотря на всю свою «демократию», а может, и благодаря ей. Россия же, несмотря на все испытания, которых на ее долю выпало гораздо больше, чем остальным странам, сохранилась как единое государство. И хочется верить, что она будет всегда.

---

¹ *Филлюшкин А. И.* Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. № 8.

² Существовала еще и Грузия, но она находилась далеко и о ней не было известно практически ничего.

³ *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 30.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 39.

⁵ Там же. С. 103.

⁶ *Рижский М. Н.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978. С. 62.

⁷ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. Буэнос-Айрес, 1968. С. 21–22. Л. А. Тихомиров считает, что правда — это основная сила, высшая реальность. Именно правду человек ищет как для своей личной, так и для социальной жизни. Только по отношению к правде познается справедливость, справедливо лишь то, что сообразно с правдой.

⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 74.

⁹ *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 2. М., 1988. С. 184.

¹⁰ Представления о власти хорошо раскрыты в работе Б. Н. Флори (*Флорья Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 86–100).

¹¹ *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения. . . С. 40–81; *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1990.

¹² *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения. . . С. 81.

¹³ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 10. СПб., 1871. Стб. 301; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 78.

¹⁴ *Дьяконов М. А.* Власть Московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси. СПб., 1889.

¹⁵ РИБ. Т. 6. СПб., 1880. С. 157–158.

¹⁶ Там же. С. 176.

¹⁷ Об этом послании см.: *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 74–77.

¹⁸ РИБ. Т. 6. С. 575–576.

¹⁹ Там же. С. 272–276.

²⁰ О Хронографе см.: *Творогов О. В.* Хронограф Русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 499–505.

²¹ Повесть о взятии Царьграда турками // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 216–267.

²² *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.

²³ *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 281–350.

²⁴ *Пондырко И. В.* Фома // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 474–475.*

²⁵ *Инока Фомы* слово похвальное // *ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 268–333.*

²⁶ О *Вассиане* см.: *Борисов И. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 169–170; *Лурье Я. С.* *Вассиан Рыло* // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. Л., 1988. С. 123–124.*

²⁷ *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 45–132.

²⁸ *Послание на Угру Вассиана Рыло* // *ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 522–537.*

²⁹ О послании *Вассиана* также см.: *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения... С. 189–197; *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси... С. 117–123; *Синицына И. В.* Третий Рим. С. 117–118.

³⁰ О *Федоре Курицыне* см., напр.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 213–217; *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 89–135; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 203–222.

³¹ *Сказание о Дракуле-воеводе* // *ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 554–565.*

³² *Соболевский А. И.* Образованность в Московской Руси XV–XVII веков. СПб., 1892. С. 5–10; *Рогов А. И.* Школа и просвещение // *Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977. С. 249–261.*

³³ *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники.* М., 1958. С. 58–59.

³⁴ *Слуховский М. И.* Русская библиотека XVI–XVII вв. М., 1973; *Зарубин М. Н.* Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982.

³⁵ *Соболевский А. И.* Образованность... С. 21.

³⁶ «*Стоглав*» // *РЗ. Т. 2. М., 1985. С. 269, 290–291.*

³⁷ Там же. С. 291–292.

³⁸ Об *Иосифе Волоцком* см.: *Лурье Я. С.* *Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель* // *Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 19–97;* *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 37–100.

³⁹ *Послания Иосифа Волоцкого. С. 148–149.*

⁴⁰ Там же. С. 184.

⁴¹ Там же. С. 193–196.

⁴² *Иосиф Волоцкий.* Просветитель. М., 1993. С. 188–189.

⁴³ О политических идеях *Иосифа* см., напр.: *Вальденберг В. Е.* Указ. соч. С. 201–222; *Зимин А. А.* О политической доктрине *Иосифа Волоцкого* // *ТОДРЛ. Т. 9. Л., 1953. С. 159–177;* *Лурье Я. С.* *Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель. С. 19–97.*

⁴⁴ *ПСРЛ. Т. 22. Первая половина тома. СПб., 1911. С. 191, 254, 255, 273, 327.*

⁴⁵ О *Филофее* и его посланиях см.: *Малинин В.* *Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания.* Киев, 1901; *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения... С. 267–272; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.

С. 339–343; *Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. И.* Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 471–473; *Синицына Н. В.* Третий Рим. С. 133–268.

⁴⁶ Послание великому князю Василию Ивановичу о «Третьем Риме», обязанности правителя, обряде крестного знамения // *Синицына Н. В.* Третий Рим. С. 358–360.

⁴⁷ О Карпове см.: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 344–350; *Клибанов А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 207–218.

⁴⁵ *Федор Карпов.* Послание митрополиту Даниилу // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 504–519.

⁴⁹ Поучение Даниила, митрополита всея Руси // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. С. 520–533. См. о Данииле: *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 334–339.

⁵⁰ См.: *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. С. 300–338.

⁵¹ *Пересветов И. С.* Большая челобитная // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. С. 602–625. О взглядах Пересветова см. также: *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения. . . С. 324–335; *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. С. 339–405; *Клибанов А. И.* Духовная культура. . . С. 218–238.

⁵² *Иосиф.* Подробное оглавление Великих Четых Миней Всероссийского митрополита Макария. М., 1892.

⁵³ *Кукушкина М. В.* Книга в России в XVI веке. СПб., 1999. С. 54–63.

⁵⁴ *Макарий (Веретеников).* Начало церковного книгопечатания в Московской Руси // Книга в России. Из истории духовного просвещения. СПб., 1993.

⁵⁵ *Иван Федоров.* Послесловие к Московскому Апостолу 1564 года // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 288–291.

⁵⁶ «Стоглав». С. 303, 314–315,

⁵⁷ Там же. С. 292.

⁵⁸ *Миллер Д. Б.* Коронация Ивана IV Московского // Макариевские чтения. Вып. 3. Ч. 1. Можайск, 1995. С. 30–48; *Шмидт С. О.* Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 239–245.

⁵⁹ См. также: *Шапошник В. В.* О взаимоотношениях церковной и светской власти в России середины XVI в. (по «Стоглаву») // Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.). СПб., 1999. С. 115–117.

⁶⁰ О Степенной книге см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904; *Пеберекутина Е. В.* 1) Митрополит Афанасий и проблема авторства Степенной книги // От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства М., 1994. С. 126–153; 2) Поиски автора Степенной книги // Там же. С. 154–224; *Сиренов А. В.* Степенная книга как исторический источник (редакции XVI — начала XVII в.): Автореф. канд. дис. СПб., 2001.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1–2. СПб., 1908–1913.

⁶² *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980; *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. С. 29–41.

⁶³ *Клосс Б. М.* Никоновский свод. . . С. 206–265. По мнению А. А. Амосова, в конце 1576 г. была закончена лишь половина Свода (*Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998. С. 221–222).

⁶⁴ О Домострое см.: *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники*. С. 64–70; *Колесов В. В.* Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. СПб., 1994. С. 301–356. О времени составления Сильвестровской редакции памятника см.: *Филошкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 320–323.

⁶⁵ Домострой. СПб., 1994. С. 5–87.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 76.

⁶⁷ *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1985. С. 218–223.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 267–268.

⁶⁹ *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники*. С. 41.

⁷⁰ «Стоглав». С. 262.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 146.

⁷² *Волкова Т. Ф., Евсеева И. А.* Комментарии к Казанской истории // ПЛДР. Середина XVI века. С. 601–603.

⁷³ Казанская история // ПЛДР. Середина XVI века. С. 300–568. О Казанской истории см.: *Куцевич Г. З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905; см. также работы Г. Н. Моисеевой, Т. Ф. Волковой, Л. А. Дубровиной.

⁷⁴ *Лихачев Д. С.* Литература «государственного устройства» // ПЛДР. Середина XVI века. С. 5.

⁷⁵ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 74.

⁷⁶ *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997. С. 85.

⁷⁷ См., напр.: *Павел Йовий.* Книга о Московитском посольстве // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 285; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 243; Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора, в 1593 году // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 164.

⁷⁸ «Ни татары, ни москвитяне не дают женщинам никакой воли. А в народе говорят так: “Кто даст волю женщине, тот у себя ее отнимет”. Они не имеют у них прав. У нас же некоторые главенствуют над многими мужчинами, владея селами, городами, землями, одни обладая правом пользования, другие — по закону наследования. Одолеваемые похотью, они живут разнузданные под видом девства или вдовства и докучают подданным, одних преследуя ненавистью, других возвышая и губя слепой любовью, поскольку “горче смерти женщина” и “всякая злость мала в сравнении с злостью жены” (Екклесиаст, 7 и 25). И хотя власть женская достаточно позорна, даже в собственном доме, однако у нас принадлежат им крепости ... которые следует вверять лишь сильным духом мужам ...» (*Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 91).

⁷⁹ *Надеждин А.* Права и значение женщины в христианстве. СПб., 1873; *Дубакин Д.* Влияние христианства на семейный быт русского общества в период времени до появления «Домостроя». СПб., 1880; *Желобовский А. И.* Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Воронеж, 1892; *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992; *Забелин И. Е.* 1) Домашний быт русских цариц в XVI и XVII

столетиях. Новосибирск, 1992; 2) Женщина по понятиям старинных книжников // *Опыты изучения русских древностей и истории*. М., 1872; 3) Женщина в допетровском обществе. СПб., 1901; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995; *Пушкарева Н. Л.* 1) Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X—начало XIX в.). М., 1997; 2) Женщина в русской семье (X—XX века) // *Русские*. М., 1997; *Найденова Л. П.* Мир человека на Руси в XVI веке (по Домострою и памятникам права): Автореф. канд. дис. М., 1998.

⁸⁰ См., напр.: *Дубакин Д.* Влияние христианства... С. 171; *Пушкарева Л. Н.* Женщина в русской семье. С. 457.

⁸¹ *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни... С. 200–206.

⁸² *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 23–24.

⁸³ *Забелин И. Е.* Женщина в допетровском обществе. С. 50, 17.

⁸⁴ *Забелин И. Е.* Женщина по понятиям старинных книжников. С. 145.

⁸⁵ На наш взгляд, если признать теорию И. Е. Забелина справедливой, то непонятным окажется следующий факт: вытекающая из родового старейшинства власть должна была бы быть очень сильной еще в первые века русской истории, в Киевской Руси. Но современные исследования со всей очевидностью показывают, что это далеко не так (см., например, работы И. Я. Фроянова).

⁸⁶ *Беседа отца с сыном о женской злобе* // ПЛДР. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 487–498.

⁸⁷ *Александрия* // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 166.

⁸⁸ *Сказание о Дракуле* // ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 560.

⁸⁹ *Из «Троянской истории»* // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 242.

⁹⁰ *Суды царя Соломона* // *Апокрифы Древней Руси*. М., 1997. С. 161–162.

⁹¹ *Из Измарагда* // *Домострой*. СПб., 1994. С. 274–283.

⁹² *Повесть о Петре и Февронии*. Л., 1979. С. 218.

⁹³ *Переписка Грозного и Курбского*. С. 24. Правда, в реальности царь признавал, что власть его матери Елены Глинской была законной и правильной.

⁹⁴ *Переписка Грозного и Курбского*. С. 101, 110.

⁹⁵ *Курбский А. М.* История... С. 218.

⁹⁶ *Домострой*. С. 8.

⁹⁷ Там же. С. 33.

⁹⁸ Там же. С. 28–31.

⁹⁹ Там же. С. 36.

¹⁰⁰ Там же. С. 8.

¹⁰¹ *Законодательные Акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.* Тексты. Л., 1986. С. 44.

¹⁰² *Соборное Уложение 1649 года*. Л., 1987. С. 129–130.

¹⁰³ *Двинская Уставная грамота* // *Российское законодательство*. Т. 2. М., 1985. С. 182; *Соборное Уложение 1649 года*. С. 114. В Уложении, правда, говорилось о том, что холоповладельцу следует «настрога» указать на то, чтобы он не убил или не изувечил своего «человека». Но никакой санкции за нарушение не указывалось. См. также размышления Иосифа Волоцкого: «... ино волен то есть государь в холопе, хотя не по правде казнит, а суда с ним нет» (*Послания Иосифа Волоцкого*. С. 193).

¹⁰⁴ *Колесов В. В.* Домострой как памятник средневековой культуры. С. 335.

¹⁰⁵ Домострой так часто и называет мужа — «государь, хозяин».

- ¹⁰⁶ Исключением является книга Б. П. Флори (*Флоря Б. Н. Иван Грозный.*).
- ¹⁰⁷ *Кобрин В. Б. Иван Грозный.* СПб., 1992.
- ¹⁰⁸ *Янов А. Л.* 1) *Тень Грозного царя. Загадки русской истории.* М., 1997; 2) *Россия: У истоков трагедии.* 1462–1584. М., 2001.
- ¹⁰⁹ *Карамзин Н. М. История государство Российского.* Кн. 2. Т. 8. М., 1989. Стб. 59–60, 62–63, 188; Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стб. 1–5.
- ¹¹⁰ *Соловьев С. М. Сочинения.* Кн. 3. М., 1993. С. 743–746, 751–752.
- ¹¹¹ *Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины.* М., 1963. С. 107–108, 134.
- ¹¹² *Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.* М., 1995. С. 81–121.
- ¹¹³ *Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного.* М., 1964. С. 477–479; *Кобрин В. Б. Иван Грозный.* С. 568–571.
- ¹¹⁴ *Каштанов С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР.* 1963. № 2. С. 108.
- ¹¹⁵ *Хорошкевич А. Л. Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков.* Ч. 2. М., 1990. С. 287–290.
- ¹¹⁶ *Соловьев С. М. Сочинения.* Кн. 3. С. 432–433.
- ¹¹⁷ *Ключевский В. О. Сочинения.* Т. 2. С. 181–185.
- ¹¹⁸ *Литачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антонио Поссевино.* СПб., 1903. С. 101.
- ¹¹⁹ *Валишевский К. Иван Грозный.* М., 1989. С. 246–247, 407–408; *Вальденберг В. Е. Древнерусские учения...* С. 338–355; *Сперанский М. Н. История древней русской литературы.* М., 1914. С. 498–499. У Сперанского непонятно почему оказывается, что образцом для Ивана Грозного был «царь царей» Навуходоносор.
- ¹²⁰ *Платонов С. Ф. Иван Грозный // Платонов С. Ф., Виппер Р. Ю. Иван Грозный.* М., 1998. С. 32, 86. См. также: *Бахрушин С. В. Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды.* Т. 2. М., 1954. С. 292.
- ¹²¹ *Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века.* М; Л., 1947. С. 287–294.
- ¹²² *Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли.* М., 1985. С. 161–166.
- ¹²³ *Зимин А. А. В канун грозных потрясений.* М., 1986. С. 102.
- ¹²⁴ *Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв.* М., 1969. С. 104.
- ¹²⁵ *Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России.* Л., 1988. С. 98, 106.
- ¹²⁶ *Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* Л., 1979.
- ¹²⁷ *Скрынников Р. Г.* 1) *Иван Грозный.* М., 1975. С. 63, 95; 2) *Царство террора.* СПб., 1992. С. 196–198; 3) *Третий Рим.* СПб., 1994. С. 90–92, 129.
- ¹²⁸ *Кузьмин А. Г. Публицистика и общественная мысль // Очерки русской культуры XVI века.* Ч. 2. М., 1977. С. 130.
- ¹²⁹ *Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI века // История России. Народ и власть.* СПб., 1997. С. 240.
- ¹³⁰ Одну из лучших, по нашему мнению, работ, раскрывающих взгляды Ивана Грозного, см. в кн.: *Флоря Б. Н. Иван Грозный.* С. 105–116.

- ¹³¹ *Никитин А. Л.* Сатанинская заутреня. М., 1995; *Григорьев Г. Л.* Кого боялся Иван Грозный. М., 1998.
- ¹³² *Иоани (Снычев).* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 138–164.
- ¹³³ Хотя *Б. А. Успенский* считает, что над Иваном IV обряд миропомазания не совершался (*Успенский Б. А.* Царь и патриарх. М., 1998. С. 109–113).
- ¹³⁴ *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 356–411.
- ¹³⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.
- ¹³⁶ ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1985. С. 176–178.
- ¹³⁷ *Курбский А. М.* История... С. 218–399.
- ¹³⁸ См. также: *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения... С. 309–321, 335–356.
- ¹³⁹ *Янов А. Л.* Тень Грозного царя. С. 58, 463.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После великого князя Василия Ивановича власть перешла в руки Елены Глинской. Даниил, ставший митрополитом еще при Василии, сохранил свой пост. Смерть Елены резко обострила ситуацию в стране. Даниил и его преемник Иоасаф вмешались в политические события, и это для них закончилось свержением с первосвященительского престола. Вмешательство митрополитов в борьбу за влияние на государственные дела объяснялось, видимо, тем обстоятельством, что по традиции во время малолетства великого князя возрастала политическая роль предстоятеля Церкви.

После очередного переворота митрополитом стал архиепископ Новгорода Макарий. Благодаря своим личным качествам, искусству политика, он стал одним из самых выдающихся деятелей первой половины правления Ивана Грозного.

После Московского восстания наступил пик влияния Макария. Он активно участвует в политических событиях конца 40-х — начала 50-х годов. Союзником Макария, находившимся под его сильным влиянием, был священник Сильвестр. Благовещенский поп не являлся лидером «нестяжателей», как часто указывают в литературе. Само существование «нестяжателей» в середине XVI в. как значительной внутрицерковной группировки, выступающей с обоснованием необходимости изъятия монастырских земель, не подтверждается источниками.

Собор «примирения» в феврале 1549 г. привел к изменениям в руководящих верхах Русского государства — формируется «Избранная рада». Представляется, что в ней не было единства — в «Раду» входили две группы лиц: духовенство — Макарий и Сильвестр; и представлявший интересы дворян А. Ф. Адашев. Внутри правительства существовали противоречия по вопросам церковных недвижимых имуществ и финансовым проблемам. Видимо, все деятели «Избранной рады» понимали необходимость преобразований и проведения активной внешней политики, но расходились в том,

за чей счет проводить реформы и вести Казанскую войну. Столкнулись две правительственные группировки: одна настаивала на решении проблем за счет максимального привлечения средств церковной организации, другая, в свою очередь, противилась этому. Обе группировки боролись за влияние на молодого царя. Это состояние неустойчивого равновесия должно было рано или поздно завершиться принятием каких-либо окончательных решений. Решения эти предстояло принять Собору, состоявшемуся в 1551 г.

Стоглавый собор — важнейшее событие времени первосвятительства Макария и крупнейшее событие вообще в сфере церковно-государственных отношений средневековой России. Оценивать его результаты надо исходя не из представлений о столкновении «иосифлян» и «нестяжателей», а из существования, во-первых, определенных противоречий между различными группами участников Собора (архиереи, монашествующие, белое духовенство) и, во-вторых, из противоречий между светской частью правительства и церковной организацией в целом. Решения Стоглавого собора надо рассматривать с нескольких сторон. С одной стороны, это исправление церковных беспорядков, нравов духовенства и мирян, обрядов богослужения; с другой — это результат борьбы между различными группами духовенства по финансовым вопросам, осложненной вмешательством светских властей; с третьей — это шаг на пути слияния Церкви и государства и создания Православного царства.

После Стоглавого собора политическое положение митрополита оставалось относительно стабильным, но не исключительным. Велика его роль в проведении активной Восточной политики. В ходе Соборов первой половины 50-х годов Макарий показал себя борцом с ересями и разногласиями, которые могли потрясти русское общество. Макарий оставался предстоятелем Русской церкви вплоть до своей смерти в 1563 г.

Во время репрессий второй половины правления Грозного лишились престола видные церковные деятели. Но может ли это свидетельствовать о сознательном стремлении царя ослабить Церковь, лишить ее влияния? Представляется, что это не так. Иван IV не выступал против Церкви как таковой, он стремился, видимо, добиться лишь невмешательства отдельных представителей духовенства в политические дела (без прямой санкции с его стороны), в ту сферу, которая рассматривалась им как область единоличного управления. Меры, которые некоторыми исследователями тракуются как

антицерковные, вызывались каждый раз конкретными причинами. Следует также помнить, что и предшественники Грозного не останавливались перед свержением с престолов неугодных им иерархов. В этом отношении первый русский царь лишь шел по стопам предков.

Проблема церковно-государственных отношений не исчерпывается, конечно, только участием представителей иерархии в важнейших политических событиях того времени. Огромное значение имеет и обоснование, в том числе и в основном духовенством, целей и задач государственной власти. В конце XV–XVI в. появляется огромное количество публицистических произведений, в которых поднимаются вопросы о том, каким должно быть создающееся Русское государство, каков характер власти в этом государстве. Образец для подражания был найден в Ветхом Завете, на страницах, изображающих Израильское царство первых, угодных Богу царей. Из Библии следует, что царь, которому непосредственно Бог вручил власть, отвечает лишь перед Богом за все свои действия, а также за действия всех людей, находящихся в его, царя, власти. Отсюда вывод: власть царя должна быть безгранична. Царь — пастырь, который вместе с духовенством пасет стадо «овец христовых», оберегая это стадо от «волков» (всех врагов). Вместе с тем Россия — это последнее царство, после которого других уже никогда не будет. Это было вызвано истечением седьмой тысячи лет от сотворения мира, и, по широко распространенному мнению, в любой момент можно было ожидать конца света. В такой ситуации правитель должен был подготовить своих подданных к неизбежному и скорому Страшному Суду, что во много раз повышает его ответственность за подчиненных. Представляется, что действия Грозного во многом были вызваны не только потребностями реальной жизни, но и стремлением избавиться от всех недостатков, грехов, накопившихся в обществе. Их могли терпеть ранее, но не теперь, когда приближается второе пришествие. Мысль о необходимости в скором времени дать ответ перед Богом за все совершенное в земной жизни привела к стремлению очиститься, избавиться от всего недостойного великой миссии, выпавшей на долю России, — завершить ход мировой истории. Необходимо было построить государство, основанное на «правде» — справедливости, как ее понимали в то время. Появляется Православное Царство — страна, в которой (в идеале) деятельность каждого человека, от царя до последнего холопа, подчинена

одной цели — быть готовым в любой момент предстать перед Богом и дать отчет за себя и всех своих подчиненных. Из подобных представлений следовало, что власть царя должна быть неограниченна, так как именно царь дает перед Богом ответ за всех подвластных ему.

Такие мысли были широко распространены в обществе того времени. Неудивительно, что первый русский царь Иван Васильевич Грозный воспринял их. Основные аргументы царя: Божия воля, наследственность, его личная ответственность перед Богом за все происходящее в стране. Но все это уже было высказано до него. Грозный лишь перенес теоретические представления на практику, считая это своим непосредственным долгом и обязанностью. Он воспринял идеи как непосредственное руководство к действию, что неудивительно, — ведь он был первым настоящим, венчанным русским царем. Основная масса населения считала, что подобное — нормально и совершенно естественно, что именно так и должно быть. Не случайно в памяти народа Иван IV остался суровым, жестким, но положительным персонажем. Он был жесток, но жестоки были и его образцы — библейские цари, угодившие, несмотря на всю свою жестокость, Богу. Для правителей же вообще, видимо, не подходят нравственные категории. Сам Иван это хорошо понимал — ведь он нес ответственность за все происходящее не только здесь, на земле, но и перед Богом за все происходящее в его царстве. Эта ответственность, со всей серьезностью осознанная им, и привела к безграничной, по сути, власти.

Подводя итоги, можно сказать, что церковное и государственное в России XVI в. едва ли можно отделить друг от друга. Мы имеем переплетение, клубок, взаимопроникновение Церкви и государства в компетенцию друг друга. В таких условиях, в теории, любое церковное действие имело значение государственного, а любое изменение в государстве входило в сферу интересов Церкви и требовало ее одобрения (может быть, и чисто формального).

Представляется, что подобное положение, во второй период правления Ивана Грозного, перестало устраивать царя. Ему претило любое вмешательство в его дела, в том числе и деятелей Церкви. Не случайно поэтому одним из важнейших условий Грозного при введении опричнины было требование невмешательства духовенства в опалы и казни. Налицо парадокс — обосновав теоретически необходимость сильной власти, власти, отвечающей за все и всех в

стране, некоторые представители духовенства сами попали в годы опричнины и двора под колеса этой власти.

Что же касается церковно-государственных отношений в период правления Ивана Грозного, то при их рассмотрении следует, видимо, различать несколько направлений: во-первых, участие церковных деятелей непосредственно в политических событиях; во-вторых, влияние идей, исходящих от различных представителей Церкви, на теоретические представления общества о себе самом и о целях, к которым следует стремиться; в-третьих, отношения государства и Церкви в сфере материальных интересов, в первую очередь по вопросам монастырского землевладения. Последнее направление и было долгое время в центре внимания специалистов-историков. Автор данной работы надеется, что его труд поможет прояснить некоторые вопросы отношений между Церковью и государством в XVI веке.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

1. ААЭ. Т. 1; 2. СПб., 1836.
2. АИ. Т. 1. СПб., 1841.
3. Александрия // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982.
4. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.
5. АФЗХ. Ч. 3. М., 1961.
6. Барсов Е. В. Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке. М., 1889.
7. Беляев И. В. Наказные списки Соборного Уложения 1551 г. или Стоглава. М., 1863.
8. Беседа отца с сыном о женской злобе // ПЛДР. XVII век. Кн. 1. М., 1988.
9. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
10. Гваньини А. Описание Московии. М., 1997.
11. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
12. Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990.
13. Грамоты святого Филиппа, митрополита Московского и всея Руси в Соловецкую обитель // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 3.
14. Даниил Принц. Начало и возвышение Московии // ЧОИДР. 1876. Кн. 3.
15. Двишская Уставная грамота // РЗ. Т. 2. М., 1985.
16. Домострой. М., 1990; СПб., 1994.
17. Допрос царем Иваном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. 2.
18. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
19. Жарков А. И. К истории Московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. 1962. № 3.
20. Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. Приложения. М., 1881.
21. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986.
22. Зимин А. А. Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 20. М., 1958.
23. Иван Федоров. Послесловие к Московскому Апостолу 1564 года // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985.
24. Из Измарагда // Домострой. СПб., 1994.
25. Из Троянской истории // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.

26. Инокa Фoмы слово похвальное // ПЛДР. Вторая пол. XV века. М., 1982.
27. Калайдович К., Строев П. Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными статьями. М., 1819.
28. Каппелер А. Малоизвестная немецкая «газета» об опричнине // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999.
29. Каппелер А., Скрынников Р. Г. Забытый источник о России Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1.
30. Книга Правил св. Апостол, св. Соборов Вселенских и Поместных и св. Отец. Тр.-Серг. Лавра, 1992.
31. Корецкий В. И. Материалы по истории Земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // АЕ за 1969 г. М., 1971.
32. Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981.
33. Кунцевич Г. З. Два рассказа о походах Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // Отчеты о заседаниях общества любителей древней письменности в 1897–1898 гг. СПб., 1898.
34. Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая пол. XVI века. М., 1985.
35. Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790.
36. Макарий (Веретенников). Поминальные синодики // Вышенский па-ломник. 1998. № 1 (6).
37. Макарий (Веретенников). Собор 1554 г. и его решения // Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996.
38. Макарьевский Стоглавник // Труды Новгородской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Новгород, 1912.
39. Максим Грек. Сочинения. Казань, 1860.
40. Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
41. Материалы по истории СССР. Т. 2. М., 1955.
42. Моисеева Г. Н. Казанская история. М.; Л., 1954.
43. Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного // ЧОИДР. 1847. № 3.
44. Насонов А. Н. Новые источники по истории Казанского «взятия» // АЕ за 1960 г. М., 1962.
45. Новгородские летописи. СПб., 1879.
46. Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001.
47. О немощи, и о преставлении, и о погребении Макария митрополита всея Руси // Макарий (Веретенников). Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). М., 1996.
48. Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла Римского императора, в 1593 году // Проезжая по Московии. М., 1991.
49. Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977.
50. Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990.
51. Павел Иовий. Книга о Московитском посольстве // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.

52. Павлов А. С. Еще наказной список по Стоглаву // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 9. Одесса, 1873.
53. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. СПб., 1871.
54. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
55. Пересветов И. С. Большая челобитная // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
56. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. // Материалы по истории Татарской АССР. Л., 1932.
57. Поездка ганзейского посольства в Москву (1603 г.) // Сборник материалов по русской истории начала XVII века. СПб., 1896.
58. Повесть о взятии Царьграда турками // ПЛДР. Вторая пол. XV века. М., 1982.
59. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979.
60. Послание великому князю Василию Ивановичу о «Третьем Риме» // Синицына Н. В. Третий Рим. М., 1998.
61. Послание Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе // РИЖ. Пг., 1922. Кн. 8.
62. Послание на Угру Вассиана Рыло // ПЛДР. Вторая пол. XV века. М., 1982.
63. Послания Ивана Грозного // ПЛДР. Вторая пол. XVI века. М., 1985.
64. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
65. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
66. Поучение Даниила, митрополита всея Руси // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
67. Послания старца Артемия // РИБ. Т. 4. СПб., 1878.
68. Псковские летописи. Т. 1; 2. М., 1941–1955.
69. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.
70. ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.
71. ПСРЛ. Т. 13. М., 1965.
72. ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1911.
73. ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина тома. СПб., 1913.
74. ПСРЛ. Т. 22. Первая половина тома. СПб., 1911.
75. ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959.
76. ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.
77. ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.
78. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
79. РИБ. Т. 6. СПб., 1880.
80. Розыск, или Список о богохульных строках и о сомнении св. честных икон дьяка Ивана Михайлова сына Висковатого // ЧОИДР. 1858. Кн. 2.
81. Русские акты Ревельского городского архива // РИБ. Т. 15. СПб., 1868.
82. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Вып. 4. М., 1988.
83. Сапожникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001.
84. Сборник П. Муханова. СПб., 1866.
85. Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887.
86. Сборник РИО. Т. 71. СПб., 1892.
87. СГГД. Ч. 1; 2. М., 1813, 1819.
88. Сказание о Дракуле // ПЛДР. Вторая пол. XV века. М., 1982.

89. Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987.
90. Соловецкий патерик. М., 1991.
91. Стоглавый собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). Лондон, 1860.
92. «Стоглав». Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863.
93. «Стоглав». Казань, 1862.
94. «Стоглав» // РЗ. Т. 2. М., 1985.
95. Судебник 1550 г. // РЗ. Т. 2. М., 1985.
96. Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971.
97. Суды царя Соломона // Апокрифы Древней Руси. М., 1997.
98. Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950.
99. Федор Карпов. Послание митрополиту Даниилу // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
100. Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991.
101. Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинех («Стоглав»). М., 1890.
102. Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934.
103. Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. 7. М., 1951.
104. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925 (новое издание: Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002).
105. Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории // ЧОИДР. 1915. Кн. 4.
106. Щербачев Ю. Н. Русские акты Копенгагенского государственного архива. СПб., 1897.
107. Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. СПб., 2000.

ИССЛЕДОВАНИЯ

108. Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991.
109. Августин (Никитин). Миссионерская деятельность митрополита Макария (Новгородский период: 1526–1542) // Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 1. Можайск, 1996.
110. Алексеев А. И. Заметки о пересмотре эсхатологической концепции на Руси в конце XV века // Средневековое Православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1997.
111. Алексеев А. И. Установление «общей памяти» при митрополите Макарии. Исторический экскурс: церковное поминовение умерших «напрасною» смертью // Макариевские чтения. Вып. 6. Можайск, 1998.
112. Алексеев А. И. Церковь и государство на Руси в XV — начале XVI в. (ранний этап иосифлянства и нестяжательства): Автореф. канд. дис. СПб., 1998.
113. Алексеев А. И. Эсхатологический фактор в истории России и Западной Европы (к вопросу о типологических параллелях) // Империи нового времени: типология и эволюция. СПб., 1999.

114. Алексеев А. И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002.
115. Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966.
116. Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
117. Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998.
118. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988.
119. Амосов А. А., Морозов В. В. Методика исследования или заданность выводов? Размышления по поводу датировки рукописей Лицевого летописного свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. СПб., 1994.
120. Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.
121. Андреев Н. Е. О «деле дьяка Висковатого» // *Seminarium Kondakovianum*. Вып. 5. Прага, 1932.
122. Барсов Н. Из неизданных памятников древней русской литературы. СПб., 1872.
123. Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М., 1952.
124. Бахрушин С. В. Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954.
125. Бахрушин С. В. «Избранная рада» Ивана Грозного // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954.
126. Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. // ЖМНП. 1886. Февраль.
127. Беляев И. Д. Стоглав и наказные списки Соборного Уложения 1551 г. // Православное обозрение. Т. 9. 1863.
128. Беляев И. Д. Земские соборы на Руси. М., 1902.
129. Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1903.
130. Беляев И. В. Две выписки из летописного сборника // Архив исторических сведений, относящихся до России. Ч. 1. Отд. 6. М., 1850.
131. Беляев И. В. Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. // Русская беседа. Ч. 4. М., 1858.
132. Беляев И. В. О Стоглавом соборе против раскольников // ЧОЛДП. Ч. 2, 3. 1875.
133. Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
134. Богатырев С. Н. Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Ч. 1 // АЕ за 1992 г. М., 1994.
135. Богданов А. П. Перо и крест. М., 1990.
136. Бондаренко Э. О. Праздники христианской Руси. Калининград, 1993.
137. Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV вв. М., 1986.
138. Борисов Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв. М., 1988.
139. Бочкарев В. А. «Стоглав» и история Собора 1551 г. Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906.

140. Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991.
141. Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947.
142. Буланин Д. М. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. Л., 1988.
143. Буланин Д. М. Стоглав // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
144. Буланин Д. М. Филипп II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
145. Булыгчев А. А. Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.
146. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. М., 1992.
147. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.
148. Варенцов В. А. Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8.
149. Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. Вологда, 1989.
150. Варенцов В. А., Коваленко Г. М. В составе Московского государства. СПб., 1999.
151. Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской письменности. СПб., 1904.
152. Вернадский Г. В. Московское царство. Т. 1. Тверь, М., 1997.
153. Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века // Исторические записки. 1941. № 10.
154. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947.
155. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
156. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
157. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVI вв. М., 1975.
158. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1909; Ростов-на-Дону, 1995.
159. Вилинский С. Г. Послания старца Артемия. Одесса, 1906.
160. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.; Л., 1944; М., 1998.
161. Волкова Т. Ф., Евсеева И. А. Комментарии к казанской истории // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985.
162. Гильденбранд Г. Отчеты о разысканиях, произведенных в Рижском и Ревельском архивах по части русской истории. СПб., 1877.
163. Гневушев А. М. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI века // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1912.
164. Голикова Н. Б. Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI веке // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6.
165. Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874.
166. Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. М., 1900.

167. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903.
168. Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
169. Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. 1879. Кн. 2.
170. Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI века. М., 1994.
171. Греков Б. Д. Монастырское хозяйство XVI—XVII веков. Л., 1924.
172. Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 1. М., 1960.
173. Григорьев Г. Л. Кого боялся Иван Грозный. М., 1998.
174. Гробовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр. История одного мифа. Лондон, 1987.
175. Громогласов И. М. Новая попытка решить старый вопрос о происхождении «Стоглава». Рязань, 1905.
176. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1994.
177. Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955.
178. Дворкин А. Л. Иван Грозный как религиозный тип. Нижний Новгород, 2005.
179. Дмитриева Р. П. Герман Полев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. Л., 1988.
180. Дмитриева Р. П. Житие Филиппа митрополита (Колычева) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. Л., 1988.
181. Дмитриева Р. П. Иоасаф (Скрипицын) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. Л., 1988.
182. Дмитриева Р. П. Нифонт Кормилицын // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
183. Дмитриева Р. П. Иоасаф Скрипицын — книжник и библиофил XVI в. // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. СПб., 1991.
184. Дмитриева Р. П. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.
185. Дорошенко В. В. Русские связи таллинского купца в 30-х годах XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968.
186. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. Ч. 3. М., 1853.
187. Дробленкова Н. Ф. Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
188. Дубакин Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период времени до появления «Домостроя». СПб., 1880.
189. Дурново М. Д. Иерархия Всероссийской церкви от начала христианства в России до настоящего времени. Т. 3. М., 1898.
190. Дьяконов М. А. Власть Московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси. СПб., 1889.

191. Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. Т. 2. СПб., 1827.
192. Емченко Е. Б. Стоглав и задачи научной публикации памятника // АЕ за 1992 г. М., 1994.
193. Емченко Е. Б. Новое о Стоглаве (о результатах источниковедческого исследования рукописной традиции Стоглава в XVI–XVII вв.) // Макариевские чтения. Вып. 2. Ч. 2. Можайск, 1994.
194. Емченко Е. Б. Происхождение текста Стоглава // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994.
195. Емченко Е. Б. Стоглав: Происхождение и рукописная традиция XVI–XVII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1995.
196. Емченко Е. Б. «Священство» и «царство» на Стоглавом соборе // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995.
197. Емченко Е. Б. Стоглав. Исследование и текст. М., 2000.
198. Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора // Жданов И. Н. Сочинения. Т. 1. СПб., 1904.
199. Жданов И. Н. Сочинения царя Ивана Васильевича // Жданов И. Н. Сочинения. Т. 1. СПб., 1904.
200. Жданов И. Н. Церковно-земский собор 1551 г. // Жданов И. Н. Сочинения. Т. 1. СПб., 1904.
201. Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Воронеж, 1892.
202. Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
203. Забелин И. Е. Женщина по понятиям старинных книжников // Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872.
204. Забелин И. Е. Женщина в допетровском обществе. СПб., 1901.
205. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992.
206. Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. 1. Казань, 1877.
207. Загоскин Н. П. Спутник по Казани. Казань, 1895.
208. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века. Комментарии. Л., 1987.
209. Занков П. М. Старец Артемий, писатель XVI в. СПб., 1887.
210. Зарубин Н. Н. Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982.
211. Заусцинский К. Макарий, митрополит всея России // ЖМНП. Октябрь–ноябрь. 1881.
212. Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря. М., 1996.
213. Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. 9. Л., 1953.
214. Зимин А. А. Матвей Башкин — вольнодумец XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 4. М., 1956.
215. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.
216. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

217. Зимин А. А. Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. 11. М., 1963.
218. Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
219. Зимин А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Сб. 4. Казань, 1970.
220. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.
221. Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.
222. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.
223. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986.
224. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
225. Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991.
226. Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
227. Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985.
228. Иванов П. Св. Филипп, митрополит Московский и всея Руси // ЖМП. 1957. Август.
229. Иловайский Д. И. Царская Русь. М., 1996.
230. Ильинский А. Г. Городское население Новгородской области в XVI веке // Историческое обозрение. Т. 9. СПб., 1897.
231. Иннокентий (Смирнов). Начертание церковной истории от библейских времен до XVII в. Т. 2. М., 1849.
232. Иоани (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994.
233. Иосиф. Подробное оглавление Великих Четьх Миней Всероссийского митрополита Макария. М., 1892.
234. История СССР с древнейших времен. Т. 2. М., 1966.
235. Каган М. Д. Повесть о разгроме Новгорода Иваном Грозным // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
236. Казакова Н. А. Нестыжательство и ереси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. М., 1980.
237. Казакова Н. А. О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV – первой половине XVI в. // Россия на путях централизации. М., 1982.
238. Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.
239. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989.
240. Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991.
241. Каптерев Н. Ф. Царь и церковные Московские соборы XVI–XVII столетий // Богословский вестник. Ноябрь. 1906.
242. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. М., 1996.
243. Каштанов С. М. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды МГАИ. 1961. Т. 16.

244. Каштанов С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2.
245. Каштанов С. М. Грамоты московского Симонова монастыря как источник для изучения вопроса об отмене тарханов в 1575/76 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.
246. Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV -- первой половины XVI в. М., 1967.
247. Каштанов С. М. Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела» // Исторические записки. 1968. Т. 82.
248. Каштанов С. М. Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации. М., 1982.
249. Каштанов С. М. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // История СССР. 1985. № 4.
250. Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.
251. Кемпфер Ф. Иван (IV) Грозный // Русские цари. 1547–1917. Ростов-на-Дону, 1997.
252. Кистерев С. Н. Дело Аграфены Волинской и «Ответ» митрополита Макария Ивану IV // АЕ за 1998 г. М., 1999.
253. Клибанов А. И. Реформационное движение в России в XIV -- первой половине XVI в. М., 1960.
254. Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.
255. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980.
256. Клосс Б. М. Летописец начала царства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
257. Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.
258. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919.
259. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
260. Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. М., 1988.
261. Ключевский В. О. Состав представительства на Земских соборах Древней Руси // Ключевский В. О. Сочинения. Т. 7. М., 1990.
262. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.
263. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой Руси. М., 1985.
264. Кобрин В. Б. Избранная рада или опричнина? // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991.
265. Кобрин В. Б. Иван Грозный. СПб., 1992.
266. Кожинов В. В. Двуетный свет // Русская литература. 1995. № 1.
267. Колесов В. В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. СПб., 1994.
268. Колобков В. А. Историческая достоверность «Жития св. Филиппа» // История Православия в России: Люди, факты, источники. СПб., 1995.
269. Колобков В. А. Колычевская редакция «Жития св. Филиппа» (к датировке списка) // Средневековая Русь. СПб., 1995.
270. Колобков В. А. Противоречие в агнографическом тексте // Русская религиозность: проблемы изучения. СПб., 2000.

271. Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.
272. Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI в. М., 1987.
273. Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.
274. Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е. Очерки истории СССР конца XV – начала XVII в. Л., 1957.
275. Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // Исторический архив. 1959. № 2.
276. Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5.
277. Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.
278. Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986.
279. Корольюк В. Д. Ливонская война. М., 1954.
280. Костомаров Н. И. Старинные Земские соборы // Исторические монографии и исследования. Т. 19. СПб., 1887.
281. Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. М., 1990.
282. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1990.
283. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.
284. Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // Костомаров Н. И., Забелин И. Е. О жизни, быте и правах русского народа. М., 1996.
285. Кром М. М. О некоторых спорных вопросах истории «боярского правления» (дворцовые перевороты и правительственный аппарат в 1538–1547 гг.) // Сословия и государственная власть в России XV – середины XIX в. Ч. 1. М., 1994.
286. Кром М. М. Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутривластной борьбе конца 1533–1534 года // Отечественная история. 1996. № 5.
287. Кром М. М. «Мне сиротствующу, а царству вдовствующу»: Кризис власти и механизм принятия решений в период «боярского правления» (30–40-е годы XVI в. // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998.
288. Кузьмин А. Г. Публицистика и общественная мысль // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 2. М., 1977.
289. Кукушкина М. В. Книга в России XVI века. СПб., 1999.
290. Кунцевич Г. З. Малоизвестные записки о Казанских походах 1550 и 1552 гг. // ЖМНП. 1898. Июль.
291. Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905.
292. Кунцевич Г. З. Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу. СПб., 1912.

293. Курукин И. В. Заметки о «нестяжательстве» и «иосифлянтстве» (историографическая традиция и источники) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1981.
294. Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность: Автореф. канд. дис. М., 1983.
295. Лашин П. Собор как высший орган церковной власти (историко-канонический очерк). Казань, 1909.
296. Латкин В. Н. Земские соборы Древней Руси. СПб., 1885.
297. Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888.
298. Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины (к вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974.
299. Лебедев Н. Макарий, митрополит Всероссийский. М., 1877.
300. Лебедев Н. Стоглавый собор 1551 г. (опыт изложения его внутренней истории). М., 1882.
301. Леонид. Жизнь св. Филиппа, митрополита Московского и всея России. М., 1861.
302. Лихачев Д. С. Литература «государственного устройства» (середина XVI века) // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985.
303. Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антонио Поссевино. СПб., 1903.
304. Лихницкий Н. Освященный собор в Москве XVI–XVII вв. // Христианское чтение. 1906. Февраль.
305. Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
306. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике в конце XV — начале XVI в. М.; Л., 1960.
307. Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
308. Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988.
309. Лурье Я. С. Вассиан Рыло // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. Л., 1988.
310. Лурье Я. С. Летопись Новгородская Дубровского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
311. Лурье Я. С. Повесть о смерти Василия III // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
312. Любименко И. И. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год // Известия АН СССР. 7-я серия. Л., 1933. № 10.
313. Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
314. Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1; 2. М., 1996.
315. Макарий (Веретенников). Московские соборы 1547 и 1549 гг. // Журнал Московской патриархии. 1979. № 12.
316. Макарий (Веретенников). Всероссийский митрополит Афанасий // Богословские труды. Сб. 25. М., 1984.
317. Макарий (Веретенников). Митрополит Московский Макарий и церковно-литературная деятельность его времени // Тысячелетие крещения Руси. М., 1989.

318. Макарий (Веретенников). Митрополит Макарий и преп. Иосиф Волоцкий // Церковь и время. 1992. № 3.
319. Макарий (Веретенников). Новые материалы о Всероссийском митрополите Макарии // Церковь и время. 1992. № 3.
320. Макарий (Веретенников). Новые материалы о Всероссийском митрополите Макарии // ТОДРЛ. Т. XLVI. СПб., 1993.
321. Макарий (Веретенников). Начало церковного книгопечатания в Московской Руси // Книга в России. Из истории духовного просвещения. СПб., 1993.
322. Макарий (Веретенников). Грамота Иерусалимского патриарха Германа Новгородскому архиепископу Макарию // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
323. Макарий (Веретенников). Лужецкий архимандрит Макарий (1523–1526) // Макариевские чтения. Вып. 2. Ч. 1. Можайск, 1994.
324. Макарий (Веретенников). Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси // Макариевские чтения. Вып. 2. Ч. 1. Можайск, 1994.
325. Макарий (Веретенников). Всероссийский митрополит Макарий. Некоторые итоги и перспективы изучения // Макариевские чтения. Вып. 3. Ч. 1. Можайск, 1995.
326. Макарий (Веретенников). Всероссийский митрополит Макарий. Библиография: XVIII–XIX вв. // Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996.
327. Макарий (Веретенников). Всероссийский митрополит Макарий (библиография: 1902–1980 гг.) // Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 1. Можайск, 1996.
328. Макарий (Веретенников). Келарь Троице-Сергиевой обители — старец Адриан Ангелов // Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996.
329. Макарий (Веретенников). Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). М., 1996.
330. Макарий (Веретенников). Письменное наследие Всероссийского митрополита Макария // Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996.
331. Макарий (Веретенников). Стоглавый собор 1551 г. // Альфа и омега. № 1 (8). М., 1996.
332. Макарий (Веретенников). Хронология жизни и почитания Всероссийского митрополита Макария // Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 1. Можайск, 1996.
333. Макарий (Веретенников). Вехи жизни Всероссийского митрополита Антония // Макариевские чтения. Вып. 6. Можайск, 1998.
334. Макарий (Веретенников). Митрополит Макарий (библиография: 1981–1995) // Макариевские чтения. Вып. 5. Можайск, 1998.
335. Макарий (Веретенников). Иконы святителя Филиппа // Макариевские чтения. Вып. 5. Можайск, 1998.
336. Макарий (Веретенников). Митрополит Макарий (Библиография: 1996–2000) // Макариевские чтения. Вып. 8. Можайск, 2001.
337. Макарий (Веретенников). Митрополит Макарий и Московские государи (история взаимоотношений) // Макариевские чтения. Вып. 8. Можайск, 2001.

338. Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1904.
339. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951.
340. Марасинова Л. М. Торговля и средства передвижения // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977.
341. Миллер Д. Б. Коронация Ивана IV Московского // Макариевские чтения. Вып. 3. Ч. 1. Можайск, 1995.
342. Миртов П. Знаменитый древнерусский священник // Странник. 1903. Март–апрель.
343. Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958.
344. Моисеева Г. Н. Об идеологии «нестяжателей» // История СССР. 1961. № 2.
345. Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники. М., 1984.
346. Морозова Л. Е. Сочинения новгородских авторов о «новом учении» Феодосия Косого // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
347. Надеждин А. Права и значение женщины в христианстве. СПб., 1873.
348. Назаров В. Д. К источниковедению Дворовой тетради // Россия на путях централизации. М., 1982.
349. Назаров В. Д. К истории Земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990.
350. Назаров В. Д. К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
351. Назаров В. Д. Государство, сословия и реформы середины XVI в. в России // Сословия и государственная власть XV — середины XIX в. Ч. 2. М., 1994.
352. Найденова Л. П. Мир человека на Руси в XVI веке (по Домострою и памятникам права): Автореф. канд. дис. М., 1998.
353. Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969.
354. Неберекутина Е. В. Поиски автора Степенной книги // От Нестора до Фонвизина. М., 1994.
355. Никанор (Бровкович). О перстосложении для крестного знамения и благословения. СПб., 1890.
356. Никитин А. Л. Сатанинская заутреня. М., 1995.
357. Никитин В. Великий игумен Соловецкого монастыря // ЖМП. 1983. № 5.
358. Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.
359. Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Штамм С. И. Комментарии к «Стоглаву» // РЗ. Т. 2. М., 1985.
360. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.
361. Охотникова В. И. Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
362. Очерки истории СССР конца XV — начала XVII в. М., 1955.

363. Очерки русской культуры XVI в. Ч. 2. М., 1977.
364. Павленко Н. И. К истории Земских соборов XVI в. // Вопросы истории. 1968. № 5.
365. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба в России при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
366. Павлов А. П. К изучению Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // Средневековая Русь. СПб., 1995.
367. Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI в. // История России: народ и власть. СПб., 1997.
368. Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. Одесса, 1871.
369. Павлов А. С. Курс церковного права. Изд. Тр.-Серг. Лавры, 1903.
370. Первушин Н. В. Святой Филипп, митрополит Московский. Священство и царство в средневековой Руси // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 130.
371. Писаревский Н. Значение Стоглавого собора в Русской церкви // Богословский вестник. 1895. № 6.
372. Платон (Левшин). Краткая Российская церковная история. Т. 2. М., 1829.
373. Платонов С. Ф. Боярская Дума — предшественница Сената // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883–1912). СПб., 1912.
374. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории // Платонов С. Ф. Сочинения. Т. 1. СПб., 1993.
375. Платонов С. Ф. Иван Грозный // Платонов С. Ф. Сочинения. Т. 2. СПб., 1994.
376. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995.
377. Плигузов А. И. Вступление Вассиана Патрикеева в полемику о монастырских землях и творческая история «Собрания некоего старца» // Исследования по истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987.
378. Плигузов А. И., Семенченко Г. В. Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III // Труды ГИМ. Вып. 71. М., 1989.
379. Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972.
380. Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 1. Казань, 1897.
381. Покровский М. Н. Очерки истории русской культуры. Ч. 2. М., 1923.
382. Покровский М. Н. Избранные произведения. Т. 1. М., 1966.
383. Покровский Н. Н. Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. Л., 1988.
384. Полосин И. И. Западная Европа и Московия в XVI веке // Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.
385. Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963.
386. Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 4. Ч. 2. СПб., 1898.
387. Поньрко Н. В. Фома // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
388. Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922.

389. Пресняков А. Е. Московское царство // Российские самодержцы. М., 1990.
390. Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957.
391. Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.
392. Пушкарев С. П. Обзор русской истории. М., 1991.
393. Пушкарева Н. Л. Женщина в русской семье (X–XX века) // Русские. М., 1997.
394. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997.
395. Рижский М. Н. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.
396. Рогов А. И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 2. М., 1977.
397. Рогожин Н. М. Иван Михайлович Висковатый // «Око всей великой России». М., 1989.
398. Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897.
399. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 4. Пг., 1923.
400. Розенкамф И. С. Обзорение Кормчей книги в ее историческом виде. М., 1829.
401. Романов Б. А. К вопросу о земельной политике «Избранной рады» // Исторические записки. 1951. № 38.
402. Русское православие: веки истории. М., 1989.
403. Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.
404. Рыбушкин М. Краткая история города Казани. Казань, 1842.
405. Савич А. А. Словецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927.
406. Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
407. Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969.
408. Сергеевич В. И. Вече и князь. Советники князя. СПб., 1900.
409. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1910.
410. Сергий (Соколов). Московский благовещенский священник Сильвестр как государственный деятель // ЧОИДР. 1893. Кн. 1.
411. Середонин С. М. Сочинение Дж. Флетчера как исторический источник. СПб., 1891.
412. Сеницына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.
413. Сеницына Н. В. Нестыжательство и Русская православная церковь XIV–XVI вв. // Религии мира. М., 1983.
414. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
415. Сиренов А. В. Степенная книга как исторический источник (редакции XVI — начала XVII в.): Автореф. канд. дис. СПб., 2001.
416. Смирнов И. И. Иван Грозный. Л., 1944.
417. Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958.

418. Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966.
419. Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969.
420. Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975.
421. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1980.
422. Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М., 1980.
423. Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси в XIV–XVI вв. По-движники Русской церкви. Новосибирск, 1991.
424. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.
425. Скрынников Р. Г. Третий Рим. СПб., 1994.
426. Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.
427. Скрынников Р. Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000.
428. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М., 1990.
429. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979.
430. Словарь современного русского языка. Т. 5. М.; Л., 1956.
431. Слуховский М. И. Русская библиотека XVI–XVII вв. М., 1973.
432. Сметанина С. И. К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины // История СССР. 1978. № 3.
433. Соболевский А. И. Образованность в Московской Руси XV–XVII веков. СПб., 1892.
434. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3, 4. М., 1993, 1994.
435. Сперанский М. Н. История древней русской литературы. М., 1914.
436. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
437. Стефанович Дм. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909.
438. Стогов Д. И. «Новгородское изменное дело» 1570 года // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1998.
439. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
440. Сухотин Л. М. Иван Грозный до начала опричнины. Белград, 1940.
441. Сыроечковский В. Е. Гости — сурожане. М.; Л., 1935.
442. Творогов О. В. Хронограф Русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989.
443. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Буэнос-Айрес, 1968.
444. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
445. Тихомиров М. Н. Князь Юрий Иванович Дмитровский // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1973.
446. Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI века // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973.
447. Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.
448. Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.
449. Тихомиров П. И. Кафедра Новгородских святителей. Новгород, 1895.
450. Толстой Н. В. Рассказы по истории Русской церкви. Изд. Валаамского монастыря, 1991.

451. Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. СПб., 1875.
452. Торке Х.-Й. Так называемые Земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11.
453. Успенский Б. А. Царь и патриарх. М., 1998.
454. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986.
455. Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991.
456. Филарет (Гумилевский). История Русской церкви. Период 3. М., 1888.
457. Филюшкин А. И. Бунт и пожар 1547 года: Сильвестр или Макарий? // Нестор. Вып. 2. Воронеж, 1993.
458. Филюшкин А. И. Состав правящих кругов Русского государства в середине XVI в. и проблема изучения «Избранной рады»: Автореф. канд. дис. Воронеж, 1995.
459. Филюшкин А. И. Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. № 8.
460. Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998.
461. Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
462. Флоря Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.
463. Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве // История СССР. 1977. № 5.
464. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.
465. Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992.
466. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.
467. Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 1. СПб., 1893.
468. Фроянов И. Я. Об одном анонимном послании царю Ивану IV // История и культура. Актуальные проблемы. СПб., 2005.
469. Хельманн М. Иван IV Грозный. Москва на пороге нового времени // Российские самодержцы. Ростов-на-Дону, 1998.
470. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации XI–XVI вв. М., 1986.
471. Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.
472. Хорошкевич А. Л. Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVII веков. Ч. 2. М., 1990.
473. Хорошкевич А. Л. Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный // Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.
474. Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
475. Цветаев Д. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887.

476. Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.
477. Церковь в истории России. М., 1967.
478. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI XVII вв. М., 1978.
479. Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996.
480. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866.
481. Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1990.
482. Шапошник В. В. Митрополит Макарий и Сильвестр: союзники или враги? // Макариевские чтения. Вып. 3. Ч. 1. Можайск, 1995.
483. Шапошник В. В. Митрополит Макарий как политический деятель в исторической литературе // Макариевские чтения. Вып. 3. Ч. 1. Можайск, 1995.
484. Шапошник В. В. Церковь и государство на пути к Стоглавому собору (1547–1550 гг.) // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995.
485. Шапошник В. В. К вопросу о позднем «нестяжательстве» (конец 40-х — начало 50-х гг. XVI в.) // Религия и Церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Киров, 1996.
486. Шапошник В. В. Митрополит Макарий, князья Глинские и Московское восстание 1547 г. // Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 1. Можайск, 1996.
487. Шапошник В. В. Об источниках первых «царских» вопросов (5-я глава «Стоглава») // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.
488. Шапошник В. В. О причинах поставления Новгородского архиепископа Макария митрополитом в 1542 г. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1996.
489. Шапошник В. В. Подготовка Стоглавого собора // Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 1. Можайск, 1996.
490. Шапошник В. В. Стоглавый собор об иконах и иконописцах // Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 1. Можайск, 1996.
491. Шапошник В. В. Деятельность митрополита Макария и церковно-политические события в России 40–50-х гг. XVI в.: Автореф. канд. дис. СПб., 1998.
492. Шапошник В. В. Историография Стоглавого собора (1920–1990-е гг.) // Макариевские чтения. Вып. 6. Можайск, 1998.
493. Шапошник В. В. К вопросу о переписке между митрополитом Макарием и царем Иваном IV во время Казанского похода 1552 г. // Макариевские чтения. Вып. 5. Можайск, 1998.
494. Шапошник В. В. К вопросу о церковных соборах 50-х гг. XVI в. «Дела» Башкина, Артемия и Висковатого // Клио. СПб., 1998. № 2(5).
495. Шапошник В. В. Новгородский архиепископ Феодосий и Стоглавый собор // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1998.
496. Шапошник В. В. Ситуация в руководстве Русского государства перед Стоглавым собором // Макариевские чтения. Вып. 5. Можайск, 1998.
497. Шапошник В. В. Составление «Стоглава» и доведение решений Собора до населения // Проблема человека: гуманитарные аспекты. Ч. 2. СПб., 1998.

498. Шапошник В. В. *Ход Стоглавого собора* // Макариевские чтения. Вып. 6. Можайск, 1998.
499. Шапошник В. В. *К вопросу об «Избранной раде» Ивана Грозного* // Клио. СПб., 1999. № 1 (7).
500. Шапошник В. В. *О взаимоотношениях церковной и светской власти в России середины XVI в. (по «Стоглаву»)* // Империи нового времени: типология и эволюция. СПб., 1999.
501. Шапошник В. В. *Религиозно-психологические основания действий Ивана Грозного* // Историческая психология и ментальность. СПб., 1999.
502. Шапошник В. В. *Митрополит Афанасий и опричнина* // Исследования по русской истории. СПб.; Ижевск, 2001.
503. Шатагин Н. И. *Русское государство в первой половине XVI в.* Свердловск, 1941.
504. Шмидт С. О. *Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и Восточная политика Русского государства в середине XVI в.:* Автореф. канд. дис. М., 1949.
505. Шмидт С. О. *К истории Соборов XVI в.* // Исторические записки. Т. 76. 1965.
506. Шмидт С. О. *Становление Российского самодержавства.* М., 1973.
507. Шмидт С. О. *Митрополит Макарий и государственные преобразования в России в середине XVI в.* // Тысячелетие крещения Руси. М., 1989.
508. Шмидт С. О. А. Ф. Адашев и Ливонская война // Шмидт С. О. *Россия Ивана Грозного.* М., 1999.
509. Шмидт С. О. *Вопросы истории России XVI века в советской исторической литературе 1950-х — начала 1960-х гг.* // Шмидт С. О. *Россия Ивана Грозного.* М., 1999.
510. Шмидт С. О. *К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра)* // Шмидт С. О. *Россия Ивана Грозного.* М., 1999.
511. Шмидт С. О. *Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени* // Шмидт С. О. *Россия Ивана Грозного.* М., 1999.
512. Шмидт С. О. *Правительственная деятельность А. Ф. Адашева* // Шмидт С. О. *Россия Ивана Грозного.* М., 1999.
513. Шпаков А. Я. *Стоглав (к вопросу об официальном происхождении этого памятника)* // Сборник статей по истории права в честь М. Ф. Владимирского-Буданова. Киев, 1904.
514. *Этимологический словарь русского языка* / Под ред. Н. М. Шанского. Т. 2. Вып. 7. М., 1986.
515. Юрганов А. Л. *Старицкий мятеж* // Вопросы истории. 1985. № 2.
516. Юрганов А. Л. *Политическая борьба в 30-е годы XVI века* // История СССР. 1988. № 2.
517. Юрганов А. Л. *О дате написания завещания Ивана Грозного* // Отечественная история. 1993. № 6.
518. Юрганов А. Л. *Категории русской средневековой культуры.* М., 1998.
519. Яницкий Н. *Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам).* Киев, 1915.
520. Янов А. Л. *Тень Грозного царя.* М., 1997.
521. Янов А. Л. *Россия: У истоков трагедии. 1462–1584.* М., 2001.
522. Яхонтов И. *Жития святых северорусских подвижников Поморского края как исторический источник.* Казань, 1881.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты Археографической экспедиции
АЕ — Археографический ежегодник
АИ — Акты исторические
АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства
ГБЛ — Государственная библиотека им. Ленина
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ДДГ — Духовные и договорные грамоты
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖМП — Журнал Московской патриархии
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РЗ — Российское законодательство
РИБ — Русская историческая библиотека
РИЖ — Русский исторический журнал
РИО — Русское историческое общество
РФА — Русский феодальный архив
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей Российских
ЧОЛДП — Чтения Общества любителей духовного просвещения

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Историография. Источники	6
Проблема церковно-государственных отношений в трудах до-революционных исследователей. — Советские историки об отношениях Церкви и государства. — Источники.	
ГЛАВА 2. На пути к Стоглавому собору	26
Государство и Церковь в 30-е годы. — Причины поставления Иоасафа Скрипицына митрополитом. — Новый Московский митрополит Макарий. — Князья Глинские и Макарий: историография и источники. — Политическая деятельность Макария в трудах отечественных историков. — Митрополит Макарий и Сильвестр: союзники или враги? — Вопрос о «нестяжательстве» в исторической литературе. — Историография «Избранной рады». — «Избранная рада», Ближняя дума, Земский собор. — Проблема церковно-монастырского землевладения. — «Ответ» митрополита Макария.	
ГЛАВА 3. Стоглавый собор	113
Стоглавый собор в трудах отечественных историков. — Вопрос об инициаторах его созыва. — Проблема авторства первых «царских» вопросов. — Дополнительные «царские» вопросы. — «Иосифляне» и «нестяжатели» на Стоглавом соборе. — Белое духовенство на Соборе. — Ход Стоглавого собора. — Исследователи о вторых «царских» вопросах. — Решения Стоглава. — Приговор о вотчинах от 11 мая 1551 г. — Составление «Стоглава» и доведение решений Собора до населения. — Митрополит Макарий и Восточная политика Русского государства. — Переписка Ивана Грозного с митрополитом во время Казанского похода 1552 г. — Церковные соборы 1553 и 1554 гг.: «дела» Башкина, Артемия и Висковатого. — Падение «Избранной рады». — Митрополит Макарий в начале 60-х годов.	

ГЛАВА 4. Церковь и государство в период опричнины и двора .....

257

Вопрос о новом митрополите после смерти Макария. — Приговор о белом клобуке. — Избрание Афанасия. — Выступление митрополита против казней. — Митрополит Афанасий и введение опричнины. — Вопрос об отставке Афанасия в исторической литературе. — Царский «домовой обиход» и уход митрополита. — Был ли Герман Полев митрополитом? — Филипп Кольчев до 1566 г. — Причины поставления Филиппа митрополитом. — Выступление святителя против опричнины. — Следствие и суд. — Новгородский разгром: источники и историография. — Ливонская война и судьбы парвского мореплавания. — Торговая деятельность новгородского духовенства. — Осуждение архиепископа Пимена. — Архиепископ Леонид и Собор о четвертом браке Ивана Грозного. — Приговор 1572 г. — Послание в Кирилло-Белозерский монастырь: основная направленность. — События 1575 г.: историография. — Вопрос о Земском соборе перед поставлением Симеона Бекбулатовича. — Леонид Новгородский: причины опалы. — Собор 1580 г. и его решения. — Переговоры с А. Поссевино. — Смерть Грозного.

ГЛАВА 5. Идеологические основы Русского Православного Царства .....

433

Постановка проблемы. — Библейские цари. — Послание патриарха Антония и его идеи. — Похвальное слово инока Фомы. — Послание на Угрю: вопрос об обязанностях правителя. — Повесть о Дракуле: необходимость «грозы». — Иосиф Волоцкий и Филофей Псковский: царь отвечает за все. — Пересветов и его «правда». — Русское Православное Царство. — Воспитание общества: «Домострой». — Семья как модель государственного устройства в Московской Руси. — Религиозные основания действий Ивана Грозного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....

541

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА .....

546

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ .....

566

Научное издание

Вячеслав Валентинович Шапошник

**ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В РОССИИ В 30–80-е ГОДЫ XVI ВЕКА**

Отв. ред. Ю. В. Кривошеев

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор *Т. Н. Пескова*

Редактор *О. Е. Хованова*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Корректор *Н. В. Ермолаева*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторг*

Лицензия ИД №05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 14.04.2006. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,24. Тираж 1000 экз. Заказ № 167

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru   www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

В.В. Шапошник

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ в 30–80-е годы XVI века

В книге, посвященной истории церковно-государственных отношений в России в период правления Ивана Грозного, рассматриваются проблемы, связанные с участием видных церковных деятелей в событиях политической истории и отношениями государства и Церкви в экономической сфере. Много внимания уделено идеологическому влиянию различных представителей духовенства на общество.